ГЛЕН КУК

**Очень своевременно — и вне времени...
Автор «Черного отряда» насыщает жестким реализмом
свои легенды о воображаемых странах.**

Library Journal

ТИРАНИЯ НОЧИ

ОРУДИЯ НОЧИ. КНИГА I

Звезды новой фэнтези

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

В этом мире, напоминающем наше Средневековье, вечно плетутся интриги и не утихают войны. Люди там живут в страхе перед потусторонними силами – Тиранией Ночи. Граальский император враждует с бротским патриархом, а тот мечтает устроить очередной священный поход против праман и других неверных. На западе и востоке враждуют между собой десятки больших и малых государств. А тем временем кольцо льдов все теснее охватывает цивилизованный мир.

Праманскому воину-рабу Элсу Тейджу удается доселе немыслимое – его отряд убивает могущественное создание Ночи, не прибегая при этом к колдовству. Означает ли это скорый конец Тирании? Смогут ли люди взять верх над извечным врагом? Хозяин отправляет Элса в западные владения шпионить за патриархом и его приспешниками, но Тейдж и не подозревает, что теперь на него ополчились Орудия Ночи, то есть сами боги.

- Глен Кук
  - ○
  - ○
  - ○ 1
  - ○ 2
  - ○ 3
  - ○ 4
  - ○ 5
  - ○ 6
  - ○ 7
  - ○ 8
  - ○ 9
  - ○ 10
  - ○ 11
  - ○ 12
  - ○ 13
  - ○ 14
  - ○ 15
  - ○ 16
  - ○ 17
  - ○ 18
  - ○ 19
  - ○ 20
  - ○ 21
  - ○ 22

- ○ 23
- ○ 24
- ○ 25
- ○ 26
- ○ 27
- ○ 28
- ○ 29
- ○ 30
- ○ 31
- ○ 32
- ○ 33
- ○ 34
- ○ 35
- ○ 36
- ○ 37
- ○ 38
- ○ 39
- ○ 40
- ○ 41
- ○ 42
- ○ 43

Глен Кук
Орудия Ночи. Книга 1. Тирания Ночи

© Д. Кальницкая, перевод, 2015
© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2015
Издательство АЗБУКА®

* * *

Посвящается моей жене Кэрол в благодарность за тридцать пять замечательных лет

Эта эпоха шатко скользит по краю темной пропасти, в ужасе вглядывается в пустые глаза хаоса, словно дрожащая, загнанная в угол крыса – в глаза голодной кобры. Боги беспрестанно ворочаются во сне, то и дело просыпаясь, чтобы учинить очередное коварство. Их низкое отродье – бессчетные духи скал, ручьев и деревьев, пространства, времени и чувств – пробуют на прочность древние заржавевшие оковы. Судьба замерла возле приоткрытой задней двери. Это эпоха страха, раздора, могучей ворожбы, великих перемен и еще более великого отчаяния, поразившего смертных. Меж тем землю медленно сковывает ледяной панцирь.

Великие правители неизбежно вступают в борьбу друг с другом. Великие идеи разносятся по обитаемому миру, который становится все меньше и меньше, и неминуемо сеют страх и ненависть среди последователей различных учений.

И, как всегда, расплачиваться и страдать приходится людям, живущим каждодневным трудом.

Хаос пишет эту историю, не заботясь о сюжете и точной хронологии. События в Андорегии, на закате эры стурлангеров, когда ледяные стены еще были далекой диковиной, предшествуют здесь тому, что происходило в Фиральдии, Кальзире, Дринджере, Святых Землях и Коннеке два века спустя.

Случай возле Кладезей Ихрейна на первый взгляд будто бы и не связан с основным повествованием. В тех краях всегда

неспокойно. И у каждого города-государства, где только могут сколотить собственную армию, своя правда.

Правое дело всегда зиждется на вере, личные побуждения – на алчности, властолюбии, тяге к наживе или желании отомстить старому врагу за прошлогодний священный поход. Но грызущиеся меж собою правители и первосвященники зачастую искренне верят в своего бога.

Все так же враждуют Граальский император и патриарх. Все так же патриарх читает проповеди о войне за святую веру. С новой силой разгорается братоубийственная схватка между Сантерином и Аргендом, чьи знатные семейства связаны вассальной присягой с властителями обоих государств. И в воцарившейся неразберихе на поле брани отцу порой приходится скрещивать меч с собственным сыном.

Коварны интриги богов, но и у них все идет не так уж гладко. История эта совсем не похожа на хорошо смазанный механизм – о нет, скорее, на безумную тарантеллу на вселенской городской площади, где пьяные танцоры постоянно забывают шаги и бродят в беспамятстве, шатаясь и налетая на углы.

А люди, живущие каждодневным трудом, подобно муравьям, собирающим соломинки на мостовой, то и дело попадают под ноги непредсказуемым одурманенным плясунам.

1

Скугафьорд, Андорегия

Приглушенно, словно кучка старых сплетниц, ворчали барабаны. Нужны они были лишь для того, чтобы дети не путались под ногами у взрослых и те смогли посмотреть, как старейшины проводят похоронный обряд. Опустилась ночь. Вспыхнули огни факелов. Старый Трюгг швырнул свой факел в кучу хвороста – крайнюю слева в длинном ряду. Пламя взвилось в ночное небо. Дозорные на вершинах по обе стороны Скугафьорда затрубили в рог, и им ответили с башен на берегу.

Сегодня отправлялся в последний морской поход великий человек.

Стоявший у самой кромки воды скальд Брига запел морю свою песню, напоминая о скором отливе.

И море послушно отступило – каждая новая волна откатывалась чуть дальше от босых ног скальда.

Жрец Пулла махнул рукой молодым воинам, застывшим по колено в ледяной воде.

Барабаны застучали чуть тише. Бывшие гребцы с ладьи Эрифа Эрильсона, последние великие стурлангеры, столкнули судно в темную воду.

Развернулось на ветру безыскусное полосатое красно-белое знамя. Люди затаили дыхание. Добрый знак: попутный ветер подхватит корабль и повлечет его прочь из фьорда.

Ночь снова огласили горестные звуки рога. Им вторили барабаны. Воины Эрифа выпустили по кораблю тучу горящих стрел, но неожиданно вокруг судна словно воздвиглась стена тумана.

Рядом с оскалившимся на носу ладьи деревянным медведем вынырнула келпи. Ее длинные зеленые волосы блестели в свете факелов.

В цель попали только две или три стрелы, будто луки натягивали не опытные воины, а жалкие неумехи. И корабль не загорелся, хотя весь был пропитан маслом, а тело Эрифа покоилось на куче дров.

Не к добру все это.

Уже около десятка морских созданий плавало возле ладьи. Может, пламени не дает вспыхнуть их волшба? Без волшбы точно не обошлось, ведь никого из келпи не задело стрелой.

– Стойте! – закричал Пулла. – Вы что – хотите пробудить

проклятие морских владык?

Воины опустили луки.

Корабль медленно уплывал в туман. По Эрифу Эрильсону скорбели многие. Этому искусному военачальнику и дипломату удалось объединить под своими знаменами разобщенные семейные кланы и племена андорежских фьордов, впервые со времен битвы в Нехском проливе.

– Пойте все! – закричал Брига. – «Прига Кеда»! И пусть поет сама душа!

Голос у скальда был испуганный. Скорбящие затянули «Прига Кеда» – ту единственную песню, которая умоляла Орудия Ночи отвернуться от Скугафьорда, даже если им не терпелось поиграть жизнями смертных.

Старейшие боги, боги лесов и небес, боги севера не отвечали на молитвы людей. Они просто существовали. Они царили, и их не трогали человеческие страдания. В отличие от южных богов, они почти ничего не требовали, хотя прекрасно знали, что происходит в мире. Старейшие примечали тех, кто жил в достатке, да и всех остальных тоже, и иногда посылали удачу или неудачу.

Но времена менялись. Менялись даже для Старейших.

Первым среди них был Всеотец, Внимающий – тот, кого еще величали Странником или Серым Странником. И вот Странник узнал об убийстве Эрифа Эрильсона.

Неожиданно качавшиеся на волнах келпи вскрикнули и скрылись в глубине.

Жители Снэфельса и Скугафьорда снова затихли. Теперь уже от испуга и зловещего предчувствия. Приближалось нечто могущественное, нечто ужасное.

Раздался пронзительный визг, и небо распороли два черных росчерка. Две тени, похожие на развевающиеся на ветру полотнища, устремились вниз к ладье и закружились вокруг нее.

– Похитительницы Павших! Похитительницы Павших! – разнесся по толпе испуганный шепот.

Все знали о безумных полубогинях, но видел их лишь старый Трюгг. Они являлись после битвы тысячи кораблей в Нехском проливе возле Могнхагна. Трюггу тогда было всего четырнадцать.

– Но их только двое, – прошептал кто-то. – Где же третья?

– Может, правду рассказывают об Арленсуль?

Одна из безумных дочерей Странника отправилась в изгнание за то, что полюбила смертного.

Стало холодно, будто с севера, с дальних ледяных земель, повеяло морозом. Черные тени опустились на корабль и теперь что-то делили там, будто две огромные птицы. Потом они

улетели.

Огонь с ревом охватил ладью.

Вот он начал угасать, а люди все стояли и смотрели. Судно отнесло далеко от берега, и вокруг снова покачивался на волнах морской народец.

Пулла призвал к себе старейшин Скугафьорда.

– Пришла пора наказать убийц Эрифа.

Эрильсон погиб от предательской руки, а вот чьей именно – точно не знал никто.

По закону сначала нужно было проводить усопшего в мир иной, а уж потом вершить суд или месть – пусть горячие головы поостынут.

– Похитительницы Павших, – ошарашенно повторил Брига. – Они снова пришли. Они здесь.

Трюгг кивнул, вместе с ним кивнули Харл и Кел.

– Но ведь не было никакой битвы, – продолжал Брига. – Его просто подло зарезали.

– Фрисландцы, – влез Пулла.

Все знали: еще одно лето – и Эриф объединил бы таки Андорегию и непременно развязал бы войну с Фрисландией. Ведь тамошние владыки сами пыталась прибрать Андорегию к рукам, даже после Нехской битвы.

Старейшины – несколько стариков и две старухи, Борбьорг и Видгис – изумленно уставились на Пуллу. Сами они придерживались другого мнения.

– Может, я и ошибаюсь, – покачал головой тот. – Но думаю именно так.

– Эриф был великим правителем, – сказал Трюгг (о мертвых ведь не говорят плохо). – Может, потому Странник и захотел прибрать его к рукам. Кто еще мог послать Похитительниц? Никто не видел его воронов? Нет?

– Я брошу кости и спрошу у рун, – пообещал Пулла. – Наверное, Ночь хочет нам что-то сказать. Но сначала решим, что делать с пришлыми.

Закон свершился, похороны закончились, но горячие головы так и не остыли.

Не успел еще факел осветить темницу, а Пулла уже почувствовал: что-то неладно.

– Стойте! – гаркнул он. – Не иначе хульдринами несет.

Слово «хульдрин» означало «сокрытый». Но Пулла, конечно, говорил о волшебных созданиях – отпрысках Орудий Ночи, жителях Сокрытых Пределов. Хульдра, сокрытый народец, были привычной частью жизни фьордов, хоть и редко показывались на

глаза. Говорить о них с пренебрежением не стоило.

Жрец остановился и потряс над головой мешочком с костями, чтобы отпугнуть ночных созданий, а потом двинулся вперед. Преодолев с десяток ступеней, он споткнулся и попросил Бригу посветить.

Тот опустил факел, и все увидели толстую палку, о которую и запнулся жрец. Пулла едва не рухнул прямо в яму, где полагалось сидеть пленникам.

– Пропали, – протянул Брига; это было, в общем-то, всем и так очевидно, но он славился подобными замечаниями.

Чужеземцы с далекого юга, где палящее солнце размягчает людям мозги, явились в Снэфельс и Скугафьорд три недели назад и поначалу казались довольно безобидными. Проповедовали какую-то чепуху, плели разные небылицы, над которыми все смеялись. Ни один взрослый андорежец, достаточно сообразительный, чтобы поймать на себе блоху, не поверил бы в подобные россказни. Телосложение у южан было такое хлипкое, что с ними легко могла бы справиться даже малая девчонка. Вот только к особам женского пола, хоть малым, хоть большим, они и близко не подходили.

А прошлой ночью кто-то вонзил в грудь спящего Эрифа кинжал. Оружие убийца так и не вынул.

Клинок был нездешний, такие на севере не делают. Даже Трюгг таких не видел, а уж он-то в юности побывал во многих далеких землях.

Пришлых сразу же бросили в яму, хотя они и кричали о своей невиновности.

Трюгг им верил, но остальные его веры не разделяли. Южные проповедники подвернулись как нельзя кстати.

– Эти чужаки наверняка могущественные колдуны, – сказал Пулла собравшимся вокруг старейшинам. – Разбросали тут палки, а сами исчезли.

– Им кто-то помог выбраться, – насмешливо фыркнул Трюгг. – Убийца Эрифа. Хульдрин.

Разгорелся горячий спор: кто виноват и достаточно ли сильно поколотили пленных, перед тем как бросить в яму. Ведь если достаточно, то вылезти они оттуда никак не могли, пусть даже и с чьей-либо помощью.

– Довольно воздух сотрясать! – осадила их Херва, древняя карга, рядом с которой даже Трюгг казался мальчишкой. – Какая теперь разница! Они сбежали, их надо вернуть и учинить суд. Найдите Шагота Выродка и его братца.

Старейшины Снэфельса вняли ее словам. Шагот и его брат служили под началом Эрифа. Этих жестоких, бессердечных

воинов побаивались даже их собственные товарищи. А теперь Эриф умер и некому было больше держать их в узде. Так почему бы ради полезного дела не выпроводить их подальше?

Со склона горы донесся крик. В темноте кто-то рассмеялся.

Сокрытый народец всегда был поблизости.

2

Лес Эсфири, Святые Земли

Элс проснулся. Кто-то крадучись подбирался к его палатке. Ша-луг схватился за рукоять кинжала, и тут в отсветах горящего снаружи костра на тканой стенке проступил темный силуэт.

– Элс! Капитан, вы нам нужны! – Полог чуть приоткрылся, и отсветы пламени заплясали уже внутри шатра.

– Костыль?

– Так точно. У нас неприятности.

Все было ясно даже без объяснений – слишком уж ярко горели костры.

– Что за неприятности?

Когда в ночи пылают огни, ничего хорошего не жди.

– Колдовство.

Ну конечно. Здесь, в диких, пустынных Святых Землях, возле Кладезей Ихрейна, в самом колдовском месте на земле, по ночам стоило опасаться вовсе не людей.

Элс быстро оделся и по-кошачьи бесшумно выскользнул из палатки. Это был высокий, стройный, мускулистый человек в самом расцвете сил, с голубыми глазами и копной светлых волос.

– Где?

Ша-луг бросил взгляд на лошадей, но те еще не почуяли опасности.

– Вон там.

Костыль с трудом поспевал за своим капитаном. Он вообще был уже слишком дряхл для походов, ему бы дома сидеть да молодежь учить, вот только никто лучше старика не знал Святые Земли. Двадцать лет сражался он здесь с руннами, пусть те времена и давным-давно миновали.

Быстрым шагом Элс подошел к своему мастеру призраков. Аль-Азер эр-Селим сидел, уставившись куда-то в темноту.

– Что у нас тут? Ничего не вижу.

– Вон там, где темное облако заслонило деревья.

Да, теперь Элс видел.

– Что это?

Глаза постепенно привыкали к темноте. Ша-луг различил неясные силуэты волков, рыскавших на самой границе света и тени.

– Богон, владыка местных духов. В обитаемых землях его сочли бы божеством и запечатали в храмовой статуе, чтобы не

причинял вреда. Но здесь никто не живет. Поэтому такие, как он, обычно рассеиваются по окрестностям.

– Понятно.

Темное облако приняло очертания человека, только вдвое шире и добрых четырнадцати футов высотой.

– Он воплощается, но почему?

– Его заставили. Кто-то или что-то призвало его сюда. Когда богон воплотится полностью, он нападет. И убьет нас. С такой силищей нашему талисману не совладать.

Волчьи тени кружили вокруг лагеря, ожидая, когда рухнет защитный барьер.

– Так я и думал. Слишком уж все гладко прошло. Что же делать?

– Мы можем лишь приготовиться. Пока он не явится целиком, вреда причинить не сумеет. После воплощения богон еще несколько мгновений будет осознавать себя. Тогда-то и надо действовать. Так что готовьтесь.

– Я?

– Вы же капитан.

– Сколько у меня времени?

– Минут пять.

Элс развернулся. В лагере уже никто не спал. У одних на лицах был испуг, у других – покорность. В чужих, объятых войной краях они уже не столь рьяно верили в своего бога. Тут рождались и жили иные боги. И не только боги, но и демоны.

Солдаты не отрываясь смотрели на призрачных волков, которые с каждым мгновением становились все явственнее, все наглее.

– Мокам, Акир, живо тащите фальконет.

– Что вы задумали, капитан?

– Спасти ваши жалкие шкуры я задумал. Нечего толпиться без дела и задавать глупые вопросы. Хегед, Агбан, сундук с деньгами сюда. Костыль, собери ведро мелких камней. Нортс, достань бочонок с огненным порошком. Аз, раздобудь факел, да чтоб не погас. Бегом, шевелитесь. Иначе через пять минут от нас один пшик останется.

Элс старался не обращать внимания на то, как колотится его собственное сердце, и не смотреть на волчьи тени. Уже точь-в-точь как настоящие. Твари огрызались друг на друга и нетерпеливо щелкали зубами. И все же они были вдвое меньше обычных волков, которых истребили в этих краях давным-давно. Людей они не боялись. Орудия Ночи напускали подобных демонов чаще прочих – еще с древнейших времен, когда первый человек, сидя возле костра, настороженно смотрел в глаза Ночи.

Бояться нужно, если соберется целая стая. Любой деревенский колдун-недоучка мог легко отпугнуть одного или не дать своре прорваться в круг света. С одной тварью справился бы, проявив должную смекалку, даже обычный человек. Призраки боялись толченой волчьей травы.

Мокам и Акир торопливо прикатили фальконет. Эта небольшая медная пушка могла умертвить не только врага, но и самих артиллеристов. Стреляли из нее всего лишь раз – прямо в цеху сразу после отливки. Это было новое, секретное оружие, которое следует использовать только в самом крайнем случае.

– Где огненный порошок? – закричал Элс. – Пошевеливайтесь! Костыль, ленивый ты старик! Бегом! Хегед! Агбан! Где вас носит? Живее! Приготовьте порошок, в пушку его, целый заряд и еще половину…

Солдаты, испуганно зыркнули на командира, но приказ выполнили. Подоспел Костыль с ведром камней.

– Как случится в поле ночевать, этой дряни навалом, а как приспичит – поди-ка раздобудь.

– Открывайте сундук. Нужно только серебро. Быстро. Перемешайте с камнями.

– Капитан, но как же…

– Ныть потом будете. Акир, готовь запал. Хегед, Агбан, заряжай. Живее. Живее.

Богон ждать не будет.

Спустя пару мгновений Агбан отскочил от фальконета:

– Готово.

– Вытаскивай прибойник.

– Слушаюсь.

– Прекрасно, – кивнул Элс. – Время еще есть. Аз, дуй сюда. Факел не забудь.

Волшебник не слишком уверенно пробормотал, что он мастер призраков, а не солдат.

– Но только ты знаешь, когда надо поджигать, – оборвал его Элс. – Давай, это твоя работа.

Волчьи тени уже не боялись света и проверяли на прочность барьер вокруг лагеря. Богон вырос до восемнадцати футов. Ужасная согбенная фигура напоминала обезьяну, можно было даже различить глаза.

– Аз!

На трясущихся ногах волшебник поковылял к фальконету.

– Остальные на землю. Спрячьтесь. Или пойдите успокойте лошадей и быков.

Хорошо хоть богон воплотился в стороне от вьючной и верховой скотины. Вот только случайность ли это?

Воплощение завершилось.

Аль-Азер эр-Селим поднес факел к жерлу пушки.

С громовым раскатом фальконет выплюнул облако огня и дыма. «Да, – подумал Элс, – не зря зарядили с запасом». Порошок отсырел и горел медленно. После выстрела все окутало дымом, и никто не мог понять, достиг ли он цели.

Есть! Изрешеченный картечью богон распростерся на земле, а из пробитых в нем дыр тонкими струйками вытекала чернота. Рядом с поверженным чудищем валялись останки волка. Выстрел начисто снес кусты, ободрал кору с деревьев. В изувеченной рощице кое-где горел огонь, но пламя быстро угасало. В лагере воцарилась тишина, такая глубокая, словно вокруг была пустота, из которой бог и сотворил небо и землю.

Кто-то из солдат приглушенно выругался.

– Костыль, Мокам, Акир, как там фальконет? Трещин нет? Угли выгребли? Пушка готова к следующему выстрелу, если он вдруг поднимется?

– Капитан, нас этот богон больше не потревожит, – сказал мастер призраков. – Да и вообще никого.

– Тогда, Аз, забудем о нем. Подумаем лучше о том, кто его наслал, – он-то еще жив.

– Да, так и есть. Он непременно узнает о своем провале. Слухи о поверженном богоне разлетятся в мгновение ока. Хотя никто и не поймет, как это случилось. А нам стоит помалкивать. Все решат, что его сразило могучее колдовство. Нужно поскорее убираться отсюда, пока не набежали любопытные. Нас здесь быть не должно.

– Но мы не можем сняться прямо сейчас. У нас же груз. А еще нужно собрать разлетевшееся серебро.

– Это не наши земли, капитан, что бы там ни говорили Гордимер и каиф. Рунны, аргендцы и каифат Каср-аль-Зеда тоже претендуют на них. И сил у них побольше нашего. Всего в трех часах пути – несколько вражеских крепостей. А мастера призраков у неверных с запада тоже имеются. Скоро сюда устремится каждый, у кого есть лошадь. Богон повержен, это не шутка. На такое нельзя закрыть глаза.

– Ты прав, Аз. Прав во всем. А по Святым Землям ходят слухи о шайке чужеземцев.

Можно укрыться от человеческих глаз, но лишь самым могучим колдунам под силу избежать пристального взгляда Орудий Ночи. Элсу не скрыть свой отряд. Его главным оружием были скорость и скрытность, а не колдовство.

Пока они не привлекали внимания – сумели добыть то, за чем явились, и как раз направлялись домой.

– Здесь могут рыскать племена диких кочевников, – добавил Аз.

– Могут. Но они совсем из ума выжили, если считают нас легкой добычей.

Элсу достаточно было просто развернуть знамя ша-луг. Кочевники всегда выказывали воинам-рабам уважение. Гордимер Лев не потерпел бы иного, ведь он и сам был когда-то воином-рабом, великим воином, подчинившим могущественное древнее королевство Дринджер и преподавшим этим самым кочевникам кровавый урок.

Но Элс не хотел разворачивать знамя. Лучше действовать тайно, иначе появится слишком много вопросов, на которые непременно возьмется отвечать кто-нибудь из врагов. И тогда кто знает, к чему все это приведет?

– Чего нам ждать ночью? – спросил у волшебника Элс. – Еще одного чудовища?

– Вряд ли.

– Тогда остаемся. Нужно передохнуть. Костыль, двинемся на рассвете. Приготовься. Аз, ты проверил груз?

– Нет, но его уже проверяют. Фалак!

Конечно проверяют. У Элса в отряде лучшие из лучших, отборные ша-луг. Им не нужно объяснять, что делать.

Как только утренний свет разгорелся достаточно, чтобы припугнуть Ночь, Элс разослал разведчиков, выставил часовых на опушке и отправил солдат на поиски серебряных монет, поразивших богона. Много им, конечно, не собрать – времени не хватит. Аз прав: скоро в лес Эсфири устремятся воины из принадлежащих аргендским захватчикам городов, да и не только они. Все, кого волнует судьба Кладезей Ихрейна, ринутся сюда, когда мастера призраков подтвердят, что опасность миновала.

– Эта земля, – заметил Элс, – вероятно, уже до заката оросится кровью.

– Может, стоит обратиться к богу? – предложил кто-то. – Попросить, чтобы кровь оказалась не наша?

Элс внимательно оглядел место, где рухнул богон. Там темнел круг диаметром футов пятнадцать, выжженная земля в нем обратилась в черную пыль, а в середине зияла воронка в фут глубиной. На дне ее лежало нечто вроде небольшого яйца из прозрачного обсидиана. Предмет излучал тепло, и время от времени от него поднимались струйки пара. Больше похоже на почку, подумал Элс. Внутри «почки» виднелись серебряные

монеты, одна вплавилась прямо в поверхность, так что уж и не различить было чеканку.

– Аз, богон же не сможет воплотиться прямо из этой штуки? – спросил Элс. – Проклюнуться из яйца, словно феникс?

– Нет. Богон очень силен. Король среди духов, хоть и весьма примитивен. Получается, его легко убить в воплощенном состоянии. Надо только заранее подготовиться и иметь под рукой фальконет и серебро. Ну и конечно, ма`стера призраков, который не испугается.

Бесстрашный мастер призраков поднял яйцо с помощью двух толстых палок и завернул его в тряпицу, осторожно, не касаясь голыми руками.

– Понятно. Это не может не радовать.

На самом деле слова волшебника Элса не особенно успокоили. Колдуны, волшебство, Тирания Ночи – все это выходило за пределы его понимания. Даже если маги действовали на его стороне, ша-луг не верил в их искренность или добрые намерения. Эту неутешительную правду подтверждал весь его жизненный опыт.

– Капитан! – позвал один из тех солдат, что отправились на поиски серебра; глаза у него были вытаращены от удивления.

– Что там у вас?

– Мертвец. Притом свежий.

К обгорелой коже пристали обрывки чужеземной одежды. Украшения и оружие тоже чужеземные. Кавалеристская сабля. Вокруг трупа валялись какие-то инструменты, по всей видимости колдовские.

– Где-то здесь, – сказал аль-Азер, – должны быть его лошади. По ним многое можно узнать.

– Это то, о чем я думаю?

– Скорее всего. Далеко забрался от дома.

– Разыщите лошадей. Думаешь, шпионил за нами и его зацепило картечью?

– Похоже на то. Видимо, он не знал, что такое фальконет.

– Интересно. Это он вызвал богона?

– Нет, слишком уж молод. Но наверняка служил тому, кто это сделал. С другой стороны, может быть, он шпионил за нами из-за мумий.

– Чересчур много неопределенностей, Аз. Как, хотел бы я знать, его занесло так далеко от Люсидии? Костыль! Мы готовы трогаться?

– Ждем только вашего приказа, капитан.

– Когда найдем лошадей, – сказал аль-Азер, – узнаем больше.

– Ты уверен, что лошадь была не одна?

– Если это тот, о ком мы думаем, лошадей было не меньше трех.

Донесся приглушенный сигнал тревоги. Рог трубил где-то недалеко. Элс и аль-Азер поспешили обратно в лагерь.

Юный Хагид (не следует путать его с канониром Хегедом) нес дозор на северо-восточной окраине леса Эсфири. Этот юноша был примечателен своим происхождением – ша-луг во втором поколении, сын приближенного к Гордимеру вельможи. В отряде Элса молодой солдат должен был возмужать и научиться уму-разуму, а его знатный батюшка надеялся, что сын вернется из похода живым и невредимым. Но Элс хорошо знал Гордимера и понимал, что успех предприятия для него гораздо важнее, чем жизнь одного, пусть и знатного, мальчишки.

Хагид вскинул руку. Вдали, в лучах восходящего солнца клубилось рыжее облако пыли. Ее взбил рассеявшийся по равнине отряд всадников. Солнце еще не поднялось высоко, и облако отлично просматривалась, днем его труднее было бы заметить.

– Посмотрите-ка туда, – сказал Аз.

Над пустыней поднималось еще одно облако, желтоватое и более явственное. Хотя логичнее было бы ожидать гостей не с востока, а с северо-востока. Элс зарычал от злости.

– Костыль! Куда же он подевался? Аз, как думаешь, кто эти всадники?

На востоке лежала необитаемая пустыня, основные маленькие княжества теснились ближе к морю, на западе и севере.

– Капитан, пора уходить, – сказал волшебник. – Ручаюсь, один из этих отрядов и заслал к нам шпиона. А во втором наверняка те, кто вызвал богона. И возможно, здесь не обошлось без каифа Каср-аль-Зеда.

Наконец подоспел Костыль.

– Мы нашли лошадей убитого. Трех. Вот все, что на них было.

Элс внимательно осмотрел уздечки, одеяла, седло, заглянул в седельные сумки. В них было немного вяленого мяса да несколько предметов, которые, по словам Аза, вполне могли принадлежать волшебнику. К седлу был приторочен закрытый колчан со стрелами и великолепный изогнутый лук из полированного рога, спрятанный в чехле.

– У люсидийцев такого добра не водится. Аз, проверь-ка, взгляни своим особым зрением.

– Капитан…

– Знаю. Не надо подробностей. Делай что должен, но будь осторожен. Он шпионил за нами, пока здесь хозяйничал твой

король духов. Хагид, передай Агбану, чтобы снимался немедленно. Пусть едет на запад, к прибрежной дороге.

Да моря отсюда меньше тридцати миль.

Лес их прикроет – среди деревьев поднятая пыль не так заметна. А преследователям придется еще разбираться друг с другом.

Они вряд ли окажутся друзьями.

– Работа лошадников, – сказал Элс, разглядывая лук. – Наверное, послали разведчиков, чтобы разузнать, что разнюхивают люсидийцы.

– Капитан, их еще никому не удавалось одолеть, – сказал Костыль. – Последние лет двадцать уж точно.

– Просто они еще не сталкивались с ша-луг.

Увлекательная получилась бы схватка. Степные варвары-лошадники, разводившие скот, славились жестокостью, бесстрашием и дисциплиной. Говорили, что их несметная тьма, но это, конечно, вряд ли. Просто они искусно использовали то, что имели. А были они в первую очередь кочевниками.

Ша-луг не знали ничего кроме войны. На разных невольничьих рынках, но чаще всего в Каср-аль-Зеда, они скупали мальчишек, которые потом вырастали с оружием в руках. Сильнейшие становились ша-луг – рабами и владыками огромного богатого царства Дринджер в самом сердце каифата Аль-Минфета.

Каифом Аль-Минфета был Карим Касим аль-Бакр, и им крутил, как хотел, Гордимер Лев, верховный командующий Дринджера, военачальник ша-луг, тот, перед кем враги в страхе накладывают в штаны, и прочая, и прочая.

В отличие от многих других ша-луг, Элс относился к Гордимеру без особого трепета и не слишком верил в его благородство. Гордимер постоянно посылал воина в смертельно опасные походы, каждый раз требуя почти невозможного. Будто надеялся, что из очередного такого похода Элс не вернется.

Через несколько минут отряд уже направлялся к побережью, где их могли заметить и подобрать дружественные корабли.

А Элс, Костыль и аль-Азер задержались в лесу.

– А вы знаете, – спросил Костыль, – что перед нами Равнина Судного Дня?

Элс буркнул в ответ что-то неразборчивое. Знать-то он знал, но не особо задумывался об этом. В Святых Землях каждая скала, каждый высохший ручеек, каждая рощица и, конечно же, каждый колодец обязательно оказывались чьей-нибудь святыней. Все здесь тонкими нитями вплеталось в огромный древний ковер истории. Элса эта самая история не слишком занимала, но он

понимал: Костыль и Аз все равно не уймутся, пока не расскажут.

– Битвы гремели здесь, – начал Костыль, – еще когда люди не умели вести летописи. Одиннадцать великих сражений произошло между Кладезем Горестей – тем, что к югу отсюда, и Кладезем Искупления – тем, что на севере.

– Это правда, – кивнул Аз. – В Писании сказано, что именно здесь господь и ворог сойдутся в последней битве. Некоторые древние и современные мудрецы утверждают, что история здесь началась и здесь же закончится.

Элс был набожен ровно настолько, насколько этого требовали обстоятельства. Ему, конечно, и в голову не пришло, что перед ним та самая Равнина Судного Дня из Писания.

Всадники, явившиеся с севера, приблизились к лесу, и теперь уже можно было разглядеть их получше. Облака с востока они еще не видели. Затаившиеся на опушке воины чувствовали, как отдается в земле топот копыт, но пока не слышали его.

– Нам пора, – сказал Аз. – Это явно дружки того типа, что погиб прошлой ночью.

Обычно Элс всегда прислушивался к словам своего мастера призраков – так гораздо безопаснее иметь дело с Орудиями Ночи. Трое ша-луг скрылись в лесу и не застали встречи степняков и всадников из северного каифата. Люсидийцев возглавлял знаменитый Индала аль-Суль Халаладин.

Но ничего особенно грандиозного не случилось. Ни одному из противников не удалось вынудить другого совершить глупость. В полдень подтянулись вантрадские аргендцы. Два предыдущих отряда разъехались с наступлением сумерек.

Ведь в ночной темноте свободно действовали Орудия Ночи.

Ша-луг разбили лагерь поближе к морю. Они так долго странствовали по бездорожью, что повозки уже никуда не годились. Элс сомневался, что отряду удастся добраться до Дринджера.

– Что нам делать, если корабль не придет? – забеспокоился Костыль.

Гордимер клялся, что военные корабли будут патрулировать северные берега до самых вантрадских дорог до тех пор, пока не подберут Элса и его людей.

– Если корабль не придет, – ответил Элс, – я привяжу мумию тебе на спину. Как бабы привязывают детей, чтоб не мешали работать.

Костыль, как и Элс, не отличался особой набожностью. Впрочем, как и многие другие ша-луг. Слишком много воины повидали на своем веку – божье милосердие вызывало у них некоторые сомнения. И все же Костыль взмахнул рукой, оберегая

себя от сглаза, а потом еще раз – моля о божьем заступничестве.

Мертвецов старый солдат не любил. Особенно таких, которые умерли давно. Мумии отряд Элса добыл в древних могилах Андесквелуза – про́клятые останки магов и владык царства демонов. Вопреки здравому смыслу Костыль их ненавидел и боялся. Дни царства демонов давно миновали и стали историей, подробности которой знали и помнили лишь ученые мужи, но отголоски ужасной правды все еще звучали в мифах и сказках.

Но Костыль был хорошим солдатом.

Любой ша-луг всегда хороший солдат.

Той ночью их никто не потревожил, но Элсу плохо спалось: ему все чудилось, что создания Ночи замыслили очередную пакость.

По словам аль-Азера, волшебные отголоски, разнесшиеся по округе после гибели богона, еще не утихли. В такое неспокойное время колдуны могли пойти на что угодно, только бы вызнать, что замышляют соседи.

Элсу не хватило бы воображения, чтобы представить все последствия выстрела фальконета. Из всего отряда один только аль-Азер эр-Селим понял, что этот злополучный выстрел навсегда изменил ход истории.

Но волшебник ничего не сказал. Не многим смертным, даже искушенным в магических искусствах, дано осознать такое. Один выстрел, сделанный по наитию, положил конец древней власти Тирании Ночи. Теперь у людей есть оружие, способное поразить самих богов. Ведь по сути своей даже самые великие боги – это всего-навсего богоны, просто посильнее и поумнее прочих.

Из Кладезей Ихрейна в мир изливалась магическая энергия, именно ею питались создания Ночи. Святые Земли буквально кишели ими и были чрезвычайно важны и для них, и вообще для всех, кто почитал их как святыню.

В мире были и другие источники силы, но ни один не мог тягаться с Кладезями Ихрейна, с их могуществом и полнотой. К тому же другие источники постепенно иссякали. А значит, Орудиям Ночи и волшебникам становилось все труднее, а льды смыкались, охватывая в кольцо обитаемые земли.

Об этом наиглавнейшем свойстве Кладезей люди узнали лишь недавно – именно их колдовская энергия сдерживала натиск льда.

Течения в них менялись, но никто не знал как и почему. Как не знали мудрецы и о том, как и почему льды то смыкаются, то снова отступают.

И в Писании, и в мирских летописях упоминались львы,

обезьяны и волки, обитавшие вокруг Родного моря. Но то было в древности. Львов истребили еще в классические времена. Немногочисленные обезьяны уцелели лишь далеко на западе. Волки обитали в северных лесах и в горах за Каср-аль-Зеда, но вокруг Родного моря их почти не осталось.

А теперь человек изобрел оружие, способное истребить Орудия Ночи.

Обыкновенный человек, такой как Элс, не обладающий магическим даром, не оттачивавший, подобно волшебникам, десятилетиями своего искусства, мог убить владыку Ночи с той же легкостью, с какой убивал себе подобных.

Эта мысль ужаснула Аза. Злополучный выстрел мог обратить на себя внимание самих богов.

Именно богов, ведь даже Аз вынужден был признать, что помимо единственного бога, бога истинного, кроме которого нет в мире иных богов, все же существуют и другие. И эти другие не оказывают снисхождения смертным, которые умудрились их оскорбить, и непременно постараются устранить угрозу.

Элс сам не знал, что именно сотворил. Его отряд оказался в опасности, и он сделал то, что должен был, – воспользовался тем, что имелось под рукой.

В ту ночь аль-Азеру эр-Селиму спалось гораздо хуже, чем его капитану.

На следующее утро к берегу подошел небольшой боевой корабль под знаменем Аль-Минфета. У них было послание для Элса от Гордимера на тот случай, если корабль все-таки найдет отряд. Капитан собрал своих людей.

– Лев приказывает мне немедленно явиться, прихватив мумии со всеми их причиндалами. У него для меня поручение. Опять. Костыль, тебе придется вести отряд домой. Корабль возьмет лишь десятерых. Среди прочих Хагида. Костыль, решай, кто еще поплывет с нами. Вдоль берега ходят и другие наши корабли. Я отправлю их вам на подмогу.

Старик тут же назвал имена девяти солдат – раненых и больных.

Элс одобрительно кивнул. Они стали бы для отряда обузой.

– До морской крепости Шидон отсюда меньше ста миль. Бросьте повозки. Без них выберетесь быстрее.

Элс говорил уверенно, но его терзали сомнения. До укрепленной гавани оставалось на самом деле не менее ста двадцати миль. А может, и больше. Враги каифата вряд ли сумеют догнать ша-луг, но их волшебники с наступлением ночи могут послать весть союзникам, чтобы те перехватили отряд.

У аль-Азера был весьма мрачный вид. Он хорошо понимал: его-то точно не возьмут, потому что мастер призраков жизненно необходим для защиты отряда.

Элс заставил командира корабля зайти в порт Шидона и там, воспользовавшись своим положением, вынудил городского воеводу выслать флотилию на север, навстречу Костылю.

Больше он ничего не мог сделать для своих людей.

3

Сен-Жюлез-анде-Нье, Коннек

Совершив полуденные молитвы, брат Свечка наконец добрался до Сен-Жюлез-анде-Нье. Был третий день месяца мантанса третьего года правления патриарха Безупречного V в Броте. Все жители деревни, дети и взрослые, наверное, готовились к долгим изнурительным работам – пришла пора засеивать поля.

Так и оказалось, хотя готовились они без особого усердия. До деревеньки уже успел долететь слух о том, что в их края направляется совершенный, и крестьянам не терпелось хоть одним глазком взглянуть на знаменитого святого. Мало кто разделял его веру, но люди ждали вестей и хотели обсудить их с монахом.

В Коннеке даже бедные селяне активно участвовали в философских прениях. Многие пока не понимали, чем же именно вера совершенных отличается от официального епископального учения, но готовы были спорить и обсуждать.

Мейсальская ересь существовала уже несколько десятков лет, но только недавно у нее стали появляться многочисленные последователи, многими из которых двигала не любовь к философии, а скорее горячая любовь к родной стране. Распространением своим ересь была обязана неустанным бесчинствам, которые вершили патриархи, незаконно воцарившиеся в Броте.

Ровно сто пятьдесят шесть лет назад патриархом был избран коннектенец Орнис Седелетский. Но спустя несколько часов после избрания он позорно бежал из священного города, преследуемый разгневанной толпой, которую науськивали прихвостни пяти бротских кланов. Эти кланы полагали, что престол патриарха по праву принадлежит им, а не какому-то чужаку.

Патриарх Орнис, нареченный Достойным VI, обосновался во дворце королей в Вискесменте. Его власть была законной с точки зрения церкви, но не имела под собой никакой реальной силы. Даже его соотечественники не принимали Орниса всерьез. За Достойным последовал целый ряд таких же малодушных патриархов, многие из которых весьма быстро отправлялись на тот свет. Тем временем патриархов-узурпаторов из Брота мало-

помалу признали почти все епископы, архиепископы и принципаты. Ведь пять кланов раздавали весьма щедрые взятки, а антипатриарха из Вискесмента кое-как поддерживал лишь Граальский император.

Спустя какое-то время вискесментских патриархов стали называть фальшивыми патриархами.

Нынешним фальшивым патриархом был Гай анде Скарс, называвшийся Непорочным II. Он осыпал проклятиями церковь, утвердившись в своем родовом гнезде неподалеку от Вискесмента. Свита его едва насчитывала сотню человек. Бóльшую часть составляли опытные браунскнехты из личной гвардии императора Йоханнеса. Именно их присутствию обязан был патриарх тем, что его хотя бы немного принимали в расчет.

Последние пятьдесят лет в Броте сменяли друг друга на престоле сильные патриархи. Уговорами и деньгами они постепенно завоевывали признание церкви, и не только церкви, но и мирских владык, которых так презирала коллегия.

Мейсальская же ересь не признавала ничего мирского и отрекалась от власти, собственности и утех плоти.

Когда-то давно брата Свечку звали Шард анде Клэрс, и был он состоятельным купцом из Каурена. Когда дети его подросли, женились или вышли замуж и зажили собственной жизнью, он бросил торговлю и посвятил себя поискам совершенного просветления, став нищенствующим монахом. Жена его, Маргита, удалилась в мейсальский монастырь во Флемонте. Со временем она тоже сделалась совершенной. Во Флемонте сестру Неподкупность знали гораздо лучше, чем ее бывшего мужа.

Жители Сен-Жюлез-анде-Нье горячо приветствовали странника. Его появление сулило хоть какое-то разнообразие. Свечке обрадовались даже преданные Броту церковники, ведь нищенствующие монахи приносили вести из самых отдаленных краев. Мир переполняли страхи и тревоги, и, если верить последним слухам, в иных землях не утихали войны.

Разве можно такое вообразить: какой-то фанатик, называющий себя Индала аль-Суль Халаладин, покорил почти все Святые Земли, или же Кладези Ихрейна. Он служил каифу Каср-аль-Зеда – типу вроде западного патриарха, но обладавшему куда большей мирской властью. Этот каиф возглавлял Аль-Зун – определенное ответвление Аль-Прамы или, как ее называли прамане, истинной веры. Для Аль-Прамы духовная и мирская власть представляли собой одно целое. Правитель отвечал и за житейское, и за духовное благополучие своего народа.

Хотя мало кто из праманских владык принимал эти обязанности всерьез.

Каиф Каср-аль-Зеда вознамерился изгнать из Святых Земель всех западных чужаков. Около десяти лет назад его военные успехи вынудили ныне покойного патриарха-узурпатора Милосердного III провозгласить новый священный поход. Сторонники патриарха должны были отвоевать Святые Земли и укрепить маленькие чалдарянские королевства и города, возникшие в результате прошлых священных походов.

Все это брат Свечка растолковал жителям Сен-Жюлез-анде-Нье в первый же вечер. Эти новости здесь слышали и раньше, хотя доходили они до Коннека в искаженном виде. За пределами городов вести вообще распространялись медленно, но все-таки распространялись. Те, кто поддерживал патриарха в Вискесменте, во всех подробностях знали о непотребствах, чинимых патриархом-узурпатором Милосердным III и его преемником Безупречным V. Когда-то Милосердный отправил в Антье епископа Серифса, чтобы тот отвратил жителей восточного Коннека от Непорочного II. Теперь епископа поддерживал новый патриарх, Безупречный V, и Серифса дружно ненавидели и мейсаляне, и те, кто так или иначе относил себя к епископальной церкви, и дэвы, и дейншокины, и те немногие прамане, которые еще оставались в Коннеке, – словом, люди всех возможных сословий и взглядов. Сам епископ, по всей видимости, считал, что его обязанность перед паствой состоит лишь в том, чтобы обирать до нитки всех непокорных. Отобранные деньги неизбежно переходили в казну самого епископа.

Кроме брата Свечки, по Коннеку странствовали и многие другие совершенные, они лишь наблюдали, но не порицали открыто патриарха или церковь.

В тот вечер Свечка не сказал жителям деревни, что вслед за ним в Сен-Жюлез-анде-Нье скоро придут и другие нищенствующие монахи.

Он рассказал о страшных войнах, которые годами велись в Дирекции во имя веры, о завоеваниях Питера Навайского, мужа Изабет, младшей сестры герцога Тормонда из Каурена, владыки Коннека.

Монах предрекал, что вскоре с новой силой вспыхнет вражда между Сантерином и Аргендом, подогреваемая династическими и феодальными распрями. К тому же в Сантерине зрело недовольство из-за сокрушительного поражения, которое они потерпели прошлым летом в Трамейне в сражении при Тамзе.

Но селян мало волновали свары между Сантерином и Аргендом. Разве только они радовались, что эти свары отвлекали Аргенд и не оставляли ему возможности вторгнуться в Коннек. Гораздо больше всех интересовали события на востоке.

Именно оттуда им грозила беда.

– Расскажите нам, что поделывает Ганзель, – попросил Пере Алейн.

Свирепый Ганзель, или Йоханнес Черные Сапоги, был Граальским императором Йоханнесом III, великим полководцем Новой Бротской Империи, десницей божией, помазанником на царство. А еще злейшим врагом и вечным кошмаром патриарха-узурпатора. Малютка Ганс неустанно обличал развращенных церковников, а такими были почти все, и винил в упадке церкви патриарха, который защищал своих священников, какими бы гнусными и явными ни были их прегрешения. Император ненавидел Безупречного V и глубоко презирал его соратников.

Эти двое почти постоянно находились в состоянии войны, но война эта велась эпизодически, потому что империи не хватало средств на продолжительную военную кампанию.

Безупречный V восседал на престоле вот уже второй год и все это время рассылал буллу за буллой, неустанно отлучая Йоханнеса Черные Сапоги и его военачальников от церкви. Эти попытки зачастую приводили в отчаяние тех вельмож, которые опасались, что господь на стороне Безупречного V, а не Непорочного II.

Однако Ганзель без устали напоминал всем, что нынешний патриарх занимает бротский престол незаконно, а значит, является вором и все его буллы не имеют никакой силы. По словам императора, предавать анафеме и отлучать от церкви мог только патриарх из Вискесмента.

К несчастью, даже патриотичные жители Коннека считали Непорочного II жалким ничтожеством, ни на что не способным без поддержки Йоханнеса.

– Надолго ли вы задержитесь у нас, господин? – спросил Пере Алейн.

– Не называй меня господином, зови меня просто брат. Мейсаляне почитают всех людей равными. Среди нас нет таких, кто стоял бы выше или ниже другого.

А вот среди церковников таких было предостаточно. Кто стоит выше, а кто ниже – этот вопрос вызывал у них гораздо больше разногласий, чем вопросы веры. Иерархия играла огромную роль в делах церкви. Священники яростно боролись за самые незначительные знаки отличия, что жестоко оскорбляло многих мирян, почитавших традиционные ценности.

– Вы останетесь и будете проповедовать?

– Разумеется. В этом и состоит моя работа. Я учу, наблюдаю, проявляю милосердие. А еще я устал от странствий. – И брат Свечка улыбнулся своей обезоруживающей улыбкой.

Он так и не сказал им, что скоро в деревне соберутся и другие совершенные.

Его разместили в часовне. В Сен-Жюлез-анде-Нье не было своего священника. В те благодатные времена мало кто стремился принять сан и маленькие селения зачастую оставались без святого отца.

Каждую неделю крестьяне пешком отправлялись на службу в соседний Сан-Олдрейн, а раз в месяц старый отец Эпон с трудом взбирался на холм в Сен-Жюлез-анде-Нье, чтобы свершить обряд крещения, венчания или похорон. Если вдруг в нем возникала неотложная нужда, в Сан-Олдрейн спешно посылали мальчишку, и Эпон со всей доступной ему прытью приезжал на осле.

Если, конечно, речь шла о прилежных прихожанах.

Таковыми можно было назвать около четверти жителей Сен-Жюлез-анде-Нье, все они поддерживали патриарха из Вискесмента. Треть исповедовала мейсальскую ересь, а остальным было попросту все равно. Немногочисленные представители семейства Ашар не отреклись от древних верований и почитали Тиранию Ночи.

Днем брат Свечка обучал крестьян основам счета и чтения (эти мейсальские замашки особенно выводили церковников из себя). После ужина совершенный беседовал с теми, кто проявлял к его учению интерес, и помогал им по-новому взглянуть на творца, его творение и то, какое место в их несовершенном мире занимает мыслящее существо.

Один юноша, который успел побывать в Антье и считался в деревне настоящим искателем приключений, сказал Свечке:

– Говорят, кладези силы иссякают, а в тех землях, где царит вечная зима, снега с каждым годом все больше.

– Не знаю. Возможно. Мейсалян больше занимает тот снег, который копится у нас внутри.

Эти взгляды лишь отчасти отражали традиционные церковные воззрения. Совершенные не считали мир творением доброго и любящего создателя, нет – его в жестокой схватке вырвал из лона пустоты ворог и теперь использовал как оружие в борьбе с небесами. Души, заточенные в смертных, не ведали света и подчинялись Тирании Ночи. Некоторым суждено было вечно крутиться в колесе жизни, ибо не всем дано достичь совершенства и воссоединиться с единственным богом.

Уже полторы тысячи лет назад люди подчинили себе земли Коннека, но здесь все еще в изобилии встречались разные мелкие духи – обитатели полей, лесов и ручьев. Их подпитывали усилия Ашаров и им подобных, и они вершили бесчинства, когда только осмеливались. Мейсаляне считали, что все Орудия Ночи, большие

и малые, являются неоспоримым доказательством основного принципа их веры.

Мейсальская ересь не отличалась ни фанатичностью, ни нетерпимостью. Обычные епископальные церковники опасались не столько ее абсурдных религиозных постулатов, сколько социальных воззрений. Во все времена священники жили лучше иных князей, тогда как мейсаляне проповедовали служение и бедность. И не только проповедовали, но и жили в соответствии со своими принципами. По их мнению, собственность должна была быть общей, как учили еще основатели церкви, а обряды, и в частности брачный, не имели такого уж большого значения. Хотя совершенные и отрекались от радостей плоти. Ведь поддавшись искушению, перестаешь быть совершенным.

Понятное дело, среди совершенных было довольно мало молодых.

– Получается, господин, из-за вас наш мир постепенно становится только хуже, – задумчиво сказал старый плотник Жуи Сакс.

– Объясни, пожалуйста, что ты имеешь в виду, – попросил озадаченный Свечка.

– Ну, простая арифметика. Если совершенными становятся только лучшие, а совершенные покидают этот мир, значит в нем со временем все темнее.

– Может быть, именно поэтому, – кивнул сын плотника Жиан, – вечные льды подбираются все ближе, а зимы становятся все длиннее. Может, Кладези здесь и ни при чем.

Брат Свечка был хорошим проповедником. В его устах доводы в пользу мейсальской ереси казались очевидными и несомненными. Он обратил в свою веру бессчетное количество слушателей. Даже в благополучные времена этот мир нельзя было назвать приятным местом, поэтому людей легко было убедить, что жизнь – это не дар света, но игрушка тьмы.

– Мы творим добро и тем вдохновляем других на добрые дела. Душа новорожденного не отягощена грехами прошлой жизни. После рождения мы все одинаково открыты свету, ребенок – это еще не написанная книга.

Но на вопрос монах так и не ответил. Здесь начиналась опасная территория, ведь существовало несколько взглядов на теорию tabula rasa.

– Жизнь начинается с чистого листа, – продолжал он. – Каждый день мы вписываем новую строку и тем самым создаем свой характер. А значит, хорошие люди будут появляться всегда.

Эту идею было довольно трудно принять. Ведь здравый смысл подсказывал: есть души черные настолько, что им никогда не

сделаться лучше, пусть они хоть миллион раз прокрутятся на колесе жизни. Даже церковники охотно привели монаху в пример Безупречного и епископа Серифса. Последний достиг немыслимых высот развращенности.

– Смотрите! – воскликнул какой-то парнишка. – Вон еще один совершенный.

Слушатели, сидевшие в маленькой часовне, внимательно посмотрели на Свечку. Настала пора рассказать им, зачем он пришел в их деревушку.

– Все совершенные, кто только сможет, явятся сюда. Отдаленными и тайными путями.

Селяне не особенно обрадовались этому известию.

– Мы не будем просить у вас милостыню, а заплатим за еду и поможем засеять поля.

– А сколько всего на свете совершенных? – спросил кто-то.

– Сорок пять, – ответил Свечка, хотя на самом деле не имел ни малейшего представления. – Но придут не все. Многие остались в дальних краях.

Там, где служители церкви действовали жестоко и поддавались соблазнам, мейсальская ересь процветала. Священники обвиняли совершенных бог знает в каких грехах и утверждали, что те продались злу и служат ворогу, но им никто не верил. Церковь никак не могла отрицать тот факт, что многие совершенные, до того как облачиться в белые одежды, были довольно богатыми людьми.

Поэтому преданные Броту священники и епископы распускали лживые слухи о том, что мейсаляне якобы тайно поклоняются ворогу и предаются распутству. Легковерные горожане и чужеземцы охотно верили любым гнусным выдумкам о тех, кто хоть немного отличался от них самих. К тому же в этих обвинениях было и зерно правды. Мейсаляне не почитали ворога, но и не верили, что господь изгнал его с небес. Еще они не верили, что один человек имеет права на другого, даже если речь идет о браке.

– Сюда прибудут около двадцати совершенных, – сказал Свечка.

Старики спросили, почему совершенные собираются вместе. Такого не случалось вот уже пятьдесят лет.

– Узурпатор Безупречный собирается послать в Коннек своих священников, чтобы те искоренили нашу веру. А среди них и воинов из Братства Войны, некоторым он вручит особые грамоты, дарующие невиданные полномочия. Епископу Серифсу будет дозволено прибегнуть к любым средствам, чтобы уничтожить нас.

Старики злобно сплюнули, молодые пожелали епископу

гореть в аду, а женщины вознесли молитву всевышнему, чтобы епископа настигли позор и несчастье.

– Ему все сойдет с рук, он может творить что угодно, лишь бы покончить с ищущими свет.

Одним из важнейших принципов мейсальской ереси была убежденность в том, что ее последователи являются истинными чалдарянами. Довольно смелое утверждение, но нынешняя церковь только на словах походила на мирное учение отцов-основателей, которые ратовали за единство и равенство.

Епископальная церковь существовала за счет своего огромного размера, инертности и кровного интереса тех, кто был с нею связан. Она преодолела многие испытания и справлялась с трудностями и посерьезнее мейсальской ереси. Сто лет назад проповедовали борджианцы, а они гораздо яростней порицали церковь и презирали мирскую власть. Борджианцы хотели полностью избавить мир от священников и дворян. Ни много ни мало. И согласны были лишь на деревенских святых отцов, да и то чтобы те служили не постоянно.

Наивное учение. Борджианцы хотели, чтобы безразличный к миру господь не допустил очередного неравенства, и верили, что это ленивое божество оградит их пасторальные владения от захватчиков и злодеев.

Роковая ошибка их состояла в том, что борджианцы считали всех людей в глубине души добрыми и милосердными и верили, что те не станут причинять вред врагу, если тот отказывается защищаться.

Из них не уцелел ни один.

Совершенные проповедовали ненасилие, но не были слепцами. Достаточно ведь просто оглянуться по сторонам, и сразу же увидишь вокруг злодеев, готовых сожрать тебя живьем, а потом продать твои кости.

Мейсаляне тесно соприкасались с миром и отличали идеальное от реального.

Второй появившийся в деревне совершенный был родом из Гролсача и говорил с сильным акцентом. Еще двое пришли перед самым закатом. Брат Колокольчик раньше жил в Арсгенте, а брат Умелец – в Кейне, в Аргони. Теперь он странствовал по Коннеку, чтобы обрести самое себя. Его речь почти никто не мог разобрать.

В тот вечер жители Сен-Жюлез-анде-Нье отправились спать в твердый уверенности, что скоро в их маленькой скромной деревушке будут приняты судьбоносные решения.

Собор совершенных официально начался в середине второй недели месяца мантанса. В Сен-Жюлез-анде-Нье собралось

двадцать четыре совершенных. Такая толпа была деревенским в тягость, и они наперебой ворчали, хотя охотно набивали карманы невиданными деньгами и вовсю пользовались бесплатной рабочей силой.

Мейсаляне попирали учение церкви, почитая совершенных женщин равными совершенным мужчинам.

В самом начале чалдаряне тоже исповедовали равенство, но об этом забыли, еще когда пророки и основатели не успели покинуть этот мир.

Те жители Сен-Жюлез-анде-Нье, кто не исповедовал мейсальскую ересь, были разочарованы: в деревне не случилось ни одной оргии, а совершенные не устроили ни одной черной мессы и не поклонялись Орудиям Ночи.

Именно из-за этого бротской церкви было так трудно в Коннеке: здесь почти у каждого кто-то из друзей, соседей или родных числился еретиком. Поэтому все имели возможность узнать правду. Мейсаляне действительно искали свет, наблюдали и проявляли милосердие, из-за них прихожане (а с ними и деньги) отвращались от епископальной церкви.

Безупречный и епископ были совершенно правы.

Церковники теряли Коннек.

Если так пойдет и дальше, ересь распространится. Однажды сам Граальский император, возможно, начнет ее исповедовать, просто чтобы насолить Броту.

Лишь очень немногие совершенные понимали, насколько опасна мейсальская ересь. В том числе и поэтому они назначили собор в деревеньке Сен-Жюлез-анде-Нье.

У ищущих свет были хорошие друзья в Антье, в окружении епископа. Да и в самом Броте. У Безупречного вообще хватало врагов, которые охотно вступали в союз с совершенными.

Собор должен был решить, что делать с грядущей угрозой.

4

Андорегия, старейшины Скугафьорда

Да, эти старые перечники в последний раз были в стурлангерском походе, еще когда Всеотец пешком под стол ходил. У них кишка тонка распускать сплетни о Шаготе Выродке и его младшем брате Свавaре. Такого братья не позволяли даже собственной матери. Мерзкие прозвища они терпеть не собирались.

На самом деле Шагота звали Гримуром, а Свавара – Асгриммуром. Всю свою жизнь они задирали любого, кто встречался у них на пути. Нигде не было им места, только среди воинов Эрифа. Старики решили отправить их на поиски беглецов. Ведь после смерти Эрильсона братьям больше не представится возможности грабить, убивать, насиловать и воевать за объединение разрозненных андорежских кланов. И никакого больше почета и уважения, никакой борьбы за новое невиданное королевство.

Шагот и Свавар не отличались особым умом и потому не поняли, что соотечественники просто-напросто хотят от них избавиться.

Пулла, Брига, Трюгг, Херва и Видгис решили, что чужеземные проповедники не убивали Эрифа. Эти глупцы искренне верили в ту чушь, которую несли. А их собственные верования не дозволяли поднять руку на человека, даже если он того заслуживал.

Шагот и Свавар с дружками страшно обрадовались, что смогут прикончить слабаков-южан. Братья взяли себе на подмогу бывших товарищей по ладье – Холлгрима, Финнбогу и близнецов Сигурдура и Сигурьона Торкалссонов.

Видгис, двоюродная бабка близнецов, побеседовала с ними напоследок.

Еще до рассвета мстители начали долгое восхождение на перевал Хеклы, пересекли все продолжающий расти ледник Лангьёкуль и в конце концов вышли на дорогу, ведущую прочь от моря. Именно по ней, видимо, и отправились беглецы.

Старики хотели избавиться от смутьянов. Теперь в Скугафьорде хотя бы ненадолго воцарится мир.

Мало кого из старейшин действительно волновало, кто убил Эрифа Эрильсона. Гораздо больше их занимал вопрос о том,

почему на похороны явились Похитительницы Павших. Но на него ответить не мог никто.

Разгорелся ожесточенный спор, и мнения разделились, ведь все по-разному относились к объединению Андорегии. Многие хотели, чтобы даже маленькие острова и фьорды оставались независимыми. Вопрос религии отошел на второй план.

Свобода или единство – вот что занимало жителей Андорегии в ту эпоху. Все, от мала до велика, имели на этот счет собственное мнение, зачастую подкрепленное дремучим невежеством. Те, кто жаждал свободы, называли Эрифа орудием Глюднира из Фрисландии (он, кстати, тоже величал себя королем Андорегии). Довольно нелепо, ведь Глюднир и Эриф были заклятыми врагами, а, объединившись, андорежцы легко отвадили бы фрисландцев. Но здравый смысл редко уместен в спорах о политике. Особенно если замешаны подступающие к северным пределам льды. Сторонники Эрифа как раз утверждали, что только объединенная Андорегия устоит перед близящимися снегами.

Противники же Эрифа заявляли, что надвигающиеся льды – сплошная выдумка.

В конце концов старики порядком набрались эля. Женщины, посовещавшись, решили, что Эрифа убила Кьярваль Фирстар Эйольфсдоттир. Эриф жил с ней против ее воли с тех самых пор, как вернулся из похода в южные земли – Сантерин, Скат и Воул. Именно в том походе ее отцу Эйольфу в глаз угодила стрела. А перед смертью он якобы умолял Эрифа взять себе в наложницы его единственную дочь.

Загадочным образом тому не сыскалось ни единого свидетеля, и даже преданные сторонники Эрифа не верили в эту историю.

Трюгг предположил, что убийцу подослал некий чужеземный король (чье имя называть не следует), обитающий в Могнхагне в Фрисландии.

Эль лился рекой, и споры разгорались все жарче. Но потом спорщики начали засыпать, эль закончился, и все потеряли к делу интерес.

Никто так и не понял, почему же за Эрифом прилетели бесстыдные Похитительницы Павших, но страх уже успел пустить корни. Похитительницы явились прямиком из мифов и легенд, а жители Скугафьорда привыкли, что мифы – это всего лишь мифы.

Последним уснул скальд Брига. Он долго смотрел на угасающее пламя и думал о том, что сам превратился во второстепенного персонажа какой-то саги, совершенно не похожего на настоящего Бригу.

Видывал он и такое на своем веку. Скальд уже порядочно гостил на этом свете и лично знал многих, о ком теперь слагали саги. Некоторые легенды помогал создавать он лично – тут чуть преувеличить, тут умолчать. Ведь истинной правды не существует. Правда – это то, что согласилось считать правдой большинство. Истинная же правда не щадит никого и никому не приносит пользы, ей дела нет до всеобщего блага. Истинная правда – весьма опасный зверь, даже в самые спокойные времена его не следует выпускать из клетки.

Спросите об этом любого священника или владыку.

Правда – главный предатель.

Вот так, едва не открыв для себя самую главную и последнюю правду, Брига уснул мертвецки пьяным сном.

5

Антье, Коннек

Секретарь Серифса торопливо привел Бронта Донето в покои епископа. Патриарший посланец увидел, как сидевший у ног Серифса белокурый длинноволосый мальчик вскочил и кинулся прочь. Ему, по всей видимости, не исполнилось еще и двенадцати. Сутана на коленях у епископа странным образом топорщилась. Значит, слухи не врут, и всемогущий не обделил священника мужской статью.

Если епископ и смутился, то виду не подал. Он смерил секретаря гневным взглядом, не решившись все же открыто выражать раздражение перед Донето. Лично посланца Серифс не знал, как не знал и о его положении в Броте. Но отправил его сам Безупречный, а это уже кое о чем говорило.

Оба священнослужителя сделали вид, что ничего особенного не случилось. Донето не выказал Серифсу должного почтения. Значит, он, по всей видимости, состоит в коллегии и занимает более высокое положение.

Но Серифс усмотрел в этом еще и признаки недовольства: наверное, Безупречного не радуют его успехи в борьбе с мейсальской ересью. И посланец не преминул подтвердить опасения епископа.

– Наш с вами пастырь – человек весьма прямолинейный и велел мне говорить без обиняков, – начал Бронт на церковном бротском, коннекским наречием он не владел. – Безупречный отправил вас сюда искоренять ересь. Но мы уже давно не получали добрых вестей, вместо них – постоянные жалобы: из Антье, Каурена, Кастрересона, да почти отовсюду. Вы якобы пользуетесь саном и положением ради собственной выгоды.

Епископ взгрустнул. Ох уж эти упрямые коннектенцы… А Безупречный V чересчур уверился в собственной силе и неуязвимости.

– Пусть его святейшество, – осторожно ответил он на церковном бротском, – сам попробует договориться с этими людьми. Они презирают меня, все – начиная с графа Реймона и заканчивая ничтожнейшим из лавочников. Коннектенцы не обращают ни малейшего внимания на извещения, что мы вывешиваем в церквях. Святые отцы причащают еретиков, если те того пожелают, и хоронят их в освященной земле. Приходские священники, особенно в деревне, отказываются обличать ересь.

Многие подучивают прихожан не обращать внимания на бротского патриарха, ведь истинный патриарх, по их мнению, – это Непорочный Второй. С ним нужно наконец что-то предпринять, иначе мы ничего тут не добьемся. Бесполезно рассылать буллы и предавать его анафеме.

– Его святейшество наделил вас особыми полномочиями, можно конфисковать собственность еретиков. Патриарх рассчитывал, что вы проявите должное рвение, отстаивая интересы церкви. Однако вы лишь неустанно шлете жалобы и просите денег.

– Власть герцога Тормонда превышает мою. А он утверждает, что церковь не имеет права ничего конфисковать. Его пособник граф Реймон велел выпороть моих людей за то лишь, что они выполняли свой долг. Подозреваю, он и сам симпатизирует еретикам.

Епископ надеялся отвлечь внимание Донето и опасался, что тот начнет задавать вопросы и интересоваться, куда подевались конфискованные богатства.

Но посланник ни о чем таком спрашивать не стал.

– Вы объяснили герцогу, что, противясь воле патриарха, он рискует своей бессмертной душой?

– Разумеется. Герцог ответил, что он лишь защищает Коннек от посягательств фиральдийских воров. Вполне вероятно, Тормонд тоже сомневается в законности прав его святейшества.

– Интересно, не проникли ли прямо сюда опасные веяния? – протянул Донето с угрозой в голосе.

На лице у посланника застыло брезгливое выражение: он не одобрял образа жизни Серифса. Ему не было дела до неурядиц епископа и упрямства жителей Коннека, волю церкви следует выполнять – и точка.

Результаты – вот чего требовал Безупречный.

– Мне пришла в голову одна мысль, – сказал Серифс, восхищаясь собственным хитроумием, – езжайте в Антье и посмотрите сами, как обстоят дела. Переоденьтесь купцом, пройдитесь по злачным местам и послушайте, что говорят о Броте у нас за спиной. Потом мы с вами все обсудим и подумаем, как действовать дальше.

Епископ едва сдерживал торжествующую улыбку, а посланник – раздражение. Но, к удивлению Серифса, Донето согласился.

– Возможно, ваши слова не лишены смысла. Я вернусь сюда завтра. Тогда вам уже не помогут пустые отговорки.

– Конечно же.

Серифс глядел в спину удаляющегося посланника. Не успела

за ним закрыться дверь, как епископ щелкнул пальцами.

Слева от кресла выступил из тени красавчик Арманд, облизывая на ходу губы. Никто не произнес ни слова. Серифс молча опустился в кресло, а Арманд встал на четвереньки и нырнул под епископскую сутану. Через мгновение его мягкие губы и искусные пальцы принялись за работу. Епископ закрыл глаза и предался размышлениям о том, почему Безупречный так стремится подчинить себе Коннек?

Наверное, дело в деньгах. Чтобы противостоять Граальскому императору, патриарху требуются средства, а еще ведь нужны священные походы, чтобы отвоевать Кладези Ихрейна и освободить Кальзир. Да, все дело именно в деньгах.

Коннек – самый богатый чалдарянский край. Последний раз война терзала его целых два столетия назад. Тогда предок герцога Тормонда, Вольсард, отбил Терлиагу у Меридиана – королевства в праманской Дирецции, принадлежавшего западному каифату. С тех пор неустанно продолжалась Чалдарянская Реконкиста. Епископальные церковники вернули себе треть Дирецции. Скоро вся она снова окажется в их власти, ведь в Реконкисте заинтересованы весьма могущественные монархи вроде короля Питера Навайского. Потом настанет черед и южного берега Родного моря.

«А этого, – лениво подумал Серифс, – как раз и добивается Безупречный».

Епископ погладил Арманда по голове, направляя его старания.

6

Аль-Кварн, Дринджер, каифат Аль-Минфета

Тем, кто подходил к Аль-Кварну с севера, могло показаться, что город стоит посреди пустыни. Темно-коричневая стена вырастала прямо из мертвой темно-коричневый же земли. А виной всему бредовые страхи Гордимера. Под стеной вечно кишели мухи – по утрам сюда сбрасывали мусор и нечистоты, а на целую милю от нее никому нельзя было селиться, и даже кочевники не разбивали тут своих шатров.

Год назад астролог предсказал, что Гордимера одолеет враг, явившийся с севера. Теперь Лев опасался армии захватчиков.

Трудно было придраться к словам астролога. Вражеские силы действительно могли подойти лишь с севера, ведь на западе все города на добрые шесть сотен миль в округе с радостью присягнули на верность каифу Аль-Минфета. Иногда на Дринджер нападали племена кочевников-горцев или пустынников, но они не представляли серьезной угрозы ни для каифата, ни для Гордимера.

Маленькие царства к югу от Дринджера тоже признали власть каифа. Жили там в основном чалдаряне, которые отказывались подчиняться бротскому патриарху и считали его напыщенным выскочкой. На таком расстоянии от Брота они, к счастью, могли себе это позволить.

Элс, похожий на нищего бродягу, подошел к северным воротам. Андесквелузские мумии он отправил еще раньше, договорившись с капитаном баржи, на которой отплыл на юг с острова Рейн (Гордимеровы боевые корабли не имели права подниматься выше по реке).

Ширн перегораживали две деревянные плотины – чуть выше и чуть ниже Аль-Кварна, поэтому грузы, отправляющиеся на север, приходилось несколько раз перетаскивать с корабля на корабль.

По мертвой пустоши кружили песчаные смерчи. Элс насторожился: некоторые злобные духи вполне могут являться и днем. Не приказал ли Лев из страха эр-Рашалю аль-Дулкварнену наслать на него какую-нибудь нечисть?

Ша-луг знал, что Гордимер его боится, но не понимал почему. Может, из-за каких-нибудь бредовых предсказаний очередного оракула?

Гордимер просто жить не мог без этих своих авгуров.

Но ни образ жизни Элса, ни его служба не вызывали никаких нареканий. С самых первых дней обучения в школе неутомимых отроков он всегда безукоризненно выполнял приказы.

Конечно, и он допускал ошибки. Никто не совершенен, разве что господь, истинный и единственный (в глубине души Элс подозревал, что многие языческие боги тоже существуют, но не так могущественны, как бог всех богов).

Северная стена Аль-Кварна словно ножом рассекала Гордимерову пустошь. Сверху крутились ветряные мельницы, накачивавшие в город воду. Такого не встретишь больше нигде в мире.

На вершине стены был устроен акведук, и через него вода из Ширна попадала в резервуары в верхней части города. По настоянию Гордимера их всегда поддерживали в чистоте.

Глядя на Гордимерову пустошь, Элс задавался вопросом: не превратится ли по вине этого человека в такую же пустыню весь Дринджер?

Прямо сейчас в ста семидесяти милях к югу от Аль-Кварна по его приказу вырубали последний в стране лес, чтобы спешно достроить огромную боевую флотилию. Гордимер опасался амбициозного бротского патриарха, руннского императора и торговых республик – Датеона, Апариона и Сонсу. Добраться до Дринджера их армии могли только морем.

Наконец Элс вошел в город. За стеной ничто уже не напоминало о Гордимеровой пустоши – в Аль-Кварне кипела жизнь. Поговаривали, что здесь обитает целый миллион народу. Несомненное преувеличение, но Элсу нравилось так думать.

Аль-Кварн был его домом, домом всех ша-луг. Именно здесь появлялись защитники каифата и, по их собственному мнению, всей Обители Мира и Аль-Прамы, пристанища истинно верующих.

По длинной широкой лестнице Элс поднимался во Дворец Королей. Название это давно не соответствовало действительности, потому что королей не было в Дринджере вот уже несколько веков. К тому же господь не одобрял королей в принципе. Во всей Обители Мира не было ни единого короля – лишь правящие вместо них военачальники.

Элс воспитывался в одной из семи школ неутомимых отроков, где малолетние рабы превращались в опытных ша-луг. Раньше, еще до Гордимера, таких школ было больше, но Лев позакрывал многие, а оставшиеся заставил следить друг за другом, извращая таким образом их первоначальное назначение – стремление к совершенству.

До Дворца Элс добраться не успел – по городу пронесся полуденный призыв к молитве. Воин опустился на колени, совершая обычный ритуал уничижения. Так поступали все в Аль-Кварне, даже приехавшие по делам язычники. Повсюду шныряли доносчики, а нарушение закона каралось быстро и беспощадно.

Гордимер Лев ни во что не ставил каифа, главу всей религиозной махины, и обращался с ним как с заложником, зато, несмотря на свое собственное происхождение, фанатично чтил Писание.

Сохранилась запись о покупке Гордимера. Работорговцы утверждали, что мальчик родом кледиец, с побережья Промпта, но его имя, цвет кожи и телосложение говорили совсем иное: родом Гордимер был явно из Аргенда. Сам он заявлял, что произошел от Предвестников. Элс посчитал это определенной проверкой на преданность: тот, кто принимал очевидную ложь и не пытался ее оспорить, вполне годился для Гордимерова царства.

Правителю постоянно доносили обо всех подряд. Наушником мог оказаться любой, достаточно было лишь вызвать чье-нибудь недовольство.

Все, кто имел дело с Гордимером, так или иначе становились доносчиками. Его боялись все и уважали многие, ведь прамане почитали сильных владык. Только сильный владыка мог усмирить непокорных псов войны и бунта.

Дринджер процветал. Вот уже тысячу лет из него в другие страны отправляли зерно и хлопок, а обратно ввозили золото, серебро и предметы роскоши. Соседние государства не могли похвастаться таким же богатством, но большинство дорожило миром, который обеспечивал каифат. На войне наживались немногие.

Элс поднялся с каменных ступеней, истертых бесчисленными прикосновениями миллионов сандалий, и вошел в прохладную тень под огромными квадратными колоннами. Мастеровые все еще переделывали украшавшие дворец надписи, оставшиеся с далеких и сказочных догордимеровых времен.

Потомкам предстояло узнать обо всех подробностях жизни Гордимера Льва (разумеется, кроме тех, которые он сам держал в секрете). Если только очередной властолюбивый и сильный владыка не перепишет историю заново. Тогда имя Гордимера уцелеет лишь в летописях, которые ведут его враги.

– Капитан Элс Тейдж?

Элс остановился. Глаза после яркого солнца не успели привыкнуть к полумраку Дворца.

– Да.

– Следуйте за мной.

На посланце было простое облачение из белого полотна, похожее на то, что носили древние жрецы, – длинная просторная рубаха и юбка до колен. В такой облачались придворные маги и предсказатели. Этот юнец – по всей видимости, новичок, – вероятно, еще не успел поступить в послушники. Наверняка он из Дринджера, из жреческого рода, восходившего к языческим временам. Ходили слухи, что некоторые из них втайне отправляют древние обряды.

Элс должен был явиться с докладом прямо к Гордимеру сразу же после прибытия, но не подчиниться он не мог. Эр-Рашаль аль-Дулкварнен, которого кое-кто звал Рашалем Шельмецом, был не менее опасен, чем сам Гордимер Лев. А может быть, и более. Власть ему давали Орудия Ночи.

Если у Гордимера вообще имелись друзья в этом мире, то единственным настоящим таким другом можно было смело назвать эр-Рашаля.

Придворный волшебник ждал его в покоях, расположенных неподалеку от личной приемной самого Гордимера. Если бы Элсу предложили узнать мага среди сотни незнакомцев, он бы безошибочно выделил его из толпы. Эр-Рашаль был как две капли воды похож на злого волшебника из старых сказок: высокий, крупный, очень смуглый мужчина с властными чертами лица, крючковатым носом, толстыми губами, бритой головой и холодными черными глазами. Ему было пятьдесят, но выглядел он на тридцать.

Эр-Рашаль намеренно избрал именно этот образ, ведь все вокруг, начиная с дворян и заканчивая простолюдинами, с детства воспитывались на старых сказках. Колдун хотел, чтобы его боялись.

– Господин Рашаль, – обратился к нему Элс, – Лев велел мне явиться с докладом сразу же по прибытии.

– Он знает, что ты уже здесь, – прогремел в ответ волшебник. – Тебе ведь знакомы его привычки: аудиенции пришлось бы ждать не меньше часа. Я сказал охране, что ты у меня.

Элсу все это очень не понравилось. Снова интриги. А интриги в Аль-Кварне ему совсем не по душе.

Каждый раз, возвращаясь из похода, ша-луг чувствовал себя не в своей тарелке. В Аль-Кварне вовсю шла закулисная борьба, а он, простой солдат, решительно не годился для всего этого и плевать хотел, кто и кому насолил в столице. Заботила капитана Тейджа в первую очередь безопасность его людей.

Именно поэтому подчиненные относились к нему с уважением. Диктаторы редко пользуются любовью и доверием солдат. Когда-то давно и самого Гордимера любили и уважали, к власти он пришел, свергнув постаревшего и более ни на что не годного предшественника.

Элс кивнул волшебнику.

– Ты отлично потрудился и доставил мумии, – продолжал Рашаль. – Я сомневался в благополучном исходе дела. А вот Гордимер нет. Теперь я должен ему двадцать серебряных драхм. Это отнюдь не значит, что я не молился об успешном окончании твоего похода.

Элс снова кивнул:

– Хорошо, что вы не слишком расстроились из-за проигранных денег. Второе чудесное спасение, боюсь, мне уже не по силам.

– Как раз об этом я и хотел тебя расспросить. То, что я услышал, меня несколько озадачило.

– А рассказывать-то особенно нечего, – пожал плечами Тейдж. – На нас хотело напасть существо, которое Аз назвал богоном. Я сделал единственное, что пришло в голову. Сработало.

– Все равно расскажи. Твой мастер призраков мог что-нибудь упустить.

Элс пересказал историю во всех подробностях. Он знал, что его будут расспрашивать, и не один раз, а потому запомнил множество деталей. Гордимер наверняка захочет узнать, какие колдовские силы угрожали ша-луг. Особенно на севере от Аль-Кварна.

– Почему ты решил зарядить фальконет монетами?

– Не знаю. Наверное, где-то слышал, что создания Ночи недолюбливают серебро. Тогда мне казалось, что ничего не выйдет.

– Но перед своими людьми ты не выказал ни тени сомнения.

Значит, эр-Рашаль уже допросил Хагида.

– Хороший военачальник не должен выказывать сомнений и волноваться. Он должен что-то делать, даже если решение принято неверно. Когда я велел им зарядить фальконет камнями и монетами, мне казалось, что ничего не выйдет. Но зато моим людям было чем занять руки, это их успокоило.

– Тебе повезло. Для некоторых созданий Ночи серебро – смертельный яд. Но далеко не для всех. Тут гораздо эффективнее железо. Случится еще раз отправиться в подобный поход, возьми на такой случай мешочек с железными шариками.

– Интересно, может, железо содержалось в тех камнях,

которыми мы зарядили пушку?

– А что с фальконетом?

– Вышло даже лучше, чем я ожидал. Вам наконец удалось подобрать правильный сплав, или процесс охлаждения прошел удачно. Не знаю. Мы потом не нашли в пушке ни единой трещины, хотя огненного порошка положили больше обычного.

По лицу волшебника было видно, что он доволен собой. Еще бы – ему удалось создать передвижную пушку, пригодную для битвы. Первому в мире.

– Хорошие новости. Сделаю еще несколько. Жаль, что нельзя отливать железные дула.

– Если вдуматься, железо гораздо лучше меди.

– Совершенно верно. Тирания Ночи почти ничего не может противопоставить железу. Мы пытаемся, несмотря на все трудности. Действуем методом проб и ошибок.

– И огненный порошок нужно улучшить. Он быстро намокает, а намокнув, теряет свои свойства и ужасно дымит. Или вообще отказывается гореть.

Элс мысленно похвалил себя: ему удалось отвлечь внимание самого хитрого и самого опасного человека в каифате. Достаточно было лишь завести речь об одной из любимых игрушек эр-Рашаля, а потом поддакивать в нужных местах.

Так они и говорили о пушках и огненном порошке, пока за Элсом не прислал Гордимер.

Элс не боялся Гордимера как человека, но опасался верховного военачальника ша-луг. Лев знал об этом, и ему это не нравилось. Гордимеру хотелось, чтобы перед ним трепетали все без исключения.

Но ему уже почти стукнуло пятьдесят, и Элс, закаленный в боях воин в расцвете лет, не мог испытывать перед ним страха.

Вместе с Рашалем они вошли в приемную, и Тейдж выказал повелителю все положенные знаки внимания. Именно так. Гордимер заслуживал уважения.

Когда-то Гордимер Лев был крепок и силен, но вознесся чересчур высоко и больше не поддерживал себя в той превосходной форме, благодаря которой прославился в юности. Элс заметил намечающееся брюшко, чуть набрякшие веки. Лев все больше потакает своим слабостям. Когда они входили в приемную, оттуда поспешно выскочила закутанная в кисею женщина. Скорее всего, Гордимер устроил это нарочно, чтобы напомнить подданным о своем положении.

– Кончай с любезностями, – прервал он торжественное, по всем правилам этикета, приветствие Элса. – Рашаль, он по твоей

милости несет всю эту чушь? Капитан Тейдж, здесь никто за тобой не следит, я не каиф и желаю говорить с тобой как солдат с солдатом.

На голове у Гордимера все еще красовалась густая светлая грива, из-за которой он и получил свое прозвище. Но львиной была не только грива, но и свирепость, с которой он обрушивался на врагов – как собственных, так и божьих.

– Все шло слишком гладко, – начал свою безыскусную повесть Элс. – Рано или поздно должна была приключиться какая-нибудь пакость вроде того богона.

– Рашаль, раз уж ты явился сюда, объясни-ка мне все.

– Так называют ночных созданий необыкновенной мощи, в наши дни такое редко увидишь. Богона можно сравнить с графом, или бароном, или даже с каифом. Только убить его сложнее.

Губы Рашаля чуть изогнулись в усмешке. Каиф Аль-Минфета вот уже много лет пытался через свое доверенное лицо (то есть Гордимера) избавиться от назойливых соперников из Каср-аль-Зеда и Аль-Халамбры. В результате Индала аль-Суль Халаладин отправил в Аль-Кварн послание, где сообщалось, что ему совершенно не хочется, чтобы что-нибудь приключилась с его каифом.

Гордимер принял это к сведению. Он уважал Индалу аль-Суля Халаладина за блестящую победу в Святых Землях.

Два военачальника никогда не встречались, но помогали друг другу в войне против иноземцев. Хотя им мало чего удавалось добиться. Как только северный каифат обращал все свое внимание на Святые Земли, на его границах тут же начинались беспорядки. Рунны немедленно вторгались в северные провинции Люсидии, надеясь отвоевать утраченные земли. На востоке активизировалась Гаргарлицейская Империя, чей нынешний император вел довольно агрессивную политику. Хотя у него хватало своих трудностей с Хин-тай Ат.

Воины Хин-тай Ат подступали к Люсидии с северо-востока, словно гнев господень, и сметали всех, кто вставал у них на пути.

Некоторые священники из Люсидии полагали, что противиться Хин-тай Ат – то же самое, что противиться воле господа, и утверждали, что их военачальник Тистимед Золотой – это тот самый бич божий, о ком сказано в Писании, языческая кара, ниспосланная Обители Мира в наказание за грехи и проступки правоверных.

Но ведь были еще и муллы-фундаменталисты, истово верившие, что нельзя жить в городах или вообще в домах. Человеку якобы следует обитать в самых непотребных условиях, иначе он поддастся искушению ворога.

Гордимер и его каиф все же надеялись застать конец каифа Каср-аль-Зеда и рассчитывали, что его защитнику вскоре станет не до мести.

Фундаменталисты причиняли в Дринджере гораздо меньше беспокойства, чем в Люсидии, и Лев следил, чтобы это беспокойство вовремя пресекалось.

Гордимер внимательно слушал, пока его придворный волшебник говорил о походе Элса в Идиам и Андесквелуз, о возвращении шести мумий.

Эр-Рашаль хвалил Элса за сообразительность и решительность. Похвалы из его уст редко кто удостаивался.

– Хорошо, – прервал его военачальник. – Ему нет равных. Никто другой не справился бы. Но именно поэтому я его и послал. Ему незачем выслушивать восторженные отзывы толстозадых чинуш. Капитан хочет узнать, зачем я вызвал его, и приступить к подготовке.

– Я надеялся немного побыть с семьей, – сказал Элс.

Гордимер скривился. У него самого семьи не было. Семья – это слабость, которая связывает по рукам и ногам; семья ша-луг – другие ша-луг. Взять хотя бы Элса – родные отвлекают его. Зато из них получаются отличные заложники.

– Не стоит вот так сразу, без передышки, снова бросаться в огонь после такого серьезного испытания, какое прошел капитан, – заметил Рашаль.

– Да, это будет долгий поход, – махнул рукой Гордимер. – Хорошо. Небольшая задержка ничего не изменит.

Лев прислушивался к советам Рашаля, хотя они не всегда ему нравились. Тейдж решил, что родных лучше отослать подальше от Аль-Кварна. Чтобы с ними не приключилось какой-нибудь ужасной беды. Такое уже бывало с другими.

Гордимер Лев был гениальным военачальником, но мелочным, мстительным и весьма эгоистичным правителем. Он никогда не мог припомнить, за что же именно сверг своего предшественника.

Не следует беспрестанно настраивать людей против себя. Это не приводит ни к чему хорошему.

– Я сгораю от любопытства. – Элс решил напомнить о цели этой аудиенции.

– Ты отправишься в Фиральдию, во владения Брота. Необходимо выяснить, что замышляет Безупречный. От наших шпионов последнее время мало толку.

– Говорят, – подхватил волшебник, – патриарх призывает к новому священному походу. Ему не дает покоя победа Индалы аль-Суля Халаладина. Он хочет оттеснить правоверных от

Кладезей Ихрейна, изгнать нас из Святых Земель и завоевать Кальзир. К подобным глупостям призывают своих соотечественников все патриархи, но нынешний, в отличие от предшественников, настроен весьма серьезно. Хотя ему самому грозит войной Граальская Империя. Да еще в Вискесменте засел соперник. Не стоит забывать и об их так называемой мейсальской ереси. Она весьма широко распространилась в Коннеке, это провинция в Аргенде. Наши шпионы утверждают, что патриарх не ведает, что происходит. Но мы не верим. Разве может так вести себя человек столь высокого положения?

– В новый священный поход, – кивнул Гордимер, – могли бы выступить разве что те, кто сражался в Святых Землях и раньше, то есть аргендцы. Но они сейчас воюют с Сантерином. И им же придется изыскивать солдат, чтобы побороть еретиков и противников Брота в Коннеке.

– И все же, – добавил Рашаль, – патриарх, по всей видимости, искренне верит, что стоит ему воскликнуть: «Да будет воля божья», – все случится само собой.

– Похоже, следует усомниться в его рассудке.

– Да, – согласился волшебник, – но неверные считают, что, сделавшись патриархом, Гонарио Бенедокто превратился в божье создание. Хотя во время выборов, как всем прекрасно известно, соперники прибегают к взяткам и шантажу, а один раз даже было совершено убийство.

– Безупречный поклоняется фальшивому богу, – прорычал Гордимер, – почитает идолов. Конечно же, он не в своем уме. Но как далеко зашло его безумие? Последуют ли за безумными словами безумные поступки? Нужно все выяснить.

Вполне похоже на правду. Гордимер охраняет доверенную ему часть Обители Мира. Но тут кроется что-то еще.

– Мне нужна подробная информация о коллегии, – сказал Рашаль. – Об их планах и политике.

– Если Безупречный действительно безумен, – кивнул Гордимер, – в коллегии должны были возникнуть клики, которые жаждут его свергнуть.

– Я так мало знаю… – начал было Элс, но осекся – не стоит проявлять неповиновение. – Сумею ли я остаться неузнанным в Броте?

– Да, в Броте и его владениях, – ответил аль-Рашаль, – и во всей Фиральдии тоже. Без особого труда. В Броте обитает не меньше разного народу, чем в Гипраксиуме. Много лет назад я и сам там бывал. И справился, даже не зная языка. Избежать неприятностей очень просто – представься тем, кем ты и являешься, профессиональным солдатом. Скажем, наемником из

дальних краев. Не говори никому, откуда именно ты родом, вот и не придется вспоминать далекий дом и старые добрые деньки. Допустим, ты не хочешь рассказывать о прошлом, потому что за твою голову назначена награда. Скажем, неприятная история, связанная с некой женщиной: ее муж застал вас и ты его покалечил. Западным варварам такие истории нравятся.

– Рашалю не терпится узнать, что замышляет коллегия в своих катакомбах под дворцом Чиаро. А мне интересно, можно ли настроить кого-нибудь против Безупречного, какие у него планы, кто в случае его смерти займет место патриарха и каково отношение потенциальных преемников к Дринджеру, Святым Землям, Аргенду и Обители Мира. А еще узнай все, что можно, о Феррисе Ренфрау.

– Феррис Ренфрау? – удивленно повторил Элс. – Кто это?

– Вот именно.

– Феррис Ренфрау – весьма подозрительный тип, – сжалился над Тейджем Рашаль. – Он дважды бывал в Аль-Кварне. Выдает себя за агента императора Йоханнеса. Скользкий как угорь. Вечно выспрашивает, но сам ничего никому не говорит.

– Мы не можем взять его за горло, – добавил Гордимер. – Похоже, он хочет заключить тайный союз против патриарха.

– Вот уже несколько столетий, – пояснил волшебник, – Граальские императоры и патриархи враждуют между собой и решают, что главнее – власть мирская или власть церковная. Существуют и некоторые разногласия по поводу прав патриарха и его епископов на владения епископальных чалдарян. По мирским законам, феодальный подданный не может передать свои земли церкви или кому-либо еще (если этот кто-то не его сын) без согласия своего сеньора. А главным сеньором чаще всего выступает сам император. К тому же, по этим самым законам, каждое чалдарянское государство имеет обязательства либо перед императором, либо перед владыкой Фавората, Стилурии, Аламеддина или же – господь всемогущий – даже Кальзира.

– Да уж, у нас все устроено куда как разумнее, – заметил Элс.

– Теоретически, – отозвался Рашаль, не заметив насмешки. – Пока в империи не препоручили власть Йоханнесу Черные Сапоги, никого не заботило вышеупомянутое право сеньора. Но теперь Йоханнес и Безупречный – соперники. Патриарх жаждет воспользоваться всеми привилегиями церкви, чтобы обогатить свой клан, свой город и свою церковь. Вот-вот вспыхнет война.

– А мы хотим этому поспособствовать, – добавил Гордимер. – Но самим в ней не участвовать. Пусть неверные убивают друг друга, забыв на время про Святые Земли.

– Понимаю, – отозвался Элс, стараясь, чтобы голос прозвучал

как можно более бесстрастно.

– Могу я на тебя рассчитывать? – спросил Гордимер.

– Можно мне взять кого-нибудь из своих людей?

– Не в этот раз. Придется отправиться туда в одиночку. Один купец возьмет тебя с собой в Ранч, на остров Старклирод. В Ранче ты купишь себе место на корабле и отправишься в Сонсу с подорожной на имя захудалого аргендского рыцаря. Скажешь, тебя вызвали домой, чтобы уладить семейные дела в Ля-Триобе в Трамейне. А виновата во всем та неразбериха, которая воцарилась после разгрома армии герцога Гармонеки на Тамзе прошлым летом.

– Похоже, вы все тщательно спланировали.

– На самом-то деле, – признался Рашаль, – мы импровизируем.

– На прошлой неделе, – рассказал Гордимер, – к нам в плен попал сэр Эльфорд да Скес. У него мы и позаимствовали эту историю. Пока не доберешься до Сонсы, можешь зваться его именем. Этого малого вряд ли кто-нибудь узнает. Говори всем, что собираешься пересесть на миночанское каботажное судно до коннекского Шивеналя. Но в Сонсе забудь про да Скеса и отправляйся на юг, в Брот, под видом безработного наемника.

– После Сонсы ты сам по себе, – кивнул Рашаль.

– Еще многое предстоит продумать и обговорить перед твоим отъездом. Пока отдыхай. И повидайся с родными.

Элсу почудилась угроза в голосе Гордимера. Но быть может, ему лишь кажется и Лев вовсе не напоминает лишний раз о том, что семья Тейджа остается у него в заложниках.

Об этом ша-луг и так прекрасно помнил. Он поклонился.

– Еще кое-что, – сказал Гордимер. – Благодарность за доставленные из Андесквелуза мумии. Ты ведь не потерял в походе ни одного человека… Рашаль?

– Вытяни руки, капитан.

В правую руку волшебник вложил кожаный кошель (судя по весу, награда весьма щедрая, если только там не медяки или бронза), а вокруг левой обернул полоску потертой коричневой кожи. Соединив концы полоски, Рашаль провел по ней пальцем и что-то пробормотал. Концы срослись. Элс покрутил рукой. На кожаной полоске блеснули камешки и железяки.

– Со временем амулет станет невидимым, – объяснил волшебник. – Этот браслет защитит тебя от колдовства и нечисти. Хотя опасаться вряд ли стоит. Брот едва ли не старше храмовых городов Нижнего царства, там почти не осталось Орудий Ночи.

– Благодарю.

– Ступай, – напутствовал его Гордимер. – Отдохни.

В древности Дринджер разделялся на Нижнее, Среднее и Верхнее царства. В Нижнем, в дельте реки у моря, процветали земледельцы и купцы, и там же располагались самые древние на свете города. Когда-то они возникли вокруг храмов, посвященных древним богам. За семь столетий до Гордимера Льва в Древней Бротской Империи получила официальное признание чалдарянская церковь, в те времена сам Дринджер был всего лишь провинцией этой империи, именно тогда последователи фанатичного Иосифа Алегианта обрушили свой гнев на эти храмы, сравняли их с землей и перебили священников.

Сам Иосиф был безумным последователем Аарона Чалдарянского, а тот, в свою очередь, принадлежал к святым основателям церкви. Родился он в Чалдаре в Святых Землях. Позднее в честь Чалдара стали именовать и новую религию. Чалдар существует и поныне – жалкая деревушка возле Кладезя Мира.

Именно Аарон первый проповедовал чалдарянскую веру, призывая всех к миру, любви и равенству и презирая насилие во всех его проявлениях.

За два с половиной столетия до Гордимера Льва новая волна кровожадных апостолов, проповедующих любовь и мир, прокатилась по Нижнему царству и смела правивших там чалдарян. Захватчики уничтожили и их труды, и труды всех язычников, уцелевшие со времен Иосифа Алегианта. Погибли тысячи книг, а вместе с ними и древние секреты, знания и история.

Завоеватели из Пеквы были невежественными, суеверными и чрезвычайно грязными жителями пустыни. С момента их обращения в божественную веру минуло всего каких-то несколько недель. Они явились в Дринджер, испытывая глубокий страх перед книгами и искусством письма. Ведь именно хитрые грамотные проныры вечно замышляют какое-нибудь непотребство.

В Среднем же царстве с древнейших времен жили правители Дринджера; еще когда всем заправляли жрецы, царей считали богами, а дринджерийцы поклонялись Тирании Ночи даже при свете дня. Именно в Аль-Кварне, который до прихода захватчиков носил другие имена, располагалось правительство.

В те дни Верхнее царство считалось диким. Пограничные земли у отрогов Слангских гор защищали Дринджер от нашествий с юга. В тех краях и поныне встречаются чалдарянские отшельники, сектанты и древние призраки Дринджера.

Ныне Верхнее царство именовали Царством Мертвых.

Бесплодные холмы, тянувшиеся на добрых тридцать миль по обеим сторонам Ширна, испещряли ходы и туннели, ведущие в тысячелетние усыпальницы. Злополучные грабители обычно горько сожалели о неверно выбранном поприще, когда сталкивались там с Орудиями Ночи.

Еще за несколько сотен лет до Иосифа Алегианта люди стали забывать, почему следует хоронить умерших именно в этих холмах. Но даже сейчас те, у кого, по их же собственным словам, текла в жилах чистая дринджерийская кровь, с гордостью хвастались похороненными в Холмах Мертвых предками.

В тех краях скопился большой запас темного волшебства, сравнимый разве что со Святыми Землями.

Кладези Ихрейна считались душой этого мира.

– Что ты думаешь о капитане Тейдже, Рашаль?

– Думаю, друг мой, страхи снова взяли над тобой верх. Этот человек, возможно, твой самый верный подданный. Ша-луг до мозга костей.

Так прямолинейно разговаривать с полководцем осмеливался лишь эр-Рашаль аль-Дулкварнен. Гордимера его слова не обрадовали, но что поделать – приходилось скрепя сердце полагаться на мнение Рашаля.

Гордимеру нелегко было представить, что кто-то мыслит иначе, чем он сам, и не всеми движут честолюбие и жажда власти.

Капитан Тейдж – опытный воин. Значит, он наверняка…

– Скоро нас захлестнут грандиозные перемены, – продолжал меж тем волшебник. – Будешь продолжать в том же духе, и они поглотят тебя, Дринджер, меня и весь каифат Аль-Минфета. Повинуясь беспочвенным страхам, ты уничтожишь именно тех, кому хватает храбрости, силы и выдержки сражаться.

Гордимер вскочил и принялся мерить шагами комнату, осыпая всех подряд проклятиями и угрозами и взывая к милости божьей.

– Ты должен помочь мне, Рашаль, – взмолился он. – Не могу справиться со своими мыслями. Они овладевают мной.

– Сделаю, что смогу. Ради тебя и Дринджера. Но я не сумею помочь, если ты не поможешь себе сам. Каждый раз, как примерещится очередной заговор, говори себе: «У меня просто разыгралось воображение». Сначала обсуди дело со мной, а потом уже бросайся всех казнить. Давай вместе посмотрим на улики. И позволь мне сначала допросить подозреваемых. Не стоит понапрасну жертвовать достойными людьми. Именно так поступал Абад – жертвовал слишком многими. Именно поэтому

тебе и удалось получить такую серьезную поддержку и свергнуть его.

Рашаль не стал напоминать Гордимеру, что служил придворным волшебником и у его предшественника. Не стоит подливать масла в огонь.

– Постараюсь, Рашаль. Постараюсь. Но подозрения одолевают меня, словно болезнь.

– Просто разреши мне сначала допросить подозреваемых. Сам до поры ничего не предпринимай. Удержи карающую руку.

Гордимер что-то согласно буркнул, но подозрения его не рассеялись.

7

Путники из Андорегии

Шагот сидел на корточках, упершись ладонями в колени, и тяжело дышал. Его только что едва не вывернуло – сказывались усталость и перенапряжение. Слишком много он пил и бездельничал в последнее время. Хотя в этом Шагот никогда бы не признался, особенно перед Сигурдуром и Сигурьоном. Родители этих дубин, видимо, соревновались в изобретательности с камнями, придумывая своим отпрыскам имена. Хотя и им с братом, надо признать, тоже не сильно повезло.

– Вот сволочи! – Шагот судорожно втягивал в себя воздух. – Как, разрази их гром?.. Почему мы до сих пор… отстаем… от этих заморышей?

Андорежские воины стояли на перевале хребта Йоттендунгьян и, тяжело дыша, вглядывались в убегавшую вниз южную дорогу. Шагота злили не столько огнем горевшие от усталости легкие, сколько мысль о том, что недоноски-миссионеры умудрились так их обскакать. Но вот поди-ка, лезут по склону следующей горы, точно муравьи.

– Не нравится мне все это, – сказал Свавар. – Лучше бы сели на корабль и перехватили их в Ормо.

Шагот раздраженно хрюкнул. Зачем лишний раз напоминать, что в проливе Ормо их не ждут с распростертыми объятиями. Любой андорежский корабль, рискнувший сунуться туда, мигом нарывался на крупные неприятности.

Нет, поганцев-южан нужно догонять по суше.

– Грим, что будем делать, когда стемнеет? – спросил Сигурдур. – Тут какой только твари не шатается – тролли, гномы.

– Да уж. Одни призраки, оставшиеся со времен богов, чего стоят, – добавил Сигурьон.

Он говорил о доисторических временах. Боги, как выяснилось, плели свои козни и ныне (достаточно вспомнить унесших Эрифа Похитительниц Павших), но в те легендарные годы люди сталкивались с ними гораздо чаще. Тогда первые андорежцы только-только вытеснили на покрытый вечными снегами север за ледяные горы дикое и примитивное племя загадочных ситтов.

– Старики выдали мне талисманы, с ними мы переживем ночь. Главное – поймать южных хлюпиков.

– Кто именно тебе их дал? – подозрительно уточнил Свавар. – Уж не Видгис ли? Если Видгис, нам всем точно крышка, даже рыпаться не стоит.

Однажды в пьяном угаре Свавар переспал с Видгис. Он утверждал, что произошло это лишь потому, что та была ужасной ведьмой и наложила на него могучие чары.

– Да уж, – усмехнулся Шагот. – Ведьма, точно.

На самом деле все женщины ведьмы, Видгис просто постарше прочих.

– Нет, мне дали их Пулла, Трюгг и остальные. Амулеты клана. Старики ни за что не отдали бы их нам, кабы не чудеса в Скугафьорде.

– Чего? – не понял твердолобый Сигурдур. – Какие еще чудеса?

– Сигурдур, как по-твоему – королей каждый день убивают? – Ведь Эриф точно стал бы королем, в этом Шагот не сомневался. – А Похитительницы Павших – просто заглянули на огонек?

– Ой нет. Я понял. Но ведь нас шестерых выбрали только потому, что хотели спровадить подальше из Скугафьорда.

Слепой на один глаз Сигурдур зрил в корень. Шаготу и в голову не пришло, что старичье решило избавиться от их славной компании и тем самым избежать смуты.

С этих пройдох, Пуллы и Трюгга, станется. Старики не любили суеты, хаоса и волнений, им нравилась размеренная и предсказуемая жизнь.

Да, Шагот отлично понял, почему их выпроводили из дома. Наверное, он и сам уже порядком постарел.

– Давайте поймаем этих гадов и вернемся домой.

Неожиданно для себя Шагот с каким-то теплым чувством вспомнил Снэфельс. Да ведь эта деревня и впрямь его дом.

Удивительно.

Отряд Шагота Выродка так и не поймал миссионеров – этих свирепых южан, призывавших не поднимать руку на ближнего своего. Час пролетал за часом, день за днем, андорежцы упорно продвигались вперед, но никак не могли нагнать беглецов.

Воины вышли к деревне Ара на берегу пролива Ормо, буквально хватая южан за пятки, но те успели сесть на паром. Холлгрим и Финнбога достали луки, но стрелы их пролетели мимо.

– Бросайте это дело! Еще ненароком пристрелите в тумане паромщика.

Миссионеры отплыли в маленькой лодчонке. Гребец, видимо, был настоящим детиной, ведь пролив в этом месте достигал

четырнадцати миль в ширину. Обычно путешественники переправлялись на тот берег не из Ары, а из Грюнда – деревни, расположенной в тридцати милях к югу. Там можно было преспокойно нанять лодку, преодолеть всего четыре мили по предательским водам и добраться до фрисландского мыса, где стояла Скула.

Но в Грюнде и Скуле слишком много народу. Туда Шаготу лучше не соваться: на каждом шагу враги Эрифа и приспешники Глюднира.

– Вот и еще одно доказательство, – проронил обычно скупой на слова Финнбога, снимая тетиву с лука. – Они точно виновны.

– Почему? Потому что решили переправиться на ту сторону, как контрабандисты?

Лодчонка доставит пассажиров к западному побережью Фрисландии, на Орфланд – болотистый нищенский островок, где народу – раз-два и обчелся. Им придется пешком пересечь его, добраться до южной оконечности и оттуда переправиться на материк. Не привлекая при этом внимания фрисландских шишек.

– Пешком нам из Андорегии не выбраться, – вздохнул Сигурдур.

«Да уж, умнее ничего сказать не мог», – подумал Шагот, кивая.

– Ищите другого лодочника.

Но лодочника найти не удалось. В деревне вообще не было ни единой живой души, хотя выглядело все так, будто в Аре еще несколько часов назад вовсю кипела жизнь.

– Грим, – сказал Сигурьон, – мне это все не по нутру. Что-то тут нечисто.

– Ты прав. Давайте подождем, а когда та лодка вернется, переправимся на ней. Луки далеко не убирайте. Так, на всякий случай.

Шагот проверил, хорошо ли его собственный меч вынимается из ножен. Добрый старый клинок. Он добыл его в одном монастыре в Сантерине. Наверное, кто-то из местной знати там его оставил – хотел подкупить своего бога.

– А почему туман? – спросил Холлгрим. – К этому времени он уже обычно рассеивается.

– Да мы ж, почитай, почти в Ормо. Здесь вообще погода странная.

Холлгрим не отличался словоохотливостью. Шагот втайне мечтал, чтобы он вообще не открывал рта. Ведь когда это случалось, стурлангер непременно заговаривал о какой-нибудь пакости, о чем-нибудь таком, что остальные предпочитали не вспоминать от греха подальше. Вот и на этот раз то же самое.

– А мы все влезем в эту лодку? С виду она не сильно большая.

Шагот раздраженно крякнул.

– Мне его стукнуть по башке? – спросил Свавар.

– Стукай не стукай – ему все равно. И потом, вопрос-то по делу. Думаю, влезем. Одно непонятно: сколько придется ждать. Ни единого паруса не видать, ни одной мачты. А если время выбрать неверно, течения там страшные.

Пролив Ормо соединял Андорежское море с внутриматериковым Мелким морем. Мелкое море называлось так потому, что в часы сильного отлива обнажалась десятая часть его дна, а третья часть того, что оставалось, мельчала так, что высокого человека едва накрывало с головой. Корабли в тех краях строили исключительно с низкой осадкой и широким днищем, и ходили на них только с опытными лоцманами. Редко где глубина в Мелком море, даже во время прилива, достигала сотни футов.

Навигация там была трудным и опасным делом, а течения постоянно менялись.

Контрабандисты или рыбаки из Ары знали эти воды лучше, чем своих жен, и учились ходить по ним с младых ногтей.

– Да уж, – вздохнул Свавар. – Повезет, если выберемся отсюда до завтра.

– Луна уже почти полная, – отозвался Сигурдур. – Можно попробовать переправиться ночью.

– Надо раздобыть лошадей, – протянул Финнбога. – На материке. Тогда точно догоним.

«Только вот, – подумал Шагот, – как бы потом головы не лишиться». За конокрадами наверняка устроят погоню.

– Вроде туман рассеивается, – сказал Свавар.

Но видно по-прежнему было плохо – едва ли на полет стрелы.

– Вы тут пошарили хорошенько, – начал Шагот. – Не нашли каких следов? Почему вдруг все люди пропали? Куда делись?

Обезлюдевшая деревня его сильно беспокоила: очень уж это напоминало вмешательство Орудий Ночи.

С самого Скугафьорда по ночам с ними ничего особенного не происходило. Да, у них с собой были талисманы, но все равно – слишком уж подозрительно спокойно все прошло.

Шагота чуть передернуло. Он не любил много думать, но ведь он – предводитель. А с Ночью лучше всегда быть начеку.

За ними по пятам шли хульдрины, почему-то они проявляли к воинам большой интерес. Быть может, именно они виноваты в тех задержках, которые приключались с андорежцами? И в том, что южанам удалось улизнуть? Но как и почему? Если бы те призвали на помощь своего бога, тот распугал бы сокрытый народец.

– Эй! – закричал Финнбога. – Смотрите, там лодка. Идет прямо сюда.

Да, Шагот ее тоже видел. Не то утлое суденышко, на котором сбежали чужаки, а рыбацкую ладью, какие днями напролет торчат в море, едва устоится погода. Она была шире и короче, чем боевой корабль, к которому привыкли Шагот и его спутники, но какая-то уж слишком чистая для рыбачьих лодок.

Шагот собрал воинов на берегу.

– Для этих людишек мы с вами обыкновенные салаги. Корму от носа отличить не можем. Поняли? Говорить буду я.

Судя по виду, с этой ладьей управятся и трое. Но на палубе только один человек. Ага, палуба есть, значит имеется и трюм. Как раз подходит для рыбаков или контрабандистов – чтобы груз не смыло за борт разыгравшейся волной.

Корабль подходил все ближе и казался все прекраснее. На такой посудине можно доплыть до самого западного побережья Орфланда и подкараулить беглецов – те как раз только-только выберутся из тамошних болот. И даже команду убивать не обязательно. Если рыбаки согласятся им помочь.

– Зовите меня Красный Молот, – сказал капитан. – А вы, парни, похоже, торопитесь, да и отсвечивать не хотите. – Не дожидаясь ответа Шагота, он добавил: – Это мой двоюродный брат, Кузнец.

– Кузнец?

– Нравится ему это прозвище, – пожал плечами Молот.

– А старик? – ответил Шагот, удивленно хмыкнув; мысли у него слегка путались.

– Это Странник. Мой отец. Староват уже и туго соображает. Пользы от него теперь не больно-то много. Но дома сидеть не хочет, так что берем его с собой.

– Нам и правда нужно через пролив, к западному берегу Орфланда. В Турво или даже к Гроднирову мысу – в саму Фрисландию. Туда бы лучше всего.

– Это мы можем, – кивнул Молот. – Только надо условиться о цене. А еще мы должны выгрузить улов.

От ладьи так и несло рыбой.

– Мы вам поможем разгрузиться, – пообещал Шагот. – А о цене давай потолкуем.

Красный Молот попросил тридцать пять золотых монет.

– Нет уж, – засмеялся Шагот. – Мы что – похожи на дураков? У нас таких денег нет. Мы, по-твоему, короли, что ли? Спятил совсем, у нас едва одна золотая монета найдется на всех. Возьми пять серебряных сантеринских пенни и радуйся.

Торговались они недолго: Шагот очень торопился, а рыбакам не терпелось избавиться от груза.

Течение менялось.

– Грим, что-то слишком дешево мы отделались, – ворчал Свавар, сгибаясь под тяжестью мешка с еще живой трепыхающейся рыбой. – Они точно нацелились нас ограбить.

– Нас шестеро. Они, конечно, парни здоровые и тупые, но не настолько же. Готов поспорить, у них с собой секретный груз, и они хотят, чтобы мы помогли им его защитить.

Такой расклад был Шаготу понятен и знаком. В перерывах между походами в дружине Эрифа он и сам промышлял подобным образом.

– Грим, у них взгляд какой-то нехороший.

– Ну и пусть. Повезло им с нами, вот и все.

Но Свавар все беспокоился – боялся, что Красный Молот продаст их Глюдниру.

Когда Шагот встречался с капитаном глазами, то замечал насмешливое удивление. Словно тот знал об их опасениях и забавлялся на этот счет.

Шагот был уверен, что все предусмотрел: это просто рыбаки или контрабандисты, им незачем предавать своих пассажиров.

Погоня далась ему тяжело, усталость свисала с Шагота тяжелым изодранным плащом.

– И не будите меня, – велел он Торкалссонам, – если корабль не начнет тонуть и вода не дойдет до самых наших яиц.

Шагот отыскал спокойное местечко на палубе, ему совсем не хотелось спускаться в провонявший рыбой трюм.

Вокруг корабля сомкнулся туман.

Шаготу казалось, что он уснул.

Погруженный в глубокий сон, он тем не менее отчетливо видел все, что происходило вокруг. Туман рассеялся, море успокоилось. В волнах резвился морской народец. Прекрасные морские девы, которых отличала от обычных женщин лишь неземная красота, пели рыбакам песни. Странник их благословлял. Чем дальше в море уходила ладья, тем моложе он казался.

Море изменилось. Вода потемнела. В нос корабля ударило волной, а морской народ куда-то подевался.

Вскоре в корабль клыками вцепился шторм. Невозмутимые рыбаки направляли судно вперед, хотя зеленые вспененные волны сначала перехлестывали через палубу, а потом принялись молотить по обшивке гигантскими кулачищами.

Рыбаки не обращали на стихию ни малейшего внимания.

Они больше не улыбались и не болтали – лишь изредка

молча поправляли снасти. Шагот удивился, как же они умудряются править кораблем, не переговариваясь между собой.

Вверху в облаках свирепо засверкали молнии. Две или три ударили в волны рядом с ладьей, а одна угодила в Красного Молота.

«Эти безумцы всех погубят», – понял Шагот.

От вспышки он на мгновение ослеп, а когда зрение к нему вернулось, увидел на палубе сумасшедшего рыжего детину – тот стоял, широко раскинув руки, и приветствовал бурю. Его громогласный смех заглушал удары грома.

Наконец-то до Шагота дошло: они оказались во власти вовсе не безумных рыбаков. Ему стало так страшно, как никогда еще не бывало – даже ночью вдали от родного берега.

Странник, почувствовав его страх, обернулся и посмотрел Шаготу прямо в глаза.

Воин чуть было не закричал: «Мама!»

Да, Странник был стар, но совсем не так стар, как казалось раньше. Теперь от него буквально исходила мощь. Но больше всего ужаснуло Шагота то, что у старика теперь был только один глаз.

Стурлангер не успел даже пискнуть, как на него обрушилась тьма.

Позолоченная ладья вынырнула из бури и оказалась в изумрудных водах, в которые никогда не случалось заплывать ни одному андорежскому купцу или воину. Подталкиваемое невидимой силой, судно скользнуло вдоль отполированного гранитного причала, и его тут же пришвартовали суетливые длиннобородые гномы. Неумолчно болтая, они торопливо кинулись на борт и вытащили на берег спящего Шагота и его товарищей, а потом поволокли их по нескончаемой дороге к огромному замку, едва видневшемуся на вершине горы с отвесными склонами.

Ладья, море, гномы, гора и замок – все это словно вышло из легенд и песен.

И быть может, где-то там, вдали, их поджидает сплетенный из радуг мост.

Изумленные жители Ары, качая головами, вернулись в деревню. День прошел, но никто этого даже не заметил.

Во время их отсутствия в деревне побывал кто-то (или что-то). Ничего не пропало, но кто-то явно шарил здесь и всюду успел сунуть свой нос.

Из ледника донесся крик, и все поспешили туда. Оказалось,

что Аре кто-то даровал неслыханный рыбный улов.

Все от мала до велика бросились за ножами, и закипела работа: рыбу следовало почистить и выпотрошить, вытащить из нее икру и кости. Никогда еще не приходилось им так трудиться. Ворчуны, как обычно, жаловались, но ведь всегда найдутся такие, для кого нет добра без худа.

8

Антье, Коннек

Посланник патриарха Бронт Донето был, что называется, епископом без епископства. Иными словами, членом коллегии – одним из тех тихих, наводящих страх людей, которых знали в лицо лишь посвященные. Серифс, хоть и был приближенным патриарха, Донето не знал. В противном случае он с бóльшим трепетом ждал бы их следующей встречи.

Бронт Донето был не просто приближенным Безупречного V, а еще и его двоюродным братом. Вдвоем они добьются многого. Они еще достаточно молоды, сильны и преисполнены грандиозных замыслов. Но на пути вставали разнообразные препятствия вроде того же Серифса – типичный продажный человечишка, его можно использовать, но сам он не способен ни к каким свершениям. Такие, как он, прячутся в роскошных дворцах и воруют напропалую, чтобы жить припеваючи и предаваться удовольствиям с малолетними любовницами и любовниками.

Донето был циником: всегда ждал от людей самого худшего и любил прихвастнуть, что ожидания эти редко его обманывают. Но еще он искренне верил в свою церковь и в то, что она должна стать для чалдарян всем. Само учение интересовало его мало.

Посланник решил воспользоваться советом епископа и посмотреть, какие настроения нынче царят в Коннеке. Нужно разузнать, что думает этот сброд, и решить, как очистить здешние края от ереси.

Притворство давалось Донето непросто. Он был совсем не тем принцем, который может с легкостью сойти за нищего, и актер из него получился никудышный. До путешествия в Коннек он никогда не забирался так далеко от дома и лишь единожды покидал епископальные владения, когда пытался убедить семейства Апариона предоставить Броту корабли, чтобы отправить собранную предыдущим патриархом армию в священный поход – завоевывать праманское королевство Кальзир. Переговоры тогда окончились неудачно.

По мнению Донето, Кальзир идеально подходил для священного похода: небольшое слабое государство не имело сильных друзей, его защищали лишь Вейлларентиглийские горы. Покорив Кальзир, патриарх очистил бы Фиральдию, самое сердце Древней Бротской Империи, от последних остатков праманской

веры. Это придало бы сил чалдарянам во всем мире.

Но Безупречный V хотел прогреметь в веках и стать таким патриархом, которому удалось наголову разбить праман, а с ними вместе и всех врагов церкви, сплотить чалдарян под своими знаменами и отвоевать Святые Земли.

Донето не верил, что они до этого доживут. Слишком уж на многое замахнулся его родственничек.

Бронт решил, что ему с легкостью удастся сойти за простолюдина. Всего-то и надо – говорить с ошибками и дурно пахнуть. Даром что на тебе дорогая одежда иноземного покроя и повсюду за тобой следуют телохранители. Даром что от тебя за версту разит презрением, даже когда ты молчишь.

Жители Антье действительно не узнали в нем патриаршего посланца, поэтому Донето услышал много лестных отзывов о Безупречном и его жалком прихвостне – воре и проходимце епископе Серифсе.

Телохранителями Бронта командовал Врис Юнкер. Донето был о нем не самого лестного мнения, хотя и признавал, что его собственная глотка пока еще в целости и сохранности благодаря Врису. Относился он к Юнкеру как к сторожевому псу.

– Господин, нам лучше вернуться, – сказал Врис. – Мы искушаем судьбу.

Они уже успели побывать на рынке, где телохранители изо всех сил старались оградить бротского посланца.

Юнкер отлично знал, какие именно типы собираются в злачных местах, которые так жаждал посетить Донето. Он и сам был таким типом.

Но Бронт ничего не желал слышать. Ему так нравилось ходить по городу, лучась превосходством и самодовольством.

Опасения Юнкера оказались вполне обоснованными и даже более того. Все произошло на глазах у сотни свидетелей. Совершенно неожиданно на темной улице толпа двинулась вперед, и бок Вриса пронзила сильнейшая боль.

Погибли все три телохранителя. Донето несколько раз пырнули кинжалом, но он сумел вынуть из кармана глиняный шар и разбить его о стену ближайшего дома.

Сверкнула ослепительная вспышка, все залило светом.

– Колдовство! – завопили прохожие.

И Бронт потерял сознание.

Вид у монаха, дежурившего у его постели, был не самый счастливый, но, когда Донето открыл глаза, лицо лекаря быстро приняло подобающее выражение.

– Мне нужно последнее помазание? – выдохнул посланник.

– Что, господин? А, нет. Я целитель, господин. Не вздумайте вставать – ваши раны откроются.

Донето вспомнил, как его плоть пронзили клинки. Боли он не чувствовал, зато ощущал многочисленные повязки и швы.

– Меня сильно ранили?

– Вы, господин, остались в живых только благодаря милости божьей. Или неслыханной удаче. Вас шесть раз пырнули ножом. Две раны очень глубокие. Их, скорее всего, нанесли даже не ножом, а мечом. Вы потеряли много крови. – Монах замолк, но, поскольку Донето так и не спросил о своих телохранителях, продолжил: – Вашим спутникам повезло меньше. Все трое погибли.

«Так им и надо за ротозейство», – подумал Бронт, но вслух ничего говорить не стал.

– Кто это сделал? И почему?

– Наверное, вас хотели ограбить, – пожал плечами лекарь.

Какое там ограбить – это были не воры, а убийцы. Причем опытные. Он чудом остался в живых.

– Ограбить? – переспросил Бронт. – Чего удалось от них добиться?

Монаха этот вопрос весьма озадачил.

– Их же поймали?

– Нет.

Ну разумеется. По настоянию Донето остатки его личной охраны отправились искать убийц. Конечно же, во всем виноваты местные власти – здешние чиновники ни на что не способны.

Почти сразу же люди Бронта поняли: в Антье никто им ничего не скажет.

– Ваша светлость, – сообщил Мика Трендель, – они, конечно, не говорят этого вслух, но меня не оставляет одно подозрение: по-моему, в этом городе все крайне разочарованы, что вы остались в живых.

Сперва Донето решил, что покушались на него местные бандиты, которые как-то запугали горожан. И только потом сообразил, что горожан, возможно, запугивать и не пришлось.

У прикованного к постели Донето было достаточно времени, чтобы подумать о Коннеке и настроениях здешних простолюдинов. Выводы напрашивались неутешительные. Но быть может, удастся обратить против врагов саму правду.

– Меня пытались прикончить еретики-мейсаляне, – объявил он епископу, когда тот почтил наконец пострадавшего своим присутствием, оторвавшись на краткое время от плотских утех.

– Нет. Они выступают против насилия и никого не убивают.

– Даже посланца патриарха – своего заклятого врага?

– Особенно посланца патриарха. Мейсаляне не хотят настраивать против себя Брот. Они желают лишь, чтобы их оставили в покое. Как, впрочем, и все в Коннеке.

– Все равно огласите обвинение.

– Но никто не поверит. Они наверняка решат, что вы подстроили покушение, чтобы потом обвинить еретиков.

Недоверие звучало и в голосе епископа, который и сам подозревал Донето в чем-то подобном.

Бронт понял: так ему ничего не добиться. Наслушавшись немытых простолюдинов, он осознал, с какой непочтительностью и подозрением здесь относятся к Броту и церкви. Причем чалдаряне выражали куда больше недовольства, чем их соседи-еретики.

После ночи длинных ножей коннектенцы твердо усвоили, что все зло, несправедливость и пороки исходят из Брота, а точнее, Кройса – тамошнего патриаршего дворца.

– Тогда скажите, что виноват этот сифилитик из Вискесмента.

– Пожалуйста. Но в это тоже никто не поверит.

– Чему же они поверят?

Бронт попытался успокоиться, от гнева у него начали расходиться швы.

– Любым, даже самым абсурдным обвинениям в адрес патриарха и коллегии.

– Но кто же тогда пытался меня убить?

– Может быть, вас просто хотели ограбить, – пожал плечами епископ, но, увидев рассвирепевшее лицо Донето, осекся. – Или все-таки виноваты сторонники Непорочного, которые действовали независимо от Вискесмента. Или кто-то, у кого мы конфисковали имущество.

– Но как они узнали обо мне? Мое посольство держалось в строгом секрете. Даже вы обо мне не были осведомлены.

– Я никому ничего не говорил, – снова пожал плечами Серифс. – Может, действительно грабители. Или кто-то в Броте решил вас устранить, ведь здесь, в этих отдаленных краях, ваше убийство не вызвало бы большой суматохи.

Грабители, как же! Грабители не нападают на вооруженных людей.

Убийством редко пользовались в политических целях, а если и пользовались, то чаще пускали в ход яд. Предшествовали такому убийству переворот или замысловатые коварные интриги. Зачем убивать политического соперника на глазах у сотни свидетелей? Если только… Если только неизвестный злоумышленник не хотел тем самым послать предупреждение – возможно, даже самому Безупречному.

Внезапно под подозрением у Донето оказались все. А что, если виноват сам Серифс? Или герцог Тормонд? У него ведь есть в распоряжении вооруженные солдаты. Но откуда герцог узнал о Бронте?

– Я хочу немедленно видеть Тренделя.

Теперь главой телохранителей сделался Мика Трендель. Бронт желал немедленно отправиться в путь. Пока он здесь, ему грозит опасность.

С Коннеком бротский посланец разберется позднее, когда окажется подальше от этого проклятого места.

Его миссия с треском провалилась. А дальше, видимо, будет только хуже.

Но монахи-целители заявили, что нужно сначала залечить раны. В конце концов после долгих препирательств они разрешили Бронту отправиться в поместье епископа, расположенное среди холмов и виноградников неподалеку от Антье. Там телохранителям проще его защитить.

Из-за этого переезда, как и предсказывали лекари, раны у Донето открылись. Долечиваться пришлось долгие месяцы.

9

По Родному морю

Маленький торговый кораблик подскакивал на волнах, точно пробка. Даже в спокойную погоду он постоянно скрипел и трещал, словно в любую минуту готов был развалиться на куски. Повсюду воняло. Когда налетал ветер, пассажиру такого суденышка не оставалось ничего иного, кроме как в отчаянии цепляться за все, что подвернется под руку. Одно утешение – Элс мог на нем добраться до Стаклирода, не замочив сапог.

Ша-луг лежал на мешке, набитом, по всей видимости, хлопком. Законы Дринджера запрещали продавать хлопок чалдарянам, но купцов не особенно волновали религиозные запреты и большая политика. Вокруг корабля, в надежде чем-нибудь поживиться, кружили чайки и выхватывали из воды мелких рыбешек. На небе почти не было облаков, Элсу казалось, что он вот-вот провалится в бездонную синеву.

Со своего места Тейдж видел размытые очертания нескольких островов и с полдюжины кораблей.

Рядом на точно таком же мешке развалился Маллин. Матрос-антаст наслаждался временным затишьем. Маллин был родом с Неретских гор, пересекающих Люсидию и южную часть Восточной Империи. Те края регулярно переходили из рук в руки – от восточного каифата руннам и обратно.

Верования антастов восходили к отцам-основателям и якобы повторяли учение Аарона, Эйса, Келама и прочих.

– А пираты вас не беспокоят? – поинтересовался Элс. – Эти острова просто рай для пиратов.

– Может, и беспокоили давным-давно, еще до Древней Бротской Империи. Или даже немного подольше, уже после нее. В наши дни все иначе. Братство Войны не терпит пиратов. Едва кто-то принимается промышлять в море разбоем, Братство незамедлительно казнит наглецов. Причем с особой жестокостью. А с ними жен и детей и вообще всех тех, кому не посчастливилось оказаться поблизости. Если Братство не успевает добраться до пиратов первым, их настигают войска фиральдийских республик или же флот Восточной Империи. Нет, пираты нам не грозят; скорее уж, от властей жди неприятностей. Видишь тот остров? На седло похожий? Как минуем его, прямо по курсу будет мыс Джен – западная оконечность Стаклирода. С утренним приливом войдем в гавань.

– Я думал, нам еще целый день добираться.

– В этот раз мы быстро управились. Нахлик говорит, ты приносишь удачу: не пришлось взятки платить, чтобы выпустили из Шартеля, груз подвезли вовремя и погода всю дорогу прекрасная.

– Прекрасная? Да ты спятил.

– Салага! Это легкий ветерок, да и море тихое.

– Значит, правду говорят, что моряки все немного того. Я бы даже сказал – премного.

– С этим не поспоришь. А самого-то как сюда занесло?

– Люблю, знаешь ли, болтаться туда-сюда по волнам, дразнить морских чудовищ.

Маллин фыркнул. Пытается поймать Элса на слове, как и все остальные члены команды. Моряки, конечно, верны Дринджеру, но любопытство их разбирает. Все до одного на этом корабле уверены, что он ша-луг, а никакой не аргендский рыцарь.

– Семейные дела. – Тейдж упорно придерживался официальной версии.

На носу кто-то засвистел.

– Слева по борту боевой корабль!

Элс и Маллин сели на своих мешках.

– Под чьим флагом? – прокричал Маллин.

– Пока не видно. Но большой, собака.

– В этих водах боевой корабль может принадлежать либо Братству Войны, – пояснил Маллин, – либо Сонсе. Они торгуют на этих островах.

Братством Войны назывался орден чалдарянских рыцарей, которые посвятили себя искоренению врагов божьих и хотели отвоевать у праман Кладези Ихрейна. Эти искусные воины часто побеждали в сражениях и не пасовали перед неудачами. Ша-луг старались не нападать на братьев в их собственных владениях.

– Идут мимо! – крикнул впередсмотрящий. – Быстрые, мерзавцы! Трехпалубник.

Корабль становился все больше и больше – длинный, темный, изящный и удивительно быстрый. Двигался он почти бесшумно. Вот он слегка изменил курс, вот уже нависает над маленьким торговым суденышком. Галера пронеслась в какой-то сотне футов, в полной тишине, которую нарушали лишь шипение разрезаемых бушпритом волн, приглушенный скрип весел да всплески.

– Ничего не понимаю, разбери меня холера! – сказал Маллин, глядя вслед удаляющемуся великану. – Корабль-призрак какой-то. Новый совсем. Никогда такого не видал.

Элс тоже видел эту галеру в первый раз, но сразу же понял, что она принадлежит Гордимеру Льву. Среди столпившихся на

палубе зевак, таращившихся на матросов, которые, в свою очередь, таращились на них, стоял эр-Рашаль аль-Дулкварнен.

Спустя два часа их нагнала вторая галера – старая, шумная, порядком потрепанная и небольшая. Братство Войны, которому она принадлежала, разыскивало странный боевой корабль, рыскающий меж здешних островов.

Нахлик показал им, в какую сторону направилось загадочное судно, но Элс и ухом не повел. Эр-Рашаль вполне способен сам о себе позаботиться.

– Занятный получится бой, – протянул Маллин.

– Да уж.

Корабль пришвартовался в Ранче, когда солнце только-только поднялось над горизонтом. В порту Элс нанял мальчишку, чтобы тот помог ему дотащить рыцарские пожитки. Вместе они отправились к большому каменному строению, где обычно располагались представители трех кланов республики Сонса. Элс назвался Эльфордом да Скесом. Объясняться пришлось со старым приказчиком, который напоминал гнома из истории о сотворении мира.

– Ни на сегодня, ни на завтра ничего предложить не могу, – заявил гном. – Если б вчера – другое дело. Вчера отправили один. Торговля нынче не шибко бойкая. В Дринджере взялись за контрабандистов, промышляющих хлопком, а из Люсидии в последнее время мало кафа везут. – (Кафом на люсидийском наречии назывался гашиш.) – Войны без конца, и слухи ходят, что дальше будет только хуже. Во время войны торговать – гиблое дело.

Элс удивился: он-то думал, что для купцов война выгодна всегда.

– Да и жить-то во время войны – гиблое дело, – сказал он.

– Да, верно. – Гном-приказчик не выразил соболезнований по поводу смерти родных да Скеса и вообще слушал по большей части только себя. – Ага, вот. «Вивия Инфанти» должна загрузиться и отплыть послезавтра. Желаете отдельную каюту или общую? Или может, предпочитаете спать на палубе?

– На палубе. В Святых Землях не больно-то разбогатеешь.

– Да, оттуда редко возвращаются богачами. Еду свою возьмете или будете есть вместе с матросами?

– А как дешевле? Мне ведь еще после Сонсы ехать и ехать.

– Свою дешевле, но тогда и готовить самому придется. Или коку тамошнему платить.

– Тогда буду есть с матросами.

– Мальчишка с вами?

– Нет, я один. Он мне помог пожитки донести.

– Не больно-то ценные пожитки, барахло одно, – хмыкнул гном, смерив взглядом Элсово добро. – С вас четырнадцать сонсианских серебряных скутти. Или равная сумма в любой другой монете.

Элс сурово глянул на приказчика, который, видимо, собирался содрать с него втридорога. Бесполезно – с того как с гуся вода.

– Ваше дело. Хотите, идите пешком. Только надо было раньше думать, сейчас-то вы на острове.

Элс достал кошель, набитый монетами. Там были деньги из десятка разных государств. Старик вроде не пытался мошенничать. Разве что заявил, что Гордимер в последнее время ухудшил качество дринджерийских монет.

Весьма похоже на Льва.

– Не желаете ли здесь остановиться до отплытия «Инфанти»? Или в другом постоялом дворе приткнетесь? Любое моряцкое подворье встанет дешевле, но мы постояльцев еще и кормим, а там вас непременно обворуют в первую же ночь.

– И во сколько мне обойдется здешний ночлег?

Гном назвал сумму, Элса она вполне устроила.

– У нас обязательства перед Братством Войны, – объяснил старик. – В обмен на их услуги мы должны предоставлять приют воинам, возвращающимся из священного похода, и кормить их. И все без наценки.

– Тогда я, конечно, останусь здесь.

Элсу случалось ночевать в матросских притонах. В случае нужды он не побрезговал бы подобным местом, но раз уж можно избежать этого сомнительного удовольствия…

Гном нырнул за конторку и исчез в темном углу. Местные хозяева не слишком-то заботились об освещении. Через несколько минут старик вернулся с каким-то верзилой.

– Гойдар покажет вашу койку.

Элс расплатился с мальчишкой и отправился вслед за великаном. Тот молча подхватил его вещи и всю дорогу молчал как рыба. Довольно толстый. Может, бывший придворный евнух? Лишенный мужского достоинства и языка? Сбежал откуда-нибудь с востока?

Элс затолкал рыцарское добро под узкую койку. Ему досталась отдельная, хоть и крошечная, каморка – всего четыре фута в ширину, а потолок такой низкий, что невозможно выпрямиться в полный рост.

Необыкновенная для него роскошь. Мальчишкой, а потом и

юношей он жил в казарме или походной палатке вместе с другими воинами, а женившись, перебрался в хибару с одной комнатой, где ютился с женой и двумя дочерьми. Ша-луг никогда не оставались в одиночестве.

Наедине с собой ему бывало тревожно.

Но в этом путешествии он часто будет одинок.

Он внимательно осмотрел стены – нет ли особых смотровых отверстий. Ничего не обнаружив, Тейдж все же решил пренебречь ежедневным праманским ритуалом. Кто их знает, этих волшебников! Края варварские, и в темных закоулках могли таиться ночные духи.

Элс принялся усиленно вспоминать, какие же ритуалы отправляют чалдаряне.

Наверняка он где-нибудь ошибется. На западе придется оправдываться долгими годами, якобы проведенными на чужбине в компании неотесанных безбожников. Хотя фиральдийцы вроде бы не так рьяно относятся к религиозным церемониям, как прамане.

Первому испытанию Элс подвергся за ужином. В общей зале, весьма напоминавшей солдатскую трапезную, ели не по расписанию: работники-сонсианцы и постояльцы уходили и приходили, когда им вздумается. Несколько человек, как и он сам, ожидали попутного корабля. За одним столом с ша-луг оказался Эньо Сколора – бывалый вояка из Дирекции, который двадцать лет сражался с неверными, а теперь решил отправиться домой. Он прямо-таки горел желанием обсудить с да Скесом все подробности военной кампании. Сколора тоже отплывал на запад на борту «Вивии Инфанти». Элс страшно боялся, что он вдруг вспомнит кого-то, кого оба они должны были знать. Но спустя некоторое время стало понятно: Эньо готов болтать без умолку, нужно лишь молча кивать да изредка поддакивать.

Опаснее всего оказался сам ужин. В качестве основного блюда подавали жаркое. Все сидящие за столом согласились, что угощение отменное. Обычно жаркое готовили из баранины. Это как нельзя лучше подходило Элсу.

Эньо отрезал от куска мяса поистине львиную порцию и воскликнул:

– Ха! Пусть трепещут наши враги. Какие же они вояки, если отказываются от превосходной свинины?

– Так можно отличить истинно верующего от джоскера или дэва, – поддакнул еще один солдат, фыркнув от смеха и забрызгав стол своими соплями.

Он смахнул сопли рукой, а потом вытер ее о штаны.

С дэвами все ясно – немногочисленные представители

древней религии, зародившейся в Святых Землях еще до того, как началась теперешняя неразбериха. Дэвы, как и прамане, тоже не ели свинину. Их пророки отделились от еще более древних дейншокинов около трех столетий назад, когда отцы-основатели чалдарянской веры, сами считавшие себя дэвами, впервые начали проповедовать. Дэвы уступали в численности чалдарянам и праманам, но тоже имели определенное влияние.

– Или от дейншокинов, которые и заварили всю эту кашу, – сказал Элс. – А что еще за джоскеры? Я, видать, слишком долго проторчал в богом забытой дыре и совсем отстал от жизни.

– Так мы зовем людей каифа. По-пеквадски это значит что-то вроде «дурачки из Касра».

В своих разговорах аргендцы упоминали восточный каифат, но не упоминали Каср-аль-Зед. Сам же каифат они называли по имени старейшего расположенного там государства – Люсидия.

Элс отрезал кусок свинины. А что еще оставалось делать? К тому же сам каиф Аль-Минфета загодя отпустил ему грехи. С самого начала было ясно: сойти за своего в краю врагов он сможет, только нарушив предписания веры.

– Вкусно, – признал Элс. – Особенно по сравнению с той отравой, что обычно подают в Триамолине.

Настоящий Эльфорд да Скес служил именно в Триамолине перед тем, как отправиться домой.

– Да уж, – протянул Сколора. – Это вам не червивые галеты с куском протухшего мяса, каким побрезгует даже стервятник. Вот она – романтика солдатских будней.

Походные тяготы одинаково удручали всех.

– Лошадей нужно убивать, только если совсем припрет, – отозвался Элс.

– Вы, братцы, этому совету не следовали никогда. В жизни не видывал более жалких вояк, чем те триамолинцы, которые добрались до Кладезя Дней.

Элс оглянулся по сторонам, словно проверяя, не подслушивает ли кто их разговор.

– Если что, я тебе этого не говорил, но герцог Адербл – настоящий осел. Святые отцы его подставили, а сами в это время набивали свои кошельки. Я вообще удивляюсь, что мы подоспели к битве.

Эта история ни для кого не была секретом. Триамолинцев, как и другие участвовавшие в той битве армии, наголову разбил Индала аль-Суль Халаладин. Следующий вопрос Сколоры напрашивался сам собой:

– Как же ты уцелел в той заварушке?

– Мне повезло: когда мы угодили в засаду проклятых

дринджерийцев, меня только зацепило отравленной стрелой. Правда, пришлось долго потом отлеживаться после ранения.

В случае необходимости Элс даже мог продемонстрировать вполне подходящий шрам.

– Господь милостив.

– Ну, ты бы выразился иначе, если бы сам схлопотал такую стрелу. Жуткая дрянь.

– Откуда ты родом?

– Из ля Триобы, что в Трамейне. Знаю-знаю: ты никогда об этом месте не слышал. С пятнадцати лет воюю в Святых Землях. А почему спрашиваешь?

– Выговор у тебя странный.

– Приходилось почти все время изъясняться на пеквадском или мельхаике.

Старик-солдат, сидевший за тем же столом, вдруг предостерегающе поднял руку. Разговоры в трапезной стихли.

В зал вошли двое рыцарей Братства Войны. Одному, седому, покрытому шрамами ветерану, уже перевалило за пятьдесят, а второму, помоложе, не исполнилось и тридцати. Оба подтянуты и худощавы, в аккуратных чистых одеждах. С виду их можно было принять за отца и сына, только вот братья давали обет безбрачия, вступая в орден.

– Продолжайте вашу беседу, – сказал седовласый и присел за стол рядом с Элсом. Его молодой спутник тоже сел.

У обоих на черных форменных туниках на груди был вышит символ – красные солнечные часы и два скрещенных белых меча. Та же самая эмблема, только намного более крупная, красовалась на их спинах.

– Путешествуете? – спросил Элс.

Остальные трапезничающие явно не желали вступать в разговор и уж тем более называть свои имена.

Воины священных походов не особенно жаловали братьев – мрачных фанатиков, которым не терпелось поскорее отправиться на небеса. Хотя во время битвы такие могли вытащить из самой скверной передряги.

Перед вновь пришедшими поставили подносы с едой.

– Мы направляемся в Датон, – ответил пожилой, окидывая Тейджа внимательным взглядом – в точности как Гордимер во время сурового допроса. – Отплываем сегодня вечером. Ты что-то рассказывал о приключениях в Святых Землях.

– Приключений было не слишком много. Отец отправил меня и дядю в Триамолин, потому что его собственный дядя заявил, что там-де молодые дворяне могут разбогатеть и прославиться. Да уж, как же!

– Тамошние воины и дворяне – жалкие недотепы, – вмешался младший рыцарь в черном, едва не подавившись куском свинины.

– Кроме Анселя, основателя Триамолина, – поправил его старший.

– Патриарху бы разузнать подробнее о его отпрысках, прежде чем водружать корону на голову старика.

– Значит, священные походы тебе надоели? – спросил седой рыцарь у Элса. – Можешь вступить в ряды настоящих воинов. Братство Войны всегда радо принять тех, кто готов с оружием в руках отстаивать дело господа нашего.

Элс не стал напоминать, что чалдарянский бог, насколько ему известно, выступал против войн.

– Не могу. Меня вызвали домой. Я последний из рода да Скес. Вся наша семья погибла, когда герцог Гармонеки вторгся в Трамейн. Его гролсачские наемники, когда бежали с Тамзы, перебили всех, кто попался им на пути.

– Но ты говорил, что вы отправились на восток вместе с дядей?

– Да. Рифер умер от дизентерии.

– Мир жесток. Болезни уносят больше достойных жизней, чем вражеские клинки.

Точно как и у праман, несмотря на более развитую медицину, опытных лекарей и практический подход к профилактике. Элс кивнул, с отсутствующим видом пережевывая кусок свинины.

– Ты нас не боишься, – заметил младший рыцарь. – В отличие от остальных.

– А зачем мне вас бояться? Вы что – демоны в человеческом обличье?

– Тут все считают нас колдунами.

Вот этого Элс не знал. Братья всегда представлялись ему лишь опытными суровыми воинами.

– И что же? Разве вы направляете свои чары против правоверных?

Судя по приглушенному сопению сидевших за столом, многие из них именно так и думали.

– В садах господа нашего полно сорной травы. Скоро придет время для нового священного похода. Сталь следует закалять. Нам предстоит встретиться в поединке с могучими врагами – Индалой аль-Сулем Халаладином и Гордимером Львом. В рядах войска господня нет места сомневающимся трусам.

Да, кое в чем чалдаряне не отличались от праман.

– А как же те, – поинтересовался Элс, – кто безмерно устал? Кому уже нечем жертвовать во имя королей и полководцев, пекущихся лишь о собственной славе и богатстве, а не о

возвращении Кладезей Ихрейна?

– Если будет на то воля господа и патриарха, в следующем походе мы обойдемся без них.

– Довольно, – прервал его старший рыцарь и пояснил Элсу: – Он сам еще не бывал в Святых Землях.

Видимо, молодчик сболтнул лишнее. Быть может, сейчас как раз подбирают новых командиров для нового священного похода – опытных, рьяных, истинно верующих? Плохо дело. Ведь аргендцы – хорошие воины и поражение терпят лишь по вине невежественных военачальников.

Элс лежал в темноте, уставившись в потолок. В животе бурчало после давешней свинины. В соседней комнате кто-то весьма напористый развлекался с женщиной. Судя по звукам, она не возражала. Но мысли Элса были заняты другим.

Он уже раздобыл довольно ценные сведения: следующий священный поход, вполне возможно, возглавят более умелые полководцы, собственноручно отобранные новым бротским патриархом.

Элс подумал о товарищах по андесквелузской передряге. Наверное, они уже вернулись домой. Хорошо бы их достойно вознаградили.

А еще этот богон.

Кто же его вызвал? Определенно, враг. Волшебник, не желавший, чтобы мумии достались эр-Рашалю? Похоже на то. Наверное, иссохшие останки предназначались для большого волшебства.

Богона мог вызвать противник эр-Рашаля. Но по всей видимости, дринджерийского волшебника это не слишком занимало. Иначе он вряд ли бы отправился в плавание по Родному морю – проверять, как там поживает его шпион.

Надо хорошенько все обдумать.

Кто-то тихонько постучался в дверь. Элс не обратил внимания. Очередная местная шлюха явилась предложить свои услуги. Или может, в этот раз прислали мальчишку, ведь трех девушек Тейдж уже отправил восвояси.

Нахлик сидел напротив и потягивал вино. Сам Элс ограничился кофе. Ему еще только предстояло привыкать к нарушению запретов.

Нахлик, по всей видимости, привык уже давным-давно.

С ними вместе за столом в матросском притоне «Ржавый фонарь» сидело еще двое – Маллин и какой-то мужчина, чья голова покоилась в луже рвоты. В таком состоянии он прибывал

уже тогда, когда Элс только-только пришел. Свободных мест почти не было, так что выбирать не приходилось.

– Нужно все обсудить, пока этого красавца не выкинули отсюда, – сказал Маллин. – Тогда на свободное место тут же посадят клиента посвежее, с кого еще можно стрясти деньжат.

– Нахлик, ты был прав вчера, когда предупреждал, что не надо выгружать с корабля вещи. Прошлой ночью кто-то основательно порылся в моих пожитках, пока я ужинал.

– Возможно, просто воры, – предположил Маллин. – Если бы у тебя нашли что-нибудь подозрительное, ты бы уже об этом узнал.

– За тобой следили по пути сюда, – вмешался Нахлик. – Тот щуплый тип со спутанными волосами. Он сейчас вовсю наливается вином и немного отвлекся.

Элс поведал им услышанное прошлым вечером и свои подозрения, касающиеся нового патриарха.

– Может, Безупречный просто чересчур самоуверен? – предположил Маллин. – Такие типы бросаются громкими фразами, но потом быстро сдуваются.

– Тут другое дело.

– Мы тебя не знаем, – сказал вдруг Нахлик.

В кабак вошел крупный плотный детина, и щуплый соглядатай что-то ему сказал. На Элса они не смотрели, но шалуг знал, что разговор идет именно о нем.

Нахлик, притворившись, что обращается к Маллину, спросил:

– На каком корабле ты отплываешь?

– На «Вивии Инфанти».

– Мы перенесем туда твои вещи. Маллин, хватай этого пьянчужку, будто мы старые приятели. Вытащим его на улицу.

Едва они поднялись, как к столу подбежал мальчишка с миской грязной воды в одной руке и рваной тряпкой в другой и без особого рвения принялся оттирать рвоту.

– Давай пободрее, получишь медяк за труды, – прошептал Элс.

Тряпка так и замелькала в руках мальчонки. Тейдж кинул ему монетку:

– Принеси еще кофе. Нет! Мне не требуются услуги твоей сестры или матери, и твои тоже. Только кофе.

Кто-то собрался сесть на освободившееся место, но детина, беседовавший с тощим соглядатаем, отпихнул мужчину в сторону.

– Вали отсюда, – сказал он, усаживаясь.

Элс сидел, уставившись в свой кофе и чувствуя на себе недружелюбный взгляд, и ждал, пока мальчишка принесет вторую

порцию.

Вроде бы детина явился сюда один, и пока никто не обратил внимания на его грубые манеры.

– Довольно невежливо, – сказал Элс.

Он уже понял, что незнакомец собирается напасть. Ша-луг решил опередить его.

Громила открыл было рот, но тут же задохнулся от удивления.

– Не стоит искать ссоры с человеком, у которого одна рука спрятана под столом. Попробуй что-нибудь выкинуть – и я мигом покалечу твое колено. Двинься только – и можешь попрощаться с коленной чашечкой. Если все понял – кивни.

Детина кивнул. На его лице не было страха, только боль и растерянность. Обычно это он всех пугал и калечил, а не наоборот.

Мальчик принес кофе. Элс расплатился одной рукой.

– Ты как раз собирался рассказать мне, что тут поделываешь. И зачем. Ты очень-очень хочешь все мне рассказать, иначе придется хромать весь остаток жизни.

Громила молчал.

– Говори давай. – Элс надавил на рукоятку длинного кинжала, и острие чуть глубже вошло под правую коленную чашечку его нового знакомца. – Тебе никто не поможет. Твой косматый приятель только что ушел. Если у тебя есть хоть капля мозгов…

У ша-луг есть поговорка: «Глупца уму-разуму не научишь». Обычно это относилось к военачальникам-чалдарянам, которые попадались дважды на одну и ту же уловку. Похоже, перед ним сидел именно такой болван.

– Ты не просто так меня задирал. Я хочу знать почему.

Тейдж снова надавил на кинжал. Взгляд верзилы сделался из удивленного немного осмысленным. Дошло наконец.

– Мне нечего тебе сказать, – процедил он сквозь зубы, без всякого выражения. – Велено было найти Карпио. Он указал человека, которого надо прикончить, а потом подтвердил бы, что ты сам затеял драку.

– Но Карпио ушел. Как думаешь, куда он отправился? Кто велел его найти?

– Старкден. Приказ Старкден.

– Так его зовут?

– Это женщина. По слухам.

Собеседник начал добровольно выдавать информацию. Прекрасно. Новый этап их занимательной дружбы.

– Хорошо, допустим, Старкден послала тебя со мной

расправиться. Но почему?

– Наверное, хотела от тебя избавиться.

– Почему?

Детина пожал плечами.

– Расскажи мне про нее. Где ее найти?

Верзила не смог толком ничего рассказать. Саму Старкден он никогда не встречал. Говорили, она старуха. Будто бы ей за сорок или даже за пятьдесят. Щедро платила за услуги, и вроде бы ей плевать было на политику и вопросы веры. Как, разумеется, и ему самому.

Элс допрашивал его еще добрых десять минут, но ничего нового так и не узнал.

– Хорошо, Бен. – (Громилу звали Бенатар Пьола.) – Не вставай, пока не уймется боль в колене. Иначе суставу конец, – скорее всего, тебе отрежут ногу.

Глупца уму-разуму не научишь, зато можно воспользоваться его глупостью.

Элс заказал еще вина для Бена, расплатился и вышел.

На постоялом дворе он рассказал о происшествии каждому встречному-поперечному. Обычный путешественник так и поступил бы, верно. Может быть, кто-нибудь объяснит ему, в чем же дело? Но никаких интересных предположений Элс не услышал – лишь неискренние выражения сочувствия. Да, не следует шататься по портовым притонам. Про Старкден никто ничего не знал.

Утром того дня, когда «Вивия Инфанти» отплывала в Сонсу, его вызвал гостиничный посыльный. Элсу стало не по себе. Он окончательно уверился, что дела плохи, когда мальчишка привел его в комнату, где ждали четверо членов Братства Войны.

– Вы сэр Эльфорд да Скес? Который направляется домой из Святых Земель?

– Да, это я.

– Меня зовут Партен Лорика. Я из особого ведомства. Нас интересует вчерашнее происшествие в матросской таверне.

– С чего это?

– Не понял.

– Вчера я весь день напролет жаловался всем подряд, и что толку? У меня лишь спросили, не собираюсь ли я брать в долг. Кто-то решил убить да Скеса? Прекрасно, денег ему тогда лучше не давать.

– Вполне практичный подход.

Элс скорчил недовольную гримасу.

– Кое-кто рассказал нам. И вот мы здесь. Нам нужны подробности.

– Ладно, – проворчал Элс.

– Расскажите, что именно случилось. Постарайтесь припомнить все детали. Любая мелочь может навести нас на след. Мы так долго ждали этой возможности.

– Какой такой возможности?

– Выследить ведьму и шпионку, которая именует себя Старкден.

Элс смутился. Ведь любой враг ордена Братства Войны – друг Элса Тейджа. Вот только почему-то этот конкретный враг Братства хотел Элса Тейджа прикончить.

Ша-луг рассказал почти все, не упомянул лишь Нахлика и Маллина.

– А те матросы, которые сидели с вами за столом, – вы их знаете?

– Нет. Те двое, что потрезвее, пришли вместе, но третьего, который лежал, напившись до беспамятства, они не знали, это точно. Хотя и вывели его из кабака. Он уже был за столом, когда я пришел, а эти двое явились позже.

– И звали их Рен и Дой?

– Так они назвались. Я не особенно прислушивался. В «Ржавый фонарь» я пришел только потому, что у них подают пеквадский кофе, а я успел к нему привыкнуть… Хотел расслабиться перед долгой дорогой. Ненавижу корабли. У меня жуткая морская болезнь.

– А другие два – Карпио и Бенатар Пьола?

– Да.

– Карпио мы знаем, – заговорил вдруг молчавший до этого самый старый из рыцарей.

– Только полный дурак доверил бы Карпио секрет, – кивнул Лорика. – Но кто-то его нанял. Это наша зацепка. Да и Пьолу мы наверняка без труда разыщем.

– Можете рассказать мне об этой женщине, которая желает моей смерти?

– Нет. Не можем. Мы и сами почти ничего не знаем. Почему она желает вашей смерти?

– Понятия не имею. Я уже голову сломал. Единственное разумное объяснение – меня приняли за другого. Быть может, этот самый Карпио следил за мной еще отсюда и перепутал с другим постояльцем.

– Возможно. Или Старкден думает, что вы не тот, за кого себя выдаете. За кого она могла вас принять?

– Всю молодость я провел сражаясь в Триамолине, – пожал плечами Элс. – Красть у меня нечего – в Святых Землях я ничего не нажил, и дома в Трамейне ничего не имею. Все свое богатство

таскаю на себе. Для кого шпионит эта женщина?

– Ходят слухи, что она работает на патриарха, на правителя Восточной Империи или на Ганзеля Черные Сапоги. Кто-нибудь из них желает вашей смерти?

– Вряд ли.

– Еще говорили, она спуталась с неверными, – добавил Лорика. – С Люсидией.

– И с ними меня ничто не связывает. Мы в основном сражались с местными племенами, подкупленными дринджерийцами. Разве что та битва у Кладезя Дней… Но я в ней не участвовал, долечивался после ранения отравленной стрелой.

– Мы были с вами откровенны. Надеюсь, и вы нам не лгали. Отплываете на «Инфанти»? Если что-нибудь выясним до отплытия, дадим вам знать.

– Спасибо.

Великодушное обещание. Братство Войны уважало того да Скеса, которым он притворялся. Но лучше бы им не удалось найти Старкден. Ведь тогда может выясниться, что она охотилась на переодетого ша-луг.

Элс прибег к специальным упражнениям, помогающим избавиться от умственного напряжения. Но дело шло неважно. Перед мысленным взором предстала симпатичная белокурая кроха, она неуклюже ковыляла ему навстречу и улыбалась во весь рот. Сначала Элс не понял, кто это, а потом подумал, что это, видимо, его сестра. По спине у него побежали мурашки.

Ему редко удавалось вспомнить лица родных. Довольно странно, ведь остальные мальчишки из школы неутомимых отроков часто вспоминали свои семьи. Особенно матерей. И беззвучно плакали в темноте, пока не видели наставники.

Вскоре после полудня Элс поднялся на борт «Вивии Инфанти». Он не завтракал и не обедал. Когда Тейдж вышел на причал, на судно все еще грузили товары. На пристани болтались и Нахлик с Маллином.

Матрос-сонсианец сверился со списком пассажиров, а потом другой моряк, на шее которого болталась на цепочке курительная трубка, отвел Элса в сторону.

– Сэр Эльфорд, недавно доставили ваши вещи, они в вашем личном хранилище. Я покажу.

«Вивия Инфанти» ничем не напоминала те длинные, изящные боевые корабли, которые Элс видел по пути к Стаклироду. Это была огромная деревянная лохань с громоздкими надстройками на корме и баке, сто тридцать футов в длину и пятьдесят пять в ширину. Видимо, раньше это неуклюжее торговое судно

перевозило солдат для священного похода.

На баке, вдоль лееров, были закреплены ящички, где пассажиры хранили свое добро. Установили их, по всей видимости, не так давно. Моряк открыл крышку одного из них – квадратного, два на два фута.

– Отсюда ваши вещи не выпадут, и в шторм их не смоет за борт. Но украсть их можно запросто. И намокнут они в случае чего. Так что смотрите сами.

– Спасибо.

Элс оглядел лежавший в ящике небольшой запечатанный мешок из промасленной кожи – письменные указания Гордимера. Открыть его можно будет лишь на пути в Сонсу.

Ша-луг сложил в хранилище свой скарб, запер ящик и отправился наблюдать за отплытием вместе с Эньо Сколорой.

– Я слышал, охотники на ведьм тобой интересовались, – сказал тот.

– Что? Братство Войны? Они расспросили меня утром о происшествии в «Ржавом фонаре». Остальным-то плевать.

– Слышал, с тобой говорили Партен Лорика и Бьюго Армьена.

– Да, один из них назвался Лорикой.

– Точно, они. Особое ведомство. Охотятся на призраков, демонов, волшебников и прочую шушеру. Им лучше не попадаться.

– Расскажи мне об этом особом ведомстве.

– В ваш Триамолин, я так понимаю, братья не захаживают.

– Триамолин – страшная дыра, друг мой. Нас до сих пор оттуда не вышвырнули лишь потому, что никому он и даром не сдался.

Сколора во всех подробностях поведал ему о клике фанатиков, сформировавшейся внутри и без того фанатичного Братства Войны. Члены особого ведомства обладали сильным колдовским даром и желали лишь одного – избавиться от Тирании Ночи.

Элс не очень хорошо понимал их мотивы. Ведь создания Ночи не большее зло, чем львы или гиены. Они делают то, для чего предназначил их господь, как собаки, мухи или, скажем, радуга. Да, они опасны, но точно так же опасны и другие силы природы. Тирания Ночи – это неотъемлемая часть мира, часть самой жизни.

– Не знаю, – пожал плечами Сколора. – Они же фанатики. Что хотят, то и делают. К тому же в здешних краях Ночь не является частью обычной жизни.

В отличие от Кладезей Ихрейна.

– Как же они справляются в Святых Землях?

– Жалуются и ворчат. Винят во всем праман. Ходят слухи, что

недавно в тамошних местах приключилось что-то необычное. Вот они и зашевелились.

– Хм?

– Насколько я понял, кто-то прикончил какую-то большую и сильную тварь. Обычный солдат, не волшебник. Вот им и не терпится узнать, как именно он это сделал.

Матросы попросили Элса и Сколору отойти от борта и принялись разматывать швартовы. Судно должны были отбуксировать из порта в пролив несколько небольших лодчонок. «Вивия Инфанти» полагалась лишь на паруса, и, обходясь без гребцов, купцы экономили кучу денег.

В борт задул легкий ветерок, посудина отошла от причала. Гребцы в лодчонках-буксирах взялись за дело, отрабатывая жалованье.

Швартовы подобрали, лишь когда корабль на тридцать футов отошел от пристани и развернулся носом в сторону пролива.

Сначала поставили маленькие паруса, и «Инфанти» потихонечку, хотя и очень медленно, набрала ход. Тут уже развернули паруса покрупнее.

– Капитан этой посудины знает свое дело, – заметил Элс.

– Иначе он не был бы капитаном. Сонсианцы – весьма прагматичны. С тобой все хорошо?

– Со мной всегда плохо, когда под ногами вместо твердой земли вода. Там, в глубине, живут огромные зубастые гады, и все хотят меня сожрать.

– Морская болезнь? – усмехнулся Эньо.

Судно, ускорив ход, скользнуло в пролив и вскоре поравнялось с маяком, стоявшим у входа в гавань. За этой двухсотфутовой кирпичной башней начиналось открытое море. Элса никак не оставляло ощущение, что он вот-вот свалится за край известного ему мира.

– Она самая.

Капитан направил корабль между буев. Матросы замахали флажками, обмениваясь сообщениями с начальником гавани и дежурными на маяке. Здесь причаливало и отчаливало множество судов.

На кормовой надстройке началось оживление. Один из матросов-сигнальщиков послал за капитаном.

– Что-то случилось, – заметил Элс.

– От тебя прямо ничего не скроешь.

Вокруг моряка столпились капитан, первый помощник и еще несколько человек. Тот еще немного помахал флажками, потом боцман что-то прокричал палубным матросам, и те спешно убрали паруса. Рулевой, положив штурвал на правый борт, увел

«Инфанти» из пролива. Судно замедлило ход. Загремела якорная цепь.

– А вот и причина остановки, – заявил Сколора, указывая на баркас, отчаливший от небольшой пристани у подножия Калена, на вершине которого темнел замок Кастелла-Аньела-долла-Пиколина – главная резиденция Братства Войны. – Кто-то решил прокатиться вместе с нами.

Элс искренне надеялся, что дело именно в этом.

Капитан корабля что-то рявкнул, и матросы принялись загонять пассажиров в трюм. Ни на какие вопросы они не отвечали.

Недовольная команда тоже спустилась вниз, за ней последовали помощники капитана и боцман. В конце концов на палубе остался только один капитан.

Элс слышал, как баркас причалил к «Вивии Инфанти» и кто-то забрался на борт. Сверху донеслись приглушенные звуки: там о чем-то спорили. Вскоре все смолкло.

Наконец матросы и пассажиры хлынули обратно на палубу, сгорая от любопытства.

Но – ничего не увидели. Баркас отчалил и теперь направлялся к Кастелла-Аньела-долла-Пиколина. Капитан велел сниматься с якоря и ставить паруса.

Прошел час, но по-прежнему ничего не прояснилось.

– Кто-то из особого ведомства, – утверждал Сколора. – Какой-нибудь могучий волшебник. Эльфорд, тут что-то затевается. Похоже, прямо сейчас здесь вершится история.

Голос у Эньо был радостный и взволнованный.

Элс его радости не разделял. Он боялся, что остановили «Вивию Инфанти» из-за него.

Никто не видел загадочного пассажира из Братства, если таковой вообще имелся. Корабельный кок не готовил на ужин лишней порции, никого не выселили из каюты.

Никогда прежде Элсу не доводилось видеть таких густонаселенных краев, как западное побережье Фиральдии, на подходе к Сонсе с юга. На каждом пригорке гордо возвышалась крепость или дозорная башня. Сам берег круто обрывался в Родное море.

Мимо сновало множество кораблей. С каждой оказавшейся поблизости лодки им предлагали что-нибудь купить.

– Это потому, что распогодилось, – сказал Сколора. – Вот все и вышли в море, пока можно.

– Похоже на то, – согласился Элс.

За время пути он успел привыкнуть к Эньо. Его попутчик

беспрерывно болтал, зато не задавал вопросов и не сердился, когда Тейдж отмалчивался.

На борту «Инфанти» было еще несколько вояк, направлявшихся домой из Святых Земель. Они быстро сбились в отдельную группку. Пилигримы возвращались из паломничества к Кладезям. Элс, Сколора и еще двое с дальнего запада условились и после Сонсы держаться вместе. Элс прикидывал, как бы улучить минуту и сбежать от Эньо.

На борту он так и не нашел укромного местечка, чтобы распечатать свои приказы. Гордимер вложил в мешок около дюжины писем, каждое из которых надлежало вскрыть в определенный момент. Некоторые – еще до Сонсы, но подходящей возможности так и не представилось. Ша-луг волновался. А если там важные сведения?.. Хотя вряд ли. Гордимер обычно суетится по пустякам, словно какая-нибудь старуха.

– Не терпится попасть домой? – спросил Сколора.

– Да нет. Там ведь все изменилось. Я помню те края совсем другими. Все, кого я знал, состарились или мертвы.

– Эльфорд, умеешь ты нагнать тоски, – скривился Эньо. – Теперь я тоже буду об этом думать. Словно бы еду в чужие края, а не домой.

– Один старый дэв в Триамолине так и говорил.

– Как?

– Прошлое – это чужбина. Мне все кажется, что я сплю и вот-вот проснусь на своей койке в Триамолине.

– Да? Тогда это тебе снится. Смотри, плавучий маяк. – Эньо уже бывал в Сонсе.

Сам город стоял на реке милях в восьми от устья. «Вивии Инфанти» предстояло идти от одного плавучего маяка к другому, а потом следовать вдоль линии буев. На первом маяке их поджидал лоцман, который должен был сопровождать их до самой Сонсы.

Прошло несколько часов. Торговый корабль медленно двигался вперед.

– Теперь будем весь день ползти эти последние мили, – ворчал Элс.

– Попроси, пусть тебя высадят, пешком дойдешь.

– Я бы с радостью. Лишь бы землю твердую под ногами почуять.

Элс уже успел надоесть попутчикам своими жалобами.

– Да мы и сами уж не прочь, дружище.

У них действительно почти весь день ушел на то, чтобы подняться по реке Сон к городу. Элс с удивлением смотрел на

странные высокие дома и толпившийся на улицах народ – все такое яркое. Родной Аль-Кварн был серым: приземистые и однообразные глинобитные домишки, а единственные цветные пятна – навесы над лавочками. Каифу не нравились яркие краски.

«Вивия Инфанти» шла мимо пустых причалов. Элс спросил у матросов, почему они не швартуются.

– Это не наши, – услышал он в ответ. – Это Красных и Синих. А «Инфанти» принадлежит Дуранданти – Зеленым.

Приверженность западных варваров к цветам изумила Элса. Везде, где раньше царила Древняя Бротская Империя, – в Восточной Империи, в королевствах и республиках Фиральдии, в епископальных церковных владениях вдоль промптского побережья – люди делились по цветам. В нынешние времена это означало принадлежность к политической партии. Цвета начали использовать таким образом еще в древности – традиция пошла от знамен различных команд на ипподромах.

Жители Сонсы утверждали, что их город – самый могущественный купеческий оплот на Родном море. Жители Апариона и Датеона не могли с этим согласиться. Как, впрочем, и Платадура, праманский порт в Дирекции. Сонса дорожила репутацией единого сплоченного государства, но ее раздирали на части внутренние свары. Клики и партии не могли договориться между собой и вели себя словно избалованные дети. Чужеземцу эти препирательства казались глупыми.

Суть разногласий крылась не в религиозных догмах и не в идеологии, – это была всего-навсего неутихающая борьба за власть. Как и повсюду в Фиральдии, в Сонсе заправляли могущественные семейные кланы.

Дуранданти, обладатели крупнейшего торгового флота, считали себя самым влиятельным семейством Сонсы.

Как и Сковилетти и Ферми.

Флот Сковилетти считался самым маленьким, зато они могли похвастать целой армией наемников, завербованных в основном среди дирецийских чалдарян, и это давало им солидное преимущество.

Что касается Ферми, у них всегда оказывалась наготове какая-нибудь кузина, которая вышла замуж за брата патриарха, или дочь, выданная за представителя знатного датеонского или апарионского рода. А еще они ссуживали деньгами герцогов с северных равнин. Иными словами, стремились заключать выгодные союзы и таким образом спасались от происков завистливых Дуранданти и Сковилетти.

– Где-то тут в Сонсе, – проворчал Элс, – живет один стряпчий, он представляет почти все кланы Трамейна. В том письме,

которое я получил, мне советуют найти его. Он должен все знать.

– Ясно, – отозвался Сколора. – Ищи тогда. Он тебя приютит?

Вполне вероятно. В Сонсе жили агенты Дринджера, с которыми ему предстояло встретиться.

– Я его разыщу. Если мы когда-нибудь причалим. План такой: вы с Тонто и Адрано пойдете на постоялый двор и разузнаете, как нам добраться до Шивеналя. А я найду своего стряпчего и потом встречусь с вами.

– Толковый план, но есть одно «но».

– Какое же?

– Я хочу выяснить, кто же скрывался в капитанской каюте с самого Стаклирода. Спрячемся в доках и подождем, пока он не вылезет.

Судя по голосу, Сколора был настроен весьма серьезно.

– Ты уверен, что хочешь впутываться?

– А ты?

– Думаю, мы впустую потратим время. – Но самому Элсу хотелось выяснить, не пустился ли вслед за ним чародей из Братства Войны. – Ладно. Только осторожно.

– У них тут праздник какой-то, что ли? – удивился Сколора. – Никто же не работает.

Все четверо прятались за толстыми тюками с хлопком, лежавшими в сотне ярдов от корабля.

Элс ужаснулся: значит, в таких количествах хлопок вывозят контрабандой из Дринджера? Столько мешков в одном лишь фиральдийском порту?

Сколора выбрал удачное место: «Вивия Инфанти» была видна как на ладони, а тюки скрывали их от любопытных глаз немногочисленных портовых работяг.

– Понимаешь, о чем они говорят? – спросил Сколора.

Жители Сонсы говорили на странном диалекте, который почти невозможно было разобрать. Элс покачал головой, он и Сколору-то понимал с трудом.

– Что-то там творится, – зашептал Тонто. – Проклятье! Эньо, сукин ты сын, а я ведь тебе не поверил. Никто тебе не поверил, а ты оказался прав.

Они выглянули из-за тюков.

Да, на борту «Вивии Инфанти» началось какое-то оживление. А всего несколько минут назад корабль казался совершенно опустевшим, ведь команда сошла на берег вслед за пассажирами.

– Но они не из Братства, – засомневался Элс.

На причал сошли двое: высокий мужчина с высокомерным видом оглядывался по сторонам, а второй, постарше, согнулся

под тяжестью неимоверного количества поклажи. Высокий не спешил ему помогать. Ни того ни другого никто не видел во время путешествия.

– Думаешь, они так и будут разгуливать в своих черно-красных хламидах? Полюбуйтесь, мол, вот они мы. Что бы эти двое ни замышляли, это точно что-то секретное.

К причалу подъехала закрытая карета, запряженная двумя лошадьми.

– Вот уж ничего не скажешь – вовремя.

Тот, что нес поклажу, принялся перекладывать ларцы и тюки в экипаж; возница спустился с козел и помог ему. Высокий мужчина внимательно оглядывался по сторонам.

– Мне это не нравится, – сказал Тонто. – Что-то нечисто. Я сматываюсь.

И он беззвучно растворился в тени.

– Вот зараза! – выругался Сколора. – Да что же это происходит-то?

– Не знаю, – отозвался Адрано, который воевал вместе с Тонто в Святых Землях. – Но мы с ним оба живы только потому, что возле Кладезей Ихрейна чутье его ни разу не подвело.

– Тогда лучше прислушаться к его словам, – прошептал Элс, который во время походов научился доверять дурным предчувствиям Костыля и аль-Азера эр-Селима.

– Карета тронулась, – прошептал Сколора. – Едет сюда.

– Пропади ты пропадом! Ложись! Прячься!

– Но тут же люди кругом, – возразил Эньо.

Экипаж на полном скаку поравнялся с их укрытием. В щели между тюками промелькнул его полированный деревянный бок. И вдруг весь мир затопило светом.

Словно гигантским кулаком Элса ударило в грудь, и он отлетел к стене портового склада. Слышались истошные вопли его товарищей, повсюду разлетался горящий хлопок.

А потом его накрыла темнота.

Очнулся он довольно быстро. Несколько ошарашенных портовых стражников только-только прибыли на место взрыва. Говорили они очень быстро, и Элс почти ничего не мог понять, разобрал лишь одно слово – «колдовство».

Левое запястье нестерпимо ныло.

– Господь милосерден, – пробормотал он.

Рука горела огнем, на коже выскочили крупные волдыри. Значит, его защитил амулет.

Элс с трудом поднялся на ноги, и сонсианцы испуганно отпрянули.

– Что случилось? Где мои друзья?

Кое-как, с трудом подбирая слова, Элс попытался объяснить, что они с товарищами решили сэкономить и переночевать прямо тут – на тюках с хлопком. Как вдруг прогремел взрыв.

Стражники знали и того меньше. Тишина, а потом вдруг бабах! И весь причал завален горящим хлопком. Может, кланы Сонсы опять чего-то не поделили?

Сколору нашли почти сразу. Дирециец был мертв, его разорвало на четыре части, которые еще удерживались на тонких ниточках плоти. Останки Адрано расшвыряло по всему причалу вперемешку с хлопком.

Если раньше стражники еще сомневались, то теперь знали наверняка: здесь не обошлось без колдовства. В ту же минуту их как ветром сдуло.

Причал опустел. Куда делись портовые работяги? Где матросы? Где зеваки, привлеченные шумом? Неужели дурные вести разлетаются настолько быстро?

Элс посмотрел на изувеченные тела Сколоры и Адрано. Им уже ничем не поможешь. Его терзали гнев и чувство вины.

Подобрав уцелевшие вещи, Тейдж поковылял прочь с пристани. Никто не следил за ним. Вокруг не было ни души.

На город опускалась тьма. Нужно спрятаться где-нибудь.

На тот постоялый двор, про который они говорили, теперь соваться нельзя.

На корме «Вивии Инфанти» зажегся огонь. Да это же фонарь в капитанской каюте!

Элс осторожно прокрался к корме. На причале по-прежнему не было ни души, но это ненадолго.

Из капитанской каюты доносились звуки лютни. Элс не знал этой грустной песни о неразделенной любви. Такие сочиняют в Коннеке – на родине любовных баллад.

Ша-луг медленно приподнял защелку и бесшумно открыл дверь.

Капитан сидел к нему спиной в мягком кресле возле штурманского стола и глядел в окно. В лиловых небесах одна за другой зажигались звезды.

Неожиданно он оборвал свою печальную песню.

– Проклятый колдун, так и знал, что обманешь, – сказал капитан.

Слово «колдун» прозвучало в его устах презрительным ругательством.

Он обернулся и удивленно вытаращился на Элса:

– Ты еще кто такой?

– Человек, охваченный горем. Твой загадочный пассажир

только что прикончил двух моих друзей. Расскажи-ка мне о нем.

– Ты, должно быть, шутишь.

– Он, конечно, опасен, зато я-то уже здесь. И очень-очень зол. А ты скоро искренне пожалеешь, что не отправился в ад вместе с моими друзьями.

Капитан пытался сопротивляться, но он был уже немолод да и драться никогда толком не умел. А Элс был опытным воином в самом расцвете лет и к тому же весьма преуспел в искусстве допроса.

Когда исход дела стал очевиден обоим, капитан заговорил:

– Это высокомерная свинья, пустоголовый фанатик; если ты вознамерился его прикончить, желаю удачи.

Такой поворот не входил в планы Элса. Он ведь всего-то и хотел – разузнать, что происходит.

Пока капитан говорил, Элс мерил шагами каюту. Она вся была увешана разнообразными иноземными вещицами. Похоже, жизнь капитана неразрывно была связана с этим кораблем – здесь он жил, сюда с охотой возвращался. Среди прочих безделушек выделялись затейливые клинки, составной лук, из каких обычно стреляют степняки-лошадники, шестифутовый лук (ими несколько столетий назад вооружали гаргарлицейских пехотинцев) и люсидийский арбалет, такие во множестве изготавливают для местных ополченцев – натяжение ни к черту, зато с близкого расстояния попадет кто угодно. Арбалет украшали сутры из Писания, и тетива на нем была вполне пригодная, хотя, по всей видимости, владельцу это никак не помогло, раз его оружие оказалось здесь, в коллекции чалдарянского капитана.

– Поосторожней с арбалетом, – предупредил сонсианец. – Спусковой механизм очень чувствительный.

Арбалет был заряжен.

– Не стоит все время держать его взведенным, пружина слабеет, – отозвался Элс.

Расспросив капитана о колдуне из Братства, он решил на этом не останавливаться. Как относятся жители Сонсы к церковникам? К Безупречному V? Что думают о новом священном походе?

– Священные походы выгодны Сонсе. Патриарх вообще буйнопомешанный, но нам-то плевать – лишь бы золото текло в казну.

Элс уселся в освободившееся кресло (сам капитан к тому времени лежал связанный на столе) и наконец-то распечатал Гордимеровы письма.

В них не было никакой новой информации. Лев приказывал

не привлекать внимания, смотреть в оба, прислушиваться к разговорам, запоминать даже самые незначительные детали, вникать в систему мышления и логику аргендцев, сеять раздор между врагами Дринджера, чтобы у них не осталось сил и времени ни на какие походы, подбираться поближе к Безупречному и коллегии. И так далее и тому подобное. Ни слова о том, что делать с жаждущими твоей смерти шпионами или колдунами из Братства Войны.

Зато в них говорилось, как разыскать в Сонсе двух дринджерийских агентов (о существовании друг друга им сообщать не следовало).

– Эй ты, недоумок! – рявкнул капитан, и Элс отвлекся от своих писем. – Очнись. Кто-то поднялся на борт.

Тейдж не стал спрашивать, как сонсианец узнал. В конце концов, это его корабль. Воин собрал бумаги, снял со стены арбалет и притаился в темном углу.

Защелка отодвинулась, дверь распахнулась. На пороге стоял некто в черном одеянии.

– Что еще такое? – удивленно выпалил он, увидев на столе связанного капитана.

– Передавай привет Эньо и Адрано, – отозвался Элс, выпуская стрелу.

С кошачьим проворством неизвестный метнулся в сторону, но чуть опоздал – стрела вонзилась ему в правое плечо, и он зарычал от боли.

Элс отбросил арбалет и ринулся вперед, надеясь опередить противника и не дать ему пустить в ход волшебство.

Но тот уже вытащил короткий меч. Оружие ему пришлось держать в левой руке, но, несмотря на это и на рану в плече, держался он весьма уверенно. Пока не понял, что имеет дело с искусным воином.

Человек в черном сделал выпад, заставив Элса отступить на шаг, и бросился прочь из каюты. Тейдж за ним не спешил. Мало ли что ждет там, в темноте? Ночь уже наступила, лучше не искушать судьбу.

Ша-луг нашел новую стрелу для арбалета, проверил заткнутые за пояс письма, погасил фонарь и, распахнув кормовое окно, вылез наружу. По швартову ему удалось спуститься на причал. Притаившись за большим деревянным кнехтом, он пытался отдышаться. По трапу проковылял раненый рыцарь, оглядываясь через плечо.

Почему он не прибегнул к волшебству?

Элс снова выстрелил.

Стрела попала в цель, но мужчина даже не остановился.

Наверное, у него под одеждой кольчуга.

Дринджерийский шпион, который впустил Элса в свою лавку в столь неурочный час, оказался настоящим гномом – сгорбленным маленьким дэвом футов четырех росту.

– Я знал, что рано или поздно этот день придет, – недовольно проворчал он. – Обманывал себя, дескать, нечего бояться. Думал, ну пошлю иногда письмо в обмен на пару серебряных монет. Но все ведь к этому и шло?

Элс огляделся по сторонам. Крошечную комнатку серебряных дел мастера освещало тусклое пламя малюсенькой лампады. Скорее всего, работает он в основном на других дэвов. Повсюду предметы религиозного культа, значит мастерская наверняка расположена в самом сердце дэвского квартала.

– Да. Ты прав. Именно этого ты и ждал долгие годы, за это тебе и платили. Я должен исчезнуть и залечь на дно. У меня для тебя письмо из Аль-Кварна.

Звали гнома Гледиус Стьюпо.

– Деловой подход, – отозвался он.

Стьюпо, несмотря на свое явное недовольство, оказался готов к подобным неожиданностям. Под его домом располагалась вполне пригодная для жилья тайная комната, которую в случае обыска можно было выдать за особую мастерскую.

– Здесь они тебя не найдут, разве что пустят в ход совсем уж сильное колдовство.

Гном страдал от нервного тика, что весьма раздражало. Голова его находилась в постоянном движении – то и дело кивала или покачивалась из стороны в сторону. Сказав что-нибудь, Гледиус неизменно усмехался эдаким вымученным смешком, словно каждая его фраза была остроумной шуткой.

Элс же ничего смешного в его словах не находил.

Что еще хуже, сидя на стуле, гном беспрестанно раскачивался взад-вперед. Об этих своих особенностях он явно не подозревал.

– Хорошо, – сказал Стьюпо, прочитав письмо. – Ну что ж, помогу чем смогу.

Ша-луг рассказал обо всем случившемся. Не было смысла ничего утаивать.

– Я уложил останки Адрано так, чтобы было похоже, будто это я погиб при взрыве. Обыскал тела и забрал кое-что из вещей.

– Хорошо, а как же тот убийца из Братства, которому удалось ускользнуть?

– Не знаю, был ли он убийцей. Я только знаю, что поступки их весьма неразумны. Должны же они понимать, что убивать того капитана глупо, ведь он помогал им. А от трупа какой толк?

– Меня больше интересует, что стало с рыцарем.

– Сбежал.

– Он не применял против тебя колдовства?

– Нет.

– Тебя надули. Тот, кого ты принял за слугу, и есть волшебник. А второй – его помощник и телохранитель.

– Вполне возможно. Надежно ли мы укрыты здесь от созданий Ночи?

– Надежно. Эти края заселили еще до Древней Бротской Империи. Всех духов постепенно изловили – либо изгнали, либо заточили в камни, деревья или родники. Остались лишь самые безобидные. Волшебнику почти не с чем работать. Сонсианцы – практичные люди, они предпочитают жить по законам экономики, а не по законам хаоса.

– Какие же законы у хаоса?

– Если присмотреться, даже в беспорядке найдется своя закономерность.

– А если колдун привез духов с собой?

Гном провел рукой по нечесаным седым космам.

– Тоже может быть. Но ты говоришь, он из особого ведомства. А тамошние рыцари стремятся покончить с Тиранией Ночи. Они не стали бы таскать ночные создания с собой.

– Но не прибегают ли они ко злу ради победы над злом?

Эту ошибку совершали даже в Обители Мира.

– Сами они, разумеется, скажут, что нет. Как бы то ни было, в этой комнате тебя не найдут. Отдохни. Утром я выясню, что говорят в городе.

– Веди себя как обычно, не меняй распорядка дня. Я бы не прочь перекусить, с самого утра во рту ни крошки.

– Ша-луг, я тебе в дедушки гожусь, не учи меня делать мое дело.

– Я не… Понятно.

– Тебе, ша-луг, сейчас лучше не высовываться, – сообщил Стьюпо на следующий вечер, принеся Элсу ужин. – Вряд ли ты мне соврал, но Братство рассказывает совсем другую историю. Они якобы ловят иноземного шпиона.

– Неужто? Глупая выдумка. А что за шпион? Не говорят?

– Нет. В здешних краях никто не верит ни единому слову братьев. Разве что Синие, клан Ферми.

– Значит, поднялась суматоха. И как остальные цвета к этому отнеслись?

– Разные ходят слухи. Но на улице тебе показываться нельзя. Любого светловолосого мужчину твоей комплекции тут же

заграбастают.

Элс кивнул. Повезло, как всегда. А ему-то всего и надо было – сойти с корабля и отправиться дальше на юг.

– Если бы ты не стал допрашивать капитана «Вивии Инфанти», все, может, и обошлось бы. Но ты покусился на жизнь члена Братства.

– Я позабыл о стратегии, – хмыкнул Элс, – и сосредоточился на тактике. Решил непременно выяснить, что происходит.

– Тебе повезло. Они сами толком не знают, кого ищут. Но ищут усиленно. До меня дошли слухи, что волшебник обеспокоен: после того взрыва никто не должен был уцелеть.

– Ты же говорил, в Сонсе нету магических сил?

– Сболтнул глупость.

– Что думают жители города?

– Мало кто опечалится, – усмехнулся гном, – если кого-то из братьев ненароком ухлопают. Здесь у них мало влияния, разве что Ферми от них зависят. Братья сильно докучают местным дэвам и дейншокинам.

– Им дозволяется хватать людей на улице? Или власти Сонсы вмешаются?

– Дуранданти и Сковилетти стараются не ссорится с Братством. Боятся, что те поддержат соперников.

– А Братство этим вовсю пользуется?

– Конечно. Они же не дураки. Но им невдомек, насколько их здесь недолюбливают.

– В каком смысле?

– Они пользуются влиянием, но только лишь потому, что здесь, как и во всей Фиральдии, нет местной знати, под знаменами которой объединились бы все остальные. Едина лишь церковь. На нас наседает Империя. В Броте за власть и за место патриарха неустанно борются пять кланов. Безупречного не избрали бы, если бы не поддержка Братства Войны и особого ведомства. Он перед ними в долгу, а его воинственная политика – на самом деле их рук дело. Я не раз писал об этом в Аль-Кварн, но разве кто-нибудь меня слушает?

– Гордимер – прекрасный военачальник, но правитель и стратег из него неважный. К несчастью, управляй Дринджером каиф Карим Касим аль-Бакр, все только и делали бы, что молились, и чалдаряне расправлялись бы с нами, как с детьми. Ты хорошо знаешь Сонсу – как долго все будут обсуждать новости?

– Большинство забудет про них уже к завтрашнему вечеру. Остальные – к концу недели. Если только Братство не объявит за твою голову большую награду. Тогда тобой заинтересуются

опасные люди.

– Значит, нужно затаиться и переждать. Здесь разводят овец? Или коров? Можно раздобыть что-нибудь кроме свинины? С самого Ранча сижу на солонине. Каиф заранее отпустил мне грехи, но я чувствую на себе скверну.

– За дурака меня держишь, ша-луг? – прищурился Стьюпо. – Проверяешь на верность? Ты здесь уже сутки, и Братство до сих пор не наложило на тебя лапы. Учти, тебя всю жизнь обманывали: основатели праманской веры на самом деле были одурманенными безумцами, склонными к самообману. Но мне до религии дела нет. Зато есть дело до священных походов. Они терзают Суриет.

Суриетом на мельхаике именовались Святые Земли.

Во время первых священных походов армии захватчиков грабили все храмы и города, не принадлежавшие чалдарянам. Да и принадлежавшие тоже, если эти чалдаряне отказывались признавать бротских патриархов. Именно тогда Братство Войны прославилось и нажило состояние.

В древности, еще до Праманского завоевания, Кладезями Ихрейна владела Восточная Империя. Там чалдарянская религия не была столь нетерпимой и не требовала уничтожать иноверцев. После завоевания не многое изменилось, разве что у каких-то чалдарянских культов стало меньше последователей.

Когда же Святые Земли явились освобождать армии запада, чалдарянские воины грабили даже тех, чье вероисповедание не сильно отличалось от их собственного, почитая их неверными и вообще нелюдями.

– В нашем ремесле доверие не в почете, – сказал Элс. – Прошу прощения. Но мне действительно ужасно хочется баранины.

– Понимаю. Я тебе тоже не особенно доверяю. Удовлетвори мое любопытство – скажи, как ты уцелел в том взрыве, когда твоих друзей разорвало на части?

– А теперь кто кого проверяет? – усмехнулся Элс.

Стьюпо и Элс вместе прикончили баранье жаркое.

– Вот и еще один занимательный день прошел, – заметил Гледиус, потягивая темное вино с прибрежных виноградников.

Его нервный тик сегодня не так бросался в глаза.

– Поговори со мной, – сказал Элс. – Все равно о чем. Терпение не относится к числу моих добродетелей.

– Я нашел, где раздобыть амбонипсгские кофейные зерна.

– Повезло тебе. Полагаю, в Сонсу они попадают тем же путем, что и хлопок.

Высокогорное царство Амбонипсга располагалось на юго-

востоке от Дринджера. Эти два государства разделяла необитаемая каменистая пустыня. Амбонипсгу населяли в основном чалдаряне арианистского толка и немногочисленные язычники и дэвы. А еще там выращивали самый лучший на свете кофе.

– Вчера ты задал мне вопрос, – сказал Элс, поднимая левую руку, – так вот, я остался в живых из-за амулета, он защищает меня от колдовства и созданий Ночи. Увидеть его нельзя, зато видно ожоги. Он раскалился тогда на причале.

– Понятно. Может, все-таки попробуешь вино? Превосходное.

Элс покачал головой.

В лавке тихо прозвенел колокольчик. Гном подпрыгнул от неожиданности.

– В такое время? – проворчал он. – Надеюсь, не еще один шпион заявился.

– О других мне ничего не известно, я один.

Колокольчик не унимался.

– Иди открой.

Вряд ли это опасно. Те, кому нужна голова Элса, не стали бы звонить в дверь.

Вернувшийся из лавки Стьюпо был взволнован. Его тик разыгрался с новой силой.

– Что случилось?

– Нашли твоего друга, который сбежал перед взрывом. Теперь ищут некоего Эльфорда да Скеса. Он единственный из пассажиров «Вивии Инфанти» бесследно исчез. Мало того что ты недобил того убийцу, так ты еще слишком много болтал.

– Тот парень ничем им не поможет. Он туп от рождения.

– Еще кое-что.

– Что именно?

– Капитан «Вивии Инфанти» прилюдно жалуется на волшебника из особого ведомства: мол, пришлось везти его в Сонсу, а тот повел себя как свинья и явился его убить. А капитан ни много ни мало брат дона Алеано Дуранданти.

– Этот дон здесь большая шишка?

– Самый главный Дуранданти. К тому же после появления этого волшебника Братство совсем озверело. – Гном дважды качнулся туда-сюда. – Даже Ферми ворчат.

– Что случилось?

Элс уже почти не обращал внимания на дерганье Стьюпо.

– Семейство Дуранданти решило выселить рыцарей из казармы. Они давно уже не платят положенную ренту.

– Я смотрю, тебя это радует.

– Братство Войны терзало Суриет хуже прочих. Их орден наживается на воровстве и работорговле.

Почти все дэвы, расселившиеся за пределами Святых Земель, были потомками бывших рабов.

– Понимаю.

– Ша-луг, можешь ты скрыть кое-что от тех, кто тебя послал?

– Я не должен этого делать. В отчетах полагается указывать все, что может заинтересовать Аль-Кварн.

– Не хочу, чтобы им там стали известны некоторые подробности. Меня пугает не столько Гордимер, сколько тот второй – колдун.

– Эр-Рашаль? Но почему?

– Мы много про него слышали. Я дэв и потому не хочу, чтобы он знал кое о каких наших делах. Если ты считаешь, что обязан докладывать обо всем без утайки, я не во всем тебе помогу.

– На кое-какие мелочи я закрою глаза. Если они не представляют угрозы для моих родных, моего народа, моей страны или моего бога.

Разве может один гном представлять угрозу для Дринджера?

– Хорошо. Замечательно. Что ж, придется рискнуть головой и поверить, что слову ша-луг и правда можно верить, как они пытаются всех убедить.

Элс тихонько выругался. Да этот гном издевается! Ведь у праман действительно не считалось грехом лгать неверным.

– Запомни: Гледиус Стьюпо не ша-луг. Гледиус Стьюпо – настоящий дэв, он любит свой народ и ради него помогает врагам своих врагов.

– Понимаю.

Обычно дэвы открыто не высказывали свои взгляды, разве что оставшиеся в Святых Землях во всеуслышание заявляли, что захватчиков нужно изгнать из Суриета.

Хотя много веков назад сами дэвы силой захватили те края.

– Я хочу, чтобы ты твердо все решил и сказал мне об этом. Иначе я не смогу тебе кое-что показать.

В Святых Землях постоянно шла война, туда все время кто-нибудь вторгался, и то один народ, то другой пытался захватить Кладези Ихрейна.

Почему, интересно, там не возникло ни одной империи?

– Я уже все тебе сказал, – отозвался Элс. – Если хочешь доверить мне какую-то тайну, я проявлю к ней уважение.

– Это хорошо. Потому что сонсианским дэвам, боюсь, очень скоро понадобится помощь опытного воина.

Ша-луг непонимающе хмыкнул.

– Братство не желает смириться с неизбежным, – продолжал

гном. – Они отказываются уходить, верят, что господь на их стороне. Покидать казармы они не намерены и готовы применить силу. Уже погиб один наемник Дуранданти.

– И это я должен скрыть от Аль-Кварна?

– А неизбежное очень скоро произойдет. Братство тянет время и надеется на помощь со стороны. Потом они просто-напросто переложат вину за беспорядки на иноземцев и неверных. Когда начинается смута, первым разносят квартал дэвов. Правящие в республиках кланы не поощряют нетерпимость: она мешает торговле, а республикам нужны дэвские ремесленники и стряпчие. Но чернь всегда с радостью бросается на иноверцев.

Во многих праманских городах дэвы тоже играли важную роль. Например, в Дирецции именно дэвы чаще всего служили чиновниками. Там они поддерживали праманских правителей.

– А новый патриарх… – добавил Стьюпо. – Ему слово «терпимость» вообще неведомо. Он призывает свою паству ополчиться на всех подряд, даже на единоверцев, если те осмелились усомниться в том, что он непогрешимый божий посланник.

– Думаешь, начнутся крупные беспорядки?

– Думаю, местная чернь попытается изгнать Братство. Три клана умоют руки. Многие пострадают. Тогда Братство во всем обвинит нас, и чернь набросится уже на дэвов. Тем временем братья договорятся с кланами, и все пойдет по-старому.

– От меня-то ты чего хочешь?

– Профессионального совета. Нам нужно как-то отбиться, причем желательно, чтобы погибло не слишком много народу: мы не хотим сильно разъярить нападающих.

– Ну что ж, удачи.

Элс не умел сражаться так, чтобы не разъярить противника. Когда бьешься с врагом, нужно причинить ему такую боль, чтобы он просто-напросто позабыл о злости.

– Но почему ты не хочешь, чтобы я докладывал в Аль-Кварн?

– Я думал, ты уже понял. Если на нас нападут, мы будем сражаться.

– А как это связано с Аль-Кварном?

– Наши средства могут заинтересовать волшебника.

– Сражаться – не самая удачная идея.

– Как бы то ни было, – пожал плечами гном. – Пойдем.

Квартал дэвов окутывали мгла и тишина. Элс заметил притаившихся в тени вооруженных мужчин. Где-то на реке Сон прогремел взрыв, и низкие плотные тучи осветило зарево пожара.

– Похоже, будет дождь, – сказал Элс.

– Хорошо бы, – отозвался Стьюпо. – Немного остудит горячие головы.

Они прошли около четверти мили – большое расстояние по меркам дэвского квартала, ведь здесь на тесном пятачке обитало очень много народу. Своих умерших дэвам приходилось хоронить за стеной на неосвященной земле, которую специально для этого выделила церковь.

– Повсюду шпионы, – проворчал гном.

Двое очень серьезных юнцов что-то спросили у Гледиуса, тот шепотом ответил. Один из караульных торопливо открыл перед ними дверь богатого с виду дома, в котором не было ни лавок, ни мастерских.

Узкий длинный коридор с истертыми деревянными половицами освещала единственная свеча. В коридор выходило четыре запертых двери.

Еще одна, открытая, виднелась в дальнем конце, за ней вниз уходила узкая лестница. Стьюпо шел уверенно и явно хорошо знал дорогу.

На последней ступеньке гном остановился и молча подождал, пока их провожатый поднимется обратно. Затем открыл какой-то древний платяной шкаф, набитый рванью, запустил туда руку и потянул. Задняя стенка шкафа отъехала в сторону, и за ней открылся темный проход.

– Там, в темноте, тебя никто не подстерегает, – сказал Стьюпо.

– Я пойду следом за тобой, – ответил Элс. – Ты сам бывал в Суриете?

– Нет, а ты?

– Бывал. Нет ничего темнее тамошней тьмы.

Гном протиснулся вперед. Оказалось, что проход завешен полосками черного сукна.

Пройдя следом за гномом, Элс очутился в темном помещении. Стьюпо произнес какие-то слова – должно быть, пароль.

Из мрака появился древний дэв в традиционном наряде. Лицо его украшала длиннющая борода, а в руке горела крохотная свеча. Он безмолвствовал. Элс и Гледиус прошли сквозь еще один суконный занавес в комнату побольше.

Видимо, весь квартал был изрыт туннелями, нашпигован погребами, тайными проходами и укрытиями. Куда, интересно, дэвы девали землю, когда рыли все это?

Здесь, похоже, уже давно готовятся к неприятностям.

В подземелье располагался целый арсенал, а еще там сидело

семеро сморщенных усохших старичков.

– Это местные дэвы-старейшины, – представил Стьюпо.

Лица старейшин заросли седыми бородами. Эти типы уже наверняка много лет не выходили на свет. Один из них был так стар, что, верно, застал самого создателя за работой. Небось вовсю критиковал его великое и такое несовершенное творение.

Внимательно изучив присутствующих, Элс перевел взгляд на оружие.

Ничего себе.

– У дэвов, я вижу, куча денег, – сказал он.

Здесь были и имперские приспособления для метания огня, и люсидийские арбалеты, с которыми мог управиться любой неуч, и специальное оружие, вроде осадных и штурмовых машин, и амфоры с ядом, чтобы смазывать наконечники стрел, и копья, и мечи, и кинжалы.

Все это свидетельствовало о яростной решимости.

В прошлом дэвы испытали жестокость этих орудий на себе.

– Итак, я здесь, – сказал ша-луг. – И вижу, что настроены вы серьезно. Чего вы ждете от меня?

– Если на нас не нападут, то ничего, – отозвался Стьюпо. – Но если все же нападут, ты будешь нами командовать. Ты наша надежда. За пределами этой комнаты никто никогда не узнает, что дэвам помогал чужеземец.

Элсу буквально выкручивали руки.

– Давайте посмотрим, что у нас есть.

Он ведь в полной их власти.

– Вот что я вам скажу: вас просто-напросто перебьют, – сообщил ша-луг старейшинам пять минут спустя. – Достаточно будет одного волшебника.

Колдовство, даже если речь шла об искусном чародее, не применялось в серьезных битвах. Один колдун мало что мог: его магия поражала лишь небольшой участок. Но здесь, в маленьком квартале, среди тесно сдвинутых домишек и один волшебник сумел бы нанести поистине ужасающий вред.

– Зачем чалдарянам нападать на дэвов? – спросил Элс.

– Они верят, – отозвался один из стариков, удивительно похожий на замшелую кочку с глазами, – что все дэвы сговорились и тайно замышляют погрузить мир в вечную тьму.

– Понятно. И живете вы в каждом городе именно поэтому, а то, что вас по всему миру рассеяли работорговцы, никого не волнует. Истинно верующих вообще мало что волнует.

К тому же еще в стародавние времена в Древней Империи до священных походов существовали две крупные дэвские диаспоры за пределами Святых Земель.

– К чему ты клонишь? – нахмурился Стьюпо.

– Озверевшая толпа вломится в ваш квартал, а тут их встретят решительные вооруженные воины. Что дальше?

– Многие погибнут.

– Подтвердив тем самым всеобщую уверенность в том, что дэвы – порождение зла и их нужно стереть с лица земли, пока они не свергли церковников и не осквернили всех чалдарянских девственниц.

Спорить было бесполезно. Дэвы жаждали драки и не хотели прислушиваться к голосу разума.

– А это что такое? – спросил Элс, указывая на оружие, которому никак не полагалось быть здесь, за пределами Дринджера.

Еще недоделанная пушка, чуть меньшего калибра и чуть короче, чем тот фальконет, который ша-луг брали с собой в Андесквелуз. Над пушкой, по всей видимости, еще несколько минут назад трудился оружейник – в комнате висел запах раскаленного железа.

Сначала они обернули железо вокруг стального прута, а потом раскалили и обработали молотом.

– Тут работал кузнец-оружейник?

Похожим образом изготавливают мечи. А лучшими кузнецами-оружейниками в праманской Дирекции считались дэвы.

Нужно ли доложить об этом в Аль-Кварн? О самой пушке? Или о том, что в тайных мастерских эр-Рашаля служат дэвы-шпионы? Фальконеты почти не использовали в битвах вплоть до происшествия с богоном, и потому они не привлекали особого внимания.

– Это новое оружие, – признался Стьюпо. – Не стану хвастаться, что понимаю принцип его действия. Мне сказали, что оно поможет нам справиться с колдунами.

Значит, старейшины все же отлично знали, что происходит за пределами их подвала. Если они сумеют одолеть волшебника, все не так безнадежно. Особенно если дэвы действительно настолько хитроумны и коварны, как пытается внушить всем церковь.

– Если вы хотите отбиться и при этом уцелеть, эту игрушку надо поскорее закончить.

Каким образом новости так быстро долетели до Сонсы?

Во многих легендах говорилось о кинжалах с железными клинками и стрелах с серебряными наконечниками, но любой мало-мальски способный волшебник мог специальным заклинанием с легкостью уничтожить дерево, перья, кость, хлопок, лен или костяной клей, тогда стрела распадалась в полете и посеребренный наконечник уже не мог причинить вреда.

Да и человеку с кинжалом тоже легко отвести глаза, если только волшебник не решит вздремнуть.

Да, дэвы мастерски поставили его в безвыходное положение. Необходимо выяснить, что именно они замышляют и сколько им известно. Коварный план – ему раскрыли лишь малую толику правды, и теперь придется выяснять остальное.

Совсем не просто так ему показали пушку.

Наверняка у дэвов шпионы в близком окружении эр-Рашаля, а может быть, и самого Гордимера Льва.

События развивались по слишком предсказуемому сценарию. Шайка юнцов ворвалась в дэвский квартал, бросалась камнями в дэвов, вломилась в одну лавку, чуть не изнасиловала дэвскую девушку. Так они развлекались, пока вдруг не обнаружили себя в окружении суровых мужчин, которых совершенно не забавляли подобные веселые выходки. Молодчиков избили до полусмерти и бросили в сточную канаву.

Отцы, братья и прочие родственники горе-налетчиков, конечно же, оскорбились. Дело дошло до вооруженных стычек. Погибло около десятка чалдарян.

Спустя некоторое время расхрабрившаяся пьяная толпа затеяла драку, а воодушевленные дэвы в ответ перестреляли кучу народу из арбалетов.

Все стычки происходили только внутри дэвского квартала, что хоть немного обеляло дэвов в глазах правителей Сонсы.

Волнения продолжались восемь дней. Элс командовал и в то же время пытался образумить свое войско. Но дэвам не нужен был командир, и образумить их уже было невозможно. На восьмой день властям пришлось обратить внимание на воцарившийся хаос, потому что загорелись дома за пределами дэвского квартала. Городскому ополчению велели восстановить порядок, но ополчение в тот момент как раз осаждало казармы с засевшими там братьями.

Элс помог дэвам устроить засаду, хотя и понимал, что в случае успеха они обречены. Засада удалась.

Гнев чалдарян, естественно, не знал пределов.

– Теперь вам объявят войну, – сказал Элс старейшинам. – И кончится все плохо. На одного дэва приходится сотня чалдарян.

– Так было всегда, – ответил Гледиус Стьюпо.

Успех опьянил их. Пока что у дэвов не погиб ни один человек.

– Пушка готова, – сообщил один из длиннобородых.

– Для Сонсы главное – торговля, – сказал другой. – А без нас у них дела не пойдут. Трем кланам придется оставить все как

есть.

Сонса затихла. За пределами дэвского квартала воцарился порядок. Кланы действительно пытались остудить горячие головы, но слишком уж этих голов было много. Больше всех рвались в бой рыцари из Братства, подстегиваемые загадочным колдуном, приплывшем на «Вивии Инфанти».

Пошел слух, что в восстании виноваты чужеземные наемники. Элса запросто могли забросать камнями прямо на улице.

Обстоятельства стремительно менялись. Пришла пора выбираться из Сонсы.

Какая польза Дринджеру, если он погибнет во время местных беспорядков?

Новости меж тем достигли Брота. Патриарх уже давно выпустил буллу, призывающую истребить всех неверных. Теперь он приказал трем кланам Сонсы предоставить в распоряжение Братства Войны своих солдат.

У дэвов были в городе друзья и шпионы, а рыцари успели нажить себе множество врагов, поэтому планы Братства недолго оставались в секрете.

Члены ордена не были дураками и не надеялись застать дэвов врасплох. Рыцарей было всего несколько десятков, и они не рвались в бой.

– Почему все всегда именно так? – вопрошал Элс. – Те, кому больше всех неймется, вечно подстрекают других, а сами прячутся за их спинами.

Вопрос был не к месту. Старейшины дэвов действительно прятались за спинами молодых, но тех не нужно было подстрекать – они и так рвались в бой. Пока еще ситуация им благоприятствовала.

– Что вы станете делать, когда нападет Братство? – увещевал Тейдж. – Их не обратишь в бегство парой выстрелов. И с ними волшебник. Они всех перебьют. Я уже такого навидался.

Но дэвы лишь смотрели на него бессмысленным взглядом. Старики не желали ничего слушать. Они неумолимо шли ко дну и тянули Элса за собой.

Его ни на минуту не оставляли одного с того самого первого визита к старейшинам. Хотя приставленных к нему соглядатаев наверняка удастся стряхнуть с хвоста.

Как и ожидал Элс, Братство напало ночью. Волшебники лучше чувствуют себя в темноте. Городские войска больше боялись рыцарей, которые прятались у них за спиной, чем самих

дэвов. Перегородившую вход в квартал баррикаду снесли, хотя многие сонсианцы просто перелезли через стену. Ее высота не превышала десяти футов – ведь она служила не для защиты, а чтобы удержать дэвов внутри.

Никто не оказал сопротивления. Испуганные и озадаченные солдаты двинулись вперед, каждую минуту ожидая подвоха, боясь угодить в смертельную ловушку.

Ведь на дворе-то ночь, а дэвы поклоняются Ночи, это же всем известно.

Окна лавок и домов были заколочены досками, внутри не оказалось ни людей, ни ценного имущества.

Три клана велели своим наемникам по возможности не убивать и не калечить, ведь дэвы играли важную роль в процветании Сонсы.

Услышав, что в дэвском квартале все тихо, Братство Войны поспешило вперед: им не терпелось помародерствовать.

Сонсианскому ополчению сделалось и вовсе не по себе.

Того и гляди дэвские чародеи натравят на них какие-нибудь исчадия Ночи.

Элс наблюдал за улицей сквозь щель в ставнях. Как он и предполагал, перед битвой сонсианцы отчаянно раззадоривали сами себя. Многие напились и теперь не понимали, что им делать: нападать-то не на кого. Солдаты топтались посреди дэвского квартала и пугали друг друга, рассказывая разные небылицы, никто даже не полез мародерствовать.

– Видишь, – шепотом сказал Тейдж Гледиусу, – про дисциплину все забыли. Напились как свиньи и сами не понимают, зачем сюда явились. Сейчас спохватятся и побегут разыскивать легендарные дэвские сокровища. Тогда-то и наступит наш черед.

Женщины и дети, прихватив все самое ценное, прятались под землей. Если случится худшее, они сбегут из города через тайный туннель, выходивший на поверхность за южной стеной. Элсу не полагалось знать ни про это, ни про секретные подземные ходы в принципе, но молодые дэвы в его присутствии иногда забывались и переходили с мельхаика на более привычный им язык.

Элс искренне старался помочь восставшим, ведь в случае успеха их пример вдохновит дэвов в других городах. Пусть лучше Безупречный разбирается с местными неприятностями и не суется на восток.

– Вот тот, кто нам нужен.

На улочке появился высокий мужчина в черном плаще – загадочный пассажир «Вивии Инфанти», в которого стрелял Элс.

Похоже, оба выстрела ничуть не навредили ему.

– Приготовиться, – скомандовал ша-луг. – Сейчас он начнет колдовать – попытается выяснить, куда все делись.

В россказнях о волшебниках-дэвах была определенная доля истины: конечно, колдовать, как и у остальных народов, умели далеко не все из них, а лишь немногие старики. Тем дэвам, кто обладал более-менее устойчивым даром, было приказано скрыть притаившихся в подземельях детей и женщин.

А несколько укрытий, наоборот, намеренно оставили без защиты.

Неожиданно высокий человек в черном направился в сторону того дома, где засел Элс с подручными. Шагал он очень быстро – вероятно, что-то почуял.

– Запал! – скомандовал Тейдж, направляя пушку.

Колдун сорвался на бег.

Канонир поджег запал.

Раздался оглушительный грохот, и все вокруг заволокло вонючим дымом. Когда дым рассеялся, они увидели распростертого на мостовой рыцаря – выстрел отбросил его на десять футов, а серебряный снаряд поразил прямо в сердце. Умер он, похоже, еще на бегу.

Грохот послужил сигналом сидевшим в засаде дэвам.

Они осыпали нападавших смертоносными стрелами с крыш, но целились в основном в братьев.

Кто-то громко вопил, чтобы погасили факелы. Кто-то еще громче – чтобы приказы немедленно выполнялись.

Воины-дэвы налетали из узких улочек, разили врагов и сразу же растворялись в ночи. Стрелки` на крышах делали свою смертоносную работу.

Элс тоже выкрикивал приказы и честил на чем свет стоит дэвов, суетящихся вокруг пушки. Ее следовало перезарядить на тот случай, если появится второй волшебник. Трое канониров прочистили дуло, засыпали новую порцию огненного порошка, зарядили орудие ядром, железными шариками и серебряными ошметками, которые весьма неохотно выдал им для второго выстрела скряга Стьюпо. Но ушло у них на это добрых пять минут.

За окном все стихло. Дэвы отступили, унося с собой раненых и позволив налетчикам оттащить своих. Все еще оставалась надежда отразить нападение, не вызвав особого гнева трех кланов Сонсы.

– Чужеземец! – крикнул кто-то из канониров. – Вон идет второй.

Элс протолкался к окну.

На улице показался второй пассажир «Вивии Инфанти». Он что-то громко закричал, и ополченцы, словно побитые псы, потихоньку двинулись вперед, в темные закоулки.

Колдун заметил распростертое на мостовой тело своего помощника и осторожно подошел, внимательно вглядываясь в ночную тьму.

И тут его слегка задело арбалетной стрелой.

Волшебник взревел – скорее от злости, чем от боли – и начал читать заранее подготовленное заклинание.

Наверное, собирается ослепить или разоружить стрелков. Иначе непрерывный дождь из стрел не прекратится. Правда, заклинание затронет и его собственных людей, но волшебника это мало волновало.

– У нас беда! – закричал Элс, сообразив, что происходит. – Большая беда. Найдется холодная вода? И тряпки? Надо намочить тряпки.

Канониры начали наперебой спрашивать, зачем все это нужно.

– Да потому что тот волшебник работает с железом. Скоро наша пушка раскалится добела. Огненный порошок может взорваться. Тогда нам всем конец.

Но волшебник, к счастью для них, совершил ошибку.

Заклинание только-только набирало силу, а уцелевшие братья доставали деревянное и стеклянное оружие, как вдруг маг почуял, где именно скрывается тот, кто погубил его ученика.

С громким криком он бросился к подвалу, где притаился Элс.

Ша-луг подставил плечо под пушку, которая еще не успела сильно накалиться, и навел дуло.

– Запал! Запал!

Раздалось шипение. Похоже, приказ услышал и колдун, потому что он вдруг остановился.

В подвале громыхнуло. В ночь полетел смертоносный заряд из серебряной стружки и железного песка. Волшебника отбросило назад.

И тогда что-то с огромной силой ударило Элса в спину.

Спустя несколько мгновений Тейдж очнулся. Подвал окутало дымом.

Пахло порохом и горелым деревом.

Пушка взорвалась. Ша-луг уцелел лишь потому, что основной удар принял на себя дэв, поджигавший запал. Вокруг все было залито кровью.

Элс выглянул в окно. На улице царила неразбериха. Выстрел попал в цель, но, похоже, враг остался жив. Его куда-то

оттаскивали члены ордена.

Все сильнее пахло горящим деревом.

Пришла пора убираться отсюда. Где-то тут, в темном подвале, среди тел бравых юных повстанцев, лежала целая бочка огненного порошка.

Больше за ним никто не следил. Элс решил воспользоваться случаем и оказать услугу своему богу, Дринджеру и всем ша-луг – то есть, попросту говоря, сбежал. Он выбрался из дэвского квартала по глубокому и мокрому подземному туннелю, ведущему не за пределы города (эти ходы наверняка охраняли, к тому же там сейчас было не протолкнуться), а на кладбище возле одного из соборов Сонсы.

О существовании этого туннеля он узнал, подслушав разговор беспечных молодых дэвов.

В дэвском квартале вовсю шло сражение, а остальные жители Сонсы спали спокойным сном. Ночь была безлунная, и ничто не приглушало яркого сияния многочисленных звезд. Среди могил мерцало несколько припозднившихся светляков. Ни живым, ни мертвым, ни Орудиям Ночи, похоже, не было дела до перепачканного беглеца, вооруженного длинным кинжалом и подобранным по дороге железным прутом.

Над дэвским кварталом поднимался дым – там полыхал пожар. Бочка с огненным порошком рванула, когда Элс забрался в туннель. Теперь сонсианцы плечом к плечу с восставшими тушили пламя.

Воспользовавшись безразличием судьбы, Элс отправился на поиски второго агента Гордимера. Нужно было с него и начать. Тогда он счастливо избежал бы всей этой дэвской заварушки, был бы сейчас в Броте и знать не знал бы про дэвских шпионов во Дворце Королей.

Судя по слухам, патриарх собирает армию для вторжения в Кальзир. Или все-таки император? Завербовать солдат им будет нелегко. Если поход и состоится, кампания предстоит трудная, а поживиться там особенно нечем. Кальзир – бедное государство, живет в основном земледелием. Жизнь у них не сахар и едва ли что-нибудь менялось за последние две тысячи лет, разве что имена правителей.

В Аль-Кварне давно шутили, что когда чалдаряне и прамане бились за Кальзир, прамане в результате проиграли.

Но у Кальзира было одно важное преимущество: он имел стратегическое значение – занимал оконечность Фиральдии и огромный остров Шиппен, расположенный в самой узкой части Родного моря. Именно через Кальзир прамане переправляли

войска на Фиральдийский полуостров.

Элс четыре раза прошел мимо нужного дома, не заметив описанную Гордимером бронзовую вывеску в виде леопарда. Леопард этот размерами не превышал обычного кота и совершенно не бросался в глаза. Ша-луг ожидал чего-то более заметного.

Он подкрался к двери и тихонько постучал условным стуком. Откроют ли ему в столь неурочный час? Стучать пришлось несколько раз. Элс весь сжался, пытаясь сделаться как можно незаметнее, хоть однажды и выглянул на улицу – посмотреть, как там пожар в дэвском квартале.

Похоже, им удалось справиться с пламенем.

Наконец изнутри кто-то ответил – другим условным стуком. Тейдж выстучал полагающийся отзыв.

Узкая дверь чуть приоткрылась. В темноте не видно было, кто за ней стоит. Ша-луг прошептал пароль.

Дверь приоткрылась еще на дюйм. Внутри царила тьма, такая же кромешная, как черная душа патриарха. Элс замер: прежде чем входить, нужно дождаться приглашения. Наверняка хозяева вооружены.

– Проходи.

Он осторожно вошел, держа руки на виду и стараясь не делать лишних движений. Агент Гордимера наверняка на взводе, ведь по всему городу уже столько дней рыщут рыцари Братства в поисках иноземного шпиона, поднявшего восстание в квартале дэвов.

– Направо.

Ша-луг не видел говорившего, но голос у того был низким.

Неужели тоже гном?

Не гном. Женщина. Это выяснилось, когда они оба вошли в маленькую каморку, где на столе горела единственная свеча.

– Я думал…

– Ты ожидал встретить моего мужа. Он умер прошлой зимой.

– У нас об этом не знают.

Он специально не стал упоминать Аль-Кварн, потому что этот агент искренне верил, что работает на Восточную Империю.

– Я не сообщала. Мне нужны деньги. Пледж ни гроша мне не оставил.

Элс не стал выспрашивать, как именно умер ее муж, – какая разница? Он внимательно посмотрел на маленькую хрупкую женщину: ей было около сорока, в волосах пробивалась седина, но на гордом лице еще виднелись следы былой красоты.

– Понятно. Ты живешь одна?

Женщина вглядывалась в него так же внимательно. Каждый

из них доверял другому ни много ни мало – свою жизнь.

– Да. Пока мне платят, я могу себе это позволить.

– Муж рассказывал тебе о том, чем он занимается?

– У нас не было друг от друга секретов. Он рассказал то, во что верил сам, но он у меня был доверчивый малый. Что тебе нужно?

– Укрыться.

– Так ты тот самый иноземный шпион, из-за которого столько шума? – В ее больших черных глазах мелькнули веселые искорки.

– Я просто шпион. Того шпиона, про которого все болтают, не существует на свете. Его выдумали, чтобы пугать народ.

– Но описали тебя вполне достоверно. Придется что-нибудь придумать с волосами.

– Наверное, – вздохнул Элс.

– А сейчас тебе не помешало бы умыться.

Элс отсиживался у нее три недели. Каждый раз, когда к Анне Мозилле приходили гости, он прятался на чердаке. Гости к ней приходили часто. Бездетная вдова была общительной женщиной, и к ней постоянно наведывался кто-нибудь из многочисленных друзей или родственников, чтобы посплетничать.

Анна буквально излучала бодрость и веселье. Наверное, именно она верховодила в семье, когда был жив ее муж. Она знала обо всем, что творится в городе.

Три клана окончательно рассорились с Братством Войны. Тяжело раненный колдун потребовал перебить всех городских дэвов. Такой неслыханной наглости и высокомерия семейства не стерпели.

В ночь пожара погибло двенадцать братьев. Уцелевшие девятнадцать были серьезно ранены и не смогли отстоять свои казармы, когда Дуранданти явились выселять их оттуда.

– Наняли корабль и отплыли на нем в Брот, – рассказывала Анна. – Но они еще вернутся.

Большая резиденция ордена располагалась в Кастелла-доллас-Понтеллас – Замке Маленьких Мостов, всего в нескольких сотнях ярдов от дворца Чиаро и очень близко к Кройсу, острову, на котором окопался патриарх. Безупречный поддерживал с рыцарями весьма теплые отношения.

– Доны гневаются. Колдун пригрозил им отлучением от церкви, в ответ епископ Индиго отлучил их от сонсианского прихода навсегда. Он всегда недолюбливал Братство и не дал им здесь обосноваться. Я еще маленькой тогда была.

– Значит, колдун все-таки уцелел?

– Уцелел, но, говорят, сильно покалечен и больше не сможет

творить серьезное волшебство.

– Почему?

– Он почти потерял левую руку, да еще левую половину лица разнесло. К тому же теперь он весь нашпигован серебром, так что его же собственное тело воспротивится колдовству. – Голос у Анны был весьма довольный.

– Лучше бы он умер, – сказал Элс. – Но сгодится и так. Так ты говоришь, он уехал из Сонсы?

– Уже две недели тому. Этот тип умудрился смертельно оскорбить дона Бонавентуру. Сковилетти заявили, что не станут поддерживать патриарха ни в одном деле, если в нем замешано Братство. Епископ Индиго, кстати говоря, приходится дону Бонавентуре дядей.

– Занятно. Смелое заявление. Так что же, подлый злодей наказан по заслугам, а мы даже не знаем, кто это был.

– Один из лучших колдунов Кастелла-Аньела-долла-Пиколина. Поговаривают, явился сюда из-за какого-то предсказания. Якобы в Сонсе появится нечто, угрожающее благополучию церкви.

– Вот будет смешно, если он сам своими поступками и вызовет это нечто.

– Многие думают так же.

– Теперь беспорядки с дэвами закончатся. Хотя бы на время. Братство убралось из города, и некому мутить народ.

– Так говорят. Но по-старому уже никогда не будет.

– Мне нужно убираться отсюда.

– Рано еще. – Судя по голосу, Анне Мозилле не хотелось его отпускать, но она не призналась в этом открыто, а лишь сказала: – Доны все еще ищут одного человека. По описанию, ну точно тот тип, которого я впустила к себе в дом ночью. Старейшины дэвов заявили, что на мятеж их обманом подбил дринджерийский шпион, но он якобы погиб при взрыве. Ты на дринджерийца не очень похож.

– Что лишний раз подтверждает: не верь слухам.

Анна Мозилла внимательно на него посмотрела. Она явно не поверила ни единому слову.

Две недели спустя Элс наткнулся на компанию путников. Дело было в деревеньке Алицея в двадцати двух милях от Сонсы. С десяток усталых юнцов – кто-то из них был родом из Гролсача, кто-то из Ренса и Реста, другие – из крошечных недокоролевств близ Ормьендена и Дромедана. Элс и сам успел к тому времени порядком притомиться, зато наконец-то шел в Брот.

Накануне он убил зайца, удачно метнув камень, и теперь

добыча послужила ему пропуском к общему костру. Юные бродяги тоже направлялись в Брот – наняться в солдаты. Друг друга они почти не знали, потому что встретились в пути.

Двое братьев из Гролсача, Пико и Джусти Мусса, и их приятель Гофит Аспель были подмастерьями и сбежали от своих наставников. Где-то в Дромедане к ним прибились Рафи Куруна и трусоватый Бо Бьогна, а потом и остальные. Почти никто из них еще не воевал, разве что Бьогна да еще один – увалень и тугодум, именовавший себя Просто Джо. Джо странствовал в сопровождении шелудивого мула по кличке Чушка. Для всех это было первое в жизни настоящее приключение. Даже Бо Бьогна и Просто Джо в бытность свою солдатами никогда не покидали родных краев. Когда компания узнала про военное прошлое Элса, его попросили рассказать о войне, о славе и доблести.

Элс рассказал правду. Правда их не очень обрадовала, ведь услышать-то они хотели совсем другое. Но всех сидевших в тот вечер у костра уже основательно потрепала жизнь, поэтому они хорошо знали: реальность на мечты не похожа.

10

Каурен, Коннек

В Коннеке из уст в уста передавали новости: собор совершенных постановил, что мейсаляне должны воспротивиться, если зло перейдет в наступление. Пусть себе епископ Антье обличает ересь в своем храме или строит козни в загородном поместье, но если его люди нападут на мейсалян, те не станут подставлять другую щеку.

Хотя брат Свечка считал, что многие непременно подставят. Среди ищущих свет не было воинственных и жестоких, они мечтали о мире, где нет места алчности, ненависти и всем тем непотребствам, которые человек свершает с себе подобными.

Свечка был против любых уступок гибельному влиянию плоти, но с волей собора не мог поспорить. Господь всех рассудит. Как бы то ни было, незваные гости из Брота чаще всего преследовали в Коннеке даже не мейсалян, а сторонников своей же церкви.

Епископ Серифс ничего не предпринял с самого покушения на жизнь бротского посланца, хотя патриарх без устали требовал искоренить ересь.

Посланец шел на поправку, но очень медленно.

В Антье все было спокойно. Граф Реймон Гарит гостил в Каурене у герцога Тормонда – тот удерживал его подле себя, чтобы вспыльчивый юноша не вытворил какую-нибудь глупость и не вызвал тем самым гнев церкви.

Ясным утром брат Свечка шел по оживленным улицам Каурена. Последний раз он был здесь двадцать лет назад. Он шел один, без свиты или спутников, но прохожие выказывали ему почет и уважение гораздо большие, нежели те, которых удостаивался когда-то Шард анде Клэрс.

Ему улыбались и кланялись и епископальные чалдаряне, и мейсаляне. Некоторые даже приветствовали монаха на старинный имперский манер. Коннектенцы, вне зависимости от вероисповедания, уважали тех, кто сумел сделаться совершенным. Даже дэвы и дейншокины, которые встречались во всех крупных городах Коннека, и те почитали святых.

Старый замок Метрелье стоял на высоком холме в излучине широкой реки Верс, которая лениво и неторопливо несла вдаль свои коричневые воды. С незапамятных времен здесь располагалась резиденция правивших Коннеком герцогов.

Нынешнюю крепость выстроили четыре века назад из известняка, добытого в местных каменоломнях. Возводили ее прямо на фундаменте древнебротской твердыни, которую растащили на камни за два века, последовавшие за развалом Древней Бротской Империи.

Непогода оставила на грязных стенах из рыхлого известняка свой след. «Вряд ли замок продержится еще сто лет», – подумал брат Свечка.

Стены Метрелье словно отражали характер его обитателя. Во всяком случае, так говорили в Каурене. В народе герцога прозвали Великим Недотепой.

Тормонд IV никогда не совершал ничего грандиозного.

Но именно за это Тормонда IV и любили в Коннеке.

Герцог не лез ни в чьи дела, а коннектенцам весьма нравилось в правителях это качество.

Начало своеобразной традиции положили еще отец и дед Тормонда. Хотя дед (его тоже звали Тормонд, Тормонд III) в юности и отправился в священный поход. Его собственный дед был одним из основателей Кагьюра и Гровса – государств, заложенных в отвоеванных чалдарянами землях. Они до сих пор существовали, к радости нынешних патриархов, хоть и значительно уменьшились по милости Индалы аль-Суля Халаладина. Правили там князья, назначенные Братством Войны.

Брат Свечка поднялся к замковому барбикану. Охраняли Метрелье лишь двое сонных, грузных и далеко не молодых стражников, которые, сидя возле подъемной решетки, лениво наблюдали за редкими путниками. Эту решетку им вряд ли удалось бы опустить даже в случае большой нужды.

На памяти старожилов ворота в крепость Метрелье никогда не закрывались.

Но сегодня в городе царил страх. Жители Каурена чувствовали, что близится конец векового мира и процветания. Всех волновало недавнее неудачное покушение на жизнь антипатриарха Непорочного II.

Говорили, что браунскнехтам удалось благодаря невероятной удаче и милости господней одолеть коварных убийц. Еще говорили о чуде и божественном вмешательстве.

Разумеется, в покушении подозревали Безупречного V, а он, само собой, ничего такого не собирался признавать.

Стражники спросили у Свечки, что ему нужно в замке.

– Я брат Свечка. Герцог…

– А, господин хороший, запаздываете. Нашенский-то вас заждался уже. – Толстяк разговаривал на западном диалекте – наверное, был родом откуда-нибудь из-за реки Пейм, что в

Трамейне. – Идем, господин хороший.

– Как ты оказался в Каурене? – спросил монах.

– Так ведь в Каурене-то я и дотумкал: все, хватит с меня – не хочу больше приключений. – («Искателями приключений» в этих краях обычно вежливо именовали наемников.) – А надо бы лет на двадцать пораньше спохватиться. У герцога нашего служить хорошо.

– Я слыхал.

Напоследок страж испросил у брата благословения.

Патриарх прав: мейсаляне повсюду.

Свечка шел по пыльным залам, где не убирались уже добрых полвека.

У Тормонда были несколько необычные взгляды на жизнь.

Тощему герцогу едва перевалило за пятьдесят, седая шевелюра его лысела. В юности он слыл тщеславным красавцем, но после смерти жены Артезии перестал обращать внимание на собственную внешность. Герцогиня умерла четыре года назад во время родов. Ей было сорок четыре года. Обезображенный ребенок появился на свет мертвым. Те жители Коннека, которые любили по-своему толковать волю божью, конечно же, имели свое мнение на сей счет. Тормонд их презирал.

Герцог ужасно постарел. В его серых глазах застыло затравленное выражение.

– Шард анде Клэрс, – поприветствовал он монаха, отойдя от группки дворян.

– Ваша светлость, теперь я зовусь брат Свечка.

– Правду, значит, говорят: вы пьете кровь девственниц. Ты не постарел и на год.

– Вы мне льстите, ваша светлость. Косточки у меня как у восьмидесятилетнего старика. Суставы чуть что – скрипят. Увы, лучшие мои годы позади.

– А я вот, – продолжал, не слушая его, герцог, – состарился за нас обоих. Я так устал, Шард. С самого дня смерти Артезии каждое утро просыпаюсь в тоске. Мирская суета утомила меня.

Если бы речь шла о ком-нибудь другом, брат Свечка точно обратил бы Тормонда на путь ищущих свет, и тот обрел бы покой. Но то был герцог Коннека, любимый своими подданными. Герцог, чей единственный наследник родился мертвым. Скорее всего, его преемником станет Реймон Гарит, граф Антье. Граф водил дружбу с ищущими свет, но был еще молод и горяч – ему едва минуло двадцать. Юноша предавался несбыточным мечтам о независимом Коннеке, процветающем под защитой короля Питера Навайского.

– Отправьте посыльного во Флемонт, – посоветовал Свечка. –

Тамошние монахини приготовят вам травяной настой, и уже через три месяца к вам вернется юношеский задор.

– Твоя жена сейчас там?

– Да, именно там. Она приняла послушание.

– Хорошо, так и сделаю. Ты явился в совершенно идеальный момент. Видимо, поэтому вас и называют совершенными. – Чувство юмора еще не совсем покинуло Тормонда. – Здесь моя сестра, – кивнул герцог на собравшихся в стороне дворян, с которыми разговаривал перед приходом монаха.

Возле окна стояла красивая женщина лет тридцати с небольшим.

– Простите мои поспешные слова, ваша светлость, но ваша сестра стала настоящей красавицей.

Изабет была на двадцать один год младше Тормонда и походила скорее на его дочь, чем на сестру.

– Я не знал, что она гостит у вас.

– Это неофициальный визит. Она должна сейчас быть в Оранье и управлять страной, пока король Питер осаждает Камаргару. Пожалуйста, не говори никому, что видел ее здесь.

– Конечно. Если такова ваша воля.

– Да. Пойдем, нам надо многое обсудить.

Вместе с герцогом монах подошел к столу, за который только что уселись королева Навайская и шестеро ее собеседников. Среди них были дейншо и двое дэвов – один, судя по наряду, прибыл вместе с Изабет из Дирекции, а другой, Микаэль Кархарт, был видным богословом и старейшиной дэвов в Каурене.

Еще там сидели двое церковников и какой-то мужчина, очень похожий на солдата. Их брат Свечка не знал.

Монах и герцог присоединились к остальным, усевшись в два последних свободных кресла.

– Вижу, я прибыл последним, – сказал Свечка. – Для чего же созвано столь почетное общество?

– Мы получили послание от патриарха, – отозвался Тормонд. – От Безупречного, не от Непорочного.

Монах внимательно вгляделся в лица сидящих за столом. Интересно, как же Изабет удалось так быстро сюда добраться?

– Изабет уже гостила у меня, когда до нас дошли эти вести. Она приехала, потому что король Питер получил от патриарха похожее послание.

– Понятно.

– Безупречный приказывает мне, герцогу, очистить Коннек от еретиков и неверных. Он не впервые отдает подобный приказ, но в этот раз сопроводил его угрозами. И, как всегда, не пишет, кого именно, с его точки зрения, мы должны считать врагами.

– Круглый дурак, – пробормотал себе под нос один из священнослужителей, второй церковник при этом сверкнул на него глазами. – Неужели он надеется, что Йоханнес это стерпит?

– Послание патриарха, – заметил незнакомец с военной выправкой, – явно должно было попасть к нам уже после покушения на Непорочного. Но покушение сорвалось. Его угрозы пусты.

– Безупречный слишком много о себе возомнил, – вмешалась королева Изабет. – Поверил в собственные проповеди и не понимает, как на самом деле обстоят дела.

Брат Свечка вопросительно посмотрел на герцога.

– Этот глупец, – пояснил Тормонд, – приказал Питеру собрать армию для вторжения в Коннек.

– Питеру Навайскому?

Да уж, значит, патриарх действительно не понимает, как на самом деле обстоят дела. Думает, Питер по его приказу забудет о Чалдарянской Реконкисте и нападет на брата собственной жены? К тому же король, хоть и ярый чалдарянин, проявлял достаточную терпимость и не притеснял в своих владениях иноверцев (даже праман), если те ему подчинялись. Ходили слухи, что его жена сама была мейсалянкой. И в королевстве Питера жило много мейсалян, бóльшим количеством еретиков мог похвастаться разве что Коннек да, может, еще праманская недореспублика Платадура – крупный портовый город на побережье Дирекции рядом с восточной оконечностью Версейских гор.

– Наверное, король Питер теперь жалеет, – предположил монах, – что его отец решил переметнуться от Вискесмента к Броту.

– Ему пришлось так поступить лишь потому, – сказала королева, – что этого требовали некоторые важные вассалы. И они по-прежнему настаивают на союзе с Бротом.

– Пойдет ли ваша армия войной на собратьев-чалдарян? – спросил военный.

– Нет, сэр Эарделей. Наши военачальники думают лишь о Реконкисте. Они не подчинятся Безупречному. К тому же у большинства родня в Коннеке. Но он найдет себе другое войско.

– Где? – спросил герцог.

– В Аргенде, брат, среди тамошних воров.

– Но Аргенду сейчас не до нас, они погрязли в своих распрях с Сантерином.

– Но только там наберется достаточно продажных солдат. Надо как-то поспособствовать тому, чтобы их вражда с Сантерином не утихала.

– Но зачем же нас собрали здесь? – спросил Свечка.

– Потому что именно на ваших людей обрушатся силы Безупречного. Отец Клейто порицает Брот, хотя и подчиняется бротскому патриарху. А вот епископ Лекро колеблется.

Какая глупость! Свечка не знал епископа в лицо, но имя его слышал. Лекро был кауренским епископом вискесментского патриарха, ведь в этом городе поддерживали именно Непорочного.

Отец Клейто осуждал Брот и планы бротского патриарха относительно Коннека. За это его сослали в самый бедный приход Каурена и назначили помощником пастора.

Правое дело никогда не остается безнаказанным.

– Я хочу знать, – сказал Тормонд, – что каждый из вас намерен делать, если Безупречный все же нападет на нас?

– Этому человеку нет дела до еретиков, – отозвался Микаэль Кархарт. – Им движет алчность. Патриарх хочет ограбить Коннек, на эти средства развязать войну с Кальзиром и устроить очередной поход на Суриет. Он пытался силой вынудить дэвов из епископальных государств ссудить его деньгами. В Сонсе Братство Войны чуть не разграбило и не уничтожило целый дэвский квартал.

Там, где торжествовала бротская церковь, ужесточались законы, касающиеся тех, кто не исповедовал чалдарянскую веру. Из-за чего, в свою очередь, в конечном итоге страдали и сами чалдаряне.

Чаще всего в чалдарянских государствах образованные люди не были чалдарянами. Чалдарянская знать презирала учение. Если какому-нибудь дворянину или церковнику нужно было что-нибудь написать, прочитать или сосчитать, он нанимал коварного и алчного пройдоху-дэва.

– До вас уже дошли слухи о том, что весной прошел собор совершенных? – спросил монах.

Кое-кто из сидевших за столом кивнул, лорд Эарделей покачал головой.

– На этом соборе совершенные решили, что все, кто вступил на путь, обязаны противостоять злу и, если понадобится, даже применить силу в ответ на силу. Если патриарх или кто-либо еще нападет на ищущего свет только за то, что тот вступил на путь, ищущий может противостоять ему, на нем не будет греха.

– Вы объявляете церкви войну? – спросил Клейто.

– Святой отец, не говорите глупостей и не искажайте мои слова. Собор лишь решил, что мы обязаны защищаться, если на нас нападут. Никто не станет благословлять походы на Брот, чтобы свергнуть Безупречного и вздернуть его на виселице.

– Вполне разумный подход, – вставил Микаэль Кархарт. – Дэвы займут такую же позицию.

– Полагаю, дэвы из Сонсы, – отрезал отец Клейто, – заявляли нечто подобное, перед тем как учинить там свои непотребства.

– А сколькие из этих непотребств, – спокойно отозвался Кархарт, – произошли за пределами дэвского квартала, святой отец? Ответьте мне. Сколько сожгли чалдарянских домов? Объясните, как так получается: мы всего лишь защищаемся, когда наших дочерей насилуют, а сыновей грабят и убивают, а ваши люди при этом всегда ухитряются доказать, что этим самым мы совершаем преступление против вашего бога?

– Довольно, – вмешался герцог. – Я просто хотел выяснить, собираетесь ли вы что-нибудь предпринять, если Безупречный перейдет от слов к делу. Я отправил посланников в Брот. В который уже раз. Хотя после первого посольства ничего не изменилось и епископ Серифс продолжал творить что хотел, а после второго мне привезли абсурдные требования патриарха. В последний раз в Брот ездил сэр Эарделей. Он произвел хорошее впечатление в Фиральдии, епископальных государствах и Броте.

Брат Свечка слышал имя Эарделея, но видел его сегодня впервые. Сэр Эарделей Данн был родом из Сантерина. Этого мелкопоместного дворянина изгнали оттуда по неким причинам, известным лишь ему самому, его королю и, по всей видимости, герцогу Тормонду. Он возглавлял герцогское ополчение вот уже двадцать лет, но ни разу за это время не принимал участия в сражениях. Имя его мало кто знал за пределами Метрелье.

– Безупречный вообразил, – сказал сэр Эарделей, – что сможет устроить поход на Коннек, но у него ничего не выйдет. Он верит в собственные обличения и проповеди. Господь якобы на его стороне лишь потому, что он патриарх. У него нет армии. Все те солдаты, которым он еще в состоянии платить, со дня на день ждут нападения Йоханнеса Черные Сапоги. Спят не разуваясь и не раздеваясь, чтобы в случае чего успеть унести ноги. Не буду вас обманывать, император интересуется Кальзиром. Его аламеддинская марионетка Вондера Котерба вербует войска.

Брат Свечка стал припоминать, что ему известно о Фиральдии. Аламеддин – это, по всей видимости, чалдарянское королевство, граничащее с праманским Кальзиром к северу от Вейлларентиглийских гор.

Сэр Эарделей умолк, когда перед ним поставили кофе. Его варил сам герцог, пока его военачальник рассказывал о путешествии в Брот. Тормонд предложил этот напиток всем присутствующим, и все согласились, даже брат Свечка, который вот уже много лет не прикасался к кофе.

– Превосходный вкус, – сказал он. – Я уже и забыл его. Ворогу бы не радостями плоти соблазнять смертных, а кофе.

– Быть может, мы тут зря теряем время? – спросил герцог. – А патриарх лишь хвастливый болван?

– Так и есть, – кивнул сэр Эарделей. – Беда лишь в том, что сам он об этом не знает и искренне верит в то, что все порядочные чалдаряне рвутся истреблять иноверцев. Это не так. Даже самые истовые чалдаряне просто хотят спокойно жить в мире друг с другом.

– Но что же с нами? С Коннеком? – продолжал Тормонд. – Осуществит Безупречный свои угрозы? Сумеет ли?

Никто не мог ответить на этот вопрос. Из всех собравшихся в Броте бывал лишь сэр Эарделей.

– Невозможно предугадать, что именно выкинет безумец, – высказал тот свое мнение.

– Так ли это важно – сумеет или не сумеет? – хмыкнул отец Клейто. – Весь вопрос в том, попытается ли. И боюсь, к сожалению, ответ на этот вопрос – «да».

– Шард, – обратился герцог к монаху, – тебя это все забавляет?

– Да. Весьма забавно, хотя от этого не менее страшно. – И, объяснив им, какую жестокую божью насмешку может усмотреть в сложившейся ситуации мейсалянин, он задал вопрос: – Что сделает император, если Безупречный устроит священный поход против Коннека?

– Прекрасный вопрос, – отозвался сэр Эарделей. – Мы надеемся выяснить это у самого императора. Ведь именно императорские солдаты расправились с убийцами, покушавшимися на жизнь Непорочного.

Монаху было любопытно, что именно произошло в Вискесменте. Видимо, стражников Непорочного заранее предупредили о покушении.

Народ дейншо всегда держался особняком и в коннекские дела не вмешивался. Постепенно их становилось все меньше, но они считали себя старшей расой, помнившей Эру Богов, что была еще до Эры Человека. Сидевший за столом дейншо вдруг поднял руку.

– Тембер Ремак, – представил его герцог. – Он желает нам что-то сказать.

– У Тембера Ремака, – сказал дейншо, – появился вопрос: что думает коллегия? Поддерживают ли они патриарха?

– Они его избрали, – отозвался отец Клейто.

– Результат выборов определили взятки. Эти выборы ничего не будут значить, когда наступит время голодных призраков. Мы

пока не видели доказательств тому, что Безупречный служит Тирании Ночи. Он всего лишь хвастун в деревне мерзких псов, но не повелитель великой удачи.

Вопрос хоть и прозвучал странно из-за иносказаний дейншо, но был тем не менее очень важным. Без поддержки церковных колдунов Безупречному придется поумерить свои амбиции. Ведь именно волшебники, помимо всего прочего, отвечали за разведку. Когда речь шла о шпионаже, без союза с Орудиями Ночи было не обойтись.

– Можем ли мы как-то это узнать? – спросил Тормонд, внимательно глядя на Свечку.

– Наши связи с силами Ночи сильно преувеличивают, ваша светлость, – отозвался тот. – Ищущие свет отрекаются от Ночи, вступая на путь. Именно поэтому нас и называют «ищущие свет». Хотя некоторые мои коллеги, присутствующие здесь… Вот они-то, наверное, едят чалдарянских младенцев и бегают голышом под полной луной наперегонки с адскими демонами.

Говоря это, монах не смог сдержать улыбку. Отец Клейто всегда обвинял ищущих свет именно в этих непотребствах.

Святые отцы и богословы один за другим, и многие тоже с улыбкой, заявили, что и они не знаются с Орудиями Ночи.

– Значит, мы действуем вслепую, – кивнул Тормонд. – Придется просто ждать, что уготовила судьба.

Кое-кто из присутствующих посмотрел на него с осуждением: какая может быть судьба, если речь идет о воле божьей?

– Но ведь в Коннеке всегда так и поступали? – спросил монах. – Время и удача были к нам благосклонны, и нам не приходилось склоняться перед Тиранией Ночи.

На него тоже посмотрели с осуждением: какая может быть удача, если речь идет о воле божьей?

Странное у них получилось собрание. Никто не жаждал войны, наоборот – почти все желали мира, но в то же время ясно давали понять, что не отступят, если Безупречный все-таки нападет.

И только когда встреча закончилась, брат Свечка понял, что же именно произошло. Наверное, Тормонд и Изабет этого и добивались. Святые отцы были готовы противостоять тьме и захватчикам, а Тормонду при этом не нужно было принимать никаких решений.

Герцог славился своей нерешительностью и всегда откладывал дела на потом. В тихом и сонном Коннеке зачастую именно бездействие и решало все проблемы.

Но брат Свечка сомневался, что нынешние неприятности исчезнут сами собой. Разве что господь решит вдруг раньше

времени забрать Безупречного к себе.

11

Небесная Крепость, Обитель богов

В Покоях Героев время остановилось, здесь правил бесконечный ужас.

Шагот засыпал и просыпался, засыпал и просыпался, снова и снова, быть может, десять тысяч раз подряд, а может, и больше. Открывая глаза, он видел перед собой все то же: черно-белый мир и щерящихся в беззвучном крике мертвецов.

Этот зал не был похож на Покои Героев из песен и легенд, здесь никто не предавался буйному веселью. Дочери Всеотца больше походили на Пожирательниц Падали, а не на Похитительниц Павших, на иссохших от голода старух, а не на соблазнительных дев.

Шагот никогда не надеялся увидеть Похитительниц Павших и даже не представлял в своих фантазиях, как они могут выглядеть. И все же Покои Героев его немало разочаровали.

Повсюду в беспорядке валялись мертвые воины, их даже не удосужились аккуратно сложить. Лица перекошены в предсмертной агонии, у кого-то не хватает руки или ноги, у кого-то кишки вывернуты наружу, кто-то располосован ужасными незаживающими ранами.

Но тела не разлагались, нигде не было заметно трупных червей. И трупного смрада тоже.

Шагот не ощущал себя мертвым героем, попавшим в рай.

Он почти все время спал, но после десятков мимолетных пробуждений пришел к выводу, что ему уготована некая другая участь. Быть может, его ждет что-нибудь ужасное – вроде той огненной ямы, куда, если верить слюнтяям-южанам, попадают злодеи и те, кто не верит в их непонятного южного бога.

Шагот засыпал и просыпался, но вокруг него ничего не менялось. Он не видел ни своих товарищей, ни тех странных рыбаков, которые привезли их сюда. Время от времени, правда, появлялись Похитительницы Павших – видимо, притаскивали очередных мертвецов.

Лишь сон спасал от надвигающегося безумия. Сон, а еще полное отсутствие воображения.

Но вот наконец на десятитысячный (а может быть, на двадцатитысячный или тридцатитысячный) день своего райского заключения Шагот открыл глаза, вынырнув из бесконечного тумана, и увидел: вокруг что-то изменилось.

Его тащили куда-то, подхватив под руки, Похитительницы Павших. Их усохшие головенки с морщинистыми лицами покачивались. Ступни Шагота волочились по полу. Он попытался идти сам, но тело не слушалось. Руки и ноги безвольно болтались.

Постепенно к нему начали возвращаться чувства. Сердце попыталось снова забиться, чего не приключалось с ним с самого прибытия сюда. Он чувствовал костлявые пальцы Похитительниц, чувствовал боль в окаменевших от долгого бездействия мышцах.

Шагот попробовал было что-то сказать.

Но вместо слов получилось лишь бульканье. Зато он снова дышал.

А жуткие старухи тем временем всё волокли его куда-то.

Зрение постепенно прояснилось. Он уже мог сам ненадолго приподнимать голову. Необозримые покои Небесной Крепости, раскинувшиеся вокруг, хоть и были действительно необозримыми, все же чуть лучше подходили для смертного, чем Покои Героев. Они не были похожи ни на одно строение из тех, что ему когда-либо приходилось видеть, зато напоминали рассказы о дворце владыки Восточной Империи в Гипраксиуме. Нечто подобное, во всяком случае, описывали старики, которые когда-то в молодости отправлялись по янтарному пути в те края и нанимались в императорские телохранители. Все они вспоминали огромные пустынные залы дворца.

Постепенно к Шаготу начал возвращаться и слух. Но лучше бы он остался глухим. Похитительницы Павших неустанно препирались между собою, и их язык весьма напоминал андорежский. Шагот разбирал едва ли треть.

Да они же говорят на древнеандорежском!

Язык даровали людям боги много столетий назад. Видимо, язык этот изначально был божественным, а люди со временем исказили его.

Похитительницы Павших, судя по разговору, были весьма недовольны жизнью. Их раздражало решительно все: Шагот, его товарищи, которых в это самое время тоже возвращали к жизни, замысел Всеотца, Покои Героев, тамошние мертвецы, их собственное существование. Но более всего их бесила сестрица Арленсуль. Именно по вине этой самовлюбленной особы, которая умудрилась навлечь на себя гнев Всеотца и отправиться в изгнание, на их многострадальные плечи свалилась ее часть работы.

Похитительницы были недовольны всем на свете.

Наконец они, видимо, пришли туда, куда стремились. Там ворчливые старухи бросили Шагота и исчезли. Оглядевшись, он

увидел, что лежит в каком-то огромном пустом пространстве, в котором был только пол. Ни стен, если не считать постепенно сгущающейся тьмы где-то вдали, на расстоянии полета стрелы, ни потолка, ни колонн, что могли бы его поддерживать.

Внезапно внимание Шагота привлекло неясное шевеление вдалеке.

Две жуткие карги волокли Свавара.

Позади раздался какой-то звук. Воин напряг все силы и перекатился на бок.

Меньше чем в футе от его лица ввысь уходил черный полированный гранит. Всего несколько минут назад никакого гранита тут не было.

Черные сверкающие ступени убегали в необозримую высоту.

На самом пределе слышимости раздавалось пение – от этого мрачного похоронного хора по спине у Шагота пробежал озноб. Да что они тут все – с ума посходили?

Шагот встал на четвереньки и осмотрелся. Перед ним возвышалась лестница, составленная из двадцати гранитных ступеней в ярд высотой. Наверху стояло нечто напоминающее трон.

Рядом приглушенно застонал Свавар.

Следующее мгновение принесло с собой разительные перемены, будто между ним и предыдущим миновало несколько часов.

Теперь здесь были Финнбога, Холлгрим и братья Торкалссоны. Судя по виду, они не очень-то понимали, что происходит. За ними Шагот увидел Эрифа Эрильсона – не живого Эрифа, а мертвеца, которого подняла сверхъестественная сила. За ним ряд за рядом уходили в бесконечность шеренги точно таких же стоячих бледных трупов.

Шагот не стал приветствовать своего бывшего вождя, ведь от Эрифа веяло могильной жутью, какой обычно веет от древних андорежских курганов. Курганов, в которых водятся призраки. Говорят, в подобных местах прячутся кровожадные мертвецы. Иногда они, сумев порвать оковы, ловят неосторожного путника и высасывают из него жизнь. И снова, хоть и на короткое время, становятся живыми.

Шагот в подобные россказни не верил (среди его приятелей не было таких, кто сталкивался бы с драуграми) и верить, честно говоря, не стремился. Но ведь и Похитительницы Павших казались когда-то легендой. А у выстроившихся позади него мертвецов был весьма голодный взгляд – у тех, конечно, у кого еще оставались глаза.

Один за другим товарищи Шагота молча поднялись на ноги.

Не слишком сообразительные, даже они понимали: в подобном месте лучше держать язык за зубами.

Вперед выступили Похитительницы Павших. Эти кошмарные создания больше напоминали гарпий из южных мифов, чем прекрасных дочерей великого северного бога.

Воздух в зале затрещал. Волосы у Шагота встали дыбом. Сверкнула молния. Громыхнул гром. Шагот закричал. Когда к нему вернулось сознание, он понял, что стоит, уцепившись за нижнюю гранитную ступень, чтобы не упасть.

Похитительницы Павших уже поднялись на пьедестал. Вместе с ними наверху стояло около дюжины неземных созданий. Теперь дочери Всеотца больше не казались безобразными. Вообще все божества выглядели точно так, как пелось о них в легендах, – прекрасные боги, овеянные золотым ореолом юности.

Только один не лучился весельем и молодостью – седовласый старик в темно-сером плаще, один его глаз прикрывала повязка, в руке он держал посох, а на плече его восседала крылатая ночная тварь, совсем не похожая на земного ворона.

Серый Странник что-то сказал стоявшему рядом богу – согбенному карлику, похожему на гнома. Тот кивнул и с торжественным видом поплыл вниз к героям. Шагот почти не обратил на него внимания, разве что отметил лукавый взгляд коротышки. Гораздо больше стурлангера интересовали прекрасные богини.

Карлик опустился на нижнюю ступеньку пьедестала прямо перед Шаготом.

– Приветствую тебя, герой, – сказал он. – Ну что, готов к непыльной работенке? А, крысиное ты дерьмо! Готов или нет – кому какое дело? Мой полоумный братец желает тебя озадачить. Сейчас расскажет о твоем будущем.

Шагот узнал его: в современном андорежском у этого бога было несколько имен – Прохвост, Лжец, Обманщик. А еще Предатель. Шаготу всегда было интересно, почему остальные боги давным-давно от него не избавились. Утопили бы в крысином дерьме и все.

Согбенный бог пару раз взмахнул руками, и равновесие окончательно покинуло Шагота. Воин судорожно цеплялся за пустоту. Обманщик рассмеялся, но потом все же помог Шаготу, и тот поплыл наверх – прямо к Первому-среди-богов, Внимающему, Тому-чье-имя-нельзя-называть.

Шагот, разумеется, это имя знал, как и все остальные андорежцы. Но как он его узнал – оставалось загадкой, ведь называть-то его было нельзя.

В присутствии великого бога Шагот испытал такую боль, что

тут же упал на колени. Его обуял страх, а это случалось с ним нечасто. Воин уткнулся лбом в гранитный пьедестал и ждал, пока Всеотец объявит ему свою волю.

Эти боги были старыми и усталыми. Людей, чья вера их поддерживала, становилось все меньше. Чалдарянское безумие, словно чудовище со множеством щупальцев, постепенно охватило весь мир. Уступая взяткам и принуждению, ему один за другим поддавались короли и военачальники, которые затем с мечом в руках обращали в новую веру свои народы. Старым богам осталось жить от силы несколько столетий, потом они постепенно истают и превратятся в мелких духов.

Иногда на долю мгновения прекрасные образы меркли, и Всеотец, его брат, жена, сыновья, дочери, племянники и племянницы становились такими же ужасными, как раньше Похитительницы Павших. Вид некоторых из них вызывал тошнотворное омерзение.

Происходило это лишь потому, что людской разум пытался облечь в форму изначально бесформенную сущность.

И Всеотец сказал Гримуру Гриммсону, Шаготу Выродку:

– Герой, ты стоишь возле задней двери, она приоткрыта, судьба замерла на пороге, грядет конец времен, сумерки богов. Ты избран для великих свершений.

Голос его прогремел неслышным воплем прямо в голове у стурлангера. Невыносимо громко. Шагот со всего маху стукнулся лбом об пол, скорчившись от страшной боли.

Узрев несовершенство человеческой плоти, Всеотец решил убавить громкость (а равно и божественный пыл) и заговорил обычным голосом, как простой смертный:

– Гримур Гриммсон, ты станешь нашим воином в мире людей. Грядет переломная эпоха. Самим богам угрожает опасность. Не только твоим богам, но и вообще всем. Воинам из Покоев Героев предстоит вновь взяться за мечи, и Гримур Гриммсон покажет им дорогу.

– Как пожелаешь, – отозвался Шагот.

Он никак не мог унять дрожь и почти не слышал того, что говорил Всеотец. И все же, сам не понимая как, понял, что` именно от него требуется.

Одна странность, впрочем, его немало озадачила, хотя Шагот и не отличался остротой ума. Зачем богам прибегать к помощи простых смертных? Неужели они сами не могут исполнить свою волю? Они же боги, в конце концов.

Шаготу и его спутникам предстояло отправиться на юг, где властвовали другие боги, и, разыскав там нечто, совершить ритуал, призывающий воинов из Покоев Героев. Всех сразу. А

воины эти выполнят волю богов. Только вот в чем заключается их воля, боги не сочли нужным сообщить Шаготу Выродку.

12

Фиральдия, Ормьенден, Коннек и Антье

Уже на второй день после встречи с юнцами Элс превратился в предводителя маленького отряда. Сам он этого не желал, просто так вышло.

Вечером компания добралась до Ралли. В этом городе вот уже две тысячи лет добывали белый мрамор. Каменоломни располагались на склоне близлежащей горы. Тамошний камень, превосходного качества и почти прозрачной текстуры, высоко ценился и украшал дворцы и памятники во многих странах на берегах Родного моря.

Жители города по вполне понятным причинам отнеслись к путникам с подозрением: не шайка ли разбойников или беглых преступников пожаловала к ним под видом солдат?

– Коли желаете устроиться в каменоломню, – сказал какой-то тип, похожий на стражника, – ступайте с утра к главному мастеру. А коли вербовщиков ищете, так эти устроились на пустыре к югу от Ралли.

Видимо, стражник хотел, чтобы они не бродили по улицам и не смущали своим видом добропорядочных горожан.

Элс что-то проворчал себе под нос. Конечно, подобное сборище оборванцев ни у кого не вызывает доверия.

– Вербовщики дают горячую еду всем, кто их слушает.

– Не хочет ли кто-нибудь из вас податься в каменоломни? – спросил Тейдж товарищей. – Я посоветовал бы отправиться туда, а не к вербовщикам.

Совету никто не внял. Юнцы уже давно повесили носы и порядком соскучились по дому, но, поскольку никому не хотелось в этом признаваться, упорно шли дальше.

На пустыре за городом, как и говорил стражник, стояли две дюжины палаток. Вид их Элсу совсем не понравился – слишком уж строгий тут царил порядок, слишком профессионально все выглядело.

– Похоже, мы подоспели как раз к ужину, – заметил он.

Сгущались сумерки. Двое приземистых упитанных поваров, похожих, словно братья, выдавали еду выстроившимся в очередь мужчинам.

– Вы не видели, какие у них знамена и щиты? – спросил шалуг.

Интересно, кто и зачем собирает войско?

– А тебе не все ли равно? – спросил внезапно материализовавшийся из ближайших кустов часовой, бряцая оружием.

«Да, – удивился Элс, – действительно профессионалы».

– Конечно нет, – отозвался он, внимательно вглядываясь в часового; тот, в свою очередь, внимательно вглядывался в самого Элса, и оба мигом опознали друг в друге бывалых вояк. – Я не ко всем пойду под знамена. Некоторые мне не по душе, но меня, конечно, больше всего волнуют деньги: кое-кто, знаешь ли, славится тем, что не платит своим солдатам.

Даже в полумраке Элс разглядел промелькнувшее на лице часового презрение – тот явно не был наемником и солдат удачи недолюбливал.

Элс в общем-то разделял его мнение, но приходилось играть свою роль.

– Третий пост! – завопил часовой. – У меня тут тринадцать человек и мул.

– Вы что – нападения боитесь? В этих краях? – спросил Элс.

– Стоит только раз зевнуть на посту – мигом отправишься на тот свет.

Элс одобрительно крякнул. Да, совершенно точно, профессионалы. Значит, судьба снова столкнула его с Братством Войны. Не самая удачная встреча.

С другой стороны, может, и удачная. Они ведь наверняка собирают войско для какой-нибудь очередной патриаршей пакости.

Но ша-луг чувствовал себя не в своей тарелке: слишком свежо было воспоминание о недавней встрече с братьями.

К ним подбежал какой-то парнишка. Маленький и щуплый, он явно не принадлежал к Братству, хотя и пробыл среди его членов достаточно долго, чтобы понахвататься военных замашек.

– Следуйте за мной.

– По мне, так у них тут все слишком чинно-благородно, – проворчал Бо Бьогна. – Что думаешь, Пайп?

Элс назвался Пайпером Хектом.

– Бо, честную работу можешь найти в каменоломне.

– Сам-то чего туда не потащился?

– Это не по мне. Не люблю сидеть на одном месте.

– А я чем хуже?

Бьогна был хуже хотя бы тем, что не умел толком делать то, за что брался. Элс подозревал, что Бо вообще толком не умел делать ничего, но хотя бы не врал на каждом шагу и под присмотром действительно старался.

– Бо, это твоя жизнь. Просто помни: у тебя есть выбор.

Провожатый отвел их в конец очереди за едой.

– С животинами сюда нельзя, – кивнул он на Чушку.

– Как так? – возмутились Просто Джо и его друзья.

Чушка был душой компании, настоящий ангел – дружелюбный и даже отчасти сговорчивый. Просто Джо утверждал, что его подопечный нацелился в кавалерию.

– Да это же прирожденный боевой конь.

Но у парня явно недоставало чувства юмора (может, именно поэтому ему и поручили такую работу), и он куда-то увел их «боевого коня».

Элс снова удивился и восхитился профессионализму местных вояк: в лагере все отменно организовано, и вербуют они с умом. Горячая еда настраивала потенциальных рекрутов на доброжелательный лад, ведь бедняки часто голодали.

– Чей это лагерь? – поинтересовался ша-луг у ближайшего в очереди оборванца. – Куда идут в поход?

Ответил ему успевший вернуться юнец-провожатый:

– Лагерем командует Вельд Арнволкер. Он не сказал нам, куда именно мы отправимся, зато сказал: патриарх благословил этот поход и в трофеях недостатка не будет. Говорят, это все как-то связано с Сонсой.

– А куда ты увел Чушку? Он любит держаться поближе к Просто Джо.

– Стреножил его возле палатки, в которой вы будете ночевать. Ему задали сена и овса.

– А он вот так сразу и продался? – проворчал Джо.

– Не будет недостатка в трофеях? – повторил Элс. – Что-то не верится мне. Какие трофеи в Фиральдии?

Разве что Братство решило разграбить Сонсу и таким образом отомстить тамошним трем кланам. Да уж, вот это получится фокус, если придется вернуться туда с войском Братства.

– Тогда жди чудес.

Элсу пришлось сдержаться, хотя в нем возмутился опытный и повидавший виды ша-луг. Да, он понимал западный подход к войне, но принять его не мог.

Когда западные правители решали развязать войну, они собирали по своим землям всякий сброд, раздавали им старое, никуда не годное оружие, ставили во главе несколько потомственных военных, а потом давали этой наспех сколоченной шайке полную свободу действий. Подобные армии были опасны не только для врагов, но и для своих. Они либо устраивали жуткую резню, либо бросались в бегство в первом же бою. Зато дешево обходились в мирное время: их не нужно было кормить, одевать, обучать и снабжать жильем. И, в отличие от регулярной

армии, они не представляли никакой угрозы.

Именно измена приграничных армий и послужила, помимо всего прочего, причиной гибели Древней Бротской Империи.

Элс принюхался. Да, он готов поставить золотой: сейчас их накормят свининой. И пари Тейдж выиграл бы. Завербовавшихся солдат и потенциальных рекрутов кормили от души. Ша-луг уже начал привыкать к нечистому мясу.

– Вовремя вы, ребята, явились, – сказал однорукий повар.

– В смысле?

– Притопали поздно, так что теперь еще и завтрак бесплатный получите, – добродушно заметил тот.

Элс и его спутники удивленно вытаращились на него.

– Волшебник каждый божий день представление устраивает – мол, славьте господа нашего и служите Братству. Чушь собачья, зато жрать дают. А если скумекаешь, что к чему, заявишься попозднее и не успеешь на его балаган, покормишься целых два раза. Волшебничек-то этот себе на уме – спать ложится рано.

Повар намекал на то, что волшебники всегда были накоротке с Орудиями Ночи.

– Волшебник? – Элса снова охватило дурное предчувствие.

– Не топчись на месте, двигайся давай. Сейчас караул сменится, а уж эти бездари в очереди стоять не больно рады.

– Понимаю.

Тот же самый парнишка-провожатый показал им, где есть, где мыть казенные деревянные тарелки, чашки и ложки. Элс твердо верил: долго поддерживать такую дисциплину братья не сумеют.

Парень отвел их к большой палатке, где им предстояло ночевать вместе с полудюжиной других рекрутов. Рядом пасся Чушка. Судя по виду, он твердо верил, что попал в лошадиный рай.

– Прямо соблазняют нас, – сказал Элс Бо Бьогне.

– А ты видал? – крякнул в ответ Бо. – У них тут настоящий сортир.

Да, Элс тоже обратил на это внимание. Братья чуть усовершенствовали традиционный праманский походный нужник. Значит, монахи-воины не так уж твердолобы и готовы учиться у своих врагов.

Обычно в священных походах больше чалдарянских воинов погибало от дизентерии, холеры и тифа, чем от рук неистовых воинов Индалы аль-Суля Халаладина и других защитников Святых Земель. А все потому, что они упорно не видели связи между заразой и собственными испражнениями.

Даже в этом лагере было множество проблем с конским навозом и собачьим пометом.

– Пока все идет неплохо, – заметил Гофит Аспель, когда они завтракали.

– Они делают все возможное, чтобы мы к ним примкнули, – кивнул Элс. – Но как только примем присягу, запоют по-другому.

– Будем надеяться, – проворчал Бо Бьогна, – что все не покатится псу под хвост, когда они доберутся туда, куда им там надо.

– Да ладно, с тобой-то такое не в первый раз.

– В первый.

– Тогда всегда рассчитывай на худшее, и точно будешь ко всему готов.

К ним подошел их вчерашний знакомый:

– Поторопитесь. Сегодня начнут раньше. Где-то что-то стряслось.

Через пятнадцать минут об этом «чем-то» знал весь лагерь – слухи множились и постепенно обрастали все более невероятными подробностями.

– Кто-то пытался убить антипатриарха!

– Но с убийцами расправилась его стража!

– Говорят, их заманили в ловушку!

В конце концов Элсу даже пришлось выслушать рассказ о том, как сам господь послал из рая архангела и тот предупредил всех об опасности, а в Вискесменте целый отряд отборнейших солдат патриарха истребили до последнего человека неуязвимые рыцари-призраки. Их якобы с помощью магии перенес туда Ганзель из столицы Новой Бротской Империи. Все с радостью пересказывали этот слух, хотя прекрасно знали, что Йоханнес Черные Сапоги вместе с дочерьми обосновался во дворце Диммель в Племенце, объявив, что больше не интересуется Фиральдией и от политики решил отдохнуть.

Слухи будоражили лагерь все утро. Элс с интересом наблюдал за реакцией начальства.

– Думаю, – сказал он своим спутникам, – Братство собирается устроить налет не на Сонсу, а на Коннек.

– Они начали собираться, – заметил Просто Джо.

Действительно, палатки снимали, полевую кухню разбирали, пожитки грузили в фургоны, лошадей запрягали. Повсюду бегали ошалевшие собаки. Для полноты картины не хватало разве что повозок с детьми и женщинами.

К ним подошел седой брат по имени Редферн. К потенциальным рекрутам, помимо компании Элса, с последней зазывной речи добавилось еще четверо.

– Мы снимаемся, – сказал он с сильным акцентом, по

которому можно было угадать выходца из Новой Бротской Империи. – Решайте, с нами вы или нет. Платить будут регулярно и вовремя. Кормить тоже – самой лучшей едой, какую только сумеет раздобыть наш квартирмейстер. Срок службы – не больше года. Оружие выдадут. Если потеряете – придется платить. Насчет формы тоже постараемся. В благодарность за эту неслыханную щедрость вы обязаны учиться изо всех сил, не нарушать дисциплину, про веру не забывать и повиноваться Братству. За ослушание наказывают жестоко, но справедливо. Ну и сражаться вы должны доблестно, во славу господа нашего, если дело дойдет до битвы.

Элс внимательно пригляделся к старому вояке – вылитый шалуг. Наверное, это чалдарянская версия Костыля.

– Пайп, ты чего надумал? – спросил Просто Джо.

Бо, Гофит и остальные вопросительно посмотрели на Элса.

– Ну вы же считаете себя взрослыми, раз удрали из дома, – отозвался тот и повернулся к Редферну. – Кому мы присягаем? Тут ходят слухи о каком-то волшебнике.

Рыцарь-монах недоуменно нахмурился, словно такой вопрос в устах наемника прозвучал для него странно, придвинулся ближе, так, чтобы никто не смог разобрать разговор, и шепотом спросил:

– Ты шутишь, что ли?

– Конечно нет. Я так думаю, ты сам в бога веришь, а значит, некоторые вещи делать не будешь, потому что это грешно.

– Но это же Братство Войны! Карающая десница божья! – Видимо, ему никогда и в голову не приходило усомниться в честности Братства.

– Но тут говорили о волшебнике.

– Ты же не один из тех узколобых, которые верят, будто любой волшебник непременно служит злу?

– Нет. Но не горю желанием оказаться поблизости от того, кто знается с Орудиями Ночи.

– Ты не найдешь малого честнее, чем Грейд Дрокер. Он прибыл сюда из самой резиденции особого ведомства в Ранче.

– Охотник на ведьм! – выпалил один из спутников Элса с испугом.

– А как так вышло, – встрял Бо Бьогна, – что они хотят с этим поганым волшебством покончить и поганых невидимок извести, а сами как раз поганые колдуны и есть?

Элса тоже давно интересовал этот вопрос.

– Ну ты же не станешь, – нимало не смутившись, отозвался Редферн, – выставлять против вооруженного до зубов врага миролюбивого тихоню-священника? Если, конечно, хочешь

победить.

Краем глаза Элс заметил выходящего из палатки человека в потертом черном облачении. Точно – волшебник из Сонсы.

– А зовут этого охотника на ведьм, значит, Грейд Дрокер?

– Это не настоящее имя. Слушайте, нам пора сниматься, а вам – решать.

– Сколько платят? – спросил Элс.

– Новичкам – по три с половиной серебряных скутти в месяц. После обучения – по пять. Доброе сонсианское серебро, не дрянь какая. С нас еда, оружие и одежда. Кольчуги или доспехи не выдаем. Опытные вояки сразу получат по пять скутти, но за это они должны учить новичков. Потом жалованье увеличится до шести скутти.

– А как насчет разных там командиров? – спросил Просто Джо.

Близость Чушки явно прибавляла ему сообразительности.

– Ты про себя, что ли?

– Да нет, проклятье! Про Пайпера. Он сам-то не больно болтает про свои былые деньки, но даже недотепе вроде меня ясно: раньше точно ходил в сержантах, а то и поважнее кем был. Пайп всегда знает, что да как.

– Что ты на это скажешь? – спросил старый рыцарь у Элса.

– У Джо воображение разыгралось.

Редферн засыпал Тейджа вопросами, но тот отвечал уклончиво: что-то про «заварушку к востоку от Шурстулы», «дикарей-язычников», «Великие Болота» и прочее в том же духе. Стоит только назвать конкретные имена, кто-нибудь наверняка поймает его на вранье.

Но у Редферна не хватило времени допросить Элса как следует, армия Братства готовилась к выступлению вместе с недавно завербованными рекрутами.

– Пойду-ка и я с ними, – заявил Пико Мусса. – Вряд ли мы найдем место получше.

Пико вместе с братом и Гофитом стали собираться в дорогу. К ним присоединился сначала Бо Бьогна, а потом и еще несколько человек.

Элс и сам не понимал, почему решил отправиться вместе с ними. Чувствовал себя в ответе за этих несмышленышей? Хотел подобраться поближе к загадочному Грейду Дрокеру, который успел натворить столько бед в Сонсе? Теперь ша-луг был совершенно уверен, что там был именно Дрокер.

– Ладно. Я, конечно, собирался подыскать себе непыльную работенку в Броте, но и тут вроде неплохо.

– Хорошо, – кивнул Редферн. – Тогда пошевеливайтесь.

Элс старался не обращать внимания на радостные лица товарищей, во взглядах которых читалось облегчение: все явно обрадовались, что он решил остаться. Ша-луг не хотел брать на себя ответственность за их жизни.

А произошло, по слухам, вот что: Безупречный отправил в Коннек родственничка, чтобы тот прекратил чинимые тамошними еретиками бесчинства и защитил истинную церковь. В ответ вышеупомянутые еретики поубивали его телохранителей и самого патриаршего посланца едва-едва тоже не отправили на тот свет.

Потом загадочные убийцы ворвались во дворец в Вискесменте и покусились на жизнь антипатриарха. Но благодаря милости божьей, а также отменной выучке браунскнехтов, составлявших личную гвардию Непорочного, злодеев удалось перебить еще до того, как тот осознал грозившую ему опасность.

Естественным образом, в покушении заподозрили Безупречного. И естественным же образом, все ждали, что он станет отрицать свою вину, как только новости доберутся до Брота. Патриарх слыл среди своих врагов редким лицемером, и слава эта была вполне заслуженна.

Элс научился уважать своих врагов. Те воины, с которыми он сражался в Святых Землях, выросли из точно таких же решительных и отважных мальчишек.

Пока солдаты из лагеря Братства не сталкивались с особыми трудностями. С позором выдворенные из Сонсы братья ни в чем не нуждались.

После изгнания волшебник отплыл прямиком в Брот и через несколько дней после аудиенции у патриарха двинулся на север вместе с отрядом из Кастелла-доллас-Понтеллас, по пути вербуя солдат. Расходы братьев ничуть не смущали.

Несколько недель новоявленная армия шагала по разным владениям, составляющим Ормьенден, и наконец разбила лагерь на землях монастыря в винном краю Дромедана – крошечного епископального государства по соседству с переплетенными в тесный клубок Коннеком, Гролсачем, фиральдийской провинцией Селин и Сорвином, между которыми не было четких границ. Многие области, как и Коннек, считались практически независимыми – например, тот же Ормьенден, хотя он и подразделялся на небольшие феоды, владыки которых имели обязательства перед всеми на свете, включая Йоханнеса Черные Сапоги.

– На севере, в империи, дела еще хуже, – рассказывал Элсу

бывалый наемник, назвавшийся Пинкусом Гортом.

Горт тоже добровольно записался в армию Братства и тоже мог похвастать военным опытом. Этот самый опыт он, в отличие от Элса, ничуточки не скрывал. Вместе они почти целыми днями обучали зеленых новичков. Братьев было слишком мало, и они не могли уследить за постоянно растущим лагерем.

– Любой маленький городишко посреди какой-нибудь затырканной страны может состоять в вассальной зависимости от того, кто считается старым врагом этой страны, – продолжал Пинкус. – Дело зачастую даже не в запутанном порядке наследования, а в приданом.

– Граальский император должен навести там порядок.

– Ну конечно наведет.

– Что-то маловато уверенности в голосе.

– У Ганзеля связаны руки. Чтобы что-нибудь предпринять, ему сначала нужно получить одобрение курфюрстов.

– Хм…

На самом деле Элс мало что понял из этой речи. Оказывается, на западе нет никакого единства и все намного запутаннее, чем можно было предположить, находясь в Аль-Кварне.

– Как по-твоему, что затеяли эти чокнутые братцы? – Пинкус Горт с удовольствием получал от ордена серебро, но не особенно верил в их проповеди.

– Думаю, мы просто должны нагнать на всех страху. Патриарх хочет припугнуть Коннек, ведь тут все от него нос воротят. Вот он и послал своего разъезжающегося по швам Грейда Дрокера, чтобы тот собрал поддельную армию. Мы у него вместо пугала.

– В тех краях, откуда я родом, пугал обычно боятся.

– Но ведь никто в здравом уме не поверит, что эта шайка способна сражаться.

– Ты где служил? Я видывал шайки и похуже. Причем недавно. Эти парни хотя бы стараются – отрабатывают жалованье и еду, к тому же братья без устали подстегивают их своими ура-патриотическими речами. – Пинкус вернулся к своей обычной ехидной манере. – Видел бы ты, с чем пришлось работать, когда мы двинули к Тамзе.

– Ты был в том сражении?

– И притом на стороне герцога Гармонеки.

– Значит, ты удачливый сукин сын.

– Просто бегаю хорошо. К тому же я видел, чем дело пахнет, и приготовился. Так вот, в армии герцога сражалось самое поганое отребье, какое только можно вообразить. Гармонеки и не пытался их обучать, вооружил едва-едва. И что они там творят – ему тоже было плевать. Жуть. Сантерин оказал всему миру

большую услугу, изничтожив эти семнадцать тысяч человекоподобных выродков.

– А как же военачальники? Дворяне?

– У дворян лошади, а то ты не знаешь. Почти всем удалось сбежать, а кому не удалось – тех потом выкупили.

Волшебника никто в лагере не видел, но Элс постоянно ощущал его присутствие, словно тот стоял прямо за спиной. Запястье так и ныло. Казалось, стоит лишь достаточно быстро обернуться, и…

– А ты раньше служил Братству?

– Нет. И никто из моих приятелей не служил. Такого раньше не бывало. Это все потому, что Безупречный сделался патриархом.

– А ты знаешь, когда наконец доставят оружие? У нас большая нехватка.

– Мне они говорят то же, что и тебе. Но меня еда больше беспокоит. – (Действительно, лето подходило к концу.) – Мы не можем тут вечно сидеть, объедая здешних крестьян.

Больше месяца армия стояла под стенами монастыря Денсайт. Маркитантки и мошенники уже начали возводить неподалеку свою деревню.

– Смотри, Бехтер идет.

Редферн Бехтер отвечал за наемников. Работы у него было невпроворот, и он охотно принимал помощь Элса, Пинкуса Горта и еще нескольких воинов. Элсу он по-прежнему напоминал Костыля – бывалый ветеран, который всякое повидал на своем веку, такого нелегко удивить.

Но сейчас на лице Редферна читалось явственное удивление.

– Господа, – сказал он с еще более сильным, чем обычно, акцентом, – наши бездарные посиделки вполне могут обернуться настоящей заварушкой. Волшебник только что получил известие о том, что еретики со своими подручными осадили епископа Антье в его загородном поместье. Патриарх приказал нам что-то предпринять.

– Что? – не поверил своим ушам Элс. – Безумие какое-то!

– У местного епископа есть загородное поместье? В винном краю? – уточнил Горт, который был большим любителем вина, болтал о нем без умолку и неустанно пробовал все новые знаменитые ормьенденские сорта. – А с каких это пор святые отцы…

– Понятия не имею, – оборвал его Бехтер. – Тебе по службе думать не положено. Да и мне тоже. В общем, я не говорю, что мы туда отправляемся, но есть все шансы. Официально пока ни о чем не объявлено. Считайте это предупреждением и будьте готовы.

– Прошу прощения, – как обычно, с ехидцей ответил Горт. – Я просто от счастья голову потерял.

– А что про оружие слышно? – спросил Элс. – Мои люди все еще учатся не на мечах, а на палках.

К тому моменту армия патриарха насчитывала уже около восьми сотен человек, и каждый день к ним прибивалось еще по нескольку десятков наемников. Элса удивляло, что находятся столько желающих, а Горт, наоборот, удивлялся, что их так мало – ведь Братство не на шутку расщедрилось. Видимо, рассказы о битве при Тамзе все еще смущали умы потенциальных рекрутов.

– Скоро подвезут, – пожал плечами Бехтер. – Мне так все время отвечают.

– Лучше сказать нашим бедным недорослям, – предложил Элс, – что теперь у них есть веская причина не зевать на тренировках.

В лагерь продолжали поступать дурные вести. Епископ Серифс взывал о помощи.

– Если этот святоша завопит чуть громче, – заметил Элс, – ему даже не придется отправлять посланников.

– Да уж, – согласился Бо Бьогна. – Если бы дела у него шли так дерьмово, как он утверждает, он бы давно копыта откинул.

Двое рыцарей-братьев отправились на разведку, но не вернулись. Из палатки волшебника поступил приказ: всем приготовиться к выступлению. Но приказ этот почти сразу же пришлось отменить, когда Элс, Горт и еще несколько человек напомнили Редферну Бехтеру, что почти у трети отряда нет оружия, а у оставшихся двух третей оно никуда не годится. Разнесся слушок, что к ним через неделю присоединится Черный Адольф с пятью сотнями наемников из Гролсача.

Близость предстоящего сражения никого не оставила равнодушным. Те, кто примкнул к армии лишь ради бесплатной кормежки, мигом испарились, а остальные стали гораздо серьезнее относиться к муштре, которая теперь могла в буквальном смысле спасти им жизнь.

Оружие вскоре подвезли, а вот Черный Адольф так и не появился. В Гролсаче прознали о сложившемся положении и затребовали еще денег.

Небольшая армия добралась до Коннека. Братья внимательно следили, чтобы по дороге никто не занимался грабежом и не причинял вреда местным жителям. Им не оказывали сопротивления, но и не радовались их приходу. Даже те немногочисленные священники, которые поддерживали Брот,

смотрели на них с плохо скрываемым подозрением.

В Коннеке вообще с большим недоверием относились к чужакам.

С самого начала в лагере царила жесткая дисциплина. Братство хорошо знало о людских пороках. Среди грубой деревенщины попадались и настоящие матерые преступники. Но здесь не прощали того, что обычно прощают в других армиях. Если кто-то пытался задирать сослуживца, ему доставалось десять ударов плетью, а если история повторялась, провинившегося, предварительно жестоко избив, гнали прочь, не заплатив при этом обещанного жалованья. Одного типа застукали, когда он пытался изнасиловать юного новобранца, и мерзавец немедленно, даже не успев натянуть штаны, отправился на аудиенцию к волшебнику. Аудиенция закончилась для него крайне неудачно, хотя прожил он после оглашения приговора еще десять дней.

За воровство нещадно пороли.

Солдаты хорошо усвоили правила, во всяком случае пока.

Наконец они подошли к реке Дешар у подножия горы Мило. Переправа заняла весь день. На западе от идущей с севера дороги, оставшейся еще со времен Древней Бротской Империи, ответвлялась еще одна – следующая вдоль берега Дешара. Дороги эти обозначали границу между Новой Бротской Империей и государствами, где разговаривали на некоем подобии аргендского языка. Еще дальше на север очередное ответвление убегало на северо-восток к Салпено – столице аргендских королей.

В самом Коннеке древняя дорога шла на запад мимо самых крупных городов, возле реки Верс в Парле сворачивала на северо-запад и, миновав Каурен, добиралась до океана.

Спустя два дня патриаршее войско сошло с дороги и углубилось в южные холмы, засаженные виноградниками. Вскоре они уже были во владениях епископа Серифса, откуда открывался вид на обнесенный высокой крепостной стеной Антье.

Обширное поместье напоминало древние виллы и было густо обсажено виноградом. Поблизости на склоне охряного холма, прямо в излучине реки Джоб, примостился Антье. Стены и башни его находились в прекрасном состоянии, именно на них, по всей видимости, и зиждилась уверенность защитников, о которой патриаршие войска уже были наслышаны.

Граф Реймон Гарит и жители города с величайшим презрением относились к своему епископу и открыто заявили разведчикам Братства, что у них достаточно запасов на зиму и осаду они выдержат. В Антье намеревались есть и пить вволю, пока за стенами враги здравого смысла сначала сожрут всех

собак, кошек и крыс, а потом примутся глодать свои сапоги и есть землю.

Епископ соизволил покинуть поместье как раз тогда, когда армия Братства разбивала лагерь на ближайшем холме. Он пришел в ярость, увидев, какой ущерб нанесли его виноградникам.

Элс оказался поблизости, когда Серифс встретился с Грейдом Дрокером, – недостаточно близко, чтобы расслышать разговор, но достаточно, чтобы увидеть, какой эффект произвела встреча на епископа. Через мгновение тот побледнел и принялся судорожно глотать воздух и что-то бормотать. Волшебник поковылял прочь, а святой отец, отдышавшись, снова покраснел от злости и, пылая гневом, удалился обратно в поместье.

Да, Дрокер обладал нешуточной властью, ведь епископ, как говорили, ходил в любимчиках у патриарха.

Элс вместе с подопечными расположился так, чтобы видеть палатку волшебника, поместье и Антье. Осмотрев укрепления, он решил, что жители города действительно могут спать спокойно: эти высокие стены способны хоть целую вечность сдерживать натиск необученных вояк. Даже если Грейд Дрокер применит все доступное ему волшебство.

Шел четвертый день. Те, кто осмелился напасть на поместье епископа, держались от отряда подальше. Жители Антье и солдаты из войска Братства лишь обменивались оскорблениями, но до оружия дело пока не доходило. Патриаршие защитники были молоды, им недоставало опыта и выдержки. Если бы у коннектенцев хватило сообразительности этим воспользоваться, они могли бы причинить силам осаждающих немалый урон.

Но делать им это, в общем-то, было незачем: жители Антье могли спокойно ждать, покуда зима не прогонит незваных гостей прочь. Граф Реймон несколько раз заявлял, что осаду, мол, можно прекратить, ограничившись только ущербом, нанесенным епископским виноградникам и гордости Брота.

Грейд Дрокер собрал военачальников, чтобы выслушать их мнение. Опытные воины, которые, как и Элс, обучали новобранцев, не видели особого смысла в этом собрании. Волшебник явно будет делать так, как решил. Зачем же устраивать балаган и о чем-то их спрашивать?

Элса повысили в должности, но лишь потому, что никто из братьев не хотел выполнять лишнюю работу. Епископ предоставил для собрания одну из комнат в своем поместье, чтобы им не пришлось мокнуть под дождем. Стул Элсу не

полагался. Из комнаты вынесли все, что можно было украсть или запачкать. Ша-луг прислонился к влажной холодной стене рядом с Пинкусом Гортом. Стояли они позади всех. Забавно получилось: здесь ему досталась та же роль, что и дома, – солдат в войске господнем.

– Брат Дрокер, кажется, чем-то недоволен, – пробормотал Горт.

– Это точно.

А еще волшебник явно на ладан дышит.

Да, слухи не врали: тот пушечный выстрел сделал его калекой. С левой стороны лица торчала голая кость.

– Да, отделали будь здоров, – заметил Пинкус. – Видок такой, будто его часа четыре беззубый тигр жевал.

Элсу говорили, что Дрокер почти все время носит маску; почему же, интересно, сегодня он решил ее не надевать?

Другой брат помог волшебнику усесться за высокий стол. Дрокер действительно злился. С трудом, но громким и отчетливым голосом он произнес:

– Бехтер… найди епископа… Серифса. И… принципата Донето. Им велено было… явиться.

– Надеюсь, – пробормотал Горт, – Дрокер им покажет, почем фунт лиха. Недоумки, втянули нас в это дерьмо, а сами, видите ли, носа не кажут.

Элс и бровью не повел. Наверное, Пинкус уже успел с утра приложиться к бутылке – слишком уж громко прозвучал его шепот.

Но Горт был еще достаточно трезв, чтобы заметить свою ошибку. Он примолк на добрых десять минут.

Явился епископ. Внешность этого толстяка ясно свидетельствовала о долгих годах, посвященных прозябанию в пороках. Круглое, испещренное красными пятнами лицо говорило о пристрастии к выпивке и об апоплексии. Ни в каком собрании Серифс, разумеется, участвовать не хотел.

Епископ пылал праведным гневом, но гнев его быстро улетучился под мрачным взглядом холодных глаз Грейда Дрокера.

Довольно трудно жаловаться и ныть в присутствии человека, который столь явно презрел собственные ужасные раны для участия в походе.

– Епископ, – сказал волшебник, – садитесь, для вас поставили кресло. Где принципат Донето?

Вскоре прибыл и патриарший посланник – его внесли на носилках трое телохранителей и один епископский слуга. Остальные телохранители сбежали. Реши кто-нибудь снова

покуситься на жизнь принципата, у Бронта возникли бы серьезные затруднения.

Элс боялся, что Горт сейчас ляпнет что-нибудь нелестное и в адрес Донето, но всем сразу же стало очевидно, что тот действительно не может передвигаться самостоятельно.

Его ранили гораздо серьезнее, чем все думали.

Епископ выразил неудовольствие и заявил, что обо всем случившемся обязательно услышит сам Безупречный.

– Вы, Серифс, – осадил его Дрокер, – привлекли внимание особого ведомства. Не вынуждайте это самое ведомство официально объявлять вам об этом. Мы не подчиняемся никому, даже его святейшеству. Вам понятно?

Возмущенный епископ примолк. «Как несправедливы ко мне судьба, жизнь и вселенная!» – было написано на его лице.

– Превосходно. Давайте обсудим Коннек и расплодившуюся здесь ересь. Епископ, я требую, чтобы вы прямо отвечали на мои вопросы. Не пытайтесь себя обелить, не оправдывайтесь, не скулите. Отвечайте простыми фразами, по существу. В противном случае навлечете на себя гнев особого ведомства. Все ясно?

По всей видимости, Серифсу ничего не было ясно. Он принялся бессвязно и раздраженно молоть какую-то чушь.

Внезапно епископ вскрикнул.

– Похоже, недостаточно внимательно слушал, – усмехнулся Пинкус; Горта буквально распирало – до того ему не нравился епископ.

Хотя, если верить коннектенцам, епископ нравился лишь двоим людям на всем белом свете: смазливому белокурому мальчонке, который его ублажал, и патриарху.

И тем не менее у Серифса были влиятельные друзья-церковники и союзники-дворяне, которых беспокоила мейсальская ересь.

Элс внимательно прислушивался к вопросам волшебника, но Дрокера, похоже, окончательно покинули силы, и он говорил очень тихо. Зато по громким ответам епископа можно было понять, о чем идет разговор.

Допрос с пристрастием показал, что кризис веры в Коннеке произошел по одной-единственной причине – по вине самого пастыря.

Это, конечно же, никого не удивило. Корень всех зол крылся в упорном нежелании Брота признать, что и служителям церкви не чужд грех.

Дрокер замолк, и допрос продолжил один из братьев. Похоже, маг совсем выдохся.

Элс внимательно вглядывался в его лицо. Колдовство

Дрокеру теперь давалось с большим трудом – этот калека был буквально нашпигован серебром.

– Что-то не так с этим Донето, – прошептал Пинкус. – Он, что ли, опиум курит?

– Вполне возможно, – согласился Элс. – Такие, как он, плохо переносят боль.

С каждым мгновением собрание становилось все скучнее. Серифс перечислил меры, принятые против сторонников мейсальской ереси. Основные его предложения заключались в следующем: «Давайте всех перебьем и все разграбим». Эти предложения вызвали большое одобрение аудитории.

– Таким образом, – вмешался в разговор Дрокер, – мы обогатим церковь и Братство и обогатимся сами, но этого не хватит надолго. Из Брота мне сообщили, что Арнгенд вышлет нам на подмогу войска. И это, кстати говоря, секретная информация, которая не должна выйти за пределы этой комнаты.

«Да уж, – подумал Элс. – Как теперь удержишь все в тайне? Новости обязательно просочатся в Коннек, ведь кто-нибудь расскажет обо всем по секрету какому-нибудь доверенному другу, а тот… И – пошло-поехало».

Дрокер не похож на дурака. Он хочет, чтобы новости разошлись.

Пинкус толкнул Элса локтем:

– Представление окончено. Проснись!

Элс смущенно крякнул. Они с Гортом стояли ближе всего к двери, так что и выходить им надо было первыми. Пройдя шагов десять по коридору, Элс внезапно остановился, и от неожиданности Горт налетел на него.

– В чем дело?

– Да ни в чем. Просто появилась одна мысль.

– Мысли – это, знаешь ли, опасно. Я бы даже сказал, смертельно опасно, если речь идет о церкви.

– Нет.

Совсем не внезапная мысль заставила его остановиться, а странное видение – смазливый белокурый парнишка, который из-за гобелена наблюдал за идущими по коридору солдатами. Судя по описаниям, это и есть любимчик епископа. Он напомнил Элсу человека из иных мест и иного времени. Но видимо, то было не просто сходство: когда мальчик увидел ша-луг, лицо его исказилось от изумления и ужаса.

Элс покачал головой. Как такое возможно? Мальчику, которого он помнил, сейчас уже должно было стукнуть двадцать.

Элс сидел на заросшем виноградом холме и невидящими глазами смотрел на Антье. Мысли его были заняты тем мальчишкой. Мальчишка все чрезвычайно усложнял.

Внизу, через малые городские ворота, выходящие на берег реки, сновали люди, похожие на муравьев, – то спускались к воде, то возвращались в Антье. Этой дорогой горожане пользовались уже несколько веков, так что ее даже замостили.

В реке купались местные юнцы, выказывая полное пренебрежение к осаждавшим город войскам. Элс едва обратил на них внимание, хотя внутренний голос подсказал ему, что это следовало бы сделать.

Как там звали епископского малолетнего любовника? Нет, имя при Элсе ни разу не упоминали. В том числе и из-за этого парня коннектенцы так презирали Серифса.

Из главных ворот Антье вышло около дюжины человек с белым флагом.

Ша-луг вернулся в лагерь.

Парламентарии добрались до поместья примерно через час. К тому времени там уже гуляли разнообразные слухи. Самые разумные, по достоинству оценив толщину и высоту городских стен, искренне надеялись, что посланцы хотят склониться перед волей церкви, и таким образом всем удастся избежать сражения.

Антье был столицей владений графа Реймона Гарита. Граф нечасто гостил в собственных угодьях: молодого красивого дворянина куда сильнее манили интриги Каурена, и бóльшую часть времени он проводил при герцогском дворе. Но по случайности Реймон оказался дома, когда началась осада. Теперь именно он шел во главе процессии, безоружный, с непокрытой головой.

Элс, опираясь на свой восточный опыт, решил, что граф намерен сдаться. Позже выяснилось, что юный Гарит был согласен выполнить почти все требования патриарха: покориться воле Брота, запретить мейсальскую ересь и изгнать тех ищущих свет, кто не откажется от лживого учения, а также тех священников, кто поддерживает Непорочного II.

Епископ Серифс, от которого за версту несло вином, перебил графа, не дав ему сказать и нескольких слов:

– Закрой-ка рот, мальчишка, и послушай, что тебе следует сделать. – Серифс вытащил длинный свиток. – Вот этих людей нужно немедленно арестовать и отдать под суд святой церкви.

– Церковь не имеет права судить мирян, – сухо отозвался граф. – Естественное следствие того, что и мирской суд, по настоянию той же самой церкви, не имеет права судить ее служителей.

Его ответ окончательно вывел епископа из себя. Совершенно забыв о приличиях, он принялся неистово браниться и жаловаться на обиды столь ничтожные, что все, кто слышал его речь, испытали глубокое отвращение.

– Какое все это имеет отношение к делам церкви? – перебил его Реймон. – Или к ее правам?

Графа сопровождали четыре церковных священнослужителя. Трое из них поддерживали Безупречного V, а до сего дня и Серифса (исключительно потому, что назначил его патриарх).

– Епископ, – сказал один, – почему жители города должны собирать для вас виноград?

– Быть может, – вмешался второй, – если бы вы отослали мальчика в приют, никто не стал бы писать оскорбления на стенах собора?

Жители Антье очень гордились своим главным храмом – грандиозным строением, воздвигнутым благодаря высокомерию епископа. Даже если при этом большинство из них исповедовало мейсальскую ересь или поддерживало Непорочного II.

Грейд Дрокер появился, когда епископ вошел в раж. Волшебник явно был разгневан, но вмешиваться не стал. Он тихо посовещался с братьями, которые присутствовали на переговорах с самого начала, вздохнул, смерил Серифса презрительным взглядом, покачал головой, но ничего не сказал.

Волшебник решил предоставить епископу возможность выставить себя наконец полным дураком на глазах у всех. Пусть любимец патриарха сам даст своему покровителю достойный повод разжаловать себя в странствующие монахи и отправить с миссией куда-нибудь в Великие Болота. Именно так чаще всего и случалось с совсем уж никчемными священниками.

– Мы явились сюда сдаться, – сказал граф Реймон, – во имя мира и вопреки тому, что нам известно о бротской церкви и ее священнослужителях. Но наше предложение отвергли с оскорблениями. Послушайте же меня, служители ворога и подлого узурпатора Гонарио Бенедокто: Антье отказывается вам подчиниться. И пусть господь наш всемогущий взглянет на это мерзкое отродье, представляющееся всем епископом, чтобы понять причину нашего отказа. Пусть заглянет в наши сердца и дарует победу правому.

Таким двусмысленным образом граф фактически объявил патриарху войну, предоставив самому господу богу решить ее исход.

Вместе со своими спутниками Реймон вернулся в Антье, а тем временем сотни умов напряженно обдумывали, как бы половчее склонить волю божью в нужную сторону. Даже от внимания

епископа не ускользнул тот факт, что все трое преданных бротскому патриарху священников вернулись в город вместе с графом.

А Элс Тейдж подумал, что господь бог, видно, частенько забавляется, слушая, какие именно слова люди вкладывают ему в уста.

– На самом деле, – объявил Элс своим солдатам, – они не собирались сдаваться. Просто притворялись – в надежде, что мы поверим и отправимся восвояси. Почти вся родня Реймона Гарита – еретики.

Он фактически пересказывал им речь Грейда Дрокера, которую тот произнес недавно перед своими военачальниками. Пока Тейджу приходится играть эту роль, лучше просто повторять за волшебником нужные слова.

У Элса никак не укладывалось в голове то, что посланцы из Антье совсем недавно пытались сделать у него на глазах.

В подобной ситуации не сдался бы ни один правоверный шалуг, но что взять с иноверцев.

– И правильно, – отозвался Бо Бьогна.

Остальные согласно закивали.

– Почему?

– Среди всей этой шоблы, капитан, всем плевать, кому они тут поклоняются – камням или лягушкам. А те, кому не плевать, сплошь воры вроде хрыча-епископа.

Элс кивнул. В словах Бо, несомненно, была правда.

В окне второго этажа он заметил белокурого мальчика, наблюдавшего за удаляющейся в Антье процессией. Элс внимательно вглядывался в его лицо, пока вдруг не почувствовал на себе чей-то взгляд.

– Любимая игрушка полоумного епископа, – сказал Пинкус Горт.

– Да уж.

– Может, строевой подготовкой займемся? Мои ребята против твоих?

– Только если ты приструнишь своего подонка Бергера, чтоб не лез к Пико и Джусти.

– Боишься за их здоровье?

– Нет, боюсь, Просто Джо прознает про его выходки – и тогда Бергеру крышка.

– Твоя правда. Сроду не видывал такого силача, как твой Джо. Черт, что там за заваруха?

С реки доносились громкие крики.

– Вот ведь дерьмо! – выругался Элс. – Знал же, что так и

будет. Поэтому и велел своим ребятам набирать воду по эту сторону холма.

Воду в лагерь обычно таскали с реки, ведь пруд рядом с поместьем не мог снабдить целое войско, даже такое маленькое и жалкое.

И вот теперь водоносы из лагеря сцепились с городскими парнями, которые купались в реке. Местных было больше. Ничего хорошего от этой встречи ждать не приходилось.

Солдаты помоложе с воплями кинулись на помощь водоносам.

– Вот зараза! – в сердцах сказал Горт. – Началось, откуда не ждали.

– Бо, найди наших ребят, – велел Элс. – Скажи, чтоб сию минуту были здесь.

– Ты же не собираешься в это влезать? – уточнил Пинкус.

– Нет. Уведу их подальше и займу строевой подготовкой, чтобы не влипли.

– Пожалуй, и я своих. А то половина по собственной дури отправится на тот свет.

Все происходило слишком быстро. Безумие было уже не остановить. Новые и новые наемники бежали к реке с холма, новые и новые парни выскакивали из городских ворот. Возле крепостной стены завязалась потасовка. Граф Реймон Гарит только-только добрался до Антье и сейчас находился у противоположных ворот, поэтому не мог остановить безмозглую местную молодежь. А военачальники из лагеря и высокопоставленные рыцари Братства отсиживались в поместье, укрывшись от непогоды, и ничего не видели.

Элс наконец-то сообразил, что же именно ускользнуло от его внимания там, на холме: пока городские юнцы плескались в воде, задирая солдат, сотни людей таскали в Антье воду.

Городские водохранилища не были готовы к осаде.

В первые минуты ни у кого из дерущихся не было при себе оружия, но очень скоро оно замелькало в руках наемников.

Пролилась первая кровь, и среди жителей Антье поднялась паника.

Солдаты поднажали, толпа забурлила вокруг ворот. Защитники их не захлопнули и даже почти не оказали сопротивления, когда вооруженные головорезы ринулись в город. Стрелки, дежурившие на стенах, выпустили по нападавшим несколько стрел, но все без толку – поток было уже не остановить.

Новость быстро разнеслась по лагерю, заговорили о легкой наживе, и Элс не смог удержать своих подопечных. Лишь Бо

Бьогна, Просто Джо и, разумеется, Чушка сохранили самообладание и не бросились вниз.

В подразделении Горта не поддался кровожадному зову только сам Горт.

Из поместья выскочил Редферн Бехтер:

– Силы небесные, что происходит? Куда все подевались?

В лагере к тому моменту осталось меньше трех десятков человек.

– Наши ребятишки побежали в Антье, – объяснил Элс. – Думаю, убивают там всех, кто попадется на пути.

– Кто им приказал?

– Патриарх и епископ Серифс выразились достаточно ясно: не щадить еретиков.

– Когда это началось? Почему нам не сообщили?

– Оборванцам вроде нас в поместье соваться запретили, – заметил Горт. – У нас же сапоги в свинячьем дерьме – еще наследим.

Из города доносились крики.

– Не умничай, Горт, – огрызнулся Бехтер и побежал в поместье.

Вскоре на улицу повыскакивали остальные братья, за ними епископ Серифс. Он немедленно впал в неописуемую ярость и, поскольку на его приказы никто не обращал внимания, вскоре совсем осатанел и повалил на землю одного из рыцарей. Тут показался сам Грейд Дрокер.

Под его суровым взглядом Серифс чуть сник, но тут же объявил, что собирается срочно найти лошадь и скакать в Антье. У него ведь там дом. Да и другая собственность. Кому-то же надо ее защитить.

– Вы двое, которые с головой, – кивнул Дрокер Элсу и Горту, – что тут стряслось?

Горт все объяснил.

– Почему сами все еще здесь?

– Мне приказано резать врагов церкви, а не женщин и детей. Сейчас мне наших уже не остановить. Вы же видели, как это бывает. Как пожар – нужно, чтоб само прогорело. Если я здесь останусь, а других приказов мне никто не давал, то хоть греха на душу лишнего не возьму.

– А ты, Хект?

– Пинкус верно говорит.

– Да, – хмыкнул Дрокер, – вы, как я погляжу, с подобным непотребством уже сталкивались. Как и я. Но мне все равно придется там показаться.

Хотя его лицо ничего не выражало, казалось, волшебник ждал

от них ответа.

Элс решил, что лучше смолчать и не привлекать внимания.

– Оставайтесь здесь, – наконец велел Дрокер, – если таково ваше желание. Охраняйте принципата и имущество епископа. А я попробую спасти Антье, хотя, боюсь, господь от нас сегодня отвернулся.

– Пайп, – поинтересовался Горт, как только Дрокер отошел подальше, – ты куда собираешься податься?

– Я-то? Не знаю. Не думал еще. А что?

– Я так полагаю, завтречка мы останемся без работы. И не просто без работы – того и гляди придется спешно уносить отсюда ноги.

– Почему?

– Сейчас там бойня, потому что местные сваляли дурака и запаниковали. Но их-то гораздо больше, чем нас. К тому же у нас почти сплошь мальчишки-переростки, которые ни черта не соображают.

– Думаешь, их там перебьют всех?

– Вполне возможно. А еще думаю: чем бы там ни кончилось, сегодня решится, как отныне патриарх и Коннек будут друг с дружкой дело иметь. Так что давай охранять Донето.

– А чего это его вдруг повысили? Мне говорили, он всего лишь епископ, который рвется в коллегию. Но волшебник зовет его принципатом.

Принципаты считались в церковной иерархии вторыми по значимости людьми после патриарха. Само слово происходило от древнебротского «принц».

– Дрокер сам из Брота приехал, новости знает. Безупречный, верно, решил, что Донето скоро сыграет в ящик, и напоследок расщедрился – все равно родственничку помирать.

– Циничный ты мерзавец.

– Есть такое дело.

Дрокер со своими людьми сначала попытался прорваться через главные ворота, но их не впустили. Защитники города не дремали, и лучники тут же осы`пали воинов Братства дождем из стрел. Пришлось рыцарям, как незадолго до этого и епископу Серифсу, обойти городскую стену и воспользоваться малыми воротами на реке.

В городе царил ужас. Захватчики быстро гибли там, где им оказывалось серьезное сопротивление, но и они, и коннектенцы имели одинаково мало опыта в подобных делах. Разрозненных жителей, охваченных паникой, некому было возглавить. И вот тут-то началась настоящая бойня.

Уличные мостовые заполнились трупами. Резня приобрела поистине эпические масштабы. Кровь буквально текла рекой и переполняла сточные канавы.

Самые страшные злодеяния творились в епископском соборе, где укрылось около тысячи коннектенцев, как приверженцев чалдарянской церкви, так и мейсалян.

Наемники снесли двери и учинили кровавую бойню в доме того самого господа, которого должны были защищать.

Безумие, охватившее Антье, и не думало униматься. Солдаты разбились на небольшие группки и прочесывали улицы в поисках легкой добычи.

Когда Серифс добрался до собора, там все еще шла резня. Поведение епископа вызвало отклик в душе каждого коннектенца, вне зависимости от вероисповедания: с пеной у рта он принялся расписывать нанесенный «его собственности» ущерб.

Когда к собору подъехал Дрокер, в живых там оставалось всего несколько человек, в том числе и Серифс. Хотя его успели хорошенько отделать. Удивительно, как удалось епископу уцелеть; быть может, бог и правда благоволил святому отцу.

На улицах еще шли бои, но пик безумия миновал. Солдаты зализывали раны или мародерствовали, некоторые падали с ног от усталости.

Грейд Дрокер взял наконец власть в свои руки и отправил нескольких братьев с приказами – напомнить наемникам, что делить награбленное положено главнокомандующему.

Не самое мудрое решение: в городе царило беззаконие, а немногочисленные защитники колдуна были не слишком высокого мнения и о нем самом, и об особом ведомстве.

Нескольких посланцев Дрокера убили, но настоящий ужас воцарился, когда наемники принялись уничтожать то, что не могли унести с собой. Начались поджоги.

Патриарший посланник не удивился, когда Элс и Горт вместе со своими людьми ворвались в комнату, где он лежал под охраной последних двоих телохранителей. Донето что-то бессвязно пробормотал.

– Дрокер приказал охранять вас, – сказал Пинкус. – Судя по всему, охрана вам вскорости не помешает.

Бронт промямлил какой-то вопрос. Он явно находился под действием дурмана, но соображать при этом не перестал. Принципат желал знать, что происходит.

– Пинкус, объясни ему, – велел Элс. – Я пойду осмотрю дом. Надо понять, сможем ли мы здесь обороняться.

Ша-луг и так уже все видел: такую громадину не смогут оборонять тридцать солдат, один мул, два взвинченных телохранителя и кучка напуганных слуг, которые к тому же разбегаются со всех ног. Поместье строили без расчета на осаду.

Нужно найти того мальчишку. Белобрысый епископский любимчик, по-видимому, настоящий кладезь информации.

Огромное пустое поместье было основательно запущено.

Пустое! Вот оно что. В таком доме нужно держать несколько десятков слуг, но Элс не увидел ни одного, поднявшись по лестнице. Скаредный Серифс экономил на прислуге.

Ша-луг разыскал личные покои епископа. Обставлены они были с невообразимой роскошью.

Вечер еще только начинался, но в комнатах уже горели свечи, да не какие-нибудь, а очень дорогие, из пчелиного воска. И все же их свет не мог полностью рассеять темноту. В углах трепетали странные дрожащие тени, происхождение которых не оставляло сомнений: епископ Серифс знается с Орудиями Ночи.

Не с самыми сильными и могучими, но все же. Орудия Ночи всегда рядом. Мудрый человек не станет забывать об этом, даже на мгновение.

Элс бесшумно пересек зал и вошел в небольшую комнату, где на фоне окна вырисовывался хрупкий силуэт – мальчик смотрел на горящий Антье.

– Оса.

Тот подпрыгнул как ужаленный и стремительно развернулся, явно намереваясь кинуться прочь.

– Бежать некуда.

– Капитан Тейдж, – сказал тот, приглядевшись.

– Теперь меня зовут Пайпер Хект.

– Что ты делаешь в Коннеке?

– Лев послал меня шпионить за чалдарянами. А ты? Последний раз, когда я видел тебя в школе неутомимых отроков, тебе было одиннадцать. Лучший ученик. Но то было восемь лет назад, а тебе все еще одиннадцать.

– Меня тоже послал Лев. Но сначала я провел шесть месяцев у эр-Рашаля. Мое тело не состарится больше ни на год.

Элс кивнул. Он хорошо помнил Осу Стила – невероятно смышленого и абсолютно бесстрашного мальчишку, – хоть и не знал его близко. Когда тот пропал из школы неутомимых отроков, Тейдж не удивился. Обычное дело.

– И что же ты должен делать?

– Сеять хаос и раздор, чтобы чалдаряне не смогли устроить новый священный поход. Пока я весьма неплохо справлялся.

– Это ты травишь Донето?

– Да, – кивнул мальчик. – Устроил на него покушение, но неудачно. Хотя получилось даже лучше: он не умер, но и поправиться не может. Патриарх теперь неотрывно следит за Коннеком.

– Но как ты сумел организовать покушение? Из наших здесь больше никого нет.

– Я служу еще и Граальскому императору. Это он меня сюда послал, знал о наклонностях епископа.

– Так это из-за тебя убийцам патриарха не удалось прикончить Непорочного. Это ты предупредил Ганзеля.

– Как могу, осложняю жизнь врагам праман, – недобро улыбнулся Оса. – И врагам императора, если нам это выгодно.

– Скоро ты, видимо, лишишься епископа.

– Знаю. Как раз обдумывал, что делать, если его убьют.

– Он сейчас в Антье. И волшебник тоже. А Донето в моей власти, внизу. Если умрут все трое…

– Этого нельзя допустить. Если здесь патриарха постигнет неудача, он может забыть про Коннек и обратить свой взор на восток.

Верно. Но и восторжествовать в Коннеке он не должен. Если патриарх завоюет здешние богатые края, то награбленного ему хватит на очередной священный поход. И внимание его отвлекать будут лишь Кальзир и Граальский император.

– Как именно ты связан с Граальским императором?

– Гордимер подарил меня Йоханнесу. Я – оружие, которое он может использовать по собственному усмотрению. В Аль-Кварн явился один человек. Он говорил с Гордимером, но на самом деле обращался к эр-Рашалю. Ему нужен был особый раб.

– Понятно. Поэтому они сначала наложили на тебя чары, обучили, а потом продали. В сделке участвовал некто Феррис Ренфрау?

– Да, это посредник, который все и устроил.

– Вы знакомы?

– Да. Мы иногда видимся. Он сообщает новости. А что?

– Гордимер и эр-Рашаль велели мне выяснить, кто такой Феррис Ренфрау. Он их беспокоит.

– Он умен и коварен, но всецело предан императору. Пусть не беспокоятся. Йоханнесу ни до чего нет дела, он жаждет лишь помешать патриарху и укрепить власть Новой Бротской Империи. На остальной мир ему плевать, даже если там все покроется льдом.

Элс решил не развивать эту тему. Оса явно неровно дышал к Йоханнесу Черные Сапоги.

– Ты что-нибудь слышал о Старкден?

Ша-луг не забыл, что приключилось с ним в Ранче.

– Старкден? Имя я слышал. Что-то связанное с контрабандистами. Это важно?

– Для меня – да. По ее милости меня едва не прикончили в Ранче. Этим делом заинтересовалось особое ведомство.

Элса давно занимала одна мысль: не связано ли со всей этой историей поспешное отплытие Грейда Дрокера в Сонсу?

– Я спрошу у Ферриса Ренфрау. Он знает всех, кто обретается на изнанке этого мира.

– Спроси. Но меня не упоминай.

Этот самый Ренфрау непременно вскорости объявится.

– Тебя ведь скоро начнут искать? – спросил Оса.

– Да, ты прав. Я тебя не видел. Ты меня не знаешь. Еще поговорим, если получится. Может, переметнешься к Донето, если епископа прикончат?

– Может. Но с ним сложнее. У него с этим делом плоховато.

– Ты где был? – поинтересовался Пинкус Горт. – Я уже хотел кого-нибудь послать на поиски.

– Чуть не заблудился. На втором этаже настоящий лабиринт. Вот что я тебе скажу: развалюху эту мы оборонять не сможем. Если жители Антье явятся сюда, нам всем крышка. Думаю, надо поживиться, чем сумеем, и срочно делать ноги.

– Тут парочка слабонервных вернулась. Коннектенцы точно сотрут в порошок недоумков, которые это учинили. Зато я подготовил отступной путь.

– В смысле?

– Мы пристроены – будем новыми телохранителями принципата Донето. И наш начальничек желает отправиться в Брот. Причем немедленно.

– Пинкус, – изумленно протянул Элс, – ты гений. Настоящий злой гений.

– Да ладно тебе, – скромно потупился Горт. – Все ж яснее ясного. Ты хотел в Брот. Я хотел в Брот. Принципат не хотел оставаться. Сказал, лучше, мол, в дороге окочуриться, чем здесь. Он успел сильно невзлюбить Коннек. Вполне вероятно, для Коннека последствия будут не самые приятные, если Донето дотянет до Брота и насядет на кузена-патриарха.

– Хорошо. Просто замечательно. И Братству мы вроде как ничего не должны.

– Пайп, тут сейчас начнется грандиозная заваруха. А нам приказано охранять принципата.

– Ладно, я в доле. А остальные?

– Кое-кто хочет остаться и посмотреть, чем дело кончится.

Почуяли наживу. А те, кто поумнее, смекнули, что пора линять. Даже если мы победим в Антье. Теперь все изменилось. Миролюбивые коннектенские простофили наконец поймут: бротская церковь твердо намеревается выжать их досуха. Скоро тут лютой ненавистью возненавидят все бротское. Так что лучше нам не задерживаться.

– Ты прав. Когда выходим? Переживет ли Донето путешествие?

– Думаю, надо выдвигаться с первыми лучами солнца. Если только заварушка не перекинется и сюда. Что же касается Донето, будем нянчиться с ним по дороге. На самом деле, переживет не переживет – разницы особой нет. Главное – дотащить его тело до Брота и изобразить на лице усердие.

Элс смотрел на горящий город в компании Просто Джо и Чушки.

– Хотел бы я вытащить оттуда этих малолетних дурачков. Если только они еще живы.

– Не кори себя, Пайп, ты не можешь заставить их поумнеть.

– Легко сказать, Джо. Ты видел Бо?

– Они с Гортом отправились на поиски казны Братства.

– Ясно. Пойду поищу их. Готовься: возможно, придется быстро сниматься.

13

Возле Рекейла, на южной границе с Аргендом

Первым проснулся испуганный, ничего не понимающий Финнбога. Он не сразу пришел в себя – давешние кошмары еще долго не отпускали. Через какое-то время воин осознал, что лежит вместе со своими спутниками в роще. Вокруг все было какое-то странное: в небе светило чересчур яркое солнце, окрестные холмы заросли бурой травой, древние деревья с узловатыми стволами ничем не напоминали привычный вечнозеленый лес. Ни домов, ни людей. Долину внизу прорезала мощеная дорога, а вдалеке виднелся трехъярусный акведук.

Хотя Финнбога, конечно, понятия не имел, что эта изогнутая штуковина называется «акведук».

Вскоре очнулись близнецы. Постепенно ужас, исказивший их лица, прошел.

– Где это мы? – поинтересовался Сигурдур.

– Не знаю, – отозвался Финнбога. – Уж точно в мире живых. Может, Грим знает. Они с ним говорили.

Ужасы загробного мира быстро выветривались из памяти, оставляя после себя лишь смутные, холодящие душу воспоминания. Вроде бы рай оказался каким-то не совсем таким, как надо.

Уже пришли в себя Свавар и Холлгрим, а Шагот все валялся в беспамятстве. Пятеро стурлангеров не знали, куда и зачем их занесло и, самое главное, что вообще происходит.

– Покоритесь воли Ночи, – пробормотал Финнбога.

– Чего? – не понял Сигурьон.

– Не знаю, – озадаченно ответил андорежец, который и сам не понял, что` только что сказал.

Воины решили, что их не было в мире живых несколько месяцев, возможно – даже лет.

Шагот все никак не просыпался. Вот уже солнце достигло зенита, вот стало клониться к закату, но только когда оно почти скрылось за вершинами холмов, Шагот очнулся и смог худо-бедно отвечать на вопросы.

– Грим, ты что про все это думаешь? – спросил Финнбога. – Где мы? И что за время нынче? Почему мы здесь оказались?

Шагот видел с трудом. Ощущение было такое, словно он беспробудно пьян. Но он же предводитель, именно ему боги доверили священную миссию.

Из всей компании только Грим Гриммсон отчетливо помнил все ужасы великой Небесной Крепости.

Еще какое-то время он приходил в себя.

– Мы в стране аргендцев, рядом с городом Рекейл. Эти холмы хранят запас волшебства с древних времен, когда племена, поклонявшиеся нашим богам, разгромили большую бротскую армию. В этой самой долине. Тогда вокруг был большой лес, а прямо здесь стоял алтарь. Поэтому боги и отправили нас сюда. Отсюда недалеко до того места, куда нам надо попасть.

– И куда же это нам надо попасть? – осведомился Свавар.

– Придется выяснить. Нам надо найти одного человека. Мы узнаем его, когда найдем. – Шаготу было не по себе: ведь врал своим же товарищам, но его вынудили Старейшие. – Будем ждать здесь. Скоро должна подойти армия, мы к ней примкнем. Тот человек – в другой армии, с которой наша должна объединиться.

– Что же это за тип такой? – удивился Холлгрим. – И чем умудрился так насолить богам, что ради его убийства они похитили нас?

Только Шагот знал, что миссия их немного иная.

– Этот тип вроде как изобрел способ их укокошить. Боги хотят с ним разделаться, покуда он не разобрался хорошенько, что к чему. – Шагот нахмурился. – А пока ждем, надо откопать несколько священных реликвий. Они нам понадобятся.

По всей роще были раскиданы в беспорядке инструменты, оружие, доспехи, съестные припасы – словом, все, чем боги сочли необходимым снабдить своих слуг.

– Соберите-ка все это барахло в кучу, – велел Шагот. – Надо лагерь нормальный разбить.

Он посмотрел на север. Становилось прохладно. Видимо, скоро польет дождь.

– Где-то тут должна быть палатка. Надо ее поставить. Вы ж не хотите под дождем дрыхнуть?

Еще до его пробуждения стурлангеры разожгли костер. Хотя бы об этом беспокоиться не пришлось.

Шагот принялся расхаживать по склону холма, что-то бормоча себе под нос. Остальные не понимали, что и зачем он делает. Грим и сам не слишком хорошо понимал, знал только, что нужно идти именно так: столько-то шагов сюда, столько-то туда. Эти шаги он шепотом проговаривал самому себе. Когда он останавливался, перед его глазами мелькали картины из другого времени: странные длинноволосые дикари в волчьих или медвежьих шкурах сражались, пили и приносили своим богам в жертву бротских пленников. Поначалу стурлангер не понимал, о чем они говорят, но их речь чем-то напоминала его собственный

язык. Дикарей терзали гнев и отчаяние, они убивали друг друга из мести или из-за кровной вражды так же охотно, как и врагов-иноземцев.

Постепенно Шагот начал разбирать древний язык: оказывается, эти воины полтора тысячелетия назад собрались здесь, чтобы сразиться с бротскими легионами.

Вместе с бротской армией в завоеванные края проникли бротская культура и роскошь. Захватчики с радостью принимали в свой пантеон любых богов, не желая ссориться с Орудиями Ночи. Но там, где они появлялись, старые боги постепенно истаивали, превращались во второстепенных духов или даже вовсе размывались в людской памяти и становились демонами или ночными призраками.

Шагот не знал, что битва с бротскими легионами произошла за несколько столетий до рождения отцов-основателей чалдарянской веры. Зато знал: по мнению его собственных богов, Орудия Ночи могли сохранить былую силу, лишь вмешавшись в дела смертных.

Старейшие показывали Шаготу только обрывки прошлого, кое-чего он не знал. Например, того, что жрецы дикарей видели его так же ясно, как и он их. Та древняя победа над армией Брота во многом была одержана лишь из-за того, что варвары искренне верили: в тот день меж ними ходил бог.

Из ступора Шагота вывел голос брата:

– Грим, пошли. Еда готова.

– Вся беда в том, – пробормотал Шагот, впиваясь зубами в полоску вяленого мяса, – что следом за одной бротской армией непременно являлась следующая.

– Грим, ты меня беспокоишь, – сказал Свавар. – Слишком много думаешь, не похоже на тебя.

– Зачем ты бродил туда-сюда? – вмешался Холлгрим. – Таращился по сторонам, мямлил чего-то?

– Я выяснял, где нужно копать. Завтра этим и займемся. Подкиньте-ка хворосту в огонь, я промерз до костей.

Стурлангеры изумленно на него уставились, и Финнбога молча положил в костер большую ветку.

После ужина Шагот забрался в палатку и тут же захрапел. Остальные еще немного посидели у костра, взволнованно обсуждая сложившееся положение, но потом тоже залезли внутрь. Темнело, и повсюду ощущалось присутствие Ночи. В этих холмах она была сильна. Здесь бродили приведения. Если случайный прохожий по глупости своей прислушивался, призраки даже могли заговорить.

Спал Шагот как убитый. Во сне его дух вернулся в Небесную

Крепость, хотя сам он не помнил об этом на следующий день. Спутникам его спалось неважно. В роще блуждали огни, на стенах палатки плясали странные тени. Но никто не рискнул выбраться наружу и посмотреть.

Только глупец искушает Орудия Ночи.

Утром Шагот знал все, что следовало знать. Всего за несколько часов они нашли и раскопали могилы древних жрецов, хотя Грим дрых допоздна, а весь день моросил мелкий ледяной дождь.

– Развесьте это добро по веткам, чтобы дождь смыл грязь. Хорошо. Нужно раскопать еще одну могилу – самую важную.

Шагот точно знал, где спрятано сокровище. Работа шла споро, пока остальные не разглядели, что же именно они откапывают.

Находка сморщилась от времени, но тление ее не коснулось.

– Это еще что такое? – спросил Финнбога.

– Это не человек, – протянул Свавар.

– Похож на гигантского гнома, только без бороды, – кивнул Сигурьон.

Мертвец был ростом с человека и имел человеческие голову, руки и ноги, но его плечи раздались гораздо шире людских, да и выглядели куда мощнее.

– Вытаскивайте все оттуда, – велел Шагот. – Я посмотрю.

Пока его товарищи раскладывали на земле находки, он спрыгнул прямо в могилу и отсек у странного мертвеца голову.

– Грим, что это за тварь такая? – поинтересовался Свавар.

– Не знаю, кем он был. Что-то вроде человека, но не совсем. Могучий колдун, последний из своего рода. – Стурлангер насадил голову на найденное в могиле копье, чтобы дождь смыл с нее грязь. – Он поможет в нашем деле.

– А что за дело-то, Грим? Наши старейшины велели разыскать священников-недоумков, что убили Эрифа.

– Они не убивали Эрифа.

– Что?

– Мне сказали об этом сами боги.

– А кто ж тогда?

Шагот не знал. Да и какое это имело значение? У них теперь была совсем другая задача.

Вечером он снова лег спать раньше всех и спал невероятно долго.

Шагот указал на то место, где дорога поворачивала к каменному мосту, перекинутому через безымянный ручеек:

– Будем ждать здесь.

Нагруженные пожитками и выкопанными из могил древностями, стурлангеры поплелись к ручью. Шагот нес насаженную на копье голову. Через час на дороге показался старичок верхом на осле. Подслеповатый, воинов он приметил уже возле самого моста. Старик натянул поводья и уставился на андорежцев, разинув от удивления рот. Постоял еще немного, потом развернул осла и, нещадно колотя пятками, погнал его обратно на юг – туда, откуда явился.

– Принял нас за грабителей, – предположил Холлгрим.

– Нужно держать ухо востро, – сказал Свавар. – Тут, наверное, полно бандитов. По дороге почти никто не ездит.

И было отчего: на картах эти холмы значились как Белые, но окрестные жители звали их Колдовскими. Здесь по-прежнему безраздельно властвовала Тирания Ночи, а последние несколько дней путешественники стали подмечать разные странности.

К тому же из Аргенда доходили слухи о грядущей войне, а дорога была как раз аргендская.

Минул еще час. С севера подъехало двое всадников, за ними на расстоянии ярдов ста скакало еще четверо – по двое с каждой стороны дороги. Маленький отряд остановился, все в изумлении смотрели на стурлангеров.

Стурлангеры в свою очередь в изумлении смотрели на чужаков. Таких солдат им видеть еще не доводилось.

Чужаки осторожно приблизились.

Андорежцы сидели не на само́й дороге, а рядом. Шагот решил, что так всякому будет понятно: они просто ждут, это не засада. Такое под силу сообразить даже аргендцам.

Неожиданно Шагот призадумался: как же они будут объясняться? Раньше такой проблемы никогда не возникало: если кто-то не говорил на андорежском, стурлангер угрожал; если не делали, что велено, – калечил. Понимание приходило быстро. Но здесь такой прием вряд ли сработает.

Всадники о чем-то посовещались, и один ускакал обратно по дороге. Остальные не двинулись с места, вид у них был не очень уверенный.

– Они нас боятся? – не поверил Финнбога.

– Не знаю, – отозвался Шагот.

Вроде бы шайка их выглядит не слишком угрожающе – так, сброд с кучей барахла. Боги, в общем-то, могли бы выдать парочку рабов или вьючную скотину.

Прошел еще час. Андорежцы перекусили плесневелым сыром и вяленым мясом. Аргендцы наблюдали. К тому времени они спешились, ослабили подпруги у коней и отправили тех пастись.

– Эй, Грим! Там снова кто-то едет.

Шагот успел снова заснуть. Теперь он постоянно засыпал.

К мосту торопливой рысью приближался отряд из двадцати пяти или тридцати всадников. У каждого на длинном копье трепетал вымпел. Без копий ехали лишь несколько человек в черном.

– У них тут что – каждый под собственным флагом? – удивился Шагот.

– Это те треклятые во`роны, что Эрифа прикончили! – воскликнул Сигурьон.

– Нет, – покачал головой Шагот, у которого зрение было лучше. – Тоже священники, но другие. А даже если и те – сейчас не время сводить счеты. Эриф сам о себе позаботится.

Спутники удивленно вытаращились на него.

– Нет, не знаю, почему я так сказал.

– Грим, ты стал какой-то чудной.

Один из всадников, по всей видимости старший в отряде, подъехал ближе. Его окружали телохранители. И еще священники. Их было четверо, и среди них один – тоже явно главнее прочих.

Шагот опирался на копье, прижавшись щекой к голове мертвого чудища. Свавар и остальные с опаской на него косились: им от дохлого страшилища было не по себе.

Но Шагот помнил такое, что ни одно пугало уже не могло вызвать у него отвращения.

Футах в восьмидесяти от стурлангеров старший из священников и старший из воинов осадили коней. Шаготу эта канитель уже порядком надоела. Почему они так странно себя ведут?

Потом от группы солдат отъехали остальные священники и остановились уже в десяти ярдах. Двое из них тряслись так, что едва могли удержать в руках поводья. Лица у всех были бледны.

– Разрази меня гром! – воскликнул Финнбога. – Да они готовы в штаны наложить!

– Да уж, – кивнул Шагот. – Интересно, что они такого видят, чего не видим мы? Почему так боятся? Эй, вы! Недоумки в рабских обносках! Чего оробели-то? Мы просто хотим вступить в ваше войско.

Священники принялись переговариваться между собой на каком-то гнусавом и писклявом языке, Шагот отродясь такого не слыхивал.

– Братцы, – спросил он у товарищей, – кто-нибудь понимает хоть слово?

Чужеземцы попробовали заговорить с андорежцами на других

языках. «Может, чего и получится», – подумал Шагот. В его отряде двое немного разбирали по-иноземному. Семья Финнбоги раньше торговала с колдовским племенем с крайнего севера, ютящимся прямо среди вечных льдов, и Финнбога немного знал ситтский.

– Эй! – воскликнул Свавар. – Вон тот жирный придурок, который трясется как заяц, вроде сказал что-то на сантеринском.

– Холлгрим, – скомандовал Шагот, – ты был в плену в Сантерине, потолкуй с ним.

Грим и сам немного калякал по-сантерински – знал в основном, как спросить, где спрятаны сокровища.

– Да, сантеринский, точно, – согласился Холлгрим. – Только чудной какой-то. Я их разбираю с пятого на десятое. Вроде приняли нас за демонов.

– Спроси его о чем-нибудь, – велел Шагот.

Он тоже начал потихонечку улавливать, о чем говорит священник. Но услышанное его озадачило.

С чего вдруг эти пустоголовые приняли их за демонов? Потому лишь, что стурлангеры не понимают их глупую веру?

– Скажи им, что мы никакие не демоны, а как раз наоборот. Что боги послали нас вступить в их войско.

– Они не поверят. Даже если ты им покажешь верительную грамоту от самого Всеотца.

– Просто говори с ними. Упирай на то, что мы хотим к ним примкнуть.

Андорежцам позволили вступить в войско аргендцев. Возглавляли его барон Мартекс Альгрес, двоюродный брат самого короля Аргенда, и архиепископ Бере из Сорса, самый высокопоставленный аргендский церковник и заочный член коллегии. Армия состояла из полутора тысяч солдат, не считая маркитантов. Здесь было много представителей благородных аргендских семейств. Все предвкушали быструю и славную победу. Через несколько дней они доберутся до границы с Коннеком, а там к ним присоединятся наемники Черного Адольфа из Гролсача. Гнев божий обрушится на этот край и с корнем вырвет поганых еретиков. Где-то под Кастрересоном к ним присоединится сам герцог Кауренский. Но сначала надо свести счеты с Антье за то, что там учинили с патриаршим отрядом, посланным усмирять нечестивых смутьянов.

За Шаготом и его спутниками неотступно следило несколько священников, среди которых обязательно был хотя бы один из так называемых охотников на ведьм. Что творится в головах у эти аргендцев, стурлангеры так и не смогли уяснить.

Шагот проводил с ними почти все время, но так и не смог

разобраться. Зачем была нужна эта война – оставалось загадкой. Сражаться друг с другом из-за различий в учениях церковников и этих самых мейсалян? Но ведь любому дураку очевидно: и те и другие несут полнейшую чушь!

Больше всего беспокоило Шагота, что все аргендцы почему-то считали, что Эрифа Эрильсона убили два столетия назад. Сегодня, говорили они, Андорегией, Фрисландией, Вельденсом и Исландией правит один король. И исповедуют там чалдарянскую веру.

Боги, должно быть, окончательно спятили, раз отправили его в этот безумный мир.

14

Коннек, Антье и окрестности

Во время бойни в Антье погибло почти семь тысяч жителей – в основном женщины, дети и старики. Когда чуть прошло потрясение, оставшихся в живых обуяли гнев, ужас и нестерпимая ненависть.

Со всего Коннека и даже из других краев стекались люди, желающие помочь. Граф Реймон Гарит сжег за собой все мосты, официально поклявшись отомстить Безупречному V и Братству Войны. На такое заявление не осмеливался даже Йоханнес Черные Сапоги. Герцог Тормонд засыпал безрассудного Реймона посланиями, призывая отречься от опрометчивых слов.

И вот теперь на Антье шла еще одна армия – более сильная. Не желторотые новобранцы, а хорошо вооруженные опытные солдаты. Среди прочих – представители знатных семейств Аргенда. Возглавлявшие ее военачальники намеревались заставить графа подавиться своей клятвой – каждым словом.

Но Реймон не отчаивался. Нет, он не повторит прошлых ошибок.

Приближалась зима. Аргендское войско состояло из набранных по феодальным угодьям рекрутов. Срок службы у них небольшой. Не пройдет и нескольких недель, как они устремятся домой.

Епископ Серифс заплатил за свое вероломство: жители Антье выместили свой гнев на его собственности и собственности церкви.

По всему Коннеку преследовали священников, верных Безупречному. В Гэдже, где раньше искренне поддерживали Брот, разгневанная толпа выкопала останки Мерила Понта, предыдущего коннектенского епископа, осудила их за преступления против бога и человечности и захоронила в неосвященной земле в безымянной могиле.

Короли, герцоги и сам Граальский император обменивались посланиями. Гонцы сновали туда-сюда. Безупречному V никто не слал поздравлений.

Аргендцы и наемники Черного Адольфа окружили Антье. В прошлый раз нападающих было слишком мало, чтобы взять в осаду весь город, поэтому они и не пытались.

Но теперь все было иначе. Захватчики уже не сумеют войти в Антье по вине глупых юнцов. Глупые юнцы погибли. Все бочки, сосуды и емкости в городе загодя наполнили водой. Жители были готовы и понимали, что именно стои`т на кону. Они не паниковали.

Сам архиепископ Бере потребовал, чтобы коннектенцы открыли ворота, присягнули на верность бротскому патриарху и выдали еретиков. У святого отца был с собой целый список тех, кого церковь собиралась судить за неповиновение.

В ответ граф Реймон выгнал за ворота тех немногочисленных священников, которые отказались отречься от Безупречного V. С собой они унесли мощи святого Эруда Путника.

Гарит был умным и упорным юношей, он ничего не боялся и искренне верил, что ему больше нечего терять. Граф намеревался до конца своих дней оставаться заклятым врагом Брота.

Осада длилась тридцать один день. Становилось все холоднее. Аргендские солдаты начали роптать. Где обещанная легкая нажива? Пока враги едят досыта и уж наверняка не мерзнут на руинах своих погоревших домов, сами они голодают и рыскают по голым полям – есть нечего, даже костер не из чего сложить. Постепенно начали доходить вести из дома: налетчики из Аргони, Трамейна и Сантерина, воспользовавшись отсутствием защитников, захватывали замки и деревни, из-за которых давно не утихали распри между Сантерином и Аргендом.

Новости доходили и до Антье. Осаждающие не выставили постов за рекой Джоб, и коннектенцы под покровом темноты свободно выходили из города.

Граф Реймон воспользовался этим и выскользнул из-под прикрытия крепостных стен вместе с отрядом таких же юных горячих сорвиголов, рвущихся насолить обидчикам.

Барон Альгрес и архиепископ Бере наслаждались приятной светской беседой в штаб-квартире аргендского войска в руинах поместья Серифса. Архиепископ категорически отказывался понимать, почему солдаты собираются бросить осаду, если дело господа не доведено до конца.

Барон славился своей прямотой.

– Ступайте туда сами, святой отец, – заявил он, – и разыщите мне хоть одного солдата, которому есть дело до господа нашего. Господь, по всеобщему убеждению, уже вполне взрослый мальчик и может сам о себе позаботиться. Я, честно говоря, с этим согласен.

– Но…

– Вы знали, на что мы идем, когда угрозами вынудили моего кузена помочь церкви ограбить этих людей. Два месяца – большего мы не можем требовать от наших солдат. Это закон, будь он проклят, так повелось с тех самых пор, как наши предки ютились в землянках. Если Безупречный хочет воевать с коннекскими глупцами весь год напролет, пусть посылает сюда собственную армию. А нам надо защищаться от сантеринцев. Впрочем, постойте. Как же я запамятовал: его собственную армию стерли в порошок. Какая жалость!

Так бывает всегда и везде: историю, хоть малую, хоть большую, вершат отдельные личности. Эти двое ненавидели друг друга вот уже полвека, а архиепископ был гораздо менее красноречив, чем барон. Зато намеревался во что бы то ни стало исполнить волю патриарха и господа.

В воздухе кружились снежинки. Стоя на стенах Антье, жители радостно улюлюкали. Аргендцы отправлялись домой. В этот раз они воспользовались западной дорогой, потому что на южной, по которой армия пришла сюда, уже было все разграблено. Барону Альгресу и его военачальникам происходящее весьма не нравилось. Они не привыкли ходить в походы в такое время года, так далеко от дома. Даже архиепископ Бере начал высказывать сомнения в мудрости тех, кто затеял всю эту канитель.

Черный Адольф и его наемники решили тоже податься в Аргенд. Срок их службы заканчивался, но барон предложил работу возле границ Трамейна. Хотя больше всего наемников подстегивали слухи: разгневанные коннектенцы якобы собирались перехватить отряд Адольфа по пути в Гролсач.

Вообще, слухи в армии ходили самые разные. Например, о том, что Граальский император собирается заявить свои права на епископальные государства на севере Фиральдии и в Ормьендене. А еще положил глаз на несколько аргендских городков на восточных болотах.

Вдобавок ко всему основанные аргендцами в священных походах восточные государства постоянно молили о помощи – на них изо всех сил наседала Люсидия.

Король Аргенда тяжело болел. Его единственному сыну едва исполнилось одиннадцать, и он безвольно выполнял волю своей властолюбивой мамаши, которую ненавидели абсолютно все. Она, впрочем, как и ее недужный супруг, упорно отказывалась понимать самые простые вещи. Например, что солдаты, как это ни печально, имеют обыкновение регулярно требовать свое кровью заслуженное жалованье, а деньги, как это ни странно, не

берутся из ниоткуда.

Чтобы снарядить поход на Антье, потребовалось много времени и средств, и все это лишь для того, чтобы барон Альгрес и архиепископ Бере с позором покинули Коннек, а в бывших виноградниках Серифса выкопали две сотни могил. Все аргендцы, лежавшие в этих могилах, умерли от болезней, а не от рук подлого врага.

Болезни идут рука об руку с голодом.

Отступающую армию нещадно терзала дизентерия.

Справа в двух сотнях футов от древней дороги тесно росли деревья с серыми стволами, типичные для высокогорных болот. Земля под ногами пружинила, но оставалась сухой. Слева от обочины на два ярда простиралось уже настоящее болото, там неторопливо катил свои воды мелкий ручей, за которым небольшая рощица переходила в усыпанную камнями равнину. Камни эти падали туда, откалываясь от высокой и крутой скальной стенки. Сейчас по ее поверхности шарили тусклые лучи утреннего солнца. Темно-серый камень на изломах отливал розовым.

Армии оставалось преодолеть перевал возле Черной горы, вот-вот они окажутся на западной стороне, дорога устремится вниз, и все самое страшное останется позади.

Легкий ветерок колыхнул туман. Свет померк. Солнце укрылось за облаками, из которых то и дело сыпались пригоршни снега.

Аргендцы и гролсачские наемники плелись еле-еле. Их терзали голод, холод и уныние. Три месяца мучений, а что взамен? Будущее представлялось в довольно неприглядном свете.

Или даже в мрачном.

Где-то совсем близко запели коннекские рога. Да, в весьма мрачном свете.

Отступающие аргендцы превосходили численностью жаждущую возмездия армию графа Гарита. Хотя жителей Коннека и охватил праведный гнев, немногие пошли против воли герцога Тормонда. Реймон Гарит намеревался напасть в таком месте, чтобы застать противника врасплох, ударить и быстро отступить. Рассчитывал он этой атакой скорее воодушевить своих солдат, чем нанести поражение. Но аргендцы практически не оборонялись. Побросав оружие, они кинулись наутек в болота у подножия высоких скал.

Наемники Черного Адольфа не запаниковали и держали строй, но в конце концов оказались в том же болоте.

Бойня продолжалась, пока коннектенцы не утолили свою жажду крови. Они убивали всех, вне зависимости от звания и положения.

Цвет аргендского войска погиб, потому что рыцари Коннека в тяжелых доспехах не рискнули заехать в болото, а пешие простолюдины, воюющие налегке, не брали пленных.

15

Ормьенден, Оунвидийская теснина, Племенца

Двигаться быстро принципат Донето не мог. Порою за день удавалось провести на ногах около часа. Минуло две недели, а отряд преодолел расстояние, какое обычно преодолевают за четыре дня. К счастью, никто им не препятствовал. Элс заметил, что здоровье и цвет лица Бронта улучшались по мере того, как они удалялись от Антье.

Снова оказавшись в Ормьендене в монастыре Денсайт, он окончательно пошел на поправку.

– Пайп, а у меня новости, – заявил в одно прекрасное утро Пинкус Горт.

– Что-нибудь интересное? А то каждый день одно и то же, надоело.

– Обрадовать тебя я вряд ли смогу.

– Тоска какая! Ладно, вываливай свои новости.

– Только что вернулся со своего наблюдательного поста Просто Джо. Говорит, сюда направляется отряд. Восемь или девять всадников. Он вроде как заметил среди них епископа Серифса.

– Н-да. А у господа нашего ничего себе чувство юмора, не находишь?

– Возможно, мейсаляне правы и победу на небесах одержал все-таки ворог.

– Хорошо, что наш принципат это не слышит. Велел бы тебя спалить живьем.

В последнее время Донето активно распространялся на подобные темы: да, церковь истекает кровью и он, Бронт Донето, готов прижечь ее раны каленым железом.

Горт относился к этой болтовне весьма скептически:

– Он красуется. А сам ни на грош не верит в эту чепуху. Мелет чушь и оправдывает все те безобразия, которые сам же и творит. Мол, для всякого непотребства у него найдутся серьезные причины.

– Ты, Пинкус, слишком строг к тому, кто платит тебе жалованье.

– А он мне платит не за то, чтоб я врал, а за то, чтоб задницу его прикрывал от вражьих мечей.

– Жалованье жалованьем, – пожал плечами Элс, – но вряд ли

я сумею заставить себя так низко пасть, чтобы защищать Серифса. Вознамерься кто-нибудь перерезать ему глотку – с радостью одолжу кинжал и постою в сторонке.

Горт захихикал.

Епископ отправился прямиком в монастырь и не выходил оттуда несколько дней кряду. А с ним вместе и Оса Стил.

Вскоре прибыл гонец из Брота. Стало известно, что Грейд Дрокер благополучно добрался до Кастелла-доллас-Понтеллас.

– Бедное мое сердечко трепещет от радости, – объявил Пинкус Горт. – Мир может спокойно жить дальше. Старый калека не сыграл в ящик.

– Да, я тоже так подумал.

Но другие новости затмили известия о Дрокере: в Коннек вторглась крупная аргендская армия. Она осадила Антье.

– Ничего хорошего у патриарха не выйдет, – заметил Элс. – Дважды на одну и ту же уловку эти люди не попадутся.

– А по мне – так пускай, – отозвался Горт. – Пусть аргендцы отморозят себе задницы и поголодают под стенами. Так им и надо. А уж этому сукину сыну, Черному Адольфу, и подавно.

– Каждый день, Пинкус, ты открываешься мне с новой стороны. Постоянно обнаруживается еще кто-то, кого ты терпеть не можешь.

– Ты меня раскусил, – засмеялся Горт.

– Я что-то пропустил? – вмешался Бо Бьогна. – Чего вы ржете?

– Над жизнью потешаемся, – отозвался Элс. – Подумай сам, куда тебя занесло. А потом вспомни, где мечтал оказаться сейчас, скажем, лет двадцать назад.

– Пайп, – покачал головой Бо, – ты отличный парень, и, когда приключается какая-нибудь дрянь, на тебя можно положиться. Но что-то чересчур ты серьезен.

– А Бо раскусил тебя, – ухмыльнулся Пинкус.

– Во всем виновато проклятое воспитание, – ответил Элс.

Чистая правда, но подозрений она не вызывает.

Так они и бездельничали в монастыре, ожидая, пока выздоровеет принципат. Элс Тейдж про себя назвал это время моментом спокойствия. Ни разу в жизни еще не доводилось ему целый месяц почти ничего не делать.

А потом стали доходить обрывки новостей о приключившейся в Коннеке беде. Поначалу Элс думал, что новости сильно преувеличены, но через день в монастырь прискакал гонец из Брота с приказом от самого патриарха. Скоро должна собраться коллегия. Они решат, как церковь ответит на учиненную коннектенцами резню. Эти еретики не только плюнули в душу всем честным чалдарянам, но и перебили многочисленных членов

влиятельных аргендских семейств.

Бронт Донето собрал свой небольшой отряд.

– Мы еще не готовы к путешествию, но должны пуститься в путь. Безнаказанно разгуливают по земле Орудия Ночи. Меня призывает его святейшество. Как только коллегия примет решение, он доверит мне карающий меч правосудия.

Элс удивился. По словам гонца, Донето нужен был Безупречному для голосования в коллегии. Слишком часто ее члены перечили патриарху, путали его планы и напоминали, что даже гласу божьему на земле не все дозволено.

– Что-то такое Бронт услышал в этом послании, – сказал Элс Пинкусу, – прочитал между строк.

– Он видит то, что ему хочется видеть.

– Что будет, когда мы доставим его домой, Пайп? – поинтересовался Бо. – В смысле, с нами?

– Не знаю. Мне уже все равно. Главное – доберусь до Брота. Я ведь именно туда шел, когда наткнулся на вас.

Да, пришлось сделать на этом пути несколько неожиданных поворотов, но все к лучшему. Он столько нового узнал о западных нравах, затерялся среди здешних людей, а теперь снова направляется в центр паутины.

– Прекрасно, – кивнул Горт. – Я и сам шел в Брот, когда вдруг мечты о богатстве временно сбили меня с пути истинного.

– Ну что ж, – подытожил Элс, – пусть мечтам этим суждено будет сбыться в сердце Древней Империи.

Донето пустился в путь на следующий же день. К тому времени до монастыря дошли новые слухи, в красках расписывающие кровавую трагедию у Черной горы. Из войска аргендцев мало кто уцелел. Погибло необычайно много знати и духовенства, а ведь они обычно остаются в живых даже после крупного поражения, и, даже если попадают в плен, их всегда выкупают.

Коннекские события потрясут весь мир и изменят будущее. Конечно же, после такого Безупречный забросит свои священные походы на восток и устремит все внимание на Коннек.

Бронт Донето чувствовал себя лучше, но передвигались они по-прежнему очень медленно. С того дня, как отряд покинул монастырь Денсайт, минула целая неделя, а они все еще шагали по Ормьендену.

Всем было немного не по себе: после наступления темноты без видимой на то причины заметно оживлялись создания Ночи, а значит, и созданиям дня следовало держать ушки на макушке.

Тихо ворча себе под нос, Элс шагал позади остальных рядом с Просто Джо и Чушкой. Последним тащился Бо Бьогна. Из них всех самым полезным членом отряда оказался именно мул.

Голос Пинкуса гремел где-то впереди: Горт шел в авангарде и то и дело выкрикивал предупреждения о притаившихся в тумане призраках.

Было холодно. Так мерзнуть Тейджу еще никогда не приходилось, даже в Дринджере. Из-за влажности ночь казалась еще более промозглой. Туман надежно скрывал притаившихся созданий темноты.

Просто Джо подкалывал Элса и утверждал, что тот совсем размяк на юге.

Ведь вымышленный Пайпер Хект был родом из краев, где зимой свирепствовали лютые морозы, а летом все ближе надвигались льды.

Элс не отвечал на подколки – он следил за епископом Серифсом и Осой и спрашивал себя, насколько же глубока его собственная вера и преданность отчизне. Вряд ли он сумел бы пройти то, через что пришлось пройти мальчишке.

Вполне возможно, Серифс сделался таким несносным из-за нашептываний юного Стила.

Погода все ухудшалась. Холодный плотный туман и не думал пропадать. Из-за него притуплялось внимание, копилась усталость. Местные жители относились к отряду недружелюбно, хоть и не лезли в драку. Да еще в полумгле неустанно копошились создания Ночи, их можно было почувствовать даже днем, они роились на самой границе видимости.

«Вот он – упадок больного разума», – думал Элс. Именно так он раньше и представлял себе запад.

В тумане мелькали тени, кто-то перешептывался.

Ормьенден оказался вовсе не лишенным волшебства краем, как утверждали многие.

Хотя так дело обстояло и во многих других местах. Просто кое-где Орудиям Ночи удавалось лучше спрятаться.

В голове колонны поднялся шум.

Спустя всего пару мгновений Элса окружили солдаты в незнакомой форме.

Значит, Орудия Ночи слетелись сюда, потому что какой-то волшебник хотел спрятать с их помощью свой отряд.

Сопротивляться было бесполезно.

Это понимали все, кроме Серифса, – он продолжал с тупым упрямством выкрикивать приказы и чего-то требовать от солдат, которые на него плевать хотели.

Епископа хорошенько поколотили, а когда он снова открыл

рот, поколотили еще раз, и притом весьма охотно. Никто не помог ему подняться с земли. Какой-то сержант предупредил, что, если он отстанет от отряда, его убьют.

Элс сделал все возможное, чтобы его подчиненные не провоцировали неизвестных захватчиков. Ведь перебить пленных им ничего не стоило.

Тейдж помолился про себя и вверил богу свою судьбу.

– Горт, ты знаешь, кто эти люди?

– Солдаты императора. Браунскнехты из его личной гвардии. Может, явились из Вискесмента.

Ормьенден относили к Новой Бротской Империи, хотя входящие в него графства и владения зачастую подчинялись сеньору из другой страны. Вискесмент располагался в Ормьендене на самой границе с Коннеком, возле реки Дешар. Между тем жители Вискесмента говорили на коннектенском диалекте аргендского, и все соседи считали, что город этот принадлежит Коннеку.

От того места, где отряд Элса попал в засаду, до Вискесмента было около девяноста миль.

Браунскнехты явно не собирались учинять зверств. У предводителя был строгий приказ не перегибать палку. Броту довольно будет и того, что в плен попал член коллегии.

– Но мы же явно не в Вискесмент едем, – удивился Элс. – Это в другой стороне.

– Пайп, не вешай нос, – хмыкнул Горт. – Глядишь, доведется с самим императором встретиться.

– Не понимаю я этого малого, – проворчал Бо Бьогна, – все-то у него с ног на голову, родился, видать, ногами вперед.

– В смысле? – не понял Элс, который все еще пытался уразуметь, почему же господь постоянно уводит его прочь от Брота.

– Пайп, ну сам подумай: когда все идет как надо, Горт только и делает, что брюзжит. Но стоит нам по уши вляпаться в дерьмо, он весь цветет, словно только из постели с девицей.

– Это потому, Бо, – важно ответствовал Пинкус, – что я сразу понимаю: с этим миром все в порядке. Мир макает Пинкуса Горта носом в дерьмо – обычная история. Я давно привык. Мне так спокойнее. Справлюсь. Макни меня в дерьмо и увидишь: я улыбнусь как ни в чем не бывало.

Мокрый туман по-прежнему висел над отрядом. Моросило. Элсу было не по себе безо всякой видимой причины. Его мучило какое-то предчувствие. Оно не имело отношения к непосредственным событиям, которые хотя и складывались не так плохо, как могли бы, но и не сулили ничего хорошего.

Браунскнехты не трогали пленников и явно выделяли Бронта Донето. Было очевидно, что именно ради него они и появились здесь.

Нельзя отставать от принципата, иначе их могут и прикончить.

Хуже всего был все-таки туман. Элс постоянно чувствовал притаившихся там существ, теперь их стало еще больше, чем перед нападением.

Любопытно: браунскнехтов это тоже беспокоило.

В подобный день создания Ночи не ложатся спать и устраивают людям разные каверзы.

На западе было слишком спокойно, слишком мало волшебства. Главные здешние духи спали глубоким сном, закованные в холмы и реки.

В Святых Землях Кладези Ихрейна привлекали, а то и сами порождали Орудий Ночи. Там человек оказывался в меньшинстве.

– Пайп, да очнись ты! Что с тобой такое?

– Ой, это ты, Бо? Ничего – просто задумался. Не в самом дружелюбном месте мы очутились.

Горт бросил на него косой взгляд:

– Да не дергайся ты, не обращай на них внимания, и все будет хорошо. Нам, верно, предложат завербоваться к Ганзелю. Пайп, ты где все-таки служил?

Элс вздохнул. Снова забыл о западных привычках и вышел из роли. Ведь даже в Святых Землях аргендцы вербовали солдат среди пленников. С руннами дела обстояли еще хуже: там для защиты границ нанимали целые племена туземцев.

– Пинкус, в северных землях все гораздо суровее. Там очень любят жертвовать пленников богам. Там бы нас сожгли, утопили или повесили. Или еще что похуже – смотря какого бога захотели бы умаслить.

– Умаслить?

– Да. Все молитвы и жертвы – лишь для того, чтобы боги отвлеклись и оставили людей в покое.

– Довольно примитивно.

– Так и есть. Но в Великих Болотах больше знаются с Орудиями Ночи, чем в этих непуганых краях.

– Выходит, ты струхнул малость, так?

Горт тоже знал о притаившихся в тумане созданиях.

В голове у Элса все смешалось. Какая-то бессмыслица. Или нет?

– Ты поймешь, – хмыкнул Горт. – Лет через сто. Это все политика, знаешь ли.

Тейджа и дома, в Аль-Кварне, политика ставила в тупик, хотя

там было гораздо меньше действующих лиц, да и мотивы казались куда более очевидными.

Имперские солдаты были профессиональными военными и действовали невозмутимо, спокойно и эффективно. Служба есть служба. Придется кого-нибудь убить – убьют, бесстрастно и без сожаления. Горт прав. Если не выводить их из себя, они не станут зверствовать.

Днем дождь наконец прекратился. Показалось голубое небо.

Отряд свернул с основной дороги и шел теперь по узкой извилистой тропинке. Она уходила куда-то вверх и терялась среди высоких известняковых гор, чьи пики украшали ледяные шапки. Такого Элсу еще видеть не доводилось. Деревья и кустарники здесь были низкорослыми, а дорога походила на звериную тропу.

– Я знаю, куда нас занесло, – пробормотал Горт. – Это Оунвидийская теснина. Они решили срезать. Еще миль двадцать – и мы окажемся в Племенце.

Элс постарался припомнить все, что ему было известно о северной Фиральдии. Вполне вероятно, Пинкус прав. Но насчет двадцати миль он, пожалуй, загнул. Скорее, все сорок.

Епископ боялся высоты и при виде гор замешкался. Браунскнехты, не выказывая ни малейшего уважения к его сану, грубо подталкивали Серифса вперед. Сгущались сумерки.

– Когда будет привал? – гневно поинтересовался епископ.

– Мы бы его давно сделали, кабы вы не упирались и не задерживали нас своим нытьем, – отозвался один из солдат. – А коли вы продолжаете, придется идти еще три мили.

Серифс затопал ногами, заупрямился и заявил, что дальше не пойдет. Глава отряда сказал своим людям:

– Идите вперед. Пока еще светло. Я приведу его в чувство, а потом мы вас догоним.

– Для нашего поганца-епископа ничего хорошего это не предвещает, – прошептал Горт на ухо Элсу.

– Ага, – хмыкнул Тейдж, – сейчас его отшлепают по попке.

Элс заметил, что принципат о чем-то заспорил с главой отряда, но потом смолк, и на лице его появилась едва заметная довольная улыбка. Словно он нежданно-негаданно получил ответ на какую-то давнишнюю молитву.

Епископский мальчишка-блудник теперь, видно, останется при хозяине.

Когда отряд прошел еще около мили, Элс вдруг услышал донесшийся издалека вскрик, громкий и отрывистый. Может, орел охотится, а может, и нет.

Предводитель нагнал отряд, но Серифса с ним не было.

Арманд бежал рядом с лошадью епископа, на лице его застыл мрачный испуг.

– Ничего себе! – тихо протянул Пинкус. – Этому хорьку удалось уцелеть.

– Такой где угодно уцелеет, – высказался Бо.

– Надо нам выставить своих часовых, – прошептал Горт, – и приготовиться на всякий случай. Слышь, Пайп, не думал я, что они так далеко зайдут. Этот старшой точно уверен, что Ганзель прикроет его, если что.

Утром бывший любовник епископа во всеуслышание рассказал, как Серифс сначала упорно отказывался идти в горы, а потом попытался сбежать. Лошадь его поскользнулась на льду и вместе с седоком рухнула в пропасть.

Имперские солдаты наперебой поддакивали, отмечая, что льды в Оунвидийской теснине не тают вот уже полвека, даже летом.

– Какой, однако, проныра! – кивнул Горт в сторону предводителя браунскнехтов, чье имя они так и не узнали. – Обставил все так, что объясняется за него мальчишка.

«Интересно, – подумал Элс. – Оса ведь назвался агентом императора. Может, тот решил, что Серифс ему больше не нужен?»

Завтрак был скудным. Поджидая в засаде, браунскнехты прикончили почти все свои припасы, а отряд принципата рассчитывал добраться днем до очередных церковных владений и захватил мало снеди.

– Что же будет, если мы к вечеру не объявимся в Доминаге? – спросил Элс.

– Пошлют кого-нибудь на поиски, не найдут – поднимут панику. Что с тобой? Ты весь трясешься.

– Замерз. Надеюсь, меня колотит от холода, а не от какой-нибудь заразы.

До сих пор ему везло. Единственной хворобой, которая беспокоила его на этом задании, пока была всего лишь морская болезнь на борту «Вивии Инфанти».

Оса Стил пересказал свою историю несколько раз всем желающим, а потом вернулся к пленникам. Элс сумел на ходу осторожно и незаметно перекинуться с ним словечком.

– Что там на самом деле произошло?

– Все случилось почти точно так, как я описал. Хотя, вероятно, лошади епископа кто-то помог. Нас было не трое у того обрыва, а больше. Те, кого нельзя увидеть, и сейчас среди нас. Ночь пристально следит за отрядом.

Оунвидийская теснина была дикой и безлюдной, а с тех пор,

как лед начал наползать с самых высоких пиков, сюда и вовсе редко кто захаживал. Именно в такие места бегут создания Ночи под натиском цивилизации. На дороге через каждую сотню шагов стояли древние заговоренные вехи, но наложенные на них заклинания давно ослабли, да и изначально защиту они давали лишь небольшую.

Элса по-прежнему терзал холод. Он обрадовался, когда услышал, что скоро будет привал. Выполнив свою часть работы по устройству лагеря, ша-луг укутался в плащ и придвинулся поближе к костру, вокруг которого сидели пленники.

Ужин тоже получился небогатым.

Кто-то предложил сделать из Чушки гуляш, но Просто Джо весьма недружелюбно отнесся к этой идее.

– Хватит, – прервал разошедшихся спорщиков Элс. – Бо, ты у нас вроде в горах вырос.

Это была одна из тех баек, которую любил рассказывать о себе Бьогна.

– Может, спросишь наших конвоиров, не сходить ли вам вместе на ночную охоту, за козами? – Днем Тейдж не раз замечал диких коз на склонах гор. – Луна сегодня встанет рано.

– Не хотелось бы тебя разочаровывать, Пайп, – отозвался Бо, – но я скорее подохну с голоду, чем сунусь в темноту. К тому же, когда взойдет луна, начнется снегопад.

– Понятно. Да и козы те, наверное, жесткие и невкусные.

– Вот уж нет. Вполне лакомый кусочек. Но все равно – здесь скоро будет темно и холодно, как в сердце у шлюхи, а в этих краях после захода солнца от лагеря лучше не отходить ни на шаг.

– Ты прав.

Элс дотронулся до невидимого талисмана на запястье. Быть может, именно из-за него так плохо думается?

– Тогда проблей-ка козой, – может, какой незадачливый козел и заявится.

– Это уж вряд ли, Пайп.

Иногда Бо понимал шутки чересчур буквально.

Элс вгляделся в браунскнехтов. Эти ребята были поздоровее и покрупнее, а самое главное – намного лучше обучены, чем та разношерстная компания, вместе с которой они шли в Антье. Но точно так же ворчали, подшучивали друг над другом и брюзжали, сидя вокруг собственного костра. С их слов получалось, что в мире что-то явно неправильно устроено, ведь только тем, кто непомерно задирает нос, удается продвинуться по службе.

Элс снова зябко передернул плечами и подвинулся ближе к огню.

Тейджу редко снились сны, а если и снились, он их не запоминал. Но в ту ночь все получилось иначе.

Ему снилась беда. Большая беда, надвигающаяся из темной ледяной мглы. Орудия Ночи уже давно следили за Оунвидийской тесниной, и теперь здесь проснулось нечто древнее. Внимание этого чудовища было приковано к лагерю браунскнехтов.

Элс проснулся. Запястье болело. Амулет жег его огнем. Сам Тейдж трясся от холода. В лагере спали абсолютно все, включая их собственного часового и часовых имперцев. Костры едва теплились. Вкопанные в землю вокруг стоянки защитные шесты покосились, а некоторые и вовсе попадали.

Даже Чушка всхрапывал во сне.

Плохо. Очень плохо.

Не обращая внимания на боль в руке, Элс пополз по запорошенной снегом земле к принципату Донето. Ничего лучше ему в голову не пришло. Только Бронт мог хоть как-то защитить их от близившейся беды. Все в точности как в ту ночь в лесу Эсфири возле Кладезей Ихрейна. Только теперь у Элса нет ни фальконета, ни сундука с серебром, ни плана действий.

Донето не просыпался. Элс тряс его изо всех сил. Запястье болело все пуще. Принципат стонал во сне, но глаз не открывал. Теперь ша-луг чувствовал еще чье-то присутствие, быть может даже более ужасное, чем близившаяся темнота.

Он изо всех сил щипал Донето за чувствительные места, но без толку. В конце концов Тейдж надавил между указательным и средним пальцами левой руки Бронта.

Тот вскочил. Сон мгновенно слетел с него, и принципат тут же почувствовал неладное.

– Отойди, – скомандовал он.

Элс отполз подальше, нашел небольшой сугроб и растер снегом запястье. Потом обхватил себя руками, пытаясь унять боль. Боль стала сутью его существа. Постепенно она затихала. Разум возвращался к нему.

По-прежнему прижимая руку к груди, Элс встал на колени и оглянулся по сторонам. В лагере почти ничего не изменилось. Снег валил густыми хлопьями. Донето, пошатываясь, стоял на четвереньках. Его выворачивало, словно после непомерно большого кувшина дешевого вина.

Ощущение нависшей угрозы отступало. Неохотно. Будто кто-то страшно разгневался из-за того, что ему помешали. А еще где-то вдалеке слабо ощущалось чье-то мрачное злорадство.

Как это часто случается во время встречи с силами Ночи, ничего и никого не было видно.

Предводитель браунскнехтов проснулся первым и сразу же увидел, что часовые спят, защитные шесты повалены, а Донето и Элс едва живы. Нетвердо держась на ногах, он отправился расталкивать остальных.

Ощущение незримого присутствия вокруг лагеря становилось все слабее.

– Что случилось с нашими оберегами? – едва слышно бормотал предводитель. – Тут не должно было быть ничего такого. Только не в этих краях.

Солдатам и пленникам, как выяснилось, приснился один и тот же сон – жуткая надвигающаяся угроза, только в отличие от Элса они чувствовали еще и обреченность.

– Но ты проснулся, – сказал Пинкус Горт, который тоже нетвердо держался на ногах.

Стараясь сохранить остатки достоинства, Бронт оперся о подставленное плечо Просто Джо и сказал:

– Хект, ты действительно проснулся. И очень вовремя. Как тебе это удалось?

– Не знаю. Живот болел. Наверное, в этом все дело. Так вдруг скрутило – сил нет… А потом инстинкт сработал. Когда проснулся, понял: приближается какое-то колдовство, а что делать – не знал. Поэтому разбудил вас. Как вам удалось его прогнать?

– Молитвой. – Донето произнес это таким тоном, что было понятно: он и не рассчитывал, что ему поверят.

Все знали, что Бронт состоит в коллегии. А ее члены зачастую были могущественными волшебниками.

– Принципат, – вмешался в разговор предводитель отряда, – объясните, что здесь произошло?

– Пробудилось нечто, спавшее от начала времен. Его, наверное, погрузили в сон еще до основания Древней Империи. Но почему оно вдруг проснулось именно сегодня? Может, его кто-то нарочно пробудил? Из-за нас? Что в нас такого особенного? Или в вас?

– Хороший вопрос.

Элс прижал ноющую руку к груди и скривился. Не хватало еще стать участником расследования. Если им займутся всерьез, то обнаружат талисман. Он не стал рассказывать им о второй злорадной сущности, которую почувствовал.

– Может, дело в епископе? – предположил Горт.

– Что? – воскликнули хором сразу несколько человек.

– Ну, я подумал: может, это страшилище было древним богом – из тех, кому приносили человеческие жертвы. Когда епископ убился, была уже почти ночь. Наверное, потому существо и

пробудилось.

– Неплохая версия, но, как и все остальные, мы не можем ее проверить, – кивнул Донето. – Давайте лучше соберемся с силами, а гадать будем потом. Хект, с тобой все в порядке?

– Я пустил газы, теперь меньше болит.

– Полюбуйтесь-ка, наш сын болот пустил газы, – фыркнул Пинкус. – Остальные-то обычно просто пердят.

Хотя все в отряде и мечтали поскорее покинуть злосчастное место, со стоянки удалось сняться лишь в полдень.

Нужно было прийти в себя. Из Элса словно выкачали всю энергию и силу воли в придачу.

Прошлой ночью они столкнулись не просто со злобным духом или коварной тенью – то создание своей жуткой мощью могло сравниться разве что с чудищем из леса Эсфири.

Уже близилась ночь, когда они выбрались из Оунвидийской теснины. Пленники и их конвоиры теперь гораздо теплее относились друг к другу, хотя, как заметил Горт, никто ни на ком жениться пока не собирался.

На северо-востоке от теснины, в деревеньке под названием Тампас, располагалась небольшая сторожевая башня, где нес дозор маленький отряд. Путников встретили около дюжины солдат.

Предводитель браунскнехтов тут же исчез. Профессионал до мозга костей – наплевал на собственные нужды и отправился строчить отчет для начальства.

Остальные с радостью набросились на еду. После ужина Донето позвал:

– Хект! Горт! Сюда.

Втроем они отошли в сторонку.

– Прошлой ночью, – начал принципат, – случилось нечто удивительное. Создание, которое называют богоном, явилось по нашу душу, и спасла нас лишь удача или провидение божье. Важно одно: Орудия Ночи так боятся одного патриаршего принципата, что готовы пробудить даже древнюю мощь. В наши дни такого еще не случалось. Я весьма удивлен, что подобное создание встретилось мне наяву, а не в Писании.

Элс обрадовался. Пускай Донето думает, что все случилось исключительно из-за него. Хотя, вполне возможно, так оно и было.

– А вы уверены, – спросил он, – что Ночь сама сподвиглась на такое?

– Ты о чем, Хект?

– Не враг-волшебник ли пробудил это создание?

– Возможно, – после некоторого раздумья кивнул Бронт. – Но я не понимаю, как это было сделано. Не знаю ни одного мага, кому хватило бы сил на такое.

– Может, вы насолили кому-то из богов? – предположил Пинкус.

Принципат помрачнел. Он ведь как-никак был служителем церкви, а церковь признавала лишь одного бога.

– Прошу прощения, – поправился Горт, – кому-то из демонов.

– Хитрый Пинкус, – пробормотал Элс.

Его собственные единоверцы исповедовали тот же самый постулат: есть только один бог, всемогущий и истинный, а остальные – не боги, а лишь демоны, предавшиеся ворогу.

Донето чуть просветлел:

– Может, ты и прав, Горт. Мы уже стали свидетелями немыслимого, так что, пожалуй, не стоит отбрасывать и такую возможность.

– «Лишь разумом открытым можно узреть единственную дорогу, ведущую из тьмы в безопасное грядущее».

– Ну да. Детская истина.

Элс не смог сдержать удивления.

– Это из Келама, – пояснил Горт, – «Письма тосканам».

– Боюсь, не читал.

– А их обычно только в семинарии и читают.

Теперь Элс запутался окончательно.

– Полагаю, – усмехнулся принципат, – у брата нашего Хекта мало было возможностей в его родных болотах приобщиться к мудрости.

Элс ухватился за эту соломинку:

– Моя семья никогда не отличалась особой набожностью. Так что наизусть я ничего не помню.

– Не важно, – махнул рукой Бронт. – Важно спасение и дела господа нашего.

– Как это?

– Господь воззвал ко мне, но сначала я ничего не понял. В Коннек я явился охваченный спесью. Даже неудавшееся покушение не наставило меня на путь истинный, но господь терпелив. Он послал вас, вывел меня из Коннека и охранил в Оунвидийской теснине. Теперь я готов услышать его и выполнить возложенное на меня. Ладно-ладно, я и не рассчитывал, что вас тоже осенит откровение. Но хочу обсудить наше положение.

– А положение таково, – подхватил Горт, – что мы остались без работы. Здесь мы вас защитить не сможем. Вот бросят вас в подземелье, зачем вам тогда охранники? А если и не бросят, вы не сможете нам платить.

– Все возможно. Но Йоханнес вряд ли зайдет так далеко. Он посадит меня под замок, пока Безупречный не выполнит его требований. Дело решится тихо. Тогда я снова отправлюсь в Брот, и мне понадобится охрана.

Элс внимательно посмотрел на Донето. Он не застал того принципата, который явился очищать Коннек от ереси, зато много слышал о нем от уцелевших телохранителей. Нет, люди не могут изменить свою суть, они лишь притворяются из тактических соображений.

– Я всего лишь хочу сказать, что вы нужны мне, несмотря на грядущую задержку.

Элс довольно крякнул. Какая удача – телохранитель члена коллегии!

– Хорошо, я останусь с вами.

Донето кивнул.

– Посмотрим, в каких условиях будет держать нас император. Быть может, вы и получите свое жалованье.

Племенца считалась одним из самых богатых городов во всей Фиральдии. Формально это была республика, независимый город-государство, на деле же, как и большинство других городов Фиральдии, ею правило несколько кланов. Однако здесь их власть распространялась не так далеко, как в прочих местах, потому что в здешних водах водилась более крупная рыба.

Предки Граальского императора происходили из дома Транцелла: именно первенцы дома Транцелла становились графами Племенцы, хотя само семейство уже не имело в округе большого влияния. Сам Йоханнес был мелким дворянином, пока курфюрсты не избрали его императором. Такой кандидат всех устраивал – легко управлять и так же легко в случае чего отстранить от дел. Но у Ганзеля обнаружился сильный характер, он был тверд в своих убеждениях и умел убеждать других. Алчность патриархов росла, и на этом фоне Йоханнес смотрелся особенно выгодно и привлекал на свою сторону фиральдийских дворян, которые желали освободиться из церковной хватки.

Император на неопределенный срок остановился во дворце Диммель вместе с сыном и двумя дочерьми. Во дворце этом вот уже несколько веков находилось родовое гнездо графов Транцелла.

Этот факт только подчеркивал интерес Ганзеля к Фиральдии. Захватнический интерес, как сказали бы имперские враги. Хотя сам император утверждал, что явился в Племенцу лишь для того, чтобы вывести в свет дочерей – показать им город, в котором есть чему поучиться и на что посмотреть, в отличие от скучных полей

Кретьена.

Из-за своего происхождения дочери Ганзеля представляли немалый интерес, но пока еще не были сосватаны. Нежелание Йоханнеса поощрять потенциальных ухажеров волновало курфюрстов, некоторые из которых втайне надеялись стать его преемниками.

Если император и потерпел бы зятьев, то лишь таких, которые принесли бы ему деньги и новых солдат, а самое главное, помогли бы в неутихающей борьбе с патриархом. Но из дворян, обладавших достаточными средствами и положением, мало кто разделял его ненависть к Броту. К тому же любой претендент становился императорским наследником, ведь единственный сын Ганзеля Лотарь был весьма болезненным ребенком.

Сестры и няньки Лотаря денно и нощно пеклись о нем. Все боялись, что он вряд ли доживет до того момента, когда нужно будет принять у отца корону.

Сам Йоханнес любил единственного сына безмерно, но не мог не видеть, какие у мальчика перспективы.

Все это Элсу рассказал Донето по дороге в Племенцу.

– Пайп, – пробурчал Пинкус Горт, – а мы что – правда не бросим этого проныру?

– Я и сам при случае становлюсь пронырой, – усмехнулся Тейдж. – Думаю перехитрить его и выторговать кое-что еще.

– Не забудь, – тоже с усмешкой кивнул Горт, – ты теперь не один.

– В каком смысле?

– Куда бы ты ни отправился, Бо, Джо и Чушка отправятся следом. А почему – они и сами не знают. Такой уж ты парень. Чушка-то отличный солдат, чего об остальных не скажешь…

Да, Чушка действительно был отличным солдатом: делал даже больше того, чего от него ждали, и, в отличие от Бо и Джо, никогда не жаловался. Ему всего и надо было – идти следом за Джо.

Элс представил, как хитроумные интриганы вроде эр-Рашаля аль-Дулкварнена пытаются вывести породу воинов столь же бесстрастных и покорных, как этот мул.

Такими ли были ша-луг – идеальные ша-луг, не такие, как Элс Тейдж, наделенный прискорбной привычкой думать?

– Пинкус, у меня отличное предложение. Давай-ка пока перестанем ломать голову и постараемся выбраться живыми из этой переделки.

– Да все будет путем, Пайп! Мы сейчас в таком дерьме, что хуже уж точно некуда. Так что выберемся как-нибудь, поверь мне

на слово. Кто-кто, а Пинкус Горт знает, что говорит.

16

Андорежцы после резни у Черной горы

Неожиданно для себя андорежцы оказались в самой гуще битвы. Нападение коннектенцев застало их врасплох, как, впрочем, почти всё в этой совершенно чуждой эпохе.

Трудно было и дальше отрицать очевидное: стурлангеров занесло в неведомое – туда, где успели состариться и умереть даже правнуки убийц Эрифа Эрильсона. Страшная правда выбивала андорежцев из колеи.

Своими в армии арнгендцев они так и не стали; с той самой встречи у моста в Колдовских холмах их лишь терпели, как акула терпит рыбу-прилипалу. А еще опасались.

Снова и снова вспоминая убийство Эрифа, Шагот все больше подозревал, что виновны в нем сами боги. Слишком удачно все для них сложилось. Но о подозрениях своих он молчал, ибо любое сказанное вслух слово непременно становится известно Орудиям Ночи.

Грим понятия не имел, чего именно хотят боги, знал лишь, что все откроется в свое время.

Заглядывая себе в душу, Шагот уже ни в чем не был уверен. Собственный безграничный цинизм его тоже перестал удивлять.

Остальные андорежцы знали и того меньше. Им только и оставалось – держаться вместе, защищать своего вожака и надеяться, что в нужный момент они все поймут. Особого воодушевления божественная миссия ни у кого не вызывала.

Когда армия арнгендцев добралась до хребта Стегфейт и подножия Черной горы, стурлангеры уже ни на что не жаловались и почти не разговаривали со своим предводителем – просто тащились себе вперед, покорные воле богов и безразличные к безразличному к ним миру.

Им не сразу удалось выйти из оцепенения, когда на армию напали.

– Они нас не видят, – сказал Шагот.

Так оно и было: нападавшие не обращали на стурлангеров ни малейшего внимания. Однако стоило им побежать, как на них тут же набросились двое пехотинцев. Свавар и Финнбога разделались с ними почти играючи.

К ним поспешили новые солдаты.

– Не шевелитесь! – велел Шагот.

И коннектенцы тут же про них забыли.

– Прямо как старина Трюгг, – догадался Холлгрим. – Он тоже вечно забывает, что собирался сделать.

– Пошли, – скомандовал Шагот, – пока они на нас не смотрят.

Им удалось пройти около восьмидесяти футов, но потом на них напал закованный в тяжелые доспехи всадник. Сигурьон взмахнул боевым топором, неприятель отбил удар, но в это время Шагот перерубил двуручным мечом передние ноги рыцарского коня. Стурлангеры прикончили наездника еще до того, как тот рухнул на землю.

Методом проб и ошибок они выяснили, что нужно двигаться короткими перебежками, не больше дюжины ярдов зараз, а потом замирать. Тогда их не замечали.

– Дохлое какое-то колдовство, Грим, – пожаловался Свавар.

– Зато ты еще не подох. Добежим вон до тех скал и там заляжем, пока тут все не закончится и они не отправятся восвояси.

К тому моменту было совершенно ясно, кто победит. Вокруг кипело уже не сражение, а настоящая бойня.

Все стихло. Коннектенцы закончили добивать раненых и обирать павших и теперь пытались осознать всю непомерность своей победы. Для них подобное было гораздо более непостижимо, чем для Шагота и людей его времени, ведь в Коннеке о войне знали лишь понаслышке, в основном от тех немногочисленных искателей приключений, которые отправлялись воевать в Святые Земли.

– Что теперь, Грим? – спросил Свавар.

Шагот понятия не имел. Про коннектенцев боги ничего ему не сообщили.

– Мне нужно поспать, во сне я все обдумаю, а завтра расскажу вам.

Никто не стал его расспрашивать.

Все они уже были не от мира сего.

Вернулись на землю с небес.

Или не совсем с небес и не совсем на землю.

Но в этом мире все верования оказались правдой. Здесь первыми появились боги, а потом люди переделали их по своему разумению.

Вскоре победители покинули поле брани. Чудом уцелевшие аргендцы и выходцы из Гролсача сделали это давным-давно. Шагот и его спутники принялись обыскивать трупы.

Но с добычей им не повезло.

– Так куда направимся, Грим?

– Туда, откуда пришли. Главное – не попадаться никому на глаза.

Шагот рассказал всем то, что увидел во сне, и Холлгрим тут же забросал его вопросами.

– Но кто этот Убийца Богов? – спросил он.

– Не знаю.

– Значит, мы узнаем его, когда найдем?

– Не знаю.

– Слушай, Грим, не нравится мне эта хренотень.

– Знаю.

– И в этом, как его, Броте все прояснится?

– Если только Старейшие не передумают. А теперь заткни пасть. Нам еще топать и топать. И надо от местных прятаться.

– Это еще почему?

– Старейшие не хотят, чтобы нас видели. Почему – не сказали. Все как в прошлый раз. Мы для них всего лишь охотничьи псы и еще радоваться должны.

С каждым часом маленький отряд все меньше любил своих богов.

Северные боги в точности походили на самих андорежцев: такие же неотесанные, вечно пьяные, не слишком сообразительные, вечно пьяные, жестокие, вечно пьяные, недалекие. И вечно пьяные.

Именно эти ценные качества северная культура выпестовала за долгие века.

Но они уже совсем не ценились в том мире, где оказались Шагот и его компания.

– Мы разыщем его.

Пятеро стурлангеров поморщились, но принялись послушно разбирать лагерь. Рвения у них отнюдь не прибавилось.

Серьезные разногласия начались неделю спустя, когда Шагот пытался пробраться мимо Антье, не привлекая внимания коннектенцев.

– Грим, какого рожна мы тут делаем? – кипятился Финнбога. – Мы должны были поймать тех недоумков, что укокошили Эрифа. Но про Эрифа никто не заикается вот уже целый месяц.

– Я хочу домой, – проворчал Сигурдур.

– Дома там больше нет, – напомнил ему Шагот.

– Даже если и так, там все равно лучше, чем здесь.

Заупрямился даже Асгриммур:

– Думаю, боги вполне способны сами о себе позаботиться.

Шагот тяжело вздохнул. Он не знал, что делать с

пораженческими настроениями, ведь у него самого с энтузиазмом дела обстояли неважно.

Теперь он спал еще больше, чем во время путешествия с аргендской армией. И ничего не мог с этим поделать. Шагот очень хотел вернуться к нормальной жизни, хотел вывести свой отряд из этих краев, где их могли в любой момент привлечь к ответу за учиненные аргендцами безобразия.

Им постоянно приходилось скрываться, идти тайком. Это было хуже всего.

– Грим, с какого перепуга мы прячемся? – наседал на него Холлгрим. – Эти люди нас не знают. Давай вернемся на дорогу. Притворимся обычными путниками.

Холлгрим был прав, но голоса богов в Шаготовой голове не соглашались.

– Какая-то чушь собачья! – горячился Финнбога. – Я уже готов все бросить и попытать счастья в одиночку.

– Потерпи, доберемся до тех краев, которые они называют Ормьенден, станет полегче.

До Ормьендена пришлось идти целую вечность, а все потому, что Шагот постоянно спал. Но даже и в Ормьендене он отказался идти по-человечески, не скрываясь.

Свавар, Холлгрим и остальные стурлангеры грозились поднять мятеж, но Шагот к тому времени превратился, по выражению его собственного брата, в «хульдринского говоруна на подпевках у шайки окончательно спятивших богов».

Прошла неделя с того дня, как они вошли в Ормьенден. Утром Шагот проснулся и увидел, что в лагере остался только Свавар. Брат готовил завтрак, уныло сгорбившись над костром. Что-то явно стряслось.

И лошади пропали.

– Грим, они ушли. Не выдержали больше. Но пожитки оставили.

– Не понимаю. – Шагот никак не мог осознать происшедшее.

– Ты же не слушал. Они столько раз тебе говорили.

– Но ты ведь остался.

– Ты – мой брат. Но кабы я знал, что ты без моей помощи хоть неделю протянешь, тоже бы ушел.

В тот день они никуда не пошли, и на следующий тоже. Шагот был уверен, что остальные одумаются и вернутся.

Свавар его не торопил. Сам-то он уже не верил ни в какую божественную миссию, но Шагот все-таки был ему не чужой.

Вспоминая обо всех перипетиях, через которые им пришлось пройти после похорон Эрифа, Свавар не прочь был укокошить парочку богов.

Наконец Шагот собрался с силами, и они пустились в путь.

– Брат, куда мы теперь? – спросил Свавар.

– В древний город, в Брот. Почему – не знаю. Они так хотят.

Шагот и сам уже сомневался. Рвение его иссякло окончательно, и он бы с радостью повернул домой, если бы не божественные голоса, неотступно жужжащие в черепушке.

Асгриммур решил, что его брат превратился в юродивого. В северных сказаниях такие вот божественные безумцы встречались редко, но все-таки встречались. Шагот являл тому живое доказательство.

Северные боги были по-детски злопамятны и мелочны и, как и многие другие боги этого мира, не скупились на голод, мор и войну, а более приятные для своих почитателей явления не особенно жаловали.

Через два дня после ухода из лагеря Финнбога, Холлгрим, Сигурдур и Сигурьон почувствовали на себе гнев Орудий Ночи.

Весь день шел снег. На ночлег они устроились под старым каменным мостом. Неширокая речушка, через которую он был перекинут, обмелела из-за зимы. Под мост задувал жестокий промозглый ветер, грозивший загасить слабенький костер.

Вот уже многие столетия путешественники останавливались здесь на ночлег и разжигали огонь на одном и том же месте, выложенном закопченными камнями. Точно такой же огонь горел и на северной стороне реки, где сгрудились, прячась от холода, путники, направлявшиеся на юг.

– Старею я, – проворчал Холлгрим. – Десять лет назад такой ветер был бы для меня тьфу, а теперь сижу вот и думаю: неплохо бы перебраться в Исландию.

Остальные стурлангеры согласно закивали. Никто из них в Исландии не бывал, но все слышали о тамошних гейзерах, горячих источниках и волшебных дырах, которые не замерзали даже самой лютой зимой. Когда пролив Ормо сковало льдами, с Исландией наверняка ничего не случилось.

– Теперь там все небось переменилось, – заметил Сигурьон. – Если они входят в одно большое королевство, там, поди, всем заправляют эти черные священники.

– Чего нам стоит прикончить парочку священников? – оживился Финнбога.

– Чего стоит? – переспросил Сигурдур. – А ты взгляни на нас.

– Не все так просто, как кажется, – кивнул Сигурьон. – Иначе эти слабаки не пришли бы к власти.

– Твоя правда, – согласился Сигурдур, – в здешних краях заправляют именно они. И что-то на покой не торопятся. Вот

зараза!

– Что с тобой?

– Да опять приспичило по большой нужде.

Уже шестой раз за день. Сигурдур начал волноваться: если нутро взбунтовалось, можно ненароком и концы отдать.

– Давай только с подветренной стороны, – предупредил его Сигурьон. – А то в прошлый раз так навонял, что мухи дохли на лету.

Сигурдур, у которого так и крутило живот, поковылял прочь от лагеря – к укромному местечку, которое заприметил еще днем при свете, как раз на такой вот случай.

Оказавшись между двух одинаковых камней, стурлангер завозился с ремнем: нужно успеть стянуть штаны, пока не началось. Вот сейчас мерзкий холодный ветер покусает его за голый зад.

Андорежец вовремя успел скинуть порты и поздравил себя с успехом. Брюхо явно разошлось не на шутку.

С пыхтением извергая в темноту жидкое дерьмо, Сигурдур вдруг почувствовал, что рядом кто-то есть. Точно не его спутники – со своего места он отчетливо видел их: вот брат, вот Холлгрим и Финнбога жмутся поближе к костру и зубоскалят на его счет.

Рука андорежца потянулась к ножу.

Тень придвинулась. В неверном свете далекого костра он разглядел женщину в капюшоне и черном плаще до пят.

Ее лицо было прекрасно. Точно таким, наверное, было лицо его собственной матери, когда та еще ходила в девушках.

«Сколько разных баек рассказывают, – подумал Сигурдур, – и ведь никогда не бываешь к этому готов». Никогда не веришь, что сумел обратить на себя внимание Орудий Ночи.

Женщина распахнула плащ. Ее великолепное обнаженное тело излучало тепло. Противиться было просто невозможно.

И слишком поздно было для предосторожностей.

– Куда он запропал? – заволновался Сигурьон. – Дерьма в нем, конечно, немало, но… чтоб так долго?

– Может, хочет избавиться от всего дерьма разом?

– Но он же так задницу себе отморозит.

Сигурьон поднялся на ноги и громко позвал брата, тот не ответил. Стурлангер сел. Они ведь близнецы, волноваться нечего, если стряслась какая-нибудь беда, он обязательно почует.

Спустя полчаса заволновались уже Финнбога с Холлгримом. Оставив Сигурьона у костра, они отправились на поиски, громко выкрикивая имя Сигурдура.

Но ничего не нашли.

– Попробуем еще раз, когда посветлее будет. Сейчас не найдем ничего. Давайте тянуть жребий, кому первому стоять в карауле.

Сначала-то стоять должен был Сигурдур.

Утром они нашли то место, где накануне испражнялся Сигурдур. Ночью андорежцы все истоптали, разыскивая товарища в темноте, но все же им удалось обнаружить следы Сигурдура: тот направился куда-то вверх по реке. Пропавший отыскался в полумиле от лагеря, по пояс в воде, без штанов. Штаны найти так и не удалось.

– Умер он счастливым, – сказал Холлгрим.

Кожа у покойника была белее снега: его кровь кто-то высосал, всю до капли.

В замерзшей грязи на берегу отпечатались следы босых женских ног.

Все было очевидно, но в подобное всегда трудно поверить. В такие истории вообще никто никогда не верит.

Однако создания Ночи существуют, они так же реальны и неотвратимы, как сама смерть. И так же жестоки, если верить легендам.

Стурлангеры не сразу осознали, что Сигурдура настигла кара за неповиновение богам.

В лагере выяснилось, что их соседи, ночевавшие на противоположном берегу, стащили все их пожитки. Теперь у андорежцев оставалась лишь одежда и оружие, которое они основательно затупили, копая неглубокую могилу для Сигурдура.

Сигурьон оказался самым сообразительным из всех – именно он первым заподозрил божественные происки, когда через неделю ночью погиб Холлгрим. В этот раз мертвец не улыбался – ему было нечем.

Ни Сигурьон, ни Финнбога не слышали ни звука.

17

Коннек, после резни у Черной горы

Солдаты, захватившие брата Свечку, пустили его к графу Реймону Гариту лишь через несколько дней. Его ни в чем не обвиняли. Монаха знали и уважали во всем Коннеке и не сочли бы предателем, разве что тот сам во всеуслышание признался бы перед всеми.

– Ну и? – спросил граф. – Что вы хотите мне сказать?

– Аргендцы захватили меня в дороге, когда я пытался догнать вас. В тот самый час, когда началось сражение, архиепископ как раз предлагал мне сделаться главным действующим лицом в судебном процессе над еретиками.

– Ход его мыслей мне понятен. Зачем вы пытались меня догнать?

– Чтобы отговорить от нападения на аргендцев. Эта война закончится большой бедой для Коннека.

Реймоновы дружки, почти все такие же юнцы, как и сам граф, захохотали и заулюлюкали, потешаясь над трусостью брата Свечки.

– Беда-то идет совсем не к нам, брат, – сказал один. – Дважды уже она обрушилась на головы врагов.

– Я давно потерял надежду достучаться до здравомыслия, – покачал головой совершенный. – Жребий брошен. Послушайте меня, вы, надменные молодые люди! Недолго вам почивать на лаврах. Следующим летом или через год-другой патриарх и аргендцы вернутся. И обрушатся на нас как гнев господень.

Конечно же, они хотели услышать вовсе не это. А то, что Аргенд будут раздирать на части наследственные распри и вражда с Сантерином. Что угрозы патриарха пусты, а Граальский император так и будет наседать на него, не давая отвлечься ни на что иное.

Брат Свечка добился успеха в делах, когда был мирянином. В сане совершенного же добиться успеха гораздо труднее, святым это нелегко дается. Особенно таким, которые, в отличие от Безупречного, не могут послать для вразумления тупоголовых войско.

Монах покинул графа и снова отправился в путь. Нужно вернуться к герцогу Тормонду и бороться с подступающими бедами из Каурена.

Грядущую войну уже не предотвратить. Знатные семейства

Аргенда просто так этого не оставят. Можно лишь приложить все усилия, чтобы эмоции окончательно не возобладали над разумом. Чем больше эмоций, тем страшнее будущее.

Свечка постарается убедить власть предержащих, в первую очередь Тормонда, что нужно готовиться к худшему.

Монах не желал войны, но, если уж ее не миновать, Коннек должен быть во всеоружии. Пусть свирепость отпугнет тех, кто думает лишь о грабеже и наживе.

Свечка шел в Каурен по древней, обдуваемой холодными ветрами дороге и печально думал о том, что последним его делом в этом мире, и притом таким, какое надлежит выполнить самым лучшим образом, станет то, что ему совсем по душе. Ему предстояло направить ищущих свет и помочь им пережить грядущие ужасные и жестокие годы, которые определят, уцелеет ли их вера или сгинет навечно.

Несмотря на свою кроткую природу, мейсаляне не сдадутся без боя. По иронии судьбы те коннектенцы, которые примут на себя основной удар, считают себя благочестивыми чалдарянами. И им предстоит защищаться от тех, кто провозгласил себя защитниками их же собственной веры.

18

Племенца, дворец Диммель

Пленникам так и не удалось толком полюбоваться прекрасной Племенцей. Охранявшие их браунскнехты зорко следили, чтобы с отрядом принципата не разговаривал никто из местных жителей, хотя местные жители и сами, в общем-то, не стремились к этому.

Отряд вошел в ворота Диммеля, и створки их на долгое время захлопнулись.

Ничего страшного с ними не случилось. Вернее сказать, не случилось вообще ничего. В покоях, где заперли Элса и его спутников, все окна и двери, кроме одной, через которую они вошли, были заложены кирпичом. Про пленников будто бы забыли, хотя еду исправно приносили каждый день. Сначала Бронт Донето негодовал и требовал аудиенции – у кого угодно, хоть у самого императора. Но приставленный к ним слуга упорно хранил молчание.

Донето кипел от злости, но за свою безопасность по-прежнему не волновался.

– Ясное дело, очередная свара между императором и патриархом. Если Йоханнес будет держать меня здесь взаперти, у Безупречного начнутся неприятности с коллегией.

Элс внимательно слушал и запоминал каждое слово. Если отсутствие всего лишь одного человека могло парализовать средоточие сил врага… Достаточно ведь только вовремя взмахнуть клинком и…

Но еще лучше и гораздо умнее заставить нужного человека исчезнуть где-нибудь вдали от Брота. Патриарх потеряет ключевой голос в коллегии, и никто не будет знать, что случилось с несчастным.

Заменить Донето они не смогут, пока не удостоверятся, что тот мертв. Да и тогда им понадобится благословение патриарха.

Принципат не падал духом. Каждое утро он просыпался в полной уверенности, что сегодня наконец его освободят. И каждую ночь засыпал на куцем матрасе, охваченный недоумением и отчаянием.

Их узилище создавал поистине злобный гений. Пленников начисто лишили всех контактов с внешним миром: они даже не знали, день на дворе или ночь, зима или весна. Судя по холоду во

дворце – все-таки зима. Уединиться друг от друга им тоже было негде. Принципату пришлось жить в одних покоях мало того что со своими телохранителями, так еще и с мулом. Браунскнехты не желали держать Чушку у себя в конюшне, опасаясь кривотолков. Присутствие мула ясно выражало отношение императора: таким образом Донето давали понять, что в глазах Ганзеля принципат из коллегии стоит не выше обычной, хоть и весьма смышленой, скотины.

Конечно же, дело обстояло несколько иначе, но явное пренебрежение императора унижало Донето.

Хотя под его бесконечным самолюбованием и надменностью обнаружился поистине железный стержень и даже некоторые зачатки человечности. Принципат приспособился к своему окружению. После того как они тридцать раз заснули и проснулись в своей однообразной тюрьме, он уже спокойно беседовал даже с Бо Бьогной и Просто Джо.

В какой-то момент, когда надежда еще ярко горела в нем, Донето вернулся к своим священническим обязанностям. Во всяком случае, так он сам заявлял. Хотя все знали, что члены коллегии получают сан с помощью подкупа и редко выполняют свой прямой долг.

– Епископом он сделался сразу после рождения, – рассказывал Пинкус. – Вторые сыновья в самых знатных семействах Брота сразу же становятся епископами. Рукоположили его, наверное, лет в четырнадцать.

Элс наблюдал за Пинкусом с веселым изумлением: вот он, Горт, во всей красе – выслуживается перед Донето больше прочих, но при этом не перестает его критиковать.

– Пайп, – заявил Пинкус, – тебе надо поплотнее заняться принципатом. Такой случай не выпадает дважды. Помни, нас могут выпинать отсюда в любой момент, без предупреждения.

Возможность действительно представилась редкая. Донето уже предложил Элсу службу в Броте.

Он собирался сначала для вида отдалиться от бывшего телохранителя, а потом устроить его так, чтобы тот мог незаметно шпионить за Донетовыми врагами.

Сам Горт выхлопотал себе местечко начальника личной охраны.

– Пинкус, хорошо б у тебя голова от успеха не закружилась, – предупредил Элс. – Ты у него в этом году уже третий. Нашего начальничка многие недолюбливают.

– Я буду осторожен. Всю жизнь мечтал о такой работенке! Хлебное местечко. А если мы и тебя правильно пристроим, будешь предупреждать меня, когда на горизонте появится какое-

нибудь дерьмо.

– Об этом я как раз и думал.

– Пайп, мне не нравится твой тон. Явно гадость нацелился сказать.

– Точно. А думал я вот о чем: если принципат все устроит, как обещал, то сведения должны поступать в обе стороны.

– В смысле?

– В смысле, если я для тебя шпионю, так и ты для меня должен. Когда-нибудь и мне придется как-то оправдывать свое существование. Если только ты не вознамерился грести все под себя.

– Только не я, упаси боже. Просто хочу устроить себе красивую жизнь.

– Если мы с тобой правильно все обстряпаем, оба раздобудем по каперскому патенту.

– А ты, Пайп, вовсе не такой простак, каким пытаешься казаться, – усмехнулся Горт.

Раньше их тюрьма служила чем-то вроде склада ненужных вещей. Здесь валялись кипы старых книг и рукописей еще прошлого века. Во многих рассказывалось о доме Транцелла и о делах давно минувших дней. Все это было интересно только Элсу, который изучал западное письмо.

Среди завалов порой отыскивались и настоящие книги. Тейдж находил их весьма познавательными, в профессиональном смысле.

Книги, написанные на современном разговорном наречии, его мало занимали. В основном там говорилось о житиях чалдарянских святых, коих насчитывалось превеликое множество. Информация полезная для чужака, но не особенно ценная.

Бóльшая же часть книг была написана на древнебротском и представляла собой тексты, тщательно скопированные с образцов еще античных времен. Такие манускрипты открывали перед читателем прошлое в его первозданном виде, еще не подправленное предубеждениями последующих веков.

Помогал Элсу Бронт Донето, которому, когда не находилось более возвышенного занятия, доставляло истинное удовольствие кого-нибудь чему-нибудь учить.

– Это копии текстов, написанных еще до возникновения чалдарянской веры, – рассказывал он. – На официальном языке того времени. Большая удача для нас, ведь официальный бротский не претерпел таких серьезных изменений, как просторечный. Все это трактаты о разных практических вещах. О том, как растить виноград, делать вино, управлять поместьем. В

те времена там располагались большие хозяйства, где выращивали на продажу инжир, оливки, апельсины, а еще зерно и овощи. Тогда ели не очень много мяса, разве что морских гадов и рыбу. Вот, например, трактат о том, как собирать разного рода механизмы, начиная с пресса для отжима и заканчивая осадными и стрелковыми приспособлениями. А это рукопись об искусстве войны. А вот о жизни тогдашних императоров и знати.

Донето обучил Тейджа основам древнебротского, и тот почти все свое время проводил читая по складам старые книги.

И, сам того не желая, ввел чтение в моду. Томиться в заточении было ужасно скучно, и все, вплоть до Бо Бьогны и Просто Джо, чтоб хоть немного развлечься, готовы были на все – даже учиться под руководством принципата.

– Ну, теперь очередь за Чушкой, – объявил Элс. – Только вот учиться он будет гораздо шустрее нас.

Он рассказал им старую дринджерийскую сказку о верблюде, которого научили свистеть. Хотя из осторожности заменил верблюда на мула.

Сам Элс был уверен: новые знания помогут ему разобраться в переписке врагов Дринджера.

Время шло, принципат строил на Тейджа планы, но у того имелись и свои собственные.

Пленники не имели ни малейшего понятия, как долго они уже сидят взаперти. Месяца три точно, в этом не сомневался никто. А может, и все пять, утверждали некоторые. Элс удивлялся, что никто ни на кого еще не набросился. Видимо, потому что места в их распоряжении было довольно много, а отчаяние их так и не сломило. Бронт Донето твердо верил, что помощь или выкуп вот-вот подоспеют.

Просто Джо и вовсе радовался жизни.

– Я так еще никогда не жировал, – признался он как-то Элсу. – Сам посмотри: тепло, еды навалом, друзья под боком, Чушка. Я даже читать учусь и разговаривать как важная персона.

Счастливая жизнь Джо так и шла своим чередом. В конце концов уверенность принципата все-таки начала подтачиваться. А Элс думал: неужели весь народ в Племенце поумирал?

Невозможно, чтобы известия о Бронте не дошли до ушей заинтересованных лиц.

– Может, наш начальничек слишком много о себе возомнил? – предположил Горт. – Мы же в ста восьмидесяти милях от Брота. Почему вдруг его кто-то должен тут узнать?

– Я готов в это поверить, – кивнул Элс. – Бóльшая часть браунскнехтов, по-моему, не знала, кто он такой. Им просто

поручили нас изловить, работа как работа.

От этих слов настроение в компании не особенно улучшилось.

– Думаю, император все же хотел, чтобы о похищении стало известно, – сказал Горт. – Какой ему прок просто держать Донето взаперти?

Прок был, но отрезанным от мира пленникам это казалось не слишком очевидным.

– Может, все обстоит так, как мы раньше думали? – отозвался Элс. – Пока принципат в руках у Ганзеля, коллегия парализована. А если коллегия парализована, Безупречный не может творить все те безумства, о которых кричит на каждом углу. В том числе вредить императору.

– Ты, вероятно, прав, Пайп. Только мне это все не нравится. Значит, Ганзель всем рассказал, что патриарший парнишка у него. И Безупречный решил его переупрямить или вообще плевать хотел на своего родственничка.

Бо Бьогна принимал ставки: кто из них точнее угадает срок заключения, тому и достанутся все денежки. Участвовал даже Бронт.

Элс часто задавался вопросом: почему же их Донето так отличается от того Донето, которого отправили в Коннек на подмогу епископу Серифсу.

– А спросить не хочешь? – подначивал Горт. – Мне вот, например, очень интересно, что сталось с тем епископским мальчонкой.

Да. Оса Стил бесследно пропал в тот день, когда они вошли в Племенцу. Наверное, император подыскал для него новую работенку.

Элс собрался с духом и за игрой в карты спросил Бронта напрямую, почему же его характер так изменился.

– А ты неплохо соображаешь, Хект. И многое подмечаешь.

– Я профессиональный солдат, мой господин. Я должен понимать тех людей, которым служу. Вы сегодняшний разительно отличаетесь от того патриаршего посланника, о котором мы столько слышали в Антье.

– Ты прав, Хект. Только помни: должность и сам человек – это две разные вещи. Я играл роль, назначенную патриархом и навязанную мне епископом Серифсом. Надеюсь, этот жирный развратник жарится сейчас в аду за все то зло, которое причинил святой церкви.

В один прекрасный день вместо привычного молчаливого слуги к ним пришел новый человек. Вокруг чужака тут же

столпилось семнадцать пленников (все, кроме двух больных). Он обвел их внимательным взглядом и сказал, указывая пальцем:

– Ты пойдешь со мной.

Указывал он на Бо Бьогну. Бо никуда идти не желал, но новый человек заявился не в одиночку, а в окружении трех вооруженных громил. И они явно не прочь были пустить в ход свои погремушки.

– Иди с ними, Бо, – велел Элс. – Если б они собирались учинить с нами какое-нибудь зверство, то уже давно бы учинили, сэкономив на нашей кормежке.

После того как за Бо закрылась дверь, он повернулся к Горту:

– Очень надеюсь, что я прав.

– Похоже на правду. Они собираются нас использовать.

Примерно через четверть часа Бо привели назад и забрали еще одного наемника.

– Ну? – поинтересовался Пинкус.

Все сгрудились вокруг Бьогны, даже Бронт Донето подошел поближе.

– Не знаю. Привели меня вниз, в залу, а там ничегошеньки нет, только такой длинный стол, а за ним четверо. Стали мне вопросы задавать. Только на ответы мои им вроде как начхать было.

– Какие вопросы? – поинтересовался Элс.

– Кто я такой, кем служу, как загремел в армию патриарха?

– Зачем им все это? О чем-нибудь важном спрашивали?

– Ну, задавали вопросы обо всем на свете. Особливо о том волшебнике из Братства – Грейде Дрокере. И о Коннеке. Даже не о том, что там случилось, а о том как и почему. И кто заварил всю кашу. Думаю, они быстро поняли, что я никто и звать меня никак, и махнули на меня рукой.

Второй пленник рассказал почти то же самое. И третий. Хотя Элс к тому моменту начал подозревать, что вопросы были подобраны весьма точно. А значит, они заранее хорошо знали, кого именно приведут на допрос.

Пинкуса забрали четвертым, его не было больше часа. Вернулся Горт целым и невредимым, но выжатым как лимон.

– Тяжело, – объявил он, плюхнувшись на свой тюфяк. – Но не физически. Трудно не сбиться с мысли, когда тебя спрашивают об одном и том же пятьдесят раз пятьюдесятью разными способами.

Донето терзали одновременно любопытство и тревога. Скоро ведь придет и его черед. Он внимательно слушал рассказ Горта.

– Как так? – не понял Элс.

– Точно как говорили Бо и остальные. Только вопросов больше. Они будто решили, что мне известны все личные секреты

патриарха. Будто бы это я предводитель тех громил, которых послал Безупречный. А я-то старика и в глаза не видел.

– Тебе угрожали? Пытались подкупить?

– Нет. И это тоже странно. Думаю, им плевать было на мои ответы. Просто задавали и задавали свои вопросы.

Донето забеспокоился еще больше.

– Господин, – обратился к нему Элс. – Мы что-то упустили из виду?

– Они, наверное, используют заклинания, выявляющие ложь. Если там сидят мастера своего дела, сами ответы их мало интересуют. Какого рода вопросы тебе задавали?

– На колдунов они совсем не похожи, – ответил Горт. – Обычная солдатня. Такие привыкли руки пачкать. Одного из них, что справа сидел, я где-то раньше видел. Уж больно личность знакомая, но где – не помню.

Все новых пленников уводили на допрос, кто-то задерживался надолго, кто-то возвращался быстро. Просто Джо вернули уже через восемь минут.

После него солдаты снова указали на Пинкуса.

– Я там уже был, – возмутился Горт.

– Значит, дорогу знаешь. Вперед.

Пинкус отсутствовал довольно долго.

После него забрали Бронта Донето. Всем уже стало порядком не по себе.

– Вы не волнуйтесь, начальник, – напутствовал принципата Горт. – Ничего страшного.

– Почему они вызвали тебя второй раз? – спросил Элс, когда за Донето захлопнулась дверь.

– Может, в первый не все разобрали. Вопросы те же задавали. Наверное, Донето прав: что-то там неладное творится на этих допросах.

– Что – целый час те же самые вопросы?

– Нет. С ними они покончили минут за двадцать. А потом вдруг встали и ушли. Будто на обед. А про меня и думать забыли.

– Значит, ты просто так там сидел?

– Ну, я, конечно, разведал обстановку, но далеко не ушел. Дверь-то заперта.

Донето не было несколько часов. Вернувшись, он мало что рассказал. Обессиленный принципат выпил чечевичной похлебки, свернулся на матрасе и мигом заснул.

В тот день больше никого не вызывали.

На следующее утро все началось сначала. Первым солдаты забрали пленника, которого уже допрашивали вчера.

– Теперь спрашивают по-другому, – рассказал он, вернувшись. – Про веру.

Элса забрали третьим. Ша-луг не особенно волновался: с простыми вопросами о чалдарянской вере он как-нибудь справится, не зря же столько времени держал ушки на макушке.

Его привели в ярко освещенную комнату, которую так подробно описывали остальные. Там витал густой запах жира. Никакой мебели – только стол, за которым спинами к стене сидело четверо, да жесткое кресло с прямой спинкой для допрашиваемого. Люди эти не были похожи на профессиональных инквизиторов. Один, справа с краю, напоминал священника, еще двое походили на солдат, но вот между ними затесался весьма необычный тип.

– Пайпер Хект? – спросил мужчина, сидевший справа от необычного типа.

– Да.

– Вероисповедание?

– Да.

– В каком смысле?

– Да, я верую.

– Во что?

– А зачем вам?

– Прекрати, Хект, – сказал тот, который, как подозревал Элс, и руководил допросом. – Сядь и отвечай на вопросы.

– Зачем?

Лица чуть исказились от гнева. Раньше все пленники вели себя покорно.

Заныло левое запястье. Тейдж почесался, погладив кончиками пальцев невидимый амулет.

Конечно же волшебство.

– С чего вы решили, что я буду вам помогать? Вы враги моего хозяина.

– Расскажи нам о том, как ты жил, пока не вступил в войска патриарха и не направился на подмогу епископу Антье, – велел человек, сидевший слева.

Элс решил не спорить. Быть может, волшебство как раз должно было подчинить его.

Не вдаваясь в детали, он рассказал о своем детстве в Дуарнене, небольшом государстве на юго-востоке от Мелкого моря, основанном во время священных походов, в небольшом поместье под Таснетом, вдали от побережья, прямо на спорной территории, где граальские рыцари постоянно бились с язычниками-шердами, выходцами с Великих Болот. В пятнадцать лет он якобы сбежал из дома, переходил от одного мелкого

сеньора к другому, постепенно продвигался все южнее. Как и большинство наемников, никаких подробностей Элс не упоминал.

Однако чуть более развернуто рассказал о службе в войске Братства. Четверо инквизиторов, по всей видимости, уже все об этом знали.

– Покиньте нас, пожалуйста, – велел главный, – я хочу побеседовать с ним наедине.

Трое мужчин вышли из комнаты столь стремительно, будто все было спланировано заранее.

Ша-луг сделал удивленное лицо. Дескать, еще один тупоголовый солдат, что с него взять. Хотя особой надежды на то, что удастся прикидываться долго, не было. Его собственные подчиненные не раз пробовали с ним подобный фокус, но чаще всего безуспешно.

Мужчина внимательно вгляделся в Элса. Тот ответил таким же пристальным взглядом. Не иначе как перед ним Феррис Ренфрау собственной персоной.

Ему было около пятидесяти, и походил он скорее на фиральдийца, чем на северянина. Черные, не по-стариковски густые, хотя и тусклые волосы чуть тронула седина. Сощуренные карие глазки излучали подозрительность. Надутые губы словно говорили: «Мне постоянно все врут». Нос ничем особенно не выделялся, зато волевой подбородок выпирал вперед. Прямоугольное лицо обветрилось. Зубы у незнакомца сохранились отменно, что для чалдарянина было редкостью.

– Расскажи о том, что произошло в теснине. Когда ваш отряд столкнулся с богоном.

– Простите, господин, с чем?

– То ночное чудовище. Таких называют богонами.

– Да рассказывать-то особо нечего. Уцелели – и ладно.

– Ты всех спас.

– Спас всех принципат Донето, – пожал плечами Элс. – А я всего-навсего увидел кошмарный сон, вот и проснулся. Почуял что-то неладное и разбудил принципата. Только и всего. Он же из коллегии. Потом у меня живот скрутило. А он уж справился с чудовищем.

– Но подобное случается с тобой не в первый раз. В лесу Эсфири все было так же? А в Ранче?

К собственному своему удивлению, потрясенный Элс умудрился не измениться в лице. Любопытно, а при чем здесь Ранч, ведь там не было никакого богона?

– Здесь есть какая-то связь, – продолжал Ренфрау, не дождавшись ответа. – Пока не знаю какая, но последние нападения явились результатом первого, неудачного.

– Э-э-э?

– Я знаю, что ты капитан Тейдж. Жду тебя вот уже много месяцев. А ты обманул все мои ожидания. Та заваруха в Сонсе – настоящий шедевр.

А ведь бьет-то он не наугад.

– Господин, вы меня совсем запутали. Я ничего не понимаю. Кто вы, господин?

Инквизитор покачал головой.

Оса Стил! Этот поганец проболтался.

Наверное, именно Ренфрау и показался Пинкусу знакомым.

– Возможно, ты не знаешь, что происходит. Если бы я сам посылал тебя на вражескую территорию, то не стал бы раскрывать всего, самые щекотливые моменты придержал бы, подождал, пока ты уцелеешь и наладишь контакты.

Беседа с каждой минутой становилась все опаснее.

– Да. Именно так. Тебя просто швырнули в самую гущу событий, словно змею в костер. Либо рассчитывали, что ты не сгоришь, либо хотели зажарить. Что именно? Что тебе велели сделать?

Элс молчал, уставившись на мужчину так, словно перед ним был безумный дервиш из Аль-Кобы.

Он будет настаивать, что его имя Пайпер Хект. Они не смогут доказать обратное.

– Если ты решил, что сможешь меня провести, позволь напомнить, что мы уже встречались.

– Нет, господин. Даже будь я тем, кто, как вы утверждаете, я есть, я бы не забыл такую встречу, – ответил Элс без тени сомнения, ибо то была правда.

– Кажется, ты искренне в это веришь.

– Верю, потому что так оно и есть. Кто вы? Где, по-вашему, мы встречались? Сомневаюсь, что судьба заносила вас на Великие Болота.

– Нет. Нужно еще раз все тщательно обдумать. Кое-чего не хватает. – Мужчина напрягся, словно прислушиваясь к каким-то ему одному слышным звукам.

Элс старался не обращать внимания на левое запястье, которое ныло уже просто нестерпимо.

Здесь творится волшебство… В комнате горит столько свечей. Очень жарко. Он даже вспотел. И от них такой дым… Чем-то еще пахнет, не только жженым жиром, какое-то благовоние. Может, именно поэтому так повело в голове. Мерзкие людишки, они пытаются сломить его волю.

Инквизитор не понимал, почему Элс не желает уступать. Быть может, допущена какая-то досадная ошибка?

– Ах да, теперь я вспомнил. Ты прав. Мы не встречались. Во Дворце Королей в Аль-Кварне два года назад на тебя указал один господин по имени эр-Рашаль аль-Дулкварнен. Волшебник сказал: ты отправляешься с особым заданием и можешь изменить баланс сил на востоке. Если справишься. Ты справился?

Элс попытался припомнить все, что ему было известно о Феррисе Ренфрау. Его терзали страшные сомнения: получается, люди Граальского императора знали о его появлении. По вине Осы? Или их известили из Аль-Кварна?

А кто рассказал самому Осе?

– Я не понимаю, о чем вы. Но поскольку отдан на вашу милость, спорить не буду.

– Тогда, капитан, мы с тобой поссоримся. Если ты не станешь Элсом Тейджем из Дринджера, я не смогу помочь Элсу Тейджу выполнить задание. А он не сможет помочь мне с моим.

– А что вы готовы сделать для меня, если я соглашусь стать этим, как его, вашим Алсом? И что мне самому придется делать? Дайте только отсюда выбраться, я ради этого назовусь и любимой дочерью патриарха. Или любым святым на ваш выбор.

На лице Ренфрау мелькнуло отчаяние: ничего не помогало.

– Что-то идет не так, – сказал он. – Даже если ты не тот, о ком я думаю, ты не должен сейчас спорить и логически рассуждать.

Мужчина взмахнул рукой. Вокруг его пальцев заклубился дым.

Элс что-то вопросительно промычал.

– Не двигайся. – С этими словами Ренфрау вышел из комнаты.

Наглотавшись дыма и неизвестно чего еще, Элс потерял сознание.

Очнулся он уже в узилище. Голова болела, его трясло. С ним нянчились Просто Джо и Пинкус Горт: Джо держал миску с холодной водой, а Горт промакал лоб Элса мокрой тряпицей.

– Что там с тобой стряслось, Пайп? – спросил он.

– Хотели заставить меня признаться в том, что я шпион. Напустили дурману. Вроде благовония.

– Как ты можешь быть шпионом? – недоумевал Просто Джо. – Ты ж в этих краях раньше не бывал. Они же сами тебя сюда притащили.

– Понятия не имею, Джо, – ответил Элс, выпив почти пинту холодной воды. – Можешь сам спросить. Но они хотели, чтоб я непременно был шпионом. И затуманили мне мозги дурманом. Перед тем как отрубиться, я вроде решил, что мне уже все равно: шпион так шпион, раз уж им так хочется. По-моему, даже

вызвался этим самым шпионом стать, если только меня выпустят. Который час?

Был полдень, а последнее, что Элс помнил отчетливо, случилось вчера. Пленников вызывали на допрос все утро, но теперь имперцы расспрашивали о товарищах.

– Меня только что таскали туда в третий раз, – признался Горт. – В голове до сих пор кавардак. Ты прав насчет дыма. Меня спросили обо всех, кроме разве что Чушки. Они точно что-то пытаются выведать.

– Теперь там принципат, – сказал Джо. – Пайп, ты бы лучше поел, пока можно. А то вдруг они увидят, что ты очнулся, и снова зацапают.

– Дельный совет, – кивнул Горт. – Судя по тому, как с тобой вчера развлекались, это не последний раз. Что там все-таки было?

– Я же говорил. Хотели, чтоб я назвался шпионом.

– Поешь, – суетился Джо.

– И воды попей, – вторил Пинкус, – как можно больше воды.

– А вас дурманили?

Джо пожал плечами, а Горт ответил:

– Я ж тебе говорил. Что-то там у них такое есть, в этой комнате.

Тейдж описал мужчину, который допрашивал его, когда остальные вышли.

– Узнаешь? Это тот, кто в первый раз показался тебе знакомым?

– Он самый. И теперь я вспомнил почему. Шесть лет назад дело было. Я еще тогда только начинал, служил герцогу Кларенцы. Герцогство, как же! Камень бросишь – он все герцогство и облетит. Это на севере, в холмах. Йоханнес тогда тоже только начинал. Проталкивал имперскую политику в Фиральдии. Кларенца была под присягой у Граальских императоров, но те своих прав никогда не заявляли. Герцоги приходились родней двум патриархам еще до Безупречного. И думали, что это родство их защитит.

– По всей видимости, – усмехнулся Элс, – не защитило. А к нам это какое имеет отношение?

– Когда к герцогству подошли войска Ганзеля, Милосердный Третий и палец о палец не ударил. Ему в ту пору уже было под сотню лет, и ничего, кроме собственной дряхлости, его не волновало. Герцог приказал запереть ворота и думал отсидеться, и вдруг один тип, который служил с нами уже два месяца, посреди ночи лезет в караульную, снимает часового и открывает ворота. Говорили, что убил он часового не специально. Просто хотел старика чуток придушить и случайно сломал ему трахею.

Убийца оказался агентом императора. Нам он представился Лестером Темагатом, но на самом деле его звали Феррис Ренфрау. Говорят, он такие штуки откалывает постоянно.

– И с тех пор у тебя на него зуб?

– Тот часовой был моим отцом.

Просто Джо сунул в руки Элсу миску с едой:

– Поешь, Пайп, давай. Не тупи. Они снова за тебя возьмутся.

Элс ел и обдумывал историю Пинкуса. Интересно. Но было ли в ней хоть слово правды?

Через полчаса за ним снова пришли.

Увидев в комнате для допросов Осу Стила, Элс кивнул ему, а потом уселся в кресло, на которое указал Феррис Ренфрау.

– Капитан, думаю, ты знаешь этого юношу.

– С ним развлекался епископ Серифс. Его имя Арманд. Полагаю, мальчишка уже запрыгнул в постель к новому хозяину, он ведь исчез, как только мы оказались в Племенце.

– Оса – агент Граальского императора. Один из лучших. Его подарил нам твой хозяин, Гордимер Лев. Но тебе это прекрасно известно.

Элс молчал, изображал удивление и ждал, как все повернется.

– Ты твердо намерен упорствовать?

– Нет. Я ведь вам уже сказал. Готов стать кем угодно, лишь бы выбраться отсюда. Расскажите мне про этого вашего капитана Тейджа, и я постараюсь в него превратиться. Если только не столкнусь с кем-нибудь, кто его хорошо знает.

В глазах Ренфрау вспыхнула ярость. Почему-то он слишком близко к сердцу принимал отказ Элса признаться в том, кто тот такой.

Оса Стил едва заметно улыбнулся, но так, чтобы Феррис не видел.

Любопытно. Мальчишка хоть и принадлежит Ренфрау, но хозяина недолюбливает. Полезная информация.

– Оса, – повернулся к нему Феррис, – скажи мне, тот ли это человек – ша-луг, которого ты знал под именем Элса Тейджа?

– Немного похож на Тейджа, только очень уж потрепанного и постаревшего. Если это он, я понятия не имею, как такое доказать. Но по-моему, чересчур высок.

Удивительно. Оса морочил Ренфрау голову.

Феррис с полминуты смотрел мальчишке в глаза, но Оса даже не моргнул. Внутри он оставался истинным ша-луг.

Инквизитор встал и принялся обходить комнату по периметру, словно выслеживая мелких ночных духов, которые, по

слухам, часто шпионят для разных колдунов. Осторожно обойдя ее два раза, он снова уселся за стол.

– Хорошо. Сделаем по-твоему. Ты станешь для меня Элсом Тейджем, дринджерийским шпионом, а я помогу тебе выбраться отсюда.

Элс молча ждал.

– Но с этого момента ты станешь агентом императора. Уже совсем скоро принципата освободят. Патриарх, похоже, отчаялся нас переупрямить. У него возникли определенные затруднения, и ему понадобилась поддержка Донето в коллегии. Насколько я понимаю, принципат хочет нанять вас в свою личную гвардию. Таким образом, у императора будет свой человек из ближайшего окружения патриарха.

Элс по-прежнему молчал.

– Так что же?

– А если я откажусь?

– Навсегда останешься во дворце Диммель и не сможешь ровным счетом ничего сделать для своих дринджерийских хозяев.

Элс крякнул. Логично.

– Чтобы ты, выбравшись отсюда, не забыл о нас, мы подпишем договор. В случае предательства его передадут принципату.

Элс снова крякнул:

– А как же вознаграждение? Я не пойду на такое только потому, что вы прижали меня к стенке.

– Но ты ведь хочешь отсюда выбраться?

– Я сказал, что готов стать вашим неведомым Тейджем, чтобы выбраться. Но за пределами этого дворца мне придется на что-то жить.

– Принципат…

– Он будет платить мне за то, что я служу ему, а не кому-то там. Все должно быть по-честному. Каждый труд должен оплачиваться.

Не слишком ли он умничает? Изречение, конечно, было известно представителям многих вероисповеданий, но больше всего его любили мейсаляне.

– Ренфрау, – вмешался Оса, – не будьте таким скупердяем. Это же не ваши деньги.

Между ними завязался спор. Но не играют ли они на публику? Или Оса пытается отвлечь внимание Ренфрау от Дринджера, Гордимера и ша-луг?

– Пленникам выбирать не приходится, – пробормотал Элс, которому сейчас хотелось убраться отсюда подальше.

– Тейдж, – повернулся к нему Ренфрау, – с тобой мы пока

закончили. Но только пока. Ты все понял? Скоро мы снова увидимся, и ты подпишешь договор с Граальским императором. Об оплате не беспокойся – будешь доволен.

Он зазвонил в колокольчик.

– Они хотят, чтобы я шпионил за вами и за церковниками, – сообщил Элс принципату, удостоверившись, что никто не подслушивает.

– Расскажи мне все.

Ша-луг пересказал ему разговор в комнате для допросов, опустив все упоминания об Элсе Тейдже.

– Вот что мы сделаем: ты согласишься на их условия, а я устрою тебя где-нибудь – не у себя. Делай, что скажут, завоюй доверие, а потом мы этим воспользуемся.

– Разумеется.

Именно такого плана он и хотел придерживаться, но пусть лучше Донето сам предложит это. Опять же вопрос доверия.

– Шпионь для них. Уверен, этот пройдоха Ренфрау предложил то же самое и остальным. Служить императору – в некотором роде неплохая перспектива.

– Ренфрау? – переспросил Элс.

– Тебя пытался завербовать Феррис Ренфрау. Любимчик Йоханнеса. Смерд по рождению, но один из самых могущественных людей в Граальской Империи.

Элс вернулся к Пинкусу, Просто Джо и Бо Бьогне, которые были страшно заняты – уписывали за обе щеки сыр и колбасу.

– Ты как, Пайп? Получше? – поинтересовался Бо.

– Немного. В этот раз меня вроде не дурманили. Но я проголодался, дайте-ка мне сыра.

Колбаса-то уж точно свиная.

– А еще вон ту сосиску, которую ты, Пинкус, так старательно прячешь.

Это тоже наверняка свинина, зато вкусная и сочная. Только об этих сосисках он, наверное, и будет скучать, когда наконец выберется из плена.

– О чем ты там шушукался с принципатом? – поморщившись, спросил Горт.

– Докладывал. Имперцы хотят меня завербовать, чтобы утвердить волю императора в якобы принадлежащих ему городах. Бо, Джо, признавайтесь, это вы меня им расхвалили? Мне чуть ли не собственное войско сулили.

– Вот зараза! – грустно выругался Пинкус. – А я-то собрался поделиться с тобой еще одной сосиской.

– Что такое?

– Зависть. Мне-то ничего такого заманчивого не предложили. А я свою работу выполнял не хуже тебя.

– Даже лучше. Из моего отряда уцелело только трое. И единственный из них, кто сто`ит хотя бы двух дохлых мух, – мул.

– Но зато какой мул! – встрял Бо.

– Эй! – прорычал Джо. – Не издевайтесь над моим мулом!

– Успокойся, Джо, – утешил его Горт. – Все мы знаем, что Чушка среди нас лучший.

– А что они от тебя хотели, Пинкус? – поинтересовался Элс.

Интересно, станет ли Пинкус повторяться?

– В основном хотели, чтобы я крутился вокруг принципата и сообщал им о планах церкви. Наверное, всех остальных спрашивали о том же самом.

– Меня – нет, – вздохнул Джо. – Ни разочка единого ничего такого не предложили.

– И мне, – проворчал Бьогна. – И вот так всю жизнь. А я бы к ним нанялся за двойную плату. Мне обе стороны одинаково немилы. Я б озолотился, продавая их друг дружке.

– Думаю, Бо, они об этом догадались, – усмехнулся Элс. – Слишком уж ты из кожи вон лез.

– Да, иногда я туго соображаю.

В течение дня их всех по очереди ненадолго вызывали на допрос. Шестеро из первой дюжины не вернулись. Имперские солдаты забрали их пожитки и, как обычно, отказались отвечать на вопросы.

– Что-то замышляется, – озвучил очевидное Горт.

– И пока еще не забирали меня, тебя, Бо, Джо и принципата, – согласился Элс.

– Не забудь про Чушку.

– Я-то не забыл, в отличие от них. Его-то ни разу не вызывали на допрос.

– Надо пожаловаться.

– Валяй.

Следующим забрали Просто Джо, вернулся он через десять минут, улыбаясь от уха и до уха.

– Пайп, я так и сделал – заявил им, что нечего от Чушки нос воротить. Он такой же солдат, как и мы все.

– Молодец, Джо! – похвалил Горт. – Я и сам собирался. Пайп, нас, верно, скоро выпустят. Иначе получается бессмыслица. Те, кто не вернулся, очевидно, переметнулись к Йоханнесу.

Элса забрали предпоследним, как раз перед Бронтом Донето.

Тейдж то и дело передергивал плечами: официальное облачение сидело на нем плохо, было страшно неудобным, и от

него чесалось все тело. Но пришлось надеть, чтобы сопроводить Бронта Донето на аудиенцию к Граальскому императору.

– А я тебе говорил, – в который уже раз повторил Пинкус Горт.

Донето предстоящая аудиенция не радовала, ведь в его распоряжении оказались лишь Элс и Пинкус, а ему, защитнику церкви, кузену патриарха и потомку патриархов (хотя законы церкви и обязали священнослужителей хранить обет безбрачия), полагалась совсем иная свита.

– Надо было прихватить Чушку, – вздохнул Горт. – Разодели бы его, стал бы такой же страшный, как и мы.

– Чушка так бы не мучился, – отозвался Элс, почесываясь и ерзая. – И не чувствовал бы себя таким дураком.

Белоснежные зубы Донето сверкнули в улыбке, но он тут же снова сделался серьезным. Защитник церкви взял в нем верх над обычным человеком. Принципат нахмурился, шуточки ему уже надоели.

Когда-то давно герцоги Племенцы купались в золоте. Кое-что еще напоминало о былом богатстве, хотя сами представители семейства Транцелла уже не жили во дворце Диммель и так обеднели, что могли теперь позволить себе не более сорока слуг.

Троицу проводили в приемную, которую украшала обитая шелком мебель, писаные маслом портреты великих представителей рода Транцелла, мраморные бюсты, видимо сохранившиеся с античных времен, и гобелен, вытканный в прошлом столетии. На нем изображалась схватка между чалдарянами и праманами.

Принципат заметил, что Элс внимательно изучает гобелен, и пояснил:

– Это битва у Кладезя Памяти. Там погиб один из моих предков.

– Понятно.

Элс пригляделся к знаменам сражающихся. Правильно.

Ша-луг называли это сражение Битвой Четырех Воинств. Мерзостная заварушка, в ней прамане сражались против праман, которым помогали аргендцы. В те времена каифат Каср-аль-Зеда и каифат Аль-Минфета боролись между собой за власть над восточными подходами к Кладезям Ихрейна. Люсидийцев поддерживали основанные чалдарянами в священных походах государства, а ша-луг – многочисленные племена ишоти из Пеквы.

Битва на самом деле произошла вовсе не у Кладезя Памяти. На западе ее так назвали только потому, что обе противоборствующие стороны пытались захватить его раньше

противника. Битва, которую никто не планировал заранее, случилась на восточной оконечности Равнины Судного Дня. Из-за вмешательства фанатичных ишоти на поле боя воцарился полнейший хаос. Каждая из сторон посылала в гущу сражения все новые силы. Кровавая бойня приобрела поистине эпический размах, но в конце концов переменчивые ишоти неожиданно бежали, и все закончилось.

Эта битва считалась самой кровавой из бесконечной череды стычек за власть над Святыми Землями. И самой бессмысленной, ведь она ровным счетом ничего не изменила в расстановке сил.

Спустя год после нее ша-луг и участники священного похода объединились, чтобы изгнать люсидийцев с тех земель, которые тем удалось захватить в Битве Четырех Воинств.

В Святых Землях союзы были столь же ненадежны, сколь склонны к предательству и недальновидны те, кто их заключал.

– Народ Пайпа еще ходил в язычниках, когда все это произошло, – сказал Пинкус.

В приемной появился некто, внешне похожий на дворецкого.

– Его величество император желает вас видеть, – объявил он, слегка склонив голову перед принципатом.

– Представление начинается, – хмыкнул Горт, поправляя свой наряд.

Вместе с Элсом они последовали за Донето, держась на два шага позади.

Зала для аудиенций производила сильное впечатление. В комнате пятнадцать на двадцать футов из мебели стояло одно лишь массивное деревянное кресло. В нем восседал очень смуглый уродливый коротышка. Весь его облик, как и наряд, словно говорил: как бы поскорее покончить со всей этой ерундой и отправиться на охоту. Перед ними был Ганзель, Йоханнес Черные Сапоги, собственной персоной, Граальский император, курфюрст Кретьена, ужас приспешников патриарха Безупречного V.

И разумеется, на императоре красовались черные сапоги.

Элс решил про себя, что этот человечек, по всей видимости, из тех, кто всеми силами поддерживает сложившуюся репутацию. Ему явно нравилось чувствовать себя Свирепым Малюткой Гансом.

Вдоль стен залы выстроились вооруженные копьями и щитами солдаты, а императора окружала небольшая группка придворных, среди прочих – трое имперских отпрысков: две красивые юные девы и худой бледный мальчик. Ближе всего к трону стояли, видимо, советники.

Этих следовало запомнить. Особенно вон того – не Ферриса

Ренфрау. Но Элс никак не мог сосредоточиться. Потому что все его внимание было поглощено младшей дочерью императора Элспет.

К его удивлению, интерес этот оказался весьма острым и взаимным.

Тейдж заставил себя собраться. Здесь могло произойти нечто важное. Защитник церкви сошелся в одной зале с самым могучим владыкой запада. Возможно, именно сейчас определяется будущее. Этого уродливого недомерка Йоханнеса Иджа считали таким же самоуверенным наглецом, как и Безупречный V. Элс надеялся в следующие несколько лет оказаться в самой гуще борьбы между церковью и сидящими здесь людьми.

Но его взгляд снова и снова возвращался к Элспет.

Она была достаточно молода и потому могла позволить себе беззастенчиво его рассматривать.

Девушка была выше отца на целую ладонь. И в Фиральдии, и в Дринджере ее сочли бы слишком худой (тамошние признанные красавицы отличались более пышными формами), как, впрочем, и на ее родине, в Граальской Империи, особенно в северных ее владениях, где в женщинах ценили широкие бедра и силу, – они должны были беспрестанно рожать детей, желательно не выпрягаясь из сохи.

Ее облик намекал на экзотических предков: большие темные глаза, по-восточному темные прямые волосы, тяжелая тугая коса доходила до самой талии, широкий рот с хорошо очерченными чуть припухлыми губами, маленький заостренный носик. Наверное, на щеках можно найти веснушки, только вот в скудном освещении их было не различить, впрочем, как и цвет глаз.

Во всем, кроме уродства, Элспет пошла в отца. Значит, старшая, Катрин, похожа на мать.

Обеих сестер отличали высокий рост и худоба, но на этом сходство заканчивалось. Волосы Катрин были светлыми, почти белыми, а глаза – маленькими, голубыми и совершенно ледяными. Губы почти лишены цвета, резкий росчерк рта. Судя по всему, Катрин Идж отличалась злобным нравом, не особенно любила ближних своих и подозревала, что те, в свою очередь, отвечают ей тем же. Строгость характера выдавал и наряд – сшитый из дорогой, как и подобало ее положению, ткани, но при этом безыскусный, бело-синеватый, словно у какой-нибудь монахини.

Катрин лишь однажды обожгла Элса ледяным взглядом, потом отвернулась и больше в его сторону не смотрела.

Иное дело Элспет. Младшая дочь императора пыталась сосредоточиться на словах отца, но ее глаза то и дело искали

Элса.

Тот отметил про себя, что грудь у нее гораздо лучше, чем у сестры. С виду, во всяком случае. Имперская мода не особенно подчеркивала женские прелести.

Элс не мог понять, почему эта девушка произвела на него такое впечатление. Даже не девушка – почти девочка. А он женатый человек, у него семья и долг.

А Элспет Идж – дочь императора.

Наверное, он слишком долго пробыл в краях, заселенных неверными, и сошел с ума. Он не должен обращать внимания на эту женщину, для него она всего-навсего украшение императорского двора.

Беседа Бронта Донето и Ганзеля началась так, как обычно и начинаются подобные беседы, – с ничего не значащих формальностей. Пока никто не сказал ни одного искреннего слова.

Донето едва не вышел из себя, когда узнал, что патриарх все еще не собрал назначенного выкупа.

– Безупречный согласился с основными условиями, – объяснил Йоханнес, – но с деньгами расставаться не желает. Если он потратит слишком много, ему не хватит золота, чтобы поставить на колени Коннек. Чего мне, собственно, и надо.

Вот так Ганзель разом покончил с дипломатической болтовней.

– Я вытащил тебя на свет божий, – продолжал он, – потому что мои агенты сообщили: Безупречный наконец готов взглянуть правде в глаза. Он начал собирать выкуп. Хотя это труднее, чем он ожидал. Большинство дэвов-ростовщиков не желают вести дела с человеком, который мечтает стереть их с лица земли. Удивительно, правда? К тому же многие в Броте не жаждут твоего возвращения.

Элс заставил себя сконцентрироваться. Чалдарянские свары представляли для него особый интерес. Если, скажем, членов коллегии можно подкупить, удастся ли избежать войны таким образом?

Ша-луг воспевали войну и всю жизнь готовились к ней, но зато знали ее не понаслышке и оттого отнюдь не пренебрегали другими способами.

– Всякий, кто добивается высокого положения своим трудом, – ответил императору Донето, – наживает врагов. Зависть – самый распространенный порок. Вам и самому должно быть об этом прекрасно известно.

– Именно. Зависть церковников – вот где кроется корень моих раздоров с патриархом.

Йоханнес забавлялся вовсю, ведь Безупречный V был у него на крючке.

– Итак, я извлек тебя из подземелья и сделал свои гостем. До тех пор, пока любящие домашние не выкупят твой голос.

Донето сдерживался, но едва-едва.

Элс вгляделся в Ганзеля и его советников. Император был не просто уродливым коротышкой, но еще и горбуном. Понятно, что когда-то его не все принимали всерьез. Наверное, остальные курфюрсты рассчитывали, что физический изъян рано или поздно сведет Йоханнеса в могилу.

В облике Ганзеля было больше восточного, чем в облике Элспет. Одно из диких варварских племен, терзавших Древнюю Империю, по всей видимости, разбило лагерь прямо под семейным древом Иджей.

Йоханнес сделался самым могущественным Граальским императором в истории. Если бы в Броте к власти пришла менее сильная личность, империя, возможно, поглотила бы сотни фиральдийских государств, а институт патриархов превратился бы в ее жалкое продолжение.

Интересные времена: двое могучих владык, жаждущих повелевать миром, схлестнулись меж собой. Пока они заняты друг другом, все складывается просто великолепно для сынов Аль-Прамы. Индала аль-Суль Халаладин и Гордимер Лев могут пока очистить Святые Земли от скверны священных походов и разгромить основанные западными рыцарями государства.

Это, в свою очередь, подстегнет соперничество между каифатом Каср-аль-Зеда и каифатом Аль-Минфета и беспочвенные притязания империи руннов. А ведь где-то вдалеке еще ждут своего часа Тсистимед Золотой и Хин-тай Ат – в ворота Гаргарлицейской Империи уже постучалась судьба.

Советника Йоханнеса Элс не знал, а потому внимательно вглядывался в его лицо. Тот выказывал к беседе не больше интереса, чем стул или стол.

Элспет снова бросила на Элса внимательный взгляд. В нем читался такой неприкрытый интерес, что Тейдж даже заподозрил: а не подговорил ли ее Феррис Ренфрау отвлекать его внимание.

– Очнись! – неожиданно пихнул его в бок Пинкус. – Мы уходим.

Что? Неужели он так сильно отвлекся? Видимо, да. Принципату такое поведение явно не понравилось.

Бронт Донето переехал в покои, расположенные на четвертом этаже дворца Диммель, но и там оставался пленником. Ему предоставили в распоряжение троих слуг, которые наверняка

докладывали о каждом шаге принципата Феррису Ренфрау. Пинкусу Горту и Элсу разрешили остаться в качестве телохранителей, но оружия так и не вернули. Выходить он мог лишь на службу в маленькой часовне. Там они видели все те же знакомые лица, к которым успели привыкнуть за время заточения.

Из отряда, который вместе с принципатом вошел в Племенцу, девятеро переметнулись к императору, а двоих скосила болезнь. Таким образом, кроме Горта, Элса, Бо и Джо, с Донето осталось лишь трое. Двое – из бывшей личной гвардии Донето, а третий – вангелец Джитто Боратто, шпион.

Патриарх все медлил и никак не желал платить. Церковь не принимала жизненно важных решений, потому что коллегия была парализована.

– Пайп! Проснись! – закричал как-то утром Горт, задолго до того, как пришла пора будить Элса в караул. – Мы выметаемся. Выкуп наконец-то доставили.

– Неужели?

– Именно. Его самость сказал.

Давно пора. Уже весна наступила.

– Ладно, – заворчал Элс, – зато мы умудрились пересидеть здесь зиму и ничего себе не отморозили.

Пинкус усмехнулся. Он-то прекрасно понимал, насколько Элсу осточертел Бронт Донето да и он сам.

– Может, тебе все-таки и не придется меня удушить, – радовался он.

Да, видимо, так. Горт постоянно жаловался на всех подряд, но и сам не мог долго сосуществовать в тесном соседстве с кем бы то ни было.

– Может. Но лучше не испытывай судьбу. Что случилось? Почему вдруг такие перемены?

– Пираты.

– Что? Хочешь, чтоб я тебе череп размозжил? Говори яснее!

– Куда уж яснее! Внезапно повсюду появились кальзирские пираты, нападают на оба побережья. Наверняка за этим что-то кроется, но я слышал только, что они покусились на владения церкви и семейства Бенедокто.

Прамане из Кальзира давно промышляли пиратством, это было их излюбленное развлечение. В былые времена пиратством можно было заработать лучше, чем обычным ремеслом. Пока не появились фиральдийские торговые республики. Суровые торговцы оказались не настолько милостивы к грабителям, как слабовольные графы, герцоги и короли. И посылали в родные

деревни пиратов методичных и весьма кровожадных головорезов.

Так Элс и сказал Пинкусу.

– Неужели же они могли совершить такую глупость?

– А мне откуда знать? Я только слышал, что мы наконец сваливаем отсюда. Хочешь поспорить – объясни это принципату, или патриарху, если его увидишь, или этим чокнутым кальзирцам.

– Хорошо-хорошо. Просто удивляюсь, насколько безграничной может быть людская глупость.

Как могли кальзирцы настолько забыться? Безупречный же только и ищет повод для нового священного похода. Решили, что Сонса, Датеон и Апарион закроют на все глаза? Проклятье, а может, так и будет? Может, после восстания дэвов, спровоцированного Братством Войны и агентами патриарха, республики решили защищать только собственные земли?

– А знаешь, где именно напали? Атаковали только патриаршие земли?

– Пайп, меня на военный совет не приглашали, – пожал плечами Горт. – Просто велели тебя разбудить и готовиться к походу. В самом прямом смысле этого слова, потому что лошадей нам не вернут. Так что шевелись. Я растолкаю мальчишек и Чушку.

Жалкий крошечный отряд покидал Племенцу. У крепостных ворот стоял какой-то незнакомый капитан браунскнехтов, будто бы желая удостовериться, что они действительно уходят.

Их было семеро: принципат, Элс, Горт, Бо Бьогна, Просто Джо, а еще Бергос Делмарель и Гадье Тифт. Джитто Боратто, имперский шпион, заболел и пойти с ними не смог. Чистой воды совпадение, ведь слег он за день до известий о выкупе. А все дело в том, считал Бо, что Боратто перекармливали в награду за шпионаж, вот вам и расстройство желудка.

Делмарель и Тифт внушали доверие. Делмарель был изгнанником из маленького чалдарянского королевства в Дирекции, которое завоевала Навая сразу после воцарения Питера. Домой он возвращаться не собирался.

Гадье Тифт был родом из Кройзата – крошечной страны на кревельдском побережье узкого Верского моря. Располагалась она на востоке от Фиральдии. Рассказ о прошлом Тифта постоянно претерпевал различные изменения, впрочем, в юности люди часто совершают глупые, необдуманные поступки.

Тифт не блистал умом, и вряд ли рунны завербовали его в качестве шпиона, хотя Кройзат и Кревельдия и входили в состав Восточной Империи.

Ну да ладно. По берегам Родного моря постоянно слонялись обездоленные, которых невесть каким, часто им самим неведомым, образом занесло далеко от дома и родных. Выживали они, нанимаясь на службу к какому-нибудь воинствующему господину.

А Бронты Донето встречались повсюду.

Их личный Донето теперь пребывал в добром здравии, и ему не терпелось оказаться дома. Поэтому отряд шел так быстро, как только мог бежать Чушка. А Чушке, в свою очередь, не терпелось убраться подальше от Племенцы.

В первый же день похода Пинкус Горт принялся ворчать:

– Хорошо, что мы не запускали себя в плену и постоянно поддерживали форму, правда ведь? Теперь-то все сказывается.

Элс был как раз одним из тех немногих, кто не запускал себя в плену. В отличие от Горта.

Шагать пешком приходилось даже принципату. Видимо, Ганзель хотел таким образом смирить его гордыню.

В компанию к Чушке им выдали лишь пару престарелых ослов, которые отвечали за поклажу.

Донето вовсю строил планы.

– Как только доберемся до Брота, – сказал он Элсу, – быстренько устрою тебя к Драко Арньене. Нас никто не должен видеть вместе. Драко тебя примет. Официально он противостоит Безупречному, но на самом деле является нашим тайным союзником.

Принципат просто кипел от нетерпения, так ему хотелось вновь поучаствовать в бротской политической жизни.

19

Андорежцы в Броте

Шагот и Свавар зарабатывали на жизнь грабежом и воровством, пока немного не подучили фиральдийский. Потом началось восхождение по карьерной лестнице: сначала они работали вышибалами в одном из самых неспокойных портовых притонов Брота, затем их наняла в качестве убийц-оптовиков гильдия лавочников, когда ей надоело платить уличным бандам за то, что те не защищали их от других уличных банд, вымогавших у торговцев деньги за свои охранные услуги.

Братьям удавалось чудесным образом выходить живыми из всех передряг, а их хладнокровная жестокость отпугивала даже самых кровожадных преступников. Спустя несколько месяцев суеверные жители бротского дна твердо усвоили: этих чужаков невозможно убить, а сами они с радостью сотрут с лица земли любого, кто только вздумает им помешать.

Шагот выяснил, что, если достать во время битвы голову чудовища и сражаться оружием, откопанным в Белых холмах, они со Свавaром неуязвимы. Почему так происходит, он не знал и знать не хотел. Воля богов выполняется – и хорошо.

Андорежцам не составляло никакого труда убивать с такой холодной жестокостью, ведь они попали в совершенно чуждое им время и не считали живущих в этом времени людей подобными себе.

Для них это было все равно что резать цыплят.

Но только когда Шагот не спал. А спал он теперь по шестнадцать часов в сутки.

Их таланты привлекли внимание отца Силви Обилада, занимавшего особое положение при семействе Бруглиони – одного из пяти великих кланов Брота (Бруглиони издавна враждовали с Бенедокто). Обилад посулил братьям легкую жизнь и хорошие деньги.

Шагот отца Обилада презирал.

– Все эти провонявшие елеем чалдарянские святоши ужасно скользкие, – говорил он Свавару. – Я бы с радостью отдал их на милость Старейшим. Особенно этих тупоголовых священников из Брота. Только и думают что о власти. Какой сладкой музыкой стали бы для меня их крики!

Свавар промолчал. Он вообще теперь редко разговаривал – просто делал все те кровавые непотребства, что приказывал

Шагот, а сам тем временем мысленно освобождался от своих обязательств перед богами.

Больше всего братьям мешали приступы сонливости Шагота. А они с каждым днем становились все длиннее.

Силви Обилад не приходился Бруглиони кровным родственником, он был другом детства Сонераля Бруглиони. Этот самый Сонераль сделался бы главой клана, если бы не умудрился, по печальному стечению обстоятельств, проглотить смертельную дозу яда как раз перед избранием Гонарио Бенедокто. И теперь святой отец действовал в интересах брата Сонераля, Палудана Бруглиони.

Вся жизнь Палудана Бруглиони зиждилась на ненависти и гневе, и решительно все в Броте были уверены: отец Обилад отнюдь не пытается усмирить эти темные страсти, а, быть может, еще и подливает масла в огонь Палуданова презрения к приспешникам патриарха Бенедокто.

Силви Обилад старался быть хорошим священником, но вот уже долгие годы сражался с постулатами собственной веры.

В его темную сырую каморку и явились Шагот со Свавaром. В ноздри им немедленно ударил запах плесени. В углах валялись груды сырой заплесневелой одежды – щедрые дары, которыми Обилад так никогда и не воспользовался.

Священник всегда носил одну и ту же грязную ветхую сутану. От него самого тоже изрядно попахивало.

– Спасибо, что пришли, – проскрежетал он сиплым от вечного пребывания в сыром застенке голосом.

Шагот переглянулся с братом. Но этот древний скелет в обносках – один из самых влиятельных людей в Броте, иначе Шагот не стал бы к нему наниматься.

Высокое положение обеспечивает хороший обзор. Стоит только забраться повыше, и они разглядят все, включая и человека, которого им так нужно найти.

Отцу Обиладу вот-вот должно было исполниться пятьдесят, но из-за полной лишений жизни выглядел он на все семьдесят. Ел священник только пресный хлеб, пил одну лишь воду, а по церковным праздникам баловал себя постом.

Шагот считал его безумцем.

– Ты говорил, – прогремел он, – твой хозяин хорошо заплатит. И вот мы здесь.

– Выяснил ты что-нибудь о том человеке, которого мы ищем? – спросил Свавар.

– Что? – озадаченно нахмурился Обилад. – А, загадочный выходец с востока. Нет. Пока нет. Никто ничего не знает. Но Брот

огромен, а в поисках заинтересованы лишь вы. Охота только началась.

Шагот тихо заворчал: в поисках ведь были заинтересованы и чужеродные голоса, поселившиеся у него в голове. Но он заставил их умолкнуть.

– Так у тебя есть для нас работа?

Старика передернуло. Его терзали некоторые сомнения в праведности того дела, которое ему поручили устроить.

Братьев Гриммсонов наняли только потому, что семейство Бруглиони могло с легкостью от них отречься, но они об этом еще не догадывались. Ими можно было воспользоваться, а потом, что особенно радовало, пожертвовать.

Всю жизнь отец Обилад предавался самообману, но глупцом назвать его было нельзя. Он прекрасно знал: Палудан Бруглиони не во славу господа собирается использовать таланты этих двоих. Но то, что выгодно Бруглиони, могло послужить и выгоде божьей. Именно этому посвятил Силви Обилад каждодневные труды, пытаясь вплести свою судьбу в грандиозный гобелен господнего замысла.

Умному человеку легко убедить себя, что любое его действие – часть господнего замысла. Собственное злодейство легко оправдать и самому изощренному разуму.

– Старик, тут воняет. Почему бы тебе не выкинуть отсюда все дерьмо? – спросил Шагот. – Чего ты хочешь? Если уж разбудил меня, говори.

– Патриарх собирается усилить свою власть в коллегии и для этого назначить новых принципатов. Якобы новые почетные должности достанутся ярым защитникам веры.

Шагот, который не разбирался в церковной политике, громко фыркнул.

– Безупречный назначит трех представителей, якобы придерживающихся противоположных взглядов: одного своего врага, одного союзника и одного не заинтересованного в местных делах иноземца, который вряд ли воспользуется правом голоса. Как только такой принципат отбудет на небеса, должность перейдет к другому.

После смерти обычных принципатов должность точно так же переходила к другому, но пять кланов Брота давно заключили негласный договор о том, что у каждого из них всегда должен быть хотя бы один принципат. Ведь только принципат мог сделаться патриархом.

– А мне-то какое дело до всей этой чепухи? – снова фыркнул Шагот.

– Родриго Колоньи заключил с патриархом тайное

соглашение. Получив должность, он переметнется на сторону Безупречного в обмен на за́мки и владения, которые сможет потом передать своим детям.

Якобы соблюдающие обет безбрачия отцы церкви были зачастую отцами в самом прямом смысле слова, но ханжество это их ничуть не смущало.

– Как только новые принципаты будут назначены, а в Брот вернется Бронт Донето, у Безупречного будет в коллегии преимущество в три голоса. Но замыслы его не во благо нашей церкви. Поэтому…

– …нужно кое-кого пристукнуть, – закончил за него Шагот, который считал, что чалдарянский бог уже достаточно взрослый и может сам о себе позаботиться.

– Сказано грубо, но это правда. Однако не все так просто. Убийство Родриго вызовет большой шум. Нельзя, чтобы в этом обвинили Бруглиони.

Шагот плохо шевелил мозгами, зато обладал звериным чутьем, присущим всем злодеям. Он мгновенно все понял.

Они со Свава́ром пристукнут этого Родриго Колоньи, и, пока их не успели арестовать и допросить, бравые парни из семейства Бруглиони прискачут на место преступления якобы слишком поздно, чтобы спасти Родриго, и пристукнут их самих. Или что-нибудь в таком роде.

– Сколько у нас времени на подготовку?

– Дело нужно закончить в ближайшие двадцать дней. До возвращения Бронта Донето.

– Я подумаю над твоим предложением. И разведаю, как обстоят дела. У тебя есть соглядатай в клане Колоньи?

Шагот не сомневался, что у каждого из пяти кланов есть шпионы в стане врага.

Отец Обилад впал в отчаяние. Слишком уж эти чужаки оказались сообразительными. Но придется использовать то, что есть под рукой.

– Какое это имеет значение?

– Мы должны знать, куда и когда ходит жертва. Какие у него планы. Нельзя же просто так заявиться во дворец Колоньи и зарезать его.

– С этим все просто. Родриго Колоньи весьма охоч до шлюх. Твердо вознамерился испробовать столько девиц, сколько еще успеет. Не менее трех раз в неделю он отправляется на поиски новых блудниц.

– Хорошо-хорошо. Тогда все проще.

А этот Родриго не слишком умен: женщин лучше приводить к себе, а не посещать самому.

– Сколько человек его обычно сопровождает?

– Вот уже несколько десятков лет семейства открыто не воюют между собой. Пять кланов не хотят возвращаться к крайностям прошлого. Родриго боится лишь грабителей. С ним будет четверо телохранителей и, может быть, несколько друзей. Этих можно не убивать. Но вот справиться с телохранителями Колоньи – задачка потруднее.

– Ясно. Как я уже сказал, мне надо подумать. Разузнай все, что сможешь, о Родриго Колоньи и готовься принять наши условия, мы ведь назначим плату.

– Они хотят пустить нас в расход, – сказал Свавар, как только они вышли из каморки чокнутого священника.

– Пусть попробуют. Они не знают, с кем связались. Давай-ка немного позабавимся.

Коварство оставалось последней доступной Шаготу отрадой.

В ту ночь его сны посетил сам Странник.

Разумеется, отец Обилад хотел заплатить Шаготу уже после того, как свершится убийство. Шагот громко рассмеялся в ответ. К тому времени Свавар уже потратил долгие часы, изучая поведение Родриго и окрестности дворца Колоньи. Как и любая другая резиденция одного из пяти кланов, дворец представлял собой настоящую крепость.

– Я-то, старик, вполне готов пойти тебе навстречу, – заявил Шагот. – Ведь как может священник нарушить слово? Но вот мой брат Асгриммур говорит, что его не на грядке с капустой нашли. Очень уж он у меня подозрительный. Особенно не доверяет южанам. Здесь у вас честь не в почете. Что поделать, такой уж у меня брат. А я ради него на все готов. Вот как мы поступим: ты выплатишь каждому из нас по третьей части от условленной суммы, а остаток – после.

Отец Обилад еще не пришел в себя, после того как братья назначили свою цену за голову Родриго Колоньи – шесть сотен золотых патриарших дукатов.

Выплачивать две трети этой суммы вперед ему совсем не хотелось. Да он и не смог бы этого сделать, ведь Палудан Бруглиони не выдал ему таких денег.

Палудан совсем не желал раскошеливаться, ведь деньги могли к нему и не вернуться.

Оправдывая свою репутацию завзятого скупердяя, Палудан вообще каждый свой дукат держал так крепко, что изображенный на нем патриарх визжал, словно евнух в день кастрации.

– Я не могу вам заплатить, – признался Обилад. – У меня нет таких полномочий. Ваша цена… Думаю, даже слово «чрезмерна»

здесь не подходит. Покупая лучшее, платишь вдвойне. Встретимся послезавтра ночью. Я предупрежу Каниглия о вашем приходе.

– Мы придем, – весело пообещал Шагот. – Мне не терпится получить твои денежки.

И он не кривил душой. Стурлангер отыскал одного дэва, который согласился вложить их деньги в предприятие, гарантирующее весьма неплохой доход. Что делать с таким богатством, Шагот не знал, но его это и не волновало. Он развлекался так, как еще не развлекался никогда в жизни.

Братья не сидели сложа руки. Свавар все это время следил за Родриго.

Отец Обилад хотел, чтобы Колоньи убили на площади Мадур, как можно ближе к фонтану Басбан. На недоуменные вопросы андорежцев он пожал плечами и ответил, что, мол, место это почему-то важно для Палудана.

Шагот сам обследовал площадь, а потом велел сделать это и Свавару – и днем и ночью. Место идеально подходило для засады: в многочисленных темных закоулках можно было без труда спрятать и героических спасителей, которые появятся, увы, слишком поздно и, к своему великому сожалению, не успеют спасти Родриго.

Колоньи прямо-таки напрашивался на убийство. Его поведение было донельзя предсказуемым: каждый раз он выходил из дворца в одно и то же время и шел одной и той же дорогой в один и тот же бордель.

Наконец отец Обилад уступил требованиям андорежцев. За два дня до предполагаемого досрочного перехода Родриго Колоньи на небеса он раздобыл четыре сотни золотых дукатов.

– Мы постараемся следовать твоему плану, – предупредил его Шагот, – но в случае чего будем думать своей головой.

– Просто сделайте свою работу, – нахмурился священник.

Свавар и Шагот явились на площадь Мадур за несколько часов до назначенного времени, прихватив все свои трофеи и обереги. Даже Свавара охватило воодушевление.

– Грим, вот удивятся эти недоумки, – повторял он, – вот они удивятся!

– Да, – усмехнулся Шагот. – А мы посмеемся над отцом Обиладом, над Палуданом, мать его, Бруглиони и его подстилкой Джервесом. Ну что, давай заныкаемся по-быстрому и подождем, пока не начнется представление.

Никто не обращал на них особого внимания, ведь в Брот отовсюду стекалось бесчисленное количество паломников, а

фонтан Басбан всегда привлекал иноземцев. Его построили чуть ли не раньше Древней Империи.

Родриго Колоньи прошествовал через площадь в сопровождении телохранителей. Направлялся он в бордель. Шагот и Свавар почувствовали себя еще увереннее.

– На площади спать нельзя, уважаемые, – окликнул их городской стражник.

– Не волнуйся, – отозвался Шагот на вполне сносном фиральдийском, – нам есть где переночевать. Мы служим Палудану Бруглиони.

Стурлангер усмехнулся. Эти слова стражник потом еще припомнит.

Свавар тоже тихонько захихикал, вовсю наслаждаясь происходящим. Пожалуй, впервые со дня освобождения из Небесной Крепости он радовался, что жив (отчасти потому, что надеялся сегодня вечером натянуть нос самим богам).

– Послушай-ка, – заявил Шагот, – надо убраться с глаз долой. Скоро здесь появятся люди Бруглиони.

Они притаились в темном закоулке между двумя домами.

– Думаешь, Бруглиони все равно сделают свою работу, даже если мы палец о палец не ударим? – спросил Свавар.

Здесь явно замышлялось предательство. Шагот видел это в своих снах, как видел и многое другое, о чем пока еще не рассказывал. Слова брата натолкнули его на одну мысль.

– Хорошо соображаешь, братишка. Не знаю, что они станут делать. Давай подождем и посмотрим? Родриго можно пристукнуть и потом.

Время ожидания то замедлялось, то ускорялось. Так часто бывает. Когда Свавар вдруг начинал хихикать, не в силах сдерживать смех, оно летело стремглав, но когда он мрачнел, думая о печальной участи, которая может ожидать их в случае неудачи, ползло как черепаха.

– Тихо, – прошептал Свавар, – вот и наши друзья.

В серебристом свете луны братья увидели, как на площадь крадучись вышли шестеро фиральдийцев. Они быстро прошагали в дюжине ярдов от их укрытия и притаились в темноте.

– Кого-нибудь узнал? – прошептал Шагот.

– Не самая лучшая ночь для клана Бруглиони. Я заметил Гилдо и Акато Бруглиони. Еще вроде Сальди Серену.

То есть в число приговоренных попали двое сыновей и племянник Палудана Бруглиони.

В середине площади плевало, мочилось и прочими другими способами извергало воду зверье на фонтане Басбан. Шагот изо всех сил пытался не заснуть под его убаюкивающий плеск.

Луна переместилась, и теперь ее свет уже не мог выдать Шагота или Свавара, решись они покинуть свое укрытие.

– Жди здесь, – прошептал Шагот. – Попробую что-нибудь подслушать.

Прихватив с собой голову из Колдовских холмов, он осторожно пробрался поближе к тупичку, где затаились Бруглиони, и залег в засаде прямо у них под носом.

А меж тем в тупичке разгорелся ожесточенный спор. Кто-то спрашивал, куда же подевались эти тупоголовые чужеземцы. Другой велел ему заткнуться. Дескать, время еще не пришло. Надо подождать еще четверть часа, и тогда уже начинать волноваться.

– Будь у меня четыре сотни дукатов, только бы меня здесь и видели, – заявил один из младших Бруглиони. – Мне бы этих денежек надолго хватило.

– Да твои шлюхи за неделю обобрали бы тебя как липку.

Шагот в случае необходимости становился терпеливее булыжника. Он замер и весь обратился в слух. Текли минуты. Юнцы горячились все сильнее.

Их подставные убийцы уже должны были явиться. Но их нет. Неужели Палудан выбросил четыре сотни дукатов на ветер?

Близился условленный час, когда Шагот и Свавар должны были появиться возле фонтана – парочка безобидных пьяных иноземцев, не вызывающих подозрений. К тому же тупых, как все эти иноземцы, которые правую руку от левой не отличат.

Шагот прокрался назад, к брату. Вот-вот появится Родриго.

Но Колоньи вел себя довольно странно – он опаздывал.

Послышалось пьяное пение.

Родриго с телохранителями. И несколько забулдыг, прицепившихся к ним в борделе.

Что-то новенькое. Такого Свавaро за Родриго еще не замечал.

– Грим, думаю, нам не стоит сейчас соваться. Не нравится мне все это.

Собутыльники Родриго явно решили подольше задержаться на площади Мадур. Они остановились возле фонтана и обступили своего нового друга. Телохранители стали упрашивать хозяина уйти.

– Я этого святошу так отделаю, – прошептал Шагот, – что света божьего невзвидит.

– Что-то затевается, – тронул его за локоть брат.

Трое из клана Бруглиони, поддавшись глупому романтическому порыву, ринулись на площадь.

Как и предвидел Шагот, новые дружки Колоньи оказались трезвее трезвого. Но они успели слегка расслабиться, потому что

никакого нападения у фонтана, как было уговорено, не последовало. А вот телохранители Родриго, как раз наоборот, были постоянно начеку в ожидании маневров мнимых пьянчуг.

Когда Бруглиони выскочили из засады, телохранители мигом выхватили кинжалы и вонзили их в спины притворщиков.

Завязалась схватка. Сверкнули клинки. Несколько человек упало, среди них один телохранитель.

Неожиданно с дальнего края площади выбежало еще с полдюжины вооруженных людей. Послышался громкий лязг оружия.

Гилдо и Акато считали себя превосходными дуэлянтами. Такая самоуверенность поддерживалась соответствующей репутацией.

Однако сейчас она была посрамлена.

– А еще называют себя профессионалами! – возмутился Шагот.

Невесть откуда взявшиеся молодчики управлялись с мечами просто великолепно, хотя и им тоже не удалось избежать потерь.

Кровавая схватка разворачивалась настолько стремительно, что у Бруглиони и телохранителей Родриго не было ни малейшей возможности убежать.

Шагот удовлетворенно кивнул, глядя, как победители, прихватив своих раненых и Родриго Колоньи в качестве трофея, уходят с площади. Лжесобутыльники тоже были среди раненых, но раны их оказались настолько серьезными, что без помощи лекарей они вряд ли протянут долго.

– Четверо ранены серьезно, двое – не очень. Как только скроются из виду, отправляйся следом. Нужно выяснить, кто они и куда направляются.

Свавар мрачно кивнул. Сейчас ему не особенно хотелось ввязываться в драку. Наверное, именно поэтому Грим и поручил ему преследование, а сам остался на площади.

Свавар знал, что брат отыщет его. Грим всегда знал, где он.

Бруглиони как раз пытались собраться с силами, чтобы доковылять до родового гнезда, когда на площади появился Шагот. Никого пока еще не убили, но ни Бруглиони, ни телохранители Колоньи сражаться уже не могли. Шагот с ходу, чтобы привлечь к себе внимание, перерезал пару глоток. В том числе глотку Акато Бруглиони, который почти не пострадал в давешней схватке. Опыт превосходного дуэлянта мальчишке не помог.

– Я хочу знать, что здесь произошло, – потребовал Шагот, для убедительности помахивая мечом.

Когда Сальди Серена попробовал было бежать, стурлангер безжалостно прикончил и его.

Все оказалось именно так, как предполагал Шагот: его со Свааваром подставили – хотели свалить на них убийство Родриго.

– И что же вам помешало?

– Вот это и есть самое непонятное, – признался Гилдо Бруглиони. – Патриаршие псы из Братства Войны. Зачем им похищать Родриго Колоньи? Он же на их стороне.

– Неужели? – Шагот предоставил голосам в своей голове возможность обдумать ситуацию.

Значит, эти головорезы из Братства точно знали, что должно случиться.

– Если хочешь жить, делай, как я скажу. Прикончи этих парней, а потом беги. И чем быстрее, тем лучше.

Скрепя сердце Гилдо Бруглиони подошел к раненым телохранителям Родриго, которые не могли ему воспротивиться.

Когда все было кончено, он повернулся и обнаружил, что Шагот тем временем убил его собственных раненых товарищей. Юнец разинул рот, но оттуда не вырвалось ни звука.

Андорежец одним ударом снес ему голову, а потом пустился на поиски брата. Сколько пройдет времени, прежде чем прохожие начнут грабить трупы, думал он. Может, стоило самому этим заняться?

Интересно, большая поднимется шумиха после злодеяний этой ночки? Видно, не маленькая, особенно когда всплывут все улики.

Шагот ухмыльнулся. Вот потеха.

Похитители Родриго Колоньи двигались в сторону реки Терагай, к замку Кастелла-доллас-Понтеллас. Понятное дело, раз они из Братства Войны.

Шагот решил пока не догонять брата. Как хороший охотник, он опередит будущую добычу.

Двигались они медленно и старались не привлекать к себе внимания.

О Братстве Войны стурлангер знал не много. Слышал, что входят в него вроде как воины-священники, хотя это, скорее, напоминало неудачную шутку, особенно если вспомнить чалдарянских хлюпиков от церкви.

Он напал на них из засады, пропустив того, что шел первым и не заметил неестественно густую тень, в которой притаился андорежец. Шагот и сам не обратил на нее особого внимания: тень и тень – главное, что пригодилась.

Грим теперь вообще не замечал многого, что творилось вокруг него.

Он набросился на врагов, зажав в одной руке древний бронзовый меч, а в другой – голову демона. Ему казалось, что перед ним недотепы вроде Силви Обилада. Той ночью Шагот прекрасно видел в темноте. Весьма полезный навык.

Первых четырех похитителей, раненых и застигнутых врасплох, он уложил без труда. Но потом вернулся тот, который шел впереди, и Шагот узнал настоящую правду о Братстве Войны.

С такими противниками ему не приходилось сталкиваться с тех самых пор, когда они с Эрифом оттачивали свое мастерство друг на друге. Теперь Шагота кое-как спасало лишь ночное зрение.

Стурлангер только успевал уворачиваться, попутно ухитряясь наносить ответные удары. Заметив, что Родриго Колоньи пытается улизнуть, Шагот с размаху полоснул старика по бедру.

В конце концов троим самым искусным воинам все же удалось прижать его к стене. Один наседал посредине, другой – справа, и еще один, хоть и раненый, но тоже весьма умелый, атаковал слева, пытаясь прорваться через заслон, создаваемый головой демона. Все трое были опытными солдатами, и, если бы не младший брат, который как раз подкрадывался сзади, быть бы ему сегодня в руках у Похитительниц Павших.

Но даже вдвоем им пришлось нелегко. Шаготу нанесли несколько ран, и одна из них точно превратила бы его в калеку, если бы не помощь богов.

Свавару Старейшие послали меньше помощи, и ему досталось сильнее: рубленые раны на обеих руках и колотые на животе и груди, серьезные, но не смертельные, если быстро за них взяться.

Шагот наспех перевязал брата, убедился, что монахи мертвы, сгреб тела в кучу, подальше от глаз случайных ночных прохожих, а потом уселся плечом к плечу со Свавaром, чтобы благословение Небесной Крепости перешло и на Асгриммура.

Шагот Выродок был мерзейшим из людей, но младшего брата он по-настоящему любил.

Вскоре его начало клонить ко сну. Но спать сейчас нельзя: слишком много осталось дел.

– Братишка, сможешь сам дойти до дома?

Свавар что-то проворчал. Да, он сможет. Ради Шагота, благодаря Шаготу. Но только это, ни на что большее он не способен, как ни проси.

– Хорошо. Тогда вставай и иди.

– Мы перетащили наши пожитки в тайное место, – пробормотал Свавар.

– Точно! Я постоянно сплю, и голова моя не работает как

надо. Иди туда и спрячься. А я закончу со всем этим.

– Грим…

– Иди. Сможешь прихватить с собой эту штуку?

– Что ты собираешься делать?

– Побеседую по душам с тем засранцем-священником. И получу наши деньги. Бери это и иди.

Шагот обнял брата на прощание, и тот поковылял прочь по незнакомым темным улицам к убежищу, в котором бывал до этого лишь единожды, унося с собой тридцатифунтовую голову и безмерно тяжелую боль.

Теперь из магических предметов у Шагота остался только бронзовый меч. Он резал человеческую плоть, словно нож масло, и с первым важным делом стурлангер справился минуты за три, а потом принялся методично избавлять мертвецов от отягощающей их наличности.

Братьев нельзя было назвать богачами, но монет они с собой таскали превеликое множество, и все разные. Бóльшую часть из них Шагот никогда прежде не видел.

Не важно. Купцы-то их точно знают. И взвесят, ведь торгаши никому не доверяют, особенно людям известным и именитым.

Покончив с грабежом, андорежец взвалил на плечо мешок с головами и направился в сторону площади Мадур.

Мешок он наспех смастерил из рубахи самого рослого монаха.

Раны нестерпимо ныли. И еще Шагот очень беспокоился о брате и надеялся, что богам хватит ума сохранить Асгриммуру жизнь. Ведь без помощи Асгриммура все его старания обречены на неудачу.

Он вернулся на площадь. Недавняя резня уже привлекла внимание стражи, тела убрали, и теперь вокруг фонтана с фонарями и факелами в руках рыскали добропорядочные горожане в поисках наживы, сокрушаясь о том, что в старые добрые времена в Броте не случалось подобных безобразий и было кому присмотреть за порядком.

Такова уж человеческая природа.

Шагот отправился во дворец Бруглиони. Быть может, он успеет до того, как там узнают новости.

Для торговцев были открыты ворота, и никто их не охранял. Шагот быстро пересек пустынный дворик и прокрался к каморке отца Обилада. На стук открыли сразу же. В комнате ждали сам Обилад и еще какой-то мужчина.

– Разрази вас гром, почему вы так… – начал было

незнакомец, но осекся, увидев, что Шагот пришел один. И что это Шагот. Так и застыл с открытым ртом. Отец Обилад тоже в изумлении таращил глаза.

Незнакомец быстро положил руку на рукоять своей рапиры, но тут же замер, увидев, как андорежец предостерегающе покачал головой.

– Старик, ты должен мне денег, – сказал стурлангер, доставая из мешка голову Родриго Колоньи.

– Пресвятой Аарон! Милосердный Келам! – Священник сделал рукой знак, каким обычно защищаются от сглаза и отгоняют Орудия Ночи. – Неужели же нужно было?..

– Ты поверил бы мне на слово? Мы как-никак в Броте. Спокойно, приятель, – предупредил Шагот второго мужчину, бледного как смерть, который начал пятиться к двери. – Не шевелись. Сегодня я в плохом настроении.

Он вытряхнул на пол содержимое мешка.

Святой отец и его спутник выругались, а потом в ужасе переглянулись.

– Это же Стротер Арно! – прошептал мужчина с мечом. – И Юнгер Триллинг! Самые высокопоставленные братья в Кастелле. Поверить не могу! Ты убил восьмерых братьев?

В мешке лежало восемь голов.

– Мне помог братишка.

– Восемь самых опытных воинов Братства – и вы двое. Что я натворил!..

Шагот решил, что перед ним сам Палудан Бруглиони.

– Нам пришлось их убить. Они пытались скрыться с Родриго.

– Что вы наделали! – проскулил едва слышно священник.

– С тех самых пор, как я сюда зашел, вы задаете себе один вопрос, – усмехнулся Шагот. – Ответ вам вряд ли понравится. Давайте устроимся поудобнее и подождем. Ты, как тебя? Дай-ка сюда свою зубочистку, ты же не станешь делать глупости? А то придется тебя прибить. Ты тут начальник? Главный Бруглиони? Не хочешь говорить? Ну и ладно. Садись вместе с этой старой вонючей бабой вон под тем фиговым деревом, чтоб я вас видел.

Шагот вытащил из ножен древний меч, который, казалось, излучал волны тьмы, и сразу же почувствовал прилив сил. Пока меч обнажен, он не заснет, не почувствует боли. Этим клинком стурлангер готов был поразить само время.

Предполагаемый Палудан зыркнул на старый меч с презрением, а вот у отца Обилада просто глаза вылезли на лоб. Он всхлипнул, а потом, заикаясь, принялся нараспев молить своего бога о защите от злокозненных Орудий Ночи.

Ждать новостей с площади Мадур пришлось долго – дольше,

чем надеялся Шагот. Близился рассвет. Коварный сон подкрадывался все ближе, пытаясь одолеть волшебство древнего меча.

Неизвестно, чем бы закончилось противоборство стурлангера с дремотой, но тут во двор вбежал тощий коротышка с растрепанными волосами.

– Вот ты где, Палудан! – задыхаясь прокричал он. – Страшные вести! Страшные вести! Акато, Гилдо, Фалуда, Пигнус и остальные… Они мертвы! Все до единого! Их убили на площади Мадур! Вместе с телохранителями Родриго Колоньи.

Гонец был так перевозбужден, что продолжал кричать, пока наконец не поперхнулся, заметив Шагота и отрубленные головы.

– Силы небесные! – воскликнул он.

– Именно, – кивнул Шагот. Он чувствовал себя богом. Как все-таки заурядны эти южане. – Давай-ка – встань рядом с остальными.

– Милосердный Келам! – выдохнул коротышка, присмотревшись. – Это же Стротер Арно! Секретарь особого ведомства. Палудан, что здесь происходит?

Шагот догадался, что перед ним знаменитый умник Джервес Салюда, ходивший в дружках у Палудана Бруглиони с тех самых далеких времен, когда будущий глава клана сбегал по ночам из дворца и совершал налеты в компании банды сирот и оборванцев. Скорее всего, сплошные выдумки, но, может быть, этого Джервеса не зря считают умником.

– Держи руки так, чтоб я их видел, – велел Шагот. – А то голова твоя прибавится к этим восьми.

– Он одержим, – запричитал отец Обилад. – Не перечьте ему. Его невозможно победить. Этот древний меч… Его ковали еще в те дни, когда Тирания Ночи властвовала на земле безраздельно.

– Благодарю, – кивнул стурлангер. – Старый нытик говорит правду. И я к этой правде еще добавлю: те, кого вы послали убить меня и брата, облажались. Вместо нас они уложили телохранителей Родриго Колоньи. Потом появились эти восьмеро, поубивали всех, а старика Колоньи забрали с собой. Мы с братом отправились в погоню, помня о нашем уговоре с Бруглиони. Они сопротивлялись, пришлось поотрубать им головы. Думаю, мы заслужили небольшое поощрение сверх условленной суммы, ведь мы за вас отомстили.

Шагот носком сапога подтолкнул одну из голов к Палудану, но она перекатилась поближе к Джервесу Салюде.

– Что вы наделали? – простонал Палудан едва слышным голосом.

– Какой демон завладел твоей душой? – спросил отец

Обилад. – Что за древний ужас ты вызвал сюда, в самое сердце церковных владений?

– Ты должен мне две сотни золотых дукатов, – оборвал его Шагот. – И еще награду за свершенную нами месть.

– Обилад, – велел Палудан Бриглиони, покоряясь воле Ночи, – принеси ему деньги. И чтобы без всяких глупостей, понял меня?

– Да, господин, – поклонился ему священник.

Шагот тоже понял.

– Превосходно! – воскликнул он. – Да, и поспеши, потому что, если я сейчас же не увижу денег, они умрут. Ну и без глупостей, разумеется.

Обилад засеменил прочь, а стурлангер пнул еще одну голову.

– Эти ваши братья, – сказал он, – совершенно точно знали о том, что должно было свершиться на площади Мадур. Откуда?

– Что вы наделали! – снова застонал Палудан.

«А я и вправду потряс Брот до самого основания», – подумал Шагот.

Никогда еще в жизни не чувствовал он такой власти над другими людьми, даже во время стурлангерских походов на берега Острова Восьмерых, когда столькие безвинно страдали по его милости.

– Я просто зарабатываю себе на жизнь, – сказал он. – И не желаю пасть жертвой местных интриг.

Вернулся отец Обилад с мешком денег, в котором было больше трех сотен золотых дукатов, украшенных профилями мертвых патриархов. На всякий случай Шагот проверил несколько монет.

– Хорошо. Надеюсь, господа, свой урок вы усвоили и впредь будете вести себя честнее. Иди-ка сюда, отец. – Он поманил старого священника пальцем, а потом прошептал ему прямо в ухо: – Эти ребята знают, что там случилось на самом деле, падре. Так что задирай юбки повыше – и наутек. – Он повернулся к остальным. – Всем спасибо. И давайте в следующий раз без всех этих ваших козней, идет?

Шагот успел покинуть резиденцию Бруглиони до того, как его одолел сон.

Благодаря покровительству Ночи он сумел добраться до убежища, где прятался Асгриммур.

Там сон наконец сковал его, и спал Шагот так долго, что Свавар уже начал всерьез опасаться, а проснется ли брат вообще.

20

Каурен, Коннек

Зима в Коннеке выдалась тревожной для всех, кто пытался осмыслить события, уже окрещенные аргендцами резней у Черной горы. Сами аргендцы утверждали, что их собственной вины здесь нет вовсе.

В Коннек устремились сердобольные паломники, жаждущие защитить гонимых чалдарян от злобных еретиков, которые живьем ели младенцев и умерщвляли девственниц (или наоборот).

– Так вот что вы возомнили? – негодовал граф Реймон Гарит, услышав обвинительную речь отца Остина Ринпоче, мерзкого горбуна и посланца из Салпено. – Ничего более нелепого вам в голову не пришло? Могли бы сразу так и сказать: вы, мол, сношаетесь с козами. Глупец! Наверное, именно из-за упорства наших вероотступников и еретиков в Каурене на каждой улице можно найти действующую епископальную церковь. Да в Коннеке соборов больше, чем во всем вашем вонючем Аргенде. Но соборы-то коннекские, а значит, по-вашему, мы их выстроили, чтобы там сношаться с козами.

Герцог Тормонд попытался вразумить юного вельможу, но тщетно. После победы Гарита над бароном Альгресом к графу стали прислушиваться на советах.

– Что – лишились дара речи? А еще священник! Ответьте мне, священник! Назовите хоть одного служителя епископальной церкви, кто пострадал в Коннеке от рук ищущих свет.

– Епископ Антье, Серифс, – радостно отозвался Ринпоче.

Ответом ему было молчание.

Долгое молчание.

– Пресвятой Аарон и его осел, – сказал кто-то, – а глупец-то не шутит.

– А он не глупец, – презрительно усмехнулся Гарит. – Все гораздо серьезнее: он умалишенный.

Даже герцог Тормонд, прозванный Недотепой, воззрился на отца Ринпоче так, словно перед ним был буйно помешанный.

– Отец, неужели вы сами верите в то, что говорите? Серифс – настоящий вор, он всегда злоупотреблял своим саном и ни во что не ставил ничьи права. Клятвопреступник, содомит и растлитель. Список его прегрешений можно продолжать бесконечно. Если бы не заступничество Безупречного, его бы давным-давно повесили.

Сначала я еще собирался поддержать вашу миссию, но услышать такое! Мы все тут отлично знаем, какова была при жизни эта крыса – епископ Серифс.

– Сам принципат Бронт Донето, – отрезал Реймон, – а он родственник патриарха, столкнул эту сволочь со скалы, после того как им не удалось разграбить Антье.

Но отца Ринпоче невозможно было переубедить.

– Святой отец, я благочестивый прихожанин, – герцог поднялся с кресла, сцепив перед собой руки, – каждый день хожу в церковь и всегда исповедуюсь. Я отправил патриарху письмо и спросил его, чего еще он от нас ждет. Ответа я так и не получил, но нас по-прежнему обвиняют во всех смертных грехах те, кто надеется использовать имя господне, чтобы разграбить Коннек. Послушайте же, Ринпоче, услышьте нас. В этом зале собрались почти все хоть сколько-нибудь значимые жители Каурена. Я взываю к вам: найдите среди них хоть одного неверного.

«Призыв не самый мудрый», – подумал брат Свечка. Вот, например, он сам. А кроме него, и многие другие присутствующие тоже не верили в непогрешимость Безупречного V.

Но аргендский священник призыву не внял – он просто ничего не ответил.

Ринпоче вернулся в Салпено и передал, что Коннек закостенел в грехе, а лазутчики мейсалян, этих прислужников ворога, тайно распространили там свое влияние. Единственный выход в сложившейся ситуации – сделать то, к чему уже давно призывает патриарх: объявить священный поход против мейсальской ереси.

Власть предержащие с радостью выслушали отчет Ринпоче. Многие из них жаждали мести, другие – наживы, а правда мало кого интересовала. К тому же в Аргенде правил немощный король, который ни умереть толком не мог, ни исполнить монаршие обязанности (хотя и смерть его за неимением наследного принца ничего бы не решила).

Сложившееся положение подстегивало амбициозных герцогов, баронов и всевозможных законных и незаконных родственников.

И не только в Аргенде, но и в Сантерине. Особенно тех рыцарей, чьи владения располагались неподалеку от границ с Аргендом.

Что ни день случались все новые схватки и набеги – от южной границы Трамейна с Коннеком и до самых северных деревень на морском побережье в самых восточных пределах Аргони. Местное ополчение почти не сопротивлялось, ведь члены их семей жили

зачастую по обе стороны постоянно отодвигавшейся границы, а феодальные обязательства менялись каждый раз, когда заключался очередной брак, рождался очередной наследник или умирал очередной сеньор, не говоря уж об изменчивости военного времени.

Для местных жителей смена власти ровным счетом ничего не меняла. Некоторые крестьяне не понимали языка своих владык (причем как старых, так и новых).

У каждого хоть сколько-нибудь знатного аргендского семейства были родственники за морем, в одном из государств, основанных во время священных походов. На восток обычно посылали молодых рыцарей – закалиться в ожесточенных боях за Святые Земли.

Юные отпрыски знатных семей забирали с собой слуг, солдат и деньги.

А возвращались уже совсем не юными и нищими.

Памятуя обо всех этих сложностях, Аргенду ни в коем случае не следовало соглашаться с Безупречным, который молил о помощи и рвался покарать непокорных коннекских чалдарян и восставших против самого господа ищущих свет. Чистой воды безумие.

В любовницах у аргендского короля была некая Анна Менандская, прижившая от него двоих детей. Старшего мальчика звали Регард. В свои четырнадцать он обладал здоровым телом и умом и вполне царственной внешностью. В обычных обстоятельствах никому бы и в голову не пришло прочить его на место отца, ведь аргендская знать истово пеклась о чистоте крови. Но нынешние обстоятельства обычными трудно было назвать. Заядлые интриганы собирались в обход закона признать его права на трон.

Анна облагодетельствовала своей благосклонностью не только короля, но и некоторых других избранных, таким образом создав вокруг себя доверенный круг. Сам монарх готов был уступить ее назойливым просьбам и признать Регарда наследным принцем, но существовали и другие кандидаты, которых поддерживали иные могущественные фракции.

Анна Менандская была настоящей интриганкой и шлюхой в придачу и спала с кем попало не только ради политики, но и из похоти. При этом она искренне верила в постулаты чалдарянской церкви и непогрешимость патриарха. Если Безупречному нужны войска, чтобы покарать коннекских вероотступников, быть посему.

Благодаря своему влиянию Анна добилась того, что восемьдесят аргендских рыцарей со своими приближенными

выступили в священный поход. Но маленькая армия так и не добралась до Коннека: они вернулись, так и не встретив по дороге ни одного еретика. Жизни трех дюжин солдат унесли болезни и несчастные случаи.

Брат Свечка странствовал по Коннеку и ободрял ищущих свет, которые предчувствовали надвигавшуюся бурю. В каждом городе монах встречался с местной знатью. Надо убедить их, что обязанность сеньора – защитить всех своих вассалов от иноземного захватчика. Снова и снова брат напоминал им слова менестрелей и поэтов, которые называли Коннек мирным краем. Жители здешних земель умели жить в гармонии с окружающими и гордились этим умением.

Это было время, когда перед лицом нависающей угрозы задавался нравственный тон и звучали самые нелепые оправдания.

Безупречный V выпускал одну гневную буллу за другой, порицая все мейсальское, а заодно и все традиционно коннекское. Он, очевидно, решил окончательно отвратить от себя свою паству.

Жители Коннека начали активно поддерживать Непорочного II, которому хватило пороху выпустить несколько собственных булл. Пробротских священников и раньше недолюбливали, а теперь стали ненавидеть вполне открыто.

Сонный Коннек просыпался. И встать явно намеревался не с той ноги.

Брат Свечка опасался, что недальновидность и жадность Безупречного вызовут настоящий ураган. Ему не нравился охвативший Коннек воинственный национализм, который креп с каждым днем, питаясь страхом – страхом перед большой и свирепой армией, грозившей вот-вот вторгнуться в страну.

Повсюду монах видел, как укрепляют крепостные стены и готовят к осаде за́мки, как ветераны, закаленные в боях за Святые Земли, муштруют ополченцев. И повсюду слышал о посланниках Тормонда, которые опережали его буквально на день и просили людей не готовиться к войне, ведь Брот и Аргенд могли счесть такие приготовления вызовом.

Подобные доводы удивляли даже миролюбивого Свечку.

Но за пределами Каурена герцога никто не желал слушать. Все рьяно готовились к нападению, словно десятки тысяч аргендских людоедов должны были появиться на границе уже с первыми весенними почками.

Весна сменилась летом, а захватчики все не спешили. Герцог Тормонд предложил отправить посольство в Брот, чтобы

договориться наконец о чем-нибудь с Безупречным. Брат Свечка отсутствовал в Каурене и не участвовал в разгоревшихся дебатах – в это время он отмечал мейсальский праздник в окружении единоверцев в Кастрересоне. Даже сторонники Безупречного не хотели посылать гонцов в Брот. Мате Ришено, новый епископ Антье и уроженец Аргенда, тоже предлагал не торопить события. Ведь любое такое посольство Безупречный воспримет как признание собственной власти.

Советникам Тормонда удалось на время отговорить его, но они так и не убедили герцога, что ему не удастся ни о чем договориться с Безупречным. Ведь патриарх непогрешим – зачем ему вообще вести переговоры?

Тормонд ненавидел определенность и никогда прочно не занимал ни одну позицию. Этот подход, которого придерживались все последние герцоги, оправдывал себя вот уже более века.

Ни весной, ни летом никто так и не напал на Коннек. Жители меньше времени стали посвящать приготовлениям к войне, а чуть подальше от северной границы о них вообще и думать почти забыли.

Летом герцог уступил и решил ничего не предпринимать. Только лишь отправил посольство в Салпено, пытаясь примириться с Аргендом, но безуспешно. Пришла осень, и тут Тормонд снова позабыл о благоразумии. Он рвался начать переговоры с Безупречным.

И в этот раз никто не смог его отговорить.

Брат Свечка вернулся в Каурен за несколько дней до того, как повсюду разнеслись мрачные вести. Остановился монах в доме добропорядочного мейсальского кожевника Раульта Арчимбо. Раульт опасался, что решение герцога столкнет Коннек в пропасть.

Обычно ищущие свет собирались по вечерам перед ужином и обсуждали разные дела. Эти же посиделки затянулись далеко за полночь. К Арчимбо пришло много разного народа: хотели послушать, что скажет совершенный. Все знали, как бротские священники обращаются с дэвами и дейншокинами, и опасались за собственное будущее. Безупречный, по всей видимости, решил перейти от слов к делу и всерьез заняться истреблением еретиков.

– Раульт, мы с тобой уже беседовали об этом, – сказал брат Свечка. – Но объясни, пожалуйста, свою точку зрения, чтобы гости тоже поняли ход твоей мысли.

Оказавшись в центре всеобщего внимания, Раульт Арчимбо

смутился.

– Отправив посольство в Брот, – запинаясь, объяснил он, – Тормонд ослабит Коннек.

– Продолжай, – ободрил его монах. – Каким образом?

– Ну, Тормонд будто этим самым признает, что патриарх имеет право вмешиваться в наши дела. Плохое начало. К тому же в каком свете это выставит патриарха в Вискесменте? А ведь он-то как раз законный патриарх, так ведь?

– Выставить этого человека в невыгодном свете – не слишком сложная задача, – вздохнул Свечка. – Пусть поднимут руки те из вас, кому известно, кто такой антипатриарх? Вот видите, братья и сестры, это Непорочный Второй. А узнали вы о нем, скорее всего, потому, что его пытались убить прошлой весной.

– Он просто жалок, – вздохнул Раульт.

– Да. И этот человек должен быть нашим патриархом – патриархом, который говорит от лица всех чалдарян – арианистов, антастов, епископальных и восточных чалдарян, шейкеров и мейсалян. – (Большинство мейсалян считало себя добропорядочными чалдарянами в антастском духе.) – Патриархом, который должен не дать пяти кланам Брота доить церковь словно дойную корову.

– Не понимаю, – вмешалась мадам Арчимбо (ищущие свет считали женщин равными мужчинам, им дозволялось свободно говорить), – почему герцог идет наперекор своим советникам. Получается какая-то бессмыслица. Почему они всё ему не объяснили?

– Объяснили, – кивнул брат Свечка. – Много раз. Как-то я был при том: Тормонд выслушал все и сказал, что понял. Но те из вас, кто растил собственных детей, знают: нельзя объяснить человеку то, что он не желает понимать.

– Может, он просто сошел с ума? – спросил пекарь по имени Скарре.

– Наверное, это все происки Ночи, – тоненьким голоском предположил кто-то.

– Или бог, которому поклоняется Безупречный, помутил его рассудок, – предположил Раульт. – Может, епископальный бог о нас того же мнения, что и Безупречный.

Это была шутка, но восприняли ее довольно серьезно.

– Мне нужно встретиться с епископом Лекро и узнать его мнение, – сказал Свечка.

– Невероятно, – прошептал кто-то.

– Вмешаются ли приближенные Тормонда? – спросила мадам Арчимбо. – Брат, вы говорили, при дворе у герцога нет приспешников Брота.

– Если и есть, то не много. Но люди герцога верны ему и помнят о чести. Если они поймут, что переубеждать его бесполезно, то выполнят приказ.

– А что сделает граф Реймон? – спросил кто-то.

– Важный вопрос. Но на него может ответить лишь сам граф. Своего отвращения он не скрывает.

– Реймон молод, – заметила жена кожевника. – А молодые бросаются в омут с головой.

Принципы мейсальской веры близки были в основном тем, кто распрощался с переменчивой молодостью.

Хозяйская дочка Кедла подала брату Свечке кубок с вином. Девушка очень волновалась и радовалась, что ей разрешили присутствовать на важной встрече, но в присутствии совершенного не решалась и рта раскрыть, хотя ей стукнуло тринадцать и она уже считалась женщиной.

Ищущие свет называли себя истинными чалдарянами и учение свое возводили от учения Аарона, Эйса, Лалиты и других отцов-основателей (до того, как их слова извратили последователи вроде Иосифа Алегианта и его приспешников). Бог арианистов и пришедших им на смену епископальных чалдарян, как считали мейсаляне, на самом деле ворог, которого и обличали отцы-основатели.

Ворог скрывался среди Орудий Ночи и сеял бесчисленную ложь. Распутать клубок сплетенной им лжи не мог никто, потому что на смену одной неправде тут же являлась другая.

Брат Свечка чуть спокойнее откинулся в кресле. Разговор постепенно перешел к теме реинкарнации – это понятие хоть и пришло с востока, но успело просочиться в мейсальскую веру.

Собравшихся в доме кожевника мейсалян интересовали нравственные аспекты реинкарнации. Кто-то думал, что перерождение помогает тем, кто грешил при жизни, и с его помощью можно исправиться.

Брат Свечка и сам еще не решил, что думает по этому поводу, но идея казалась ему отрадной. Хорошо получить второй шанс и возможность все исправить. Так и вращается великое колесо жизни.

Мадам Скарре спросила, должны ли ищущие свет давать отпор, если на них нападают?

– Конечно. Это один из способов противостоять злу. Если мы не дадим отпор, то этим будем потворствовать злу.

Все, кто сидел в доме Арчимбо, затаили дыхание: вот сейчас великий мейсалянский мыслитель изречет истину.

– И это всё, – разочаровал их монах. – Такова правда. Что именно делать – всегда неясно. Нет на свете абсолютно

правильного, но зато есть абсолютно неправильное, а его трудно узнать. Оно предстает перед нами в огромном количестве разных форм.

– Что это значит, брат? – спросил пекарь.

– Мы рабы здравого смысла, – начал нараспев Свечка. – Здравый смысл победит любые доводы наших врагов. Правота утечет сквозь их пальцы, подобно воде. И останутся только эмоции. Наша слабость в том, что мы не видим правоты, когда нас направляют эмоции и мечты. И становимся такими же жертвами Орудий Ночи, как и те, кого порицаем за неразумность.

Монах боялся, что ему не удалось выразить мысль так, чтобы все ее поняли. Даже ему не под силу было понять истинную природу взаимоотношений между человеком и Орудиями Ночи.

Каждая вера создавала свои собственные моральные принципы и неустанно остерегала последователей, вкладывая в уста богов призывы к добродетели. Но Свечка еще ни разу не видел ни одного подтверждения тому, что Орудия Ночи сами исповедуют хоть какую-то мораль, проповедуют зло или добро. Подобно земле, ветру, воде и огню, они просто были. И подобно самой жизни, желали.

Добро и зло придумали люди, и люди же насаждали эти понятия своими верованиями или же силой и волшебством.

«Трудно быть духовным наставником, – думал брат Свечка. – В мире так мало абсолютных истин, которые могли бы послужить маяком».

– Если мы, ищущие свет, и исчезнем с великого полотна истории, – сказал он, – то не потому, что нас победят силой логики и убеждения, а потому, что нас сметут с лица земли оружием и ужасом.

Брат Свечка боялся того, какое будущее может вырасти из дурно пахнущего решения Тормонда вести переговоры с Безупречным V. Бротский патриарх совсем не походил на простодушного и желающего всем добра герцога.

Может быть, Гонарио Бенедокто – розыгрыш, устроенный Орудиями Ночи? Боги в некоторых религиях, судя по легендам, ради собственного развлечения были способны еще и не на такое.

21

Брот в преддверии войны

В Броте царил настоящий хаос. Поприветствовать принципата Донето не вышли ни патриарх, ни представители коллегии. Немногочисленные силы Безупречного отчаянно пытались сохранить порядок, но получалось у них не лучше, чем у трехногого кота в забитом мышами чулане.

Главы пяти кланов тыкали друг в друга пальцем и бросались обвинениями. Молодые дворяне под предлогом всеобщей суматохи вызывали друг друга на дуэль, а каждая гибель на поединке, в свою очередь, нагнетала и без того накаленную атмосферу. Семействам разрешалось по закону держать солдат не более, чем потребно для личной охраны, ведь раньше они любые противоречия разрешали исключительно оружием. Теперь же все пытались этот закон правдами и неправдами обойти.

Братство Войны имело зуб вообще на всех.

Слухи о творящемся в Броте бедламе каким-то невероятным образом мгновенно достигли кальзирских пиратов. Небольшой корсарский флот поднялся было по реке Терагай, но его остановили силами коллегии.

Бротская чернь тоже вдруг поняла, что слишком уж долго вела себя чересчур прилично, и теперь что ни день в городе происходили грабежи и вооруженные стычки, к счастью пока незначительные.

Действуя сообща, дэвы и дейншокины как-то умудрялись не поддаться всеобщему безумию, хотя все-таки разозлили епископальных прихвостней, хорошенько отделав явившихся к ним в квартал неудачливых мародеров.

Но до того, что сучилось в Сонсе, дело не дошло.

Когда Бронт Донето со своим отрядом прибыл в Брот, самые серьезные волнения уже улеглись. Да, нынешние горожане уже в подметки не годились предкам, которые умели веселиться не в пример лучше.

Стоял ясный прохладный день, недавние проливные дожди успели смыть с мостовых бóльшую часть отбросов, поэтому воздух был относительно свеж. И все равно вошедшие в город принципат и его телохранители чувствовали себя не в своей тарелке. Донето спешил поскорее скрыться с глаз, он не хотел, чтобы разнеслись слухи о его возвращении.

Хотя, конечно, все, кому действительно было до него дело, о

его освобождении уже знали.

Принципат отвел своим людям ровно столько времени, сколько нужно было, чтобы поесть и наскоро помыться с дороги, а потом вызвал всех в центральный зал своего особняка. Особняк этот, сложенный из старого потемневшего известняка, больше напоминал крепость и находился на расстоянии полета стрелы от цитадели Бенедокто. А вот она уже была крепостью в самом прямом смысле слова.

В Броте у каждого из пяти кланов была своя твердыня, хотя закон не разрешал им держать войско, необходимое для ее обороны. Замок Бенедокто превосходил размерами остальные.

Войдя в зал, Элс увидел, что сам принципат не тратил времени на отдых: он не снял походной одежды, не помылся и ел на ходу из деревянной миски, в которой лежали оливки, маринованный чеснок, лук и кусочки сыра и колбасы.

Видимо, остальные люди в зале (кроме него самого, Донето и Пинкуса Горта) были слугами принципата, которые остались в Броте, когда хозяин отправился спасать заблудший Коннек.

Они содержали дворец в порядке и чистоте, словно поджидая господина в любую минуту.

– Или кто-то предупредил их о его скором возвращении, – предположил Пинкус. – Например, тот парень, который привез выкуп. А мы меж тем лишились друга и приобрели себе начальника.

– Зачем же опять так цинично?

Возвращение Донето к себе прежнему началось еще до их отъезда из Племенцы.

– Осторожно, – предупредил Горт.

К ним подошел Донето.

– Хект, – сказал он, – нам несказанно везет. В этой неразберихе никто не знает толком, кто есть кто и что происходит. Сначала я собирался внедрить тебя в клан Арньена, чтобы ты следил, придерживаются ли они курса, избранного патриархом. Но это уже после того, как на голосовании в коллегии они выдали бы себя. А теперь Родриго Колоньи мертв, и Безупречному нужно нейтрализовать на один голос меньше, поэтому голос Арньена можно пока оставить про запас. Пусть по-прежнему притворяются, что выступают против нас. Мы найдем тебе применение получше. Ты, кстати говоря, на службе у клана Арньена уже несколько месяцев, а меня знать не знаешь.

– Пинкус, – спросил у товарища Элс, – кто этот прекрасный незнакомец?

Донето сначала сердито сверкнул глазами, но потом все же

расплылся в довольной улыбке.

– Но я вас все-таки знаю, – продолжал ша-луг. – И об этом известно всем, кто был в Коннеке. Особенно тем солдатам из войска Братства, которые сбежали в Брот. А еще не забудьте про тех – из Племенцы. Ганзель в любой момент может смешать наши планы. Помните, я же еще и в имперские шпионы записался.

– Наверное, ты прав, – нахмурился Донето. – Думаю, мы сделаем вот как: в семействе Бруглиони случилось большое несчастье, они весьма нуждаются в помощи опытного человека. Если Иниго Арньена посулит Палудану Бруглиони парочку своих лучших людей…

Элс с улыбкой кивнул, но потом закатил глаза:

– Очень уж хитроумная получается схема. Я буду о самом себе строчить отчеты и самому себе их посылать, а в них писать о том, как лучше повлиять на меня, чтобы я лучше следил за самим собой.

– Есть такая народная песня, – одними губами улыбнулся Донето, – о парне, который приходится самому себе и дядей, и шурином. Хект, нужно воспользоваться этой возможностью, пока все заняты другим. Пойдем, тебе нужно кое с кем познакомиться.

– Приказывайте, вы ж начальник, – неохотно откликнулся Элс.

Он-то надеялся влиться в жизнь Брота постепенно, без лишнего шума. Но если удастся внедриться в один из пяти кланов…

Бронт Донето отвел его в какой-то темный закуток. Там сидел старик в кресле-каталке и настороженно наблюдал за гостями принципата.

– Пайпер Хект, – представил Донето. – Это Сольни Саяг и его сын Рогоз – представители семейства Арньена. Возможно, вы с Рогозом раньше встречались. Он служил в северных краях.

– Не думаю. Вряд ли мы встречались, – отозвался Элс, протягивая руку и вглядываясь в лицо молодого человека, стоявшего за креслом. – Рогоз, вы меня раньше видели?

– Нет.

Мужчина говорил уверенно и скупо отвешивал слова. Рукопожатие у него было сильным. Судя по виду, неместный – смуглее и неказистее обычных фиральдийцев.

– Вы не из Брота? – спросил Элс.

– Мой отец родом из Обризока.

– Не знаю, где это.

– Небольшой городок в Кревельдии. Кревельдия славится своими лошадьми. Он стал изгнанником, но сейчас не время предаваться воспоминаниям. Соберите свои вещи.

Элс вздохнул. Хорошо, что он привык к кочевой жизни.

Племенца и сидение в тамошних застенках были, пожалуй, для него самым спокойным периодом за последние десять лет.

– Куда тебя послали? – поинтересовался Пинкус.

– Новая служба. Принципат желает, чтобы я приступил немедленно. – Тейдж пожал плечами. – Увидимся в Броте.

– Целоваться только тогда не лезь.

– Присмотри за Бо и Джо. Пусть Бо не шляется по борделям, если не хочет помереть от какой-нибудь дряни.

Элс боялся, что будет скучать по Пинкусу так же, как скучал по Костылю и остальным участникам того андесквелузского похода, который теперь казался ему лишь услышанной от кого-то давным-давно сказкой.

Они покинули особняк Донето через боковую дверь. Рогоз Саяг толкал кресло на колесах. Колени старшего Саяга укрывал плед, под которым вполне могло лежать оружие или что-нибудь в этом роде. Снаружи их поджидали двое вооруженных громил.

– В Броте небезопасно, – пояснил Сольни Саяг. – На улицах полно озверевших от голода людей.

Элс нес пожитки за плечами. Он уже привык таскать все свое добро на себе, словно какая-нибудь кочевая черепаха.

Ша-луг пытался вести непринужденный разговор и в то же время не показывать вида, что внимательно изучает улицы, по которым они шли, и собеседников. Отец и сын Саяги и их охрана с превеликим трудом создавали видимость беседы.

– Мне нужно хоть что-то знать о городе, – не выдержал в конце концов Элс. – Я ведь здесь никогда не был.

– Понимаю, – отозвался Рогоз. – Но ты не у нас будешь служить, так что и знать о нас тебе нечего.

Понятно, не хотят, чтобы он узнал что-нибудь, что сможет потом разболтать во дворце Бруглиони.

– С другой стороны, я вроде как несколько месяцев служил у Арньена. Не сочтут ли Бруглиони подозрительным то, что я вообще ничего о вас не знаю?

– Поговори с ним, Рогоз, – велел Сольни Саяг. – Это относится ко всем. Не отмалчивайтесь. Пускай разузнает кое-что перед уходом. А ты, человек Донето, не должен говорить никому о договоре принципата и Арньена.

– Разумеется.

Девять дней провел Элс во владениях Арньена, запоминая все то немногое, что ему соизволили рассказать о самом клане и о вечном городе. Ему даже поручили работу, хотя и не слишком

тяжелую. Несколько раз удалось выбраться в город.

Суть Брота трудно было уловить. Казалось, это не один город, а целых несколько. С одной стороны, тут царили почти местечковые нравы – все эти семейные склоки, мелкие дрязги, кланы. С другой – Брот казался невероятно многонациональным: тут кишмя кишели иноземцы всех мастей, Элс услышал на улице с дюжину незнакомых наречий, ведь сюда, в бывший центр цивилизованного мира, к остаткам былого величия, стекались люди со всех концов света.

Памятники прошлого лежали в руинах, которые местные жители растаскивали на кирпичи. В руинах обитали бедняки, беглецы и, как утверждали некоторые, тысячи воспоминаний об Орудиях Ночи. Все знали, что в Броте полно волшебников, есть и могущественные, не чета благообразным принципатам из коллегии.

Иноземцы съезжались сюда в надежде на улыбку фортуны. Многие в родных краях считались преступниками. А еще Брот привлекал множество паломников, тут существовала целая религиозная индустрия. Элс с удивлением узнал, что тысячи верующих являлись в город каждый месяц, чтобы только взглянуть на главные церковные строения и, если очень повезет, на мгновение увидеть патриарха.

За эти девять дней Элс принял участие в двух небольших вылазках вместе с Рогозом и другими наемниками. Сольни Саяг сказал, что это делается по приказу самого дона Иниго Арньена, главы клана. Ничего особенного: первый раз нужно было наказать проворовавшегося слугу, а во второй – отомстить за оскорбление, нанесенное одной из внучек Иниго уличными мальчишками, которым хватило дурости открыть рот на улице.

Благодаря этим вылазкам Элса заметили в компании арньенских головорезов.

– И это все, чем вы занимаетесь? – спросил он у Рогоза.

– Дон Иниго не любит мелкие дрязги. В отличие от остальных жителей Брота.

– Хм.

– Когда начинается большая неразбериха, куча народу прикрывает ею свои темные делишки. И от этого неразбериха только усугубляется. Дон же предпочитает делать все тихо и без огласки.

Элс влился в их ряды и продемонстрировал свое рвение. О прошлом он говорил уклончиво, но и Рогоз Саяг тоже не рвался рассказывать о себе. Вполне вероятно, он вовсе и не бывал в тех краях, где якобы обучился военному ремеслу, – в тех самых, где мог случайно повстречаться с вольнонаемником из Дуарнены,

маленького государства на восточном берегу Мелкого моря.

Мало кто из наемников рассказывал о своем прошлом, ведь дом они обычно покидали в юности из-за каких-то проступков, нажив себе кучу врагов.

В Броте царили беспорядки, да и ситуация за его пределами тоже не сулила патриарху ничего хорошего. С каждым днем появлялось все больше кальзирских пиратов, которых обуяла безумная жажда грабежа. Нападали они только на епископальные государства, а больше всего доставалось владениям церкви и клана Бенедокто. На побережье Аламеддина ни о каких корсарах слыхом не слыхивали, а ведь Аламеддин, входивший в Граальскую Империю, располагался как раз между Кальзиром и епископальными владениями. Налетчики не трогали города и селения, подвластные Граальскому императору или торговым республикам.

Даже тугодумы, которым обычно дела не было до дальних краев, стали поговаривать о заговоре. Конечно же, за всем этим стоит Йоханнес Черные Сапоги.

В Броте вообще любое событие списывали на заговоры: якобы все на самом деле совсем не то, чем кажется (или пытается казаться). И все беды, конечно же, происходили именно по причине зловещего заговора.

Элс подозревал, что заговор с кальзирскими пиратами устроила, скорее всего, не Граальская Империя, а Аль-Кварн.

Любым способом отвлечь Безупречного от походов в Святые Земли – вот позиция Дринджера. Любая задержка – будь то несколько недель, месяцев или даже лет – приближает тот благословенный день, когда он отправится на свои чалдарянские небеса. Тогда замученная коллегия, несомненно, выберет менее скандального, честолюбивого и агрессивного патриарха.

На девятый день Рогоз Саяг подошел к Элсу, когда тот натаскивал трех юнцов Арньена для поединков, обучая их военным премудростям.

– Помните: когда у двух соперников равные силы, выживает тот, кто выносливей. – Он намеренно использовал слово «выживает», а не «побеждает».

– Полезный урок, Хект, – кивнул Саяг.

– Молодые обычно думают, что смертен лишь противник. Хотя эти слушают.

– Хорошо объясняешь, – сказал Рогоз. – Вот и слушают.

– Смышленые ребята. Основная мысль, которую я пытаюсь до них донести: одна сторона в поединке всегда терпит поражение.

– Урок непростой. Тебя вызывает отец. Дон договорился о встрече с Палуданом Бруглиони.

– Скоро? – проворчал Элс.

– Думаю, сегодня вечером. Ты не рад?

– Я уже достаточно стар и знаю не только что одна сторона в поединке всегда терпит поражение, но и что на всякого искусного бойца обязательно находится противник еще более искусный. – С этими словами он отпустил учеников восвояси.

– Не уверен, что я все понял, но поверю тебе на слово.

– Присаживайся, Хект, – велел Сольни Саяг, Элс больше не находил эту западную манеру странной и охотно присел. – Я поговорил о тебе с Палуданом Бруглиони. Он сделает вид, что не нуждается в твоих услугах, но на самом деле такой человек нужен ему позарез. Для тебя это хорошая возможность. Притворись тем, кто ему нужен.

– Меня кое-что беспокоит, – начал Элс. – Во-первых, зачем такому большому семейству, как Бруглиони, привлекать человека со стороны? Да, они потеряли парочку сыновей, но это же не могло ослабить клан до такой степени, чтобы…

– Могло. Ты прав, клан Бруглиони не из маленьких, но каждый Бруглиони по возможности немедленно уезжает из Брота. С Палуданом весьма трудно ужиться, его снедает ненависть, хотя обычно он скрывает свои чувства. У его отца и брата тоже был мрачный нрав.

Этим можно воспользоваться.

– В прошлом столетии, – продолжал Саяг, – повинуясь моде, богатые семейства Брота старались не пачкать рук и сами не занимались войной и торговлей. Чем больше у семейства было наемников – тем выше статус. Бруглиони слишком увлеклись и пали жертвами этой самой моды. Один за другим во главе клана становились люди, совершенно ничего из себя не представлявшие, а теперь они и вовсе разучились делать что-нибудь сами.

– Понимаю, – отозвался Элс, хотя не понимал ничего.

– На площади Мадур погиб цвет клана Бруглиони. Теперь их хранит лишь репутация – та жестокость, которую им приписывают. Но акулы уже почуяли в воде кровь, стервятники слетаются на добычу. Наемники Палудана разбежались. Братство Войны таит злобу на Бруглиони, потому что уверено: именно они стоят за убийством братьев. Один из слуг заявил, что якобы видел в их особняке отрезанные головы рыцарей. А еще ходят слухи, будто Палудан собственноручно пытал, а потом прикончил отца Обилада. Силви Обилад был домашним священником, лично исповедовал Палудана, а еще шпионил за своими хозяевами. Он устроил ту засаду на площади, хотя и не подозревал, чем все это обернется.

– Понятно. Интрига как раз в духе Брота. А службу у Палудана Бруглиони трудно назвать приятной.

– Именно. Мы с доном Иниго предупреждали его, сказали, что с тобой он должен сдерживаться. Во-первых, ты ему нужен позарез. Во-вторых, мы скорее одалживаем тебя, но не отдаем насовсем в полное его распоряжение.

– Неужели?

Почему, интересно? Элс лишь однажды встречал Иниго Арньена. Сморщенный коротышка из тщеславия подкрашивал волосы, но зато ценил остроумие, даже если подшучивали над ним самим, и вел себя гораздо раскованнее Сольни Саяга.

Почему же он печется о безопасности едва знакомого наемника, которого собирается с какой-то своей целью внедрить в стан врага?

– Дон попросил меня за этим проследить.

– Не понимаю.

– Давным-давно, когда Палудан и Иниго еще были детьми, отец Палудана, Фрейдо Бруглиони, оскорбил дона Драко Арньена. Палудан не знает, что Иниго об этом известно. Сами Бруглиони считают это весьма остроумной шуткой. Я не знаю подробностей, но знаю, что дон Драко поклялся отомстить за оскорбление, а дон Иниго поклялся отцу, когда тот умирал, завершить дело. Прошлым летом у дона Иниго стало плохо с сердцем, он замыслил интригу, в результате которой Арньена проголосовали бы в коллегии и тем самым подвели Бруглиони в самый ответственный момент. Хотя на публике дон Иниго изображает преданного союзника Палудана.

– Кажется, я понял.

– Конечно, твоя ситуация с Бенедокто в некотором роде похожа на нашу.

– Не с Бенедокто – с Бронтом Донето.

– А Бронт Донето и патриарх, по мнению большинства, суть одно и то же. Не важно. Дон не так уж много от тебя просит.

– Ясно. Именно поэтому принципату Донето с такой легкостью удалось внедрить меня к Бруглиони?

– Да.

– Чего вы хотите?

– Нам нужны сведения, любые сведения, с помощью которых дон сможет нанести Бруглиони еще больший вред, причем на глазах у всех.

– Еще больший?

– Больший, чем на голосовании в коллегии. Лучше всего, если ты разузнаешь что-нибудь такое, отчего местные головорезы возжелают крови Бруглиони.

– Что за город! Разумеется. Принципат сказал, вы не собираетесь открывать карты в коллегии в ближайшее время. Пока не найдется замена Родриго Колоньи, голос Арньена не будет играть решающей роли.

– Патриарху придется действовать быстро, иначе все подумают, что именно он стоит за убийством.

– А я-то думал, что убийцей был светловолосый иноземный детина. Или кто-то из Бруглиони.

– Кто-то перебил целый отряд ветеранов Братства Войны, чтобы добраться до Родриго. Значит, этот кто-то, Хект, готов был заплатить весьма высокую цену. Какую и самому господу вряд ли бы пришло в голову платить.

– Здесь, похоже, все возможно, – пожал плечами Элс.

– Просто здесь все гораздо запутаннее и грандиознее, чем ты привык. Попав в Брот впервые, я тоже чувствовал себя потерянным. Но люди остаются людьми, хоть и делают это здесь гораздо усерднее. Итак, мы все обговорили. Готовься к переезду.

Вскоре слегка удивленный Элс уже входил через парадный вход в уродливый, сложенный из известняка громадный дворец Бруглиони.

– Хект, хочешь, чтобы я подождал здесь? – спросил Рогоз.

– И потратил время впустую? Я и сам знаю дорогу.

– Тогда будь осторожен. Некоторые Бруглиони – весьма мерзкие типы, – предупредил Саяг, не обращая ни малейшего внимания на присутствие караульного.

– К мерзким типам быстро привыкаешь.

Усмехнувшись, Рогоз поспешил прочь.

А Элс вслед за караульным вошел во дворец. Его отвели к нервному тщедушному коротышке с всклокоченными волосами.

– Меня зовут Поло. Мне велено помогать вам. Но вы должны всегда помнить: работаю я на Палудана Бруглиони. Сейчас вы с ним встретитесь.

Элс огляделся по сторонам. Если бы его попросили описать дворец Бруглиони одним словом, он сказал бы «запущенный». Это место явно никто даже не пытался поддерживать в надлежащем виде. Ощущение создавалось странное: будто из этого уголка Брота позабыли изгнать созданий Ночи.

– Дон – волшебник?

Поло удивленно пискнул.

– Нет?

– Если вы о Палудане, то нет. Но дело не в этом. Его никто не называет доном. Хотя ему бы очень хотелось.

– Неужели? Почему?

– Вы, что ли, не из Брота? – спросил Поло, боязливо оглядываясь по сторонам.

– Даже не из Фиральдии. А что?

– Доном называют тех, кого уважают. Кто этого заслуживает, за кем люди пойдут. Это должно идти отсюда. – Коротышка стукнул себя по груди. – Понимаете?

– Да.

У племен Пеквы и в Обители Правды существовала похожая традиция.

Если верить Поло, семья Палудана Бруглиони не считает его достойным зваться доном.

– Понимаю. Мне нужно как-то по-особенному вести себя при встрече?

– Нет. Никто все равно не обратит внимания. Вас же просто нанимают на работу, как любого другого, только вместо молотка или лопаты у вас меч.

Этот заморыш Поло явно точил на своих хозяев зуб.

То, что Элсу уже удалось выведать о Бруглиони, его не слишком впечатлило. Но все же он представлял себе ситуацию не так мрачно, как выходило со слов Поло.

Может быть, коротышка на самом деле провокатор?

Нельзя так жить – каждое мгновение подозревая решительно всех вокруг, но его миссия зиждилась на подозрительности. Без нее Элсу просто не выжить.

– Послушай, Поло. Вот ты говоришь, Палудан Бруглиони не волшебник. А кто тогда здесь занимается волшебством? Я чувствую тьму. Будто бы рядом Орудия Ночи.

– Вы не первый, кто заметил, господин. Может, потому, что Бруглиони так старательно отрицают все, связанное с темными силами. Пытаются закрыть глаза на само их существование. Дивино Бруглиони пришлось покинуть родной дом, когда он вступил на путь, ведущий в коллегию. Говорят, принципаты не покоряются воле Ночи.

Трудно во всем разобраться, когда ты твердо уверен лишь в одном: все вокруг врут.

– Нам пора к хозяину.

Элс сосредоточился и полностью перевоплотился в Пайпера Хекта, странника с далеких болотных окраин чалдарянского мира, опытного бойца, стремящегося попасть на службу к великому бротскому клану.

– Это была не моя идея, – объяснял Элс, стараясь казаться как можно более искренним. – Меня уговорил дон Иниго. Сказал, он вам должен, а ваш клан сильно пострадал. Он хочет помочь. А

еще сказал, у меня больше шансов преуспеть у Бруглиони, чем у Арньена.

Рогоз Саяг советовал польстить тщеславию Бруглиони.

– Похоже на правду, – пробормотал Палудан.

Глава клана Бруглиони был довольно привлекательным смуглым господином с пышными черными усами. Голова его с плотно прижатыми ушами уже начала лысеть. Взгляд казался безжизненным и ничего не выражал, но, быть может, все дело в том горе, которое он только что пережил. Лицо напоминало формой яйцо, опущенное острым концом вниз. Судя по виду, Палудану давно перевалило за пятьдесят.

Хотя на самом деле ему было сорок с лишним. Тусклый свет лампады скрывал нездоровый румянец, вызванный чрезмерным пристрастием к вину, и шрамы, оставшиеся после срамной болезни, подхваченной в одном из борделей Брота. Поговаривали, что Палудан весьма тщеславен и обычно за пределами особняка носит маску.

Теперь же, при скудном освещении, он казался просто красивым и вполне благополучным мужчиной слегка под хмельком. Но настроение могло быстро перемениться – Бруглиони часто приходил в скверное расположение духа безо всякой видимой причины.

– Значит, ты хочешь занять место моего племянника Сальди только из одолжения к Иниго Арньене?

– Дон много для меня сделал, принял, когда нигде больше меня не ждали. Но он не может платить достойное меня жалованье. Поэтому таким образом он одновременно делает одолжение и мне, и вам.

Палудан нахмурился. Неужели этот человек действительно так недалек?

Бруглиони оглянулся на свою свиту. Элсу их не представили. Один явно приходился главе клана дядей или кузеном, слишком уж велико было сходство. У второго, бледного мужчины с седеющей рыжей шевелюрой и вытянутым, напоминающим череп лицом со впалыми щеками, вид был еще более отрешенный, чем у самого Палудана.

Оба промолчали.

Второй, наверное, тот самый Джервес Салюда, друг детства Палудана и, если верить слухам, его правая рука.

– Я с удовольствием остался бы служить дону Иниго, – сказал Элс. – О таком хозяине можно только мечтать. Но я стремился к большему, покидая Таснет. В Дуарнене солдата ждет не слишком блестящее будущее: рано или поздно он погибает в Великих Болотах. Причем смерть будет медленной и мучительной, если

попадешься в руки шердам. Язычники открыто и охотно покоряются Орудиям Ночи даже при свете дня.

Палудан улыбнулся. Мужчина с похожим на череп лицом что-то прошептал ему на ухо.

– Ты в прошлом году вместе с армией Грейда Дрокера и Братства вошел в Коннек?

– Да. Я как раз направлялся в Брот, когда набрел на отряд братьев, вербующих наемников возле Ралли.

– Рядом с мраморными каменоломнями.

– Да. Командовал ими капитан Вельд Арнволкер. Еще раньше я встретил компанию сбежавших из дома мальчишек, которые мечтали стать солдатами. Совсем зеленые, одни приключения в голове. Братство обучало своих наемников и хорошо им платило. Я решил, что ребята вполне могут познакомиться с настоящей войной, но при этом уцелеть. Они вступили в войско, и я к ним присоединился.

– Но все оказалось не так радужно.

– Да. Вмешалась судьба.

– Как обычно. Особенно если поначалу все складывается слишком уж хорошо.

– Нас отправили в Коннек. Из-за идиотских приказов патриарха и местного безголового епископа моих ребят перебили. Выбрались из Коннека немногие. В основном члены Братства. Большие шишки. Обычное дело.

– Так уж устроена жизнь.

– Да. Но это неправильно. Как бы то ни было, я снова был сам по себе. Целый месяц шатался по дорогам как про`клятый и только потом услышал вести о Грейде Дрокере. Он ведь якобы нас возглавлял. Знаете, я этого мерзавца так и не видел ни разу. Он со своими дружками из Братства сплавился по реке, захватил корабль и уплыл. А нас бросил на произвол судьбы.

– Несколько братьев – из тех, кто уцелел в коннекской авантюре, – заявил бледный мужчина, – погибли в ту ночь, когда мы потеряли Гилдо, Акато и Сальди. Ты знал об этом?

– Нет. Об этом мне вообще известно не много. Только слухи. Да я точно и не знал, кто именно из них вернулся из Коннека. С этими типами не желаю больше иметь никаких дел. Одного раза хватило.

– Но почему же ты не разузнал подробнее о том случае? Раз собирался у нас служить?

– А я и не собирался. Тогда, по крайней мере. Семейство Арньена то происшествие не затронуло. Просто дон Иниго узнал, какие затруднения испытывают Бруглиони, и решил продемонстрировать свою добрую волю.

– Так ты наемник? – уточнил Палудан. – И утверждаешь, что заинтересован лишь в продвижении по службе?

– Конечно же. Зачем мне утверждать иное? Продвинуться я смогу, лишь выполняя свою работу наилучшим образом и демонстрируя искренность и преданность. Я был предан дону Иниго. Наймите меня, и буду предан вам. Откажись дон от моих услуг – я, наверное, уехал бы из Брота. В Аламеддине набирает армию Вондера Котерба. Говорят, он сулит неплохое жалованье. Но дон Иниго попросил меня прийти к вам. И вот я здесь. И буду служить Бруглиони, пока вы не откажетесь от моих услуг или не отправите меня куда-нибудь еще.

Элс фактически вкратце изложил им философию всех фиральдийских наемников. Но философия эта действовала лишь на словах. И наймиты, и их хозяева придерживались ее, только когда им это было выгодно.

Миновали уже те времена, когда большие отряды, возглавляемые легендарными предводителями, нанимались в услужение богачам. Последний такой отряд погиб, когда армия графа Гарита перебила людей Адольфа Черного у подножия Черной горы.

– Но с чего бы нам тебе доверять?

– Ни с чего. Я всего лишь наемный работник. Спросите себя, какой вред я могу вам причинить?

Если верить Пинкусу Горту и другим фиральдийским солдатам, подобные разговоры следовало вести, играя на подозрительности будущих работодателей. Нанимая вояк, фиральдийцы часто вели себя простодушно, как и сами наемники. Но при этом никто никому не доверял.

В Фиральдии состояния, как и клятвы верности, быстро меняли хозяев. В ход шли предательство и коварство. Некоторые только этим и жили.

Элсу казалось, что на Фиральдийском полуострове все давным-давно посходили с ума и действовали, руководствуясь лишь самыми примитивными мотивами.

– Джервес? – обратился к своему другу Палудан.

– Иниго Арньена и Сольни Саяг так расписывали его достоинства, что я уже было решил, что они просто хотят от него избавиться.

– У семейства Арньена серьезные убытки, – вмешался третий мужчина, – из-за пиратских набегов.

– Из-за них пострадали все, – хмыкнул Палудан.

– Клану Арньена досталось больше прочих, сильнее пострадали разве что Бенедокто. Они лишились ренты и многих выплат.

– Хект, это правда? У них убытки?

– Не знаю. Во дворце говорили о каких-то сложностях. Но я не слышал подробностей. Ах да, было что-то про остров. Они хотят продать какой-то остров в Верском море. Кажется, Сонсе. По-моему, клану Сковилетти. Они связаны через чей-то брак.

Его собеседники заметно оживились.

– Согьял? – не поверил своим ушам Палудан. – Они хотят продать Согьял? Ха-ха!

Рогоз так и говорил: упоминание об острове поможет ему получить место. Но почему, Элс не знал.

– Не знаю. При мне это не обсуждали. Я случайно услышал об острове; думаю, они не хотят ничего разглашать, даже после того, как заключат сделку. Волнуются, что об этом станет известно в Датеоне и Апарионе.

– Ха! Согьял! Эти глупцы никогда не понимали его ценности.

Палудан Бруглиони пустился в долгие запутанные объяснения, расписывая разнообразные предательства, браки по расчету, новые предательства, чье-то приданое и снова предательства, в результате которых весьма выгодно расположенный остров, который к тому же было легко оборонять, попал в руки клана Арньена почти столетие назад. Стратегическое положение его было таково, что патриарх, оба императора и все три торговые республики (а еще несколько второстепенных королей и герцогов в придачу) стремились его заполучить. Но Арньена упорствовали и отказывались его продавать. Несколько раз Согьял даже безуспешно пытались отнять у них силой, когда Датеон и Апарион боролись за власть в Верском море.

– Вся фиральдийская история, – с важным видом кивнул Элс, – строится на предательстве.

– Превосходные новости, – сказал Палудан. – Мы можем извлечь из этого выгоду. Джервес, похоже, Хект как раз тот, кто нам нужен. Объясни ему все и устрой во дворце. Пусть Поло ему прислуживает.

Целый день Элс исследовал цитадель Бруглиони. Ему разрешалось ходить везде.

– Вряд ли стоит туда спускаться, – засомневался Поло возле лестницы, ведущей в подвал.

– Я думал, мне можно везде ходить.

– Да. Я просто надеялся, вы туда не пойдете.

– Почему? Что там внизу?

– Грязь, паутина и жуткая вонища. Может, парочка призраков. Ровным счетом ничего интересного. А потом придется

карабкаться обратно.

– Поло, ты уверен?

– Там живут детские страшилки. Ну, всякие там буки.

– Поло, бука вполне реальное существо. Стоит лишь оказаться в неудачном месте в неудачный момент – и огребешь большие неприятности. В тех краях, откуда я родом, такое случается сплошь и рядом.

– Господин, вы в Броте. Этот город появился именно благодаря Орудиям Ночи. Его жителей не нужно убеждать в их существовании.

Но Элс все-таки спустился в подземелья.

Они действительно словно бы вышли из детской страшилки: паутина, крысы, слизь, подозрительные лужи и вонь всех возможных разновидностей. В самых темных углах прятались несчастные мелкие ду´хи.

Элс скоро понял, почему Поло так не хотел лезть назад.

– В былые времена, – пропыхтел коротышка, – подземелья располагались подо всем Бротом. Они и сейчас там, некоторые даже поглубже этих. Каждые десять лет или около того там что-нибудь рушится под тяжестью настроенных сверху зданий.

– Готов поспорить, тогда на свет всплывают разные диковинные древности.

– Все древности давным-давно растащили. Там находят только мертвецов. Иногда старых, но чаще свеженьких.

– В смысле?

– В том смысле, что в Броте некоторые селятся в катакомбах. Или прячут там тела, которые не хотят сбрасывать в Терагай или оставлять на улице. Если там и водятся сокровища, то только такие, которые похитили совсем недавно.

«Ну вот, – подумал Элс, – передо мной и приоткрылась завеса над темной стороной Брота». Такая сторона есть у любого города, хотя в государствах послабее она занимает гораздо больше места. Без этой темной стороны никак не обойтись: кого-то же нужно посылать на виселицы и в рудники.

Через четыре дня Палудан Бруглиони вызвал Элса к себе. Скудостью обстановки его покои могли поспорить с монашеской кельей.

На встречу с новым наймитом также явились несколько молодых представителей клана в сопровождении телохранителей. Обязанности Элса пока обозначили весьма смутно, но он, помимо всего прочего, должен был обучать юных хлыщей, чтобы те не закончили, как их родственнички на площади Мадур. На лицах телохранителей явно читалось, что знакомству они не слишком-

то рады. Чего от них ждать, ша-луг определил с одного беглого взгляда.

Палудан и Джервес Салюда не посчитали нужным представить собравшихся.

– Надеюсь, Хект, ты с умом использовал время? – сразу перешел к делу глава клана.

– Вопрос спорный, но думаю, да. Я изучал дворец, знакомился с теми, кто здесь служит.

– Я его видел, – фыркнул один из молодых Бруглиони. – Вечно отирается среди поваров и слуг. Ничего не скажешь – полезная компания для воина!

– Знали бы вы своих слуг, вы, возможно, догадались бы о предательстве отца Обилада вовремя. И тогда те, кто погиб на площади Мадур, могли вообще там не появиться. Именно тот, на кого вы меньше всего думаете, кого не замечаете и не принимаете в расчет, и вонзает вам нож в спину.

– Помалкивай! – прикрикнул на молодчика Бруглиони. – Ты здесь, чтобы учиться. И только. – Палудан был не в духе, и закипающее раздражение вот-вот грозило вырваться наружу.

Юнцу, который жаловался на Элса, Дьюго Бруглиони, не стукнуло еще и шестнадцати. Он был внуком Сонераля Бруглиони и сыном самого старшего Бруглиони, убитого на площади Мадур. Дьюго только и умел, что задирать прислугу.

Прислуга обычно терпела, потому что дорожила местом.

– И вы все тоже – тихо у меня, – продолжал Палудан. – Хект, ты хорошо знаешь город?

– Не очень, господин. На службе у Арньена не было возможности часто выходить. Меня использовали в качестве защитника и учителя.

– Осмотрись в Броте. Но не привлекай внимания.

– Да, господин.

Вот и сбылись тайные мечты, да еще и жалованье платят.

– В Коннеке ты служил Братству Войны. Их методы тебе по душе?

– Нет. Братья – надменные глупцы и заслужили то, что с ними случилось. Хотя в Коннеке они выполняли приказы патриарха. Которые каждый раз менял по собственному желанию епископ Антье. Такого идиота свет еще не видывал. Я слышал, принципат Донето скинул это жалкое подобие священника со скалы.

– Я тоже слышал, – сказал Джервес, – но это неправда. Епископ Серифс действительно упал со скалы, но случилось это, когда он пытался сбежать от браунскнехтов, потому что отряд захватили имперцы. Он погиб по чистой случайности.

– Неужели? – удивился Элс. – Интересно.

– Слухи всегда преувеличивают, – заметил Палудан. – Я так понимаю, что Братство ты недолюбливаешь?

– Точно. Хотя отдельные рыцари – вполне приличные люди. А что?

– Братья убили шестерых Бруглиони, в том числе моих единственных сыновей Гилдо и Акато. А – еще нескольких племянников, один из которых был надеждой нашей семьи. Если я прямо сейчас отдам концы, во главе клана встанет Дьюго. А он не послушает ни тебя, ни Джервеса, и уже через год Бруглиони окажутся в сточной канаве. Если только кому-нибудь из наших деревенских родственничков не хватит ума перерезать ему горло.

– У меня есть предложение, хотя оно, быть может, и не в духе клана Бруглиони, – сказал Элс.

Палудан буквально просиял. Похоже, будущее семьи его по-настоящему волновало.

– Говори.

– Позовите назад самых толковых Бруглиони из числа тех, что покинули Брот.

Палудан смерил Элса мрачным взглядом и что-то недовольно проворчал.

– Проверьте, кто чем занимается, и верните самых пригодных.

Палудан и Джервес уставились на Элса с таким изумлением, словно перед ними деревенский дурачок только что изрек великую истину. Существовало негласное правило: те Бруглиони, кто уехал из Брота, сложили с себя все бротские обязательства.

– Хект, а из этого может выйти толк; я подумаю, – снисходительно протянул Палудан. – Скажи, как нам отомстить Братству?

– Отомстить? Но ведь виновные уже мертвы.

Палудан снова нахмурился, видимо удивляясь, отчего Элс сначала ведет себя как всезнайка, а потом вдруг демонстрирует полное невежество. Ведь всем же известно про отрубленные головы. И про то, что случилось с отцом Обиладом до того, как тело его сбросили в Терагай в полумиле от Кастелла-долласПонтеллас. Об этом знали все во дворце Бруглиони, а значит, и за его пределами тоже.

– На вашем месте, – сказал Элс, – я бы думал о том, как самим защититься от Братства.

– В этом есть смысл, Палудан, – согласился Джервес. – Мы не хотим ввязываться в войну.

– Выдайте им убийц, – предложил Тейдж. – Скажите, что они превысили свои полномочия.

– Именно так все и произошло. Им приказано было лишь схватить Родриго Колоньи, чтобы мои ребята могли его спасти. Но тут вмешалось Братство. А Обиладовы марионетки оказались чересчур сообразительными. И притом настоящими чудовищами. Но выдать я их не могу, даже если б захотел. Только Обилад знал, как с ними связаться.

– У нас нет особого выбора, Палудан, – сказал Джервес. – Надо вызывать членов клана обратно в Брот. Нам нужны преданные люди, чтобы доверить им семейные тайны.

– Что же это творится? – взвыл Палудан. – Еще десять минут назад я строил планы, собирался хорошенько насолить Безупречному, а теперь готовлюсь к осаде. Как после этого я могу доверять своему окружению?

Предшественник Гордимера Льва перед самой гибелью говорил почти то же самое.

– Нет нужды отказываться от своих целей, – отозвался Элс, – просто слегка измените планы с учетом собственных слабых и сильных мест.

– Слабых мест у нас гораздо больше, чем сильных, – вздохнул Джервес. – Мечи наши порядком затупились.

– Чтобы строить планы, – продолжал Тейдж, – надо узнать, о чем думают наши враги. И кто эти враги. Нужно трезво оценить свои преимущества и поставить четкие цели.

– В каком смысле?

– Нужно выяснить, что замышляет Братство, клан Колоньи, патриарх и коллегия. У вас же в коллегии есть дядя, а у него наверняка есть друзья. Бруглиони издавна занимали важное положение в Броте. Вспомните о своих ресурсах, подумайте, как их использовать.

Элс понял, что Палудана совсем не готовили к тому положению, которое он теперь занимал. Он лишь напускал на себя важный вид и надеялся на удачу.

– Джервес, – приказал старший Бруглиони, – сделай, как говорит Хект. Дьюго, мальчики, пойдемте со мной.

– Но мы собирались в город… – возмутился было юнец.

– Молчи. Ты что – не слышал? У нас множество врагов, которые, вполне возможно, замышляют недоброе. Вам нельзя подставляться под удар. Пошли.

Дьюго надулся от обиды. Похоже, этот щенок начнет прислушиваться к разумным советам не раньше, чем встретится со смертью лицом к лицу.

– Если во время этого разговора я постоянно разевал рот от изумления, – признался Джервес Салюда, – то только оттого, что

на моих глазах Палудан Бруглиони впервые дольше десяти минут вел себя разумно и ответственно.

– Вот как? – удивился Элс.

– Пока не погибли Акато и Гилдо, он рассуждал точно как Дьюго. Именно поэтому Дьюго так растерялся.

– Как же ему тогда удавалось управлять кланом?

– По инерции. Да он особенно и не управлял. Во всяком случае, не слишком хорошо. В детстве Палудану никогда не приходилось ни за что отвечать. Всегда пускал все на самотек, а сам развлекался напропалую. И это сходило ему с рук до самой площади Мадур.

– И тут свершилось неизбежное?

– Сам он не изменился, зато наконец осознал: в жизни нужно сделать хоть что-то – не только затащить в постель чуть больше девок, чем удалось его отцу. Но всю работу он поручил нам. Сам в себя не верит.

– И?

– Пойми, у Палудана не только вздорный характер: он не слишком умен, зато слишком прямолинеен. В любой ситуации предпочитает просто ударить изо всех сил.

– Точно как Дьюго.

– Да, точно как Дьюго. Хотя сейчас вроде бы он наконец-то что-то понял. Ради клана нужно принимать правильные решения. А его главный советник, то есть я, тоже, как выясняется, не отличается большим умом.

– Неужели?

– Именно из-за моей глупости и легковерия мы и угодили в переплет. Меня провел Сильви Обилад. Я уговорил Палудана послушаться его, выдав идею святого отца за свою. Мне казалось, Обилад печется о благе Бруглиони.

– Может, так и было.

– Конечно. Он был хорошим священником, но его погубили амбиции. Он хотел сделать церковь всемогущей, дать ей не только духовную, но и светскую власть.

– Да уж.

В Дринджере с религией дела обстояли не так плохо, но в небольших государствах Обители Мира власть священников задушила почти все мирское.

– Нужно заключить мир с церковью, разгневанной из-за смерти отца Обилада.

– Я сам из далекой провинции, – хмыкнул Элс, – и, может, чего-то не понимаю в ваших здешних традициях. Убиты шестеро Бруглиони. По вине святого отца. Их убийцы тоже мертвы.

– Думаешь, мы в расчете?

– Именно так.

– Церковь думает иначе. Если ты пострадал от рук церковников, улыбнись и подставь другую щеку.

– К этому мне еще предстоит привыкнуть. – (А ведь это можно использовать, чтобы отвлечь внимание патриарха и не дать ему устроить очередной священный поход.) – Как и говорил Палудан, мне нужно хорошенько изучить Брот. В этом городе явно избыток превратных мыслей, даже если сбросить со счетов вполне естественное высокомерие тех, кто убежден, будто бы их устами вещает сам господь бог.

– Но на улицах может быть опасно.

– Отчего же? Даже если кто-то разнюхал, что вы меня наняли, никто, кроме нескольких членов семейства Арньена, не знает меня в лицо. А они на нашей стороне.

– Не уверен.

– В смысле?

– Не уверен, что сейчас мы можем хоть кому-нибудь доверять. Я так и не понял, почему мы с Палуданом вдруг решили, что Родриго Колоньи изменник. Быть может, отец Обилад убедил нас в этом. Теперь-то мы знаем, что это ложь и Родриго хранил нам верность до конца.

– В этом городе все держится на предательстве. Я отправлюсь туда и разузнаю, что смогу, а вы заставьте Палудана решить, чего же именно он хочет, тогда мы сможем строить планы. Узнайте, не хочет ли он нанять настоящих бойцов. Эти ваши телохранители ни на что не годятся.

– Не думаю, что он готов к новым расходам. Сейчас у нас и так есть кого винить, если все пойдет наперекосяк.

– Я приложу все усилия, чтобы оправдать доверие Бруглиони.

Элс расстался с Салюдой, так и не разобравшись, что он за человек. Глупец или умник? Друг ли он Палудану Бруглиони или просто вертит им, как хочет?

Брот не был похож ни на один из тех городов, в которых Элсу довелось побывать. Возраст проступал здесь гораздо отчетливее, чем в самых старых городах Дринджера. Древние руины встречались на каждом шагу. В Дринджере старое давно уступило место новому, а развалины можно было найти лишь в пустынях или в горах, да и населяли их обычно одни мертвецы.

Всех жрецов, которые когда-то жили в тех развалинах, перебили еще тысячу лет назад воины Иосифа Алегианта. Потомков же Алегиантовых приверженцев, в свою очередь, истребили во время Праманского завоевания пять сотен лет назад.

А в Броте повсюду проглядывали остатки былой славы, осколки древней империи, заросшие кустами и вьюнком триумфальные арки. Интересно, откуда на них нанесло столько земли?

Сегодняшний Брот стоял на десять или даже двадцать футов выше первоначального древнего города.

Прошлое здесь скрывалось повсюду, словно Орудия Ночи в Святых Землях. И значило куда больше, чем где-либо еще. Именно прошлое определяло настоящее.

Безупречного поддерживали в надежде на возвращение былой славы.

Даже самые ничтожные бедняки преклонялись перед блеском прошлого и не обращали внимания на свое жалкое настоящее.

Памятники былому великолепию возвышались над жизнями теперешних нищих и бездомных.

Бедность тоже бросалась в глаза, но Элса это мало занимало: бедность и горе процветали везде, куда бы он ни шел.

Элс бродил по городу, стараясь не выдавать своих истинных целей. Пока он не заметил за собой слежки. Возможно, его невидимый преследователь просто очень искусен. А может, здесь не обошлось без сил Ночи.

Трудно поверить, что новый хозяин не отправил никого шпионить за ним. Сам ша-луг никогда бы не допустил в свои дела постороннего с такой легкостью, с какой это только что сделали Бруглиони.

Куда бы он ни шел, Элс всюду ловил на себе мрачные взгляды. Это казалось странным. Он не замечал, чтобы другие иноземцы вызывали такую злобу.

Давно уже Тейдж не пользовался подобной свободой. Помнит ли он в точности, с кем нужно выйти на связь? Быть может, превратности судьбы унесли жизни местных Гордимеровых агентов? Никаких имен ему не сообщали – только адреса. В посольство каифата Аль-Минфета следовало обращаться лишь в случае самой крайней нужды. А до матросского кабака на берегу Терагая (дальше всего от центра и ближе всего к внешней стене) слишком далеко идти. Оставался связной в дэвском квартале.

Брот простирался далеко на юг от берега Терагая. Казалось, конца ему не будет.

– Эй! Пайп! Пайпер Хект! Как поживаешь, каналья?

С противоположной стороны улицы к нему спешил Пинкус Горт, лавируя между ослами, верблюдами и телегами, запряженными быками, собаками и козами. На улицах Брота царило гораздо большее оживление, чем в Аль-Кварне. И дерьма

было на порядок больше. По всей видимости, за животными почти не убирали. По пути Элсу попалось несколько грандиозных навозных куч.

– Горт! Ты за мной следил?

– Да нет же! Ну ты даешь! Это чистое совпадение. Я просто шел в… Как у тебя дела?

– Вроде неплохо.

– Тебя уже внедрили?

– Внедрили?

– Ну, к Бруглиони.

Любопытно.

– А тебе разве не сказали?

– Меня не было в городе. Возникло одно дельце, и Донето отправил меня его разрешить. Я вернулся только вчера. Ну так что?

– Да, думаю, внедрили. Но уж как-то чересчур легко, меня это беспокоит. Не могу поверить, что эти люди ведут себя настолько глупо.

– Уж поверь. В этом городе глупость в почете. Две трети местных недотеп до сих пор уверены, что правят миром. Здесь живут одни задавалы и гордецы.

– Поверю тебе на слово.

– Нужно придумать, как мы будем связываться друг с другом.

– Я знаю, где дом принципата.

– А нам как передать тебе весточку?

– Я с трудом представляю, – после короткого раздумья хмыкнул Элс, – зачем вам вдруг понадобится это делать. А ты?

– Ммм… Может, ты и прав. Но ты ведь должен хоть иногда выходить на связь. Нам нужно сообщать друг другу новости.

Да, Горт прав. Он же должен стать глазами и ушами Элса в обители Бронта Донето.

– Думаю, это будет несложно. Пока за мной никакого особо строгого надзора нет. Да и обязанности тоже еще толком не определили. Палудан хочет отомстить Братству, потому что винит его в смерти сыновей. А Джервес боится, что Братство объявит войну Бруглиони из-за гибели своих людей.

– А ты ничего не хочешь сделать с волосами? – спросил вдруг Пинкус, окидывая Элса внимательным взглядом.

– В смысле? Зачем?

– Половина головорезов Брота разыскивает двух светловолосых иноземцев высокого роста, которые участвовали в той самой заварушке. Конечно, если хорошенько к тебе приглядеться и дать себе труд хоть немного пошевелить мозгами, можно понять, что ты не тот, кто им нужен. Но что, если ты

наткнешься на меднолобых остолопов?

– Так-так. Теперь понимаю, почему на меня так косятся.

– Да просто потому, что ты – это ты.

– Разумеется. Мне пора, служба не ждет. Увидимся.

– Ага, до скорого, – протянул Горт, на лице его промелькнула обида.

– Передавай привет Бо и Джо. И Чушке.

– Ага.

Элс торопливо зашагал дальше. Принципату это не понравится: он ведь почти ничего не сообщил Горту о Бруглиони и совсем ничего не сказал о клане Арньена.

Ничего, пускай помучается.

Некоторое время Элс просто ходил по городу. На всякий случай. Незачем Пинкусу знать о его связных. Ша-луг прислушивался к разговорам, но люди вокруг лишь спорили или жаловались, никому и дела не было до неурядиц сильных мира сего. На улице интересовались не политикой, а тем, что будут есть на обед. А еще обсуждали сторонников разных цветов.

Повсюду с нетерпением ждали каких-то Летних Гостевых Игр, на которых колесничие со всей Фиральдии должны будут соревноваться друг с другом на выбывание. Вот тогда-то цвета себя и покажут.

Ноги сами привели Элса на южный берег Терагая. В полумиле отсюда отец Обилад отправился в свое последнее плавание. Еще в дочалдарянские времена местные жители считали реку богиней, лелеявшей на груди целое сонмище духов. Некоторые из них отличались злобным нравом, и всех без исключения следовало задобрить. Богиня канула в вечность, но некоторые темные водные духи и речные нимфы из ее свиты остались.

Древние жители Брота научились жить рядом с Орудиями Ночи. На набережной хорошо было видно, как тогдашние строители усмирили реку: она была закована в огромные искусно обтесанные каменные глыбы, и, даже если бы вода поднялась на добрых двадцать пять футов, городу не грозило бы наводнение.

Элс шагал вниз по течению и восхищался работой древних зодчих. Сегодняшним обитателям Брота подобное было не по силам – не хватило бы умения, не говоря уж о напоре и силе воли. В них в современном Броте ощущалась явная недостача.

Тейджа весьма впечатлили многочисленные городские мосты. Каждый великолепно спроектированный мост представлялся своего рода памятником, способным простоять целую вечность. И мосты эти располагались друг от друга на расстоянии не более трети мили – прохожий в любой момент мог перебраться на другой берег. Элс сделал это возле Кастелла-доллас-Понтеллас.

Вид отсюда был замечательный, особенно если убрать животных, повозки и толпы людей.

Ша-луг уселся на каменную глыбу прямо на набережной. Вот возвышается на каменном острове Кройс, вот приток Терагая опоясывает, наподобие рва, Кастелла-доллас-Понтеллас, окруженную шестью мостиками, а вот вдалеке слева красуется величавый дворец Чиаро – душа епископального чалдарянского мира. Изумительный вид привлекал сюда многих: вокруг Элса собралось около дюжины зевак, которых осаждали настырные уличные торговцы, расхваливающие горячие сосиски, сладкие пирожки и якобы подлинные святыни.

На таком расстоянии можно было различить даже подтеки голубиного помета на сероватых стенах трех грандиозных строений. Видя величие этих громадин – или, скорее, грандиозных памятников былой славы, – Элс впервые ощутил некоторое благоговение перед западной цивилизацией.

Замок Кройс стоял посреди реки вот уже двенадцать веков, а строить его начали – задолго до рождения самого старшего из отцов чалдарянской веры – по приказу бротского императора, который намеревался надежно защитить себя от черни. Потом крепость не раз переходила к следующим владыкам, пока на закате Древней Бротской Империи один из них не завещал ее церкви.

Именно с этих событий, в числе прочего, и началась чехарда, в результате которой появились государства, составляющие нынешнюю Фиральдию.

По реке в обе стороны сновали баржи и лодки; солнце клонилось к западу, и Элс невольно залюбовался чудесным видом в медовом свете заката.

– Пайпер Хект?

Элс подскочил, услышав неожиданно раздавшийся за спиной голос, и только тут заметил, что все остальные любители видов успели куда-то деться.

– Пресвятой Эйс, – прорычал кто-то, – экий он попрыгунчик!

Перед Тейджем стояло четверо вооруженных людей.

– Сержант Бехтер? Ты меня до смерти напугал, зачем же подкрадываться? Значит, тебе повезло выбраться из Коннека вместе с Дрокером?

– Да, я уцелел. Ты, как я погляжу, тоже.

– Прибился к принципату Донето, но получилось из огня да в полымя. В Ормьендене нас схватили солдаты Ганзеля, а потом держали в Племенце, пока Безупречный не соблаговолил заплатить за своего родственничка выкуп. Что тут у вас творится?

– Сообщили, что возле Кастеллы ошивается какой-то

белобрысый иноземец, и нас послали проверить.

– Да я просто закатом любовался. Сам посмотри. В чем дело-то? Почему вы так всполошились?

– Ты сколько уже тут? В смысле – не у реки сидишь, а в Брот когда приехал?

– Дней десять-двенадцать назад. Дел было невпроворот, только сегодня выбрался в город. Просто отдыхал, смотрел на лодки и скучал по дому. В чем все-таки дело?

– Слыхал про недавнее убийство рыцарей Братства?

– Давай-ка присядем, – отозвался Элс, снова опускаясь на каменную глыбу. – Потолкуем о старых добрых деньках – о том, как развлекались с коннекскими еретиками, к примеру.

Бехтер мгновенно все понял.

– Так ты знаешь, что происходит? – спросил он, усаживаясь рядом.

– Не совсем. Слишком уж у вас тут все запутано, сплошная неразбериха.

– Хект, давай уж по старой дружбе не будем морочить друг другу голову.

– Ой! Неважное начало.

– Гораздо хуже вышло бы, окажись ты одним из тех молодчиков, которых мы пытаемся изловить.

– А им обязательно тут толпиться? – спросил Элс, оглядываясь на трех вооруженных громил. – Мы можем поговорить с глазу на глаз?

– Давай попробуем, Хект, – после некоторого раздумья согласился Бехтер.

Вернувшись во дворец Бруглиони, Элс отправился прямиком к Палудану с Джервесом.

– Думаю, мне удалось прийти к весьма удачному соглашению. Надеюсь, вы не слишком сильно рассчитывали повоевать, а то будете на меня сердиться.

– Рассказывай, – велел Палудан, который сегодня пребывал в отвратительном расположении духа (видимо, вполне для него обычном).

– В городе я повстречал старого знакомого, еще со времен Коннека. Он из Братства Войны. Мы побеседовали, и я рассказал ему, что именно, с точки зрения Бруглиони, случилось в ночь похищения Родриго Колоньи.

Палудан удивился, а Джервес обрадовался.

– И что дальше, чудотворец ты наш?

Он, интересно, издевается или говорит серьезно?

– Вот как все было. – И Элс в мельчайших подробностях

пересказал им свой день, умолчав разве что о встрече с Пинкусом Гортом. – Бехтер – хороший человек, хоть и служит Братству. Ему можно доверять. Я рассказал ему, что думают о случившемся Бруглиони, а он мне – что думают в Братстве. Их сейчас занимает один вопрос: как изловить таинственных светловолосых иноземцев. Братья думали, что их, возможно, укрывают Бруглиони, но я все объяснил Бехтеру. И он мне поверил, ведь мы знаем друг друга еще с Коннека.

Палудан с Джервесом нахмурились.

– Помните, я говорил, что надо выдать этих ваших наемников? – спросил Элс.

– Ближе к делу, Хект, – проворчал Джервес.

– Братья хотят лишь заполучить этих двоих. Если вы расскажете все, что вам известно, между Братством и Бруглиони будет мир.

– Ну да, а еще господь бог спустится с небес и расцелует всех нас, а потом по старинке отымеет в зад, – скривился Джервес.

– Точно. Но не сегодня. Послушайте, это же хоть какой-то выход.

– Как невероятно удачно все сложилось: ты первый раз выходишь в город и тут же натыкаешься на старого товарища.

– Вы верите в бога, Джервес?

– Ровно настолько, насколько это необходимо.

– Я так и подумал. Вполне разделяю вашу точку зрения. Но глупо было бы утверждать, что в нашу жизнь не вмешиваются Орудия Ночи.

– Хочешь сказать, тут замешано волшебство?

– Оно всегда замешано, и особенно в нашей ситуации. Иначе почему Братство до сих пор не разыскало этих двоих? Бехтер говорит – им постоянно о них доносят, но как только патруль является туда, где их якобы видели, они словно сквозь землю проваливаются. В тех краях, откуда я родом, сказали бы, что беглецы под защитой Орудий Ночи. Тогда даже коллегии вряд ли удастся их выследить.

– Но коллегии-то плевать. Им сейчас не до того. Значит, ты предлагаешь договориться с Братством?

Элсу казалось, что он достаточно ясно выразился.

– Ну, терять-то вам нечего.

Элс был доволен: день удался, он провел его с пользой, даже если Палудан пока и не желает этого признавать.

Будь этот мир совершенен, Бруглиони охотно оценили бы его достижения и ему удалось бы закрепиться на новом месте. С другой стороны, Дринджеру невыгодно, если в Броте все друг с

другом договорятся и наступит тишь и благодать.

Под личные покои Тейджу отвели большую комнату, разделенную на три части портьерами. В одной, не больше монашеской кельи, спал он сам, в другой, еще меньшей, спал Поло, а в середине располагалось нечто вроде гостиной, равной по размеру обеим «спальням». Портьеры были старыми и потертыми и особенно ничего не скрывали, но при этом удерживали тепло от маленькой жаровни, установленной в общей комнате, так что в «спальнях» царил вечный холод.

– Поло? Ты здесь? – крикнул Элс, заходя в покои.

Из-за портьеры послышалось неразборчивое ворчание.

– Да, господин. Который час? Вам что-то нужно?

– Ты был здесь, пока я ходил по городу?

– Я выходил за углем, а еще чтобы раздобыть свечи, тушницу, перья, чернила и все прочее, что вы велели. Но бумагу я не купил, торговец с площади Нафтали сказал, что все распродано.

Поло просунул голову в щель между портьерами.

– Можешь не вставать. Спрашиваю потому, что в мое отсутствие кто-то рылся в моих вещах. Но по-моему, ничего не пропало.

– Зря только время потратили? – пискнув по-мышиному, отозвался Поло.

– Да. Я ложусь спать.

Лежа на жесткой подстилке, которой ему служил набитый соломой холщовый мешок, Элс обдумывал слова Поло.

Весьма странный ответ, если, конечно, новость была для него сюрпризом.

Палудан и Джервес сами толком не знали, чего хотят от Элса. Нужно было что-то делать, а им представилась отличная возможность его нанять, но не может же один человек заменить всех дезертировавших наемников.

Тейдж попросил перечислить его обязанности, ему велели охранять дворец, но при этом не сказали, как именно. Действовать предстояло самостоятельно.

Он не спеша обходил родовую крепость клана Бруглиони, стараясь всем попадаться на глаза. Везде царили грязь и запустение, а нерадивые слуги только и делали, что били баклуши.

Поло почти неотступно следовал за ним по пятам. Элс отправил его позаимствовать немного бумаги в кабинете Бруглиони, и вместе они составили список: кто и за что отвечает в доме. Элс всегда был толковым и энергичным руководителем, хоть и недолюбливал эту сторону солдатской жизни. Теперь он

пустился во все тяжкие.

Дворец Бруглиони был огромен. Построенный как крепость, он никогда не выполнял возложенной на него роли, просто потому что был совершенно к ней не приспособлен. Хотя снаружи цитадель производила довольно грозное впечатление. Фасад здания украшали внушительные каменные горгульи, которые еще не успели отвалиться. За крепостной стеной теснились многочисленные постройки: конюшни, сараи и прочее в том же духе. Главное четырехэтажное здание вмещало в себя сто двадцать комнат. Но на втором, третьем и четвертом этажах они были маленькими и не слишком богато убранными. Нынешние Бруглиони не стремились ослеплять никого роскошью. У них больше не хватало на это средств.

Теперь, под началом Палудана, семейный клан в основном жил своими прошлыми заслугами. Палудан не был дураком, но ему не хватало энергии, он просто плыл по течению, пока им внезапно не овладевал очередной приступ гнева. Тогда глава Бруглиони совершал какую-нибудь глупость – например, пытался инсценировать похищение и внезапное спасение.

Два дня Элс тщательно изучал всех и вся, отвлекаясь лишь на обучение юных отпрысков. На третий день он собрал в кухне старших слуг. Явиться соизволили лишь девятеро, с ними вместе затесалось несколько зевак.

Одним из этих девятерых был начальник дворцового караула. В его подчинении находилось четверо стражников, охранявших въездные и выездные ворота в крепость.

– Господин Каниглия, – обратился к нему Элс, – с завтрашнего дня вы и ваши люди не должны пускать во дворец господина Коприя, господина Грасия и господина Вергу.

Мало кто из слуг жил в самом дворце: Палудан экономил на их кормежке и содержании.

– Больше они здесь не служат. Что касается остальных – подумайте, кто может их заменить, и завтра доложите мне. Господин Натта? Вы тоже хотите заняться поисками новой работы? Нет? Господин Монтель, насколько я понял, именно вы подыскиваете новых слуг, когда в этом возникает нужда.

– Э-э-э… Да, сударь. Но только по хозяйству. Теми, кто ведет дела, я не занимаюсь. И охранниками тоже.

– Скоро нам понадобятся новые люди, потому что мы собираемся избавиться от тех, кто не любит работать. Сколько здесь трудится ваших родственников? Кто-нибудь из них делает хоть что-нибудь?

Монтель что-то неразборчиво забормотал, перемежая свою речь хмыканьем и ойканьем.

– Они не потеряют своих должностей, – перебил его Элс, – если действительно готовы работать. Это место больше похоже на свинарник – вы, я надеюсь, не станете мне возражать? Мы всё тут поменяем. Людей у нас достаточно. Начнем прямо сегодня. Все, кому нравится бить баклуши и получать за это жалованье, могут последовать примеру господина Коприя, господина Грасия и господина Верги. А, только демона помяни… Здравствуйте, господин Грасия.

Грасия был жирным толстогубым коротышкой с лысиной, сильно смахивающей на тонзуру. Обрамляли ее седеющие рыжие волосенки. Остряки спорили между собой, что случится раньше: волосенки окончательно выпадут или все же успеют сначала поседеть?

– Простите за опоздание, – пропыхтел Грасия. – Непредвиденные обстоятельства.

Кто-то из подслушивающих под дверью слуг успел его предупредить.

– Лучше поздно, чем никогда. – Элс все равно собирался избавиться от господина Грасия, не сейчас – так после. – Когда мы закончим беседу, разберемся с вашими записями и счетами. А то Бруглиони получают меньше, чем должно.

Грасия побледнел как полотно.

– Господин Негроне, господин Пагани, если я не ошибаюсь, уборка и хозяйство в вашем ведении? Жду от вас предложений. Подумайте вместе, как нам все здесь вычистить, починить и покрасить с помощью кучи бездельников, которые привыкли получать жалованье ни за что и резаться в карты весь день напролет. Госпожа Ристоти?

Кухня, где царила госпожа Ристоти, была единственным приличным местом во всем дворце.

– Зовите меня просто Карина. У меня есть кое-какие соображения.

– Превосходно, госпожа Ристоти. И давайте сразу договоримся. Никакого панибратства. Только деловые отношения. Это касается всех. Итак, госпожа, я слушаю. Какие у вас соображения?

Госпожа Ристоти проявила поистине фельдмаршальские способности в том, что касалось подковерных интриг. От нее не ускользала ни одна мелочь, и она всегда была в курсе всего, что происходит во дворце.

– Превосходно, – прервал ее Элс через три минуты. – Отныне вы будете моими глазами и ушами. Сумеете совмещать новые обязанности с работой на кухне? Господин Негроне? Вы хотите что-то возразить?

Негроне Тейдж тоже отвел три минуты.

– Иными словами, – заявил он, когда тот закончил, – предложить вы толком ничего не можете, а перечите госпоже Ристоти потому лишь, что она женщина.

– Ну, не стоит так упрощать…

– А мы больше не будем ходить вокруг да около. Господин Грасия, полагаю, вам известно, кто и сколько здесь получает. Какой именно суммы лишится господин Негроне, если его отсюда попросят?

Негроне что-то забормотал, не дожидаясь ответа.

– Считаю наше обсуждение законченным, – отрезал Элс. – Если у кого-то появятся новые полезные предложения, я с удовольствием выслушаю. Разумеется, они должны быть убедительными. А если кто-либо из слуг откажется подчиняться, доложите мне. Повыдергаю мерзавцам руки-ноги или просто велю господину Каниглия не пускать их на порог. Итак, приступим. Идите и подумайте, как нам превратить эту дыру в пригодное для жизни место. А вот вас, господин Грасия, я попрошу остаться.

Толстяк явно занервничал.

– Итак, господин Грасия, уверен, вы наслышаны о судьбе отца Обилада.

– Да.

– И знаете, что в гневе Палудан Бруглиони творит страшные вещи?

– Да, сударь.

– Вы должны изыскать способ вернуть деньги. А пока будете у меня здесь главным любимчиком. Ведь я держу вас, строго говоря, за яйца.

– Да, сударь.

– Надеюсь, остальные будут так же благоразумны, как и вы. Приступайте к работе, господин Грасия.

Элс направился в кухню, где Поло внимательно выслушивал «соображения» госпожи Ристоти, но по дороге его перехватили Каниглия со товарищи. Лица их были уж слишком мрачны – не затеяли ли какую-нибудь глупость?

Один из караульных протянул Элсу сложенный лист бумаги.

– Гонец оставил Диано письмо для вас, – сказал Каниглия.

– Как я погляжу, печать куда-то задевалась, – заметил ша-луг.

Каниглия что-то прокряхтел.

– А что же у вас такие мрачные лица?

– Вы велели кое-кого не пускать, так вот они очень разозлились. Сказали: если я и завтра их не пущу – разозлятся и того пуще.

– Я разберусь.

Услышав это, Каниглия не обрадовался, он ждал совсем другого ответа.

– И от кого письмо? – поинтересовался Поло.

Прислонившись спиной к стене в их общей комнате, Элс как раз читал послание.

– От одной женщины из далекого прошлого. Ее зовут Анна Мозилла. Она вдова и несколько месяцев назад перебралась в Брот. Теперь прослышала, что я тоже здесь, и шлет весточку. Видимо, больше на меня не злится.

– Что – занятная история? – хихикнул Поло.

– Да не особенно. Анна хоть и овдовела, но еще слишком молода, чтобы отказываться от приятной стороны замужества. Во всяком случае, раньше она была совсем не прочь поразвлечься. И видимо, до сих пор.

– Думаете, с ее появлением у вас начнутся неприятности?

– Вряд ли. Надеюсь, наоборот.

– Открывайте, – велел Элс. – Поглядим-ка, кто приходит на службу вовремя.

Каниглия отпер ворота для слуг, которые не запирали многие годы. Даже после предательства отца Обилада. Палудан упорно закрывал глаза на все, что ему не нравилось.

Каниглия и его молодой помощник Диано устроили целое представление, пропуская слуг строго по одному и осматривая, кто и что принес с собой. Значит, раньше они этого не делали. И уж тем более не проверяли слуг, когда те уходили вечером.

Элс жалел, что так плохо разбирается в счетах. Кое-что удалось раскопать, но наверняка в бухгалтерских книгах господина Грасия можно было найти гораздо больше интересного.

Как ко всему этому отнесется Палудан? Глава клана, похоже, не желал иметь ничего общего с цифрами и буквами. Хотя в Броте дела с этим обстояли гораздо лучше, чем Элс помнил по Святым Землям. Там аргендцы, если возникала нужда что-нибудь сосчитать, прочитать или написать, хватали первого попавшегося дэва.

И какую роль во всем этом играет Джервес Салюда? Не наживается ли он на Бруглиони? Ведь в тех краях, откуда был родом Элс, именно так и обстояли дела в любом крупном хозяйстве или дворце.

– А это кто еще такой?

Через ворота прошел красивый юноша с ящиком инструментов в руке.

– Марко Деметриус, – отрапортовал Каниглия. – Он плотник и доводится родней нашей кухарке. Всегда приходит, когда нужно что-нибудь сколотить. Хороший парень и работать умеет.

– А, значит, за ним послала госпожа Ристоти.

Сама кухарка редко покидала дворец, хотя официально здесь не жила.

В ворота попытались проскользнуть Коприя и Верга.

– Господин Верга, – громко сказал Элс, – вы, кажется, забыли, что больше здесь не служите. Не срамитесь. Вам и господину Коприя следует извиниться перед людьми в очереди, которых вы задерживаете. А потом ступайте себе.

– Посторонись, – буркнул Верга. – Ты не имеешь права.

Элс со всей силы ударил его прямо в грудь. Мужчина, задыхаясь, упал на колени. Он едва не потерял сознания.

– Вы больше здесь не служите, – повторил Элс.

Коприя оказался не таким упрямцем: он помог товарищу подняться, и оба они поковыляли прочь. Тейдж надеялся, что эта сцена послужит остальным уроком.

– Мне нужно знать, – сказал он Каниглия, – кто опаздывает. Теперь будете закрывать ворота через десять минут после начала рабочего дня. Копуш пускать не будем, и жалованья они тоже не получат.

Анна Мозилла поселилась в небольшом домике, похожем на ее жилище в Сонсе. Элс поднялся на крыльцо и постучал дверным молоточком. Дверь открылась почти сразу же. С их прошлой встречи Анна ничуть не изменилась.

– За тобой следили.

– Да, причем не слишком умело.

– И ты позволил им?

– Позволил.

– Почему?

– Я сказал, что ты моя бывшая любовница. Твое письмо вскрыли.

Анна нежно прильнула к нему и потянула за собой в дом.

– Поэтому я и не сообщила в нем никаких подробностей, – тихо проговорила она. – Подумала, что ты именно так все и объяснишь.

Дверь она закрыла, и теперь за ними никто не наблюдал, но Анна по-прежнему прижималась к Элсу. А тот ее не отталкивал. Так приятно было снова ощутить рядом с собой женщину. Даже если она на десять лет старше. И притом совсем не жена.

– Раньше мы только делами занимались, – сказала вдова, – как настоящие шпионы. Я долго о тебе вспоминала. А потом мне

велели перебираться сюда. Ты все не ехал. Я столько всего успела передумать.

Элс молчал. Ему следовало оттолкнуть ее, но он этого не делал.

– Фрейн, это же не грех. – (В Сонсе Элс назвался ей Фрейном Дорао.) – Я ведь из неверных.

Значит, она и об этом знает.

Так говорилось в Писании: если женщина не праманской веры, прелюбодеяние не в счет.

Элс не сторонился, но и не дотрагивался до нее, хотя женщина явно этого ждала. Он полностью отдал себя в ее руки.

И руки эти оказались весьма искусными, хоть и осторожничали поначалу.

Элс решил поужинать прямо в кухне, а заодно обсудить все дела с госпожой Ристоти.

– Кто-нибудь бунтовал?

– Меньше народу, чем я ожидала. Вы их перепугали. Утром у ворот они поняли, что настроены вы серьезно.

– А вы сами как думаете?

– Думаю, серьезнее некуда.

– Именно.

– А почему?

– Потому что хочу сохранить свое место. Я прибыл в Брот, чтобы оказаться в самой гуще событий. И мне нужна работа.

– Моя семья служила в знатных домах Брота со времен Древней Империи. Так, во всяком случае, утверждают семейные предания. И за все это время мы усвоили одну мудрость: каков хозяин, таков у него и дом.

– То есть тут все разваливается, а слуги совсем распустились из-за Палудана Бруглиони?

– Да. Палудану не по душе все, что здесь творится, но бороться с ночью ему неохота.

– Что-что?

– Ой, я не в том смысле – не про волшебство. Просто поговорка такая: ночь, она ведь всегда тут, сколько ни бейся. Так зачем же себя утруждать? Мучиться?

– Понимаю. Будет что показать Палудану и Джервесу, когда они наконец решат обратить внимание на нашу возню?

– Да.

– Как думаете, что скажет Салюда?

– В каком смысле?

– Есть ли у него личный интерес в том, чтобы все оставалось по-старому? Быть может, он нагревает на этом руки? Я пока не

нашел доказательств, но все указывает на это.

– Сомневаюсь, – удивленно отозвалась кухарка. – Он бы, конечно, мог, если б захотел.

– То есть какой-то интерес у него все-таки может быть?

– Наверное. Но его привязанность к Бруглиони намного сильнее, чем у настоящих членов клана, которые сбежали из Брота и не желают возвращаться.

То же самое говорил Элсу и Поло.

– Да, так вышло. Но ситуацию можно изменить. Ну что же, продолжайте работать. И найдите мне парочку бузотеров. Я их уволю, чтобы и остальным напомнить: незаменимых тут нет.

Элс разыскал Поло и господина Грасия.

– Заковыристо тут счета ведутся, – сообщил Поло. – Выходит, Палудан Бруглиони тратит в год тридцать тысяч дукатов, и половину из них – неизвестно на что. Платит людям, которых и на свете-то нет, за работу, которую никто не делает, и товары, которые никто и не думает доставлять.

– Ясно. Господин Грасия, вы думали, об этом никто никогда не узнает?

Коротышка пожал плечами. Как и многие пойманные с поличным воришки, он, разумеется, совершенно не думал о возможных последствиях.

– Поло, ты раздобыл мне бумагу? – поинтересовался Элс.

– Нет. Каждый день спрашиваю на площади Нафтали, но они все твердят, что бумаги нет. А в дэвский квартал времени сходить не было.

– Тогда я сам этим займусь. А вы пока развлекайтесь дальше с господином Грасия. – Элс похлопал несчастного счетовода по плечу. – Какое богатое воображение, просто диву даешься.

– Вы не расскажете Палудану?

– Нет, если вы поможете мне привести тут все в порядок. Но если надумаете взяться за старое – готовьтесь к встрече с отцом Обиладом.

Элс попытался выскользнуть из ворот для слуг незамеченным, но тщетно: за ним тут же увязался хвост.

Сначала он немного поволновался: кто же все-таки следит за ним и с какой целью? А потом махнул рукой. Соглядатаев было только двое, и ремесло свое они знали скверно. Возле дома Анны Мозиллы он с легкостью оторвался от них. Мысли об Анне сразу же отвлекли его от насущных дел. Позже, все развлечения потом. Тейдж направился в дэвский квартал.

Если верить старейшинам дэвов, в Броте проживало около двадцати тысяч их соотечественников. А если верить слухам – в

несколько раз больше. Но тогда получается, в самом сердце ненавистной им епископальной веры дэвов больше, чем в Святых Землях. Хотя в Суриете городам некуда было расти, разве что на побережье Родного моря. А там насаждали свои королевства западные захватчики.

По всему миру дэвов было разбросано гораздо больше, чем осталось в их безумном отчем крае.

Элс, сколько ни старался, не мог представить себе, каково же это – жить в тех землях, прямо среди Кладезей Ихрейна, из которых так и выкипало волшебство, окутывающее все вокруг, плодящее злобных духов, питающее Орудий Ночи и случайным образом не дающее льдам сковать землю.

Даже сейчас многие коренные дэвы рады были оставить родной Суриет на милость чалдарянским завоевателям и праманским освободителям (или наоборот): пусть себе плодятся там, пусть лупцуют друг друга среди потоков магической энергии, все равно в один прекрасный день явится тот, имя кому легион, и очистит землю, пощадив лишь избранных.

Аарон, Эйс, Келам и другие пророки, положившие начало арианизму, который со временем превратился в чалдарянство, сами спешно бежали из Святых Земель, едва насобирав своими проповедями деньги, необходимые для путешествия (такого, чтоб не пришлось ночевать под мостами). Святые отцы рассеялись по всей Бротской империи, неся слово тем, кто в жизни только и знал что отчаяние.

Проповеди, явления, которым они становились свидетелями, всяческие чудеса – все это обычно происходило вдали от Кладезей Ихрейна, в тех краях, которые позже стали Люсидией, или Восточной Империей.

Элс двигался в южном направлении и с каждым шагом ощущал все возрастающее напряжение, разлитое в воздухе. Произошло что-то важное. И что-то еще более важное должно было случиться, иначе отчего все вокруг так взволнованы.

Элс пытался расспросить прохожих, но безрезультатно. Светловолосым иноземцам в Броте не доверяли.

Ну что ж, возможно, его связной в дэвском квартале сможет все объяснить.

На небе не было ни облачка, но дэвы и дейншокины сновали вокруг с такой скоростью, словно боялись надвигающейся грозы и торопились поскорее закрыть свои лавки.

Элс толкнул дверь крошечной лавчонки торговца бумагой. Судя по вывеске, здесь торговали «лучшей бумагой во всем Броте». Услышав звякнувший над входом колокольчик, навстречу Тейджу проковылял крошечный, сгорбленный старичок, будто

сошедший с карикатуры на дэва. Его седые космы торчали во все стороны, рука крепко сжимала тросточку, на которую он опирался при ходьбе. Из задних комнат на гостя повеяло знакомым запахом серы.

– Чем могу слу… – начал было старичок, с трудом приподнимая голову, и замер на полуслове.

– Я пришел не по чью-то душу, а чтобы купить бумагу. Мне нужна недорогая, для хозяйственных нужд. Двадцать листов. Потом, сорт получше – вести записи, писать письма, чтобы выдержала длительное хранение и путешествие. Тоже двадцать обычных листов. И еще такую, вроде пергамента, чтобы можно было стирать написанное. Как для школяров.

– Это не бумага, пергамент делают из шкуры животных, – обрел наконец дар речи лавочник. – Но обычно у нас он есть. Вам понадобятся особые чернила, губка, шлифовальный камень, состав для удаления чернил и халмасская глина. А еще кисти для каллиграфии.

– Все это я тоже охотно у тебя куплю.

– Но мы такое не продаем.

– Не беда. Вижу, здесь, в Броте, перебои с бумагой. Я пройдусь по всем лавкам, пока не найду того, что нужно.

– И вы готовы за все это заплатить?

– Разумеется. Тебе что-то не нравится? Не хочешь продать свой товар?

– Хочу, господин. Сделка превосходная, лучшая за последние несколько недель. Просто мы нечасто видим людей вроде вас в нашем квартале. Говорите, двадцать листов паковочной и двадцать первого сорта?

– Паковочной?

– Никто не знает, откуда пошло название, – пожал плечами дэв. – Не помнят уже. Это то, что вы просили, – бумага для работы по доступной цене.

– Понятно.

– А сколько пергамента?

– Шесть свитков, сложенных вдвое по размеру обычного бумажного листа. Один мне, и по одному для моих учеников.

– Учеников? Э-э-э… Ладно. Это не мое дело. У меня здесь есть три свитка, но я знаю, где взять остальные. И нужные писчие принадлежности.

– Прекрасно.

– Отправлю за ними своих внуков, и вам не придется самому бегать по лавкам.

Элс нахмурился.

– Не волнуйтесь, господин, внакладе не останетесь. –

Придвинувшись ближе, старичок доверительно сообщил: – Цену набавлять не стану. Просто я получу от них комиссионные. Они ведь знают: я могу послать внуков и в другое место. Я делаю им одолжение, вот они и уступают.

– Договорились, – кивнул Элс. – Я и так сегодня весь день на ногах, а надо еще дойти до дому.

Лавочник закричал что-то на местном диалекте мельхаика, щедро пересыпая свою тираду фиральдийскими словечками.

Элс неплохо знал мельхаик и близкое к нему пеквское наречие и мог сносно объясниться с жителями Суриета и Пеквы, но теперь он понял лишь половину из сказанного. Старик раздавал поручения – кому и куда бежать за Элсовыми заказами, – а еще велел сообщить некоему Пинану Талабу, что в бумажную лавку Луки Фарады зашел светловолосый иноземец. Из задней двери один за другим появлялись юноши; выслушав наставления деда, они торопливо кланялись Тейджу и выходили на улицу. Каждый раз, когда открывалась дверь, оттуда доносился резкий запах серы. С самого детства этот запах связывался у него с людьми, делавшими бумагу, и теперь всколыхнул воспоминания о далеком прошлом. О тех временах, когда его еще не купили ша-луг. Воспоминания эти, впрочем, были расплывчатыми – не воспоминания даже, а скорее смутная тоска.

Напутствуя внуков, старик умудрялся при этом разговаривать с Элсом, то и дело переходя на фиральдийский, иногда даже в середине предложения.

– А почему это вдруг, – с озорной усмешкой спросил Элс, – Пинану Талабу есть дело до того, какую именно бумагу покупает какой-то чалдарянин?

На мгновение ему показалось, что почтенный лавочник сейчас скончается от ужаса, – в немом испуге дэв уставился на Элса.

– Так как насчет моего заказа? Может, ты все-таки принесешь бумагу, пока мы ждем ответа от Талаба?

– Странные нынче времена, господин. Вот в Броте, к примеру, все из кожи вон лезут, чтобы найти каких-то чужеземцев со светлыми волосами. Нам-то здесь все равно, но надо же помнить об осторожности, если вы привлекаете столько внимания.

– Я работаю на Бруглиони, – сказал Элс, изобразив полнейшее недоумение. – А! Ты про тех молодчиков, что якобы на нас работали, а на самом деле выполняли приказы священника, подосланного к нам Братством Войны? Смешно получилось, да? Те парни, после того как тот священник их науськал, взяли и прикончили восемь или десять человек из шайки, на которую

святой отец и шпионил.

Судя по выражению лица, старика эта история ничуть не забавляла. Один за другим в лавку начали возвращаться его внуки. Они складывали на прилавок свертки и исчезали за задней дверью, из-за которой снова и снова вырывались облачка серного дыма.

Элс все ждал подвоха, хотя зачем им его выдавать? Ничего страшного так и не произошло. Все гонцы вернулись в лавку, готовый заказ лежал перед ним.

– Превосходно. С удовольствием отправлю к тебе любого, кто спросит меня про бумагу.

– Вы очень добры, господин. Передайте всем, что лучше закупаться сейчас. Как только начнется война, все заберут солдаты.

– Война? Какая война?

– А вы не слышали?

– Ты же видишь, что нет. Сижу днем и ночью взаперти во дворце Бруглиони, а когда выхожу в город, никто не хочет разговаривать со светловолосым чужеземцем. Так в чем дело?

– Вчера пираты устроили большой набег. На Старплир. Перебили священников, монахинь и ученых мужей, разграбили все, что смогли. Почти всех жителей тоже поубивали. Большой отряд имперской кавалерии, направлявшийся в Аламеддин, добил отставших от основных сил мародеров и спас немногочисленных горожан, которым удалось спрятаться. – Старик заметно помрачнел, описывая налет.

Элс начал припоминать: Старплир расположен у самого побережья, на юге от устья Терагая, и совсем не укреплен, живет там несколько тысяч человек – в основном монахи, монахини и богословы, и славится город своими монастырями и семинариями, а еще там находится главный епископальный университет. И крошечное поселение дэвов, которые занимаются издавна знакомым им делом.

– Понятно.

– Говорят, патриарх убедит коллегию устроить против Кальзира священный поход.

– Думаю, самое время, – отозвался Элс, забирая сдачу и вешая на плечо мешок с покупками (в мешок этот, по всей видимости, раньше ссыпали рис). – У тебя там была родня?

– Мы все родня.

Элс вышел из лавочки, обуреваемый противоречивыми чувствами. Чалдарянский поход против Кальзира выгоден Дринджеру гораздо больше, чем поход против Коннека. Безупречного он займет надолго, а прибыли ему не принесет

никакой. Быть может, Кальзиру удастся продержаться до тех пор, пока патриарх не отправится наконец на небеса или же окончательно не обнищает.

Но кальзирцы были праманами.

Хоть и не слишком сообразительными. Они что – с ума сошли? Зачем было совершать подобную глупость и истреблять жителей Старплира?

Тут явно не обошлось без чьего-то злого вмешательства.

– Капитан, – донесся из темного узкого прохода между домами тихий голос.

Элс не стал бы даже поворачивать голову, но голос этот был ему знаком.

– Гледиус Стьюпо? – спросил он притаившегося в тени дэва с всклокоченными волосами. – Что ты здесь делаешь?

– Поговорим в другом месте. Иди за мной, – выпалил тот и быстро пошел по улице, изо всех сил стараясь казаться незаметным.

Выглядело это забавно: что может быть заметнее крадущегося гнома?

Элс последовал за ним, обдумывая на ходу последние события. Сначала эта война, а теперь вот Гледиус Стьюпо.

– Какая-то у вас нездоровая страсть к подземельям, – пожаловался Элс.

– Вспомни дэвское подполье, – отозвался Стьюпо.

– Ха! И еще раз – ха!

– Когда с тобой обращаются как с крысой, постепенно, чтобы выжить, перенимаешь крысиные повадки.

Стьюпо привел Элса в располагавшиеся под дэвским кварталом подземелья, которые, как он утверждал, прорыли еще на заре Древней Империи. Тогдашние дэвы прятали здесь своих освобожденных единоверцев – бывших рабов, захваченных в Святых Землях.

– Но в землю, капитан, зарываются не только дэвы. У всех жителей Брота есть тайные погреба и подполья. У первых чалдарян, арианистов, была целая система потайных туннелей, убежищ и часовен. Они до сих пор время от времени обваливаются.

Внизу их встретило четверо дэвов. Тайник как две капли воды походил на тайник в Сонсе, даже запах сырой земли был тот же. Двоих гномов Элс помнил по Сонсе, еще двоих Гледиус представил как Пинана Талаба и Шира Сперео, который и был бротским связным Тейджа.

– Долго же ты сюда добирался, – заметил Сперео.

– Издержки профессии. Полгода просидел в плену.

– Наверное, хозяева твои не слишком обрадовались, – сказал Стьюпо.

– Зато обрадуются, услышав про грядущую войну.

– Которая на время займет патриарха.

– Это они все устроили? Что тут на самом деле происходит?

Дэвы озадаченно переглянулись.

– Ты о чем? – спросил Гледиус.

– Кальзирцев наверняка кто-то подбивает. Они же не настолько безмозглые и не надеются, что патриарх стерпит, когда у него под носом нагло грабят владения церкви и епископальные государства.

– Думаю, они именно что безмозглые. Им известно, что торговые республики разгневались на патриарха и не желают ему помогать. А из первых набегов пираты вернулись по самую ватерлинию нагруженные сокровищами неверных. Кальзир охватила жажда наживы, и теперь все, у кого имеется мало-мальски вместительная лодка, собирают дружков и откапывают старое оружие: им не терпится поскорее разбогатеть. Возможно, после Старплира они совсем осмелеют и замахнутся на добычу покрупнее.

– Но успех может вскружить голову, – заметил Элс. – Стоит им забыть о Безупречном и клане Бенедокто и покуситься, например, на владения Ганзеля или какой-нибудь торговой республики…

– Тогда им придется туго, – кивнул Талаб. – Мы-то понимаем, а вот они нет. Кальзир нынче несказанно поглупел. Хотя умных-то везде днем с огнем не сыщешь, а в тех краях и подавно. Вечная тамошняя проблема – отсутствие централизованной власти.

– Со времен Праманского завоевания каждые шестьдесят или восемьдесят лет – одно и то же, – вздохнул Стьюпо. – Рано или поздно чалдарянские союзники вычищают кальзирское побережье, пиратство прекращается – но только до тех пор, пока не умирает последний старик, помнящий о том, как все закончилось в прошлый раз.

– Вечно они воображают, что бог на их стороне, – вставил один из дэвов, – а фиральдийцы – бесхребетные слабаки, не способные дать отпор.

– Может, если бы там было больше грамотных… – протянул Стьюпо.

– Гледиус, я и не слышал, как ты оказался в Броте.

– Конечно слышал. Только не от меня. В Сонсе дела совсем швах. Из Кастелла-доллас-Понтеллас послали новых громил, чтобы отомстить за того колдуна.

– Я тебя порадую: тот колдун возглавлял отряд, в который я вступил. Он лишился почти всех своих бойцов.

– Прекрасно, когда-нибудь мы… – Стьюпо одернул себя. – Дэвы и дейншокины решили покинуть Сонсу, после того как там погибла половина дэвов.

Элс не чувствовал никаких угрызений совести.

– Аль-Кварн тобой недоволен, – продолжал гном.

– Если они считают, что могут сделать эту работу лучше, милости прошу.

– Они не понимают, что именно тут на самом деле творится. Ты должен объяснить им. Мне недавно напомнили, что ты еще не посылал отчетов. Им стало известно, что ты уцелел, лишь через третьи руки.

– Мне было велено докладывать, когда появится о чем. А пока не о чем, – отозвался Элс, никак не прокомментировав замечание Стьюпо насчет «объяснить им».

– Власть предержащие желают знать, что происходит. Им нужно принимать решения. Не получив нужных сведений, они визжат, словно побитые свиньи. Но я не особенно желаю упрощать им жизнь.

– Да, – кивнул Элс, – враг твоего врага – твой союзник.

– Но не друг. Понимаешь?

– Разумеется. Но прежде чем определять, каким станет мир там, у нас, нужно разобраться с западной угрозой.

– Ты что-то слишком хорошо соображаешь для солдата, – заметил Гледиус.

– Несомненно. А ты превратился в охотничьего пса на службе у фальшивых богов. Где же твой стыд?

– Надеюсь, это еще не конец мира, и кто именно из нас впал в заблуждение и поклоняется ворогу – выяснится не сейчас.

– Все это не имеет значения. Во всяком случае, пока. Если Безупречный потребует устроить поход на Кальзир…

– После Старплира коллегия одобрит карательную экспедицию против пиратов. Какая жалость! Стоит Безупречному увязнуть в Кальзире – ему не хватит времени на бесчинства в Святых Землях.

– Раз уж я к вам забрел, давайте-ка напишем отчет, а вы его передадите. – Элс не стал говорить им, что на самом деле уже посылал вести домой. – Я бы лучше продиктовал. Писать придется долго.

– И еще кое-что, – сказал ша-луг, когда с отчетом было покончено. – Сейчас я на службе у Бруглиони, и мне нужен счетовод – настоящий волшебник, который разбирается в цифрах и может вывести мошенников на чистую воду. Слуги

беззастенчиво обкрадывают клан Бруглиони, подделывая бумаги, а мне нужно утвердиться на новом месте.

– Посмотрим, что тут можно сделать, – кивнул Стьюпо.

– Вы нашли бумагу? – поприветствовал его Поло.

– Да, в дэвском квартале. Но дэвы говорят: надвигается война и бумагу скоро будет не достать. И цены везде подскочат.

– Ах да, война. Они хотели с вами поговорить как раз о ней. Прямо сейчас.

– С чего бы это? Обычно они никуда носа не кажут. Когда мне что-то нужно, я вечно не могу их доискаться.

– А что в этом плохого? Палудан вами весьма доволен.

– Неужели? Поло, мне приходится выдумывать на ходу. Никто не объясняет, что именно делать, – просто наняли меня, и все. Поэтому я занимаюсь тем, что явно нужно привести в порядок, и постоянно спрашиваю себя: почему же второй по богатству и влиянию клан Брота живет в свинарнике? Почему их до сих пор боятся и уважают? Тут же просто некого бояться и уважать. Неужели об этом никто не знает? Говоришь, сидят, меня дожидаются?

– Не совсем. У них там встреча тайная. В шахматы играют.

– А еще что?

– Приходил Дивино. Наверное, насчет пиратов.

– Дивино? Тот самый дядюшка из коллегии?

– Да. Принципат Дивино Бруглиони. Вы его, наверное, видели уже, просто не поняли, кто это такой. Он часто сюда заглядывает.

– Отнеси все это в наши покои, а потом вели госпоже Ристоти прислать мне еды. Прямо туда. С самого утра во рту ни крошки.

– Вы разве не навещали свою даму?

– Я искал бумагу и осматривался в городе.

– Весь в делах?

– Да, Поло. Только так в нашем мире можно преуспеть.

Элс зашел в небольшую комнату; крестьяне назвали бы такую огромным залом, ну а по меркам Бруглиони она считалась лишь жалкой каморкой. Из мебели там были только шахматный столик и четыре стула. На одном спиной к двери сидел Джервес, напротив него мрачно склонился над доской Палудан. Огонь в камине не горел.

– Ах да, Хект. Проходи. Ты был сегодня в городе?

– Ходил в дэвский квартал за бумагой. Она нужна для наших с мальчиками уроков. Заодно разузнал, что творится в той части города.

– Слыхал про Старплир?

– Только в общих чертах. У меня светлые волосы. Горожане вступают со мной в разговор только тогда, когда хотят освободить меня от лишних денег. Про войну слышал немного.

– Значит, не очень внимательно слушал. Только о ней и говорят на каждом углу. Дядя Дивино утверждает, что патриарх потребует устроить священный поход. И коллегия ему позволит.

– Неужели? – удивился Элс.

– Именно. У многих в Старплире погибла родня. Но есть и другие неприятности.

– Какие?

– По словам Дивино, получив известия о Старплире, коллегия начала следить за кальзирскими пиратами. Их гораздо больше, и управляются они гораздо лучше, чем мы подозревали. Нынешний набег – лишь прелюдия.

– Новости тревожные.

– Верно, – согласился Салюда. – Садись. Нужно все обсудить.

– Говорите, – сказал Элс, усаживаясь.

– Пираты подумывают двинуться на Брот. Сопротивления особого они не ждут: город обороняют лишь члены Братства. А сейчас их здесь и сотни не наберется.

– И кальзирцам об этом известно?

– Да.

– А им известно, что мы тоже об этом знаем? Нет, давайте-ка я спрошу по-другому. Их вожаки обращаются к Орудиям Ночи? Не могут ли они решить, что кому-нибудь здесь станет известно об их планах?

– Возможно… пиратским предводителям и известно. Все знают, чем занимается коллегия.

– Но мы не для этого собрались, – вмешался Палудан. – Нужно защитить клан и нашу собственность.

– Что именно?

– У нас владения по всему городу.

– Всё вы защитить не сможете. Скорее, даже вообще ничего не сможете, если не знаете точно, куда именно ударят. Соберите все ценное здесь: все, что хотите спасти от разграбления, и всех, кого хотите видеть в живых. А еще лучше уехать из Брота и переждать.

– Это не лучший ход, по политическим соображениям, – протянул Джервес.

– Мы же Бруглиони, – согласился Палудан. – Мы обязаны защищать Брот.

– Каким образом? Вся ваша армия состоит из меня, четверых привратников да кучки детей, которые не знают, с какой стороны браться за меч.

– Остальные в таком же положении. Ближайший патриарший

гарнизон располагается в Бобире, а это в четырех днях пути. Имперцы из Гэджа могут подоспеть и за два дня, но вдруг Ганзель решит воспользоваться моментом и сам обрушится на Брот?

– Значит, мы боимся имперцев больше, чем кальзирских пиратов?

– Мы – нет, – фыркнул Джервес. – Но Безупречный – возможно.

– Если действительно нагрянут пираты, – кивнул Палудан, – Безупречный просто-напросто окопается на своем острове и переждет.

– Никогда мне не постичь тонкостей бротской политики, – посетовал Элс. – Это же прекрасная возможность для врагов патриарха.

– Да. Если набег все-таки случится, дядюшка Дивино и его дружки ее не упустят.

– То есть обе заинтересованные стороны готовы отдать город на разграбление? Одна – из трусости, а другая – ради политической выгоды?

– Не знаю. Я хочу услышать мнение профессионального солдата.

– Посмотрим, что мне удастся разузнать. А, госпожа Ристоти, благодарю вас. Но, думаю, мы уже закончили, так что я поем в кухне.

Элс вопросительно взглянул на Палудана Бруглиони, и тот, мрачно нахмурившись, кивком дозволил ему удалиться.

Рано утром Элс вышел из ворот дворца. Никто за ним не следил. Сначала он заглянул к Арньенам, где удостоился короткой аудиенции у Рогоза Саяга и его отца. К ним ненадолго присоединился и сам дон Иниго.

Потом Элс направился к Бронту Донето. Просто Джо, который нес караул у ворот, затащил его внутрь.

– Пайп, здесь прекрасно кормят. И к тому же вдоволь. Лучшего места у меня еще не было. Только вот приходится Горта терпеть, он ведь мой начальник. Но иногда ведет себя как настоящая скотина.

– Так с нами, начальниками, и бывает, Джо. Представь себе, что надо каждый божий день заставлять работать кого-нибудь вроде Бо, тут уж волей-неволей оскотинишься.

– Понимаю, – засмеялся Джо.

– Как поживает Чушка?

– Он, Пайп, словно сыр в масле катается. В два раза лучше меня ему живется. Эй! К нам капитан Хект заглянул!

Пинкус Горт весьма усердно выполнял обязанности правой

руки Донето: вместе с шестью профессиональными вояками они обдумывали, как же именно обороняться от кальзирцев.

– Ого! – восхитился Элс. – А у меня в распоряжении только древний пень, по имени Виго Каниглия, и трое необученных стражей, из них лишь один еще на что-то годен. Да кучка детей, самому старшему из которых едва стукнуло шестнадцать.

– Судя по всему, Пайп, это еще ничего, ведь все пять кланов – жуткие скупердяи, хотя могут при желании купить целый полк. А мы-то, дураки, надеялись здесь разбогатеть. Хотя некоторым все же повезло.

– Есть ли какие-нибудь новости полезные? – поинтересовался Элс. – Я только знаю, что пираты якобы собираются напасть на Брот. И что все думают, будто ничего нельзя с этим поделать. А я должен срочно представить клану план действий.

– Мне известно не больше твоего. Принципат со мной дружбу уже не водит – с головой ушел в заговоры и интриги. Ничего мне, простому смертному, не сообщает.

– Он говорил, что собирается делать его высокопоставленный родственничек?

– Нет. Но спорю на свое жалованье, он точно намылился отсидеться где-нибудь в укрытии, а потом устроить новый священный поход. Страшно хочет устроить поход, неважно куда. Иди-ка сюда и взгляни на карту. На месте горе-налетчиков, которые всю жизнь промышляли рыбной ловлей, ты где бы высадился? – спросил Горт, указывая на превосходно нарисованную карту Брота.

– Я бы не стал так далеко забираться – ведь можно попасть под обстрел с мостов и укрепленных островов.

– Но если побросать лодки здесь – застрянешь в жилых кварталах. Улицы там узкие и кривые, а грабить почти нечего.

– А здесь у нас что? Я еще не спускался от Кастеллы вниз по течению.

– Памятники да дворцы. Лет им под тысячу – не меньше. Там куча народу бездомного ошивается – прогнать-то их оттуда некому. Сражаться там неудобно.

– А что северный берег? Может, они там высадятся?

– А потом перейдут по мостам? – хмыкнул Пинкус. – Я бы, возможно, так и сделал, если бы точно знал, насколько мы в действительности уязвимы. Швартоваться удобно. Но добычи мало – все крупные церкви и владения кланов на южной стороне.

– Среди пиратов в основном рыбаки да торговцы, так? Обычная толпа, только вооруженная. Они могут запаниковать.

– Да, но будет их, скорее всего, немало. Есть мыслишки?

– Конечно. Но людей у нас маловато, – вздохнул Элс. –

Понадобятся опытные солдаты, а у нас одно только Братство.

– Это я знаю, Пайп. И вражеские шпионы тоже. Но как насчет тех бездомных бродяг? Многие из них притопали в Брот, чтобы присоединиться к армии, которую патриарх все никак не удосуживается собрать.

– Ух ты! Пинкус, а ты и в половину не так глуп, как пытаешься казаться. Пойдем-ка прогуляемся. Я кое-кого знаю в Кастелле.

– А я тоже его знаю?

– Разумеется. Это Редферн Бехтер. Ему удалось выбраться из Коннека. Мы с ним недавно столкнулись на улице. И возможно, он выслушает нас и проникнется твоей идеей.

– Там сейчас Грейд Дрокер за главного, а он спелся с Безупречным. Безупречный, может, и не захочет, чтобы кто-нибудь защищал город.

– Дрокер, говоришь? А я думал, Хоули Кверк там главный.

– Безупречный отослал Кверка в Ранч. Кверк-то ему зад не лижет.

– Надо же; я думал, Братство предпочитает никому не подчиняться.

– Они всему прочему предпочитают священные походы. А Безупречный им один такой пообещал. Особое ведомство уже выпрыгивает из штанов.

– Теперь у нас есть план, – сообщил Элс Палудану и Дивино Бруглиони и Джервесу Салюде. Дивино действительно оказался тем самым человеком, которого Элс видел в свой первый день у Бруглиони, хотя по возрасту тот не очень подходил на роль дяди. – Я с самого утра бегал по городу и встречался со своими коннекскими знакомыми. Мы придумали, как отразить нападение пиратов. Клан Бруглиони должен предоставить в распоряжение Братства четыре тысячи двести дукатов и всех своих опытных бойцов, то есть меня. Кланы Мадисетти, Арньена и Бронт Донето как представитель клана Бенедокто уже согласились на эти условия. Я должен получить ответ Бруглиони.

Палудан, казалось, вот-вот задохнется. Принципат молча и внимательно разглядывал Элса.

– Четыре тысячи двести дукатов? – не поверил своим ушам Джервес.

– Каждый из пяти кланов дает ровно столько же. Да еще взносы от церкви, Братства и дэвов.

– Четыре тысячи двести дукатов, – пробормотал Палудан. – Каков же план?

– Вот тут у нас небольшие трудности. Дрокер убежден, что в

Броте у кальзирцев есть шпионы и союзники.

– Именно, – подтвердил дядюшка Дивино. – Мы шпионили за их шпионами и выяснили, что за пиратами стоит волшебник по имени Масант аль-Сейхан. Продолжай, капитан Хект.

– Именно из-за шпионов Дрокер и не хочет обсуждать свой план. Знаю, вам это не понравится, но он настаивает на своем. Он может все объяснить вам, принципат, но только если Палудан откажется верить мне на слово, что такая секретность необходима.

– Они нам не доверяют? – удивился Джервес.

– Да, не доверяют. Грейд Дрокер – невероятный циник: уверен, что, узнав обо всем, один из пяти кланов охотно продаст всех остальных в обмен на обещание, что его имущество и владения пираты пощадят. Или же какой-нибудь обиженный, недовольный жалованьем слуга подслушает. Судя по истории Брота, Дрокер не так уж не прав.

– Даже с коллегией говорить – и то огромный риск, – согласился Дивино.

– Уверен, об этом он позаботился. Дрокер мне нисколечко не по душе. Но такому, как он, вполне по силам справиться с надвигающейся бедой.

Несколько дней кряду Палудан стенал и всячески изворачивался, но в конце концов все же заплатил положенную сумму, после того как на него надавил дядя Дивино.

Один лишь Безупречный отказался профинансировать Большой План. Ему он не понравился, ведь патриарх в итоге ничего не выигрывал.

Элс обрадовался как мальчишка, когда Грейд Дрокер объявил:

– Защищать его святейшество мы не будем, поскольку он не желает участвовать в нашей общей кампании. Пресвятой Эйс, даже язычники-дэвы согласились платить!

Тейдж усмехнулся про себя. Все шло просто превосходно.

Кальзирские пираты действительно зашли в устье Терагая, но случилось это на неделю позже, чем ожидали, и было их в несколько раз больше, чем боялись. Паруса полностью скрыли реку на мили вперед.

В ту самую неделю, когда все ждали нападения, кальзирцы совершили набег на Терею, где столкнулись с имперскими войсками, которые направлялись на юг, в Аламеддин.

Коллегия объявила, что нападение на Терею всего лишь отвлекающий маневр, цель которого – выманить защитников из Брота. Посему жителей Тереи и имперцев предоставили самим

себе.

Ходили слухи, что у Масанта аль-Сейхана есть тайные союзники в одном из пяти кланов. Или среди цветных партий. Или в одной из многочисленных бротских общин.

– Кто-то сообщил этим мерзавцам, – рассказал Редферн Бехтер Элсу и Пинкусу, – что мы просто-напросто стараемся одурачить их и отпугнуть от Брота.

Они собрались на очередную встречу, где что-то постоянно обсуждалось, но ничего не решалось.

– Не верю я, – отозвался Пинкус, – что Дрокер рассчитывал так просто их отпугнуть. Уверен, он все это разыграл – хотел проверить, кто сливает сведения.

– Один слух точно неплохо было бы распустить, – проворчал Элс. – О том, что наше командование знает, что делает.

– Вот за что я люблю Хекта, – усмехнулся Бехтер, – так это за его неизменную жизнерадостность.

– Мысль отличная, Пайп, – кивнул Горт, – но, боюсь, уже слишком поздно.

В утреннее небо с одного из южных дозорных постов ниже по течению поднялся серый столб дыма.

– Кальзирцы зашли в Терагай. Нам предстоит бой.

Элс не переставал удивляться. Как же так вышло, что толпа рыбаков, плохо вооруженных крестьян и никудышных матросов с убогих торговых суденышек решилась напасть на столицу целой империи? Здесь явно что-то нечисто.

Братство успело завербовать около двух тысяч опытных бойцов из числа бездомных бродяг, ютившихся в руинах. Их разбили на небольшие отряды – каждый возглавлял один из рыцарей-братьев. Пять кланов вызвали в Брот из окрестных краев еще около двух тысяч добровольцев и наемников. Но Элс был уверен: четырех тысяч не хватит для обороны города.

– Они обезумели, – сказал он Горту.

– Тебе приходило в голову что-нибудь подобное, – хмыкнул тот, – когда ты отправился в Брот?

– Нет. Слухи бесконечно далеки от правды.

– И то верно. Если бы я знал, как оно на самом деле обернется… Пинкус Горт на ножи к кальзирцам не торопится. Нет уж, дудки! Я на эту непыльную работенку не для того нанимался, чтобы мечом махать.

Элс знал, что мало кому из солдат нравится война. В наемники шли те, кто иначе не мог заработать себе на хлеб. Почти как уличные шлюхи.

Если хочешь выжить – сделаешь все, что для этого требуется. Мораль, этика и милосердие – роскошь, доступная лишь богачам.

– Пайп, ты о чем задумался, холера тебя забери? – закричал Горт. – Ну-ка, просыпайся и вникай, нечего в облаках витать. Давай обмозгуем – что да как.

– Ты понимаешь, почему мы должны остановить их в Мемориуме? – спросил Элс.

– Да уж понимаю. Ведь если что-нибудь пойдет наперекосяк, обвинят во всем гребаных наемников. То есть нас с тобой. У нас на совести нынче все грехи патриарха и пяти кланов вместе взятых. Что бы мы ни делали – окажемся в заднице.

– Правильно ли я уловил суть, Хект? – поинтересовался подошедший Джервес Салюда. – Ты думаешь, что патриарх замыслил в случае чего свалить на тебя и этого твоего Горта всю вину?

– А вы бы такой трюк не выкинули? – огрызнулся Горт. – Если бы Пайп работал не на вас? Вот зараза! Пайп, ты посмотри. Эти бараны уже возле нашего заслона.

В двух милях ниже по течению Терагай перегораживала цепь с бревном. Защитники хотели задержать там неприятельский флот, чтобы обстрелять его с обоих берегов. К сожалению, после того, как бротские кланы отказались от открытых междоусобных войн, в городе почти не осталось метательных машин, а теми немногими, которые уцелели, хозяева не желали жертвовать ради общего блага. Удалось собрать лишь шесть колесных баллист.

Над рекой поднялся огненный шар, за которым тянулся шлейф черного дыма.

– Что это, как думаешь, сержант? – спросил Элс.

– Думаю, это какое-то могучее волшебство, – изрек Бехтер. – Думаю, злодеи разрушили наш заслон. А еще я думаю, у нас крупные неприятности.

Прибыл гонец, и оказалось, что Редферн Бехтер просто ясновидящий. Все так и было, разве что обошлось без волшебства. Просто пираты намеренно направили в заслон один из кораблей, а потом взорвали его.

Теперь вверх по реке быстро двигалось около тысячи судов.

– Начали высаживаться на северном берегу, – вскоре доложил следующий гонец. – Перед Блендайном.

Блендайн был первым из мостов на пути пиратов. От него до Кастелла-доллас-Понтеллас было меньше двухсот ярдов. Мост был достаточно высок: проплыть под ним на веслах, опустив мачты, могли и крупные суда. Ширина пролетов позволяла целой вражеской эскадре беспрепятственно пройти к Кастелле. На мосту врагов ждал отряд городского ополчения, вооруженный копьями, дрянными арбалетами, булыжниками и кирпичами.

Но вот северный берег, ниже Блендайна, не защищал никто.

Именно оттуда пираты и ударили по мосту. Под довольно вялым огнем из Кастеллы, хотя Элс удивился даже такому сопротивлению, им удалось прорваться. Значительно поредевшая толпа налетчиков, многие из которых обезумели от ужаса, ворвалась в Мемориум – огромный район, полный памятников, фонтанов, триумфальных арок и небольших площадей, где должна была, как ожидалось, пройти самая первая и самая жестокая схватка. И где, возможно, решится судьба всей кампании.

Командиры бротского ополчения рассчитывали, что пираты высадятся на южном берегу, на окраине Мемориума, ударят с востока, отрежут Кройс и Кастелла-доллас-Понтеллас и попытаются захватить мосты через Терагай, чтобы не дать защитникам города получить подкрепление с севера. А затем займутся грабежом.

Но пираты высадились на северном берегу и захватили мост Блендайн. Теперь им уже не нужно было с боем отвоевывать три четверти Мемориума, прорываться через засады и гибнуть под дождем стрел, сыплющихся с двух сторон. Защитники рассчитывали на недостаток опыта и дисциплины у кальзирцев, но эти расчеты оказались неверны.

– Пайп, это не обезумевшая толпа, – сказал Пинкус Горт. – Они там четко знают, что делают. Нас сейчас отлупцуют, как парочку малолетних шлюх.

– Да, план у них точно есть. И дисциплина тоже. Может, пиратов и интересует лишь нажива, но вот кое у кого интересы посерьезнее.

Редферн Бехтер обычно ни с кем ни о чем не советовался. Он просто молча служил своему богу. Если бы сержанта спросили, он бы сказал, что бог очень похож на портного. Тихо, спокойно и без суеты вершит свои дела на земле.

– Если мы прямо сейчас, – сказал он, – не признаемся сами себе, что это не просто кучка праманских рыбаков, которые тащат все, что не приколочено, – нам конец. Тут видна рука злобного гения.

– Как думаешь, Пинкус? – вздохнул Элс. – Стоять насмерть здесь и на юге, а там пусть себе творят что хотят?

– Тогда они попадут в самую густонаселенную часть города, – возмутился Салюда.

– Но ведь они туда и рвутся? Если мы им дадим это сделать, а нас самих при этом не перебьют, сможем потом сражаться. И ударить туда, где их уже нет. Правильно?

– Лодки! – выпалил Горт. – Зараза! Пресвятые Эйс и Аарон! Да ты сам злобный гений, Пайп!

– Только если им хватит глупости оставить их на северном берегу. Тогда просто нужно будет защищать мосты, когда пираты ринутся обратно.

– Давай-ка всех известим, – рассмеялся Горт. – Ты же знаешь, Пайп, как в итоге все обернется? Всю славу загребет Братство.

– Может, оно и к лучшему. Они ведь смогут выстоять против толпы испуганных пиратов. Джервес, если хотите помочь, бегите к арке Хамброса, найдите Годеля Джойса и передайте ему: пусть сражается вполсилы. Пускай пираты отправляются в сторону руин сената. Но больше ничего не говорите. Пинкус, найди Моглию и передай: нельзя дать им спуститься вниз по течению. Ничего больше. Это будет несложно. А я пока проберусь в Кастеллу. Бехтер?

– Я с тобой. Пираты быстро догадаются?

– К тому времени, надеюсь, будет уже поздно.

На самом деле Элс совсем не был уверен в успехе. Пиратов ведь явилось так много. Никто не ожидал, что в Кальзире найдется столько лодок.

Палудан Бруглиони и те немногие отважные слуги, которые хотели помочь клану, последовали за Элсом в Кастелла-доллас-Понтеллас.

Грейд Дрокер самолично возглавил отряд, который перешел через мост Растиж от Кройса и атаковал пришвартованные или просто выволоченные на берег кальзирские суда. С помощью своей скудеющей магии Дрокер посеял панику среди раненых или старых пиратов, которых оставили охранять флот захватчиков. В основном это были небольшие лодки, рассчитанные человек на пять.

В момент затишья Элс внимательно оглядел противоположный берег Терагая. Пока там ничего не происходило. Рыцари Братства баррикадировали мост Блендайн, чтобы враги не смогли прорваться обратно, и угодили под стрелы Кастеллы.

– Очень скоро они вернутся, – сказал сержант Бехтер.

– Наверняка.

Дрокер привел из Кастеллы слишком мало бойцов, чтобы сражаться с охранявшими лодки пиратами и одновременно усиливать оборону моста. Застигнутые врасплох лишь в первые минуты, караульные начали ожесточенно сопротивляться, да и лодок было слишком много, а могущества у волшебника почти не осталось. Так или иначе, когда подоспел Элс, отряду удалось поджечь или продырявить едва ли сотню лодок.

– Нам уже… трудно… удерживать мост… – сказал Дрокер

Элсу. – Я должен идти… помочь… Присмотри… здесь. Займитесь… самыми большими лодками. Это их… отвлечет. Они начнут… делать глупости. И еще… ищите… женщину.

– Какую женщину, господин?

– Где-то тут… скрывается женщина по имени… Старкден. Ведьма. Она точно здесь… среди лодок. Иначе… моих сил хватило бы. Поймай ее. Она нужна мне… живой. Братству Войны… о многом нужно… ее расспросить.

– Господин, я с подобным еще дела не имел. Как поймать ведьму, если она не хочет, чтобы ее поймали?

– Сейчас она… ничего не может сделать… пока. Я сильно ее задел. Но это… ненадолго. Не теряй времени даром. И не забудь… если мы не сможем удержать мост… ее нужно… перетащить на ту сторону.

Дрокер разговаривал уже гораздо быстрее, чем в Коннеке. За последний год его здоровье явно улучшилось.

– Да, господин.

– Поймай ее, Хект… тогда мы сможем победить. Тогда они поймут, что… мы захватили их… удачу… и что… коллегия вот-вот очнется.

– Да, господин.

Элс недоумевал, почему коллегия до сих пор не вступила в битву. Неужели кальзирским колдунам удалось их нейтрализовать?

Дрокер поспешил к мосту Блендайн, и Элс наконец-то смог спокойно вздохнуть. Волшебник не знал, что сделался калекой именно по вине Тейджа, но тот всегда чувствовал себя рядом с Дрокером неуютно.

– Нравом этот человек не вышел, зато силы воли ему не занимать, – заметил Бехтер.

– Нрав-то у него как раз весьма примечательный. Змеиный.

– Ну, это ж особое ведомство. Туда берут типов еще более страшных, чем те, кого им приходится ловить. Только змеи туда и попадают.

– Давай-ка отыщем эту ведьму. Кто-нибудь знает, как она выглядит?

– Всякий член Братства, как это ни странно. – И Бехтер описал ему смуглую женщину лет пятидесяти; описание это с легкостью бы подошло кому угодно – скажем, сестре или матери Палудана Бруглиони или же любой бротской гадалке.

Именно так Элс Бехтеру и заявил.

– Наверное, поэтому она и шастает никем не замеченная по обе стороны Родного моря.

– На кого она работает? – удивленно спросил Элс.

Он сам впервые услышал о колдунье только в Ранче, а вот в этих краях она, видимо, успела прославиться.

– Хороший вопрос, капитан. Нанимается на службу к кому пожелает. Послушай-ка, у нас тут сражение еще не закончилось. Если хочешь чесать языком, ступай туда – к великому герою и его верному помощнику. А мне надо карать неверных! – Бехтер говорил, разумеется, о Палудане и Джервесе, который уже успел выполнить свое поручение и вернуться. Оба они в бой не рвались. – И искать ведьму.

По всей видимости, праманскую.

Охранявшие суда пираты гибли один за другим, и сопротивление постепенно слабело. Самые трусливые кальзирцы садились в лодки или пускались бежать. С южного берега доносились истошные крики их товарищей, требующих немедленно переправить к ним «эти чертовы корыта».

У Элса начало ныть запястье. Амулет так долго не напоминал о себе, что Тейдж и забыл о нем. Почти забыл.

Ша-луг отбил вялое нападение трех раненых кальзирцев – судя по всему, представителей разных поколений одной семьи. Расправился он с ними безо всякого сожаления.

– Молодец! – похвалил Бехтер. – Наконец-то взялся за дело.

– Руби такелаж. Вряд ли нам удастся еще что-нибудь поджечь.

Пираты с южного берега, воодушевившись, ринулись на Блендайн. Отряды поменьше атаковали мосты Кройса и Кастеллы.

– Смотри, дым. Плохой знак, город горит.

Элс оглянулся туда, куда указывал Бехтер. В том направлении, только чуть дальше, располагался дом Анны Мозиллы.

– То каботажное судно с красным флагом целая свита сопровождает, – крикнул Тейдж, когда они покончили почти со всеми вытащенными на берег лодками. – Может, какая-то важная шишка на борту?

– Похоже на то. Нам бы сейчас отряд апарионских стрелков с арбалетами, мы бы их укокошили прямо отсюда.

Судно под красным флагом вместе с сотней других крупных судов не стали вытаскивать на берег. Стояли они ниже по течению борт к борту, рядами по семь-восемь штук. Часть кораблей пришвартовали к небольшой защитной стенке, проходившей по самой кромке реки и наклонно сбегавшей к воде. На южном берегу набережная была устроена похожим образом – от самого Блендайна и дальше вверх по течению. Видимо, строили здесь так из-за того, что река делала поворот.

– Не сможем прорваться, – сказал Элс Бехтеру. – Их слишком

много. Отвлеки, а я обойду вокруг. Джервес, вы с Палуданом держитесь поближе к сержанту.

Бруглиони не убегали с поля боя, но старались не ввязываться в схватку.

– Вокруг? Хект, как ты?..

Но Элса уже и след простыл.

Укрывшись за рыбацкой лодкой, он сбросил кольчугу и куртку и скользнул в вонючую бурую реку. Вода оказалась гораздо холоднее, чем он ожидал.

С оружием плавать трудно, но ша-луг обучают этому еще в детстве: хороший солдат умеет сражаться где угодно.

Элс скрылся под водой, проплыл немного по течению и вынырнул за крайним кораблем в первом ряду. Оттуда он добрался до потрепанного торгового судна с красным флагом. Это был один из самых крупных кальзирских кораблей, но каким же маленьким он показался бы рядом с боевыми дринджерийскими галерами.

Тейдж перевел дух, ухватившись за обшивку, и прислушался, но услышал только скрип натянутых канатов да треск дерева.

Забраться на борт оказалось нелегко – даже в средней части судна, где надводный борт опускался ниже всего, до леера было никак не дотянуться. А цепляться на обшивке было не за что.

Элс вогнал нож в засмоленную щель между досками прямо у себя над головой, вбил его покрепче парой ударов ладонью, потом, передохнув мгновение, ухватился за нож одной рукой и изо всей силы рванулся вверх. Второй рукой ему удалось уцепиться за планширь. Тейдж закинул на палубу меч, уцепился и второй рукой и подтянулся.

Уже на борту он первым делом подобрал оружие. Никто не спешил на него бросаться. Бехтеру удалось отвлечь на себя внимание пиратов.

Ша-луг быстро прошел на корму и перерубил швартовы, потом кинулся на бак. Корму тем временем начало разворачивать по течению.

Элс перерубил носовой швартов и только тут понял, что не продумал толком свою вылазку. Корабль ведь понесет вниз по течению. Как им управлять?

Талисман жег запястье, в воде этого не чувствовалось.

На берегу завопили пираты. Кто-то полез к нему по пришвартованным к набережной кораблям.

Осталось перерубить последний швартов.

Какой-то не слишком умный, зато весьма отчаянный кальзирец сиганул с крайнего корабля к Элсу, хотя расстояние между судами уже значительно увеличилось. Он приземлился на

канатную бухту, упал и вскрикнул от боли. Явно что-то себе сломал: Элс хорошо слышал, как треснула кость.

За первым героем последовало еще трое. Одному удалось допрыгнуть и приземлиться на палубу. Второй ухитрился скакнуть прямо на планширь и чудом удержать равновесие, размахивая руками. Но тут третий недопрыгнул и рухнул в воду, успев тем не менее уцепиться за ногу второго и утащить его за собой.

Тем временем на берегу под натиском Бехтера пираты разбежались в разные стороны, а потом уже разбежались Бехтер и его люди.

Сквозь баррикаду на Блендайне отчаянно прорывались кальзирцы.

Элс перерубил-таки последний швартов и сбросил в воду непрошеных гостей. Они же рыбаки, в конце-то концов, – значит умеют плавать.

Корабль развернулся вокруг своей оси и врезался в борт соседа. Послышался громкий треск. Мачта накренилась, и Элс помчался на корму. Только бы суда не сцепились такелажем.

Через минуту все повторилось: корабль снова развернуло и снова он ударился о пришвартованное судно, но теперь уже не так сильно. Тейдж не был обучен морскому делу. Как же управлять этой посудиной? Чтобы она слушалась руля, надо не просто двигаться, но двигаться с учетом течения.

А еще нужно срочно решать еще более неотложную задачу – искать колдунью, Старкден. Которой известно, кто он такой на самом деле, ведь она пыталась убить его еще в Ранче. Только зачем ей это, если она истинная праманка?

На небольшом судне не было ни трюмов, ни кают, только маленькое возвышение на корме, где, видимо, и располагался рулевой. Да и прятать пиратам пока было нечего – они ведь прибыли в Брот порожняком, надеясь загрузить судно богатой добычей.

Под платформой рулевого все же был небольшой закуток. Там Элс нашел впавшую в забытье женщину. Ша-луг выволок ее на палубу. Он точно знал, что никогда прежде не видел колдунью, но почему-то она казалась ему знакомой.

Она была невысокая, плотного сложения, со смуглым, без единой морщинки лицом. Ее яркий полотняный наряд не имел ничего общего с одеждой, которую носили пираты. Скорее, он напоминал платье рыночной гадалки. И еще она была совершенно лысой.

Зачем колдунья обрила голову? Что это значит? Элс не помнил, чтобы гадалки сбривали волосы и носили парики. А

парик она точно носила – он валялся тут же под навесом. Тейдж наткнулся на него, когда искал, чем бы заткнуть ей рот.

Заткнуть рот и связать руки. Пока ведьма не может сопротивляться, надо ее обездвижить.

По набережной вслед за кораблем бежала толпа кальзирцев. А еще раньше несколько самых отважных погрузились в лодки и пустились вдогонку за Элсом.

Да, положение хуже не придумаешь. Он один, без поддержки, продрог до костей, на руках опасная пленница, да еще враги преследуют по пятам. Может, заманить парочку на борт, а потом разоружить и заставить управлять судном?

План смелый, но шансов на успех мало.

Запястье пульсировало, но меньше, чем когда Грейд Дрокер пытался его убить. Боль не слишком острая. Талисман не предупреждал об угрозе, а просто откликался на присутствие волшебной силы. А рядом с Дрокером теперь Элс чувствовал лишь едва уловимое покалывание в руке.

Бегущие по берегу пираты неожиданно столкнулись с отрядом ополченцев, вооруженных арбалетами (правда, те не умели толком с ними обращаться). Неумехи схлестнулись с неумехами, и те неумехи, которые могли демонстрировать свое неумение на расстоянии, одержали победу.

Преследователи на лодках не торопились подходить вплотную. Вероятно, каждый ждал, пока это сделает кто-нибудь другой.

Наконец судно Элса перестало крутиться, развернулось носом к южному берегу и двинулось по течению. Тейдж вспомнил небольшие лодчонки, снующие по каналам в Сонсе, такими в одиночку управлял один человек при помощи длинного весла. Может, огромное неповоротливое кормовое весло можно использовать таким же образом? Покрутив его так и сяк, Элс направил посудину к северному берегу.

Судно уткнулось носом в полузатонувшие бревна, прибитые к берегу возле руин какого-то древнего строения, воздвигнутого еще во времена Древней Империи.

Элс нашел тяжелый камень с дыркой, который пираты использовали в качестве якоря, продел в него веревку и зашвырнул прямо на кучу бревен. Потом надежно закрепил второй конец веревки и забросил на плечо свой смуглый трофей.

Старкден была весьма тяжелой, хотя он и снял с нее все украшения и безделушки, которые могли оказаться волшебными амулетами. Сгибаясь под тяжестью своей ноши, Элс с трудом выбрался на берег. Сколько усилий! Перед смертью она должна рассказать ему что-нибудь стоящее.

Ведь выбора у Тейджа нет. Колдунья слишком много знает.

22

Коннек, путешествие герцога Тормонда

Когда стало ясно, что герцога Тормонда отговорить не удастся, политические фракции Коннека возжелали в меру своих сил повлиять на ход предстоящих переговоров.

Да, Тормонд IV, герцог Кауренский, владыка Коннека, Великий Недотепа, вознамерился обратиться лично к патриарху и разрешить все возникшие между ними недоразумения, чтобы в Коннек больше не отправляли на убой несчастные армии.

Большинство сходилось во мнении, что герцог намеренно не желает видеть очевидного: встреча с патриархом ничего не изменит, а Безупречный просто хочет обобрать самый богатый чалдарянский край, чтобы оплатить свой священный поход в Святые Земли.

К свите герцога примкнул брат Свечка, а вместе с ним Микаэль Кархарт, епископ Лекро, Тембер Серт, сын Тембера Ремака, и другие неугодные патриарху. Многие путешествовали инкогнито, но шпионам Безупречного было прекрасно известно, кто есть кто.

Орудия церкви порой были так же вездесущи и коварны, как и Орудия Ночи, а уж бед от них приключалось даже больше. Ведь Ночь отличалась жестокостью и обычно карала всех без разбора.

Сэр Эарделей Данн решил не ехать в Брот – не потому даже, что сама мысль об этом визите ему претила, а потому, что в Коннеке следовало оставить надежного человека из-за Реймона Гарита. Сэр Эарделей подозревал, что юный граф замышляет очередное бесчинство.

Зато вместе с Тормондом ехала его сестра. Изабет должна была представлять в Броте своего мужа. Король Питер желал видеть Коннек независимым – его вполне устраивало, что алчный Аргенд отделяет от Наваи другое государство. И у Питера имелись средства воздействия на патриарха: Реконкиста была важна для Безупречного, она выставляла его владычество в выгодном свете.

К тому же безопасность патриарха зависела в том числе и от опытных воинов короля Питера, ведь личная гвардия его святейшества состояла из двадцати четырех навайских ветеранов, получивших этот пост в награду за преданность истинной вере.

А еще в коллегии не последнее место занимали принципаты из Дирециии, и Безупречному нужна была их поддержка.

В общем, не стоило ссориться с королем Питером, иначе карьере патриарха быстро пришел бы конец.

«Интересно, – думал брат Свечка, – а не задерживают ли нас Орудия Ночи, не давая Тормонду вовремя прибыть в Брот?» Непогода не утихала с самого первого дня. Дождь лил не переставая, размокли даже старые бротские дороги, выстроенные солдатами еще во времена Древней Империи.

И все постоянно болели.

Ничего серьезного – понос, простуда и грипп. Микаэль Кархарт окрестил их миссию «священным походом сопливцев». Брат Свечка, в очередной раз прочистив ноздрю, согласился с этим определением.

Они ехали вот уже целый месяц и по срокам отставали на две недели. Отряд еще даже не добрался до Ормьендена, хотя Тормонд рассчитывал к этому времени быть уже в Фиральдии, на подходе к Броту.

Герцог решил остановиться в Вискесменте и навестить Непорочного, пока его унылые спутники будут восстанавливать силы.

Погода тут же стремительно улучшилась.

Микаэль Кархарт уговорил местных дэвских лекарей помочь больным, которых одолевал страшный понос.

В Вискесменте уже знали о донимавших Безупречного пиратах. Вести доходили противоречивые, но в одном все были уверены: церковь, клан Бенедокто и сам патриарх подвергаются постоянным нападениям.

Епископ Лекро, самый высокопоставленный священнослужитель Коннека да еще и родственник Тормонда, собрал целую делегацию и вместе с братом Свечкой явился вразумлять герцога:

– Сегодня утром, ваша светлость, я был у Непорочного. Он утверждает, что Безупречного донимают кальзирцы и он испытывает гораздо бóльшие затруднения, чем нам докладывали. Возможно, в результате он лишится власти.

«Не выдает ли епископ желаемое за действительное?» – подумал монах. Хотя, быть может, так оно и будет. С каждым днем становилось все яснее: патриарх хоть и обладает властью и стремится воплотить в жизнь грандиозные замыслы, но не пользуется ни у кого большой любовью.

– Окружение патриарха считает, как и посланник императора Грав вон Вистрич, – продолжал меж тем Лекро, – что Безупречного сейчас лучше не трогать. Он не сможет нам навредить, пока его допекают кальзирцы.

«Интересно, – подумал брат Свечка, – какова во всем этом роль Ганзеля Черные Сапоги? Быть может, это он подзуживает кальзирцев?»

Все, кому с самого начала не нравилась идея этого посольства, убеждали герцога вернуться домой. Причин нашлось множество: «внимание Безупречного отвлекли, пусть все идет своим чередом; пока еще можно повернуть назад, лучше возвратимся и поглядим, как все обернется».

Подобные доводы всегда были близки сердцу Великого Недотепы. В подобной ситуации отлично сработала бы обычная коннекская стратегия – ничего не предпринимать.

Но герцог оставался непреклонен.

– Он спятил, – жаловался Микаэль Кархарт. – Повредился в уме.

– Думаете, кто-то наложил на него заклятие? – спросил брат Свечка, который тоже задавался вопросом: а в своем ли уме герцог?

– Я и сам об этом думал, – признался епископ. – Почему вдруг он стал таким решительным и непреклонным?

Многие из старшего поколения вспоминали, хоть и не вслух, отца Тормонда: он повредился в рассудке, когда ему было еще меньше лет, чем нынешнему герцогу. Старик впадал в безумие, но иногда внезапно и безо всякой причины к нему возвращалось здравомыслие. И так продолжалось до самой его смерти. Советники никогда точно не могли сказать, бредит их повелитель или пребывает в здравом уме.

– По дороге я кое-что заметил, – пожаловался Микаэль Кархарт. – Помимо премерзкой погоды. К нашей маленькой компании проявляют большой интерес Орудия Ночи.

Маленькой компании? Вместе со свитой и прислугой «маленькая компания» насчитывала около трех сотен человек. Скорее уж, маленькое войско или нашествие саранчи.

Брат Свечка взгляда Ночи не ощущал, как, впрочем, и всегда. Орудия он замечал, только если они устраивали какое-нибудь уж совсем грандиозное представление. Обычные люди, особенно городские жители, редко обладали достаточной чувствительностью и просто-напросто не видели того, что творилось под самым их носом.

А вот Микаэль Кархарт достаточной чувствительностью обладал. Как и волшебники, он всегда ощущал малейшее присутствие Ночи.

– Из-за нашей дипломатической миссии? – поинтересовался епископ. – Или тут виновата ваша чрезмерная чувствительность?

Чалдаряне неустанно задавались вопросами о природе

Кладезей Ихрейна и Орудий Ночи.

Сотворил ли Кладези господь?

Или же Кладези породили господа?

Этот философский камень преткновения существовал и в чалдарянском, и в праманском богословии и смущал умы тех ученых мужей, которые изучали истоки самой веры.

Ни одна религия не выдерживала безжалостной проверки фактами, зато вполне органично вписывалась в каждодневную жизнь обычных людей. Повсюду и везде правдой становилось то, во что верили люди.

Именно вера вылепила Орудия Ночи. А Орудия Ночи породили веру. В Фиральдии и сердце епископального мира становилось все спокойнее, но в то же время отдаленные края все больше подпадали под власть Тирании Ночи.

– Нет, – отозвался Микаэль Кархарт, – дело не в нашей миссии. Но творящееся в мире влияет и на Тиранию Ночи. Орудия желают знать, что происходит.

– В каком смысле? – спросил монах.

– Они чувствуют, какие именно события определяют будущее.

Похоже это все было на уклончивые речи оккультистов.

– Это их дела, – сказал Свечка, – нас они не должны касаться.

– Лучше бы вам об этом знать, – отозвался Лекро. – Если внимание Орудий Ночи ощутил Микаэль Кархарт, то и коллегия его почувствует. А ведь именно ваша религия так досаждает Безупречному.

– Каждый день я вынужден напоминать: человек – животное неразумное. Полагаюсь на вашу мудрость, епископ.

– Если бы среди нас были действительно мудрые люди, – вздохнул Лекро, – мы бы сейчас сидели дома, в тепле и уюте, и попивали бы себе коньяк, а не плелись вслед за безумным герцогом Коннекским в Брот, в слабой надежде не дать ему сотворить еще горших бед. Мы бы остались в Каурене. Все понимают, что Тормонд ничего не сможет изменить. Он просто упирается, потому что не любит, когда на него давят.

Визит в Вискесмент затянулся. Предполагаемые несколько дней превратились в несколько недель. Никто не напоминал герцогу про время, а Тормонд, казалось, мог ждать целую вечность. К несчастью, Непорочного не особенно радовала такая перспектива. Герцог и его свита обходились ему недешево, а ведь самого Непорочного и его приближенных спасала от нищеты лишь поддержка Йоханнеса Черные Сапоги: император помогал антипатриарху ради политической выгоды, в отличие от его якобы единоверцев, которые не помогали вовсе.

В конце концов герцог понял намек, собрал своих спутников и объявил, что пора отправляться. Погода наладилась, все выздоровели. Нужно непременно встретиться с Безупречным.

В Вискесмент прибыли вести о набеге на Старплир.

– Это ничего не меняет! – горячился герцог. – Ровным счетом ничего! Наоборот, у нас появилась прекрасная возможность!

– Интересно, что же в очередной раз взбрело в голову нашему мудрецу? – пробормотал брат Свечка, стоявший рядом с Микаэлем Кархартом и Тембером Сертом.

– Безупречный – владыка трети Фиральдии, четверти Ормьендена и многочисленных островов в Родном море, – продолжал герцог. – Но настоящей армии у него нет. Когда он решил покарать нас, ему пришлось выпрашивать солдат у Аргенда и завлекать наемников. А те немногочисленные силы, которыми он располагает, должны оборонять его владения от Граальского императора. Его собственная личная гвардия малочисленна и потому способна лишь защищать его самого.

– Значит, он все-таки не на облаке живет, – прошептал монах.

Даже истолковывая все превратно, герцог тем не менее был хорошо осведомлен о геополитической обстановке.

– Ваша светлость, я не понимаю, к чему вы клоните, – сказал епископ Лекро.

– А я еще ничего и не объяснил, Брис. На мгновение попридержи ехидство и дай своему владыке сказать.

Получается, Тормонд вовсе не тот безвольный дурачок, каким казался. Быть может, все это время он искусно притворялся? Хотя поверить в такое трудно.

– А клоню я, Брис, вот к чему. У Безупречного большие неприятности. Кальзирцы собрались всем миром и радостно грабят церковь и владения патриарха. И Безупречный ничего не может с этим поделать: словно толстая беспомощная старуха, он лежит на спине, не в силах подняться, и надеется лишь, что насиловать его будут не слишком жестоко.

Герцог Тормонд будто внезапно протрезвел, вышел из сонной оторопи, развеял окутывавший его дурман.

– Быть может, нам удастся отвратить от Коннека ту судьбу, которую он ему пророчит.

Разум Тормонда вновь вернулся к жизни – он мыслил, рассчитывал, планировал, как и полагается истинному правителю.

В душу брата Свечки закралось ужасное предчувствие: может, герцог и добьется своего именно потому, что раньше так упорно стремился в неверном направлении.

– Я собираюсь предложить Безупречному помощь Коннека в

войне против Кальзира, если он взамен оставит нас в покое.

Слушатели взволнованно зашептались. Сдержит ли патриарх слово? Можно ли ему доверять? А что Граальский император? А Непорочный? Как им добиться своего?

Микаэль Кархарт предложил послать в Кальзир во главе коннекского войска графа Реймона. Это предложение вызвало всеобщее одобрение.

Изабет, сестра герцога, задумчиво молчала. Такой план затронет и ее мужа. В распоряжении у Питера имелись опытные воины, которые могли обучить и возглавить новичков. Питер вел дела с корабельщиками Платадуры – дирецийкого подобия Сонсы и Апариона.

На герцога обрушился град вопросов, но он отказался отвечать.

– Продолжим наше путешествие, – сказал он. – Встретимся с Безупречным и заставим его забыть о коварных планах.

Герцог ни словом не упомянул Непорочного. Несмотря на недавний всплеск интереса, антипатриарх больше не имел никакого влияния. И Тормонд это отлично понимал.

Но никому из коннектенцев до этого не было дела. Даже епископу Лекро.

Спутники Тормонда весьма воодушевились после его вдохновенной тирады и целую неделю не перечили и не возражали ему. К тому времени отряд уже находился в нескольких днях пути от Брота. Установилась вполне сносная погода. А когда выяснилось, что кальзирские пираты напали на сам Брот, ни о каких возражениях и речи уже быть не могло.

Тормонд еще попытался подвигнуть всех на битву.

Но у него, конечно, ничего не вышло. Его собственные вассалы шутили, что даже он сам не последовал бы за собой на смертную сечу.

Брату Свечке показалось, что герцог снова ведет себя странно.

– Похоже, его опять обуяло безумие, – пробормотал он.

Но Тормонд, в своем уме или не в своем, не терял времени даром. Он устремился к Броту, как пущенная в цель стрела.

23

Брот, удары богов

– Едрена вошь! – пробормотал Шагот. – Братишка, сколько я в этот раз провалялся?

– Два с половиной дня. У меня тут еда греется. Ты бы и сейчас храпел, если б я тебя не распинал. На, выпей.

– Что тут творится? – Шагот чувствовал какие-то значительные перемены.

– На Брот напали пираты.

– Стурлангеры?!

– Не наши, нет. Они той веры, что ненавидит бротскую веру. Трудно объяснить. Мне толком не выйти и не поговорить ни с кем, поэтому я не очень понимаю, что там они не поделили.

Иногда Шагот сомневался, что Свавар понимает вообще хоть что-нибудь, даже если ему все разжевать.

– Грим, – продолжал тот, – они скоро доберутся до нас с тобой, очень скоро. Налетчики всего в паре кварталов отсюда.

Шагот залпом осушил чашку воды, потом проглотил целую лоханку пива. Надо отдать Свавару должное: братец умудрился разыскать в этом недоделанном городе пиво – здесь, где обитают одни лишь трусы, нытики, хиляки и ни на что не годные задаваки. Они вечно лакают свое вино – напиток, подходящий скорее бабе, а не воину.

– У нас нечего красть, – протянул Шагот.

Он усердно собирал все деньги до последнего медяка и тащил их к одному дэву – большому знатоку выгодных инвестиций.

– Грим, – зарычал Асгриммур, – очнись! Сейчас всем плевать на твои денежные махинации. Не говоря уж о том, что эти рыбоголовые кальзирцы вполне могут добраться и до того дэва, если им удастся разграбить город.

– Ты прав, братец, – согласился Шагот, поднимаясь на ноги. – Если они развлекаются так, как это в свое время делали мы, то утащат все, что можно унести, а остальное пожгут.

– Наконец-то дошло. Так что нам делать? Пока мы разговариваем, они идут сюда.

– Тогда лучше тоже двинуться дальше, – ответил, отчего-то вздрогнув, Шагот.

– Сначала поешь. Только быстро.

С самого происшествия на площади Мадур Шагот не выходил

в город. А вот Свавар выходил, после того как зажили раны. Разумеется, переодевшись. Он знал, что их разыскивают весьма могущественные люди.

Шагот машинально принялся за еду, не обращая внимания на то, что именно он жует.

– Сколько у нас времени? – поинтересовался он.

– Не знаю. Лучше не искушать судьбу.

– Согласен. Что будем делать? Нарядишь меня как свою жену?

– Какой же ты все-таки остолоп! Мы просто побреемся и сменим эти оленьи шкуры на что-нибудь менее заметное.

Асгриммур успел раздобыть бритвенный прибор и местную одежду. Ведь рано или поздно пришлось бы выбираться из убежища – тот, кого им следовало убить, сам к ним не заявится.

Пока они и понятия не имели, где Убийца Богов, разве что Грим видел что-то во сне. Но о своих снах он не особенно распространялся.

Шагот, ворча и брюзжа, позволил брату обрядить себя в местный наряд, а потом подстричь и побрить.

– Я смотрю, братишка, ты времени даром не терял.

– Кто-то же должен что-то делать. А ты постоянно дрыхнешь.

– Молодец! Я всегда знал, что и ты кое на что способен, если очень припрет.

Вот же скотина!

– Да уж. Ты знаешь, где нам его искать?

– Сюда Старейшим нелегко добраться, братишка. Они знают, что Убийца в Броте. А сам он не знает, что мы явились по его душу. Но мы не единственные его враги. Боги по-прежнему говорят, что мы узнаем его при встрече. Им известны твои сомнения.

– Тогда прятаться нельзя. Надо глядеть в оба. Так что дожевывай наконец эту треклятую колбасу.

С улицы послышались уже привычные крики и вопли.

– Вечно ты торопишься. Расслабься. Закончил меня стричь? Смерть уже совсем близко.

Свавар тоже это чувствовал. Пираты передвигались очень быстро. Значит, им почти не оказывают сопротивления.

Такой поворот ничуть не удивил его. Он и так знал, что эти мягкотелые бротские бабы в своих дурацких штанах ни на что не способны.

Сегодня кое-кого хорошенько отымеют.

Жуя прямо на ходу, Свавар и Шагот вывалились на улицу. Каждый нес с собой выкопанные в древнем кургане трофеи.

Шагот предостерегающе поднял руку, и они замерли. В руке он сжимал жареную куриную ножку.

Вокруг туда-сюда носились люди – они не знали, куда бегут, но ощущали острую потребность бежать куда-нибудь, причем со всех ног. Такое Свавар уже видел когда-то в Сантерине. Они с Шаготом и Эрифом тогда с воплями мчались вниз с холма.

Грим внимательно прислушался.

– Сюда, – махнул он рукой и поспешил прочь от всеобщей суматохи.

Это не их битва, они здесь только для того, чтобы разыскать Убийцу Богов.

Свавар решил про себя, что следует самому заняться поисками. А то, если постоянно ждать, пока Грим проснется, можно прождать целую вечность.

Завернув за угол, братья нос к носу столкнулись с толпой пиратов. Те шли тихо, потому что никто не оказывал им сопротивления. Но Шагот и Свавар что-то тащили, а значит, хотели припрятать добро. Для пиратов этого было вполне достаточно.

Никто из этих голодных смуглых коротышек никогда не решился бы выйти против братьев Гриммсонов один на один, но сейчас их собралась целая толпа.

– Вот зараза! – чуть слышно и почти беззлобно выругался Шагот. – Наверное, Странника одолела жажда.

Отшвырнув подальше куриную ножку, он бросил на землю мешок и вытащил меч и голову мертвого демона. Не было никаких сомнений в том, что Шагот отмечен богами. Свавар иногда даже спрашивал себя: а можно ли теперь считать брата живым – в обычном смысле этого слова?

Шагот обрушился на пиратов, и Свавару волей-неволей пришлось прикрывать ему спину.

Когда на земле валялось уже девятнадцать раненых кальзирцев, те немногие, кто еще мог, ринулись прочь. Раненым Шагот поотрубал головы.

Он сделался одним целым со своими богами. Свавар чувствовал это, а еще чувствовал на себе их взгляд. Сам Серый Странник витал где-то поблизости. На улице пролилось столько крови, что пропасть между реальностью и потусторонним миром сократилась. Еще чуть-чуть – и Старейшие смогут проникнуть в чуждые им время и место.

– Я чувствую его. Вперед, братец! Сюда! – С этими словами одержимый богами Грим побежал на север, к реке и к пиратам.

Он убивал кальзирцев по дорогое, и кровь лилась рекой. Жертв было более чем достаточно, чтобы заручиться поддержкой

и вниманием Старейших.

Они добежали до Терагая, прикончив по пути, наверное, больше сотни пиратов. Свавар быстро сбился со счета. Грима несколько раз задело, но он, казалось, этого совсем не замечал. Видимо, потом снова придется долго залечивать раны, если только удача не улыбнется им сегодня и они не найдут свою жертву.

Свавар постоянно прислушивался к себе и оглядывался в поисках гостей из Небесной Крепости. Кто-то же должен тут быть. После стольких жертв Орудия Ночи наверняка смогли спуститься на улицы Брота.

Но даже если и так, показываться на глаза никто из Старейших не желал.

– Убийца Богов на другой стороне реки. Там, – кивнул Шагот на горящие корабли.

– Тут есть мост, – подсказал Свавар, – где-то в полумиле отсюда.

Но Шаготу было не до моста. В ста ярдах от них дюжина пиратов грузила добычу в ворованную лодку. Шагот перебил всех, отрубил трупам головы и уселся на весла.

Греб он с нечеловеческой силой. Свавар не стал предлагать смениться: его собственные раны слишком сильно болели. К тому же он не хотел нарушать связь Грима с богами.

А вдруг тот зашел так далеко, что бросится на собственного брата? Он ведь превратился в настоящего берсерка в самом древнем значении этого слова.

На северном берегу на них напало несколько кальзирцев. Их кровь тоже пролилась во славу богов. В этот раз Шагот не стал рубить головы, а те, старые, бросил в лодке, прихватив лишь своего демона. Раны наконец-то начали сказываться, и стурлангер чуть замедлился. Но ненадолго.

Он исцелялся почти на глазах. Расправившись с последними кальзирцами, Грим повернул куда-то на север или северо-запад. Свавар едва поспевал следом.

Его раны тоже затягивались, хотя и не с такой невероятной скоростью.

Спустя несколько минут они добрались до той части Брота, куда еще не нагрянули пираты. Район был достаточно бедным, но не нищим. Одноэтажные дома здесь стояли на некотором расстоянии друг от друга. Свавар вроде бы раньше видел неподалеку стену, за которой начинался обычный фиральдийский сельский пейзаж: оливковые рощи, виноградники, сады, огороды, пшеничные поля. Все свободные земли здесь распахали и

засадили еще две тысячи лет назад.

Внезапно Шагот словно бы потерял след.

– Мы очень-очень близко, – сказал он. – Почти нагнали. Я его буквально чую, но не могу точно указать место. Что-то мешает.

– Насколько близко? – уточнил Свавар.

Узнав расстояние, можно вычислить жертву – надо только поработать мозгами. Братец-то работать мозгами почти не умел.

Свавар чувствовал, что и ему самому что-то мешает, – в голове словно бы едва слышно гудело, мысли слипались, перед глазами плыл туман.

– Не меньше тридцати ярдов, но не больше пятидесяти.

Проанализировав ситуацию, Свавар сузил круг поисков до четырех домов с пристройками. Объяснив все брату, он предложил:

– Давай начнем с самого крайнего.

– Давай, – согласился Шагот, взмахнув изъеденным временем мечом и головой демона.

И тут Свавар понял: что-то пошло не так, Шагот где-то ошибся. И было что-то еще… Что-то другое… Ощущалось присутствие кого-то, кого здесь не должно было быть…

24

Брот в осаде

Элс тащил пленницу все дальше и дальше от реки, постоянно оглядываясь по сторонам в поисках убежища.

В северной части Брота не было ни души, все стихло. Впереди улицу перебежала коза, волоча за собой пустую тележку. Мимо осторожно прошмыгнуло несколько бродячих псов. Даже многочисленные стаи голубей сегодня, казалось, не летали по своим голубиным делам. Удивительно. Им-то кто помешал?

Одурманенная ведьма не сопротивлялась, а просто молча ковыляла за Элсом, явно не понимая, что происходит. Хотя спустя некоторое время к ней начала возвращаться ясность ума, пусть она изо всех сил старалась этого не показывать.

Сперва за ними с шумом и гамом гнались пираты, жаждущие вернуть свою колдунью. Тейдж двигался безумными зигзагами, запутывая преследователей, а те боялись угодить в засаду и постепенно распадались на все более мелкие группки. Элсу позарез нужно было укрытие, чтобы допросить Старкден.

Шли они все медленнее. Что-то здесь не так. Какая-то потусторонняя тишина. Не может быть в разграбляемом городе так тихо. Вокруг смыкалось что-то темное и страшное. Элс изо всей силы ударил пленницу. Ничего не изменилось, разве что теперь пришлось снова ее нести.

Ощущение было как во время надвигающейся грозы, когда вот-вот ударит молния.

Элс ногой вышиб какую-то дверь. В глубине дома, судя по звукам, поднялась суматоха, но вскоре перепуганные жильцы сбежали через черный ход, и снова стало тихо.

Может быть, все дело в страхе – весь квартал плотным облаком окутал ужас.

Запястье заныло. Снова. И на этот раз дело не в Старкден.

На него действительно надвигалась беда.

Элс привязал пленницу к стулу посреди комнаты, в которую выходило множество дверей, и стал ждать, пока она очнется.

Конечно же, ведьма попытается его одурачить. Поэтому он чутко прислушивался и внимательно следил за тем, как двигаются под веками глазные яблоки, и в нужный момент слегка полоснул ножом по ее запястью. Женщина так и подпрыгнула.

– Нам надо поговорить. Ты упряма и думаешь, что справишься, а у меня нет времени на чепуху. Я не буду ни о чем

тебя спрашивать, пока не пойму, что ты готова отвечать.

Женщин ему раньше пытать не приходилось. Настоящие умельцы наверняка знали, что в первую очередь следует делать с мужчинами, а что с женщинами, но Тейдж не знал. Да и инструментов для серьезного допроса у него не было.

Пришлось импровизировать и воспользоваться первым, что подвернулось под руку, – ножом. Резать ша-луг начал так, чтобы она все видела. Пусть подумает о будущих шрамах, пока он линует ее, словно шахматную доску.

Работал он безо всякого удовольствия и усердия. Удовольствие опытных пыточных дел мастеров часто передается жертве, и со временем между ними возникает связь – некий тайный заговор; узы боли скрепляют союз, и каждый вдохновенно играет свою роль.

Но для Элса пытка была всего лишь неприятным физическим трудом, а значение имели лишь добытые сведения, поэтому никаких отношений с ведьмой у него возникнуть не могло. Он просто делал свое дело и ждал, пока Старкден заговорит.

Она действительно была упрямой и не сдавалась, несмотря на боль.

Нужно резать так, чтобы задеть самое для нее важное.

Кто она такая? Он этого так и не узнает, если она сама не расскажет. Что она такое? А вот это он знал: волшебница и пиратка.

А от волшебницы уже недалеко и до самого важного.

Маги весьма дорожили руками – ведь именно с помощью рук они управляли созданиями Ночи. Во время обучения колдуны и колдуньи так же кропотливо и долго тренировали пальцы, как юные ша-луг тренируют мускулы для будущих боев.

Элс наточил нож, а потом схватил правую руку Старкден и оттянул мизинец.

Угадал. Женщина замычала и напряглась. Значит, готова отвечать на вопросы. Хотя бы отчасти.

– Если выкинешь какой-нибудь фокус, я тебе еще и язык отрежу.

Обычно потеря языка пугала людей гораздо больше потери нескольких пальцев.

Кое-что смутно припомнив, Элс выгреб из кошеля все серебряные монеты и разложил их на теле ведьмы. Она обмякла.

– Ты знаешь, кто я такой, – сказал он, вытащив кляп у нее изо рта, и нацелил на нее нож. – Ты пыталась меня убить. Но подосланный тобой убийца никуда не годился. Тогда я еще о тебе не слышал. Теперь все иначе. И виновата в этом ты сама. Не знаю, зачем я тебе понадобился. Расскажи.

Ведьма пожала плечами, хотя сделать это в нынешнем состоянии ей было нелегко. Элс прижал к ее ладони лезвие.

– Не знаю, – прошептала она, задохнувшись от боли. – Кому-то очень хотелось тебя убрать. Мне заплатили.

– Но кто – ты не знаешь.

Конечно же. Наверняка заказчик общался с убийцей через многочисленных посредников.

– Мне не важно было. Мне нужны были деньги. Ничего личного.

Элс так и не смог добиться объяснения: почему же кто-то возжелал, чтобы его миссия оборвалась на острове посреди Родного моря.

Его охватило нетерпение. Ведьма не сопротивлялась, но и не сообщала ничего полезного. А в Броте тем временем вершились большие дела. Какие именно – он и понятия не имел. Если защитникам удастся одолеть пиратов, а Старкден останется в живых, Элсу Тейджу ничего хорошего не светит. Ведь ей известно, кто он такой.

Ша-луг начал расспрашивать о налете. В этот раз ее тоже просто наняли?

Серебро подействовало даже слишком хорошо: женщина больше не могла связно отвечать. Элс убрал несколько монет.

В последние годы его отряд принимал участие в важных тайных вылазках, которые задумывали Гордимер и эр-Рашаль. Элс лучше всех справлялся с подобной работой, а ша-луг не задают вопросов и не обсуждают приказов. Даже если их отправляют в безумную экспедицию в Идиам посреди люсидийской пустыни, в полный призраков Андесквелуз на поиски про́клятых мумий древних языческих волшебников. Тейдж просто выполнял свою работу и ни о чем не спрашивал.

– Кажется, я старею, – пробормотал он.

Еще в юности его учили: старики слишком много думают. А ведь сейчас он показался бы самому себе – тому юнцу, главной надежде школы неутомимых отроков, – безнадежно древним стариком.

Запястье теперь не просто ныло, а болело. А от Старкден по-прежнему не было никакого толку.

– Тебя очень хочет заполучить Братство Войны. Очень-очень. А они умеют расспрашивать гораздо лучше меня.

На лице ведьмы отобразилось нечто похожее на удивление и насмешку. А потом презрение.

Запястье пульсировало. Из-за боли трудно было сосредоточиться.

Нужно принимать решение.

Выбора особенного нет.

Элс вытащил меч.

Что-то ударило его сзади, сразу – всего, с ног до головы.

Он среагировал недостаточно быстро.

Тейдж понял, что это. И почему так болело запястье. И что именно успело вылететь у него из памяти. Ведь с пиратами был еще и второй волшебник, Масант аль-Сейхан.

Словно сквозь слой ваты Элс расслышал его слова:

– Сможешь идти? Нужно торопиться. Все пошло совсем не так, как нам обещали. Проклятье! А это еще что такое?

Зазвенела сталь, на Элса снова обрушился жуткий удар. И после он долгое время ничего не слышал и не чувствовал.

Лежавшего посреди улицы Элса обнаружил Редферн Бехтер. На губах, в ноздрях и ушах у Тейджа запеклась кровь. Побагровевшую кожу покрывали волдыри. Ногти потрескались. В волосах тлели угли. Лицо испещряли маленькие красные пятна, напоминавшие чумные язвы.

– Что произошло? – неразборчиво прохрипел Элс. – Святые угодники, ничего не слышу. Говори помедленнее – буду читать по губам.

Если только получится сосредоточиться. Левый глаз припекало.

Запястье словно бы обожгли каленым железом.

– Хорошо. Ты меня понимаешь?

– Да. Рассказывай.

– По-моему, – ухмыльнулся Бехтер, – тебя хорошенько вздули.

– Да у меня даже десны ноют. Что произошло? Выговаривай все четко. О! Я вроде бы начинаю слышать.

– Соседи кое-что рассказали, но получается странно.

– Что?

– Сначала прибежал ты, нес какую-то женщину на плече. Наверное, ту самую ведьму. По пятам гналась банда пиратов.

– Это я помню. Они хотели ее вернуть, а я старался сбить их со следа и прорваться к своим. Но не получалось. Только я сворачивал к Кастелле – они тут же вырастали как из-под земли. Вот я и решил затаиться и переждать.

– Наверное, затаился ты вон там. Где раньше был дом, – махнул рукой Бехтер.

Никакого дома больше и в помине не было. В небо поднимался дым. Собирался дождь. Смеркалось.

– Пресвятые Эйс и Герон!

– Вот-вот.

– Давай помедленнее и погромче. Теперь я могу почти все

разобрать.

– Ты вломился в дом. Соседи тебя заметили, но предпринимать ничего не стали, потому что у тебя светлые волосы. Потом появились кальзирцы. Говорят, они точно знали, где искать. Их возглавлял волшебник.

– Наверное, Масант аль-Сейхан. В самом начале, когда появились пираты, кто-то о нем упоминал.

– Вполне возможно. Он сотворил парочку заклятий, весьма впечатляющих.

– Да уж вижу. На меня упал дом.

– Нет. Дом упал уже потом. Слушай, тебе понравится. Сюда прибежали двое белобрысых чужаков. Очевидно, именно их мы и пытались изловить. Ни слова не говоря, они принялись истреблять кальзирцев. Противостоять свирепым дикарям было невозможно. В конце концов они пробились внутрь.

Все это никак не вязалось с тем, что помнил Элс. Хотя его воспоминания были хаотичными и туманными и доверять им не следовало.

– Теперь я уже хорошо тебя слышу. Мне бы водички.

– В доме произошло нечто ужасное. Но к тому моменту соседи плюнули на любопытство и попрятались кто где. Мы все еще раскапываем обломки. То и дело находим мертвых пиратов.

– Но готов поспорить, ведьм и колдунов там нет.

– Точно. И светловолосых чужеземцев тоже. Ты успел что-нибудь из нее вытянуть?

– Она даже не хотела признавать себя ведьмой. Делала вид, что не понимает меня. Я ее постоянно оглушал. Да и некогда было вопросы задавать – по пятам гнались пираты.

– Я так и понял. Проклятье!

– Мне очень жаль.

– Ну, ты-то не виноват. Ты и так прыгнул выше головы, когда забрался на тот корабль.

– Погоди, а как так получилось, что у тебя есть время меня разыскивать? Да еще и люди свободные?

– Дела пошли на лад. Пока ты отвлекал кальзирских чудотворцев, вмешалась коллегия. К тому же откуда ни возьмись появился полк имперской кавалерии и застал налетчиков врасплох.

«И не только налетчиков», – подумал Элс. Что, интересно, замыслил Ганзель? Почему вдруг семь или восемь сотен его солдат появились на патриарших землях именно тогда, когда ситуация в Броте сложилась самая что ни на есть отчаянная?

– Что-то голова моя отказывается думать, – пожаловался Элс. – Слишком уж сильно болит.

– Постараюсь поскорее отправить тебя домой. Но пока нельзя. В городе все еще идут бои. Мало кому из пиратов удалось прорваться к лодкам. Да и лодок-то у них почти не осталось.

– Так ты у нас теперь герой, – поприветствовал Палудан Элса на следующий день.

– Только не слишком удачливый.

У Тейджа до сих пор болело все, что можно, ныли уши и поврежденный глаз, а красные пятна зудели и к тому же распространились по всему телу. Ша-луг проспал десять часов кряду, но чувствовал себя усталым стариком.

– Это не важно, – заявил Джервес Салюда. – Зато ты не посрамил имя Бруглиони.

Палудан нахмурился – его все происшедшее не порадовало, пусть даже Элс и не посрамил имя Бруглиони. Теперь весь город узнает, что одно из богатейших семейств Брота отправило сражаться лишь жалкую горстку воинов. И ни один из них, не говоря уж о самом Палудане и Джервесе, так и не вступил в бой. Зато у всех на устах будет имя Пайпера Хекта.

– Сделал, что смог, – отозвался Элс. – Но получилось не очень хорошо: ведьму упустил, тех светловолосых типов вообще проморгал, да и второго волшебника тоже. Появись Масант аль-Сейхан сейчас в этой комнате, я бы его не узнал.

– Все эти промахи, – усмехнулся Салюда, – меркнут перед тем, что ты, один из немногих, действительно бился с кальзирцами. Именно тебе удалось отвлечь колдунов и тем самым дать коллегии время навалиться на пиратов.

– Что сейчас там творится?

Элс решил, что гораздо проще перевести разговор на пиратов, чем выяснять, почему Палудан впал из-за победы в мрачное расположение духа.

– Пиратам приходится несладко. Их отряды отрезаны, и кальзирцы теперь хотят лишь одного – выбраться из Брота. Но не могут – лодок не осталось.

– Их волшебники совсем отчаялись, – проворчал Палудан. – Пытаются спасти как можно больше своих бойцов, но им не очень-то это удается.

– Значит, точно известно, что они уцелели? – спросил Элс.

Спасают бойцов? Так обычно мыслят военные стратеги, но не пираты.

Палудан что-то проворчал: по всей видимости, он сам теперь желал сменить тему.

Имущество Бруглиони во время налета не пострадало. Джервес и Палудан хотели поскорее умыть руки и предоставить

кому-нибудь другому доделывать грязную работу, а потому не очень хорошо знали, что именно сейчас творится в древнем городе. Сражались на улицах в основном те, кто не был кровно заинтересован в безопасности Брота, – имперцы и бывшие бездомные бродяги, которым посулили хорошие деньги. Никто из них рисковать не собирался – зачем жертвовать жизнью ради города, в котором тебя презирают?

– Господин Палудан, – провозгласил возникший на пороге Каниглия, – прибыл ваш дядюшка. Через несколько минут поднимется.

– Возможно, им придется нести его наверх, – пояснил явно недовольный Салюда Элсу. – По лестнице ему сейчас трудно подниматься.

В дверях показался пыхтящий Дивино Бруглиони, слуги усадили принципата в кресло, которое в доме держали исключительно для него, и удалились. Элс тоже решил последовать их примеру.

– Останься, капитан Хект, – остановил его Дивино.

Палудан помрачнел, но сдержался. Сдерживаться он научился после смерти своих сыновей.

– Слышал, ты неплохо потрудился, – начал принципат.

– Угодил в руки к негодяям, и меня хорошенько отделали.

– Но ты оказался в правильное время в правильном месте и в самый ответственный момент отвлек внимание врагов.

– Это вышло случайно. Я сделал то, что показалось тогда уместным. Если бы не появились те загадочные иноземцы, плавать бы мне сейчас в реке лицом вниз.

– Вполне возможно. Вполне. Расскажи мне о них.

– О светловолосых типах? Я так их и не увидел. Просто сержант Бехтер сказал, что они там были. Я сам тогда валялся в беспамятстве. Бехтер из Братства Войны.

– А что кальзирские волшебники?

– Я видел только женщину.

– Как думаешь, почему им удалось уцелеть?

– По времени все совпало. Кальзирцы не успели меня прикончить, когда появились иноземцы.

Принципат продолжил допрос, теперь упирая уже на дворец Бруглиони. Он, оказывается, немало знал о том, что и как делал здесь Элс, – гораздо больше, чем Палудан с Джервесом. Глава клана, например, и не слыхал, что Тейдж выгнал и заменил некоторых слуг.

– Палудан, – внезапно обратился к племяннику старик, – как именно ты вызвал уехавших членов клана обратно в Брот?

Палудан слегка удивился: он рассылал письма – сначала

обычные, а потом с угрозами.

– Они тянут время, дядя. Но рано или поздно им придется ответить.

– Хорошо, – недовольно отозвался принципат. – Капитан Хект, я удаляюсь в свои покои, проводи меня.

Элс, пожав плечами, оглянулся на Палудана и вышел из комнаты вслед за Дивино.

Отойдя на достаточное расстояние от двери, священник сказал:

– Я решил удалиться, пока в разговоре не всплыли денежные дела.

Элс молчал.

– Что там со счетами?

– Я пригласил дэва-счетовода и попросил его все внимательно изучить – и деловые расписки, и хозяйственные.

– Что ты думаешь выяснить таким образом?

– Я уже знаю, что он обнаружит: кто-то запустил лапу в сокровищницу Бруглиони. Нужно лишь понять, насколько далеко все зашло.

– Кого ты подозреваешь?

– Есть кое-какие соображения, но слишком уж это очевидно.

– Джервес Салюда. Ну разумеется. Да, думаю, Джервес нагрел на нас руки. Нам нужно кое-что обсудить.

– Да, ваша милость, – обеспокоенно согласился Элс.

– Хект, Джервес – преданный друг Палудана. И притом единственный. Я сомневаюсь, что Джервес станет рисковать этой дружбой и совершать что-нибудь совсем непростительное.

– Бруглиони, насколько я понимаю, весьма состоятельное семейство.

– Да, но наше состояние заключается в основном не в деньгах, а в шахтах и земельных угодьях. Присядь-ка, у меня есть к тебе предложение.

Элс по-прежнему чувствовал себя не в своей тарелке и не знал, чего именно ожидать от Дивино Бруглиони.

– Ты умен и многое умеешь. Действуешь, когда в этом возникает необходимость. По милости Палудана здесь все пришло в упадок. Вся беда в том, что он не хочет прилагать усилия. И не умеет управлять людьми. Его этому не учили, а сам он учиться не пробовал.

– Насколько я понял, Фрейдо считал, что учить нужно лишь Сонераля.

– Мой брат Фрейдо был старшим в семье, но не сделал для нее ничего хорошего. Он не настоял на том, чтобы наши самые многообещающие отпрыски остались в Броте и преумножали

достояние Бруглиони. Из-за его постоянных пьяных выходок и дурного нрава они разъехались кто куда.

Элс молча гадал, куда же клонит принципат.

– Хект, сейчас непростые времена. Тревога охватила не только клан Бруглиони, но и весь Брот, окутала туманом весь епископальный мир. Ото сна нас может пробудить священный поход, но какой ценой? Патриарху не терпится оставить след в истории, а у нас недостает для этого средств. Никто не желает участвовать в его авантюрах.

Озадаченный Элс кивнул.

– Весь мир словно бы сговорился и пытается помешать Безупречному. Эти безумные кальзирцы отвлекли его внимание от Коннека.

Элс спросил себя: стоит ли упомянуть о могучей силе, вставляющей Безупречному палки в колеса?

Дивино вздохнул и продолжил:

– В Брот едут герцог Тормонд и его свита, вместе с ним королева Навайская, которая будет говорить от имени своего мужа. Герцог готов помочь патриарху покарать кальзирцев. А королева Изабет заявила, что король предоставит ему боевые корабли.

– А что они с этого поимеют? Патриарх должен в обмен оставить Коннек в покое?

– Прямо этого никто не говорил, но хотят они именно этого. И даже такой скользкий хорек, как Безупречный, вряд ли сможет в этот раз обдурить Тормонда и Питера. Ведь за событиями пристально наблюдает еще и император.

– То есть он получит достаточно денег, чтобы профинансировать поход на Кальзир?

– Точно. Ты быстро соображаешь. Мне это нравится.

– Спасибо, ваша милость, – отозвался Элс, у которого внезапно полегчало на душе.

– Я привел тебя сюда и хочу повнимательнее на тебя взглянуть. Я доволен твоими успехами. И доволен тем, что вижу. Итак, пойдешь ли ты служить мне?

– Что, ваша милость?

– Не сейчас. Я служу церкви, но остаюсь при этом Бруглиони. Ты только начал приводить дворец в порядок. Оставайся тут до тех пор, пока Палудан в гневе или из зависти и подозрительности не потеряет разум и не даст тебе отставку. Тогда придешь ко мне.

Элс уставился на Дивино в немом удивлении.

– Что скажешь?

– Я потрясен. Все это слишком хорошо, чтобы быть правдой. Именно ради такого шанса люди со всех концов земли и

стекаются в Брот. Конечно же я согласен.

Конечно же. О таком ша-луг действительно не мог и мечтать. Во Дворце Королей в Аль-Кварне, услышав подобные новости, будут плясать от радости.

– Что нужно делать?

– Пока я об этом умолчу. Но не волнуйся – ты займешься тем, что умеешь делать лучше всего.

– Правда?

Элс удержался от расспросов: сейчас нужно быть предельно осторожным. Если назначение и сорвется, то не по его вине.

– А пока трудись. Пусть клан Бруглиони станет таким же сильным, как раньше.

– Да, ваша милость. А что же с нынешними событиями?

– В каком смысле?

– Что сталось с кальзирскими волшебниками? И с теми иноземцами? Кто они? Не похожи на обычных наемников.

– Мы называем таких одержимыми. Они живы лишь наполовину. Одержимых используют в своих интересах самые могущественные потусторонние силы. Подобные им не появлялись вот уже тысячу лет. Обычно по велению Орудий Ночи они вершат грандиозные злодейства. Но как ни странно, эти двое ведут себя как простые бандиты.

– Вы сами их видели?

– Только один раз.

– И?

– Чем больше я узнаю об Орудиях Ночи, тем меньше мне хочется о них говорить. Думаю, нам есть чего бояться. Мы никак не можем понять, чего добиваются силы, пославшие одержимых. И что это за силы. Орудия Ночи в последние несколько месяцев охватило необычайное беспокойство. Наверное, тут есть какая-то связь.

– Ничего не понимаю.

– Мы тоже. Получается какая-то бессмыслица. Даже мы, коллегия, не можем в ней разобраться. Наши союзники – создания Ночи, обычно сговорчивые, – отказываются помочь. Обитель Ночи сейчас охвачена единым порывом… Ты вздрогнул. В чем дело?

– Ни в чем. Думаю, вы все поймете со временем.

На самом деле Элс вздрогнул, услышав фразу «Обитель Ночи», – так ее придумали чалдаряне?

– Разумеется, мы разыщем этих двоих. Рано или поздно. Но тебя сейчас это не касается. Просто делай, что делал. Когда придет время, я не поскуплюсь – и ты останешься доволен.

Элс всем своим видом выразил радость: пусть думает, что

только деньги ему и важны.

– Если Палудан не станет вмешиваться, я приведу тут все в порядок, – пообещал он.

– Хект, Палудан не такой дурак, каким кажется. Обычно он знает, что делает. Думаю, он предоставит тебе свободу действий – ведь тогда самому ему делать ничего не придется. А он и не умеет, потому что никогда не учился.

Элс одобрительно хмыкнул.

– Мой брат ничего не дал своим сыновьям. А теперь и Палудан своих сыновей лишился. И жены у него нет, которая могла бы ему подарить новых. У меня тоже никого, как ты сам понимаешь. Будущее страшит меня.

– Ваша милость, я учу Дьюго тому, что знаю. Но, по правде говоря, он ни на что не годится. Тут ничего не поделаешь. Бруглиони нужно приложить все возможные и невозможные усилия, чтобы Палудан жил вечно. Или найти ему новую жену. Только тогда хотя бы ненадолго отлучить его от Джервеса, чтобы они с ней успели сделать еще парочку наследников. Из-за Дьюго клан может рухнуть в пропасть. Простите, что лезу не в свое дело.

С древних времен семейные кланы играли в Броте важную роль, но нынешние пять кланов Брота не восходили к могущественным семействам Древней Империи.

– Быть может, Хект, Палудан, который и сейчас не такой дурак, каким кажется, выучится хотя бы толике мудрости. Со временем. Так иногда случается. Когда на плечи твои ложится большая ответственность, с которой никому, кроме тебя, не совладать, волей-неволей приходится взрослеть. Я видел подобные случаи.

– Только обычно лет тебе должно быть поменьше, – кашлянув, сказал Элс.

– Ничего себе! А у тебя и чувство юмора имеется? Да нам тебя сам бог послал в ответ на молитвы.

Элс мысленно скривился: да уж, послал, только вот не благословение, а проклятие.

Дни шли один за другим. Бои в городе все не утихали. Оказавшиеся в ловушке кальзирцы не желали складывать оружие, потому что твердо знали: из-за содеянного в Старплире им неминуемо грозит мучительная смерть.

– Можешь звать меня старым циником, – сказал Элс Пинкусу Горту, чуть шепелявя из-за распухшей челюсти; красные пятна наконец пропали, кожа из отвратительно-багровой сделалась мерзко-желтушной, тело усеивали фиолетовые синяки, а волосы пришлось обкорнать, – но я, кажется, догадываюсь, почему они

учинили такое безобразие в Старплире, – их на это подбили Старкден и Масант аль-Сейхан. Чтобы потом пираты боялись сдаваться. Нападение на Брот не было случайностью.

– Чего еще ждать от кучки праманских варваров?

Элс смолчал.

– Ты сегодня явно не в духе, Пайп. Что-то хотел сказать?

– Наши в подобной ситуации повели бы себя точно так же. Возьми того же Грейда Дрокера. Заметь, я не упомянул дурным словом ни патриарха, ни императора.

– Еще немного пообтираешься со мной, – усмехнулся Горт, – станешь таким же реалистом. А как же вера в светлое будущее?

– Реалистом? Значит, так ты называешь того, кто видит во всем только самое дурное? Джервес! – окликнул он Салюду, который в последние дни сопровождал его повсюду. – Заскучал, наверное. Его легко отвлечь.

– Скажу тебе, Пайп, люди меня никогда не разочаровывают. Когда переходишь в коллегию?

– Не знаю. Не скоро, наверное. Даже если бы принципат Бруглиони не вешал мне лапшу на уши. Он хочет, чтобы сначала я привел хозяйство в порядок.

– А их умные мальчики не хотят сами этим заняться?

– Не особенно. Работать же надо.

– Твои успехи несказанно радуют принципата Донето.

– Уж не сомневаюсь.

– Вон Джо едет. Какие новости, Джо?

Просто Джо трясся на спине у Чушки, которого, судя по всему, одолевала страшная скука. На морде мула читалось жестокое разочарование.

– Только не злись, начальник, – крикнул Джо. – Чушка – скакун не из прытких.

– Что с тобой стряслось? – спросил его Элс.

Левая нога Джо, упрятанная в лубок, торчала под неестественным углом.

– Ткнули меня стрелой рыбацкой с зазубренным концом. К таким еще привязывают веревку, а потом бьют по акулам. Кость краешком задело. Болело – страсть. Мне ее вытащили из ноги, пока не загноилось. Начальник Горт, тут тебе вряд ли кто подсобит, даже от пиратов добра не жди. Сдаваться они не желают. Но обещают уйти, если их отпустят.

– Да я б их отпустил, будь моя воля. Но нельзя. Что – наемникам и имперцам никак их не выковырять?

– Начальник, даже мне ума хватает не лезть убиваться, когда оно само вот-вот рассосется, если подождать.

– Ну вот, – проворчал Пинкус. – В городе бардак, полоумные

рыбаки наотрез отказываются тихо-мирно помереть, а на кого в итоге свалят всю вину? Не уследил я, подставился. Идеальный козел отпущения для Донето.

– Из тебя вряд ли получится что-нибудь идеальное.

– Может, – предложил Просто Джо, – не платить наемникам жалованье? А выдавать награду за головы? А то сражайся не сражайся, а денежки все одно капают.

– А он в чем-то прав, – согласился Горт. – Собранные нами деньги быстро заканчиваются, но на вознаграждение за головы кальзирцев их еще вполне хватит.

Но все это уже не имело значения: те пираты, кому не удалось сбежать, были обречены. Коллегия и патриарх сошлись на том, что ни один кальзирец не должен вернуться домой из Брота, пусть некому будет защищать Кальзир во время священного похода.

– Хочешь, Пайп, открою тебе секрет? – спросил Пинкус, когда они шагали к Кастелла-доллас-Понтеллас. – Мне этого знать не положено, я случайно услышал.

– Случайно?

– Ну, так бы я сказал, если б меня застукали. Я-то знаю, как ты их всех любишь.

– Хм?

– Донето говорил с сыном своей сестры – Пало. А Пало – помощник патриарха.

– Пинкус, не тяни жилы.

– Какие мы нежные! Ладно, слушай: тот имперский кавалерийский полк появился здесь в самый нужный момент неслучайно.

– Да неужели!

– В смысле – они не в Аламеддин ехали, а в Брот. Безупречный заключил какую-то сделку с Ганзелем. Именно поэтому тут шныряет Феррис Ренфрау.

– Наш друг-инквизитор из Племенцы?

– Он самый. Его Бо заметил на набережной недалеко от Кройса. Но потом потерял. Как только я услышал, сразу все понял: он направлялся в патриаршее логово.

– Верю-верю, Пинкус, но ничего все равно не понимаю. Зачем императору патриарх?

– Безупречному нужны солдаты. Он убьет сразу двух зайцев: заполучит союзников в войне, а его людям не нужно больше будет оборонять границы от имперского вторжения.

– Но Ганзелю-то это зачем?

– Хороший вопрос.

– Что такого может дать ему Безупречный, чего у него нет?

– И снова хороший вопрос, Пайп. Скоро все узнаем. Если нам хватит ума не сыграть в ящик.

– Пайп! Начальник Горт! – закричал Просто Джо, трусивший впереди на Чушке.

– Что там у тебя, Джо? – спросил Пинкус.

– Смотрите, кто едет по мосту Блендайн.

– Да это же посольство из Коннека! Тоже решили заключить сделку с Безупречным. Несладко придется бедняге Непорочному – все дружки сговорились его кинуть. На свалку, так сказать, истории.

Двое самых назойливых противников патриарха вот-вот должны были превратиться в его союзников. А значит, Безупречному, вполне вероятно, удастся устроить священный поход в Святые Земли.

Элсу срочно нужно было повидать Гледиуса Стьюпо.

А еще Анну Мозиллу – вдова хорошо умела утешать.

25

Брот, коннекское посольство

Хотя брат Свечка твердо намеревался не дать мирской суете себя ослепить, древний город заставил его душу затрепетать. Печать времени ощущалась в Броте гораздо явственнее, чем где бы то ни было.

Каурен и Кастрересон тоже построили в стародавние времена: когда бротские завоеватели прибыли в Коннек, эти города носили другие имена.

На каждой бротской улочке встречались следы былой славы: по этим самым мостовым ходили когда-то знаменитые полководцы, а по дорогам маршировали победоносные армии. Нынешние жители Брота не понимали, что славное прошлое навсегда кануло в вечность. Хотя, думал брат Свечка, наверное, для многих славное прошлое Древней Империи не так уж и важно, бедняков гораздо больше волнуют ночлег и еда.

Нынешних жителей Брота никто и не вспомнит через сотню лет, вспоминать будут о человеке, который заставил их трудиться ради процветания империи и выжимал из них налоги, чтобы воздвигнуть памятники и отправить в поход войска. Зато бротской черни всегда жилось не в пример лучше, чем беднякам в других городах. Такова уж истина, простая и жестокая, пусть и претящая брату Свечке.

– Брат, что вас тревожит?

– Я размышлял о судьбе бедняков, – отозвался монах, оглядываясь по сторонам и проверяя, не отстал ли он от остальных.

Они как раз добрались до того места, откуда открывался великолепный вид на Терагай, перекинутые через него мосты, острова с воздвигнутыми на них крепостями, величественные дворцы и памятники Мемориума, залитые янтарным предзакатным светом.

– Потрясающе! – сказал брат Свечка.

– Я уже бывал здесь, – отозвался Микаэль Кархарт. – Дважды. И все равно не могу не восхищаться.

Местные жители удивленно глазели на коннектенцев: они не привыкли к тому, что представители разных религий собираются вместе.

– Самое подходящее время дня, чтобы любоваться видом, – заметил Кархарт. – И погода отличная. Свет падает…

Слова его заглушил далекий грохот. В охристое вечернее небо поднялся столб пыли.

– Где-то дом рухнул, – сказал кто-то.

– Наверное, там, – ехидно отозвался другой голос, – куда нам велели не ходить, потому что бои еще идут.

Битва с пиратами приближалась к концу.

Брат Свечка видел пленников. Голодные и перепуганные, они радовались, что все наконец закончилось, и еще не понимали, что им грозит. Интересно, как поступит с ними Братство Войны?

Братьям не терпелось узнать, кто же именно подбил кальзирцев напасть на Брот. Ведь налеты на восточное побережье по-прежнему продолжались.

Коннекские священнослужители уселись поудобнее, чтобы полюбоваться закатом в изумительной декорации дворцов и памятников. Прищурившись, брат Свечка разглядел на другом берегу солдат, охранявших остатки трофейных кораблей.

– Что там, интересно, происходит? – вздохнул Микаэль Кархарт.

Пока свита бродила по городу и осматривала достопримечательности, герцог Тормонд и королева Изабет беседовали с патриархом. Ничего хорошего от этой встречи никто не ждал. Тормонд был слишком нерешителен, а характера Изабет никто толком и не знал. Она ведь уехала в Наваю к будущему мужу, когда ей исполнилось всего четырнадцать.

– Позволю себе поиграть в ясновидца, – сказал Свечка. – Королева Навайская поведет себя еще более наивно, чем герцог. А тот, не разобравшись толком в происходящем, передаст все свои законные права Безупречному. Ведь так проще – не придется проявлять стойкость и отстаивать правое дело.

– Глядите, – показал рукой кто-то, – еще солдаты.

По мосту, по направлению к Кройсу, шагал отряд из тридцати наемников. Безупречный стягивал силы. Рановато он начал готовиться к походу на Кальзир. С его стороны опрометчиво было полагаться на Йоханнеса Черные Сапоги, ведь тот вполне мог воспользоваться уязвимостью патриарших земель.

Возле Кройса показались Тормонд, Изабет и придворные, они направились к южному берегу Терагая. Значит, аудиенция закончилась.

Герцог с сестрой и их приближенные остановились в особняке клана Колоньи – палаццо Бракко. Раньше в нем жил принципат Флороцено Колоньи. Однако, опасаясь кальзирских пиратов, он перебрался во дворец Чиаро – там тогда укрылись многие принципаты.

Флороцено Колоньи обожал оказываться в центре внимания,

именно поэтому и приютил коннекское посольство. Хотя на самом деле принципат ничего из себя не представлял и ему суждено было остаться в истории исключительно как священнику, у которого в доме останавливался во время своего неудачного визита в Брот герцог Тормонд.

Спутники герцога один за другим собрались в главном дворе палаццо Бракко, где их дожидался герцог. К чести Тормонда, в тот вечер он накормил всех присутствующих. За счет Безупречного.

– Ешьте и пейте вволю! Мы с Безупречным теперь друзья.

Брат Свечка тоже попировал во дворе палаццо, где не было слуг и каждый сам брал со стоявших вдоль стен столов, что ему приглянется. Зловещее застолье продолжалось несколько часов подряд. В какой-то момент монаха поймал в уголке Лекро. Епископ успел основательно накачаться фиральдийским вином и впасть в отчаяние: он был уверен, что герцог отрекся от Непорочного.

– Но мы еще ничего не знаем, – возразил ему брат Свечка. – Тормонд верен своим убеждениям. А одно из них таково: герцог Кауренский не может забыть, что Достойного Шестого законно избрали патриархом епископальной церкви.

– Разумеется, он ничего не забыл. Но он не станет ради правого дела жертвовать своей выгодой.

Тормонд махнул рукой, и слуга громко призвал всех к тишине.

– Сегодня, – медленно выговаривая каждое слово, объявил герцог, который и сам уже успел порядком поднабраться, – сбылось то, ради чего мы явились сюда. Коннек заключил мир с церковью.

Никто не кричал от радости, но многие про себя усомнились в его словах.

– Четыре часа мы с Изабет беседовали с патриархом. – Тормонд на мгновение запнулся. – То есть с претендентом на мантию патриархов великой церкви, основанной святыми Эйсом, Домино и Арктю. Мы обсудили обязанности Коннека перед церковью и обязанности церкви перед народом Коннека. Друзья мои, у меня для вас хорошие вести.

Герцог снова замолк – излишек вина мешал ему говорить связно.

Впрочем, о «вестях» стало известно и без него. Ведь на встрече Безупречного с герцогом присутствовали свидетели – многочисленные безликие чиновники, записывавшие каждое слово.

И от вестей этих весьма дурно пахло.

Шестьдесят мужчин и одна женщина слушали, как заплетающимся языком чуть протрезвевший Тормонд рассказывает о своем соглашении с Безупречным. Временами его речь почти невозможно было разобрать.

Коннек обязан признать бротского патриарха. Тех священников, кто откажется это сделать, предадут в руки нового епископа Антье. Этого самого епископа через пять лет изберут в коллегию, а его преемника, следующего коннекского принципата, будет выбирать правящий герцог.

– Вы решили предать свою веру? – обрушился на Тормонда разгневанный епископ Лекро. – В обмен на мир, который посулил вам этот никчемный шакал? Вы ничего не добились, мой господин! Ровным счетом ничего! Если бы вы воспротивились, он не смог бы ничего сделать. Он бессилен и воткнет нам нож в спину при первой удобной возможности. Никаких коннекских принципатов в коллегию не допустят.

Тормонд дал ему выговориться и подождал, пока гнев епископа чуть поутихнет.

– Во-вторых, мы должны искоренить еретиков и неверных.

Это было самое предсказуемое требование патриарха, и именно оно вызывало больше всего ярости. Даже верные Броту священники возмущались таким наглым и беспардонным вмешательством в дела Коннека.

Брат Свечка мрачно молчал: его только что предал старый друг.

Речь Тормонда сделалась разборчивее и яснее, но радости это никому не прибавило.

– Коннек должен предоставить в распоряжение Брота две тысячи восемьсот вооруженных солдат, чтобы помочь покарать Кальзир за то оскорбление, которое он нанес церкви.

– Не церкви, а клану Бенедокто! – выкрикнул кто-то.

– Иными словами, племянник, – сказал епископ Лекро, – вы своими руками отдали мнимому патриарху все то, что мы пытались защитить, когда он вторгся на наши земли. А потом еще вдобавок обрекли наших юношей на смерть, чтобы Безупречный смог убивать и грабить. Да, племянник, вы настоящий дипломат. В Коннеке, услышав эти вести, устроят грандиозное празднество. В Каурене будут плясать на улицах.

Герцог был пьян, но все же уловил намек епископа: плясать коннектенцы, вполне возможно, явятся с факелами и вилами в руках. Не захотят ли они взять историю в свои руки и избавиться от герцога?

Слезы навернулись на глаза Тормонда. Он ведь был

совершенно уверен, что проявил чудеса дипломатии. Почему же все друзья и советники так разгневались на него?

– Позвольте дать вам совет, племянник, – прорычал Лекро, – оставайтесь-ка вы в Броте, пока не вернутся из Кальзира домой наши солдаты. Ведь иначе за такой прекрасный мир с патриархом вас в Коннеке могут и убить ненароком.

Герцог, хоть и одурманенный вином, ясно слышал, о чем шепчутся приближенные. Что скажет граф Гарит? Ведь он может, услышав эти новости, совершить что угодно, и большинство коннектенцев его поддержит.

Тормонд ничего не понимал. Как же можно, поразился брат Свечка, быть настолько слепым и так упорствовать в своих заблуждениях? Неужели они что-то сотворили с ним в Кройсе?

Расстроенный и сбитый с толку, Тормонд поковылял прочь со двора, где, как он надеялся, все должны были праздновать столь удачный исход дела.

Его сестра, на время позабыв о своей обычной застенчивости, взялась рассказать всем, чем именно закончились переговоры. Заключенные соглашения затрагивали, помимо Коннека, Фиральдии и патриарших государств, Наваю, остальную часть Дирекции, Кальзир и империю. Безупречный не оговаривал никаких сроков, кроме одного – ему в скорейшем времени требовались солдаты, осенью он планировал начать поход против Кальзира.

По словам Изабет, ее муж готов был обеспечить независимость Коннека и обещал отправить свои корабли и опытных воинов помочь в войне с Кальзиром.

Брат Свечка обратил внимание на эти слова – карательный поход уже успел превратиться в полномасштабную войну. А война грозила обернуться священным походом, который обещал поддержать не имеющий к нему никакого отношения король.

Изабет вела переговоры гораздо жестче своего брата. В обмен на помощь короля Питера Безупречный должен был отдать в распоряжение Наваи Шиппен и окружающие его острова. Остров Шиппен был достаточно большим и временами считался даже независимым королевством, размерами он превосходил подвластную Питеру Дирецию, хоть и был гораздо беднее.

Еще Изабет рассказала о соглашении, заключенном между Безупречным и Граальским императором.

Бóльшая часть Кальзира, а также острова у его побережья отойдут империи и Аламеддину. Различные города и крепости достанутся тем, кто проявил себя во время Реконкисты, но подчиняться будут также империи и Аламеддину.

Безупречный, не скупясь, раздавал еще незавоеванные земли.

Питеру была выгодна предстоящая война. А еще она должна была ослабить фиральдийских врагов патриарха и в то же время усилить Йоханнеса.

Брат Свечка начал подозревать, что в исходе переговоров виновата была не только слабохарактерность Тормонда, здесь явно прослеживался какой-то план.

Если Шиппен отойдет Навае, Платадура станет самым влиятельным торговым городом на востоке Родного моря, в ущерб Сонсе, Датеону и Апариону. Особенно пострадает Сонса, ведь основные торговые пути этой республики проходили через узкий и коварный пролив Райп, отделяющий Шиппен от Кальзира.

Монах протолкался поближе к королеве.

– Здесь скрыта какая-то тайна. Что же получит Йоханнес? – спросил он у нее. – Что изменилось? Почему вдруг Граальский император решил примириться с патриархом? Они же всегда были как кошка с собакой.

Остальные уже потеряли к переговорам интерес.

– Скоро все об этом узнают, – прошептала ему на ухо Изабет. – Поэтому я расскажу вам. У Йоханнеса есть единственный сын, Лотарь. Мальчику двенадцать, и он очень болен, явно не переживет отца. А Ганзель желает, чтобы у власти осталось семейство Иджей. Безупречный своей патриаршей властью поклялся ему, что церковь устроит так, чтобы трон перешел к его детям.

– Дочерям? – удивился брат Свечка.

– Совершенно верно. В списке наследников после Лотаря будут указаны сначала Катрин, а потом Элспет. Взамен Йоханнес обещал патриарху помощь в войне с Кальзиром. Вы уже слышали, как они собираются поделить тамошние земли.

Здесь явно крылось что-то еще. Вряд ли Безупречный так легко уступил бы своему заклятому врагу. Да и Ганзелю не с чего быть сговорчивым.

– Будет ли все так, как они решили? – спросил у монаха после пира Микаэль Кархарт. – Тормонд может пообещать Безупречному что угодно, но что, если он действительно повернет против мейсалян, дэвов, дейншокинов, праман с терлиагского побережья или свободомыслящих святых отцов Коннека?

– Тогда он останется совершенно один, – заметил обычно немногословный Тембер Серт.

– Именно, – согласился Лекро. – От него отвернутся многие, а ему нужна помощь, без нее ему никак не справиться.

– Никто, – задумчиво промолвил Кархарт, – с самого избрания Гонарио Бенедокто так и не заикнулся об очевидном:

скольких бед можно было бы легко избежать, если б он не был патриархом.

– Вы хотите сказать, следует что-то предпринять по этому поводу? – спросил брат Свечка.

– Нет-нет! Просто излагаю факты. Избрание Безупречного повлекло за собой несметное количество смертей и горя. А ведь это только начало.

– Он прав, – кивнул монах. – Теперь мы еще больше запятнаем свои души, потому что Коннек все-таки ввязался в войну с Кальзиром. Я знаю некоторых праман. Многие до сих пор живут вокруг Терлиаги и на побережье. Это добрые люди, как и коннектенцы. Как и те кальзирцы, которых хочет изничтожить Безупречный.

– Даже не упоминайте Терлиагу, – предостерег его Микаэль Кархарт. – Если Безупречный прознает, что Вольсард не перебил их во время войны с Меридианом, он тут же вознамерится истребить их вместе с нами. Или даже еще скорее.

– Может быть, мы волнуемся понапрасну? – предположил брат Свечка. – Вы же помните, каков наш герцог. Не думаю, что он сможет собраться и хоть что-то сделать. Разве что отправит Реймона Гарита в Кальзир, чтобы граф и его молодцы не натворили бед дома. Если Кальзир будет стоять так же упорно, как и всегда, Безупречному, может, и не хватит времени на Коннек.

– Но Безупречный молод, – вздохнул Лекро. – Вполне протянет еще лет тридцать-сорок.

– Тогда, – фыркнул Тембер Серт, – остается только обратиться напрямую к вашему богу. Пусть отменит избрание патриарха.

Никто не улыбнулся его шутке.

Коннекские послы пробыли в Броте девять дней, восемь из которых Тормонд и Изабет потратили на то, чтобы добиться еще одной аудиенции у патриарха и обсудить все те соглашения, которые вызвали такой гнев у их спутников. Но Безупречный все откладывал встречу, пока наконец не стало совершенно ясно: ничего больше он обсуждать не намерен.

Разгневанный герцог велел приближенным готовиться к отъезду сразу после того, как все заговорили о грядущем визите в Брот императора Йоханнеса. Ходили слухи, что Ганзель склонится перед патриархом в обмен на церковный указ о порядке престолонаследия, выгодном для клана Иджей. Тут и там обсуждали, что же готовит будущее. Безупречный изо всех сил стремился воплотить в жизнь свои грандиозные планы и не желал

тратить время на хнычущих деревенщин, которые упорно не хотели играть уготованную им роль в пробуждении чалдарянского мира. И злая воля Орудий Ночи совершенно его не страшила.

На мосту через Терагай брат Свечка оглянулся. Он знал, что больше никогда не увидит Брот. С собой он уносил лишь воспоминания.

Так мало сделано. Так мало доведено до конца. Они вернутся в Коннек и будут жить, делая вид, что ничего не случилось.

Война с церковью откладывалась, но не надолго.

По дороге коннектенцы постоянно бранились друг с другом. Брат Свечка, устав от вечных склок, рад был бы пуститься домой в одиночку, но все-таки остался в свите герцога. Пока его еще терпят епископальные чалдаряне, можно достучаться до здравого смысла и призвать их к миру. Монах хоть и обладал определенным влиянием, но не мог изменить уже принятые решения.

Погода была немногим лучше той, что сопровождала их по дороге в Брот. Но как только герцог объявлял привал на день или два, небо стремительно прояснялось.

Впрочем, на этот раз Тормонд не желал терять времени даром. Дома недовольный Реймон Гарит собирал обещанные Безупречному войска. Некоторые опасались, что с помощью этих войск безрассудный граф захватит Коннек.

И страх этот имел под собой основание: друзья Реймона надеялись, что он восстанет против своего сеньора, и пытались всеми правдами и неправдами задержать возвращение герцога.

Но Тормонд не поддавался ни на какие уловки и просто-напросто оставлял тех, кто задерживал отряд, позади. Очень быстро они его догоняли.

Герцог то и дело посылал гонцов к сэру Эарделею Данну и Реймону. Данн писал, что в Каурене все спокойно. Но новости от него вечно запаздывали.

Граф Реймон перебрался из Антье в Кастрересон, в самый центр страны. В его письмах не было упреков, которые сыпались на герцога со всех сторон, – лишь уважение и готовность подчиниться. Казалось, все внимание Гарита поглотили приготовления к походу: попробуй-ка найти две тысячи восемьсот вооруженных солдат в краю, где сроду никто ни с кем не воевал.

Национальное самосознание, с такой силой пробудившееся в Коннеке после резни у Черной горы, сменилось разочарованием и отчаянием еще тогда, когда герцог решил отправиться в Брот.

Жители Коннека не сомневались в своем владыке: он-то точно поддастся мнимому патриарху и уступит ему все их богатства и права. Так оно и вышло, но все-таки они не отвернутся от своего герцога.

Или отвернутся?

Брат Свечка боялся, что зависит это не от политического расчета, а скорее от гордости и амбиций.

26

Брот, одержимые

Шесть дней не просыпался Шагот, но Свавар и сам проспал не меньше четырех. Проснулся он таким ослабевшим, что едва-едва смог доползти до кухни в том домишке, где они решили залечь на дно.

Когда они наконец разыскали человека, вызвавшего гнев богов, случилась большая беда – на пути у них встали двое могучих колдунов. Целых двое! В результате произошла почти смертельная схватка. То есть Свавар поначалу и считал ее смертельной, до тех пор пока не очнулся Шагот – безмолвный, едва не обезумевший от голода и жажды, но все-таки живой.

Свавар смачивал в воде тряпку и выжимал ее брату в рот. Осторожно, долгими часами проталкивал между рассохшихся губ комочки размоченного хлеба.

Он и сам чувствовал себя не слишком здоровым. В битве ему досталось больше, чем брату. Но на этот раз он быстрее пришел в себя.

В те минуты, когда удавалось хоть немного отвлечься, Свавар думал о колдунах. Что с ними стало? Они с Гримом не смогли их уничтожить, Старейшие не расщедрились и не дали им таких сил.

Что-то пошло не так. Что-то не клеилось с тех самых пор, как они разошлись с остальными андорежцами. Все должно было быть гораздо проще.

А тут еще память начала выделывать странные фортели. Неизвестно почему, у него в голове оказалось сразу несколько совершенно разных, но в равной степени убедительных воспоминаний о том, что же произошло, когда они с Гримом вломились в тот дом. Им пришлось сражаться с кальзирскими пиратами и двумя колдунами. Во время побоища в дом проскользнула какая-то тень, призрак – именно он-то и определил исход битвы. Призрак присутствовал во всех разрозненных воспоминаниях, но отчетливо представить себе его черты Свавар так и не смог, сколько ни пытался.

Он волновался. Его терзал страх. Быть может, в этом деле замешаны не только Старейшие, но и другие Орудия Ночи? Ночь состояла из множества разных существ, у кого-то из них могли быть на Убийцу Богов свои планы. Хотя те двое волшебников вроде бы лишь защищались, а Убийца вообще попался им случайно.

Уцелел ли он? Там ведь погибло много народу.

Грим скажет, когда проснется. Если проснется.

Шагот сейчас напоминал человека, который болтается на краю пропасти, пытаясь уцепиться за камни тремя изувеченными пальцами.

Свавар догадывался, что именно тому загадочному призраку они оба обязаны жизнью. Иначе как они умудрились, находясь без сознания, добраться до своего убежища?

Асгриммур боялся, что их найдут, когда они еще не успеют окончательно исцелиться и будут совершенно беззащитны. Эти южане хоть и слабаки, но глупостью особой не отличались и знали: по Броту разгуливают темные силы. Еще до последней заварушки по всему городу разыскивали двух светловолосых чужаков.

Теперь ими займутся всерьез.

Свавар не знал, что в Броте по-прежнему бьются с пиратами. Безупречный никому и ничего не прощал – он пригрозил отлучить от церкви любого, кто позволит ускользнуть даже самому захудалому кальзирцу, пусть даже старому калеке или обезумевшему от страха мальчишке. Сидя в безопасном Кройсе, патриарх гневался и клялся отомстить, точно как и его собственный бог в древности, когда святые отцы церкви еще не приспособили его для новейших времен. Поэтому пираты и сражались.

Свавар совсем не удивился бы мстительности и свирепости Безупречного: Серый Странник и его родичи вели себя похожим образом.

Когда Шагот очнулся, в глазах его не было ни малейшего признака разума. Но что же увидел там Свавар? Он и сам не знал. Быть может, разум безумного бога? Если такое, конечно, можно представить.

Но постепенно взгляд Шагота прояснился, ярость рассеялась, и в то же мгновение вернулся прежний, хоть и не слишком вменяемый, Грим Гриммсон.

– Ничего не говори, – прохрипел Свавар, который сам с трудом ворочал языком. – Не знаю, сколько прошло времени. Много. Я уже два дня просыпаюсь и засыпаю.

Он пересказал брату свои обрывочные воспоминания.

Шагот прекрасно осознавал, насколько серьезно его собственное состояние, – в отличие от прошлых случаев, он не исцелился во сне с обычной невероятной скоростью. Выпив немного воды и с трудом прожевав размоченный хлеб, стурлангер снова заснул. Так и не сказав ни слова.

И проспал еще два дня.

Свавар тоже много спал и чувствовал себя уже гораздо лучше, когда Шагот снова очнулся. Хотя сил у него было вдвое меньше обычного. Раны болели. Суставы ныли. Душа тоже.

На этот раз Шагот заговорил, хоть и цедил слова медленно и по одному:

– Прошло больше восьми дней. В городе все поменялось. Надо уходить. Скоро нас начнут искать. Со всем тщанием. Обыскивать дом за домом. Коллегия. С ними не справиться. Уйдем, а потом ударим снова, когда о нас все забудут.

– Убийца Богов уцелел?

– Конечно. А сам-то как думаешь?

– Я так и понял.

– Настоящий сукин сын. Мы ему жизнь спасли, явившись туда. Как все хитро сложилось. Серый Странник думает, что тут замешан Прохвост. Но я сомневаюсь, что Прохвосту под силу так далеко достать.

– Грим, там случилось что-то непонятное. Была еще какая-то сила – вроде тени. Кто-то – кроме нас и колдунов. Сильнее, чем все мы вместе взятые. Она помешала бы нам прикончить Убийцу Богов, решись мы это сделать. Но почему-то спасла нас. И защитила колдунов от нас. Сколько я ни бьюсь – никак не могу понять, кто или что это было.

– Именно потому Серый Странник и думает, что вмешался его племянничек. Не напрямую, нет, – обманул кого-то и заставил сделать всю грязную работу.

– Всеотец не знает, что там случилось?

– Есть вещи, скрытые и от самих богов, особенно если вмешиваются другие боги.

– Что?

– Ты почувствовал кого-то. Этот тип, скорее всего, спустился сюда во время битвы из Небесной Крепости. Воспользовался щедро пролитой священной кровью. Когда Павшие должны были прийти нам на помощь и прикончить Убийцу Богов.

Свавар ничего не понял.

– Так мы должны были прикончить Убийцу?

– Да. Мы почти это сделали. Но тут вмешался некто – скорее всего, божество из Небесной Крепости. И не дал мне вызвать героев.

Свавар все равно ничего не понял. Та сущность – вовсе не чужак, она прибилась к ним давным-давно, сразу после Аргенда. Но разглагольствования Шагота никак не проясняли дела, какой уж там божественный план!

– Этот кто-то все еще тут, братишка, – предупредил Шагот. –

Создание Ночи осталось в смертном мире. Где-то поблизости. Надо быть начеку, пока не выясним, что же происходит.

Хозяев дома, по всей видимости, убили во время налета. Никто не заходил к ним, никто не пытался их ограбить. Люди держались от этого места подальше.

Свавар отыскал бритвенный прибор, побрил лицо, голову. А заодно и Шагота. Раздобыл подходящую одежду. Сидела она не слишком хорошо, ну и ладно.

– Грим, я с трудом, но могу ходить. Пойду осмотрюсь.

– Будь осторожен, братишка. Я еще слишком слаб и не смогу предупредить тебя, если что случится.

– Да уж буду, Грим.

Свавар всегда был осторожен. Гораздо осторожнее Грима. Тот-то слепо верил в покровительство богов. Когда на твоей стороне Орудия Ночи, с тобой ничего не может случиться.

А вот Свавар хорошо понимал: в этих краях правят совсем другие боги. Старейшие были в Броте чем-то вроде мышей, снующих в потустороннем подполе, – шумных, гадких, вонючих, всеми ненавидимых вредителей.

Особых внешних изменений в Броте Свавар не заметил, но настроения в городе поменялись совершенно. Теперь каждый встречный-поперечный лютой ненавистью ненавидел Кальзир. И власти были твердо намерены во что бы то ни стало вернуть долг и нанести ответный удар по родным краям налетчиков.

В некоторых районах все еще оставались пираты. Загнанные в ловушку, они упорно сопротивлялись и не желали сдаваться. Но защитники Брота никуда не торопились, они просто терпеливо ждали, когда голод выгонит отрезанных от всякой помощи кальзирцев из убежищ.

По городу гуляли тысячи самых разных слухов. Будто бы патриарх вот-вот объявит священный поход на Кальзир. Будто бы Граальский император позволит ему провести войска через свои владения в Аламеддине и сам примет участие в войне.

Разумеется, Свавара больше интересовали слухи о двух светловолосых чужеземцах. Листовки, на которых обещалось вознаграждение за их головы, висели у всех на виду на дверях церквей. Свавар попросил шедшего мимо грамотея прочитать ему одну такую.

Стурлангер притворился иноземным наемником из тех, кого наняли сражаться с пиратами, и уже вскоре знал все, что знал любой житель Брота.

– Грим, нам действительно нужно уходить. Они собирают

специальный отряд, чтобы выследить нас. В две сотни человек. Сейчас их натаскивают. А еще будет целая толпа колдунов, они уже на подходе. Из какого-то их особого ведомства, из главной крепости Братства Войны. Они весь город на уши поставят.

– Нужна телега. Или фургон. Я не могу пока идти пешком, нужно еще немного времени, чтобы все зажило.

– Но ведь раньше раны заживали так быстро.

– И сейчас тоже, просто в этот раз пришлось одолеть саму смерть.

– Что? – Свавар решил, что Грим шутит.

Да нет, что-то непохоже.

– Братишка, я должен был умереть. Слишком крепко мне досталось. Старейшим пришлось собрать все силы, чтобы ослепить смерть, пока плоть моя исцелялась.

Шагот говорил взволнованно. Может, не понимает, что они и так уже не совсем живы? Раньше смерть его никогда не страшила. А, понятно: боится сделаться калекой.

Но выбора-то у него нет. Пока боги владеют им, Грим обречен выслеживать их Убийцу, даже если придется цепляться за жизнь последним уцелевшем пальцем на единственной руке.

– Я поищу. Может, придется купить.

– Делай, что должен. И быстро. Нужно опередить колдунов из особого ведомства.

– Ты и о них знаешь?

– Они охотятся на таких, как мы. Людей, которых коснулись, как они называют, Орудия Ночи. Хотят уничтожить самих богов. Всех до единого, до самого последнего хульдрина, чтобы остался только их собственный бог.

Когда Свавар вернулся, Шагот уже не спал и выглядел гораздо лучше.

– Что стряслось, братишка? Ты будто жука проглотил.

– Жук был большой и вонючий, Грим. У нас больше нет денег.

– Почему?

– Этот паскуда Талаб, которому ты их доверил, решил нас поиметь. Догадался, кто мы такие, и настучал в коллегию. А они забрали наши денежки и оставили ему только двенадцать процентов в награду.

– И?

– Я его порешил. Но сначала заставил рассказать, что случилось. Взял все, что нашел. Он просил не причинять ему боли и отдал деньги.

– И тебе удалось удрать? – нахмурился Шагот.

– Отвязался от погони еще на той стороне реки.

Это было нелегко. Ему помогла одна женщина, с виду настоящая северянка. Свавар точно знал, что уже где-то видел ее, но где именно – не помнил. Здесь он никаких женщин не знал. В Броте он соблюдал обет безбрачия не хуже какого-нибудь святоши.

Эта женщина заколдовала преследовавших его дэвов: сначала они растеряли весь свой задор, а потом вообще перестали понимать, куда бегут, и принялись вымещать злость друг на друге.

Она и его заколдовала, когда он хотел подойти поближе. И вроде даже удивилась, что он ее заметил.

Ангел-хранитель?

Брату Свавар ничего не стал рассказывать. А почему – и сам не знал. Грим бы точно разозлился, если б узнал.

– У меня в сумке осталось немного денег, – сказал Шагот.

– Отлично. Времени у нас в обрез. Скоро поднимется шум из-за того дэва, которого я прибил.

– Твоя правда. Раздобыл чего-нибудь поесть? У меня кишки сводит от голода.

– Это хорошо, а то я уже начал волноваться.

Из Брота стурлангеры выехали через четыре дня после того, как Свавар отправил к праотцам предателя-дэва. Через эти же ворота они когда-то и входили. Стражники не особо смотрели на тех, кто покидал город, если только это были не кальзирцы. Никто не обратил внимания на трех мужчин в затрапезном фургоне, запряженном шелудивым мулом, и собаку, трусившую следом.

Третий путник, однако, очень скоро выбыл из компании.

– Деньги наши верни, – велел из фургона Шагот.

– Сейчас, только с этой шавкой разберусь… – отозвался Свавар. – Вот зараза! Дай меч, я ей башку отсеку.

Он ничуть не боялся довольно крупной дворняги, у которой еще было полно зубов. После Небесной Крепости ни одна собака не могла его напугать.

– Паскуда! Видать, деньги бабе своей отдал.

– Не сходи с ума, – сказал Шагот. – Добудем еще. Спрячь их, пока никого не встретили.

Свавар спрятал трупы – и вовремя. Не успели братья пройти и двухсот ярдов, как впереди показался кавалерийский отряд. Пришлось съехать на обочину, чтобы освободить дорогу.

– Знамена узнаёшь? – спросил Шагот.

– Нет. Но вон то, с ключами, наверное, патриарха.

Отряд ехал из Малетерры – там они охраняли ведущую в Брот

дорогу, опасаясь внезапной атаки императора.

Свавару стало интересно, кто из этой сладкой парочки кого имеет – патриарх императора или наоборот?

Солдаты перекрыли движение, и андорежцам пришлось ждать.

Братья свернули сначала на восток, а потом на юг – на восточную прибрежную дорогу. Вондера Котерба еще собирал наемников в Аламеддине. Там-то они и укроются.

Шагот был все так же одержим: он твердо верил, что они найдут Убийцу Богов в Кальзире. Свавара, которому оставалось только подчиняться, охватило отчаяние.

Ему то и дело что-то мерещилось: некие создания словно бы следовали за ним по пятам. Их ни за что не заметил бы тот, кому не довелось побывать в Небесной Крепости.

Женщина была выше любого солдата из кавалерийского отряда. Ее красота отличалась от пышной красоты фиральдийских прелестниц. Она была хорошо сложена и подтянута – ни грамма лишнего жира. Длинные золотистые косы скручены и уложены вокруг головы. Шагала она широко и уверенно. Никто из солдат, как ни удивительно, не обратил на нее внимания.

Она сошла с дороги и раздвинула высохшие кусты. В воздух тут же с низким гудением взмыл рой мух, недовольных, что их оторвали от трапезы.

Оглядев труп старика и обезглавленную собаку, женщина поморщилась. Она видела сцены гораздо более страшные, и притом тысячи раз, но это зрелище вызвало у нее отвращение.

Поскольку никто за ней не наблюдал, никто и не удивился тому, что она вдруг взяла и исчезла.

27

Брот готовится к войне с Кальзиром

– Здесь теперь народу точно мух на дохлой псине, – пожаловался Элсу Поло.

Элс что-то согласно пробурчал. Поло прав: дворец Бруглиони прямо-таки бурлил. Дивино Бруглиони надавил на уехавших из Брота родственников, чтобы те дали денег на рабочих. Осевшая в деревне родня потихонечку возвращалась из страха лишиться своих загородных владений.

Их испугала безжалостная кара, которую от имени Палудана обещал им принципат.

Элс сам дважды ездил навестить их во главе отряда наемников, сражавшихся с пиратами, и навел ужас на нескольких самых никчемных Бруглиони, которых со всем тщанием отобрал Дивино. Остальных это весьма взбодрило. А еще их манили богатства и земли, которые непременно должны были отойти Бруглиони после священного похода на Кальзир.

Да, патриарх собирался устроить священный поход, и члены коллегии его поддерживали.

Элс тоже рассчитывал поучаствовать. Палудан велел ему на средства Бруглиони собрать пехотный полк.

Ша-луг не понимал, откуда у Безупречного столько уверенности. Казалось, ее не подкрепляет ничего, кроме его веры.

Но ведь вся история держится на костях тех, кто надеется лишь на безжалостный карающий меч своего бога. Люди всегда предпочитали не замечать очевидного и слепо верили коварным Орудиям Ночи.

Элс ходил на собрания полководцев, которые хмурились, услышав его вопросы, но тем не менее пребывали во все той же неколебимой уверенности.

Они мельком обсуждали грядущую кампанию, а потом часами делили еще не завоеванный Кальзир, распределяя его на будущие приходы.

Элс несколько раз просил Аль-Кварн выслать ему указания: один раз через Гледиуса Стьюпо и его дэвов, другой – через каифатское посольство. Но ответа так и не дождался. Значит, принимать решение придется самостоятельно, и любое его действие потом, вполне возможно, сочтут неверным. Если так захочет Гордимер.

Дэвский счетовод, которого вытребовал себе Тейдж, без труда

разобрался в записях господина Грасия. Все доказательства Элс отнес дядюшке Дивино, и тот буквально просиял от злобной радости: теперь можно шантажировать тех, кого нужно заставить служить Бруглиони.

Выходя в город, ша-луг обязательно сталкивался с кем-нибудь, кого отнюдь не радовало возрождение клана.

Например, принципат Донето постоянно жаловался, что Пайпер Хект не уделяет достаточного внимания его, принципата Донето, делам.

Пинкус Горт находил жалобы Донето весьма забавными.

– Слушай, Пайп, я никогда не встречал такого самовлюбленного типа, как наш бывший сокамерник, – заявил он. – Помыкает всеми, кто только попадается ему на пути.

– Меня это нисколько не удивляет. Я с такими имею дело чуть ли не с пеленок. И видимо, сам в итоге таким сделаюсь, если проживу достаточно долго и заберусь достаточно высоко. Как, впрочем, и ты.

– Точно. Так прямо и вижу себя в тапочках Грейда Дрокера – во главе армии во время следующего похода на Коннек, а со мной целый взвод малолетних шлюх, точно как у Серифса, только девочки, а не мальчики.

– Горт, ты мерзок.

– Зато со мной весело. Признай это. Ты готовишься к походу на юг?

– Готовлюсь и жду его с нетерпением.

Это была ложь – Элс не хотел сражаться с единоверцами. Но из Аль-Кварна не пришло никаких указаний, а значит, выбора у него нет. Пришлось вжиться в придуманный образ, и теперь Пайперу Хекту волей-неволей оставалось лишь идти на войну.

– Добро. Я тоже. Как там поживает твоя дама?

– Анна?

Они с Анной Мозиллой начали показываться вместе на людях. Она явно получала от этого удовольствие, а вот Элс переживал. Вдова отвлекала внимание от него самого, но вздумай кто-нибудь поинтересоваться ее личностью – неизбежно возникли бы вопросы. Каким таким образом Пайпер Хект успел сойтись с сонсианкой?

– У нее все хорошо. Только немного перепугалась на прошлой неделе.

– Когда те кальзирцы выскочили из подпола?

– Причем прямо на ее улице. Надеюсь, это были последние.

– Коллегия говорит, что да.

– Та самая коллегия, которая еще неделю назад заявила, что

пиратов в городе больше не осталось?

– Думаешь, их теплой компании неплохо бы подучиться волшебству?

– А ты так не думаешь? Есть ли какие-нибудь новости? Что-нибудь, чтобы облегчить мне жизнь?

– Нет. Могу разве что посоветовать ни к кому не поворачиваться спиной. Я тебе уже говорил – принципат весьма недоволен. Не думаю, что выкинет что-нибудь эдакое, но сейчас у него немного съехала крыша. Просто все идет не так, как он хочет, вот он и бесится.

– Но на меня-то он за что злится? Меня вот-вот переведут в коллегию. Он же не хочет, чтобы я поставил под угрозу такое выгодное предложение?

– Я ему напомню. Донето мечтает, чтоб наконец все пошло по его плану. Чтоб он мог сам себя погладить по головке и порадоваться, какой он умный.

– Если хочешь знать мое мнение, все складывается просто замечательно. Я за несколько месяцев оказался там, куда не надеялся добраться и за несколько лет. А ты…

– Да, знаю, знаю. Мне страшно повезло, что у меня есть работа. И Донето тоже повезло. Он ведь совсем облажался в Коннеке. Но его все равно повысили.

– Как говорится, кумовство – дело семейное. Я, конечно, молчу, но ведь правда что шила в мешке не утаишь.

– Пайп, ты пошутил? Ушам своим не верю. Ты ли это? Смотри осторожнее, а то, глядишь, настоящим человеком станешь.

– Стараюсь. Как там Бо и Джо?

– Джо теперь главный принципатов конюший.

– Молодец.

– Чушка как сыр в масле катается.

– И он тоже молодец. Пинкус, мне пора.

– В Кастеллу?

– Да. Они наняли художника, который должен с моих слов нарисовать Старкден. Думаю, затея пустая, но разве с Братством Войны поспоришь?

– Да уж, с особым ведомством точно не надо. Хотя Бехтер вроде ничего. Но он простой солдат и не читает никому проповедей.

– Он хороший человек.

– Опасайся этого мерзавца Дрокера.

– Вообще-то, я опасаюсь любого, кому не имею веских оснований верить.

– Ой-ой.

– Тебе, Пинкус, я верю. Верю в то, что ты Пинкус Горт и

заботишься в основном о Пинкусе Горте. А Пинкуса Горта я знаю неплохо и потому сразу понимаю, когда доставать свой пояс целомудрия, чтоб не поимели.

Горт фыркнул.

– А правду говорят, что Бруглиони собираются доверить тебе целый полк для похода в Аламеддин?

– Вряд ли кто-то из людей Бруглиони будет участвовать в войне. Разве что мой добрый друг Поло. Он шпионит на дядюшку Дивино, причем неумело и явно. У нас вроде как негласное соглашение: он притворяется моим слугой, а я притворяюсь, что не знаю о его стукачестве. Привет Бо и Джо. И передай от меня Чушке репку. Мне пора, сегодня я не могу опоздать.

Горт крякнул.

Элс сказал чистую правду: опоздать он не мог – по той простой причине, что час ему не назначали. В приглашении из Кастеллы время попросту не было указано.

В крепости Тейдж не только работал с художником – его еще постоянно пыталось завербовать Братство. Дважды он отклонял их предложения, и Редферн Бехтер сказал, что Грейду Дрокеру это понравилось.

Дрокер не считал Пайпера Хекта достойным кандидатом. И слепец бы увидел, что Пайпер Хект не особенно интересуется господом.

«Какая ирония! – думал Элс. – Господь бы посмеялся».

Вот уже много лет Братство было озабочено поиском новых послушников. Современных чалдарян не слишком-то привлекала аскетичная и бедная жизнь господних воинов.

Дивино Бруглиони как-то жаловался Элсу на «вконец распустившихся чалдарян» и заявил:

– В нашем веке люди начисто забыли об истинных ценностях, вот где пригодилась бы старая-добрая чума.

Редферн Бехтер ждал Элса возле синих ворот. Неудивительно – наверняка его еще издали заметили караульные на стенах Кастеллы.

– Ты явился позже, чем мы рассчитывали.

– В письме было написано: утром.

– Понятно.

– У вас тут как в склепе.

Коридоры и залы Кастеллы были совершенно пусты. Типичная для Братства аскеза всегда наводила трепет на посетителей. Элсу же своей суровостью и непреклонностью рыцари очень напоминали ша-луг.

– Все уехали в Аламеддин вместе с императорскими

разведчиками. Остались лишь больные, раненые, старые и те, кому нужно планировать кампанию. – Бехтер вздохнул и шепотом добавил: – Я и сам бы с радостью туда отправился. Хотя и не горю желанием сражаться.

– Слишком мало народу и Грейду Дрокеру не на кого расходовать свой яд?

– Заметь, это не я сказал, а ты, – усмехнулся Бехтер. – Но терпеть осталось недолго. На этой неделе прибудет отряд из Ранча, а с ним вернется и Хоули Кверк. А волшебник пускай сам расхлебывает.

Элс почувствовал себя неуютно, хотя сам не понял почему.

– А кто еще приедет с Кверком? Я знаю кого-нибудь?

– В смысле? Откуда тебе их знать?

– Я хотел сказать: слышал ли я о ком-нибудь? Ведь лично я ни с кем из братьев не знаком. Только с теми, что угодили с нами в коннекский переплет.

– Те, кто был в Коннеке, либо мертвы, либо здесь, либо на юге прощупывают Кальзир.

Они зашли в зал, и Элс с удивлением увидел, что сидящие там пятьдесят человек внимательно слушают Ферриса Ренфрау, который с помощью длинной указки демонстрирует им стратегически важные места на карте Кальзира. Карта была нарисована прямо на оштукатуренной стене: юг располагался сверху, судя по тому, что фиральдийский полуостров вырастал прямо из Брота. Пока Ренфрау вещал, художники в имперских нарядах продолжали прорисовывать детали на уже обозначенных побережьях, городах, проливах, реках и крепостях.

Зрелище было впечатляющее.

Но еще больше впечатлили Элса собравшиеся в зале. Он действительно опоздал, но не слишком: слушатели, судя по виду, еще не успели устать от лекции. Здесь сидели многочисленные члены коллегии, сам Йоханнес Черные Сапоги, Грейд Дрокер, конечно же, несколько военачальников из епископальных государств и Граальской Империи, а еще представители всех пяти кланов, и среди них Рогоз Саяг.

Пинкуса не было. Разумеется. Они же не так давно расстались, и Горт ничего не знал про это собрание, как, впрочем, и сам Элс. Но если позвали Пайпера Хекта, то почему не позвали Пинкуса Горта? Он же лучше знает, что происходит.

Бехтер отвел Тейджа к скамье возле левой стены. Понятно. Значит, здесь его присутствие выпячивать не будут.

Слуга внес на подносе чай. Такую роскошь Элсу доводилось пробовать лишь несколько раз в жизни – еще в Аль-Кварне.

Феррис Ренфрау заметил его, на лице промелькнуло

изумление.

Он рассказывал о Кальзире так подробно, словно сам успел там побывать.

Опасный человек. Насколько хорошо он знает Дринджер? Сколько времени провел в Святых Землях возле Кладезей Ихрейна?

Феррис был превосходным рассказчиком. Кальзир в его описании живо представал перед слушателями. Они будто сами видели земли, постепенно переходящие в пустыню, редкие оливковые и апельсиновые рощи, виноградники, пасущихся овец и коз, а еще бесчисленные рыбацкие деревушки, понатыканные везде, где только можно.

– Самые лучшие земли принадлежат знати и зажиточным семействам. Точно как в Фиральдии. Политический строй тоже похож: Кальзир состоит из дюжины княжеств, и ни одно из них не признает мафти аль-Арая эль-Арака или влиятельных вельмож из Аль-Хазена. Положение мафти весьма напоминает положение Непорочного Второго в Вискесменте. В зависимости от религиозных пристрастий, княжества признают своим праманским пастырем либо каифа Каср-аль-Зеда, либо каифа Аль-Минфета. Но по сути, каифы имеют не больше власти, чем эль-Арак, и не получают податей. Вот здесь, на острове Шиппен, расположены кальзирские серебряные и медные копи, вырытые еще в первобытные времена. Еще на острове издревле выращивают на продажу пшеницу. А также фрукты и оливки. Разводят овец. Рыболовство тоже распространено, но не в таком почете, как в материковом Кальзире. Центральные области Шиппена не обрабатываются. Треть жителей острова исповедуют чалдарянскую веру, даже в больших городах, но в основном восточного толка. Остальные – прамане. На центральных пустошах кое-где еще встречаются язычники.

Из слов Ренфрау отчетливо явствовало: Ганзель уже давным-давно нацелился на Кальзир.

Может, именно он с помощью Масанта аль-Сейхана и Старкден устроил светопреставление с пиратами?

Прошло несколько часов. Элс услышал о топографии, географии, экономике и населении Кальзира все, что только можно. В конце концов ему все-таки удалось разузнать, зачем его позвали в Кастеллу.

Случилось это во время обеда.

Он присел в уголке, чтобы лишний раз не привлекать внимание влиятельных особ, и тут к нему подошел Редферн Бехтер.

– Дрокер желает тебя видеть.

– Что стряслось? – удивленно поднял бровь Элс.

– Сказал: тебе, наверное, любопытно, зачем ты здесь.

– Какая проницательность. Меня сюда позвали. А что – есть другая причина?

– Бери еду с собой. Обедать будешь за работой.

– Ладно. – Элс взял тарелку и питье.

– Помочь? Ты что – набрал всего и сразу, а потом еще добавку прихватил?

– Если еда хорошая, так почему нет? Знал бы ты, где я обычно ем.

Бехтер отвел Элса в небольшую комнату, где собралось на совещание около дюжины человек: Грейд Дрокер, Феррис Ренфрау, Дивино Бруглиони, Бронт Донето и другие. Тейдж напрягся. Здесь что-то явно затевалось.

– Хект, ты похож на загнанного зверя, – сказал принципат Донето. – Успокойся. У нас хорошие новости.

– Какие, ваша милость?

– За последний год ты произвел хорошее впечатление на многих. Эти люди весьма тебя нахваливали. – Принципат усмехнулся. – Опять этот затравленный взгляд. Ладно, перейду сразу к делу. Мы решили поручить тебе командование бротским полком в предстоящей кампании.

– Ого! – Вот так неожиданность. – Я… Это правда?

– Полк нужно возглавить. Но здесь мы вряд ли сможем договориться между собой и выбрать кого-нибудь из местных – Брот есть Брот. А тебя они знают, и даже если не знают, то наслышаны о твоих заслугах. Ты единственный, за кого проголосует большинство.

Как ни странно, в его словах был смысл. К тому же многие из присутствующих думали, что Пайпер Хект у них на крючке.

– Все будут постоянно совать нос в твои дела – пять кланов, Братство, коллегия, даже сам патриарх. Не обращай ни на кого внимания, просто делай свою работу.

– У меня нет опыта, я никогда не командовал полками. Погодите-ка, а сколько человек там будет?

От такой возможности отказываться было нельзя, даже если ради этого придется пожертвовать местом в коллегии.

– Думаю, две – две с половиной тысячи, – отозвался Бронт Донето. – Те самые бывшие бродяги и чужеземцы, которых ты направил против пиратов. Оружие и все необходимое им выдадут из городского арсенала. Может, солдат будет и больше. Вербовка и финансирование – не твоя забота. Тебе нужно обучить их и возглавить.

Элс не стал говорить Донето, что именно он думает о

городском арсенале, с которым близко познакомился во время кальзирского налета. Деньги на содержание арсенала и покупку нового оружия явно осели в кошельках продажных чиновников.

В Дринджере Элс командовал лишь малочисленными отрядами. Гордимеру не нравилось, когда уважаемые всеми капитаны возглавляли крупные полки. Элса Тейджа посылали на специальные задания вместе с небольшими группами хорошо обученных и целеустремленных солдат.

– Так много? В кампанию вкладывается столько денег?

Палудан, например, согласился нанять лишь двести пехотинцев. И то с трудом, после того как дядюшка Бруглиони вынудил вернуться в Брот нескольких родственников. Сделал он это исключительно потому, что очень рассчитывал захватить во время похода в Кальзир новые земли для клана.

Взаимоотношения кланов делали фиральдийскую политику довольно занимательной. Одно влиятельное семейство иногда владело землями в дюжине разных государств.

– Что ты думаешь о дэвах, капитан Хект? – спросил Донето.

– Ничего не думаю, ваша милость. До приезда в Фиральдию я не имел с ними дел.

– Хорошо.

Грейд Дрокер тихо отпустил весьма ядовитое замечание.

– Наш воинственный брат, – кивнул Донето, – испытывает к ним гораздо более сильные чувства. Во время дэвского мятежа в Сонсе ему не повезло: оказался в неудачном месте в неудачное время.

– Я слышал. Сам я, к счастью, попал в Фиральдию, когда волнения уже улеглись.

– Что касается Кальзира, дэвы согласились поддержать патриарха. Разумеется, в обмен на некоторые поблажки. Он обещал им эти поблажки, ведь дэвы отдают гораздо больше, чем получают. На этот раз.

Грейда Дрокера это соглашение не радовало, но он хороший солдат и должен держать свое мнение при себе. Ох уж эти мерзкие коварные дэвы…

– Чего они хотят? – спросил Элс.

– Чтобы официально отменили законы, карающие дэвов только за то, что они дэвы. Обещали отправлять свои языческие ритуалы только у себя в домах.

Значит, дэвы лишь добивались официального признания своего статуса. В отличие от чалдарян и праман они не стремились обратить чужаков в свою веру.

– Тут явно кроется что-то еще, – не поверил Тейдж.

– Разумеется. Они хотят, чтобы кальзирских дэвов и

дейншокинов пощадили во время похода. Их кальзирская родня обещала не оказывать нам сопротивления и даже помочь с разведкой. Они уже помогают.

Элс бросил быстрый взгляд на Ферриса Ренфрау:

– Я согласен. Мне нравится ваше предложение, я даже смогу войти в историю.

– Хорошо, – кивнул Дивино Бруглиони.

– Насколько свободно я смогу распоряжаться полком? Могу ли нанимать помощников?

– Тебе предоставят достаточную свободу действий, капитан Хект. Но все мы имеем право вмешиваться. Справишься?

– Конечно.

Элс был настоящим ша-луг и всю жизнь готовился к такому моменту. Хотя он-то всегда думал, что поведет в бой защитников божьих, а не божьих врагов.

– Доедай спокойно, капитан Хект, – сказал принципат Бруглиони. – Успокойся. Хорошенько все обдумай. А мы сегодня решим, что же именно будет делать бротский полк.

Элс проскользнул в дом.

– Давно пора, – сказал Анна Мозилла, придерживая дверь. – А то я уже начинаю ревновать.

Ее подначки всегда приводили Элса в замешательство – он никогда не понимал, говорит она серьезно или шутит.

– Я провожу с тобой столько времени, сколько могу.

– Знаю. Мне это не нравится и не должно нравиться, но я знаю. Будешь ужинать? Я как раз жарю чудесную жирную курицу.

– Буду. Через часок. Или два.

– Неужели! Наконец-то ты решил взять дело в свои руки. А я-то уже думала, что успею поседеть, а ты успеешь облысеть, пока… Что ты там высматриваешь за ставнями?

– За мной кто-то шел.

– Опять? Мне казалось, они уже забросили это гиблое дело.

– Бруглиони забросили. Но теперь за меня взялись ребята посерьезнее. Потом расскажу. Сейчас нужно выкинуть все из головы, а ты мне в этом поможешь.

Анна дожаривала курицу и слушала Элса. Она прекрасно умела слушать – не перебивала, не задавала глупых вопросов, не отвлекалась на эмоции.

– Пайпер, в это трудно поверить. Тебя назначат генералом?

– Я и сам не верю. Видимо, просто оказался в нужное время в нужном месте.

– Ты же замешан в том несчастье, которое приключилось в

Сонсе с волшебником из Братства.

– Он убил моих друзей. И меня тоже хотел. Но кто я такой – не знал.

– Не боишься, что тебя начнут проверять?

– Боюсь – не то слово. Но нельзя же все бросить только из-за риска.

– А волшебник? Он тебя не подозревает?

– Нет, я уверен. После пожара все решили, что я погиб. Да он и не видел моего лица. Так что весь свой гнев теперь готов обрушить на дэвов. Меня больше беспокоит императорский шпион, Феррис Ренфрау. Он думает, что знает, кто я такой, и хочет это использовать.

– Может, тебе лучше уехать?

– Нет. Это моя служба. Я сам ее выбрал. Твой муж связывался с кем-нибудь, кроме нас?

– В каком смысле?

– Давай начистоту. Шпионы частенько торгуют сведениями. Быть может, он служил сразу нескольким хозяевам.

– К чему ты клонишь? – спросила Анна, смерив его задумчивым взглядом.

– Меня интересует, знает ли кто-нибудь, что ты была его женой? Кроме меня и тех, кто держит в руках наши жизни. Если прознают о наших встречах в Сонсе, все может сильно осложниться…

Как скверно: он же всем растрепал, что познакомился с Анной не в Броте. Любой теперь может раскопать ее прошлое.

– Он никогда не говорил мне, что служит кому-то еще. Шпионом он стал по каким-то своим личным причинам. О них мы тоже не говорили.

– Хотел бы я тебе помочь, но ведь даже не знаю, отчего он погиб. И имени его не знаю.

– Слишком умный был.

– Понимаю. Слушай, не знаю, кому именно ты передаешь мои сведения. И знать не желаю. Но сейчас заварилась серьезная каша. Там должны обо всем знать. Пусть сообщат, что мне делать. Все, больше не хочу про это говорить. По-моему, курица готова.

– Хорошо провел время, капитан? – спросил его Джервес.

– Да, господин Салюда. Весьма. Да еще и выспаться умудрился, что со мной редко бывает. У меня вот какая идея. Может, Дьюго и остальным лучше учиться командовать, так сказать, начиная с основ? Отправим их заниматься военной подготовкой – и полезному научатся, и узнают хоть чуть-чуть, каково это – заниматься делом и получать тумаки.

Джервесу идея совсем не понравилась, но возражать он не стал. Он вообще никогда Элсу не возражал, ведь тот мог разозлиться и отдать Палудану Бруглиони некоторые интересные бумаги. А в снисходительность своего лучшего друга Джервес не очень-то верил.

– Тебя хочет видеть нанятый тобой дэв, – сказал он. – Он ждет в кабинете счетовода. И братцев с собой прихватил.

– Джервес, прекращайте себя жалеть. Вы лучше, чем сами о себе думаете.

Салюда открыл было рот, чтобы поспорить, но тут же его закрыл: как поспоришь с подобным утверждением?

– Хотите возглавить отряд Бруглиони в бротском полку? – ухмыльнулся Элс.

– Хект, только не начинай.

– Что не начинать? Джервес, я никогда не считал вас трусом. Только распустившимся недотепой.

– Я не трус!

Ни один трус никогда в жизни не признается в собственном страхе. Многие охотнее ринутся в бой, чем покажут всему миру свой испуг.

– Может, и не трус. А где Титус Консент?

– Я же сказал – в кабинете счетовода. Проверяет документы. Я никакого отношения к этому не имею.

– Джервес, не надо так нервничать.

Титусу Консенту, дэву-счетоводу, которого для Элса нашел среди своих соотечественников Гледиус Стьюпо, не так давно исполнилось девятнадцать, а выглядел он и того моложе. Титус, несомненно, исправно шпионил на дэвов. Главной любовью его жизни были цифры, хотя и жена имелась. Не так давно у него родился сын Шарон, и Титус вспоминал о нем при каждом удобном случае.

«Братцы», о которых предупреждал Джервес, больше напоминали дядюшек: сам Гледиус и еще какой-то дэв – ша-луг смутно помнил его по сонсианскому подполью, но имени не знал, – немногословный темноволосый тип обычно держался в тени, но на дэвских советах его мнение играло большую роль.

Элс быстро обошел кабинет, проверяя, не подслушивает ли кто.

– Что стряслось?

– Мы хотели с тобой встретиться, а здесь самое подходящее место, – отозвался Стьюпо. – Ты ведь теперь среди великих мира сего, за тобой будут ходить толпы имперских и патриарших подхалимов.

– Хорошо, что ты обо всем подумал.

– За тобой следят? – нахмурился Гледиус.

– Неотступно.

– Кто именно?

– Феррис Ренфрау. Он вбил себе в голову, будто знает, кто я такой. Не знаю, что затеял этот человек.

– Плохо. Не дело, если он узнает о моем визите.

– Он тебя знает? Или может тобой заинтересоваться?

Стьюпо пожал плечами.

– Старина, волноваться уже поздно, – сказал Элс. – Ты слишком много был на виду. Если у Ренфрау есть свои люди в дэвском квартале, он уже знает, кто ты. Если, конечно, ты ему действительно интересен. Как думаешь?

– Думаю, не интересен.

– Тогда объясни, что там у вас с Кальзиром? Почему это дэвы вдруг решили помочь Безупречному?

– Я надеялся, из-за этого мы с тобой не поссоримся.

– Не поссоримся. Просто хочу понять, с чего это вы вдруг переметнулись.

– Ша-луг, ты ошибаешься. Мы никуда не переметнулись, я и мои друзья всегда были и будем на одной стороне – на стороне дэвов. Похода в Кальзир не миновать, и в этот раз им не отбиться. Так что мы постараемся избавить дэвов от обычных бед и несчастий и еще до начала сражения признаем победителя.

– Каких бед и несчастий?

– В этих краях, вне зависимости от того, кто с кем воюет, всегда грабят и убивают местных дэвов и дейншокинов.

– Понятно.

В Обители Мира догматы веры требовали не причинять вреда неверным, если те соблюдают божий закон. Но и там такое случалось, хотя и гораздо реже, чем в варварских западных краях.

– Ты не собираешься спорить? – удивился Стьюпо.

– А смысл? Ты прав. Вам нужно позаботиться о своих. Пока я командую бротским полком, мои солдаты не тронут дэвов. У меня, дружище, беда другая.

– Какая же?

– Пока ничего не случилось, но может случиться. Я боюсь, что в Братство прибудет подкрепление из Ранча, а с ним и те, кто помнит меня по Старклироду – правда, под другим именем.

– Но как это затрагивает дэвов? – спросил Титус Консент после того, как Элс вкратце рассказал о событиях в Ранче.

Стьюпо отмахнулся от него.

– Ша-луг, – обратился он к Элсу, – уповай на то, что твой бог одолеет их бога, вот и все. Хотя вряд ли братья вспомнят о том

происшествии. Слишком заурядный эпизод. С чего бы им обращать внимание на какого-то бродягу, который возвращается в Брот из священного похода? Не отращивай волосы, продолжай умело притворяться и делай то, что тебе велят.

Элс, Стьюпо и Титус проговорили еще около часа, в основном обсуждая печальное состояние бухгалтерии в семействе Бруглиони и неумелые финансовые махинации.

Консент считал, что кому-то дали огромную взятку, чтобы покрыть большой причитающийся Бруглиони долг.

– Действовали слишком топорно, – сказал он. – Очевидно, пытались скрыть тот факт, что уехавшие из Брота родственники недоплачивают в общую казну.

– Неужели? У тебя есть доказательства? Чтобы я мог предъявить их Палудану.

– Вот, держите, в четырех экземплярах, – с готовностью отозвался Титус, протягивая ему стопку бумаг. – Знаю-знаю, вы считаете меня мальчишкой, но, поверьте, в этих аферах замешаны огромные деньги. И мои расчеты для кого-то очень и очень опасны. Именно поэтому я сделал несколько копий. Говорю вам: будьте осторожны.

Неожиданно в комнату ворвался Поло.

– Господин! – закричал он, не обращая внимания на дэвов. – Капитан, прибыл гонец. Вас вызывают в Кастеллу. Что-то случилось.

– Ты знаешь, что именно?

– Нет. Но гонец сказал: вести недобрые.

– Ясно. Спасибо, Титус. Не пропадай. Скоро у меня будет для тебя новая работа. И заплатят за нее гораздо лучше.

В Кастелла-доллас-Понтеллас Элса встретил сержант Бехтер.

– Мог бы и не бежать, – сказал он. – Остальные-то торопиться не будут.

– Что случилось? Я сам не видел гонца, но по словам Поло – что-то грандиозное.

– Вполне возможно. Не знаю. Судя по всему, мы потерпели где-то серьезное поражение.

– Но как такое возможно? Где идут бои? В Дирекции?

– Тебе придется подождать, как и нам всем.

– Но я же на особом положении, – возразил Элс, заимствуя любимый приемчик Пинкуса Горта.

– Мой милый Хект, как же ты все-таки наивен! Не могу я тебе ничего рассказать, даже если бы очень захотел. Потому что мне тоже не доложили.

– Может, просто побоялись, что ты не оставишь в замшелых

потемках неведомого какую-нибудь мелкую сошку вроде меня?

– Ну конечно. Ты разве не слышал, как меня здесь зовут? Сержант Болтун. Ладно, давай лучше лови момент.

– Чего-чего?

– Разве не мысль о накрытом столе пригнала тебя сюда раньше всех? Надеялся прибежать первым и съесть все самое вкусное?

– Я так спешил, – рассмеявшись, признался Элс, – потому что думал, именно этого от меня и ждут.

– Здешние господа довольно прохладно относятся ко всему, чем дорожит настоящий солдат. К пунктуальности и дисциплине в том числе.

Для Элса его слова не были новостью. Местные профаны относились к войне как к развлечению. Даже пиратский налет ничему их не научил.

Элс испытывал все меньше уважения к пяти кланам и коллегии. Палудан Бруглиони был не единственным, кого коснулся демон упадка и разложения.

Зато еда Элсу действительно досталась самая вкусная.

Вместе с Грейдом Дрокером на совет явился какой-то хромой незнакомец. Морщась от боли, волшебник сел, а его спутник обратился к собравшимся:

– Меня зовут Вольтор Вильб. Я из особого ведомства, из Отчего Дома. Прошу всех встать.

Элс ничуть не удивился. Чалдаряне, когда их собиралось больше одного, всегда молились – до, после и во время любого дела.

– Давайте прочтем отречение, – провозгласил Вильб.

По залу прокатился ропот.

Элс забеспокоился. Что это еще за отречение?

– Что за чушь такая? – громко спросил один из императорских генералов.

– Эту молитву, – пояснил уязвленный Вильб, – придумали в особом ведомстве. Произнеся ее, благочестивые чалдаряне отрекаются от ворога и Тирании Ночи.

Генерал презрительно фыркнул.

Вольтор Вильб начал читать молитву, остальные повторяли за ним.

Слова «не признаю Тиранию Ночи, не признаю Орудия Ночи» мало кто повторил вслух. К вящему негодованию Вильба, промолчали все церковники.

«Не та паства», – подумал Элс. Даже Грейд Дрокер не особенно рвался участвовать в ритуале. По всеобщим поверьям,

сам господь был Орудием Ночи.

– Простите, – сказал Вильб, – увлекся. Но я лишь хотел изгнать злых духов.

– Их нет, – проворчал Дрокер. – Переходите к делу.

– Да, мой господин. Итак. Недавно произошло морское сражение, в проливе между Пенальтом и Доул-Хемоком. – Вольтор, по всей видимости, твердо верил, что его слушатели хорошо знают географию. – В нем участвовал флот, направлявшийся сюда со Старклирода. Случайное столкновение закончилось кровопролитной битвой, которая длилась несколько дней. Были задействованы корабли из Сонсы, Датеона, Вантрада, Триамолина и Восточной Империи, а потом и наши собственные. Сначала мы противостояли люсидийским судам, на которых прамане везли подмогу кальзирцам.

– Тишина! – закричал Грейд Дрокер, когда собравшиеся начали слишком уж громко переговариваться. – Нам необходимо учесть это в своих планах.

Его окрик произвел должное впечатление: примолкли даже члены коллегии.

Вольтор Вильб подробно описал сражение.

Адмиралы Восточной Империи и созданных во время священных походов княжеств Вантрад и Триамолин еще год назад начали догадываться о военных планах люсидийцев: в нескольких люсидийских портах собирали корабли, солдат и припасы. Начались разговоры о предстоящем вторжении на Старклирод. Вдоль берега Люсидии стали ходить шпионские корабли, что приводило к многочисленным стычкам, потому что люсидийцы не желали раскрывать свои планы.

Когда начались налеты кальзирских пиратов, торговые республики стали отправлять вместе со своими торговыми кораблями боевые. Кальзирцы их не трогали: их интересовали в основном владения церкви.

Но прамане с небольших островов на востоке Родного моря решили воспользоваться царившим на западе хаосом и начали нападать на чалдарянские суда. Торговые республики разгневались.

Элс понял, что произошло, еще раньше, чем Вильб закончил свою речь. Исход событий был неизбежен. На борту люсидийских кораблей было пять тысяч опытных бойцов, лошади, припасы, оружие, амуниция, и все это направлялось в кальзирскую Аль-Хельту.

А значит, Люсидия готовилась оказать помощь Кальзиру задолго до того, как кальзирский сброд отправился грабить епископальные земли.

– Нас-то как это касается? – не выдержал принципат Донел Мадисетти. – Откуда там взялось Братство?

– Флотилия Братства, ваша милость, оказалась в неудачном месте в неудачное время.

Горстка чалдарянских военных кораблей, маленьких, но быстрых, докучала люсидийскому флоту. А флот Братства пытался незамеченным проскользнуть в Брот и случайно очутился в самой гуще событий. Люсидийцы и сами пытались проскользнуть тайно.

Все это напоминало безумный балаган. Подобные совпадения обычно устраивают, развлечения ради, Орудия Ночи.

Люсидийцы, казалось, были обречены на поражение. Течение несло их старые и маленькие корабли прямо на боевые суда Братства.

Но то же самое течение несло и чалдарянские корабли вокруг мыса Доул-Хемок – навстречу флотилии из Дринджера, которая тоже пыталась в это время незамеченной проскользнуть мимо островов. И она тоже везла подкрепление кальзирцам.

Орудия Ночи повеселились на славу.

Лишь двум кораблям Братства удалось спастись. На одном из них как раз и был брат Вильб. Уцелевшие прамане направились в Кальзир.

– Мы проследили за ними, – рассказывал Вольтор. – Они пришвартовались возле Аль-Стиклы, на западе. Там сошли люсидийцы. Но некоторые вместе с дринджерийцами поплыли дальше в Аль-Хельту. Мы так и не поняли, сколько у них осталось солдат. Мореходы из дринджерийцев никудышные.

Элс мысленно помолился за ша-луг, которые пали в той битве. Гордимер слишком торопился с постройкой флота, у новоиспеченных матросов не было времени обучиться всем премудростям. В последний раз Дринджер правил на море еще до расцвета Древней Империи.

– С ними был могучий волшебник, – продолжал меж тем Вильб. – Именно его присутствие решило исход битвы.

Новости одна другой гаже.

Неужели Элсу придется сражаться против эр-Рашаля аль-Дулкварнена?

С кальзирцами и люсидийцами он бы бился охотнее, ведь любой удар по Люсидии укрепляет положение каифата Аль-Минфета.

В какой-то момент на совет никем не замеченным прокрался император. Некоторое время он тихо стоял в тени, но потом вдруг громко объявил:

– Это никакая не катастрофа. Вам же удалось ускользнуть.

Учтите это в своих планах. – Он указал на карту на стене, на которой были изображены Кальзир, лагерь аламеддинских войск и окрестные пограничные земли нескольких маленьких княжеств. – Мы перекроем перевалы в Вейлларентиглийских горах. Здесь, здесь и вот здесь. Блокируем их гавани. Скоро у них закончится зерно и начнутся проблемы с рыбным промыслом, потому что многие лодки не вернулись из Брота. К началу зимы Кальзиру будет грозить голод. А им придется еще кормить тысячи иноземных солдат и лошадей в придачу. Люсидийцы и дринджерийцы не смогут ввезти туда еду.

– Почему? – спросил какой-то принципат.

– По словам брата Вильба, прамане навлекли на себя гнев Сонсы, Датеона, Вантрада, Триамолина и Старклирода. И все они теперь постараются отыграться.

Внимательно вглядываясь в карту, Элс видел, какая катастрофа грозит праманам – гораздо более страшная, чем расписывал сейчас император. Йоханнес не смотрел на Кальзир как на единое целое.

Кто-то, от кого за версту несло эр-Рашалем аль-Дулкварненом, плел интриги и дергал за разные ниточки, чтобы в итоге Безупречный и его епископальная шайка прочно увязли у себя на западе и не смогли творить бесчинства в Дринджере или Святых Землях.

Но…

Грандиозный замысел эр-Рашаля аль-Дулкварнена вот-вот грозил обернуться кошмаром. Случайное столкновение, переросшее в морское сражение, лишило праман возможности заманить патриарха и императора в ловушку. Их союзники хоть и победили в битве, но оказались загнаны в угол. И скорее всего, поймут это, только когда начнется голод.

Элс не отрывал глаз от карты и отчетливо видел, какая катастрофа грозит правоверным. Ганзель еще не слишком ярко расписал грядущие события.

Если только у эр-Рашаля не припасен на этот случай какой-нибудь невообразимо коварный тайный план. Иначе получается, что его хитроумные интриги привели к потере двух флотилий и двух армий, состоящих из опытных воинов. Если только…

Элс до сих пор не знал, зачем волшебнику понадобились те мумии из Андесквелуза.

А может быть, эр-Рашаль, как и Гордимер, хотел просто от него избавиться? Приказ отдал Лев, но подбил его на это колдун. Гордимеру мумии были без надобности, но он с удовольствием послал бы на верную смерть потенциального соперника.

– Капитан Хект?

Услышав голос принципата Дивино, Элс вздрогнул:

– Простите, ваша милость. Эта карта словно пытается что-то мне сказать. Но я не понимаю. Что-то весьма очевидное.

– Тут никто не фонтанирует идеями.

– Разумеется, ваша милость. Если бы это было очевидно, кто-нибудь обязательно бы заметил.

– Если все-таки что-нибудь заметишь, расскажи. Я хотел бы услышать твои соображения. По-моему, все может скверно обернуться для Бруглиони. И для тех, кто согласился на этот бротский полк.

– Едва ли. Присутствующие здесь вложили в кампанию лишь деньги. Вряд ли кто-то из кланов рискнет столкнуться с врагом лицом к лицу.

– Ты циничен, почти как истинный житель Брота. Но…

– Да, ваша милость?

– Все пойдет прахом? Я об этой патриаршей авантюре со священным походом.

– Не могу ответить вам на этот сокровенный вопрос. Все зависит от благосклонности власть предержащих. Но неверные совершили большую глупость, им бы попридержать силы и предоставить Кальзиру разбираться с захватчиками самостоятельно.

– Объясни-ка. – Принципат смотрел на него с недоумением.

– В сражении люсидийцы и дринджерийцы потеряли большую часть флота. А они ведь хотели противостоять силам запада на море. Или силам Восточной Империи. Но что еще хуже, они умудрились потерять лучших солдат и матросов, и это – когда патриарх призывает устроить новый священный поход.

– Я, по всей видимости, мыслю не как военный стратег, – вздохнул Дивино. – Только понимаю, что эти войска обрушатся на нас в Кальзире.

– Конечно же, в этом и состоит их цель. Но мы разобьем их, уничтожим корабли и перебьем людей. Тогда все потраченные на них время и деньги пойдут по ветру. Некому будет противостоять чалдарянам во время священного похода. Если только Безупречный и Ганзель сами не выкинут какой-нибудь глупости.

В комнате началось оживление.

– Прошу прощения, – сказал принципат, – нужно идти. Прибыл его святейшество.

Безупречного никто не ожидал увидеть на совете, но он не сообщил ничего важного и ушел через каких-то двадцать минут. Элс испытал легкое разочарование: столько лет ему расписывали патриарха эдаким рогатым и хвостатым демоном, а на деле он оказался лысеющим коротышкой с узенькими глазками и

поджатыми губами и походил скорее на заурядного лавочника, чем на фанатичного полководца. Казалось, патриарх даже толком не понимает, о чем рассуждают собравшиеся.

Когда-то его избрали члены коллегии – как наименьшее из зол. Зато теперь церковь никак не могла собрать денег на его заморские кампании.

Как позже уверял Элса принципат Дивино Бруглиони, то была лишь личина, с помощью которой патриарх обманывал тех, кто плохо его знал.

Элс мысленно отметил, что патриарх появился на совете тихо и незаметно, без охраны. Быть может, Гонарио Бенедокто, подобно Родриго Колоньи, спешил тайно предаться запретным радостям? Поэтому и отпустил телохранителей, которые могли бы его выдать?

Тейдж никак не мог понять, почему остальные не видят того, что для него яснее ясного. Ведь все же нарисовано здесь, на этой самой карте. Все, чтобы уничтожить Кальзир и погубить тех храбрых солдат, которых отправят защищать эти бесплодные земли.

После совета он поговорил с несколькими военачальниками. Почти никто не знал по имени ни мафти аль-Арая эль-Арака, ни кого-либо из тамошних вельмож и генералов. Те немногие, кто побывал в Кальзире, называли его обителью хаоса – как и в чалдарянской Фиральдии, там правили крошечными владениями мелкопоместные князьки.

– Ты повесила на двери и окна новые амулеты и обереги? – шепнул он нежащейся в его объятиях Анне.

– Что-то пыталось пробраться в дом. Женщина, торгующая амулетами, не поверила мне. Но деньги взяла.

– Не поверила, что такое может случиться в Броте?

– Точно.

– Они здесь все глупцы.

– Просто люди всегда думают, что их это не коснется.

– Амулеты хоть на что-то годятся?

– Мне эту женщину посоветовали.

– Но клиентам своим она не верит.

– Я не вчера родилась. В Сонсе, мой дорогой, тоже не все тихо да гладко.

– Ну ладно.

– Думаешь, это из-за тебя? Кто-то шпионит за мной, чтобы подобраться к тебе?

Элс предпочел не отвечать, потому что именно так и думал.

– Бог мой! А наш крепыш-то и не думает спать! – воскликнула

Анна, наклоняясь к Элсу и лаская его. – Что ж, придется потрудиться, такова уж наша женская доля. Но я уж ему задам!

До Анны Мозиллы Элс обладал лишь одной женщиной – своей женой. Она покорно принимала его ласки, никогда не противилась, потому что так велел ей долг. Но оставалась при этом совершенно равнодушной и отстраненной.

Анна же, напротив, была даже чересчур активной. Часто она оказывалась гораздо требовательнее его самого.

– Из меня получилась бы превосходная шлюха, – заявила она, – если бы я могла спать с незнакомыми мужчинами. Вот с тобой могу по двадцать раз на дню этим заниматься.

– Я уже не так молод, – возразил Элс.

– Ты, мой милый, никогда не был так молод. Кончай трепать языком – и за дело.

Элс решил, что за вдовой, скорее всего, следит Феррис Ренфрау. Анна рассказала новым соседям, что приехала в Брот из Апариона. Само собой, ей не поверили. Все решили, что она явилась откуда-то с дальнего севера – может, с южных границ Граальской Империи. Именно возле дома Анны Элс обычно отрывался от слежки.

Но нынешней ночью идти ему было некуда. Нынешней ночью он весь был во власти Анны.

Вернувшись на следующий день во дворец Бруглиони, Тейдж тут же занялся обычными делами.

– Господин Фон, – сердито рявкнул он, покончив с мелкими неурядицами, – вам теперь придется самому во всем разбираться. Я не могу вечно делать за вас всю работу.

Госпожу Ристоти запугать оказалось сложнее.

– Господин Хект, как насчет помощников, о которых я просила? – напустилась она. – У нас тут столько народу набежало, всех надо кормить, а кормить-то и некому.

– Можете нанять трех человек. Вы знаете, кто именно вам нужен, поэтому займитесь сами. И не надо меня благодарить. Скажите лучше спасибо моему дэву-счетоводу. Он может уговорить Палудана на что угодно. Для Бруглиони цифры – то же волшебство. Да, еще. Будете получать почти вдвое больше денег на еду. Приготовьте наконец что-нибудь, кроме похлебки из репы.

– Им понравилось? – ухмыльнулась госпожа Ристоти.

– Как вы и думали.

– Сколько сочувствия к несчастным подданным!

– Тут дело не в сочувствии. Дядя Дивино заявил, что от Палудана сбегут все слуги, если их будут держать на этой баланде. Город готовится к войне, так что теперь им есть куда

наняться.

– Вот вы где, капитан!

– Поло, а я все гадал, когда же ты появишься.

– Что вы имеете в виду, господин? – Поло по-прежнему не догадывался, насколько очевидны его отлучки к принципату Бруглиони.

– Ничего-ничего.

– Э-э-э… Вас хочет видеть Палудан. Он не в духе, но, по-моему, не из-за вас.

– Тогда пойду выясню, что стряслось.

Перемены во дворце стали еще заметнее. Основательная уборка почти завершилась, вовсю шел ремонт, а в некогда мрачных и пустых залах теперь толпились члены клана Бруглиони, вернувшиеся из дальних поместий.

– У него, может, любовница там, – прошептал Поло, когда они подошли к дверям личных покоев Палудана. – Вы уж сделайте вид, что не заметили.

– У Палудана есть любовница? – Тейдж удивился, он всегда думал, что это лишь слухи.

– У всех, кто добивается высокого положения, есть любовница. Это необходимо. Чем выше положение, тем красивее любовница. У действительно больших шишек их обычно две. А у патриарха целых три! Они подарили ему четырех или пятерых детей. Правда, знатоки утверждают, что мальчики ему больше по душе.

– А разве священники не дают обет безбрачия?

– Об этом они вспомнят разве только на Страшном суде.

– Вот как? И откуда же берутся эти самые любовницы?

Почему, интересно, Родриго Колоньи не завел себе такую, а шлялся по публичным домам? Был бы сейчас жив.

– Откуда только не берутся! – пожал плечами Поло. – Принципат Донето, например, спит с Кармеллой Дометия, женой своего вассала Гондольфо. Они вместе с тех пор, как ей стукнуло двенадцать. Именно принципат и выдал ее за Гондольфо. Оба ее ребенка – от Донето. Гондольфо прекрасно устроился, хотя в основном живет в Восточной Империи, шпионит там для Бенедокто. Там у него, понятное дело, имеется собственная любовница. Как и солдаты, женщины стекаются в Брот со всего света в надежде на удачу.

– Поэтому здесь не бывает недостатка в наемниках и шлюхах.

– Мужчины торгуют силой, – спокойно отозвался Поло, – а женщины – красотой. Если они миловидны и умеют развлечь господина, то могут неплохо устроиться.

Он постучал в дверь:

– Господин Палудан, это Поло. Со мной капитан Хект.

Ответа Элс не услышал, но Поло отворил дверь.

Если в покоях Палудана и была женщина, она хорошо спряталась.

– Капитан Хект, приветствую. Спасибо, что пришел.

Как будто у Элса был выбор!

Но Палудан явно учился вежливости.

– Да, мой господин.

– Настал тот грустный день, которого я опасался. Но ничего не поделаешь.

– Что случилось, господин?

– Дивино сказал, что тебе пора съезжать от нас, чтобы целиком посвятить себя подготовке к войне. Я не хочу тебя отпускать, ведь у меня не останется больше оправданий. Стоит мне хоть один раз выпустить дела из рук, дядюшка Дивино тут же напомнит мне о тебе.

– Я делал лишь то, для чего вы меня наняли.

– Разумеется, и ты прекрасно справился.

– Надеюсь.

Палудан собрался с силами и со вздохом произнес:

– Нам будет тебя не хватать, капитан. Не могу сказать, что рядом с тобой чувствовал себя спокойно, но твое присутствие принесло много пользы. Ты подарил нашему семейству надежду, пробудил наши чаяния. А это ценный дар. Отправляйся в коллегию и будь уверен: отныне я буду вести себя не как мальчишка и осознаю всю ответственность.

– Конечно, – кивнул Элс.

– И спасибо, что по твоей милости я не лишился единственного друга. Он ведь был у тебя в руках.

Надо же, и Палудан, оказывается, умел иногда преподносить сюрпризы.

– Я поступал так, как считал правильным. Мне понравилось у вас служить. Это было трудно, но мне по силам.

– На новом месте работа тоже будет трудной, но ты справишься.

– Именно к такой работе меня и готовили всю жизнь, мой господин. Но если начистоту, удовольствия особого она мне не доставляет. Хотя я хорошо умею ее делать.

– Ты добьешься успеха. Держи. Это в благодарность за то, что пробудил от спячки наш дом. От меня лично. – С этими словами Палудан протянул ему мешочек из замши.

– Благодарю вас, мой господин. Не уверен, что я это заслужил.

– И все-таки, – пожал плечами Палудан. – Поло! Иди-ка сюда.

– Да, господин?

– Приготовься к отъезду. Сегодня вечером военный совет. Дядя Дивино желает, чтобы к тому времени капитан Хект устроился на новом месте.

Элс совершенно не удивился, что Поло отправляется вместе с ним. Пока Пайпер Хект имеет дела с принципатом Бруглиони и коллегией, этот неприметный коротышка будет неизменно ошиваться неподалеку.

Пока Поло собирал вещи, Элс решил изучить содержимое замшевого мешочка и осторожно распустил тесемки.

– И сколько он вам отсыпал? – поинтересовался слуга.

– Несколько крошечных золотых чешуек. И горсть серебра. Монеты сплошь иноземные.

– Кое в чем Палудан не меняется, правда? – ухмыльнулся Поло.

Элс отдал ему две серебряные монеты и тоненький, почти невесомый кусочек золота, все это в мгновение ока исчезло в карманах Поло.

– Палудан не знает, – радостно сообщил коротышка, – но я уже со вчерашнего дня собираю вещи. Мне принципат сказал, что мы переезжаем.

– И куда же?

– Во дворец Чиаро. Правда здорово?

И Поло принялся болтать о дворце Чиаро – огромном роскошном лабиринте, городе внутри города, святой обители, полной отнюдь не святых удовольствий.

Элс тем временем извлек из замшевого мешочка еще кое-что.

Это было обычное, безо всяких затей, золотое кольцо. Или не обычное? Поворачивая его так и эдак, Тейдж вдруг увидел гравировку – маленькие черные витиеватые знаки, словно выведенные искусным каллиграфом. Заметить их можно было только под определенным углом.

Неужели кольцо волшебное?

Нет сомнений. Но какое волшебство в нем сокрыто? Никто ему ничего не объяснил. Может, думали, он не заметит надписи?

Наверняка кольцо положил в кошель Дивино Бруглиони. Но к чему такая таинственность?

Может, принципат опасался, что кто-нибудь увидит, если он будет дарить кольцо в открытую? Но вряд ли священник рассчитывал, что Элс разглядит знаки. Он же не знал о тайном амулете на запястье. Или это действительно самое обыкновенное кольцо, а надпись сделали пятьсот лет назад для чьей-нибудь помолвки.

– Что такого интересного вы нашли в этом кольце, господин?

– Даже не знаю. Просто приятно вертеть его в руках.

– Понятно. Милосердный Третий любил играться с большой лиловой жемчужиной. А у моего отца был такой круглый камешек из Святых Земель, совсем гладкий. Так что я вас понимаю.

– Кольцо старое. И я не первый верчу его в руках.

Элс собирался было положить украшение в карман, но почему-то ему показалось, что оно этого не хочет.

Тогда он надел его на безымянный палец левой руки. Там кольцу вроде бы понравилось.

Дворец Чиаро оказался поистине огромным, а новые покои Элса – в десять раз больше тех, что были у него во дворце Бруглиони.

– Поло, как же здесь просторно! Да здесь кочевники могут спокойно лагерь разбить.

Места действительно было так много, что Тейдж даже чувствовал себя неуютно.

Зато теперь он подобрался совсем близко к средоточию чалдарянской власти, очутился в одном здании с безумным патриархом.

Гордимер и эр-Рашаль и мечтать не могли, что ему удастся забраться так далеко.

Элс внимательно осмотрел все комнаты, но ничего необычного не обнаружил. Это было неудивительно – люди, с которыми он имел дело, слишком умны и коварны.

– Поло, займись-ка провизией, – сказал он. – А я, пожалуй, немного отдохну, надо ведь будет еще рассказать патриарху, как завоевать мир.

– Может, позовете свою даму, пусть она готовит? – предложил коротышка. – Да и жить может здесь.

– Это вряд ли.

– Тут есть бани, не хотите взглянуть? – бросив на него хитрый взгляд, спросил Поло.

Чиарские бани славились на весь Брот.

– Неужели? – Элс ни минуты не сомневался, что россказни о знаменитом гнезде порока сильно преувеличены, – простой народ всегда болтает невесть что о том, чего сам не видел. – Потом обязательно покажешь.

– Я-то сам там не был и, как туда идти, не знаю. Я и во дворце-то был всего один раз – когда принципат Бруглиони отправил меня осматривать наши новые покои.

Элс еще раз обошел все комнаты, уделив особое внимание той, в которой Поло решил устроить его рабочий кабинет.

Хорошо бы хоть на время избавиться от него.

– Займись лучше нашей кладовой, – повторил он.

Интересно, как часто теперь удастся выбираться к Анне? Новое положение имело и свои недостатки.

Устроившись в новом кабинете, Элс снова осмотрел полученное от Палудана кольцо. Странный подарок беспокоил его. Если это вообще подарок. Быть может, сам Палудан о нем ничего и не знал?

Волшебные кольца упоминались во многих легендах и сказаниях. И ничего хорошего обычно не сулили.

Кольца власти играли важную роль в языческих, еще дочалдарянских мифах, которые рассказывали на севере и в тех болотистых краях, откуда якобы был родом Пайпер Хект. Элс постоянно старался разузнать что-нибудь о тех народах и землях, ведь чуть ли не каждый день кто-нибудь из любопытства расспрашивал его о далекой «родине», а ошибиться он не имел права.

– Может, ты Гринлинг, то самое кольцо, которое элен-коферы выковали для Всеотца? – спросил Тейдж у золотого ободка.

Потом Прохвост выкрал Гринлинг и спрятал его в животе короля полярных медведей. Отважный герой Геданке вызвал короля на поединок. Ему нужна была печень огромного зверя, ведь только она, по словам гадалки, могла спасти детей Амбершельдта от страшной чумы. Сразив медведя, Геданке нашел Гринлинг.

Но на кольцо было наложено проклятие, потому что Всеотец не уплатил элен-коферам то, что они потребовали в обмен на свою работу. Поэтому кольцо губило каждого своего хозяина. Погубило оно и Геданке. Всеотец отправил Похитительниц Павших за Гринлингом, и одна из них, Арленсуль, полюбила Геданке, родила ему сына и тем самым обрекла их всех на страшную судьбу.

– Если ты Гринлинг, то мне тебя не надо.

Полная история Гринлинга была мрачна и жестока, из-за него насиловали (причем даже родню), убивали, и именно из-за него Старейшие смертельно поссорились с богами еще более древними, существовавшими до них, такими страшными, что их боялись даже нынешние Орудия Ночи.

Букву за буквой, Элс тщательно изучал выгравированные на ободке слова. Когда он поворачивал кольцо чуть под другим углом, неожиданно открывались новые строчки, нанесенные едва ли не поверх предыдущих, и он снова и снова с дотошностью рассматривал их. Потом приступил к внутренней стороне и с тем

же усердием исследовал надписи. И только после этого, помня о проклятии Гринлинга, ша-луг выдохнул с облегчением.

Ни в одной строке таинственной гравировки не было ни единой буквы северного языческого письма.

Снаружи буквы немного напоминали доклассический бротский, а внутри не были похожи ни на что. Линии казались настолько тонкими, что Элс даже не поверил, что их могла вывести человеческая рука. Некоторые почти стерлись.

Хорошо бы улизнуть ненадолго в дэвский квартал. Возможно, Гледиус Стьюпо знает кого-нибудь, кто сможет прочитать эти строки.

Чиарские бани словно вышли из грез какого-нибудь сластолюбивого восточного владыки. Вино здесь лилось рекой, женщин было в избытке, хотя они явно собой не торговали. Во всяком случае, ничего такого Элс не заметил. Зато заметил, как старых морщинистых принципатов оглаживают десятки безволосых лоснящихся от масла юнцов.

– Меня зовут Глу, мой господин. – К нему подошел один из нагих юношей. – Я помогу вам раздеться.

– Я здесь впервые, Глу. Как тут все устроено?

– Правила очень простые, господин, – отозвался тот с сильным акцентом. – Вы можете пройти в купальни с горячей водой или с холодной, как пожелаете. Вы выбираете девушек, которые будут вас омывать. Или юношей. Распускать руки нельзя, если только они сами не позволят. Иначе – штраф. Если нарушите правила второй раз – снова штраф, и бани нельзя будет посещать две недели. После третьего нарушения бани нельзя будет посещать уже никогда. Особенно буйных гостей иногда даже наказывают кнутом. Так распорядился патриарх.

– Значит, раньше правила были иными?

– Да, мой господин.

В банях служили сироты и брошенные родителями дети, разумеется только миловидные. Их кормили и предоставляли крышу над головой. Они не обязаны были против своего желания делать ничего предосудительного. Но конечно же, те, кто позволял гостям больше, получал и большее вознаграждение.

– Те, кто откладывает деньги, вполне прилично живут, когда уходят отсюда, – сказал юноша. – (А те, кто не получал вознаграждения от клиентов или же тратил все свои сбережения, обычно отправлялись после бань в обыкновенный бордель.) – Предпочитаете девушек?

– Да.

Глу отвел Элса в комнату, где несколько десятков девушек

самых разных национальностей ждали возможности услужить принципатам или кому-нибудь из их окружения. Элс погрузился в раздумья.

– Может быть, все-таки юноши? – шепотом поинтересовался Глу.

– Нет.

– Тогда просто выберите двоих, не важно кого.

Решив себя побаловать, Элс указал на двух девушек постарше. Откуда они родом – определить он не смог. У одной – высокой, ладной блондинки – были крупные заостренные груди и совершенно необыкновенные глаза цвета древнего северного льда. Вторая, тоже высокая, с точеной фигуркой, была мулаткой. Ее великолепные круглые груди напомнили Элсу две тыковки. У блондинки были длинные, заплетенные в косы волосы, у второй девушки – очень короткие черные кудряшки. Брюнетке явно польстило, что Элс выбрал именно ее. Девушки взяли его под руки, отвели к купальне и усадили в горячую воду.

– Не разговаривайте. Закройте глаза. Расслабьтесь и впитывайте тепло.

Сами они устроились рядом.

Элс впитывал тепло, как и было велено, и все заботы постепенно покинули его.

На каждом плече у него лежало по девичьей головке. Он задремал.

Спустя некоторое время девушки отвели его к бассейну для омовения и там с помощью мыла и мочалок оттерли с головы до пят. Неприступная блондинка явно не стремилась получить большое вознаграждение.

Мулатка с усмешкой указала на его пробудившуюся мужскую стать:

– Такого не увидишь у наших скорбных старичков. – После этих слов она, казалось, потеряла к нему всякий интерес.

Когда девушки выводили его из бассейна, эрекция еще не прошла.

И тут они буквально нос к носу столкнулись с раздетым догола Осой Стилом.

– Вот это да! – сказал Оса, он вел к бассейну для омовения какого-то костлявого старика.

– У вас появились поклонники, – рассмеялась брюнетка низким грудным смехом.

Элс ничего не ответил. Как здесь оказался Оса Стил? Каким образом он попал в бани? Неужели Йоханнес Черные Сапоги решил подкупить принципата?

Разумеется. Да еще, вполне вероятно, не одного.

Девушки привели его в маленькую комнатку, в которой стоял сильный запах благовоний, и вытерли досуха.

– Ложитесь сюда. Лицом вниз, – велела блондинка.

Она говорила с едва уловимым акцентом – точно не фиральдийка. А вот вторая, вполне возможно, родом из Брота.

Элс лег на широкую кровать, и девушки принялись массировать его и растирать ароматными маслами.

И снова все заботы будто растворились.

Он так расслабился, что едва сумел перевернуться на спину, когда его об этом попросили.

При виде его гордо вздетого мужского достоинства девицы захихикали.

После массажа девушки скользнули к нему на ложе. Нежные прикосновения умащенной гладкой кожи доставляли даже большее наслаждение, чем сам массаж. Постепенно движения их замедлились, и они прильнули к нему.

Элс задремал.

Вернувшись к себе, он увидел там Пинкуса Горта.

– Извини, задержался.

– Хорошо быть большой шишкой?

– В каком смысле?

– Я слыхал про здешние бани.

– Все это сплошные выдумки, всего-навсего плод буйного воображения.

– Ну конечно! – В эти два коротких слова Горт вложил добрую тонну скепсиса. – Так что тебе понадобилось?

– Мне?

– Слушай, приятель, это не я тебя навестить пришел. Ты же за мной послал.

– Ах да, точно. Мне нужен помощник. Можно сказать, правая рука. Для службы в бротском полку. Хочешь такую работу?

Горт уставился на него, изумленно открыв рот, а потом выпалил:

– Вот это да! Пайп, клянусь волосатыми яйцами Аарона! Ты еще спрашиваешь! Стой! Погоди! А в чем подвох?

– Подвох такой: тебе придется уйти от принципата Донето и работать так, как ты в своей паршивой жизни еще никогда не работал.

– Зараза! Так и знал. Работать. А в бани меня пустят?

– Нет.

– Чем дальше, тем печальней. Не говори только, что я у тебя буду за так служить – опыта набираться.

– Я же буду тебя кормить, чего тебе еще?

– Постой, дай подумать. Слушай, Пайп, есть идея. А не хочешь ли ты к той хреновой уйме денег, которую мне платит Донето, приплатить еще столько же? У него-то я, позволь напомнить, вообще ничего не делаю, – во всяком случае, работой это назвать точно нельзя. А денежки получаю немалые.

– Вот ведь незадача, я как раз собирался прибрать к рукам твое жалованье.

– Ладно, выкладывай все по порядку. Что нужно делать? Что уже сделано?

– Делать нужно решительно все. Я только-только начал. Разбираюсь в местной политике. Те, кто нанимается в полк, ведут себя как пятилетние дети. Ты второй, кого я нанимаю лично. Они уже завербовали мне несколько десятков болванов, меня при этом не спросив. В Броте слыхом не слыхивали о таких вещах, как, скажем, заслуги или опыт. Любая дубина стоеросовая может сделаться генералом, если только знает нужных людей. Так что я пытаюсь заполучить хотя бы несколько вменяемых служак, не теряющих головы в трудной ситуации.

– Так я у тебя не первый? И кого ты уже успел нанять?

– Девятнадцатилетнего дэва, счетовода-чудотворца. Он знает, как распорядиться нашими деньгами. А еще способен мигом отыскать любого, кто нечист на руку.

– Хорош?

– Так хорош, что половину жалованья у тебя оттяпает, а ты и не заметишь.

– Ого!

– Мне скоро надо на совет, я хочу взять тебя с собой.

– Чтобы опробовать в деле?

– Нет. Хочу, чтобы ребята из Кастеллы и обитатели этого сумасшедшего дома начали к тебе привыкать.

– А где я буду жить?

– Там же, где и сейчас. Ходить-то далеко не придется. Пусть принципат Донето по-прежнему думает, что ты служишь ему. Ты ведь и правда можешь ему служить. Столоваться будешь, как и раньше, за его счет.

– Клянусь волосатой задницей Эйса, а ты скупердяй!

– Только так я сумею сколотить хоть и маленькую, но настоящую армию.

– Собираешься трястись над каждым дукатом?

– Точно, еще сам патриарх на чеканке позавидует.

Элс пожалел о своем решении уже десять минут спустя, после того как они явились на совет в Кастеллу. Горту хватило ровно одного взгляда на перевернутую карту Кальзира и окрестностей.

– Пайп! Чтоб я сдох! – выпалил он. – Ты только посмотри. Да мы этих оглоедов за яйца держим.

В комнате мгновенно воцарилась тишина, на Горта уставилось двадцать пар глаз, и одна из них – Ферриса Ренфрау.

Да, правду говорят: язык мой – враг мой. Элс теперь и не знал, как скрыть то, что было очевидно любому, кто мыслил чуть шире проверенной веками стратегии.

– Хм?

Неужели Пинкус действительно все понял?

– А флот короля Питера уже в пути? И коннекские войска выступили?

Да, Пинкус все понял.

– Не думаю, а что? – пришлось спросить Элсу.

– Да, – отозвался из-за его левого плеча Феррис Ренфрау, – просвети нас, капитан Горт.

Члены коллегии и императорские стратеги в нетерпении столпились вокруг радостного Горта.

– Вы, похоже, собирались просто перейти через горы и захватить города и замки. Точно как если бы речь шла о завоевании какого-нибудь фиральдийского княжества. И точно как уже делали завоеватели Кальзира четыре или пять раз до этого.

– Именно в городах и замках знать укрывает свои сокровища, – заметил один из имперских служак.

– Разумеется. Только еду они там не укрывают, дорогуша. Нет! Объясни им, Пайп.

Сукин сын!

– Думаю, я понял, что хочет сказать нам Пинкус. Материковый Кальзир нуждается в хлебе, но там плохо растет пшеница. Зато она прекрасно растет на Шиппене. Именно из-за плодородных земель древние жители Брота и захватили этот остров.

– Именно! – радостно подхватил Горт. – А еще из-за серебряных копей.

– Объясните подробнее, – попросил один из имперцев.

– Больше трех четвертей населения живет на материке. Там выращивают виноград и оливки и разводят овец. Пшеницу в основном сажают на острове, а урожай перевозят через пролив Райп. У нас есть большой дирецийский флот, который направляется вот сюда. Он отрежет западных праман, которые могли бы помочь Кальзиру. Этот самый флот может также подобрать коннекское войско, поскольку движется вдоль побережья, и высадить его на Шиппене. Если они захватят остров, подача зерна на материк прекратится. Значит, начнутся перебои с

хлебом. А им надо кормить толпы солдат, матросов да еще лошадей из Люсидии и Дринджера.

Сколько эти засранцы, – с воодушевлением продолжал Горт, очень довольный собой, – продержатся на винограде, оливках и козах? Ну, сколько-то продержатся. Но они привыкли есть хлеб и рыбу. Лодок у них теперь почти не осталось, хлеба не будет, так что скоро начнут жевать траву, глодать корешки и, вполне вероятно, собственных детишек. И сил сражаться у них не останется. Если только мы вовремя появимся вот здесь и захватим вот эти земли, чтобы они не успели собрать весенний урожай.

Поднялось оживление.

Все, что говорил сейчас Пинкус Горт, Элс увидел сразу же, когда только взглянул на карту в первый раз. Этого невозможно было не заметить, как невозможно не заметить голую женщину посреди улицы среди бела дня. И Пинкус заметил. А вот все эти важные господа, которых занимала только собственная нажива, – нет. Их стратегия учитывала лишь за`мки и города, которые можно разграбить, именно поэтому чалдарянские освободители и терпели одно поражение за другим со времен Праманского завоевания.

– А ты этого не увидел, капитан Хект? – спросил Феррис Ренфрау, сделав едва заметное ударение на последнем слове.

– А вы? Нет? Я чувствовал, что здесь что-то кроется. Но там, откуда я родом, моря нет и кораблей тоже. Кто-нибудь из собравшихся задумывался над тем, о чем только что поведал нам капитан Горт? – громко сказал Элс, а потом прошептал Ренфрау: – Пинкус просто не дал жажде наживы себя ослепить.

– Блажен, кто верует, – усмехнулся Ренфрау.

Итак, шило все-таки выскочило из мешка, и запихать его обратно не представлялось возможным.

– Превосходно, капитан Хект. Капитан Горт, – похвалил Донето, – нам нравится ход ваших мыслей.

Феррис Ренфрау подозрительно покосился на Элса.

Он не мог не почувствовать подвоха.

И подвох, разумеется, был.

На этот раз Кальзиру не спастись. Вмешательство Люсидии и Дринджера решило его судьбу. Даже враги Безупречного не желали, чтобы могучие каифаты утвердились на Фиральдийском полуострове.

Кальзир не спасти, но Элс мог попытаться спасти хотя бы кальзирцев. Быть может, если чалдаряне быстро одержат победу, кальзирские прамане уцелеют.

Так было однажды в Коннеке, когда Вольсард завоевывал праманские города. И именно так сейчас происходило в Дирекции:

Питер Навайский не истреблял тех, кто ему не сопротивлялся, вне зависимости от вероисповедания. Он был союзником Платадуры, и тамошние прамане поддерживали его во многих начинаниях. Что неизменно вызывало гнев Безупречного.

Но гнев этот пугал Питера не больше, чем Граальского императора. Король Наваи был нужен патриарху гораздо больше, чем патриарх королю Наваи.

Безупречный собирался освободить место под солнцем для богоизбранных епископальных чалдарян, истребив праман, дэвов, дейншокинов и других неверных. У него была своя собственная вера – воинствующая.

Но королю Питеру не было дела до грандиозных планов патриарха.

«Возможно, – думал Элс, – Питеру и удастся то, что никак не удается Безупречному. Но только если он станет самым стойким и самым хитроумным противником, какого когда-либо знала Обитель Мира».

28

Аламеддин, истомившиеся одержимые

Целую вечность тащились андорежцы через Фиральдийский полуостров в Хоял – самое восточное поселение в Аламеддине. Шагот почти не просыпался, мало разговаривал и ни на что не обращал внимания. Свавару становилось все труднее: передвигались они страшно медленно и в случае чего не успели бы ускользнуть, а потому он не решался на большие преступления, чтобы не привлечь к себе лишнего внимания.

Бротские деньги превратились в обузу. Показывать их лишний раз, не вызывая подозрения, было опасно. Откуда у двух бывших наемников могли взяться золотые монеты по два и пять дукатов? Презренным оборванцам вроде них и серебро-то видеть не полагалось, не то что такие деньжищи.

Когда они добрели до неприметного городка на перекрестке двух больших дорог, вконец оголодавший Свавар все-таки не выдержал и решил немного подкрепиться в местной таверне. Город этот назывался Тестоли и не прославился за всю свою историю решительно ничем. Отсюда оставалось около дюжины миль до Хоялского округа – пустынных земель, отведенных под охотничий заповедник для Граальских императоров и аламеддинской знати.

Удивительно, но голод, загнавший стурлангеров в захудалую харчевню, неожиданно вознаградил их. Золотые монеты, которыми расплачивался Свавар, приметил бандит по имени Ролло Реджисти, чья скверная репутация гремела на многие мили вокруг. Ролло не отличался особым умом, и бандит из него был никудышный. Банда его едва сводила концы с концами и в основном промышляла незаконным выпасом овец в хоялских холмах.

Ролло поспешил за своими подручными – двумя хворыми типами, по которым в случае чего никто не стал бы плакать.

Для Шагота и Свавара нападение это пришлось как нельзя кстати: у незадачливых разбойников обнаружилось достаточно медяков и мелких серебряных монет, и Гриммсоны, расправившись с ними, смогли, не привлекая особого внимания, продолжить путешествие.

Свавар не стал рассказывать брату о воительнице, которая помогла им в той стычке. С того самого дня неотступный страх могучими щупальцами сжимал его горло. И это несмотря на то,

что с самого детства безжалостные родители приучали Свавара ничего и никогда не бояться.

Любой уважающий себя андорежец эпохи стурлангерских походов всегда встречал свои страхи с дубинкой в руке. Эти жизненные принципы так глубоко сидели у них в подкорке, что Свавар мигом понял: в его трусости виноваты потусторонние силы.

Он, конечно, не хватал звезд с неба и никогда не блистал особым умом, но предания и мифы своего народа знал неплохо и потому быстро вычислил своего ангела-хранителя. Вот только что ею движет – понять не мог никак.

За ними по пятам следовала Арленсуль, старшая дочь Серого Странника, Похитительница Павших, которую изгнали из Небесной Крепости за то, что она осмелилась полюбить смертного героя Геданке. После изгнания она сделалась заклятым врагом Всеотца и своих родичей. Злобная и коварная предательница, прокравшаяся в самое сердце Ночи, жаждала мести.

Шаготу о своих подозрениях Свавар так и не сказал. Грим ведь сделался безвольным орудием тех, кто когда-то попирал железными башмаками северные земли.

Нынче Старейшие превратились в обыкновенные сказки, полузабытый миф. Андорегия стала чалдарянским государством, там правил монарх-чалдарянин.

Только где-то в горах еще жили старики, которые верили: надвигавшиеся на землю льды – это кара за поклонение южному богу. Глупцы. Какие глупцы!

Большим потрясением стало для Гриммсонов известие о том, что королю Фрисландии удалось завоевать Андорегию. Значит, все усилия Эрифа в конечном итоге пошли прахом.

Свавар начал подозревать, что время всегда сводит на нет любые человеческие труды, рано или поздно – обычно через четыре или пять поколений.

Гриму было на это плевать. Когда он просыпался, то пребывал в весьма мрачном расположении духа и если что-то и говорил – то только об Убийце Богов.

Свавар догадывался, что во сне Шагот поддерживал связь с Небесной Крепостью. Старейшим трудно было дотянуться до него из далекого далека.

Так прошло еще немного времени, пока на пути им не встретилась банда наемников во главе с молодчиком по имени Окска Рашаки. Окска был кальзирским дезертиром и искренне надеялся с помощью Вондеры Котербы расквитаться за свои

многочисленные обиды по ту сторону Вейлларентиглийских гор. В банде его было чуть меньше шести дюжин – сплошь воры и убийцы. Именно по милости таких вот мерзавцев люди терпеть не могли солдат и особенно наемников.

Свавар сразу почувствовал себя среди них как дома, разве что язык был ему незнаком. Да и Шаготу все понравилось, когда он в очередной раз проснулся и увидел, что происходит. Братья быстренько наваляли полудюжине самых ершистых, а Шагот прикончил огромного тупоголового мордоворота Ренвала, который по указке Окски держал в страхе всю шайку.

Рашаки смерть громилы не обрадовала, но он был реалистом и не испытывал к своим подельникам никаких чувств.

Окска Рашаки вообще любил только одного человека – Окску Рашаки.

Братья-андорежцы прибились к шайке и стали дожидаться появления того самого неуловимого человека, которого им надлежало убить. Шагот уверял, что рано или поздно Убийца Богов появится и он, Шагот, его сразу же узнает.

Ожидание их не слишком тяготило. Окска Рашаки не требовал от своих людей ничего особенного, а Вондера Котерба не требовал ничего особенного от банды Окски. Нужно было лишь караулить перевал, которым обычно пользовались контрабандисты. По приказу Котербы разбойникам даже выдавали припасы, чтобы они не грабили аламеддинские селения.

Шагот в основном ничего не делал – лишь ел, спал да временами наведывался в сортир. Как и его божественные хозяева, он готов был ждать сколько потребуется. Свавар терпел. Он уже достаточно повидал на своем веку и знал: любые неприятности рано или поздно заканчиваются.

Почти каждый день теперь Свавар видел Арленсуль: незамеченной бродила она среди разбойников, чьи души уже давным-давно умерли. Свавар будто вступил с ней в молчаливый сговор.

29

Коннектенцы на море и на суше

Был безоблачный день, лето близилось к концу. Над головой, бранясь, кружили чайки. Вода нестерпимо воняла. Брат Свечка наблюдал, как коннекские солдаты грузятся на дюжину больших платадурских кораблей (именно столько помещалось в шивенальском порту, остальные навайские и платадурские суда стояли на якоре в бухте, среди рыбачьих лодок, которым пришлось потесниться, уступая место у причала). На многих кораблях плыли навайские инженеры, саперы, артиллеристы и специалисты по осадным машинам.

«Быть может, – думал монах, – король Питер сейчас репетирует священный поход в Святые Земли, которого так жаждет Безупречный».

Вполне вероятно. Здесь действительно затевалось что-то значительное. У Питера превосходно шли дела в Дирекции – там он зачастую объединял усилия с каким-нибудь мелким праманским князьком, чтобы победить более крупного. Так зачем же вдруг переключать все свое внимание и отправлять солдат и корабли в далекие края? Король Наваи, конечно, чтил своего господа и был благородным человеком, но в поход на Кальзир его явно толкнула не только любовь к брату жены.

Коннекские солдаты поднимались на борт без особой радости. Мало того что на платадурских матросах была какая-то чудна́я одежда, так еще их мудреный язык, хоть и приходился дальней родней коннекскому, был совершенно непонятен. Но делать нечего – придется потерпеть, если не хочешь протопать шестьсот миль пешком.

Никто еще не знал, куда именно они плывут. Безупречный и Йоханнес Черные Сапоги не определились с планами или же просто не торопились сообщать о них войскам.

– Ну что же, пора собраться с духом и подняться на борт, – обратился к брату Свечке граф Реймон. – Скоро отплытие.

Монах вздохнул. Его скромные пожитки уже были на корабле, но он никак не мог заставить себя сделать эти несколько шагов. Как и его спутники – священники, добровольно вызвавшиеся сопровождать графа в походе. Среди солдат были представители всех религий Коннека, включая коннекских праман – беженцев из Терлиаги. Их решимость отправиться в Кальзир удивляла брата Свечку даже больше, чем точно такая же решимость нескольких

дюжин якобы миролюбивых мейсалян.

А еще всем было не по себе из-за платадурских праман. Чалдаряне не могли понять, почему те выступают на стороне короля Питера против своих же единоверцев. Хотя сами чалдаряне сражались с другими чалдарянами каждый божий день.

Вместе с братом Свечкой в путь отправились все те же люди из бывшего посольства в Брот.

Граф Реймон проявил чудеса покорности, выполняя приказы герцога Тормонда, и умудрился добраться в Шивеналь из Кастрересона еще до того, как туда прибыл дирецийский флот.

Брат Свечка никогда не путешествовал морем и ничего крупнее речного парома не видел. Ему казалось, что палуба под ногами качается из стороны в сторону даже в самый тихий день и беспрестанно скрипит и трещит, а горизонт вечно кренится под жутким углом. Вдобавок донимали непривычные запахи: лошадей, смолы, морской соли, тесных, набитых людьми кают и отвратительной пищи. От подобного сочетания, как думал монах, могло бы вывернуть и следующих за кораблем в надежде на поживу чаек.

В ответ на жалобы матросы называли его неженкой. «Таро» лишь недавно сошел со стапелей, и ему еще только предстояло показать свой характер.

На камбузе пахло хуже всего.

Кок кашеварил только для матросов-платадурцев, а остальные готовили себе сами прямо на главной палубе среди снующих туда-сюда моряков и наглых чаек, так и норовящих что-нибудь стащить. Когда на море поднималось волнение, приходилось довольствоваться сухим пайком: платадурцы боялись, что сухопутные коннекские крысы ненароком устроят пожар.

Моряки вообще больше всего на свете боятся устроить в море пожар.

Но не только обычные корабельные лишения донимали брата Свечку – вокруг постоянно кружили любопытные мелкие создания Ночи. Монах чувствовал их присутствие, и оно его беспокоило. Наверное, древним приходилось терпеть подобное постоянно. Человеку потребовалось много времени, чтобы покорить окружающий мир.

Но море покорить ему пока так и не удалось.

Когда они проходили мимо Армума, острова, где когда-то любили проводить лето владыки Древней Бротской Империи, брат Свечка завел беседу со священниками из платадурской

команды и терлиагскими праманами. Он недоумевал – ведь Армум располагался на юге, довольно далеко от Брота, а к северу от него лежал остров Шиппен. Значит, «Таро» шел вдоль берегов Аламеддина и скоро должен был подойти к границе с Кальзиром. Но флотилия не спешила приставать к берегу.

Праманские священники-недоучки поначалу забеспокоились, но монах уверил их, что хочет лишь узнать что-нибудь новое.

– Мне интересно, как объясняют прамане Орудия Ночи. Вы же не придерживаетесь догматов церкви.

Праманские священники, плывшие на борту «Таро», не слишком увлекались философией. Мыслили они практически, и волновали их лишь собственные нехитрые обязанности – оказывать скромную поддержку верующим, которых дороги войны забросили далеко от дома. Они умели совершать самые простые таинства, но на этом их богословские знания заканчивались.

Брата Свечку же неизменно волновали вечные вопросы: породил ли богов и мелких духов человеческий разум, облекая в форму силу, изливавшуюся из Кладезей Ихрейна и прочих мест? Или Орудий Ночи вскормила эта самая сила, а потом они сами создали человеческие верования?

Загадка курицы и яйца – так называли этот спор.

Он часто приводил и к другому вопросу: каким стал бы мир, не будь в нем Кладезей, извергающих чистую энергию волшебства?

Монах знал, как сам ответил бы на этот вопрос.

Энергия волшебства попадала в мир не только из Кладезей Ихрейна – они просто были самым большим и значительным ее источником. Существовали и ручейки поменьше, из которых сила не извергалась, но просачивалась наружу.

Многие поколения волшебников сходились на том, что больше половины колдовских созданий появилось именно в Святых Землях. Огромный непонятный мир, изрезанный магическими шрамами, существовал лишь потому, что та же магия не давала льдам его сковать.

Чем дальше человек отодвигался от источников волшебства – тем в более холодные, мрачные и странные края попадал.

Монаха тревожили и другие неразрешимые вопросы. Если богов и Орудий Ночи породило человеческое воображение, то кто тогда создал человека?

Брат Свечка не мог вообразить себе мир без разумных существ, поклоняющихся Орудиям Ночи.

Праманские священники не задумывались над такими дилеммами, любые заумные рассуждения казались им происками

ворога. Правду они усвоили давным-давно, еще в юности, и никакой еретик, которого тем паче клеймили собственные единоверцы, не мог сбить их с пути истинного и заставить думать.

Как выяснилось, прамане верили почти в то же самое, во что верили чалдаряне. Камнем преткновения было в основном то, кто именно удостоился божественного просветления – чалдарянские отцы церкви в Святых Землях или же Предвестники из Джездеда, что в Пекве.

– На самом деле разногласия вызывает идолопоклонство, – сказал один из священников.

– Идолопоклонство? – удивился монах. – Я уже давно отдалился от епископальных догм, которым следовал в детстве, но никаких таких идолов не припомню.

– В чалдарянских церквях их полно.

– Это не идолы, а статуи, они лишь изображают отцов церкви и святых, но сами не являются ими.

– Но это материальные образы. Разве не это есть идолы? По определению? Не сам бог, но его образ, который должен неустанно напоминать о его вездесущем оке?

– Поскольку я сам больше не исповедую епископальную веру, то не могу ничего тебе ответить. Быть может, епископ Лекро сумеет объяснить разницу.

Брат Свечка достаточно долго прожил на свете и потому с недоверием относился к разного рода догмам. Догмы лишь отражали людскую потребность верить в то, что существует нечто более значимое, чем бренное человеческое существо, и полагаться на некий вселенский план.

Над волнами разнеслись звуки рога.

Платадурские матросы передавали сообщения с корабля на корабль при помощи специальных рогов (в других странах для этой цели использовали сигнальные флаги или барабаны), и навайский флот перенял платадурскую систему.

Объединенным флотом командовал платадурский генерал, а объединенными армиями – король Питер, который решил лично принять участие в кампании, потому что не доверял фиральдийцам. Особенно бротским. Особенно мнимым патриархам. Хотя церковь король поддерживал.

Главным талантом навайского короля была способность приспосабливаться к переменам. Он использовал те средства, которые хорошо работали, в том числе и патриарха, хоть и мнимого, зато имеющего власть над церковью.

Жители Платадуры и Наваи верили, что Питер успеет за время своего царствования покорить всю Дирецию. И многие

обитающие там народы такая перспектива радовала.

– Что случилось? – спросил брат Свечка у одного из матросов, которые спешно убирали паруса.

«Таро», как и большинство платадурских кораблей, представлял из себя широкую и длинную галеру. Он мог принимать участие в сражении, но прежде всего был торговым судном. В море команда обычно не пользовалась веслами и шла на парусах, если только не наступал совершенный штиль.

– Капитанов созывают на «Изабет», совет там будет, – пояснил матрос.

Имя королевы навайской носило флагманское судно. Флотилия встала на якорь. На кораблях начали спускать капитанские шлюпки.

Ничего похожего на Шиппен брат Свечка в жизни не видывал. Корабли поменьше встали на якорь по обе стороны от входа в небольшую, но глубокую гавань рыбацкого городка под названием Таренти. Сам городок захватили навайские солдаты. Часть войска сошла здесь на берег.

То же самое повторилось в других портовых городишках. Брат Свечка не знал, что именно происходит. Кажется, военачальники хотели перекрыть поставки продовольствия в материковый Кальзир, тогда тамошние армии не смогут долго противостоять захватчикам.

Король Питер и граф Реймон должны были захватить остров, превышающий по размеру добрую половину чалдарянских государств, – и это лишь силами навайских и коннекских солдат, насчитывающих в общей сложности четыре тысячи человек (платадурцы на суше не воевали).

Военный опыт монаха ограничивался лишь резней у Черной горы, которой он стал невольным свидетелем, и Свечка не понимал, что Шиппен совсем не обязательно завоевывать весь целиком.

Местные жители не слишком долго сопротивлялись.

За всю историю Шиппена островитяне никогда не бились с захватчиками, если те высаживались на берег. Простым работягам было в общем-то все равно, кто у власти, ведь на их будничную жизнь ну´жды грозных владык никак не влияли – лишь бы добывались серебро и медь, а в садах и полях зрел урожай. Погода на острове почти всегда была благоприятной, а последнее стихийное бедствие разразилось еще в древности, когда произошло извержение нескольких вулканов.

Самые страшные бедствия на Шиппене были делом рук человеческих – иногда их вызывала война, но чаще какой-нибудь

разошедшийся волшебник, вообразивший, что он может подчинить Орудий Ночи.

Лишь самые блестящие умы тешили себя иллюзиями, что смогут высвободиться из-под власти Тирании Ночи.

Брат Свечка и другие коннектенцы с «Таро» сошли на берег в Кальтиум-Циданте – крошечном городке, насквозь провонявшем рыбьими потрохами. В небе кружили тучи вопящих чаек. Кальтиум-Циданта был самым что ни на есть заштатным городишкой, хотя в древней истории и сыграл определенную роль. Именно из Кальтиум-Циданты колферский военачальник Эру Итутму отплыл защищать свою бывшую родину, Дринджер, и во главе многотысячной армии, которая верила в него как в бога, опустошил молодую тогда еще Бротскую Империю. Эру Итутму истребил около двухсот пятидесяти тысяч врагов, но в конце концов потерпел поражение как в Броте, так и на родине. Древние жители Брота отличались завидным упорством – десятилетиями сражались против Итутму и разбивали всех его союзников.

Ничем, кроме воспоминаний об Эру Итутму Кальтиум-Циданта похвастаться не могла.

– Точно как и в любом другом проклятом городишке на этом острове, – проворчал епископ Лекро. – Лодок нет, а все мужчины – либо шестидесятилетние старики, либо мальчишки, которым не исполнилось еще и двенадцати. Женщины же делятся на три категории: дурнушки, дурнушки пострашнее и совсем уж неприглядные дурнушки.

– Брис, я, конечно, всего-навсего простодушный еретик, – усмехнулся монах, – но мне отчего-то казалось, мы обязаны обходиться с местными дамами так, как хотим, чтобы обходились с нашими коннекскими женушками. Не говоря уж о том, что священники дают обет безбрачия.

– Свечка, ты ужасный зануда.

– Стараюсь, как могу.

Правда заключалась в том, что в городе просто-напросто не осталось ни одной сколько-нибудь молодой женщины, а на тех, кто остался, польститься было решительно невозможно.

– Все дамы, – прокомментировал Лекро, – включая овец, коз и свиней, которые могли бы ввести грешника в соблазн, прячутся в горах.

Захват Кальтиум-Циданты и окрестностей произошел скучно и буднично. Единственным раненым оказался терлиагский праманин, который сломал палец, красуясь перед местными мальчишками. Те жители, кто не укрылся в горах, не оказали ни малейшего сопротивления, хотя, что естественно, были порядком

обеспокоены.

Монах видел, что тут никто не склонен к решительным действиям.

– Такова уж здешняя история, – пояснил платадурский священник, который сошел с ними на берег, потому что владел шиппенским диалектом. – Этот остров не раз захватывали. Местные уверены, что это они как-нибудь переживут.

– И тем не менее промышляют пиратством.

Но и пиратство никак не влияло на их отношение к захватчикам. Оно тоже было частью здешней истории.

Обычно вторгались сюда именно пираты. Но очень быстро они обнаруживали, что на острове решительно нечего красть, зато удобно прятаться от врагов.

– Если местным молодцам стукнет в голову покуролесить, – ощерил в улыбке черные зубы платадурский священник, – им приходится отправляться за тридевять земель. По дороге многие свой запал теряют.

Захватчиков не встретили на Шиппене ни радостными криками, ни оружием. Знать успела уехать на материк, чтобы защищать Кальзир от неверных. Там их ожидали обычные лишения и горести воинов божьих.

На острове же местные жили в полном согласии с захватчиками. Коннектенцы помогли собрать урожай, женщины постепенно, по одной, возвращались с гор, таща на поводу домашнюю скотину. На коннектенцев они произвели не слишком сильное впечатление. Родилась даже шутка о том, что именно из-за кальзирских женщин кальзирцы и отправились воевать в Фиральдию.

Брат Свечка помогал крестьянам и рассказывал о своей вере. Местные прамане находили его весьма забавным, а чалдаряне, коих здесь насчитывалось около трети, думали, что в мейсальской ереси, возможно, что-то и есть.

На Шиппене не очень-то жаловали епископальную церковь и патриарха.

Монах искренне желал епископу Лекро хоть как-нибудь отвлечься. Тот чувствовал себя на острове как рыба, вытащенная из воды, – пастырь без паствы. Сошедшие с «Таро» коннектенцы были либо мейсалянами, либо терлиагскими праманами, либо епископальными чалдарянами, отдающими предпочтение Безупречному V, а не Непорочному II.

– Брис, я не хочу тебя расстраивать.

– Знаю. Я сам выкопал себе могилу, когда решил отплыть на одном корабле с другом. Надо мне уже тихо лечь в нее и не

скулить.

– Купи себе осла и отправляйся вдогонку за графом Реймоном.

На Кальтиум-Циданту опустился вечер. Брат Свечка потягивал местное вино, на удивление вкусное. Это путешествие походило скорее на школярские каникулы.

На Шиппене все казалось неважным: пусть где-то там далеко идет война, гибнут люди, великие борцы за веру сходятся в смертельном поединке, чтобы доказать, чьи догматы истиннее.

На этом острове никто не стремился проповедовать, никто не рвался в бой, чтобы сделать своего бога единственным.

Брат Свечка вовсю наслаждался каникулами – бездельничал и вел разговоры ни о чем с любым, кто соглашался беседовать. Вокруг, в большом мире, если верить доходившим на Шиппен тревожным вестям, вершилось страшное.

Но на той стороне пролива Райп, где оказался нынче монах, никто и ухом не вел.

30

Аламеддин и Кальзир

Скоро сказка сказывается, да не скоро дело делается. И обходится оно обычно дороже, чем предполагалось. Граальский император надеялся вовремя перейти Вейлларентиглийские горы и помешать кальзирцам собрать урожай. Лишь несколько отрядов Вондеры Котербы сумели это сделать. Отряды эти, которые сопровождали имперские разведчики, не очень-то годились для серьезного сражения, но им без труда удалось разогнать тех немногочисленных оборванных кальзирцев, что попались им на пути. Никто из врагов так и не применил того страшного праманского колдовства, которым всех чалдарян пугали с колыбели.

В Кальзире царил такой же хаос, как и в Фиральдии. Несколько мелких князьков решили перейти на сторону врага, чтобы сохранить свои владения, но ничего этим не добились. Безупречный не желал заключать договор с неверными.

А люсидийцы и дринджерийцы жестоко расправлялись с теми, кого подозревали в предательстве.

Бротский полк под командованием Элса успел разрастись до четырех тысяч (в дополнение к вьючным животным и прибившимся дармоедам). Но, как и другие подобные войска, из-за разных неурядиц и политических дрязг он сильно задерживался.

Элс и его солдаты демонстрировали настоящие чудеса строевой подготовки и дисциплины, вызывая всеобщее восхищение. Даже Феррис Ренфрау, ненадолго оторвавшись от шпионских дел в Кальзире, пару раз неохотно выразил одобрение.

Но превосходно подготовленный бротский полк тем не менее никак не мог выступить в поход, поскольку высокопоставленные особы никак не могли договориться между собой и отдать нужный приказ.

Точно по тем же причинам не могли выступить и добровольческие ополчения, собранные в епископальных государствах.

Пять кланов желали извлечь как можно больше из кальзирской кампании. Патриарха, коллегию, Братство Войны и все те города, где собирались войска, тоже обуревала жадность. Все были настолько уверены в победе, что никто и думать не думал о том, чего будет стоить этот поход.

– Мое терпение кончилось, – сказал Элс. – Нужно как-то выбраться отсюда, подальше от этих безумцев с младенческими мозгами.

Они собрались на небольшой внутренний совет. Минуло уже больше месяца с той даты, на которую Ганзель наметил начало похода.

– Да пожалуйста, – отозвался Горт. – Можем отсылать на юг готовые отряды. По одному в день. С транспортировкой Титус все уладил. Иначе все пойдет прахом.

– Хорошая мысль. Сколько у нас времени? Когда важные шишки поднимут крик?

Перемещать небольшие отряды Элс мог и без одобрения дюжины спорящих друг с другом инстанций.

– Все зависит от того, кто первый обратит внимание. Скорее всего, это будет Ренфрау. Но он почти безвылазно торчит в Кальзире. Шпионит. Тамошние дэвы раздобыли для нас очень важные сведения. Но они боятся. Мы ведь тянем и тянем, а люсидийцы и дринджерийцы в последнее время на месте не сидят. Дэвы опасаются, что они всё поймут и жестоко покарают их единоверцев.

– Титус, – спросил Элс, – а ты что думаешь?

– Он прав. Кальзирские дэвы напуганы. Дэвы всегда и везде боятся. Такова наша доля.

– Мне нечем их успокоить.

– От вас, господин, они этого и не ждут.

Дэвы исправно помогали Тейджу, не давая ему ни малейшего повода для разочарования, хотя их поразительно слаженная работа не могла не всколыхнуть старые подозрения. Быть может, правду рассказывали в старину о дэвских братствах, которые тайно правят миром?

Гледиус Стьюпо всегда потешался над подобными россказнями. Он мог привести сотню разумных доводов против этой гипотезы, и все же… Ведь взяли же откуда-то дэвы огнестрельное оружие, способное поразить могущественного волшебника.

– Не мели ерунды, – заявил Стьюпо. – Да будь у нас хоть четверть той власти, что нам приписывают в таких вот байках, с нами бы никогда не случилось того, что произошло в Сонсе.

– Хм, – засомневался Элс.

– Если кто-то скажет тебе, что дэвы тайно правят миром, спроси себя, почему все известные тебе дэвы живут именно так, как живут.

– Мне плевать на веру и все эти дела, – признался Элс. – Не

важно, кто и во что верит, главное – делайте свое дело.

Гледиус ухмыльнулся. У него недоставало переднего верхнего зуба. Элс подумал, что из Стьюпо получился бы вылитый гном, будь его шевелюра чуть погуще. Точь-в-точь как в той сказке, где низкорослый народец прял из соломы золотые нити.

Дэвы все-таки были родом из тех краев, где властвовали именно сказки.

– Мы не будем тайно захватывать мир, – пообещал Стьюпо. – Даже если каждый из нашего богоизбранного народа на это решится, ничего не выйдет. Все немедленно пойдет прахом, едва нас соберется больше четырех человек. Думаешь, только в вашем мире властвуют мелочность, тщеславие и зависть? Попробовал бы пожить среди дэвской бедноты. Да тебя там с потрохами сожрут, если хоть чуточку приподнимешься над остальными. Там любой норовит поживиться за твой счет и только и делает, что ревниво ждет, когда ты ненароком споткнешься.

Элс кивнул. На словах он мог согласиться с чем угодно.

– Титус, отправляй отряды на юг. Немедленно. Напиши кому следует. Гледиус, я знаю, что ты не отвечаешь за всех дэвов Брота, но ты здесь, и ты весьма важная шишка. Скажи мне, будет у нас отряд дэвов или нет?

Вот уже почти месяц дэвы сомневались: собирать или не собирать отряд для бротского полка. Их предводители никак не могли решить, чего же они все-таки хотят. Да и Элс сомневался, одобрят ли начинание патриарх и его приспешники. Хотя все знали, что в объединенной коннекско-навайской армии короля Питера служили и еретики, и дэвы, и даже прамане, и было их там гораздо больше, чем добропорядочных епископальных чалдарян, признающих власть Брота.

– Мы отправим с вами небольшую группу советников. Они помогут, если у вас возникнут какие-нибудь затруднения.

Элс решил, что Гледиус говорит о счетоводах и казначеях, которым была отведена почетная роль совести бротского полка.

Элса долго не вызывали, и он уже решил, что его манипуляций никто не заметил. Около дюжины отрядов выступили на юг к пограничному городу Патени-Персус. Один из них собрали Бруглиони, в нем было двести человек, в том числе с десяток представителей клана. Приблизительно столько же солдат насчитывал отряд клана Арньена под предводительством Рогоза Саяга. Самым первым на юг отправилось подразделение дэвов, там числилось больше трехсот воинов, и все они были прекрасно вооружены: на «советников» дэвы не поскупились.

За длинным столом восседало восемь принципатов. Элс знал

их всех. Вот представители от каждого из пяти кланов. Вот Бронт Донето, он, несомненно, представляет интересы своего высокопоставленного родственника. Вот дряхлый восьмидесятилетний маразматик, способный лишь пускать слюни да издавать нечленораздельные звуки, которые неведомо как истолковывает и сообщает всем какой-то епископ лет тридцати. А вот, наконец, и принципат Барендт из Смугена, он – человек Ганзеля.

– Генерал Хект, что вы такое творите? – спросил напрямик принципат Мадисетти.

Элс постарался скрыть улыбку: его только что повысили в звании, пусть только на словах.

– Ваша милость, о чем вы? Меня наняли, чтобы возглавить и подготовить полк, который город предоставит в распоряжение патриарха. Я лишь выполнил свою задачу. Патриарх много раз говорил, что хочет поскорее обрушить кару на головы кальзирцев. Сначала мы должны были выступить перед сбором урожая. Потом до наступления зимы. Время идет, но мои люди все еще здесь, а не в Аламеддине или Вейлларентиглийских горах. А пять кланов Брота никак не могут поделить богатства, которые пока находятся в руках кальзирцев.

Неожиданно в комнату вошел Грейд Дрокер.

– Только так здесь можно чего-нибудь добиться, Хект, – сразу заявил он. – Поставить перед свершившимся фактом. Послушайте, господа, у меня для вас новости.

Голос у волшебника звучал гораздо увереннее, чем раньше.

Элса его появление обеспокоило: он не знал, что Дрокер вернулся в Брот. Братство умело хранить свои секреты.

– Я вернулся, – продолжал колдун, – чтобы выяснить причину постоянных задержек. И это путешествие далось мне нелегко. Силы мои уже не те. Господа, нам давно следовало приступить к военным действиям. Дирецийские и коннекские войска захватили Шиппен. На Кальзир надвигается голод. План, одобренный самим патриархом, действует превосходно. Но Безупречный досадует, потому что следующий этап беспрестанно откладывается. Основные силы застряли в Броте.

Дрокер смерил слушателей гневным взглядом. Он мог себе это позволить: коллегия боялась его. Братства Войны боялись все. А особому ведомству не рискнул бы перечить даже сам патриарх.

– Полковник Хект, я доволен твоими действиями. – (А вот это уже точно повышение, а с ним вместе и парочка новых врагов.) – Патриарх попросил меня заняться городским полком, и советоваться я отныне буду лишь с его непосредственным командиром.

Дрокер еще раз оглядел принципатов, словно бросая им вызов.

В один прекрасный день особое ведомство обратится против коллегии. Ведь его главная цель – искоренение волшебства.

– Патриарх желает, – продолжал Дрокер, – чтобы все войска, собранные для священного похода на Кальзир, немедля выступили в Аламеддин. А с теми, кто будет этому препятствовать, он велел мне разобраться лично.

Кто-то попытался возразить ему, что бротский полк не принадлежит патриарху.

Но Грейд Дрокер ничего не ответил. Одного взгляда на его непреклонное изувеченное лицо было достаточно, чтобы споры прекратились. Волшебник действительно обладал властью. Большей, чем думал раньше Элс.

Когда Элс наконец добрался до лагеря в Патени-Персус, в Аламеддине воцарился жуткий холод, совершенно не свойственный этим краям. Колючий дождь сменялся непроглядным снегопадом. Пики Вейлларентиглийских гор впервые за несколько веков начали покрываться льдом. Но Элсу было плевать: слишком уж он устал скакать весь день напролет сквозь непогоду.

Может, во всех этих жутких россказнях про кальзирские зимы и была доля истины.

Никакой надежды на то, что ненастье уляжется, не было, и Элс вовсе не горел желанием воевать в подобных условиях. Но Ганзелю, Безупречному и Дрокеру не терпелось переплюнуть короля Питера. Погода их не волновала.

Вместе с Элсом в Патени-Персус прибыли последние несколько сотен бротского полка. Если Пинкус Горт сделал все, как надо, войско незамедлительно двинется на юг.

– Даже не верится, что эти олухи все-таки выпустили тебя из Брота, – сказал Пинкус, когда они остались наедине в штаб-квартире полка, размещенной в заброшенной церкви.

– Объявился Дрокер и надавил на них. Ох и разозлились же все! На Дрокера.

– Но на него злись не злись, а толку мало.

– Точно. Как у нас тут дела?

– Солдатами ты бы остался доволен. А вот некоторые званием повыше… Хорошо бы тут вдруг разразилась такая особая чума, которая косила бы только ни на что не годных выскочек.

– Обратись напрямую к господу, потому что земные силы тут не помогут. Я три раза пытался, трех разных вербовщиков нанимал. Но они словно языка человеческого не понимают. Что

такое опыт и заслуги – им невдомек. Ладно, давай к делу. Готовы мы к выступлению?

– Они сказали тебе, что именно мы должны делать?

– Всё. В смысле – мы должны всё и сразу: завоевать земли на запад от Аль-Хазена, не дать войскам выступить из этого самого Аль-Хазена, вычистить окрестности города. У нас есть план по продвижению?

– Есть, спасибо дэвам. Они раздобыли чрезвычайно полезные сведения. Как ты умудрился их заставить?

– Обещал обойтись с ними по-человечески. И с их кальзирскими родичами тоже. Мы же с этим справимся, правда?

– Не знаю, – неуверенно отозвался Горт.

В дверь просунул голову ординарец Горта:

– Капитан, тут дэвы пришли. Говорят, им вас срочно надо, и полковника тоже.

– Вот наглецы! – разозлился Горт. – Скажи им…

– Погоди, – перебил Элс. – Я и сам собирался за ними послать.

– Приведи их.

– Как поживают Бо и Джо? – между делом поинтересовался Тейдж.

– Не поверишь, но оба отлично справляются. Из Бо получился прекрасный унтер. Он отлично знает все мошеннические приемчики и пресекает их в зародыше, пока не начало дурно пахнуть. А Джо творит настоящие чудеса со зверьем. Его не назначили главным по лошадям и прочим, но на нем все практически и держится. Скотина накормлена и здорова.

– Прекрасно. Всегда думал, что у каждого должен быть хоть какой-то талант. Хорошему офицеру просто надо понять, в чем именно он заключается и… Приветствую.

В церковь вошли пятеро. Элс знал Гледиуса Стьюпо, Шира Сперео и Титуса Консента. Двое незнакомых дэвов были смуглее бротских, а одежда на них основательно вымокла и перепачкалась.

– Просим прощения, полковник, что беспокоим вас сейчас, пока вы еще толком не устроились, – начал Титус, – но у нас важные вести из Аль-Хазена.

Так, значит, дэвы посмуглее – кальзирцы.

– Дурные вести, Титус?

– Вовсе нет. Ведь теперь мы предупреждены.

– Слушаю тебя.

– В Аль-Хазене скрываются волшебники, которые сопровождали пиратов в Брот. Они думают, никто об этом не знает, и собираются устроить ловушку – заманить Братство и

расправиться с Грейдом Дрокером. И солдат укокошить побольше.

Элс восхитился дэвской разведкой. Значит, кто-то из них присутствовал на кальзирском совете.

– Демона только помяни, – пробормотал Горт.

Эту пословицу знали во всех краях, где встречались Орудия Ночи, то есть везде, где земля еще не успела покрыться льдом.

И Горт оказался прав.

– Тут кто-то вспоминал мое имя, – просипел Дрокер, появляясь на пороге на костылях.

Его обезображенное лицо было лишено всякого выражения.

– Мы только что узнали, – отрапортовал Элс, – что в Аль-Хазен прибыли Старкден и Масант аль-Сейхан. Они надеются заманить вас в ловушку. Продолжай, Титус.

– Это еще не все.

– Разумеется. Рассказывай.

Элс надеялся, что дэву хватит ума не морочить Дрокеру голову.

– Есть и другой мастер призраков, кроме Старкден и Масанта аль-Сейхана. Но нашим людям не удалось к нему подобраться. Мы просто вычислили, что он существует, потому что в некоторые места не допускают никого.

Один из кальзирских дэвов что-то сказал. Элс не смог понять его речь.

– Волшебник, которого никто не видел, – перевел Титус, – это… иноземец… Прибыл переодетым в иноземного солдата… В Аль-Хазен приехали в основном люсидийцы, но с ними несколько инженеров и воинов из Дринджера.

– Я тебя знаю, гном? – неожиданно спросил Дрокер.

– Вряд ли, мой господин, – ответил Гледиус Стьюпо со странным акцентом, совершенно не сонсианским – такого у него Элс раньше никогда не слышал.

Все это время дэв пытался забиться подальше в темный угол.

– Возможно. И все же… Словно я тебя уже встречал. Ладно. Весьма интересно. Неужели они надеются сохранить присутствие волшебников в секрете?

Дрокер смерил дэвов пристальным взглядом, в котором читалось неприкрытое недоверие.

Консент перевел сначала его вопрос, а потом ответ дэвских шпионов:

– Праманские иноземцы уверены, что никто из кальзирцев не выдаст их патриарху. Для устрашения остальных они жестоко наказали нескольких военачальников, которые хотели признать императора.

Да уж, Безупречному это не понравится. Его-то признавать не желал никто и никогда. Взять хоть Дирецию и некоторые части Коннека, где прамане жили по чалдарянским законам.

– Еще на Аль-Хазене лежит заклятие, – продолжал переводить Титус. – Оно скрывает почти всех иноземцев.

Тейдж решил, что здесь кроется что-то еще.

– Но тех, кто ведет себя непредсказуемо, долго не скроешь, – добавил Консент, – и тех, кому нужна еда, тоже. Особенно в такие тяжелые времена.

– Как сюда попали эти дэвы, – спросил Дрокер, – если этот твой волшебник настолько могуч?

Элс понимал, почему так волнуется Дрокер. Ситуация стремительно накалялась.

Но и Титус это понимал.

– Эти двое смогли выйти из города, потому что они агенты мафти Аль-Хазена. Мафти думает, они отправились шпионить за чалдарянами в Фиральдии.

На лбу юного дэва выступили капельки пота.

– Понятно, – сказал волшебник.

Его ненависть, видимо, сдерживало только то, что Титус прямо и открыто отвечал на все вопросы.

– Понятно, – повторил Дрокер. – А сможешь ли ты доказать мне, что они сейчас предали своего мафти ради нас, а не наоборот?

Уже все, кто был в комнате, понимали, что речь идет о жизни и смерти.

Но Титус Консент, этот, в сущности, мальчик, сумел подобрать правильный ответ:

– Нас интересует лишь наш народ, господин. Как говорится, слепой… Прошу прощения.

– Продолжай, я помню о своем глазе.

– В трудные времена дэвам приходится приносить пользу чужакам. Как закончится эта война – уже ясно. Чалдаряне победят. А мы сделаем так, чтобы это случилось как можно быстрее и безболезненнее и тем самым постараемся уберечь наш народ от больших горестей.

– Хороший ответ, – кивнул Дрокер. – Я…

Но тут его скрутил приступ кашля. Лицо его страшно покраснело.

– Хект! – прохрипел он через минуту. – Разберись с этими дэвами. Да смотри в оба, не дай им себя надуть. Ведь эту же сказочку они будут рассказывать кальзирцам. Готовься к выступлению.

Он вышел из церкви, по-прежнему кашляя.

Бледный как смерть Гледиус Стьюпо выступил из темного угла. От ужаса он едва дышал. Пинкус Горт тоже казался напуганным – все это время он старался выглядеть как можно незначительнее и незаметнее, чтобы не привлекать внимания волшебника. Именно из-за присутствия Горта Стьюпо не стал ничего говорить Элсу, а лишь спросил:

– Ты не заметил, у него шла кровь? Он же не плевал кровью?

– Нет, – ответил Элс. – А в чем дело?

– Недавно по Шелковому пути к нам принесли какую-то новую заразу с запада, больные кашляют кровью.

– Похоже на воспаление легких, – пробормотал Пинкус.

– Что-то ты притих, – поразился Тейдж.

– Не очень-то хотелось открывать рот.

– В первый раз с тобой такое. Слушай, Гледиус, а в словах Дрокера есть резон. Чем ты можешь доказать, что это не западня?

– Вы сами все слышали, – сказал Титус Консент. – Исход войны предрешен. Победят император и патриарх. Самое главное для нас – уменьшить страдания нашего народа, насколько это в наших силах. А для этого мы должны стать надежным союзником победителя.

Он что-то сказал кальзирским дэвам, те заволновались.

И достали карты. Да не одну или две, а целый ворох – крупных, мелких, подробных и очень подробных, со всеми тщательно прорисованными деталями. Там было почти все, что Элсу требовалось знать о тех краях, через которые предстояло идти его полку, и о подступах к Аль-Хазену.

– Ну как, Пайп, ты доволен? – поинтересовался Горт спустя пару часов.

– Я в восторге. Лучше, чем брачная ночь. Просто великолепно. Господа дэвы, извините за подозрительность. Пинкус, нужно показать эти карты всем нашим командирам. Титус, насколько я понял, у тебя уже готов план переброски на юг.

– Не план, а скорее общая схема, полковник. В наших условиях трудно составить подробный план.

– Прекрасно. Общая схема – это то, что нужно.

– У нас и схемы-то обычно никакой нет, – встрял Горт. – Пайп, этот парнишка – просто клад. Очуметь можно.

– Ты его засмущал совсем. Завтра он потребует прибавку к жалованью.

– Собираешься всю ночь корпеть над картами? – поинтересовался Стьюпо. – Тем из нас, кого в лагере не знают в лицо, лучше побыстрее исчезнуть. Особенно этим двоим. Тут вполне могут шастать кальзирские шпионы.

– Пинкус, сделай так, чтобы эти дэвы исчезли с глаз долой. Придумай, что наврать, если кто-нибудь будет ими интересоваться.

– А заодно и запишу имена особо любопытных.

– Правильно мыслишь. А я проведу ночь с возлюбленными картами.

Хотя больше всего Элсу в тот миг хотелось проверить, расстелил ли Поло его койку.

Горт увел из церкви четверых дэвов, но Титус остался.

– Я официально числюсь в полку. Мною никто не будет интересоваться.

– Несмотря на молодость, ты так уверен в себе и так хорошо справляешься с работой.

– Тут особый случай. Меня специально обучали с пяти лет.

– В спасатели готовили?

– Не совсем. Просто хотели вырастить дэва, который сможет помочь, если вдруг дела наши пойдут совсем плохо. А плохо они, к сожалению, идут почти все время.

– После таких слов мне бы следовало забеспокоиться и заподозрить великий дэвский заговор, но слишком уж я устал.

Элс не хотел, чтобы кто-нибудь догадался, каким параноиком он уже давно успел стать.

– Уверен, Стьюпо объяснял вам, почему такой заговор решительно невозможен.

– Неужели?

– Разве он не говорил, что все дэвы страшно честолюбивы, завистливы, мелочны и готовы злословить о ком угодно за его спиной? И что любой заговор дэвов может закончиться успешно, только если дэвов в нем участвует не больше двух?

– Значит, трое из пяти только что присутствовавших здесь будут вставлять остальным двум палки в колеса?

– Это было иносказание.

– Не важно. Я верю, что дэвы мне помогут.

– Но вас гложут сомнения.

– Дело не в сомнениях. Я знаю, что именно вы делаете и почему. И не могу вас за это осуждать. Но мне любопытно, как в это вписывается император. Он никогда не враждовал с вашим народом, зато Безупречному он заклятый враг. А Безупречный надеется вас истребить.

– В такие высокие материи малолетка вроде меня не посвящают. Моя задача – сделать все возможное для полка.

– Готово, Пайп, – сообщил, заходя в церковь, Пинкус. – Что думаешь делать? Будем строить планы? Или можно наведаться к любимой полковой шлюхе и поспать?

– Шлюха подождет. Я не буду спать еще около часа. Почему бы не обсудить, что возможно, а что невозможно. Надо исключить несбыточные мечтания тех дураков, которые свято верят в богом данное им право указывать нам, что делать. Может, придумаем, как всех удивить.

– Тебе нужно успокоиться. Титус, скажи ему. Пайп, в Аль-Хазене засело аж три волшебника. И один из них на порядок круче, чем те двое мерзавцев, которые наваляли тебе в Броте.

– Капитан Горт выразился довольно грубо, но он прав. Трое волшебников – тут есть о чем подумать, полковник.

– Да, нам нужно их учесть. Они нас поджидают. К сожалению, в подобных делах у меня опыта мало. А у тебя, Пинкус?

– Вообще нету. Я стараюсь подобного дерьма избегать. Что, в общем-то, довольно легко, потому что это, как я понимаю, в основном праманские трудности.

Элс заметил, как едва заметно дернулся Титус. Значит, ему известно про Сонсу. Что еще, интересно, рассказал Стьюпо? Слишком многим уже известно об Элсе Тейдже.

– Особое ведомство – это тоже праманские трудности?

– Конечно! – фыркнул Горт. – Да еще какие!

– Возможно. Но суть не в этом. Нужно решить, что делать с аль-хазенскими волшебниками.

– Не обязательно.

– Как так?

– Пайп, мне только что пришло в голову: незачем нам об этом дерьме волноваться. Пусть Грейд Дрокер решает, что делать.

– Дельная мысль, полковник, – кивнул Титус. – Это не наша забота.

– Нет, я…

– Пайп, уймись хоть ненадолго, – вздохнул Пинкус. – Иди поспи. Давай начнем волноваться об этом дерьмище, когда они наконец решат нас в нем искупать.

Бротский полк вошел в Кальзир в тот самый день, на который выпало большое празднество всех четырех религий, вышедших из Святых Земель. Чистой воды совпадение – календари дарили такие раз в пятьдесят шесть лет.

Щеки жалили ледяные снежинки. В Кальзире, славившемся суровыми морозами, царила зима. Вокруг, на сколько хватало глаз, расстилалась голая заснеженная равнина, и на ней – ни одного рвущегося в бой кальзирца. Хваленая кальзирская оборона оказалась сплошной выдумкой. Несмотря на праман, жестоко каравших предателей, каждый встреченный ими мелкий кальзирский князек или воевода готов был присягнуть на

верность кому угодно, многие даже соглашались сменить веру в обмен на свое имущество.

– Если на юге дела у нас пойдут неважно, они мигом поменяют все как было, – усмехнулся Горт.

На юг идти оставалось всего ничего. В восьмидесяти милях от Патени-Персуса уже начиналось морское побережье.

– А ты заметил, – кивнул Элс, – что мы встречаем по пути не так уж много народу?

– Ага. И вряд ли все укрылись в холмах. Скорее всего, местные сбежали в Аль-Хазен. Надеются, волшебники их защитят.

– Может, и защитят.

Элс охотно принимал клятвы верности у врагов, брал пленных и конфисковал продовольствие. Он никуда не торопился, а Грейд Дрокер его не торопил. Волшебник тоже хотел побольше разузнать о неприятеле.

Тейджу было интересно, чем занимаются другие участники священного похода. Император, по всей видимости, всерьез взялся за восточный Кальзир.

– Черная ворона еще с нами? – спросил Элс.

Он имел в виду Дрокера. Войско Братства, состоявшее из четырех сотен солдат, двигалось по дороге следом за бротским полком. Но главнокомандующий всех патриарших сил, Дрокер, предпочитал оставаться рядом с Тейджем.

– Все надеюсь, что он отстанет, но не тут-то было. Каждый раз как оглянусь – нате, пожалуйста, ворона со своей стаей. Надо отдать мерзавцу должное – упорства ему не занимать.

Элс мысленно согласился. Он радовался про себя, что в войсках патриарха был только один Дрокер.

– Думаешь, он прозорливец?

– Кто-кто? Пайп, я простой деревенский парень, так что ты слова выбирай попроще.

– Видит будущее.

– В смысле – как гадалки?

– Именно.

– Не знаю. А что?

– Может, он поэтому и держится к нам поближе: увидел, что мы скоро вляпаемся в неприятности, и хочет быть здесь, когда это произойдет.

– Вот зараза! Пайп, ты меня пугаешь. Что ж ты все время только о плохом думаешь, подумай о хорошем. Представь, к примеру, что нам повезет награбить побольше золота, купим шикарный дом, назовем шлюх.

– У меня уже есть женщина.

– Вот вечно ты все испортишь, дал бы хоть помечтать.

– Может, ты и прав. Я иногда становлюсь страшно практичным и въедливым занудой.

– Иногда, ага, – съязвил Горт.

– Воспитание такое.

– У тебя в семье все зануды?

– В основном.

В школе неутомимых отроков не очень-то жаловали веселье.

С точки зрения жителей запада, все прамане были чересчур серьезны.

Разведчики не заметили кальзирских всадников, притаившихся в засаде в заросшей кустарником долине слева от дороги, потому что были слишком самоуверенны, слишком ленивы и им совершенно не хотелось лезть в поля в такой собачий холод. Вот и пришлось за это расплачиваться.

Передовой отряд состоял в основном из молодых кавалеристов из пяти кланов. Они постоянно старались утереть друг другу нос, поэтому не захотели позорить свои семейства перед лицом соперников и не побежали. Враги, которые и сами не были опытными вояками, бросились наутек, как только к чалдарянам подоспела помощь.

Элс расхаживал по окровавленному снегу, когда к нему подковылял Грейд Дрокер.

– Кальзирские конники, – объявил волшебник. – Совсем неопытные. Но обучали и вели их в бой дринджерийские ша-луг.

Элс согласился, но не вслух: Пайперу Хекту такого знать не полагалось.

– Етитская сила! – выругался Горт. – Может, мы еще угадаем, что они ели на завтрак?

«Да, – подумал Элс, – запросто угадаем». Он изо всех сил пытался выглядеть заинтересованным и разузнать у Дрокера все подробности.

Здоровье Дрокера оставляло желать лучшего. Он постоянно кашлял, хотя и не кровью, вопреки опасениям Гледиуса Стьюпо.

Читать лекции волшебник был не расположен, но все же кратко пояснил:

– Классическая засада в духе ша-луг. Атака на неприкрытый фланг. Верховые, вооружены копьями и луками. Но настоящие ша-луг не обратились бы в бегство так поспешно.

– Это полезно знать, – кивнул Элс. – Пинкус, позаботься об убитых и раненых, а мне надо сказать пару слов тем олухам, которые были в разведке.

– Так это Стефанго Бенедокто.

Дрокер ковылял позади Элса. Стефанго Бенедокто, как

выяснилось, приходился сыном двоюродному брату Гонарио Бенедокто и твердо верил, что это родство защитит его от гнева полковника. Так бы и вышло. Элс вполне осознавал свои возможности.

Стефанго убил Дрокер. Молча, на глазах у сотни свидетелей, в том числе других Бенедокто. Когда он произнес заклинание, мозг несчастного вытек через глаза и уши.

– Особому ведомству все равно, кто ваш дядя, – объявил он.

– Вот тебе еще один полезный урок, Пайп, – сказал Пинкус, услышав о происшествии. – Теперь у нас не будет проблем с дисциплиной.

В этот раз никакого сарказма в его голосе не было.

Вскоре Дрокер покинул бротский полк.

– Так он просто ошивался поблизости и ждал, пока кто-нибудь не попадется под руку для всеобщего устрашения, – усмехнулся Горт.

– Видимо, так.

– У него получилось. Даже самые никчемные из наших недоумков начали наконец понимать, что все гораздо серьезнее, чем даже кочерга в заднице.

– Это ненадолго.

– Что ж ты вечно только о хорошем, жизнелюб ты наш?

– А ты вечно мной недоволен.

– У меня работа такая.

Засада оказалась не последней. Но теперь Элс знал, чего ожидать, и подготовился.

Каждую ночь Тейджа терзали мрачные мысли и грызла совесть. По идее, он должен был приложить все усилия, чтобы задержать священный поход. Но ведь бротский полк был лишь малой частью чалдарянского войска. Сейчас в боях участвовали в основном силы императора, и сражения происходили там, где высадились иноземные войска. Союзники же патриарха продвигались к Кальзиру по западному побережью Фиральдии, но пока не добрались даже до Аламеддина. Бротский полк всех опередил, за ним следовали по пятам армия Братства и ополчения разных мелких княжеств. Хаос был здесь в порядке вещей.

Бог знал ответы на все вопросы. Так было всегда. Элсу просто нужно довериться его воле. Все всегда идет по божественному плану.

Тейдж опасался, что из него получился скверный праманин. Нельзя покоряться воле Ночи. Каждый вечер, когда полк устраивался на привал, он снова и снова вглядывался в карты,

изучал отчеты разведчиков и мучительно искал способ нарушить планы Безупречного, не выдав при этом себя.

Быть может, его отправили в Фиральдию как раз за этим – чтобы он попытался, потерпел неудачу и сгинул? А значит, Гордимер…

Но что-то тут не сходится.

Гордимера Элс знал хорошо. Тот вполне мог отправить потенциального соперника на верную смерть. Но Элса Тейджа? Вряд ли он видел в нем настолько серьезную угрозу.

Элс решил выждать. Он будет служить Броту, ведь что может быть лучше для Дринджера, чем ша-луг, оказавшийся в самом сердце вражеских сил?

– Пайп, там дэвы хотят тебя видеть, – сказал появившийся в дверях Пинкус.

– Сказали зачем?

– Нет. Я с ними не приятельствую.

Горт огляделся по сторонам, внимательно присматриваясь к любой подозрительной тени. Жители запада вообще постоянно ко всему подозрительно присматривались.

– Даже не намекнули?

– Нет. Думаю, новости из Аль-Хазена. Отряд разведчиков обнаружил кучку дэвов у дороги, они спорили, разводить ли им костер.

Пинкус в лицах изобразил ссорящихся дэвов:

– «У нас уже задницы отмерзли!» – «А мы дым терпеть не можем!»

Погода с каждым часом становилась все хуже. Сегодня она уже успела несколько раз смениться – от плохой к еще более мерзкой. Ежась на ледяном ветру, Элс вспомнил, как всю прошлую зиму просидел в плену, в тепле и уюте. Морось перешла в настоящий снег. Казалось, там, за белой пеленой, в воздухе роятся сотни призраков.

Чем ближе к Аль-Хазену подходил полк, тем больше оживлялись Орудия Ночи.

В тот день они прошли не больше пяти миль, но Элс не спешил. Толпа плохо обученных солдат, ни разу не участвовавших в сражении, скорее всего, запаникует при малейших признаках опасности. Пока их не нагнал отряд Братства, лучше избегать серьезных столкновений.

Элс распорядился, чтобы через час солдаты устраивали привал.

Он собирался посмотреть на новых дэвов.

31

Андорежцы вдали от дома

Свавар ненавидел свою жизнь, ненавидел Фиральдию, ненавидел громил Окски Рашаки, но больше всего ненавидел Орудий Ночи. Он готов уже был отрешиться от всех земных печалей.

Шагот теперь спал по двадцать часов кряду или даже больше. Хотя и бодрствовал он теперь дольше. Те же самые двадцать часов он мог носиться как угорелый, а потом снова впадал в буквальном смысле непробудный сон.

Единственной искрой во тьме отчаяния служила Свавару мысль о том, что Арленсуль бродит совсем рядом по этим неприглядным чужим холмам. Каждый день он замечал ее краем глаза. Если вдруг разбойники куда-то шли, что случалось довольно редко, она обязательно мелькала где-нибудь в тени на дороге.

Мятежная Похитительница Павших нарочно показывалась ему на глаза. Была ли она ангелом-хранителем или же смертельно опасным врагом? Или всего-навсего орудием? Та Арленсуль, про которую рассказывали северные легенды, думала лишь о мести.

Свавар ей нисколечко не сочувствовал. Она намеревалась заставить его окончательно возненавидеть свое жуткое бессмертие и тем самым превратить в союзника, который поможет в нужный момент.

Асгриммур Гриммсон звезд с неба не хватал, но и он мало-помалу сумел разобраться в происходящем. Император платил разбойникам, почти ничего не требуя взамен, и у него было вдоволь времени обо всем подумать.

Нынешний Свавар, имперский наемник, уже ничем не напоминал того стурлангера Асгриммура Гриммсона, который несколько столетий назад отправился в путь вслед за старшим братом. Андорежец побывал в Обители Ночи и теперь медленно превращался в одно из тех самых созданий, которых так люто ненавидел, – в крошечного птенца в большой стае Орудий Ночи. Так уже случалось миллионы раз, и никто, с кем происходила подобная метаморфоза, обычно ничего не замечал. Свавар переставал быть человеком.

А непокорная дочь Всеотца ему в этом помогала.

Почти никто из смертных не знал, что можно превратиться из

человека в бессмертное создание. Тем, у кого хватало удачи и силы воли, была уготована божественная участь.

Те же, кто знал, обычно недооценивали значимость удачи. Многие великие волшебники всю жизнь пытались достичь бессмертия и в результате гибли. А невежественные варвары вроде Свавара добивались успеха исключительно по собственному неведению. Та самая заклятая голова, которую откопал в Колдовских холмах Шагот, когда-то принадлежала шаману, пытавшемуся превратиться в Орудие Ночи. Но настоящие Орудия Ночи воспользовались этим желанием и обманули его. Все это происходило в далекой древности, когда в мире было гораздо теплее, льды еще не сковывали северные земли, а люди и боги вели себя гораздо простодушнее.

Свавар научился чувствовать присутствие Арленсуль даже лучше, чем присутствие Шагота. Когда изгнанница приближалась к лагерю, он ощущал пустоту, ненависть и отчаяние. Обычно Свавару ни до кого не было дела, и все же ему было интересно: каково это – послушать рассказы о подвигах дочери Серого Странника и рассказать ей про свои собственные.

У Шагота появилась неприятная привычка – мгновенно пробуждаться от мертвого сна. Свавар как раз жарил на костре глупого и не очень проворного зайца, которого вспугнула для него Арленсуль, когда Шагот вдруг вскочил и закричал:

– Что тут, будь я трижды проклят, творится? Что-то не так.

Будто бы и не он перед этим проспал двадцать шесть часов без перерыва. На снег, успевший покрыть все вокруг ровным слоем, стурлангер внимания не обратил.

– Это Окска, мерзавец, – отозвался Свавар. – Не желает выполнять приказы. Сейчас зайчатина будет готова.

Свавар прекрасно знал, что обеспокоил Шагота совсем не Рашаки.

– А? – отозвался брат, озираясь по сторонам. – Он что – больше не караулит перевал?

– Не в этом дело, Грим, – тихо, чтобы не услышали дружки Рашаки, отозвался Свавар. – Пока ты спал, мы получили целых три послания от Вондеры Котербы. Император хочет, чтобы мы встали лагерем неподалеку от Аль-Ситизи и перекрыли дорогу на запад. Вернее, не перекрыли, а просто перехватывали гонцов. Окска говорит, что хочет получить больше денег. Но по мне, так он просто осел безмозглый.

– Он что – не выполняет приказы Котербы и самого императора?

Свавар облегченно вздохнул: брат отвлекся и больше не

заговаривал о том, что, скорее всего, и пробудило его ото сна, – о присутствии Арленсуль.

Шагот мигом умял бóльшую часть своей доли зайчатины, вытер пальцы и заявил:

– Братишка, будешь меня прикрывать.

Он достал страшную голову и выкованный в незапамятные времена меч.

Разбойники, среди которых не было ни одного настоящего солдата, а только жалкий сброд, разинув от изумления рты, смотрели, как Шагот широким шагом подошел к хижине Рашаки и вышиб ногой трухлявую дверь. Внутри он отрубил голову одному из командиров, снес полчерепа у второго, а потом тихим спокойным голосом, каким покупатель на рынке интересуется ценой на мешок репы, сказал Окске:

– Ты не подчинился приказу императора, – и изо всей силы пнул предводителя.

Тот посмотрел на высохшую голову, на окровавленный меч и на Шагота.

– Я думал, они предложат нам больше.

– Император – человек чести и свое слово держит. И от тебя ждет того же. Пора наконец нам найти такого предводителя, который сделает, что следует.

– Ты прав.

– Хорошо. Значит, здравый смысл тебе все же не чужд. Я буду хорошим предводителем, не слишком суровым. Мы с братом скоро уйдем от вас. Братишка, помоги моему новому помощнику встать, мы с ним пожмем друг другу руки.

Рашаки не отличался особым ростом или силой, он стал предводителем лишь потому, что был хитрее и жестче остальных.

– Вы – агенты императора?

– Что-то вроде того, – согласился Шагот и вонзил меч в грудь Рашаки, которого услужливо держал для него Свавар. – Хотя служим мы силе, стоящей неизмеримо выше жалких людских владык.

Окска успел перед смертью разобрать эти слова и поверил в них, потому что видел то, что не видел никто другой.

Уцелевшие помощники бывшего главаря рассказали остальным о смене власти.

Никто не стал спорить со стурлангерами, все понимали: меж ними ходят посланцы Ночи.

Свавар видел: бывшие дружки Рашаки думают точно так же, как думал совсем недавно и сам Рашаки, – надо подыграть безумному иноземцу, а когда его снова одолеет волшебный сон, они с легкостью прикончат сначала его брата, а потом и его

самого.

Шагот, если он вообще о чем-либо думал, полагался на помощь Старейших. А Свавар – на Арленсуль. Она-то была рядом, и братья Гриммсоны были ей нужны.

Шайка покинула лагерь и спустилась с холмов. Но даже тут не переставая шел снег. Снег этот таял и превращался в грязь – словно бы грязь была по сердцу всем богам, малым и великим.

В первую неделю после переворота разбойники шесть раз собирались покуситься на жизнь братьев. Но каждый раз заговорщики гибли, причем самым жутким образом. Из некоторых выпили всю кровь еще до того, как они решились напасть.

В тот день когда погиб Окска Рашаки, в банде было восемьдесят восемь человек не считая нескольких несчастных шлюх и сопливых младенцев. Когда разбойники наконец добрались до места, указанного Вондерой Котербой, их было уже шестьдесят пять. Остальные бежали, прихватив своих женщин и детей.

Два месяца бандиты перехватывали кальзирских гонцов: одиноких всадников и даже небольшие отряды. Пленных отправляли на восток Феррису Ренфрау. Платил он щедро. Такую жизнь едва ли можно было назвать сказкой, но она была вполне сносной. И могла со временем улучшиться.

Вскоре Свавар понял, что вся власть в его руках, а Шагот Выродок, этот неистовый берсерк, лишь его послушное орудие. Каждодневные решения принимал именно Свавар. И справлялся он неплохо: банда не развалилась, никто больше не погиб, и сбежало всего четверо.

Императорские войска вместе с армией Вондеры Котербы захватили восточную треть Кальзира с удивительной и неожиданной для всех легкостью. Прамане изумлялись собственной слабости.

Даже те кальзирцы, которым помогали советники из Люсидии и подкрепления из каифатов, ничего не могли поделать с вышколенной, закованной в тяжелые доспехи пехотой и кавалерией. Люсидийцы бились отважно, но использовали неверную тактику. Йоханнесу Черные Сапоги не было дела до изящных маневров, он шел напролом, захватывая по пути города, села, порты и замки, и обращал на противника внимание, только если тот нападал открыто. А подобные нападения всегда заканчивались для праман разгромом: сначала их удерживали имперские копейщики, потом на них обрушивались тысячи стрел. Когда враг бежал, его добивала конница.

Восточное и южное побережья блокировали боевые корабли

из Датеона и Апариона. Фиральдийский сапог тяжело опустился на Кальзир. Немногие прамане бежали на запад, чтобы присоединиться к тамошним войскам. С теми, кто появлялся на западной дороге, расправлялся Свавар.

Впервые он увидел Йоханнеса Черные Сапоги, когда тот проезжал мимо в окружении своих браунскнехтов, надеясь опередить неповоротливые армии Безупречного.

– Да это же просто гребаный гном какой-то! – выругался Шагот.

Не совсем правда, но почти.

Император был так уверен в победе, что взял в Кальзир всю семью. Правда, дочерей Гриммсоны увидели (да и вообще узнали об их существовании) только позже. Те ехали в закрытой карете, окруженной со всех сторон всадниками-браунскнехтами, хмурыми, вспыльчивыми и весьма грозными.

Императорский наследник, Лотарь, скакал подле отца. Несчастному ребенку не занимать было воли и упорства, вот только этому сильному духу досталось чересчур слабое тело. Мальчик очень старался сделать так, чтобы Йоханнес им гордился.

Когда кортеж скрылся вдали, братьев вызвал Феррис Ренфрау.

– Отличная работа. Вондера Котерба считает, вы достойны награды. Я с ним согласен. Хотите служить нам и дальше?

Он вручил Свавару мешочек монет.

– Мы пойдем с вашим войском, – ответил Шагот. – Нам нужно найти одного человека. На западе. Он должен умереть.

– Все умирают.

– Этот должен умереть скоро. Такова воля богов.

Свавар почувствовал, что Ренфрау знает, кто они такие. Наверняка шпионы ему докладывали.

– Расскажите мне об этом человеке. Быть может, я помогу вам.

– Нам известно только, что он в Кальзире, – отозвался Свавар, отвлекшись немного на проходивших мимо пехотинцев в тяжелых доспехах – таких ему раньше видеть не приходилось. – Но мы уверены, что узнаем его, когда увидим.

Мимо шагал полк патриарха, который принимал участие в боях на востоке. При взгляде на рыцарей из Братства Войны, похожих на черных ворон, Свавару сделалось не по себе. После бротских приключений Братство всегда будет считать их врагами.

Ренфрау задавал все новые вопросы. Свавар знал: он считает их с братом простодушными глупцами. Ну и пусть. Может, они и правда недалекого ума, но всегда полезно, когда тебя

недооценивают.

Когда Ренфрау ушел, Свавар сказал брату:

– Этот тип думает, что знает нашу жертву. И знает, где Убийца сейчас. А еще он думает, что знает, кто мы такие.

– Убийца в армии патриарха?

– Наверное.

– Похоже на правду. В моих снах я вижу нечто подобное. В этот раз мы его прикончим.

Свавар кивнул, хотя его не оставляли сомнения. Всеотец ведь не учитывал в своих планах Арленсуль.

Именно в тот момент можно было наконец рассказать о ней Гриму.

Но Свавар так и не смог.

– Кто хочет, – сказал он разбойникам, раздавая деньги, – может пойти на запад вместе со мной и Гримом. Император не прочь принять нас на службу.

Отправилось с ними лишь около десятка головорезов, которым нечего было терять. Остальные, получив деньги, вернулись в свои холодные пустынные горы.

32

Шиппен и Тоу

Епископ Лекро устроился подле брата Свечки, который смотрел, как солнце клонится к далекой дымчатой синеве гор. Монах сидел прислонясь спиной к миндальному дереву, растущему в небольшой рощице. Эти деревья когда-то завезли на Шиппен праманские захватчики.

Багровый раздувшийся шар сплющивался о горизонт. От него болели глаза.

Залитое причудливыми цветами небо напоминало палитру безумного живописца. Жители Шиппена говорили, что такие закаты бывают здесь из-за северных потухших вулканов.

– Прости, что побеспокоил, – сказал Лекро, – но я хотел, чтоб ты знал. Слухи не врали – король Питер действительно отправится на материк.

– Так пожелал Безупречный?

– Шутишь? После окончания войны он будет бояться Питера не меньше, чем самого императора.

– Так, может, это идея императора?

– Питеру и самому ума не занимать.

Брат Свечка сразу понял, зачем королю ехать в Кальзир.

Во-первых, он закрепится на материке и упрочит свою репутацию в Фиральдии, где его пока не очень хорошо знают. Во-вторых, разместит дружественные Коннеку силы прямо под боком у патриарха – на тот случай, если тот вдруг вздумает устроить еще один священный поход, на этот раз на Коннек. Потратив не очень много средств и потеряв не очень много людей, Питер утроит свои земли и превратит Наваю в самое сильное чалдарянское государство запада.

Свечка не мог не восхищаться королем: ведь Питер явно предвидел эту возможность еще до того, как согласился перевезти коннекские войска и поддержать герцога Тормонда. Может, Тормонд и отдал их в распоряжение патриарха лишь по указке Изабет.

Безупречный оказался в незавидном положении: теперь ему не удастся сдержать те силы, которые так жаждали заполучить в свое распоряжение все бротские патриархи.

Брат Свечка сделался совершенным, но циником и скептиком при этом быть не перестал. Печальная же правда заключалась в следующем: ни один из последних двенадцати бротских

патриархов не выказал ни малейшего уважения к своим обязанностям перед паствой. Да и в политике они, как правило, не были сильны.

– Понятно, чем все это закончится.

– И чем же?

– Ты будешь до конца верен Непорочному?

– Разумеется! Только он имеет законное право…

По напряженному тону и бегающим глазам епископа Свечка понял: агенты Безупречного уже говорили с ним, и он пока не ответил отказом.

– Скорее всего, Непорочный станет последним вискесментским патриархом.

– В каком смысле?

– Все просто. Имеет или не имеет истинный патриарх законные права, сторонников у него осталось мало. А те, кто остался, заключают разного рода сделки, чтобы не пострадать после его смерти. Держу пари: новых выборов в Вискесменте не будет.

И это монаха весьма печалило. У церкви, которую раздирали внутренние противоречия, не оставалось сил на преследование тех, кто сомневался в епископальных постулатах.

– Это так, – понурился Лекро. – Бротские патриархи нас пересидели. Но война была проиграна изначально. Достойному Шестому следовало умолять императора о помощи.

Но согласился ли бы император помочь? Достойный и Воромюнд (или Спайномюнд, или кто тогда правил империей) недолюбливали друг друга.

Достойный отличался мягкотелостью и в историю вошел как Достойный Презрения. Но даже возьмись его поддерживать Братство Войны, никто не смог бы разубедить бротскую чернь, что их не ущемили в правах.

Сгущались сумерки.

– Я вот думаю, – сказал брат Свечка, обращаясь, по всей видимости, к миндальным деревьям, потому что епископ Лекро уже ушел, – твоя церковь стоит на продажности, так почему же ты так удивляешься, когда люди ищут иного пути?

Монах вздохнул и постарался успокоиться. Ищущие свет хорошо знали: продажность свойственна человеческой природе. Что толку осуждать понапрасну? Нужно показать пример, пусть люди узнают, что продажность – зло.

Граф Реймон стоял перед коннекскими командирами и теми, кто прибыл на остров вместе с войсками. На собрании присутствовал и брат Свечка вместе с другими священниками.

– Король Питер регулярно получает донесения от своих платадурских союзников. А у них есть шпионы в Кальзире. Кальзир вот-вот падет, держатся разве что упрямцы в Аль-Хазене. Поэтому местные жители хотят обратиться к чалдарянскому военачальнику, который с уважением отнесется к их вере. То есть к королю Питеру, великому герою Чалдарянской Реконкисты.

Прамане из Платадуры и с терлиагского побережья согласно закивали.

– Послы из нескольких городов провинции, под названием Тоу, вырвались из осады и обратились к Питеру, обещая сдаться. Они не хотят попасть в руки к патриарху.

Брат Свечка едва сдержал ехидное замечание: да уж, если и менять своих привычных тиранов на кого-то другого, то уж точно не на патриарха и его епископальных приспешников.

Послы не обратились к тому же графу Реймону. Коннектенцы были лишь пешками в большой игре, которую вел король Питер.

И результатов в этой игре он добился превосходных. Питер вполне сумел бы справиться с безумствами Безупречного. В королевствах на берегах Родного моря мог при его жизни воцариться мир, если только счастливый случай неожиданно отправил бы патриарха на небеса.

Пребывание на Шиппене помогло графу Гариту повзрослеть: теперь он не кипел постоянно от гнева и не бросался в необдуманные авантюры; можно даже сказать, юный Реймон выучился терпению. Ведь делать на острове было совершенно нечего – лишь ждать.

В Скарлен и Снукко, портовые города Тоу, вошло двадцать два судна, включая небольшие кораблики с Шиппена. Снукко располагался на западе и жил рыболовством, но лодок рыбачьих там почему-то не оказалось. В Скарлен обычно привозили зерно с Шиппена, но и в тамошней гавани не было кораблей. Послы, явившиеся к королю Питеру на Шиппен, утверждали, что отсутствие кораблей не имеет никакого отношения к недавним набегам на Фиральдию. Неудачное стечение обстоятельств, только и всего.

Никто не оказал чалдарянам сопротивления: те, кто хотел сражаться, уже давно уехали в Аль-Хазен и оттуда намеревались сокрушить чалдарян, когда холод, голод и болезни достаточно их измотают.

Единственными трудностями, с которыми столкнулись дирецийцы и коннектенцы, были тяготы долгих и утомительных переходов. Города сдавались один за другим.

Короля ограничивало лишь количество солдат: у него было

недостаточно людей, чтобы оставлять гарнизоны во всех тех землях, жители которых охотно бросались ему в ноги. Он подумывал завербовать кальзирцев, но денег не хватало.

Быстро и споро король Питер и граф Реймон заняли две трети той территории, которую собирался занять Безупречный после падения Аль-Хазена. Войска их продвигались на восток по южному побережью Кальзира, пока не встретились с войсками Ганзеля, марширующими на запад.

Брату Свечке казалось, что все происходит с головокружительной быстротой. Уже к середине зимы свободный Кальзир лишился четырех пятых своей земли, незавоеванными оставались лишь окрестности Аль-Хазена, да еще Аль-Хельта и Аль-Стикла, но эти два портовых города блокировали боевые корабли из Датеона и Апариона. А на севере от Аль-Хазена уже стояла патриаршая армия.

Монаху удалось пробраться на совет, где военачальники обсуждали, как закончить войну. Там он услышал, что Ганзеля порядком разозлил успех предприимчивого короля Питера, который сумел почти без потерь завоевать такие огромные земли.

Что уж говорить о Безупречном.

Аль-Хазен сдаваться, по всей видимости, не собирался. По словам пленников, тамошние командиры искренне верили в свою грядущую победу.

Брат Свечка наблюдал, помогал единоверцам и ничего не говорил. Его не отпускали страшные подозрения: а что, если захватчиков заманивают в искусно расставленную ловушку? И рано или поздно самые преданные слуги ворога покажут свое истинное лицо?

Неожиданно и незаметно для самого себя монах впал в грех уныния. Он быстро понял это, но справиться с собой долго не мог. Свечка боялся. И рядом не было другого совершенного, который помог бы ему преодолеть отчаяние.

Он уже настолько потерял веру в себя и мейсальскую правду, что начал подумывать: а не покончить ли разом со всеми земными печалями?

33

Война Безупречного в Кальзире

Благодаря хлопотам неутомимого Титуса Консента и его помощников бротский полк со всеми возможными удобствами разместился за линией скал. Из лагеря открывался прекрасный вид на Аль-Хазен. Всем, не исключая вьючных животных, было где укрыться от непогоды. Местные крестьяне и лесорубы, которых сочли лишними ртами и не пустили в Аль-Хазен, с радостью рубили для захватчиков дрова и помогали строить хижины. Им надо было как-то кормить свои семьи. Дрова рубили в оливковых, апельсиновых и миндальных рощах тех самых кальзирцев, которые укрылись в городе, радуясь, что избавились от лишних ртов.

За дрова, материалы и информацию чалдаряне расплачивались едой. Провизию в полк возили из Постастати – покинутого жителями рыболовецкого городка на западном побережье Фиральдии, расположенного всего в двадцати милях. Перевозкой занимались в основном кальзирцы. За кражу еды карали весьма жестоко.

Полк все разрастался, но не становился от этого сильнее. Казалось, каждый член коллегии и мало-мальски значимый бротский чиновник хотели присутствовать при падении последней праманской твердыни в Фиральдии.

Элс выбрал себе в качестве наблюдательного пункта небольшой домик на склоне.

Прамане отважно оборонялись и каждый день устраивали вылазки под прикрытием снега или дождя. После нескольких разгромных столкновений находящиеся в подчинении у Элса командиры поняли наконец, что их полковник хоть и выскочка-иноземец, но зато благодаря ему вполне можно уцелеть.

Императорские войска несли большие потери, потому что Ганзель не понимал ша-лугскую тактику.

А в войске патриарха были Грейд Дрокер, опытные члены Братства и Элс Тейдж, которого по-прежнему мучила совесть.

Элс, Пинкус и волшебник сидели в дозорном домике и смотрели на Аль-Хазен. Из-за снегопада город было видно не очень хорошо. Местные жители уверяли чалдарян, что эта зима – худшая на памяти старожилов.

Теперь в подчинении у них было около дюжины епископов, принципатов и высокородных представителей пяти кланов. Сам

вид Грейда Дрокера обычно мигом усмирял непокорных. Безупречный назначил его главнокомандующим кальзирским священным походом, хотя вряд ли король Питер или император послушались бы приказов волшебника.

– Сегодня, видимо, наша очередь, – заметил Дрокер.

– Да, – согласился Элс, – их командиры слишком предсказуемы.

– Предсказуемы?

– С их точки зрения, Пинкус. Пока состав более-менее постоянен, так? Один иноземец на пятнадцать кальзирцев?

– Так говорят. Не могу ж я их построить и посчитать…

– Тихо! – прохрипел Дрокер, которому не очень-то нравились пинкусовы манеры. Горт утверждал, что если кто-нибудь, не дай бог, Дрокера насмешит, тот даже не поймет, что случилось, и мигом схлопочет апоплексический удар. – Посмотрите.

Трясущейся рукой волшебник показывал на окно.

Элс не думал, что Дрокер доживет до конца кампании. С каждым днем ему становилось все хуже, и держался он только благодаря невероятной силе воли.

Градусах в тридцати правее Аль-Хазена поднималась в небо струйка черного сигнального дыма. Их план сработал.

Уже позже Элс выяснил, что же именно произошло. На уловку чалдарян попался неожиданно крупный кальзирский отряд: прамане бросились в погоню за бротскими всадниками и угодили в ловушку, более четырех сотен погибло от летящих с двух сторон стрел, довершила дело пехота. Чалдарянам удалось взять в плен восемьдесят воинов, но ни одного ша-луг или люсидийца. Для праман схватка оказалась настоящей катастрофой.

Элс снова воспользовался этой же тактикой. Противник словно не в состоянии был вообразить, что чалдаряне используют против него его же собственные приемы.

– Патриарх хочет напасть на Аль-Хазен, – сообщил Элсу Дивино Бруглиони. – У него закончились деньги и нечем отдавать долги за голоса, которые он скупил перед выборами. Жалуется, что наши командующие ничего не делают.

– Кто-нибудь напомнил ему, что не он возглавляет войско?

– Безупречный не станет никого слушать. Я сейчас скажу почти ересь, но мы сильно ошиблись, согласившись признать Гонарио Бенедокто патриархом.

Дело происходило на совете в дозорном домике. Теперь Элс и его соратники просиживали здесь денно и нощно. Грейд Дрокер воспринимался уже как привычная часть обстановки. По домику постоянно шастали разнообразные принципаты. Сейчас они

обсуждали, можно ли выстроить возле города склады для продовольствия, а потом возвести форты и обстреливать из них подходы к аль-хазенским воротам.

Грейд Дрокер поглядел на принципата Бруглиони как на безумца.

– Начальничку моему скажите, – предложил Горт.

Под «начальничком» он подразумевал Бронта Донето, который как раз таращился на укрытую снежной пеленой грязно-серую крепостную стену Аль-Хазена с таким видом, будто хотел изничтожить ее одним взглядом. Ему не терпелось поскорее вернуться домой.

– Если патриарх желает взять город штурмом, – как обычно, с хрипами и придыханием проскрежетал Дрокер, – пусть сам тащится сюда и возглавит осаду.

– Аль-Хазен падет, но на это требуется время, – кивнул Горт. – Если патриарху так нужны деньги, снова дайте ему в долг.

Насчет Аль-Хазена Пинкус был совершенно прав. Кольцо смыкалось все плотнее, а в тамошних кладовых оказалось меньше зерна, чем значилось в приходных книгах, потому что чиновники вот уже много лет торговали казенным добром.

Отряды, которые пытались отбить у чалдарян провизию, терпели неудачу. Там, где обосновались епископальные войска, вообще любая праманская вылазка терпела неудачу.

– Раз Безупречному нужны деньги, – согласился волшебник, – пусть действительно одолжится у дэвов. Донето должен его образумить.

– А если не сможет?

– Тогда прекратим обращать внимание на этого тупицу. Мы не обязаны ради Гонарио Бенедокто совершать самоубийство.

Элс подозревал, что Дрокер питает к патриарху личную неприязнь.

Волшебник во время разговора задыхался, и речь его постоянно прерывалась, хотя в последнее время он мог выговаривать без запинки уже довольно длинные фразы.

– Хект, ты слишком ловко устраивал эти свои засады.

– В каком смысле, господин?

– Ты успешно предугадывал действия противника, но скоро он поймет, что необходимо сменить тактику.

– Да, господин, – покорно согласился Элс.

С недавних пор Дрокер со своими хрипами и придыханием стал напоминать ему бывших наставников.

Волшебник решил взяться за его обучение.

– Ты сражался с ними теми же средствами, а преимущество нам обеспечивали кальзирские дэвы.

Которые дорого заплатят, если прамане узнают об их предательстве.

– Но в Аль-Хазене засело три могущественных волшебника, – продолжал Дрокер. – Да еще не забудь о мастерах призраков, явившихся с дринджерийцами. Они не хотят выдавать своего присутствия, но и бесконечные поражения терпеть не будут.

– Еще одна веская причина, по которой не следует идти на штурм. Они могут вызвать Орудий Ночи.

– Начнут они с малых духов.

– Это правда, Дрокер? – спросил Бруглиони. – В Аль-Хазене волшебники?

– Да.

– Почему же коллегии ничего не сообщили?

– Не хотели, чтобы вы разболтали эту новость всей Фиральдии, – напрямик ответил Дрокер. Вполне понятно, за что его недолюбливали в Броте: у мага на лице написано было отвращение к мелочным и себялюбивым церковникам. – Но вы понадобитесь, когда неверные призовут Орудий Ночи.

Для Дрокера имела значение лишь одна война – война с Тиранией Ночи.

– Теперь вам лучше узнать об этом, – сказал Элс Бронту Донето, – потому что именно за вас они возьмутся в первую очередь.

– Мы не будем штурмовать город, – подытожил Дрокер. – Будем ждать. Не стоит понапрасну тратить силы. Пусть у нас останутся опытные солдаты, на будущее.

Обычно прерывистые речи Дрокера вызывали всеобщее нетерпение, но никто не осмеливался его торопить. В конце концов, сейчас Братство было в своей родной стихии – на войне, а мало кто в Братстве мог соперничать свирепостью с Грейдом Дрокером.

– Они считают меня суровым, – признался он Элсу со смехом.

Смех этот вызвал такой страшный приступ кашля, что Тейджу пришлось позвать лекаря. Тот принес кожаный мешочек с растертыми травами, аромат которых волшебнику надлежало вдыхать. Редферн Бехтер помог своему хозяину.

– Я всего лишь мальчик на побегушках, – продолжал тот, справившись с кашлем. – Погоди, вот встретятся они с Ашером Хаггином, Партеном Лорикой, Алином Хемлетом или Бьюго Армьеной. Их боюсь даже я.

– Надеюсь, я сам никогда их не встречу.

– Боишься?

– Конечно. Тут испугался бы любой, кто не состоит в Братстве.

Дрокер вопросительно поднял бровь.

– Простого человека, который заботится лишь о хлебе насущном, страшат люди, настолько преданные идее, – сказал Элс.

Дрокера его слова, похоже, позабавили.

На улице падал не очень густой снег. Погода наконец перестала меняться. Быть может, Кальзир в конце концов покроется огромным слоем льда, как и далекие северные земли?

Элс вздрогнул. Холод просачивался даже в добротное человеческое жилище вроде их дозорного дома. В голове у Тейджа гудело от этих бесконечных сквозняков и разговоров о праманских чародеях. Он встал и подошел к Пинкусу Горту.

– Слушай, Пинкус, я после всей этой трепотни вот что подумал. А что, если кальзирцы нашлют на нас злобных призраков, а мы и не готовы?..

– Усек, Пайп. А как нам готовиться?

– Как и любому, кто живет в тех краях, где Ночь всегда рядом. Надо заткнуть все щели.

«Заткнуть все щели» – так говорили в Дуарнене, но поговорка эта существовала и у других народов. Народная мудрость и здравый смысл утверждали: если заткнуть все щели, в дом не проберется холод, а с ним и создания Ночи.

Заткнуть все щели.

– Пайп, эту нехитрую истину я нашептываю на ушко своим людям с самой первой нашей стоянки.

– Ну, тогда напоминать тебе не надо.

Элс с трудом мог себе представить, что кто-то, очутившись в далеких краях, не следует этой старинной мудрости.

Титус Консент привел к Элсу двух кальзирских дэвов.

– Полковник, – прошептал он, – они рискнули ради нас всем. Возвращаться в Аль-Хазен им нельзя, но там остались их семьи.

– Понимаю. – Элсу хотелось завыть от отчаяния и безысходности: дэвы собирались предать его единоверцев врагам, а ему нужно защитить и вознаградить их. – Устрой показательный трибунал. Обставь все так, будто мы врем, что кальзирские дэвы нам помогают. Пусть их приговорят к повешению, а потом помилуют якобы по просьбе бротских дэвов.

– От этого предложения смердит, как от покойника, но может и сработать.

– Их уже кто-нибудь заметил?

– Нет. Мы постарались сделать так, чтобы они никому не попались на глаза. Говорить они желают только с вами.

– Продолжай в том же духе. Приведи их. А почему только со

мной?

– Волнуются из-за шпионов. Они слышали, что среди высокопоставленных чалдарян затесался праманский агент.

– Не сомневаюсь. Люди – всего лишь люди.

Элс Тейдж старался лишний раз не напоминать дэвам, что служит он не только врагам Аль-Прамы.

По словам дэвских шпионов, положение у осажденных было незавидным. Кольцо еще окончательно не сомкнулось вокруг Аль-Хазена, но в городе уже начали убивать вьючных животных. Боевых коней пока не трогали, но кормить их было нечем. Зерна в городских амбарах не осталось. И хотя виновных в этом чиновников казнили, легче от этого никому не стало.

Больше всего страдали простые жители Аль-Хазена, не разделявшие всеобщего религиозного рвения. Дэвы рассказывали Элсу страшные истории до тех пор, пока он не начал вопросительно коситься на Титуса.

– Терпение, – заявил тот, – как вы сами всегда нам говорите.

– Надеюсь, мое терпение все-таки вознаградится и я услышу что-нибудь полезное.

Двое дэвов были пожилой супружеской четой и служили во дворце мафти аль-Арая эль-Арака, в котором теперь расположились иноземные командиры.

– Они занимались счетами, – пояснил Консент.

– Твои друзья-товарищи.

– И могли находиться поблизости во время важных совещаний.

У стариков-дэвов из Аль-Хазена терпения было не больше, чем у Элса. Они смертельно устали и хотели лишь одного – поспать, хотя и волновались за оставшихся в городе детей и внуков.

Элс старался лишний раз не думать о том, почему же эти дэвы решили отдаться на милость неизвестных им чалдарян, а не праман, которых хорошо знали.

Главной новостью, которую они принесли, было известие о волшебниках. Те собирались в скором времени проявить себя.

После разговора с дэвами Элс никак не мог отделаться от мысли, что пропустил что-то очень важное.

– Титус, – недовольно рявкнул он, – что я упустил? Хватило бы короткой записки от тебя, зачем мне было все это выслушивать?

– Я хотел, чтобы вы своими глазами увидели, какие бедствия обрушились на дэвов, – отозвался Консент. – Наверное, у меня ничего не вышло.

Элс оглянулся на Гледиуса Стьюпо, но тот лишь пожал

плечами.

– Молодые учатся только на своих ошибках, – сказал гном. – Но думаю, эти старики все же нам помогут.

– Каким образом?

– Они служили во дворце и хорошо знают город.

– Понимаю. Ты прав. Просто я стал раздражительным.

– Неудивительно, тебе ведь приходится изо дня в день иметь дело с Грейдом Дрокером.

– Ты даже не представляешь, каково это.

Еще час после этого они с Титусом обсуждали обеспечение лагеря. Хуже всего было то, что остальные патриаршие подразделения решили, что теперь могут ничего не делать и целиком положиться на бротский полк.

Первые создания Ночи, посланные из Кальзира, действовали едва заметно. Волшебники Аль-Хазена еще не хотели выдавать свое присутствие.

В бротском полку с ними пытались справиться так, как справлялись люди испокон веков, – с помощью оберегов, заклинаний и заткнутых щелей.

Императорские войска подошли еще ближе к городу и стояли на холмах на юге и востоке. Король Питер вперед пока не рвался – не хотел мучить своих солдат в такую непогоду.

На очередном совете Элс, Грейд Дрокер, несколько принципатов и командиры ополчений разных епископальных государств обсуждали, можно ли пробраться в Аль-Хазен через канал для сточных вод. Его совсем недавно обнаружили члены коллегии с помощью точно таких же мелких духов, каких использовали для разведки и прамане.

– Они точно не знают о существовании этой системы стоков? – спросил Элс.

– Даже твои дэвские пленники о ней не знали, – откликнулся Бронт Донето. – Ее построили еще в древности, когда Кассина считалась одним из важнейших городов в Древней Империи.

– Пайп, прощеньица просим, – встрял неожиданно возникший на пороге Пинкус. – Полковник, принципат, мы только что узнали: прамане собрали в Аль-Хазене всех иноверцев.

Элс переглянулся с Донето.

– Неужели догадались, что дэвы помогают нам?

– Как раз дэвы и сообщили об этом, – пояснил Пинкус.

– Кого-нибудь казнили? Они… Прости, Пинкус, я знаю: пока рот не закроешь, новости не узнаешь.

– Ну, ты, может, и узнаешь. Ты ж у нас весь такой особенный. Но новостей-то больше никаких и нет. Никто не знает, что

сделают с пленниками. В городе стычки.

– Плохо, что мы заранее не спланировали атаку через сточный канал, – вздохнул Донето. – Можно было бы ударить прямо сейчас, пока все внимание обращено на другое.

Позволят ли жители Кальзира покарать своих же соседей-иноверцев?

Вполне возможно, позволят.

– Интересно, – вмешался Грейд Дрокер. – Но какое это имеет отношение к нам? Давайте займемся насущными делами. Смогут наши солдаты проникнуть внутрь и открыть ворота или прикончить праманских главнокомандующих?

– Пусть дэвы, и наши и кальзирские, все разузнают, – велел Элс Пинкусу, а потом обратился к остальным: – Возможно, тут что-то затевается. Где этот канал выходит на поверхность?

Дэвы из Аль-Хазена принесли им отличные карты – настолько подробные, что у некоторых зданий даже были прорисованы ступеньки на крыльце.

– Точно не знаю, – отозвался Горт.

– Вы уверены, что прамане не знают об этом канале? – спросил Дрокер Бронта Донето и Дивино Бруглиони. – Я бы на их месте устроил там ловушку.

Волшебник еще больше ослаб и теперь передвигался только на носилках, зато при этом стал почти нормально разговаривать. Элс думал, что до весны Дрокеру не дотянуть, и сам не знал, печалит его это или радует. Волшебник сделался его покровителем, а с помощью такого человека можно подобраться к самому Гонарио Бенедокто.

Почему в Аль-Хазене арестовали всех иноверцев, стало ясно почти сразу же: бóльшую часть просто-напросто выставили из города, чтобы избавиться от лишних ртов и свалить эту обязанность на осаждающих. Вместе с иноверцами выгнали преступников, проституток и тех стариков, за которых некому было вступиться.

Вскоре после этого дринджерийцы и люсидийцы начали выгонять и молодых, способных сражаться праман – тех, в чьей преданности сомневались.

Дозорные Элса окружили сбившихся в небольшие группки озлобленных изгнанников и предложили расквитаться с обидчиками.

– Осторожнее, Хект, – предупредил Грейд Дрокер. – Такое случалось в Святых Землях. Среди этих беженцев наверняка есть вражеские шпионы.

– Я запомню.

– Нет, я не забыл о своем обещании, – ответил Элс Рогозу Саягу.

Они бродили в темноте между дозорным домом и лагерем.

– Я спросил лишь потому, что, по словам Сольни, дону становится все хуже.

– Эта обязанность лежит на мне тяжким грузом. Обязанность есть обязанность.

– Но.

– Вот именно.

– Понимаю. Ты теперь чуть ли не самая важная персона в этом священном походе.

– Не знаю. Я родился не в том месте и не в то время. Несомненно, будь я законченным мерзавцем, способным убить собственного отца и продать сестер в бордель…

Один из древнебротских героев поступил именно таким образом.

– Жители Брота не особенно отличаются от других людей, – зло усмехнулся Рогоз. – Просто известными становятся как раз те, кто совершает самые мерзкие мерзости.

– Видимо.

– Я просто спрашиваю. Дон умирает.

– Кого из Бруглиони дон уважает больше прочих, как думаешь?

– Принципата. Дивино был почти так же близок к Драко, как и Фрейдо.

– Логично. Но сейчас мы на войне.

А значит, потеря важного члена коллегии сыграет на руку врагам Брота.

– Ясно. Я просто проверял, помнишь ли ты про моего отца и дона.

– Не волнуйся. Об их щедрости я не забуду.

Их окликнул часовой, и Элс прокричал в ответ отзыв.

– Эгей! Пайп, ты ли это, старый проныра?

– Привет тебе, Бо Бьогна. Бо, это капитан Саяг из клана Арньена. Бо был вместе со мной и капитаном Гортом в Коннеке. Мы все вместе потащились туда вслед за Грейдом Дрокером. Бо – хороший парень, я даже слыхал, из него временами получается неплохой солдат.

Бо успел возмужать с момента их последней встречи.

– Спасибо, Пайп. В смысле полковник.

Элс уже было собирался вернуться в уютный домик, где раньше располагалась виноградная давильня, а теперь Поло обустроил отличное жилье, но тут на него налетел Бронт Донето

с несколькими членами коллегии.

– Принципат, я помню, что премного вам обязан и что вы рьяно отстаиваете интересы нашей веры, но прямо сейчас ничем вам помочь не смогу. Я страшно устал, и мне срочно нужно поспать.

– Прости, – отозвался Донето. – Тут выяснялись новые важные факты. Мы разглядели все лишь час назад. Быть может, здесь и сейчас действуют иные силы – речь идет уже не об извечном противостоянии двух религий.

Элс с трудом сдержался, чтобы не назвать принципата мешком с верблюжьим навозом.

– Вы изъясняетесь чересчур расплывчато.

– Если говорить все как есть, Хект, то на востоке, рядом с императорским лагерем или прямо в нем, скрывается некая могучая сущность. Вполне возможно, это зрелое и самостоятельное Орудие Ночи, и оно живо интересуется нынешними событиями.

– Принципат, я туго соображаю и не понимаю, что вы имеете в виду.

– Помнишь то создание в Оунвидийской теснине? Тогда мы спаслись только потому, что ты вовремя сообразил разбудить меня.

– И что?

– Так вот, сила, притаившаяся поблизости, возможно даже в лагере императора… По сравнению с ней тот богон покажется ручным хорьком.

Элс удивленно уставился на Донето, спрашивая себя, не сошел ли тот с ума?

– В такие времена, полковник, – продолжал Бронт, – проверяется на прочность вера самых преданных последователей господа нашего. То создание примитивные народы сочли бы божеством.

Элс кивнул, пожал плечами и отчего-то поежился.

– И зачем вы говорите мне об этом?

– Затем что, нравится тебе это или нет, нам придется иметь дело с этой сущностью. Тебе и мне. Если она действительно проявляет интерес к этой войне.

Элс помолчал несколько мгновений, отчаянно надеясь, что эта несуразица как-нибудь разъяснится.

– Допустим, вы правы. Почему это жуткое отродье явилось сюда? Если оно не имеет отношения ни к праманам, ни к чалдарянам, какое ему дело до нашей войны?

– Это ты у него спроси. Его появление подтверждает, что оживились Орудия Ночи.

– Наверное, мне стоит радоваться, что я этого не чувствую.

– Многие беспечно живут, не ведая о Ночи, пока Ночь не расправится с ними.

– Как тогда в Оунвидийской теснине.

– Да, как тогда. Я до сих пор не знаю, что тогда случилось. Ни один из моих врагов не пошел бы на такое. Гораздо проще было прикончить меня в императорской тюрьме.

– Может, вы насолили самому ворогу?

– Едва ли. Того богона пробудил человек.

– Что это за шум? – спросил Элс, хотя уже догадался, что этот шум мог означать лишь переполох, вызванный неожиданным нападением.

– Не может быть… – прошептал побледневший Донето. – Если бы они послали войска, мы узнали бы загодя.

Праманские волшебники напали на Братство. А значит, в их разведке зияли дыры, во всех смыслах этого слова, ведь вовсе не Братство представляло для Аль-Хазена самую большую угрозу.

Когда прибежал Элс, все уже закончилось. Выяснилось, что принципаты только что отогнали какую-то нечисть, наподобие того богона из леса Эсфири. Она успела ранить троих братьев, но никого не убила. Явно не на такой исход рассчитывали волшебники Аль-Хазена.

Тейдж заметил на месте происшествия нескольких высокопоставленных дэвов. Случайно ли первый удар обрушился именно на тех, кто причинил дэвам столько несчастий? А ведь именно дэвы определяли, какая именно правда станет известна обеим сторонам.

Враг ударил снова, прицельно, стараясь посеять ужас в рядах чалдарян.

– Вы об этом создании меня предупреждали? – спросил Элс у Донето.

– Нет, то был не очень сильный богон, притом нездешний.

– Нездешний?

– Видимо, его привезли с собой иноземные прамане, в Кальзире такие больше не встречаются.

– Так что это было? Отвлекающий маневр?

– Отвлекающий маневр?

– Что происходит на самом деле, пока мы смотрим красочное представление?

Именно в этом и заключалась классическая ша-лугская тактика: здесь устрой фейерверк и отвлеки внимание, а там ударь.

– Правильно мыслишь, Хект. Я все проверю. А ты пока

пригляди за войсками.

За бротским полком не нужно было особенно приглядывать: солдаты хоть и перепугались, но о дисциплине не забыли. Полк расквартировался в самом центре, и его, словно живым щитом, прикрывали от нападения другие патриаршие отряды.

И все равно страх терзал всех до самого утра.

– Прошлой ночью прамане потерпели неудачу, – заявил Грейд Дрокер; никто больше не называл врагов кальзирцами, ведь вовсе не с ними они теперь сражались. – Ночь покорилась нашей воле, а не их.

Оказывается, волшебники послали злобных мелких демонов остановить сердца патриарших главнокомандующих, но смертоносные порождения Ночи развеяли принципаты, которые были наготове и ждали удара. Самые сообразительные, вроде Бронта Донето, сумели обратить нечисть против самих праман.

Солдат по долгу службы зачастую или чего-то ждет, или марширует куда-нибудь, где ему предстоит опять же ждать. А во время осады ждать нужно бесконечно долго. Элс начал терять терпение, но он хорошо помнил: нетерпение – мать глупости.

– Пайп, ты знаешь, сколько народу погибло вчера ночью? – спросил Горт.

– Пока нет. По-моему, никто. Или я ошибаюсь?

– Точно не знаю. Несколько человек говорили, что кто-то погиб, но, видимо, просто некоторые перепили вина, а у страха глаза велики. А еще тот парень – глава отряда Арньена. Саяг. Дружок твой?

– Не совсем. Мы вместе служили. Я видел его прошлой ночью. А в чем дело?

– Точно не знаю. И он тоже. Сказал, кто-то хотел на него напасть. Но с чего бы?

Да, с чего бы? Разве только Дивино Бруглиони каким-то образом узнал, что замышляет против него клан Арньена.

– Не знаю, Пинкус. Мы с тобой живем в непредсказуемом, мрачном и холодном мире.

– Холодном, это точно. И с каждым годом становится все холоднее. Не только здесь – повсюду. Дома тебя ничего хорошего не ждет. Тамошние края покроются льдом еще на нашем с тобой веку.

– Весь мир покроется льдом, Пинкус. На нашем с тобой веку. Если верить хотя бы половине слухов.

Немного спустя Элс рассматривал из дозорного дома покрытые снегом поля, крепостные стены и башни Аль-Хазена. Утром они показались ему еще мрачнее. Там укрылись его

соотечественники, но сочувствия к ним Тейдж не испытывал, как, впрочем, видимо, и они к нему.

Покроется ли весь мир льдом? Или же Кладези Ихрейна начнут извергать больше энергии, как уже, возможно, случалось и раньше?

Следующей ночью все повторилось, хотя в этот раз справиться с праманами удалось быстрее: Бронт Донето и его соратники отразили атаки с еще большим рвением.

Пока нападали лишь аль-Сейхан и Старкден. Неужели они думали, что осаждающие до сих пор не знают про третьего чародея?

На третью ночь напали уже на войска императора.

Горт подошел к Элсу, когда вокруг не было ни членов Братства, ни принципатов, ни Поло, ни дэвов – вообще никого из тех, кто обычно шмыгал поблизости и усложнял им жизнь.

– Пайп, тебя это дерьмо с ума не сводит? Я за последние три ночи дошла до грани. Эти гады… Думаешь, великим полководцам прошлого тоже приходилось каждый день терпеть подобную дрянь?

– Героические истории о прошлом потому так приятно слушать, что там обычно ничего не говорится о мелочности, жадности, злобе и подковерных играх.

– Ну да. К чертям это все! Ты, наверное, прав. Люди – всегда люди. То есть в основном мерзавцы. Только я не об этом дерьме хотел с тобой поговорить.

– О чем же тогда?

– Да. Тут постоянно что-то затевается. Но обычно это что-то не идет дальше поганых мыслишек тех недоумков, которые слышат только то, что хотят услышать.

– Пинкус, я замерз.

– Я вот к чему веду: мне в некотором роде хотелось бы уточнить, что ты собираешься делать. Не хочется попасть под раздачу только потому, что я не знаю плана.

– Ты что – перепил здешнего перебродившего пойла? – осведомился Элс, хлопая Горта по плечу.

– Что-что, Пайп, а пойло неверные как раз делать умеют. Им вроде нельзя пить то, от чего у порядочных людей настроение улучшается. Бог ихний, наверное, тот еще занудный сукин сын. Но при этом вино у них приличное.

– Так ты перепробовал ви`на?

– А, без разницы. Скажи-ка лучше, что мы собираемся делать?

– Пинкус, что ты такое бормочешь?

– А ты будто не понимаешь?

– Совершенно верно. Ты меня совсем запутал.

Горт пару раз открыл рот, что-то промямлил, а потом сумел выговорить уже отчетливо:

– Ты не понимаешь, что стал тут самой важной шишкой? Сразу после Грейда Дрокера. Который долго не протянет.

– Все равно не пойму, к чему ты клонишь.

– Ладно, слушай. Сколько в патриаршей армии человек – одиннадцать тысяч, двенадцать?

– Двенадцать тысяч и две сотни, – хмыкнув, отозвался Элс. – И еще сколько-то. Из них тысяч восемь в состоянии сражаться. – (В лагере к тому моменту было много больных, хотя в Аль-Хазене дела обстояли еще хуже.) – Так к чему ты клонишь?

– Ты замечал, что на советах к тебе прислушиваются даже уроды вроде графа Юдича ва Джейсо?

Нет, этого Элс не замечал, зато замечал, что даже принципаты и самые родовитые дворяне считаются с Грейдом Дрокером.

– Нет.

– Пресвятая грыжа пресвятого Эйса! Пайп, ты такой умный, когда дело доходит до всякого дерьма, а про свое положение и не допер. Они видели, как ты делаешь свою работу, Пайп. Кое-кто не особенно рад, но ты здорово управляешь полком и сражаешься, этого нельзя не признать. И они знают: никто из них самих не справился бы и вполовину так хорошо. А еще терпеть не могут, когда свои же указывают им, что делать.

Элс все это видал. И не один раз.

– Я тебе не верю, но понимаю, о чем ты говоришь.

– Можешь не верить. Но у нас неплохо получилось. А им ведь совсем неохота мерзнуть и голодать, да и подыхать неохота по милости какого-нибудь недоумка, который ни черта не смыслит в военном деле…

Элс покачал головой.

– Тут многие думают, – нетерпеливо взмахнул рукой Горт, – что именно ты сможешь всех накормить, обогреть и спасти, если Дрокер откинет копыта.

– Тогда этот разговор совершенно бесполезен. Этот старый мерзавец в ближайшее время никуда не денется.

Хотя сам Элс думал иначе.

– Пайп, только мне не впаривай про все эти «если». Будь ты главнокомандующим, что бы сделал?

Тейдж нахмурился. Неужели Горт настолько глуп, что позволил втянуть себя в какой-то заговор?

– Ты серьезно? Ну разумеется, серьезно. На подобные шутки у тебя ума бы не хватило. Или умело прикидываешься. Что бы я

сделал на месте главнокомандующего? То же, что мы и сейчас делаем, Пинкус. Окопался бы хорошенько, поплотнее сомкнул блокаду и никуда не лез, чтоб по дурости не сыграть в ящик раньше времени. Лучший результат – меньше крови. Как нашей, так и вражеской. Пинкус, чего ты от меня хочешь?

– Пайп, я тебе лапшу на уши не вешаю, говорю все как есть. Думаю, на твою кандидатуру согласились бы все. И по-моему, у Дрокера со здоровьем неважно.

– Пинкус, я тебе все сказал. Передай Донето, что я буду поступать точно так, как Дрокер. Пусть время работает на нас. Это как с виноделием. Хотя я бы еще кое-что сделал, чтобы убедить праман поскорее сдаться.

– Пайп, ты кому угодно мозги запудришь. Ладно, ничего стоящего ты мне так и не сказал.

– Пинкус, что ты еще хочешь услышать – я не знаю.

Горт взвыл и в притворном отчаянии дернул себя за волосы.

– Почему ты не можешь прямо ответить на прямой вопрос?

– Я тебе ответил.

– Держу пари, из Дуарнены тебя выгнали взашей, потому что ты их довел до белого каления.

– Я не понимаю, чего ты хочешь.

Горт вспомнил о своей знаменитой уступчивости и пожал плечами:

– Видимо, твоя взяла. Думал тебя разговорить. Эй! А знаешь, кто тут объявился? Тот грязный маленький палкоглотатель, который угождал епископу Серифсу.

– Оса Стил? – растерявшись от неожиданности, выпалил Элс. – Тот самый мальчишка?

– Мне казалось, его Армандом кличут.

– Да, ты прав. И откуда я только взял это имя – Стил? Так он здесь? Откуда?

– Пристроился к одному типу из коллегии. Такому тихому старому жутику.

Значит, Оса теперь с одним из тех могущественных принципатов, которые умели подчинять себе Орудия. Для таких Обитель Ночи – это прежде всего приключения и азарт, а не смертный ужас, как для всех прочих. Да, Оса – шпион, это ему идеально подходит.

Именно коллегия служила самым мощным бастионом, за которым Безупречный пытался укрыться от властолюбивого Йоханнеса Черные Сапоги. Но преимущество это было весьма незначительным. Феррис Ренфрау наверняка хочет держать коллегию под наблюдением.

– Пинкус, не своди с него глаз. Что-то такое в этом

мальчишке есть.

– Ага. Мы так и будем здесь сидеть или все-таки что-нибудь предпримем?

Снова он за старое!

– Нет, и к этому я приложу все усилия. Если жизнь надоела, я тебе верительную грамоту напишу для Старкден и Масанта аль-Сейхана.

– Да нет, жизнь мне не надоела, просто скучно – сил нет.

– Скучно? Тебе работы мало? Заняться нечем?

– Работы навалом. И не надо новую подкидывать, воздержись уж. Но я человек действия.

– Пинкус, я что-то не припомню, чтоб ты рвался подставиться под клинок.

– Ага. Но если долго сидеть на одном месте, начинается зуд.

– Лучше, когда сидишь на одном месте, чем когда тебя рубят в котлеты.

– Ну, ты так об этом говоришь…

– Все, Пинкус, конец разговору. Давай сойдемся на том, чтобы выбраться отсюда живыми. Да еще с мешком сокровищ. Я лично этого хочу.

– Да, приятель, именно в таком порядке: сначала живыми, потом уже богатыми.

– А после того, как тут все закончится?

– Вернусь в Брот и стану правой рукой Донето. А тебя обласкают в коллегии. Может, даже пожизненно назначат командовать каким-нибудь патриаршим полком. Пайп, мы сумели выбиться в люди. Главное теперь – не облажаться.

– Что верно, то верно.

У Элса даже появился наставник и защитник в лице Дрокера.

– Пайп, ты чего вздыхаешь?

– Потому что мы с тобой хорошие солдаты. А кто потом об этом вспомнит?

Постепенно теплело. Патриаршие солдаты выбрались из укрытий и снова взялись за частокол; строили они его перед самым городом, но так, чтобы до них не долетали стрелы со стен. Элс хотел, чтобы частокол шел и справа, и слева от лагеря. Король Питер, по всей видимости, не собирался близко подходить к Аль-Хазену.

Грейд Дрокер старался не замечать дирецийско-коннекскую армию: они уже выполнили то, что от них требовалось, и при этом успели захапать гораздо больше, чем от них ожидали.

– Будь моя воля, мы бы послали коннектенцев штурмовать Аль-Хазен и избавились бы от них.

Элс не стал ничего на это отвечать. Немного погодя у него состоялся неприятный разговор с Титусом Консентом. Тот наконец начал осознавать свою значимость и непомерно возгордился.

– Я тебе не угрожаю, – сказал ему Тейдж. – Я никому не угрожаю, а вот наш с тобой начальник угрожает. И он терпеть не может дэвов. А еще он жестокий, умный и весьма проницательный. И за тобой наблюдает.

– Ваши военачальники, – оскорбленно отозвался Титус, – жалуются, что мы понапрасну тратим еду и кормим беженцев из Аль-Хазена.

– Не обращай внимания. Те дэвы нам очень помогли.

– Как прикажете, полковник.

– Если тебя что-то не устраивает, сам разбирайся с Братством.

Тут Консенту пришлось уйти, потому что по Элсову душу явилась толпа принципатов.

Дивино Бруглиони отвел Тейджа в сторонку:

– Хект, я давно хочу тебя кое о чем спросить.

– О чем, господин?

– Перед твоим переводом в коллегию Палудан должен был вручить тебе кошель с наградой.

– Да?

Значит, Дивино собирался спросить о кольце.

– Знаешь ли, это я ему отдал и велел тебе передать.

– Благодарю вас. Всегда приятно, когда признают твои заслуги, даже если речь идет лишь о деньгах.

– Все так, но… Как бы тебе сказать… Видимо, надо без обиняков. Ты не находил в том кошеле кольцо? Простое золотое кольцо, потертое, довольно старое. Так, безделушка, но у меня с ней связаны воспоминания. Кольцо досталось мне от деда, а ему – от его деда. Вот уже несколько месяцев не могу его найти. Точно помню, что оно было у меня, когда я складывал для тебя деньги в тот кошель. А потом куда-то пропало.

– Да, там было кольцо. Золотое. А еще несколько иноземных золотых монет. Я их продал одному меняле, он еще сказал, что все уступит своему племяннику – золотых дел мастеру. Что-то они там такое делали для матери патриарха.

– Проклятая тиара! – выругался Дивино Бруглиони. – Я знаю, кто… Как же ты мог? Святые отцы церкви! Как жестока ко мне Фортуна!

– Я в чем-то провинился, ваша милость?

С чего это вдруг принципату поминать языческую богиню удачи?

– Нет. Вот проклятье! Ты же не знал, что кольцо тебе не предназначалось.

– Ваша милость, вы меня совсем сбили с толку.

– Не сомневаюсь. Я немного слукавил: на самом деле это было не просто кольцо. Проще говоря, оно волшебное.

– Ух ты! Как в сказках?

– Нет, не как в сказках. Ты случайно продал его не одному из здешних дэвов?

– Нет, тот меняла был из какого-то другого народа. По-моему, дейншо. Ему лет восемьдесят, не меньше. Пришлось нанимать переводчика, потому что он сам не из Брота.

– Хект, все дейншокины так говорят: якобы они не понимают по-фиральдийски. Им это выгодно. Удивительно, как быстро они начинают лопотать по-нашему, если речь заходит о деньгах.

– Так это действительно было волшебное кольцо?

– Действительно.

– А я не верил, что они существуют, – сказал Элс, а сам подумал: «Интересно, сколько раз Поло рылся в моих вещах?»

– Многие не верят. Городские жители часто и понятия не имеют, что творится в мире за городскими стенами. Узнай они хоть о малой толике того, что скрыто от обычных глаз, – мигом наложили бы в штаны.

– Вы меня пугаете, ваша милость. Так что это было за кольцо?

– Его основная сила в том, что оно делает его владельца незаметным, почти невидимым для Орудий Ночи. Надев его, можно встать посреди стаи волков Ночи, и они не обратят на тебя внимания. Но у волшебства есть и побочный эффект – носитель забывает о кольце и теряет его.

– Так случилось и с вами?

– Именно.

– Простите меня, ваша милость. Теперь понимаю, как могла бы пригодиться такая безделушка. Когда вернемся в Брот, навещу того дейншо, вдруг кольцо не успели переплавить?

– Это вряд ли поможет. Он, скорее всего, уже забыл о нем.

Превосходно: вот оно – готовое оправдание.

– Простите меня.

– Прекрати извиняться. Ничего страшного. Скажи-ка лучше, у нас есть какой-нибудь план или мы так и будем сидеть на месте и морозить себе задницы?

– Скоро должно потеплеть.

– Я про Аль-Хазен. Мы будем что-нибудь предпринимать?

– Нет. По возможности – нет. Время – наше лучшее оружие. Осажденные постепенно слабеют. Каждый день у них новые дезертиры. А будет еще больше, когда в городе узнают, что мы

отпускаем простых солдат по домам, к семьям.

– Не уверен, что это хорошая мысль.

– Этому меня научил двоюродный дед: всегда предоставляй противнику возможность выбраться живым. Если он уверен, что живым ему не выбраться, то станет биться до последнего. А тебе придется это расхлебывать.

К принципату подошел гонец и что-то зашептал ему на ухо.

– Понимаю, – кивнул Бруглиони. – Да, передай, что сейчас буду. – Когда посланец вышел, он обратился к Элсу: – Сюда едет императорская делегация. Их серьезно потрепали праманские волшебники, и они хотят спросить у нас совета. Им надоело не спать по ночам.

Дядюшка Дивино поспешил прочь, а Элс вернулся в свою виноградную давильню. Почему император так плохо подготовился? Ему же помогает Феррис Ренфрау.

Тейдж решил воспользоваться передышкой и немного вздремнуть.

Ему показалось, что он только-только закрыл глаза, а его уже расталкивал Поло.

– Полковник, они уже тут.

– Кто?

– Имперцы. Прямо мимо нас проедут.

Прекрасно. Дрокер решил произвести впечатление и показать им лагерь.

– Давай посмотрим.

Слуга выскочил за порог и вытаращился на дорогу. Элс не торопился выходить, ведь за порогом дул холоднющий ветер, а без помощи Поло ему трудно было залезть в тяжелое зимнее облачение.

За окном послышался топот копыт и звон оружия. Элс решил вообще не выходить. Наверняка с имперцами явился и Феррис Ренфрау, а ему на глаза лишний раз попадаться не стоит.

Тейдж чуть приоткрыл ставень и тут же заметил Ренфрау, а с ним и нескольких браунскнехтов, знакомых еще по Племенце. Тот самый безымянный капитан ехал по правую руку от наследного принца Лотаря.

Лотарь! Значит, молва не врала и Йоханнес действительно взял с собой детей. А Элс не поверил, когда услышал. К чему такой риск? Но вот он, самый хилый Ганзелев отпрыск, едет во главе делегации и изо всех сил старается себя показать.

Элса охватило глубокое разочарование: ведь с ними не было Элспет Идж. Но он тут же спохватился и устыдился своих чувств.

– Поло! Поди-ка сюда!

– Да, полковник?

– Давай в дом. Ты мне нужен.

Элс поплотнее прикрыл ставень, надеясь, что имперцы ничего не заметили.

– Что случилось, полковник? – озабоченно поинтересовался слуга.

Иногда Элсу даже казалось, что ему не все равно.

– Поло… все из-за того кролика… у меня пучит живот… Очень сильно. Позови капитана… Горта. Он… пойдет на совет от нашего полка. Я, похоже… надолго застряну в сортире.

– Господин, вы уверены?

– Поло, – прорычал Элс, – если через… три минуты здесь не будет капитана Горта… я тебя отправлю… Ой! Назначу тебе наряд у перевозчиков. – (Поло уже встречал Просто Джо.) – Иди… Ой-ой! Или тебе очень хочется лопатой помахать?

А лопатой махать там приходилось много, в основном этим занимались поденщики из Кальзира. Но Поло ни о чем таком не знал: по лагерю он не ходил и не интересовался, кто какую работу выполняет.

– Уже бегу, полковник.

Элс стал придумывать, что бы еще ему поручить и куда отослать.

– Что стряслось, Пайп? – спросил Горт уже после того, как удалось избавиться от Поло.

– Ушел? Точно?

– Ага. Давай рассказывай. Мы с тобой из одного котла ели.

– Там прибыла парочка типов из моего темного прошлого. Так вот, я совсем не горю желанием с ними встречаться, пока не удастся хоть как-нибудь поменять внешность.

– Но ты уже успел сильно измениться с тех пор, как мы познакомились.

– Да. Но я, скорее, стал больше похож на себя прежнего, каким был еще до отъезда на юг. Слушай, не хочу ничего объяснять. И так уже наговорил больше, чем следовало. Ступай на совет, старайся не попадаться никому на глаза и ничего не говори, если не спросят. Мое отсутствие вряд ли кто заметит, разве что Дрокер, дядюшка Дивино или принципат Донето. Если что, скажи, я отравился за обедом. Или скажи, что у меня такое бывает, раз уж мы вместе ели.

– Да пожалуйста, – ухмыльнулся Горт. – А кому ты не хочешь попадаться на глаза?

– Тебе этого знать не обязательно.

– Так и думал, что ты это скажешь.

– Сделай милость, – в притворном отчаянии взмолился Элс, – ступай туда и будь глазами и ушами нашего полка.

– Я им устрою представленьице.

– Нет, давай сегодня ты не будешь Пинкусом Гортом, а станешь невидимкой. Может, меня и не хватятся.

– Да уж, такое и в пьяном бреду не привидится. Ладно, Пайп, если кто спросит – у тебя предсмертное свидание с горшком. Буду их умолять, чтоб спасли тебя своими волшебными чарами. Скажу: Поло – отравитель, пусть его сожгут.

– Пинкус!

– Ладно, я спокоен. Задницу твою прикрою. Если тебя хватятся.

– Вот так уже лучше.

Горт ушел.

Элс совершенно не хотел нос к носу столкнуться с теми, кто сидел за одним столом с сэром Эльфордом да Скесом на постоялом дворе в Ранче. А ведь в свите Лотаря были именно они.

Волшебники из Аль-Хазена шпионили за имперским лагерем. Йоханнесу не удалось найти для своей армии сколько-нибудь могущественных колдунов, зато патриаршие войска защищало около двух дюжин членов коллегии. И прибывали все новые – в надежде урвать свой кусочек славы.

Прамане водили близкое знакомство с Орудиями Ночи. Когда их предводители узнали, что император послал в лагерь Безупречного делегацию и просит совета, они сразу поняли, какая прекрасная представилась им возможность.

Солдаты Ганзеля удерживали почти четверть сомкнувшегося вокруг города кольца, и стояли они довольно далеко от стен. Их укрепления не соединялись с укреплениями фиральдийских войск и были значительно хуже. И это притом что изначально силы Ганзеля вместе с наемниками Вондеры Котербы значительно превосходили размерами силы Безупречного. Но Йоханнесу пришлось по пути к Аль-Хазену оставлять в завоеванных городах крупные гарнизоны, особенно в недавно взятых Аль-Хельте и Аль-Стикле.

Но Йоханнес Черные Сапоги не пугал Старкден, Масанта аль-Сейхана и их нечисть, как и действующие на удивление слаженно силы Безупречного V. И успехи короля Наваи тоже их не сломили.

Аль-хазенские волшебники ударили там, где этого никто не ждал.

– Пайп!

Стояла глубокая ночь, и всем порядочным людям полагалось крепко спать.

– Что?

Голос у Горта был взволнованный.

– Плохие вести от имперцев. Пока никаких подробностей, но, похоже, какие-то важные шишки угодили в плен. И с ними Ганзелевы дочки.

– Жалко, что я обычно не сквернословлю, – посетовал Элс, когда до него дошел смысл сказанного. – Откуда известно?

– У нас тут, видать, под каждой лавкой сидит по дэву. Стьюпо мне сообщил. Его люди подслушивали, когда начался переполох среди имперских. Гонцы снуют туда-сюда. Дрокер потребовал у делегации объяснений.

– Но он же не станет вмешиваться в их дела?

– Пока нет.

– Законы вежливости и все такое.

– Братство недолюбливает империю, ведь императоры никогда не желали мириться с этим их фуфлом.

– А империя недолюбливает Братство. Но Дрокер не дурак и не будет без нужды злить Йоханнеса. Если Ганзеля как следует довести, он может и собственного патриарха себе устроить или выписать Непорочного из Вискесмента.

– Как, кстати, твое здоровье?

– Все так же плохо.

– Дрокер нацелился самолично тебя исцелить.

– Я чудесным образом восстану из мертвых сразу после отъезда имперцев.

Элс не стал спрашивать Горта, что было на совете, – ему уже и так доложили. В лагере действительно под каждой лавкой сидело по дэву. Ганзель намеревался, во-первых, сделать так, чтобы в случае сражения больше всего пострадали патриаршие войска, а во-вторых, перехитрить Питера Навайского и отобрать у него завоеванные земли.

– Держи нос по ветру. Что узнаешь – мигом ко мне.

В следующий раз Элса разбудил цокот копыт и бряцание оружия: имперцы уезжали из лагеря. Лица Лотаря и его советников были мрачны.

Спустя еще час в давильню в сопровождении Гледиуса Стьюпо и Титуса Консента ввалился измотанный Пинкус.

– Пайп, нас сделали.

– В смысле?

– В смысле надули тех ребят – Лотаря и его свиту. Никаких гонцов от императора не было.

– Что? – не поверил Элс, протирая глаза.

Где-то в кухне Поло загремел горшками.

– Императорских дочек никто не похищал. Все это обман. Его нарочно подстроили – в Аль-Хазене. Принципатам удалось

выяснить, что Йоханнес и его дочурки сейчас спят сладким сном в замке в пятнадцати милях на юго-восток отсюда. Те гонцы были ненастоящие.

– Сколько прошло времени с отъезда принца? Успеем выслать ему подмогу?

– Уже больше часа. Он сильно спешил. Я послал нескольких всадников, но вряд ли им удастся вовремя его перехватить.

Элс мысленно развернул перед глазами карту, пытаясь понять, где сейчас находится наследный принц и где, скорее всего, ударят прамане.

– Да, ты прав, но им придется отъехать на порядочное расстояние от города. Собери отряд наших отборных ребят. Может, удастся еще отрезать их от Аль-Хазена. Чем занимается Братство и принципаты?

– Принципаты носятся кругами и вопят, – пожал плечами Пинкус.

– Лучше бы попытались защитить Лотаря.

– Логично, да? Но они, бедняжки, слишком заняты – волнуются, кто что потом скажет. А про Братство не знаю.

Консент и Стьюпо скромно молчали.

– Хорошо. Собери отряд, а я поговорю с Дрокером.

– Вам уже лучше? – поинтересовался Титус Консент.

– Нет, но ситуация сложилась отчаянная. Поло, кофе готов?

Запасы кофе они обнаружили в нескольких захваченных кальзирских городах.

Спустя четверть часа Элс, все еще изображавший колики, предстал перед Грейдом Дрокером.

– Дэвы сообщили мне, что нас основательно надули. Не желаете ли кофе?

– Нет, Хект, спасибо. Я не пью кофе. И тебе не следует. Быть может, именно из-за него у тебя и крутит живот. Ты в состоянии работать?

– Сделаю все, что потребуется.

Элс рассказал волшебнику про свои распоряжения.

– Хорошо, – кивнул Дрокер. – Но не спеши. Я уже отправил свой отряд; не дело, если они будут путаться друг у друга под ногами. К тому же у твоих людей нет специального оружия, а мои умеют сражаться там, где бродят Орудия Ночи.

– Вы правы. Об этом я не подумал.

– Я не пытаюсь присвоить ничью славу.

– Понимаю. Согласен.

– Не бойся; возможно, Лотарь не в такой уж и большой опасности. С ним вместе двое братьев из особого ведомства. Неверных ждет сюрприз.

– Приятно слышать.

Интересная будет схватка. С помощью колдующих в лагере принципатов тем двум братьям, возможно, и удастся отбиться от Старкден и Масанта аль-Сейхана. Но и рыцарей ждет сюрприз.

Ведь нападут на них воины ша-луг.

– У вас есть время рассказать мне, что было на совете? – спросил Элс.

– Спроси у Бехтера, он все объяснит. А заодно предоставит гонца, чтобы отозвать отряд.

– Я отправлю своего слугу Поло. Он все сделает. А где сейчас сержант Бехтер?

– Найди капитана Горта, – велел Элс, – и передай ему, что нас опередили. Сейчас высылать отряд для спасения Лотаря не нужно, но пусть он будет наготове. Сделаешь?

Поло истово закивал.

– Вперед.

– Где ты был? – осведомился Грейд Дрокер.

– В уборной, – ответил чистую правду Элс.

– Так долго? Держи. Раствори это в десяти унциях теплой воды. Мне нужно, чтоб ты не на горшке сидел, а делом занимался.

Обеспокоенный Элс взял у волшебника пакетик:

– Я мигом.

Он вышел и специально у всех на виду принял лекарство, а потом вернулся к волшебнику.

– От него колик не будет? А то я уже порядком намучился.

– Возможно, попускаешь ветры. Если ты, конечно, не неизлечимо болен. Садись и устраивайся поудобнее. Эти бабы из коллегии должны сообщить нам, что происходит.

Элс кивнул.

– Господин… – нерешительно начал он, – я заметил, что вы уже гораздо лучше разговариваете. Но здоровье ваше при этом ухудшилось.

– Я тронут твоей заботой, Хект. Но не стоит переживать понапрасну. Я знаю, что делаю, хотя это может и погубить мою бренную плоть.

– Господин, я…

– Хект, это всего лишь смертная оболочка. Я с радостью избавился бы от нее прямо сейчас, если бы смог тем самым заполучить тебя в Братство. Ты еще сам этого не понимаешь, но ты именно тот человек, который сможет провести нашу веру через все уготованные ей горести и храбро водрузить знамя господне у

Кладезей Ихрейна.

– Мой господин… вы… я…

– Все дело в том, что вера твоя не настолько сильна, как твоя способность вдохновлять других и объединять их для достижения важной цели.

– Господин… вы слишком утомились. Не надо. Вы обманываетесь насчет меня. Я всего лишь иноземец, которому улыбнулась удача. На моем месте справился бы и капитан Горт.

– Возможно. – Дрокер действительно выглядел утомленным. – Но подумай над моими словами. Обратись к господу. Послушай собственную совесть.

– Воля господня да пребудет, – отозвался Элс, жалея, что не может прочитать сейчас Дрокеровы мысли.

– Ступай и делай, что задумал. Только от уборной далеко не отходи.

Никто не слышал этого разговора. Элс вышел от волшебника, совершенно не понимая, что происходит. Дрокер явно хитрил.

Надо все хорошенько обдумать.

– Пинкус, как у нас дела? Мы готовы выступать?

Над восточными холмами уже чуть просветлело небо. Совсем скоро те, кто полагается на созданий Ночи, потеряют преимущество.

– Что сказал Дрокер?

– Все равно не поверишь. Помимо всего прочего намекнул, что готов закрыть глаза, если мы все-таки отправимся спасать императорского сынка.

– В каком смысле?

– В таком, что он явно что-то замышляет и думает, что мы поможем осуществлению его планов.

– А ты как думаешь?

– Я собираюсь воспользоваться этой возможностью. Так как у нас дела?

Горт достал подробный план нападения на Аль-Хазен. Проникнуть туда они должны были по тому самому сточному каналу.

– И ты это состряпал за три часа?

– Как бы не так, разрабатывал этот план с тех самых пор, как принципаты обнаружили ту лазейку. На всякий случай.

– Интересно. Я смотрю, у тебя тут куча дэвов задействована. Особенно в резерве.

– Ага. Как думаешь, кто будет биться лучше всех, когда мы туда проберемся?

– Мы?

– Ты, как всегда, не намерен отсиживаться в лагере? – ухмыльнулся Горт.

– Что-то слишком хорошо вы все меня знаете, – отозвался Элс, изучая весьма неплохо составленный план: два запасных отряда должны были прикрывать главные силы и помочь им выбраться, если штурм пойдет наперекосяк. – Остается лишь уточнить: кто из принципатов отправится с нами?

– Бронт Донето. Но ты и так уже догадался.

– Да. Мало того что он твой любимчик, так, кроме него, не отыщется и пары принципатов, которым хватит силенок на подобный поход. Он согласится?

– Даже если Грейд Дрокер ему запретит.

– Значит, что-то замышляет.

– Они все постоянно только этим и занимаются.

– Тогда последний вопрос: кто будет командовать лагерем?

– Я думал оставить за главного того парнишку-дэва – Титуса Консента.

– Никто не станет его терпеть. Во всяком случае, долго. Даже его единоверцы.

– Вот именно. И под ногами путаться в походе не будет.

– Когда выступаем?

– Примерно через час.

– Пойду спрошу Поло, не желает ли он поучаствовать в приключении.

Никакой тяги к приключениям у Поло не обнаружилось, и он с радостью согласился остаться в лагере и присмотреть за Титусом Консентом. Элс усмехнулся, опуская каменную крышку люка, ведущего в водосток, по которому отряд собирался незаметно подобраться к Аль-Хазену. Идти по водостоку было трудно из-за скопившегося там снега.

Впереди шагал Горт, а за ним двадцать шесть человек, включая Элса и Бронта Донето. Принципат чувствовал себя неуютно в окружении такого количества дэвов. Резерв болтался где-то позади: солдаты не могли идти быстро из-за престарелых, но весьма настойчивых членов коллегии. Дивино Бруглиони вообще несли в паланкине.

Горт вывел отряд из водостока и скомандовал привал.

– Нужно дождаться, пока солнце поднимется еще немного, чтобы появились тени.

– Зачем? – спросил Донето.

– Придется перелезть через вон те скалы, нас могут заметить со стены. А тени нас прикроют. Или же можно дождаться темноты, но тогда враг пустит в дело ночных шпионов.

– Понятно. Ты хорошо потрудился, капитан Горт.

«Очень хорошо», – мысленно согласился Элс. Пинкус показал себя с неожиданной стороны. Его бы в отряд особого назначения, – возможно, из него и вышел бы толк.

– Пинкус, из тебя бы вполне получился еще один Адольф Черный.

– Нет уж, лучше сразу перерезать себе глотку и не мучиться.

Разумно.

– Сколько нам еще ждать?

Тейдж надеялся попасть в город раньше плениших принца воинов.

Что потом? Он сделается главным в войске Безупречного? Неплохо бы. У него получится… Но придется больше рисковать. Эти фиральдийцы из Ранча… Нужно изменить внешность, чтобы больше не походить на сэра Эльфорда да Скеса, не вызывая при этом подозрений.

– Пора, – сказал Горт. – По одному. Держитесь в тени под прикрытием скал и не торопитесь, пока у вас под боком стена.

– А что там с дозорными отрядами?

– Наши пока ни одного не заметили. Аль-хазенские начальнички боятся лишний раз выпускать людей из города, чтобы те не сделали ноги.

Кальзирские солдаты по-прежнему постоянно дезертировали.

Отряд собрался у подножия скальной гряды, Горт замыкал. Элс спросил у принципата, что поделывает Братство и как отреагировали на страшные известия император и Феррис Ренфрау.

– Ты явно не очень хорошо понимаешь, как именно мы работаем, – отозвался Донето. – Я не могу просто щелкнуть пальцами, чтобы какой-нибудь демон-всезнайка в тот же миг все мне рассказал. Очень жаль, что не могу. Тот, кто знает все, властвует над миром.

– Так вы ничего не знаете?

– Этого я не говорил. Но прямо сейчас ничего полезного сообщить не могу.

– Так я и думал.

На глазах у Элса Пинкус подстегивал солдат.

Следующее опасное место располагалось в сотне ярдов дальше под стеной.

– Если там караульные, придется ждать темноты, – сказал Горт.

– Там никого нет, – отозвался Бронт Донето.

– Откуда вы знаете, ваша милость?

– Сам посмотри – на стене никого. Нет, я не знаю, куда они

все делись: может, замерзли; может, бьют баклуши; может, ушли на что-нибудь поглазеть.

– Вы уверены? – не унимался Горт.

– На таком расстоянии? Сам погляди, у тебя глаза получше моих.

– Ну, полной уверенности нет. Ладно, идите за мной.

Отряд пробрался через кустарник и мусорные завалы ко входу в ливневый сток. Внутри оказалось холодно и сыро, а еще страшно воняло. Сток со сводчатым потолком был четырех футов в вышину и пяти в ширину. Пол покрывал толстый слой грязи и мусора, который нанесло сюда с городских улиц.

Элс крался вперед, ожидая, что ловушка вот-вот захлопнется. Водосток надежно прятали многолетние заросли, к тому же многие крепости и города брали в прошлом именно таким образом, но Тейдж все равно никак не мог поверить, что ша-луг допустили подобную небрежность.

Кое-где потолок обвалился, но пройти все равно было можно, хоть и с трудом. Из-за большого уклона почти весь мусор вымывало из узких мест, и все равно им пришлось пробираться по туннелю несколько долгих часов.

Элс держался поближе к Бронту Донето и старался не мешать Пинкусу – тот, похоже, прекрасно знал, что делать, и неплохо справлялся.

– Вы как, ваша милость? – прохрипел Тейдж – вонь в водостоке стояла невыносимая.

– Они пока о нас не знают. Но в городе оживление. Темнеет. Скоро я узнаю, что там происходит.

– Вот бы мне вполовину так шустро бегать, – сказал Элс Горту, помогая подвинуть обрушившиеся каменные плиты, – как наш принципат, когда мне стукнет сотня лет.

– А сколько тебе лет, Пайп?

Элс Тейдж точно не знал, сколько ему, а вот Пайпер Хект должен был знать.

– Тридцать три года и шесть дней. Если, конечно, матушка не врала.

– Тогда думай о том, как тебе дотянуть до тридцати трех и семи дней, а не до целой сотни. Постой, ты шутишь? У тебя только что был день рождения, а ты никому ни полслова?

– Какое это имеет значение?

В Дринджере, во всяком случае, не имело. Ша-луг праздновали лишь тот день, когда официально становились полноправными воинами-рабами каифа Аль-Минфета.

– Ну ты даешь, Пайп! Да это как-то не по-людски, в самом деле. Эй! Взгляни-ка.

Перед ними открылось большое помещение, куда выходило с полдюжины водостоков поменьше. Из них только один был достаточно широк, чтобы в него мог пролезть человек.

– Зально, ты тощий, словно крыса, возьми-ка свечку и лезь в тот водосток, – велел Горт одному из солдат. – Похоже, у нас затык. Нужно выяснить, как сюда попадали рабочие.

– Наверху ликование, – заявил Бронт Донето. – Прамане думают, что с помощью Лотаря им удастся переломить ход войны.

– Где его держат? – спросил Элс, который успел досконально изучить все дэвские карты Аль-Хазена.

– Он не в городе. Прамане все еще отступают, отбиваясь от Братства.

– Тогда у нас все гораздо лучше, чем я думал, – обрадовался Горт. – Все их внимание будет приковано к парнишке, и думать они будут лишь о том, как бы половчее им воспользоваться во славу господа.

Даже Донето, казалось, поразило рвение Пинкуса.

– Ну что, все на руку нам? – ухмыльнулся тот. – Но я ведь прав? Принципат, нам позарез требуется выбраться отсюда. Когда ваши ребята нашли этот сток, они сказали, что отсюда есть лаз на поверхность.

Из водостока выскользнул посеревший Зально. Свеча погасла, и ему, по всей видимости, совсем не понравилось ползать в темноте.

– Лаз тянется еще футов на сто вверх, – прохрипел он, – заворачивает влево и дальше мимо больших цистерн для воды. В них есть лестницы. Потом можно выбраться в тупик, им заканчивается внизу под холмом одна длинная улица. По-моему, она идет прямо через центр города.

– Мы туда пролезем? – поинтересовался Горт.

– Я пролез, – отозвался Зально, оглядывая остальных. – Но некоторым не помешает сначала хорошенько намылиться. В то отверстие стекает вся вода с улицы, там около десяти дюймов в высоту и три фута в ширину.

– Ни слова больше, – прервал его Горт. – Я все понял. В цистерны сможем забраться?

– Да, командир.

– Прекрасно. Вперед.

Спустя еще четверть часа Элс выглядывал на улицу из дверной щели «водоемного здания номер пять» (так значилось на картах, которые он выучил наизусть). Сгущались сумерки. Казалось, в Аль-Хазене нет ни души. По мостовой пробежала крыса.

– Господин, подвиньтесь! – проворчал кто-то сзади.

Внутри было тесно – здесь никогда не собиралось много народу, обычно люди лишь приходили за водой и сразу уходили.

Элс выскользнул за дверь следом за Гортом.

– Пинкус, ты знаешь, где мы? Нам просто сказочно везет.

Отряд укрылся в небольшом строении, в котором раньше располагались дэвские ювелиры, писцы и ростовщики.

– Ты просто отлично поработал, Пинкус.

– Но все лавры ты заберешь себе?

– Немного заберу.

– Ну, ты ж у нас начальник, Пайп.

– Что ты собирался делать дальше?

– Я? – ухмыльнулся Горт. – Честно?

– Да.

– Я думал, кто-нибудь, кто за мной увяжется, – ты, к примеру, или еще какой хмырь из коллегии – к этому моменту уже заграбастает бразды правления.

– Клянусь яйцами Эйса, Пинкус, земля никогда еще не рождала такого жалкого и циничного мерзавца, как ты.

– Но я прав?

– Да. Принципат, что там происходит? Сможем мы умыкнуть Лотаря и сделать ноги, заслужив неземную любовь Граальского императора?

– Да. И нет. И да и нет.

– Девушки не любят нерешительных парней, – усмехнулся Горт.

Донето бросил на Горта уничижающий взгляд, словно собираясь свежевать его живьем.

– Если я не прав, беру свои слова назад.

– Мы занимаем выгодное положение, – сказал принципат Элсу. – Они обязательно повезут пленников по этой улице – во дворец. Налетим, схватим Лотаря и кинемся наутек. Я устрою несколько ловушек, чтобы задержать погоню, а мы тем временем доберемся до нашего резерва.

– Весьма соблазнительно, – кивнул Горт.

Элс нахмурился: он по-прежнему разрывался между Элсом Тейджем и Пайпером Хектом.

– Вы узнали, удалось ли Братству их потрепать?

– Нет. Садись и жди. Молча.

Шло время, Элс задремал. Кто-то потряс его за плечо. Он открыл глаза и увидел Брота Донето и Горта.

– Прамане отбились от братьев, – тихо пояснил принципат. – И пленники все еще у них. Скоро они будут здесь. Теперь уже ликования поменьше: воинов сильно изранили. Как и следовало

ожидать, ведь им пришлось иметь дело с рыцарями, собственноручно отобранными Грейдом Дрокером.

– Скольких нам нужно вызволить? – спросил Пинкус.

Донето промолчал.

– Сколько человек было в имперском отряде? – спросил Элс.

Вроде бы тогда мимо давильни проехало около двадцати всадников.

Донето снова промолчал.

– Ваша милость, это что – тайна?

– Не знаю, – отрезал принципат. – Там должно быть семеро пленников. Все ранены.

Понятное дело, браунскнехты не сдались бы без боя.

– Ну, хоть что-то, – обрадовался Элс. – Что еще вы можете сообщить? Вскоре предстоит сражение, и от ваших сведений зависит наша жизнь.

– Лотаря сопровождало девятнадцать всадников, – скривившись, ответил Донето, которому страшно не хотелось сообщать ничего и никому. – Двое слуг, двое священников, двое членов Братства Войны, десять браунскнехтов, кто остальные – загадка. Хотя мы видели их в Племенце.

– Конечно же, Феррис Ренфрау, главный шпион императора. Он крутился под ногами, когда мы готовились.

– Да. Думаю, среди пленников его нет.

Элс подумал, что захватившие Лотаря ша-луг достойны уважения.

– Вам известно еще что-нибудь? Что может пригодиться нам прямо сейчас? – громко спросил Элс, не пытаясь скрыть нетерпение в голосе. – Помните, в случае чего погибнете вместе с нами.

– Они выслали своих лучших людей, – сказал Донето, – чтобы прикрыть отступление отряда. У них Лотарь, священник, который особенно не сопротивлялся, двое полумертвых братьев и несколько браунскнехтов, тоже едва живых. Их не убили только потому, что хотят допросить. Расскажите-ка мне про тот дом – двухэтажный, на той стороне улицы. Я никого там не чувствую.

– Там и не должно быть никого, – подтвердил Элс. – Раньше там был храм и меняльная лавка дейншокинов.

– Хект, ты знаешь все дома в этом городе?

– Только те, про которые рассказывали беженцы.

– Думаю, кому-то надо отправиться туда, а остальные пока побудут здесь. Одни ударят из храма и отвлекут внимание праман, а другие тем временем выскочат отсюда и отобьют Лотаря. Враги не ожидают нападения, думают, что здесь они в безопасности. Будем действовать быстро.

Элсу идея совсем не понравилась, но он не обладал властью Грейда Дрокера и не мог велеть принципату заткнуться и не мешаться под ногами.

– Пинкус, лучше предупреди резерв – пусть будут наготове.

– Пайп, они уже знают. Это их работа.

– Можете точно определить, что в том доме никого нет? – спросил Элс у принципата. – Дейншокины оставили его уже давно, а в городе холодно и идет снег, кто-то мог там укрыться.

– Иди и проверь, – пожал плечами Донето. – Если живой вернешься, значит я прав.

Элс последовал этому совету. В крайнем случае он мог сойти за дринджерийца и скрыться.

Дейншокинский храм не пустовал: там расквартировались солдаты, но сейчас их не было. Элс только-только собирался позвать своих, но в этот самый момент на улице появились окруженные праманами пленники.

– Пинкус, – прошептал Тейдж, – очень надеюсь, что тебе хватит ума с этим справиться.

Конечно же хватит. Следовало волноваться о том, не станет ли мешать принципат Донето.

Прамане ни о чем не подозревали. Да и чего им было бояться – в самом сердце кальзирской твердыни, когда победа, казалось, так близка? Они ехали довольно быстро, нарушив строй и перекидываясь мрачными шутками, какими обмениваются обычно те, кому только что довелось заглянуть в глаза смерти. Впереди скакало около дюжины люсидийцев в характерных шлемах, их истрепанные одежды когда-то явно знавали лучшие дни и носили отличительные знаки кавалерии Индалы аль-Суля Халаладина. Следом тащились пленники, окруженные воинами мафти аль-Арая эль-Арака, а замыкали кавалькаду восьмеро или девятеро ша-луг.

Прямо перед люсидийцами на мостовой взметнулось вверх что-то темное. От накатившей волны зловония Элса чуть не вывернуло. И тут же с той стороны улицы ударил Горт. Кальзирцы и люсидийцы запаниковали. Ша-луг вели себя спокойнее, но Элс все равно устыдился их нерешительности.

Пинкусу без труда удалось отбить пленников.

Многие прамане укрылись в храме, где прятался Элс.

Между отрядом Горта и врагами выросла еще одна зловонная тень.

Элсу бежать было некуда, поэтому он спрятался в темном углу за кучей мусора и поломанного оружия, прикрыл лицо каким-то тряпьем и постарался дышать потише.

Он так давно не слышал родного языка, что не сразу понял, о

чем говорят солдаты.

В каких-то пятнадцати футах расхаживало двадцать разгневанных воинов. Кто-то сквернословил, кто-то в отчаянии швырял что-то о стену, кто-то призывал немедленно ударить по врагу, пусть даже совершенно непонятно, что это за враг, пусть даже все они чудовищно измотаны и едва стоят на ногах.

Элс увидел, как промелькнула чья-то рука: вот она схватила изорванное седло, бросила его на пол. На седло рухнул мужчина. Дышал он с трудом. Его одолевало отчаяние, под которым тлел гнев. Этого солдата только что использовали; возможно, даже предали.

Среди воинов были и люсидийцы, и кальзирцы, и ша-луг. Спустя несколько минут они поспешили обратно на улицу. Но мужчина так и остался сидеть на своем седле, лишь что-то нечленораздельно пробурчал в ответ на выкрики товарищей.

Элс понял, что именно этот человек командовал отрядом. Он был ранен, и идти вслед за остальными ему просто не хватило сил.

Тейдж потихонечку выбрался из укрытия и закрыл раненому командиру рот ладонью, решив по возможности не причинять вреда. А потом задохнулся от удивления.

– Костыль?

Раненый дринджериец смотрел на Элса так, будто увидел перед собой призрака.

– Костыль, это ты?

– Капитан Тейдж? Но вы же погибли. Год назад.

– Надо же, а я и не слыхал. Когда, ты говоришь, это случилось?

– Они говорили, вас прикончил какой-то языческий колдун в тот самый день, как вы попали в Фиральдию.

– Неужели? Интересно. – Он ведь посылал отчеты до тех самых пор, пока полк не выступил из Брота. – И кто же эти загадочные «они»?

– Эр-Рашаль. Он всем сказал, что вы умерли. Гордимер расстроился, но лишь потому, что надеялся еще вас использовать. О вашей смерти он не сожалел.

Начали подтверждаться самые глубокие тайные подозрения Элса.

– Так это наш отряд?

– То, что от него осталось. А еще несколько люсидийцев и кальзирцев, они нам помогали. Капитан, я уверен, нас послали сюда на верную смерть. Нам постоянно поручали только самые опасные задания. Мы теряем людей. Теперь вот Аз не вернулся.

– Никто не должен знать, что я жив. Пока. Третий волшебник,

тот загадочный тип, – это же сам эр-Рашаль, так?

– Э-э-э… Да. Но как вы узнали?

– Ты-то знаешь, а наверняка не должен. Так? Костыль, мы там знаем почти обо всем. У нас есть даже копии списков, по которым кальзирцам выплачивали жалованье.

– Дэвы.

– Им не очень-то по душе пришлось то, как с ними здесь поступили.

– Вы говорите «мы», а с кем вы теперь, капитан?

– Я все еще Элс Тейдж, твой капитан. Мне дали задание, и я играю свою роль. Мне невероятно повезло, но об этом, как я теперь понимаю, в Аль-Кварне так и не узнали.

Элс решил не посвящать Костыля в подробности: чем меньше старик будет знать, тем меньше из него смогут вытянуть.

– Костыль, я понятия не имею, что задумал эр-Рашаль. Он умудрился погубить дринджерийский флот и множество ша-луг в придачу. Здесь ему не победить. Видимо, он совсем не понимает, что происходит. Окажи услугу мне и себе – уноси ноги отсюда, пока тебя не убили по его милости. Беги и передай то, что я сказал, в Аль-Кварн.

По лицу старого солдата было видно, как он страдает. И не только от физической боли.

– Не могу, капитан. Мы дали клятву, все мы, еще когда думали, что сможем остановить этот священный поход.

Элс не спорил. Подобное поведение смахивало на безрассудство, но именно по таким законам и жили ша-луг.

– Его смерть освободит вас от клятвы?

– Да.

– Костыль, – предупредил Элс, положив руку на плечо старому другу, – не нужно нас сегодня преследовать. И не вынуждай нас убивать твоих людей, когда мы вернемся. Я ухожу. Забудь, что ты меня видел.

Тейдж выскочил из храма. Вокруг водоемного здания номер четыре уже началась потасовка, но настоящая битва шла не здесь, а где-то на востоке Аль-Хазена.

Элс сразу понял, что произошло. Браунскнехты взяли приступом ворота, и имперские войска вошли в город. Ни секунды не раздумывая, Элс бросился к водоемному зданию номер два и спустился на дно цистерны.

Почти сразу стало понятно, что убежать ему не удастся. Толпа праман уже проникла через четвертое здание в систему стоков и начала преследовать отряд Горта. Элс затаился, надеясь, что его никто не заметит, и жалея, что на нем столь легко узнаваемая чалдарянская одежда.

34

Час охотников настал

Лишь из-за Арленсуль Свавар все еще не сдался. Сам-то он уже давно готов был распрощаться с этим безумным миром, где люди гибли сотнями из-за религиозных распрей, которые андорежец и понять-то толком не мог.

Шагот никак не облегчал ему жизнь. Когда Грим просыпался, он обязательно привлекал к себе внимание. Хотя, когда императорские войска наконец разбили лагерь на востоке от Аль-Хазена, стало немного полегче. Чалдаряне собирались ждать, пока оставшиеся в живых враги окончательно не обессилеют.

Проснувшись, Шагот обычно пребывал в дурном расположении духа: Старейшие никак не могли найти Убийцу Богов или узнать наконец, кто он такой. В одном они были уверены: он где-то в лагере епископальных союзников императора.

Шагот уже почти ничем не отличался от драугра – ходячего мертвеца из легенд, которые некогда рассказывали в далеких северных краях, нынче покрытых льдами. Свавар использовал брата, чтобы выставить свою разбойничью шайку в выгодном свете сначала перед Вондерой Котербой, а потом и перед императором.

Арленсуль всегда предупреждала Асгриммура о приближении вражеских отрядов. Если Шагот в этот момент бодрствовал, банда нападала, убивала и брала пленных. В конце концов прамане перестали устраивать вылазки, но после наступления темноты начались набеги иного рода.

Слухи не врали: в городе и вправду засели могущественные волшебники. А у императора не было против них действенных средств.

Имперцев заманивали в смертельную ловушку.

Арленсуль внушила эту мысль Свавару, и он, не в силах держать новообретенное знание при себе, рассказал все Шаготу и оставшимся разбойникам.

Один за другим бандиты начали выдумывать уважительные причины и покидать лагерь в поисках лучшей доли. Если так пойдет дальше, скоро от шайки останутся лишь те, кому нечего терять.

Командование имперской армии, как высокопоставленное, так и не очень, взяло андорежцев на заметку. Слишком уж

странно они себя вели и слишком уж хорошо дрались.

Братья раньше никогда не участвовали в осаде, и выжидать им не нравилось. Шагот порывался все бросить и отправиться на поиски Убийцы Богов.

– Сначала нужно выяснить, где он, – увещевал Свавар. – Вот отправимся мы в эти холмы, выследим его, а ты вдруг заснешь, что тогда? В одиночку я не сумею тебя защитить. Эти солдаты не помогут нам его найти, им все равно, но с ними лучше, тут мы не попадем в переплет. Давай подождем, а там, глядишь, и узнаем, где он.

В хижину к Гриммсонам явился гонец от Вондеры Котербы.

– Твой брат спит? – спросил он у Свавара. – Императору может понадобиться ваш особый дар. Похоже, наследный принц угодил в плен к праманам.

– Постараюсь его разбудить, – пообещал Свавар. – Сколько у нас времени?

– Пока мне просто велено вас предупредить.

Но события развивались стремительно. Следующий гонец сообщил, что перед замком, где остановился император со свитой, собирается большой отряд. Братьев там ждали, но Шагот никак не хотел просыпаться.

На пороге хижины появилась Арленсуль, ей пришлось согнуться, иначе она не проходила в дверь.

– Он будет там.

Свавар ей поверил. Поверишь тут, когда богиня говорит тебе то, что так давно не терпелось услышать.

– Грим, просыпайся же. Мы почти у цели. Убийца будет там. Просыпайся. Вставай, пора!

Шагот что-то вяло промычал, шевельнулся. Он услышал брата, но никак не мог поверить. Старейшие ведь ничего ему не сказали.

На место сбора, казалось, явилось все войско. Уже все знали, что делегацию в патриарший лагерь, возглавляемую наследным принцем, ночью захватили прамане. Подробностей никто не рассказывал. Говорили только, что почти весь отряд перебили, а нескольких человек захватили в плен.

По холодной заснеженной долине, освещенной утренним солнцем, двинулась огромная колонна. Путь прокладывали разведчики. Свавара с Шаготом определили в передовой отряд, ведь Ночь их не страшила.

Во главе колонны оказались самые отборные Ганзелевы силы, передвигались они удивительно тихо, но медленно.

– Для тех, из города, это не будет неожиданностью, – сказал

Свавар Шаготу, – мы топаем прямиком в ловушку.

Шагот что-то пробурчал. То, что их ждет западня, было очевидно. Настолько очевидно, что Йоханнесу вообще не следовало соваться в Аль-Хазен.

Но быть может, император знал о чем-то, неведомом другим.

Днем скомандовали привал. Издалека доносились звуки битвы. Это прамане, пленившие принца, отбиваются от преследователей, догадался Свавар. Но кто эти преследователи?

Вернулись разведчики, и Свавару удалось подслушать их доклад.

Наследный принц остался цел и невредим, чего нельзя было сказать об остальных членах отряда. Но Йоханнеса, казалось, судьба Ферриса Ренфрау волновала гораздо больше, чем участь собственного сына. Хотя император знал, что мальчик жив и не ранен.

Он вызвал к себе Свавара и обратился к нему без обиняков:

– Ты понимаешь наше положение, одержимый?

– Понимаю.

Свавар на себе испытал ту самую харизму, которая превращала Йоханнеса Иджа из обыкновенного коротышки, которому посчастливилось забраться на самую вершину, в настоящего властелина. Рядом с Ганзелем люди чувствовали себя так, словно вступили с ним в некий заговор.

– Ты понимаешь, чего они хотят? Надеются, я сунусь в расставленную ловушку.

– Понимаю, – повторил Свавар, – и вы именно так и поступаете.

– Не совсем.

– За этими стенами мощная темная сила. Там безраздельно властвует Тирания Ночи, хоть воины этого, скорее всего, не знают.

– Безраздельно? Вряд ли. Но как бы то ни было, эта сила не ведает о тебе и твоем брате.

Свавар ждал, бесстрастный и неустрашимый. Он чувствовал присутствие Арленсуль. Похитительница Павших вселяла в него уверенность и смелость.

– Я знаю, кто вы. Вы служите Орудиям Ночи и здесь оказались, чтобы выполнить какое-то задание. И оно не имеет отношения к тем, кто засел в Аль-Хазене.

Свавар молчал.

– Если вы мне поможете, я брошу на поиски нужного вам человека все силы империи.

Свавар почувствовал, что Арленсуль предложение нравится.

– Хорошо, мы поможем, но не даром. Мы не станем…

– Йоханнес Идж никогда… Довольно. Мне нужно войти в город. Пока кто-нибудь будет отвлекать темные силы, я сделаю, что должно.

Свавар склонил голову набок, словно прислушиваясь.

Арленсуль поддерживала его.

– Мы сделаем то, что вы просите.

Что бы ни замышляли в Аль-Хазене, какие бы чудовищные силы там ни обитали, Похитительница Павших в их расчеты явно не входила.

На целых полминуты дочь Серого Странника сделалась видимой. Ее узрели имперские солдаты, праманские солдаты, немые камни и деревья. Свавар боялся, что обитатели Небесной Крепости тоже что-то заметят. И Шагот. Но оставалось лишь верить в свою союзницу, ведь за последние несколько месяцев она действительно превратила его в сообщника.

Шагот ничего не заметил.

На Аль-Хазен обрушилась столь могучая сила, что под ее напором разлетелись не только восточные ворота, но и барбикан, и целых пятнадцать ярдов крепостной стены. Под громкие крики императора войска ворвались в город, намереваясь стереть с лица земли всех, кроме наследного принца Лотаря.

Свавар и Шагот первыми вошли в Аль-Хазен. Шагот нес в одной руке голову демона. На них налетел сонм воющих чудовищ, но их тут же отогнала Арленсуль. Нападение повторилось. Свавар проникся уважением к местным волшебникам: да, они действительно вселяли ужас, ему просто повезло оказаться на одной стороне с Похитительницей Павших.

Он легонько подталкивал Шагота, когда нужно было поворачивать. Так они преодолели четверть мили. Странно, но направляли их вовсе не ко дворцу в центре города.

Гриммсоны словно находились внутри невидимой защитной сферы – они сражались, но никто не мог их ранить. Сфера распространялась лишь на них, а вокруг кипела кровавая битва и гибли люди. В Аль-Хазене сделалось темно. Ночь обрушивала на захватчиков поистине жуткие удары. Имперцы держались лишь благодаря помощи одержимых.

Кровь текла рекой, и постепенно Шагот все больше просыпался и приходил в себя, крепла его связь с Небесной Крепостью. А там, догадался Свавар, просыпались и приходили в себя Старейшие.

Под взмахом бронзового меча рухнуло еще трое праман.

– Братишка, что происходит? – спросил Шагот.

– Помогаем Йоханнесу отбить сына у праман. А потом он

бросит все свои силы на поиски нашего человека.

Император как раз бесстрашно гарцевал неподалеку на своем боевом скакуне по кличке Сеча.

Шагот, кажется, засомневался. Но связь с Небесной Крепостью становилась все прочнее.

– Сюда. Он не так давно был здесь. А потом пошел сюда.

«Ого!» – подумал Свавар и оглянулся в поисках Арленсуль. Ее нигде не было видно, но, скорее всего, именно она противостояла потоку тьмы, низвергавшемуся из дворца на холме.

Аль-хазенские солдаты обратились в бегство: их волшебники оказались слабее той силы, что явилась вместе с императором.

– Сюда, – снова сказал Шагот. – Отряд отправился сюда.

– Какой отряд, Грим?

Оказалось, что отряд из войска патриарха подстерег праман, пленивших Лотаря, и отбил у них принца.

Йоханнес впал в бешенство и послал гонцов, чтобы поторопить арьергард своей армии. Сначала он очистит Аль-Хазен от неверных, а уж потом отыщет сына.

Шагот вошел в одиноко стоящее низенькое каменное здание. В окнах не было стекол, зияли пустые дверные проемы.

– Что это такое? – спросил Свавар.

– Колодезный дом. Женщины приходят сюда за водой, – пояснил Шагот, заглядывая в гигантский бак. – Они полезли сюда.

По стенке бака вниз сбегала железная лестница, кто-то совсем недавно спустился по ней, судя по сбитой ржавчине и пятнам крови.

Внизу мелькнуло чье-то лицо. Праманин. Он казался до смерти перепуганным и изумленным. Потом раздался крик, и неизвестный исчез.

Перемахнув через край, Шагот сиганул вниз. Свавар, выругавшись, последовал за ним, но по лестнице. Браунскнехты поначалу отказывались лезть под землю.

В водоемное здание вошел император. Он мигом понял, что случилось, и отдал войскам приказ прочесать западную часть города и найти выход из сточного канала. Внизу одержимые сцепились с арьергардом праманского отряда, который, в свою очередь, преследовал епископальный отряд.

Ганзель вышел на улицу и вскочил в седло. Он окинул взглядом вершину холма и дворец: надо будет послать туда одержимых.

Йоханнес уже готов был взмахнуть поводьями и послать Сечу вперед, но тут из темноты вылетела стрела. Она вонзилась прямо в его раскрытый рот. Наконечник пробил позвоночник и вышел из

шеи.

35

В союзе с Дирецией, холодная весна

Зима выдалась долгой и холодной, но объединенные войска Дирекции, Платадуры и Коннека не ощутили этого на себе. Им почти не пришлось ничего делать – разве что сидеть в тепле и знакомиться с кальзирцами. В сражениях они не участвовали.

Брат Свечка не чувствовал себя на войне. Вместе со свитой короля Питера он жил в замке Аль-Ниджиси, стоявшем на вершине, откуда в ясный день открывался вид на далекие холмы, где раскинулся Аль-Хазен. Питер не собирался ближе подступать к городу. Прамане уже не могли внушить страх противостоящим им силам.

Монах понимал короля. Тот утроил свои земли, ровным счетом ничего не потеряв, а теперь налаживал отношения с иноземными дворянами и людьми вроде самого Свечки, епископа Лекро, Микаэля Кархарта и Тембера Ремака. Поскольку королевской армии не грозила опасность, многие любопытные из Дирекции и Коннека отваживались пересечь зимнее море и заглянуть в Кальзир. Герцог Тормонд с сестрой целый месяц гостили на Шиппене: Изабет провела счастливые дни с мужем, а старый герцог посмотрел на большой мир и поближе познакомился с теми, кто должен был поддержать его в грядущие темные времена. Тормонд поразился тому, как возмужал граф Реймон Гарит.

– К весне мы будем уже дома, – говорил епископ Лекро. – Войне конец. Осталось только дождаться, когда прамане это поймут и сложат оружие.

Если только им на помощь не придут Люсидия с Дринджером.

Брат Свечка сомневался, что прамане ринутся отвоевывать обратно кальзирские земли. Ведь король Питер со своей Реконкистой завоевывал гораздо более богатые и гораздо менее унылые маленькие королевства в Дирекции, а Обитель Мира никак на это не реагировала.

Монах как раз неторопливо завтракал, когда мимо проходил Лекро.

– Похоже, наше ничегонеделание закончилось, – сказал епископ. – Наконец-то в Кальзире что-то происходит.

Голос у священника был такой, что брат Свечка немедля отправился посмотреть, в чем дело.

Пришлось хорошенько поработать локтями – может, и не самое подобающее занятие для совершенного, но на смотровой площадке столпились уже все обитатели замка, которых тоже одолевало любопытство. Приглядевшись, монах увидел вдалеке взмывающий над пожарищем огромный столб черного дыма. Только вот… похож он был даже не на дым, а на сгустившуюся грозу.

– Что это?

– Ночь обезумела и пытается пожрать самое себя. Когда огонь еще не разгорелся, это выглядело даже грандиознее.

Король Питер, граф Реймон и другие военачальники заперлись в высокой башне и с жаром обсуждали происходящее.

Монах почувствовал, что перед ним дурное знамение. Мир вот-вот должен был снова поменяться. И скорее всего, к худшему.

Питер и его подручные послали гонцов выяснить, что происходит, а еще предупредить гарнизоны в разных крепостях о надвигающейся неизвестной беде. Пока никто из вставших лагерем на востоке союзников не спешил слать им вести.

Монах не очень хорошо ощущал присутствие Орудий Ночи, но люди более чувствительные, вроде Микаэля Кархарта, объяснили, что с полей Кальзира начисто исчезли все мелкие духи – их притянули силы, свирепствовавшие сейчас в Аль-Хазене. Никто не знал, что представляют из себя кальзирские волшебники и какая тьма стоит за Граальским императором, но в войсках патриарха точно присутствовали многочисленные члены коллегии.

Время шло. Брат Свечка буквально чувствовал, как покрывается льдом его мир – мир тех, чьи взгляды отличались от взглядов алчущих власти.

– Я чувствую, как на Коннек надвигаются льды, – сказал он Микаэлю Кархарту и Темберу Ремаку.

Они понимали: скоро жизнь станет намного тяжелее для мейсалян, язычников, дэвов, дейншокинов, терлиагских праман и даже тех епископальных чалдарян, кто осмеливался поддерживать вискесментского патриарха.

Но ни один из них не обладал настолько мрачным и унылым воображением, чтобы представить себе все возможные ужасы грядущего.

36

В объятиях Ночи

Скорчившись в три погибели в темноте на дне цистерны под водоемным зданием номер два, Элс чувствовал себя загнанной в угол крысой. Хотя уметь прятаться и отступать ша-луг должны были так же хорошо, как владеть мечом или копьем. Воин-раб обязан сохранить себя, а не отдать жизнь понапрасну, совершая какой-нибудь геройский поступок.

Под землей, в водосточной системе, шла битва не на жизнь, а на смерть. Судя по звукам, на улицах Аль-Хазена тоже. Элс не знал, что именно происходит, но, по всей видимости, имперские войска вошли в город, а Старкден, Масант аль-Сейхан и эр-Рашаль аль-Дулкварнен не смогли их удержать.

Там явно творилось большое волшебство. Амулет, про который Элс успел почти забыть, жег запястье так же сильно, как тогда в Оунвидийской теснине.

С большим трудом верилось, что эр-Рашалю не удалось добиться желаемого. В Дринджере, сколько Элс себя помнил, волшебник всегда воспринимался как нечто богоподобное. Наверное, Рашаль Шельмец и сам сейчас не мог поверить, что все идет не так, как ему хочется.

Больше двадцати пяти лет Элс Тейдж учился хладнокровию, закалялся в сражениях и был уверен, что готов ко всему. И вот теперь, несмотря на все свое хладнокровие и выдержку, закричал, словно перепуганная девчонка.

Поначалу это таинственное и совершенно невообразимое нечто еще не имело никакой формы… потом оно заполнило собой все пространство под водоемным зданием номер два. Оно заглянуло прямо в душу Элсу Тейджу и воспользовалось его скрытыми воспоминаниями. Пугающая сущность сменила несколько личин, одна другой страшнее, пока не превратилась в женщину… Нет, в девочку. В… сестру того самого малыша, которым был когда-то ша-луг Элс Тейдж… Только девочка эта была большой, просто огромной. Такая великанша не пролезла бы в узкое отверстие входа.

Неожиданно странное видение подмигнуло ему и приложило палец к губам. А потом исчезло. Место, где оно находилось лишь мгновение назад, тут же заволокло плотным туманом, поглотившим все вокруг.

Как только разум Элса чуточку прояснился, он поразился: как

же это создание здесь поместилось, ведь оно не смогло бы даже пролезть в огромную цистерну… Амулет больше не жег огнем, теперь он сделался обжигающе ледяным. Значит, оно все еще поблизости. Кольцо принципата Бруглиони, казалось, налилось свинцом.

Что же это за дьявольщина?

Да, без дьявола тут точно не обошлось. То, что видел Элс, не было женщиной. Это громадное могущественное существо не имело ничего общего с родом человеческим, хотя, возможно, именно человеческие страхи и надежды породили его. Наверное, о нем и предупреждал Донето. Такое создание с легкостью отмахнется от любых потуг эр-Рашаля аль-Дулкварнена. Ведь это Орудие Ночи. Быть может, даже богиня, которой поклонялись какие-нибудь не узревшие истинного бога неверные.

И оно предупредило Элса Тейджа и велело ему сидеть тихо?

Целый час Тейдж промучился в своем убежище. Он и без подсказки демона знал, что высовываться пока не стоит: цистерна, в которой он сидел, была сейчас, наверное, самым безопасным местом во всем Аль-Хазене. И сделать он не мог ровным счетом ничего.

За таинственным призраком тянулся длинный шлейф безмолвия, но тишина царила только там, куда упала тень волшебства, – вокруг Элса. Наверху, на улицах, кипела битва, внизу под землей – тоже. Сегодня многие женщины сделаются вдовами. А Элсу Тейджу оставалось лишь безучастно наблюдать: ведь к какой стороне ни примкни – получится предательство.

Наконец он все же решил покинуть свое надежное укрытие и выбрался на шумные улицы Аль-Хазена. Имперские войска все прибывали. Прамане отчаянно сражались без всякой надежды на победу. Волшебники снова подвели их, как, впрочем, уже далеко не в первый раз.

Очень осторожно, стараясь не ввязываться в драки, Элс продвигался вперед. Он успел вызубрить карты Аль-Хазена и без труда нашел тот участок стены, который возвышался как раз над выходом из водостока. Возле бойниц не было ни души, – казалось, все поглощены сражением, развернувшимся на улицах и в подземелье. То странное существо, которое так напугало его недавно, теперь отбивалось от волшебников, хотя и довольно вяло – словно отмахивалось от назойливой мухи.

Элс смотрел на освещенный луной склон холма, мысленно отмечая ориентиры, которые углядел еще на пути сюда. Чалдарянского резерва нигде не было видно. Это хорошо. Иначе он бы в них разочаровался.

По зрелом размышлении Элс удивился, что ему вообще

удалось хоть что-то разглядеть даже при свете луны.

На востоке небо чуть-чуть посветлело. Близился рассвет.

Неужели прошло уже столько времени?

Элс вдруг почувствовал себя таким одиноким и неприкаянным, что чуть было не взмолился своему богу. Благо на стене никого не было и он мог делать все что угодно.

Он принялся бродить между бойницами, размышляя, как бы спуститься со стены. Лезть обратно в жуткое подземелье ему совсем не хотелось.

И удача улыбнулась ему.

В караулке нашелся большой моток веревки. Кто-то специально завязал на ней через равные отрезки узлы, чтобы проще было спускаться, – наверное, какой-то солдат, участвовавший в вылазках или замысливший побег.

Элс опустил веревку вниз, но лезть не торопился. Он по-прежнему наблюдал. В этих событиях роли для него не нашлось. Судьба уберегла.

Его солдаты, не нарушая строя, выбрались на поверхность. Горта Элс увидел сразу – тот шел чуть впереди остальных, подталкивая перед собой принца Лотаря. Интересно, что теперь запоет Бронт Донето? Уж конечно, потребует за наследника выкуп побольше, чем тогда назначил за него самого император.

Теперь видно стало и воинов из резервного отряда. Элс заметил, что некоторым из них не терпится ринуться в бой. Но из укрытия они не высовывались – разглядеть их можно было лишь с высокой точки вроде крепостной стены. Даже если бы кто-нибудь из праман и заметил их отсюда, то не успел бы предупредить о засаде.

Из канала тем временем выбрались праманские преследователи, наступая на пятки отстающим чалдарянам.

Первыми бежали ша-луг и кальзирские королевские телохранители, но почему-то за солдатами бротского полка они не погнались, а, быстро оценив обстановку, устремились в совершенно противоположном направлении.

А потом из водостока появилось нечто, лишь очень отдаленно напоминающее человека. Лицо этого громадного существа было скрыто длинными всклокоченными космами, когда-то светлыми, а теперь отвратительно-грязными; в руке он сжимал ссохшуюся голову, не менее омерзительную, чем его собственная. Издав громкий боевой клич, от которого содрогнулся утренний воздух, он взмахнул бронзовым мечом, зажатым в правой руке. Любому, даже самому несведущему, сразу стало понятно, что меч волшебный. Вокруг клинка рдел явственный ореол, который можно было не увидеть, а скорее почувствовать.

От великана исходила могучая сила, как и от другого, очень похожего на него, который выбрался на поверхность следом. Но Элс все еще не понимал, почему все бросились от них врассыпную.

Наверное, это и были те самые светловолосые чужеземцы, нагнавшие ужас на жителей Брота. Это они убили рыцарей Братства, растерзали сотни кальзирских пиратов и явились в тот дом, когда он оказался в руках у Старкден и Масанта аль-Сейхана. Принципат Донето назвал их одержимыми – живыми мертвецами, слугами Орудий Ночи. Одно из которых только что спасло его, предупредив об опасности.

Последними из подземелья выскочили имперцы. Видно, они очень торопились, но, оказавшись на свету, замерли и начали неуверенно озираться. Прамане уже разбежались. Пинкус Горт и его люди успели укрыться.

Двое одержимых устремились к резервному отряду бротского полка, но вдруг тот, что размахивал бронзовым мечом и иссохшей головой, неожиданно остановился.

Медленно, очень медленно он повернулся и встретился взглядом с Элсом Тейджем. Элс почувствовал, как при виде него иноземец возликовал. Воздев меч и отрубленную голову к небесам, он выкрикнул что-то на незнакомом языке прямо в темную высь.

Из водосточного канала хлынуло облако черного густого тумана. Вот оно уплотнилось, обрело очертания чего-то огромного, зловещего – гарпия из древних мифов, нет, чудовищный богомол. Испуганные браунскнехты последовали примеру праман и бежали.

Создание тем временем приняло уже новую форму, но Элс узнал того самого демона, который так напугал его.

Страшная тень нависла над одержимыми. Вооруженный мечом иноземец, не обращая на нее внимания, кивнул Элсу. Он звал Тейджа.

Зачем?

Чтобы убить. И тем самым уничтожить некое знание, жившее в нем.

Какое знание? Это какая-то нелепица.

Совсем не нелепица; во всяком случае, для одержимого. И для тех, кто его послал. Они не понимают, что если знание уже попало в мир, то это необратимо. Сегодня они узнают.

Элс не слышал голоса в своей голове, – скорее, эти слова просто возникли там, а вместе с ними пришло понимание. Его коснулась сама Ночь.

Гарпия снова обратилась в облако тумана, облако сгустилось

и стало высокой белокурой женщиной. Она стояла прямо перед одержимыми, которые, казалось, не понимали, что происходит.

А вот имперские солдаты понимали и не желали верить своим глазам.

По рядам прокатился ропот. До Элса донеслись обрывки слов. Кто-то говорил об ожившей легенде, кто-то – о древней богине из давно позабытых сказаний.

Женщина приняла боевую стойку.

Элс начал спускаться вниз по стене. Солдаты из разных армий шептались и показывали пальцем. Неужели он принял неверное решение?

«Иди направо и догони свой отряд».

Амулет поочередно то жег, то леденил запястье. Кольцо дядюшки Дивино весило уже, казалось, добрую сотню фунтов. Элс двигался перебежками, от укрытия к укрытию, словно загнанная крыса.

Но одержимые не обратили на него внимания, теперь они были заняты другим.

А вот Пинкус Горт и его солдаты заметили Элсов маневр, и ему навстречу двинулось с полдюжины воинов.

– Спасибо, Пинкус, но тебе не следовало этого делать.

– Риска почти никакого, им сейчас не до нас. – Горт ткнул пальцем в направлении одержимых. – Это Похитительница Павших. Изгнанница. Кто бы поверил в такое?

– Действительно, – тихо согласился Элс, обрадовавшись подсказке. – Думаешь, это Арленсуль?

– Похоже на то, – пожал плечами Горт. – Но мне проверять неохота. Давай-ка отложим разговоры на потом, шевели ногами.

Шевелить ногами было трудно, потому что бротских солдат совершенно захватило жуткое зрелище.

– Ты знаешь, что это за мужик с двумя головами? – поинтересовался Пинкус.

– Нет. Может, это один из тех двоих? Из Брота? А что?

– Он вроде как пытался тебя приманить.

– Неужели? Что тут вообще творится? И что с нашим трофеем?

– С Лотарем-то и свитой его? Принципат отправил их в лагерь.

– Неудивительно.

– Да уж.

– Пока мы тут бьемся с неверными, они уже шантажируют Йоханнеса.

– Политика. А сейчас они что творят?

Элс и Горт заняли удобную позицию и теперь наблюдали за

разворачивавшейся у стен города сценой.

Рядом с Элсом, напротив Пинкуса, устроился Дивино Бруглиони. Одеяние его промокло, порвалось и покрылось грязью. На лице у принципата застыл ужас.

– Орудие, управляющее этими двумя, готово явить себя. Хект, что случилось в городе? Мы тебя потеряли.

Неужели Дивино что-то заподозрил? Вряд ли. Элс пересказал свои злоключения, умолчав о встрече с Костылем и загадочным призраком.

– О боже! – воскликнул вдруг Бруглиони. – Любопытство меня погубит.

– В чем дело?

– Нужно было уходить, а теперь уже поздно. Всем нам нужно было уходить.

Одержимый с мечом словно бы вырос и теперь нависал над женщиной. У той, будто из ниоткуда, появились в руках бронзовый щит и золотое копье.

– Предательница! – проревел одержимый.

– Месть! – воскликнула женщина. – Я отомщу тебе, Всеотец! Всековарный! Пора тебе погибнуть навеки!

– О боже! – продолжал причитать принципат. – Надо было уходить. Какой же я глупец! Они существуют! Все это на самом деле!

– Похоже, становится интересно, – заметил Пинкус.

Одержимый выкрикнул два слова, и они немедля обрели физическую форму – материализовались двумя колыхающимися полотнищами тьмы, которые, в свою очередь, превратились в некое подобие двух сцепившихся стервятников. Каждое создание повторило за одержимым то самое слово. Быть может, то были их имена?

Элс почувствовал, как обрадовалась демоническая женщина.

Черные создания устремились к одержимому.

– Говорят, любая вера истинна, – пробормотал дядюшка Дивино. – Но как же такое возможно?

Вера пошатнулась тогда во всех, кто наблюдал за чудовищной битвой.

– За Геданке! – ответила одержимому Арленсуль.

Тот снова что-то прокричал и ринулся на свою блудную дочь.

Ткань реальности треснула по швам. И начала рваться.

37

Любящий бог, любящий отец

Разум Свавара чудесным образом просветлел, теперь он мыслил ясно, как никогда. Он видел, как спускается по веревке Убийца Богов, но Шагот не замечал никого, кроме Арленсуль. Грим не знал, что Арленсуль была с ними с самого начала. На самом деле сейчас он не был Гримуром Гриммсоном. Он превратился в земное воплощение Серого Странника, явившегося покончить с мятежной дочерью.

Об Убийце Богов он больше не думал.

Старейшие мало чем отличались от своего творения. Как и Шагот, они были неотесанны, грубы и безжалостны. И вдобавок не слишком умны. А к чему тебе ум, если ты бессмертен и всесилен?

Черные вихри вклинились между двумя Орудиями Ночи и закрутились, гоняясь друг за другом. Вскоре клубок стал напоминать некое подобие вращающейся объемной мандалы. Боги вопили друг на друга – кричали что-то гневное, полное ненависти. А мандала меж тем росла.

Свавар смотрел на существо, в которое превратился его брат, – верил, но не в силах был смириться. Арленсуль удалось выманить Серого Странника… в руках бога появился молот – знаменитое оружие его любимого сына. Мандала все крутилась с оглушительным визгом, сквозь нее проглядывали потусторонние ужасы: послушные воле божеств, которые обращались с ними с таким пренебрежением, поднимались полуразложившиеся трупы.

Арленсуль резко взмахнула копьем. Она была довольна. Серый Странник увернулся, молот ударил в бронзовый щит, словно в гигантский гонг.

В голове у Свавара прозвучало: «Не забудь про свое самое большое желание. Не забудь, кто защищал тебя».

Свавар ничего не понял.

Что он может? Как ему вмешаться в эту битву титанов?

Отец и дочь бились друг с другом, эхо страшных ударов разносилось по округе. Смертные, испуганные, но зачарованные битвой, останавливались и смотрели.

«Скоро, о избранный мною!»

Свавара колотило так, словно он очутился голым посреди суровой андорежской зимы. Он с ужасом ждал, что же будет.

«Какое из зол страшнее прочих терзает этот мир?»

Сквозь мандалу было видно, как сестры Арленсуль поднимают на ноги просыпавшихся героев.

Плохо, все плохо. Вот мелькнул Эриф… Вернее, то, что осталось от мертвого Эрифа, многие сотни лет пролежавшего в жуткой крепости.

Владыка севера отбросил в сторону молот, но тот не упал, а просто исчез. В руках у Странника появился посох. В мифах говорилось, что он вырезан из ясеня – великого Мирового Древа, наделенного сознанием, опустившего корни в кладези мудрости. Странник ударил окованным в железо посохом в щит Арленсуль, и щит раскололся. Теперь Похитительница Павших прикрывалась лишь жалким обломком. Вот снова взлетел посох. Золотое копье выпало из рук воительницы. Но не исчезло, а упало прямо под ноги Свавару.

«Теперь решать тебе».

38

Взгляд с другой стороны

– Вот дерьмо, – тихо и безо всякого выражения сказал Пинкус.

Элс понял, что Горт не на шутку испуган.

– Совершенно с тобой согласен, капитан, – отозвался принципат Бруглиони.

– Ваша милость, – спросил его Элс, – вы можете как-то прикрыть наших солдат?

Справа и слева от них засели воины из первого резервного отряда. Солдаты из второго спешили к месту грандиозной битвы.

В основном это были дэвы, но Элс не придал этому большого значения.

– Ну вот, – сказал Горт.

Тейдж нащупал рукоятку своего видавшего виды меча.

Одно из Орудий только что раскололо щит другого, а потом выбило у него из рук копье. И упало это копье точно под ноги второму одержимому. Из черной мандалы в мир стало что-то просачиваться.

Одержимый обрушивал все новые удары на обломок щита, которым прикрывалась его противница.

Зрители начали перешептываться. Каждый понимал: на их глазах завершается целый мифический цикл.

На городской стене появились прамане. Страшное зрелище подействовало на них гораздо сильнее, чем на дэвов или чалдарян. Они всегда яростно цеплялись за свою веру и категорически не принимали ничего, что ей противоречило. Поэтому сейчас многим из них было трудно поверить в происходящее. Даже если счесть Орудия Ночи обычными демонами.

Демоническая воительница сражалась отважно и не отступала. Движения ее противника сковывала неуклюжая человеческая плоть.

Второй одержимый подобрал золотое копье.

Теперь уже через мандалу не просто просачивались призраки – сквозь нее шагали вооруженные воины, пошатываясь, наталкиваясь друг на друга. Быть может, они ослепли? Нет. Просто только-только пробудились от долгого сна. К тому же бóльшая часть из них довольно скверно сохранилась.

Элс успел достаточно неплохо изучить северные предания и

понимал, что сейчас происходит: Покои Героев изрыгали в мир скопившиеся там за долгие годы жертвы. Но какой в этом смысл? Почему всеми забытые боги решили вдруг вмешаться в схватку двух вер, не имевших к ним никакого отношения, да еще и за полтысячи миль от родных краев?

39

Любящая смерть, уцелевший брат

Свавар понял, что ему следует делать. Все было кристально ясно. Иначе им с Гримом никогда не избавиться от Старейших. Асгриммур подобрал копье Арленсуль, выкованное самими Орудиями Ночи. Оно оказалось на удивление легким, легло в руку как влитое.

И ужалило, подобно гадюке. Наконечник вошел в спину Гриму, будто нож в мягкое масло. Свавар почувствовал, как отдалось в древке биение братнего сердца, и закричал, когда неземное оружие оросилось Гримовой кровью.

Свавар снова закричал, потому что его настигли безумие и гнев Серого Странника. Подобную боль невозможно было даже вообразить, но длилась она всего мгновение, а потом Старейший бежал – бросился в черную мандалу, но промахнулся и вслепую устремился куда-то вперед.

Из мандалы тем временем продолжали, натыкаясь друг на друга, вываливаться мертвецы. Их подгоняли сестры Арленсуль. Постепенно неупокоенные герои разбрелись по холму.

Свавар выполнил ее волю. Теперь ему, видимо, надлежало самому броситься на копье. Но он не мог. Сквозь волшебное древко в него проникла частица Серого Странника.

Гадюка снова вскинулась.

Арленсуль весьма удивилась. Подобное не входило в ее планы. Свавар и сам удивился, когда частица Похитительницы Павших проникла в него сквозь копье.

Он опять закричал. Боль, казалось, длилась вечно, хотя прошло всего несколько мгновений. За болью последовала волна чувств – это из черной мандалы вывалился Геданке.

Удар получился по-настоящему подлый: Арленсуль погибла, рванувшись к мертвому возлюбленному.

«Даже Орудия Ночи не бессмертны», – смутно осознал Свавар. И вместе с тем осознал, что это приводит его в отчаяние.

Глупые ослабевшие боги, которые находились так далеко от событий у стен Аль-Хазена, услышали отголоски эха, пронесшегося по безднам времени. Страшась угасания и гибели, они изо всех сил ухватились за тот далекий миг, словно за ключ от двери в вечную жизнь.

Откуда все это стало известно Свавару?

В его руках подрагивало копье Арленсуль. Вот испустила

предсмертный крик ее сестра Спренгуль, а Небесная Крепость лишилась еще одного Орудия Ночи. Свавар почувствовал, как его захлестывают знания и сила. Про это копье рассказывалось в самых мрачных легендах. Оно звалось Пожирателем Душ. И с каждым пожранным Орудием Свавару все проще становилось усваивать могущество.

Он чуть улыбнулся. Все они ошибались. Абсолютно все. Вот он – Убийца Богов, прямо среди них. А ведь именно его они заставляли выслеживать свою жертву.

Как и в любом мифе, здесь чувствовалась некая ирония. Быть может, не обошлось без вмешательства Орудий Ночи какого-нибудь высшего порядка – богов, стоящих над богами.

Свавар ринулся на последнюю Похитительницу Павших, Фастфаль, которая все еще выгоняла героев из мандалы. Мимо пробежал Всеотец. Герои бестолково бродили по склону холма: кто-то, шатаясь, направился к засевшим в укрытии солдатам (Свавар чувствовал этих солдат), кто-то бродил вдоль стены Аль-Хазена, кто-то медленно карабкался по ней вверх.

Фастфаль испустила гневный вопль и скрылась в черной мандале, сквозь которую Свавар теперь без труда видел. Там столпились Старейшие, нацепившие свои жуткие личины. Они, как и герои, совершенно не понимали, что происходит, да к тому же были смертельно напуганы. Что им делать, они не знали.

В конце концов боги решили отступить и остановили свою мандалу, бросив на произвол судьбы страшную армию кровожадных живых мертвецов. Свавар не мог им помешать, не мог попасть в Небесную Крепость.

Его брат, Гримур Гриммсон, погиб точно так, как и думал: вдали от дома, безо всякого смысла и даже без особого страха. Он прожил жизнь так, как считал нужным, вволю грабил и убивал.

Сказание подошло к концу. Асгриммур Гриммсон мог сбросить наконец земные оковы.

Свавар воткнул древко в землю. Наверное, больно не будет.

Он действительно хотел покончить со всем, но не смог. Трусом он не был, просто копье отказалось его пожирать. Асгриммуру мешали сила и знание, которые перешли к нему от Похитительниц Павших и Всеотца, хотя тот и сумел вырваться. Да и самая суть Асгриммура Гриммсона не желала умирать. Многое еще предстояло сделать. По многим долгам расплатиться.

Медленно, но верно Свавар добрался до конца дороги. Асгриммур Гриммсон умер. Его место заняло оперившееся Орудие Ночи. Он не смог бы теперь покончить с собой, даже если б пожелал. Кому-то другому придется это сделать.

Внезапно грянул гром и вспыхнула молния. Нестерпимо

завоняло серой. А Свавара пронзила невообразимая боль: сначала левое плечо, а потом и все тело.

40

Боль и огонь

– Пайп, – заявил Пинкус, – пора сматываться. Я видел все, что можно.

– Что именно ты видел?

Элс с трудом верил собственным глазам. Эти создания – величайшие из демонов Ночи. Святые мудрецы из каифата Аль-Минфета сказали бы, что их просто-напросто не существует в природе, что это лишь предания, такие же выдумки, как и истории люсидийских сказителей.

Одержимый напал на своих спутников, а в это время бесчисленные мертвецы вываливались из черной мандалы и, спотыкаясь, не разбирая дороги, устремлялись к живым. Кто-то двинулся к городской стене, кто-то на восток, навстречу имперской армии, но бóльшая часть досталась Элсу и его солдатам.

Тейдж не видел Гледиуса Стьюпо среди дэвов из резервного отряда, зато явственно слышал его голос:

– Запалы готовь! Огонь!

С задержкой в пару мгновений громыхнули две сотни орудий, которые дэвы прятали до поры до времени.

Залп разорвал неупокоенных героев в клочки. Элса ошеломила та легкость, с которой заряженные огненным порошком орудия косили созданий Ночи.

Мало кто из кровожадных мертвецов добрался до патриарших воинов. Оглушительно гремели пушки. Все заволокло дымом.

Там, где пушек не было, дела обстояли хуже. Имперцы не понимали, как противостоять врагам, которые и так уже мертвы. Их выручили дисциплина и сплоченность: сомкнув ряды, воины сумели отогнать сражавшихся поодиночке героев.

Приблизительно десятая часть живых трупов штурмовала Аль-Хазен. Элс не понимал, почему мертвецам взбрело в голову лезть на стены, но получалось это у них легко, словно у тараканов. Наверху они убивали всех подряд.

Дым от огненного порошка чуть рассеялся. Над городом кружились потоки черного тумана – это волшебники пытались дать отпор мертвым героям. Их магия отвлекла от бротского отряда бóльшую часть мертвецов.

Элс поднялся с мокрой холодной земли и двинулся вперед, за ним по пятам шел Горт.

– Пайп, что за дерьмо тут только что приключилось? Если это то, что я думаю, так лучше б это было не оно.

Позади дэвские артиллеристы готовили отступление. Аль-хазенские защитники вряд ли станут их преследовать. То тут, то там громыхала пушка – это отдельные стрелки прицельно палили по слепому созданию, которое с воем носилось кругами. Оно уже ничем не напоминало человека, который раньше был им одержим.

И ни на что не обращало внимания, кроме собственной боли. Проскочив рядом с Элсом, оно даже его не заметило, а вот Элс заметил, и еще как.

Его пронзила жуткая боль, хуже даже чем в Оунвидийской теснине. Тейдж рухнул на землю. Рядом, сжимая руками голову, точно так же рухнул Пинкус. Хотя бы на этот раз не придется ему ничего объяснять.

Дэвы продолжали палить по израненному богу. С каждым выстрелом он слабел, движения его замедлялись, очертания становились зыбкими. Больше он не походил на человека, но боги умирают долго. Если вообще умирают. Быть может, он смог бы даже исцелиться, если вокруг умерло бы достаточно много людей.

Божество понеслось дальше, и боль, терзавшая Элса, немного утихла.

Горта вывернуло.

– Пайп, клянусь геморроем святого Эйса! Если эту страхолюдину можно прикончить, давай прикончим. Или постараемся не попадаться ему на пути, я больше не выдержу.

Превозмогая боль, Элс подумал о том, какую роль он сам сыграл в недавних событиях, чего от него хотели другие и как распорядилась сама судьба. Вряд ли это утро порадует Грейда Дрокера, а эр-Рашаля аль-Дулкварнена оно просто ошеломит.

Только теперь понял Элс всю значимость тех роковых минут в лесу Эсфири. Оружием, которое убило богона, можно поразить и гораздо более могучее существо.

– Пинкус, я пока не очень понимаю, что делать. Только-только прихожу в себя. Но думаю, сейчас вершится история.

Со стороны Аль-Хазена послышался отчаянный вопль – это мертвые герои швырнули кого-то со стены.

– Эта погань все никак не уймется, – проворчал Горт, прибавив крепкое словцо.

Его за лодыжку как раз ухватил один – однорукий, одноногий и безглазый.

– Смотри – не порежься. По-моему, это Старкден только что сверзилась со стены.

Горт отсек у мертвеца руку и оторвал ее от своей лодыжки.

– Нужно развести костерище побольше да поджарить этих упырей.

– Прекрасная мысль. Может, лучше яму вырыть?

Боль нарастала. К ним снова приближалось ослепшее Орудие Ночи.

– Чтобы не смогли выбраться из костра? – уточнил Пинкус. – Ага. Вот зараза! Теперь еще что?

Дэвы прочесывали поле боя и добивали мертвецов. Острия мечей и наконечников копий из черненого железа были посеребрены. Ослепшее божество дэвы обходили стороной. Время от времени оно разражалось молнией.

– Они придумали, как сражаться с Орудиями Ночи. На расстоянии, – сказал Элс. – В Братстве все будут на седьмом небе от счастья.

– Это не в первый раз, Пайп, – нахмурившись, заявил Горт и отодвинулся подальше от ползущей на него руки. – Только сейчас все, конечно, грандиознее. Ты сказал «Братство», и я сразу вспомнил. Тогда, в Сонсе, пару лет назад, еще до нашей с тобой встречи, похожим образом изувечили Дрокера. Дэвы. Поговаривали, что там творилось какое-то странное волшебство, но думаю – они использовали то же оружие.

– Может быть. Дэвы – дьявольски хитрый народ. Да, смотрика, точно Старкден.

– Мертва?

– Похоже на то.

– Давай осторожно.

Элс подобрал с земли брошенное каким-то героем древнее копье и ткнул им в колдунью.

– Давай-ка ее свяжем, наденем на голову мешок и притащим Дрокеру. Даже если она мертва, он обрадуется и скажет нам спасибо.

– Да уж, от радости у него точно крыша съедет. Будем помогать имперцам?

Неудачливым спасателям принца Лотаря приходилось все хуже, хотя к ним присоединились браунскнехты, бежавшие из водосточного канала.

– Они неплохо держатся. А у нас и здесь хлопот полон рот.

– Наши парни рвутся в бой, Пайп. Смекнули, что это за страхолюды, и надеются поживиться старинным оружием и побрякушками. Но я за ними присмотрю.

Горт отправился командовать, а Элс окинул взглядом собравшихся на стене праман. Среди них были и Костыль с Азом. Значит, Аз все-таки уцелел и добрался до своих. Ша-луг тоже

увидели его, но не подали виду. Но потом Аз вдруг незаметно подал ему тайный знак.

Элс оглянулся. У него за спиной из-под груды рук и ног мертвых героев, из-под грязи и снега выбрался одержимый, который поразил копьем божество. От него так и разило страхом, гневом и безумием. А еще силой. Вот оно – новое создание Ночи, собравшее воедино останки умирающих Орудий.

Создание узнало Элса.

Тейдж решил быстренько передислоцироваться, но тут на него накатила новая волна боли. Он поскользнулся на обледенелом камне, упал и съехал футов двадцать вниз по склону холма.

Дэвы, стрелявшие по слепому божеству, развернули свои пушки и открыли огонь.

Одержимый заревел нечеловеческим криком, а потом вдруг затрясся, как припадочный пес, разбух, поменял форму и рванулся прочь.

Теперь он напоминал гигантского богомола, только вот ног у него было гораздо больше. Сквозь рваную меховую накидку проглядывал темно-красный хитин, испещренный алыми шрамами. Создание с невероятной скоростью устремилось на север.

Элс шлепнулся прямо в ледяную грязь. Спустя некоторое время запястье снова полыхнуло огнем, предупреждая о приближении слепого божества.

Тейдж уперся рукой, чтобы встать, и нащупал что-то в грязи. Когда он схватился за это что-то рукой, на которой был амулет, предмет стал видимым – тот самый бронзовый меч, принадлежавший первому одержимому.

Слепое божество чуть изменило курс и двинулось к терзавшим его дэвам.

Может, и жуткая голова где-то рядом?

Точно, вот она.

Внутри у Элса похолодело. К горлу подкатила тошнота.

На него уставились живые глаза. Голова валялась на боку в грязной пожухлой траве и смотрела. Взгляд у нее был совершенно безумный. Что же это такое? У существа нет ни рук, ни голоса – и свою волю оно может навязать лишь при помощи страшного взгляда.

Снова полыхнуло запястье. В который раз уже амулет спасал его. Хотя бы за это следует поблагодарить эр-Рашаля аль-Дулкварнена.

Элс кое-как поднялся на ноги, сорвал изодранный плащ с лежащего рядом героя и набросил его на страшную голову.

Боль тут же унялась.

Начало прибывать подкрепление из патриаршего лагеря. Грейд Дрокер решил воспользоваться возможностью и задешево купить себе победу. Элс отправил один отряд в водосточный канал, солдаты другого начали карабкаться на стену по оставленной им веревке. Кто-нибудь из них откроет ворота. Остальных он послал в помощь дэвам, которые добивали и собирали мертвых героев. Горт все-таки отпросился на подмогу имперцам, чье положение становилось все отчаяннее.

Наконец измотанный Элс присел отдохнуть на дне заросшей кустами канавы рядом с дядюшкой Дивино. Над канавой словно прошел дождь из древнего оружия – мечи, кинжалы и копья застряли в ветвях кустов и торчали из земли.

– Хорошее вы нашли укрытие, – сказал Элс, откладывая в сторону завернутую в плащ голову демона и бронзовый меч, который высосал из него буквально все силы. – Я бы с удовольствием сейчас вздремнул.

– Я старался, – проворчал в ответ Бруглиони. – Как там наверху дела?

– Думаю, справимся. Вы тут один? А где другие члены коллегии?

– Разбежались, как только запахло жареным. А я умудрился покалечиться, ровным счетом ничего не делая.

Элс крякнул.

– Да, с неба вдруг посыпались железяки, и вот этот проклятущий кинжал угодил мне прямехонько в колено. На нем смертельное заклятие, но убить он должен был не меня, а кого-то по имени Эриф Эрильсон. Видимо, один из наших живых мертвецов.

– Имя мне незнакомо. Наверное, когда-то этот Эриф был важной шишкой. История – изменчивая дама.

– Хект, ты понимаешь, что сейчас происходит?

– Думаю, да. Наверное, Тирании Ночи пришел конец. Оружием, которое используют дэвы, можно поразить даже богов.

– Хект, ты явно далек от теологии, – нахмурился Дивино, – но суть ухватил. Братство Войны и особое ведомство придут в восторг и постараются как можно скорее заполучить это оружие и использовать его на службе господу.

– Даже если оно – происки ворога?

– Что? – вытаращился на него принципат.

«Неужели все это подстроено? – читалось в его изумленном взгляде. – Неужели всему пришел конец?»

– Проклятье! А ты, возможно, прав, Хект. Нужно срочно

собрать коллегию. Да что же это такое! Не могу ни встать, ни пошевелить ногой.

Элс вдруг почувствовал, как им овладела необоримая грусть. Но делать нечего – долг есть долг. Он тяжело вздохнул и огляделся по сторонам. В канаве, кроме них с принципатом, никого не было, и наверху никто не смотрел в их сторону. Такой возможности могло больше не представиться.

– Принципат, много лет назад Фрейдо Бруглиони с братом совершили некое злодеяние, порочащее честь Драко Арньены. Дон Драко обо всем узнал и перед смертью рассказал дону Иниго. Тот поклялся умирающему отцу отомстить.

– Это… – растерянно прошептал Бруглиони. – Это… А я уж и забыл… Так Драко все знал?

– Да.

– Значит, тебя послал Иниго?

– Да, принципат. Простите меня. Вы прожили замечательную жизнь.

– Нет! Хект, не надо!

– Свое слово надо держать. – С этими словами Элс накинул на голову принципату его же собственный плащ.

Бруглиони сопротивлялся. Запястье Элса снова полыхнуло жгучей болью.

Господь был к нему милостив: никто ничего не увидел. Элс вложил древний кинжал в рану на колене Дивино, замел следы и никем не замеченный выбрался из канавы.

Ему не особенно хотелось выполнять данное Арньене обещание – он успел привязаться к Дивино Бруглиони. Но смерть принципата, несомненно, усложнит жизнь коллегии и Безупречного.

Прошло еще минут десять. Элс бродил по полю боя, зажав под мышками чудовищную голову и бронзовый меч, и гадал: что же такое учинили в свое время Дивино и Фрейдо?

К нему с опаской приблизился один из Гортовых солдат.

– Квинтиль? В чем дело?

– Мой господин, у меня донесение от капитана Горта. Вам лично.

Посланец весь трясся. Что случилось?

– Валяй.

– Император мертв – погиб во время схватки в Аль-Хазене. Теперь Лотарь – новый император. Во главе армии встали дочери Йоханнеса. Капитан Горт сказал, что в лагере имперцев наверняка начнется смятение.

– Конечно начнется. Как он там?

– Так ведь о том и речь. Капитану помощь нужна. Если

можно, дайте нам этих ваших громыхающих штуковин, хоть немного. Мертвяки-то никак не угомонятся и сдаваться не собираются. Мы их рубим на куски.

– Сейчас раздобуду несколько и сразу пошлю вам.

Квинтиль тут же убежал, явно испытав огромное облегчение.

Элс отправился на поиски Гледиуса Стьюпо. Найти его оказалось не так-то просто, но только не для Элса.

– Что-то не припомню, гном, чтобы я назначал тебя командовать отрядом. Да и в плане капитана Горта о ваших фортелях не было ни слова. Но у тебя получилось. Пока ты на коне. Остался еще огненный порошок? Горту надо подсобить.

Стьюпо и его помощники молчали, хотя по выражению их лиц все было ясно и без слов. На Элса нацелилась пара пушек.

– Не самая умная мысль. Лучшего друга, чем я, на этом берегу Родного моря у вас нет.

– Это все из-за меча, полковник. Тебе нужно от него избавиться. Вокруг тебя уже почти такой же ореол, как у того одержимого.

Элс оглянулся на метавшегося по полю слепого бога, который успел чуть уменьшиться.

Скорее всего, все дело в страшной голове.

– Понятно. У тебя есть на примете кто-нибудь понадежнее? Кто сумел бы справиться с мечом и не поддался соблазну?

– Есть ли среди нас праведник, который устоит перед оружием чужих богов? Думаю, да.

– Хорошо. Найди мне этого уникума. Мы уничтожим меч в том же костре, где будем сжигать мертвецов. Он бронзовый и должен расплавиться. Ладно. Сможешь выделить мне отряд? Пойду вызволять своего помощничка, а то как бы нашему весельчаку плакать не пришлось.

Элс, Гледиус и с ними двадцать дэвов отправились на выручку Горту, который, в свою очередь, выручал осаждаемых мертвецами имперцев.

– Как вам удалось собрать столько боеприпасов? – по дороге спросил у Гледиуса Элс. – Говорят, богатству дэвов и драконы завидуют, но вы только что расстреляли невообразимую кучу серебра.

– Вовсе нет, – отозвался Стьюпо, протягивая ему металлический шарик размером не больше кончика мизинца.

– Железо?

– Да. А сверху несколько тоненьких серебряных полосок.

– Неужели?

– Заряд не обязательно должен быть целиком серебряный,

вполне достаточно покрыть его тонким слоем серебра. Железо весьма не по нутру почти всем созданиям Ночи. Для сотни таких выстрелов хватит одной серебряной монеты.

– Надо же, кто бы мог подумать! – удивился Элс. – А почему годятся только заряды с огненным порошком, а обычные нет?

– Обычные тоже годятся. Мечами с серебряными наконечниками мы добивали эту нежить. Просто обычные заряды летят медленнее, и эти твари могут от них увернуться. А заряды с огненным порошком вылетают из пушки так быстро, что и не заметишь. Почти добрались. Отойди-ка подальше.

– Хочу задать один вопрос, пока еще можно. Мне ужасно любопытно, почему ты здесь? Почему так открыто командуешь дэвами? Ведь Грейду Дрокеру известно твое имя, зачем же раскрывать себя? И откуда ты знал, что нам придется иметь дело с Орудиями Ночи именно сегодня?

– Это уже не один вопрос, полковник. – Стьюпо взмахом руки приказал своим людям заряжать пушки. – Но все прошло так гладко, что я готов петь от радости. Мой бог истинен.

– Не понял.

– Много раз являлся мне по ночам ангел господень и говорил, что в этот самый день здесь разверзнется ад. Я нарочно показался всем на глаза, чтобы волшебник вспомнил мое имя, вспомнил Сонсу. Если он обрушится на мой народ, они смогут с чистой совестью все свалить на меня. А я сказал им, что об огненном порошке узнал от дринджерийского провокатора, который погиб во время того восстания в Сонсе.

Гледиус ему угрожает?

– Вряд ли Дрокер протянет долго, – сказал Элс. – Во всяком случае, на тебя у него сил точно не хватит. А всем остальным плевать.

– Ты, полковник, не из дэвов и не видишь, что все течет по реке времени. Для тебя есть только вчера, сегодня и завтра, дальше ты не заглядываешь.

Элс думал иначе, но спорить со Стьюпо не стал. Быть может, Гледиус искренне верил, что ему являлся ангел, а не мятежная Похитительница Павших, которая хотела заманить жестокого отца в смертельную ловушку за то, что тот разбил ей сердце.

– Вопросов больше нет? – поинтересовался Стьюпо. – А то мне еще твоего дружка спасать.

– Валяй, спасай.

Элс вскарабкался вверх по крутому каменистому склону, который спускался от самых городских стен. Его устилали мертвые и раненые чалдаряне, а также ошметки северных героев. Ярдах в семидесяти дюжина браунскнехтов прикрывала своими

телами Элспет Идж. При виде девушки Элс почувствовал ту же радость, что охватила его в Племенце. Дочь императора казалась разгневанной и бесстрашной.

Горт как раз спешил им на помощь, но не успел – сам угодил в окружение.

– Давай, гном! – прошептал Тейдж.

Застать героев врасплох оказалось нетрудно. Дэвы открыли огонь с десяти футов и попали точно в цель. Пока неупокоенные соображали, что к чему, раздался второй залп. Мертвецы попадали на землю и больше уже не поднялись. Все было кончено за считаные минуты.

– А ты не очень-то спешил, – задыхаясь, проворчал бледный и усталый Горт. – Еще немного – и спасать уже никого бы не пришлось.

– Раз ты снова ворчишь, значит я успел как раз вовремя.

– Да уж, я тебе еще долго буду портить жизнь. Ой! Полегче, ты, лохматый! – прикрикнул Горт на лекаря дейншо.

– Остальным ты явно нужнее, чем этому типу, – сказал лекарю Элс. – Давай сначала подождем, пока из него вытечет весь яд, а потом можешь штопать.

Усмехнувшись, Тейдж отправился проведать спасенных имперцев. Почти все браунскнехты сразу же без сил рухнули на землю, как только миновала опасность. Лишь императорская дочь стояла так же прямо рядом со своим мертвым конем. В одной руке она держала легкий меч, а в другой – отцовский стяг, выхваченный у павшего знаменосца. На ней были лишь пустяшная кольчужка да тонкий нагрудник. Темные волосы развевались на ветру.

– Принцесса, – склонил голову Элс.

– Я вас помню. Только имя забыла.

– Пайпер Хект, принцесса, из бротского полка.

– Удача явно благоволила вам со времени нашей последней встречи, – сказал она, ослепительно улыбнувшись.

– Вы правы. А вот от вас она чуть отвернулась.

– Мы с ней сумеем договориться.

– Как я могу вам помочь? – спросил Элс и сам против воли улыбнулся.

– Верните мне брата.

– Я бы с радостью, но я всего лишь простой солдат и не обладаю подобной властью. Он уже в руках тех, кто вершит политику.

– У членов коллегии?

– Да.

– Он не ранен?

– Не знаю. Я его не видел, но думаю – с ним все в порядке. – Элс смотрел прямо в глаза девушке, не в силах отвести взгляд (как и она, похоже). – Что вы теперь предпримете?

– Мы – дети Ганзеля Черные Сапоги.

– От всей души желаю вам удачи, принцесса. Не хотел бы оказаться сейчас на вашем месте.

– Я же говорю, – снова эта ослепительная улыбка, – мы – дети Свирепого Ганса.

Тут принцесса увидела что-то у него за спиной и удивленно ахнула.

Элс оглянулся. На его глазах по небу расплылось гигантское темное пятно.

Потом последовал звук, похожий на слитный грохот десятка гроз.

Это могло быть только…

– Мне пора, – сказал Элс.

Ответ Элспет он прочел по губам.

– Еще увидимся.

В ушах звенело, и невозможно было расслышать ни интонацию, ни выражение. Но ее слова были похожи на обещание.

– Стьюпо! – прокричал Тейдж прямо в ухо гному. – Это то, что я думаю?

– Умер фальшивый бог.

Элс наблюдал за патриаршими войсками, которые входили в Аль-Хазен через только что открытые боковые ворота. Битва еще не закончилась. Масант аль-Сейхан не сдастся без боя, а эр-Рашаль не сдастся вовсе. Он просто исчезнет из Кальзира и появится в Дринджере, свалит всю вину за разгром на кого-нибудь другого и примется за старое.

– Ты бы все-таки, мой друг, залег на дно, – посоветовал Элс Гледиусу. – Дрокер соображает гораздо лучше, чем ты думаешь.

– Пусть соображает как хочет. Об огненном порошке теперь известно всем, и ему ничего с этим не поделать. Ни ему, ни даже вашему великому дринджерийскому колдуну. Из него получился совсем не такой искусный кукловод, как ему самому казалось.

– Теперь аль-кварнским дэвам придется туго.

– Аль-кварнским дэвам всегда приходится туго.

– Тебе известно, что замышлял эр-Рашаль? Почему его интриги навредили не врагам Дринджера, а самому Дринджеру?

– Есть у меня одна мысль, хоть и ошибочная, скорее всего. Один старик как-то сказал мне: на войне и в политике можно не доискиваться предателей или заговорщиков, если неудача легко

объясняется глупостью и невежеством.

Элс кивнул. Его соотечественники часто оправдывали собственные досадные промахи выдуманными неправдоподобными заговорами. Зачастую в таких заговорах якобы участвовали дэвы.

Перед ними уходил в небо столб черного дыма. Рассеиваться он не спешил.

– Ну что ж, – сказал Элс, – прекрасная получилась яма.

С лица земли исчез целый холм пятидесяти футов шириной, а на его месте образовалась дыра с гладкими блестящими стенками, будто бы измазанными растаявшим воском.

Элс давно пытался вбить в голову своим солдатам, что на войне часто выручает смекалка. И вот они наконец решили внять его урокам: прямо на его глазах побросали в яму останки героев и все, что только могло гореть.

– Сами копать яму эти свиньи поленились, – пожаловался Элс.

Он проследил, чтобы голова демона и бронзовый меч тоже отправились на дно воронки, а потом занялся мертвыми и ранеными. Раненых следовало отправить в лагерь, а мертвых – похоронить на чалдарянском кладбище Аль-Хазена. Раздав поручения, Тейдж разыскал своих солдат в городе. Бóльшая часть кальзирцев сдалась или бежала. Происшедшее окончательно подкосило их боевой дух. Маленькая горстка все еще сопротивлялась, засев во дворце на вершине холма и отбиваясь от не ведавших усталости мертвых героев. Элс велел своим солдатам не вмешиваться.

Имперцы потеряли к Аль-Хазену всякий интерес и отправились в свой лагерь. Граальские дворяне сейчас займутся интригами и будут бороться за власть над дочерьми Ганзеля.

Девушкам нужно призвать на помощь разум и отвагу.

К Лотарю следует приставить особую охрану. Вполне вероятно, Безупречный захочет избавиться от него и тем самым вырвать клыки у Граальской Империи.

Этого нельзя допустить. Патриарх всегда должен чувствовать за своей спиной угрозу.

Аль-Хазен, казалось, вымер, лишь в самом центре кипел бой и вершилось волшебство. Но защитники дворца едва справлялись: коллегия атаковала их и отвлекала внимание от мертвых героев.

Последняя группа кальзирских беженцев решила убраться подобру-поздорову – подальше и от иноземных праман, и от мертвых героев. Мафти аль-Арай эль-Арак, его придворные с семьями и некоторые особо упорные кальзирские дворяне

поклялись на Писании сдаться королю Питеру Навайскому в Аль-Ниджиси. Элс полагал, что зима вынудит их сдержать обещание – в такую погоду деваться им было особенно некуда.

Тейдж смотрел, как они покидают город под прикрытием его солдат. Он надеялся, что уловка сработает и среди беженцев удастся увидеть знакомые лица.

Да, вот и они. Костыль, а рядом остальные – поддерживают мастера призраков Аза. Вылитые кальзирцы. Значит, Костыль таки нашел способ обойти клятву.

А это еще кто? Тоже знакомая личность. Только о нем в договоре не было ни слова.

– Чиотто, Бренч, остановите этого человека. Вон того – в серой джебале с капюшоном. Сюда его.

Перед Элсом словно из воздуха соткался управляющий мафти, который и вел переговоры.

– О, мой господин, тысяча извинений! – зачастил он. – Простите нашего мафти! Эта крыса заставила нас. Он отчаянно хотел сбежать от безумного дринджерийца. Мафти не хотел нарушать договор.

– Понимаю. Вы дали ему какого-то дурмана?

– О да, господин.

Судя по бегающим глазкам управляющего, не дурмана, а яда.

– Это Масант аль-Сейхан?

– Он самый, мой господин. Ужасный человек. Мы не осмелились…

– Довольно. Лживый ты пес. Сейчас я не расторгну нашего соглашения. Но напомни мафти, что мои солдаты будут сопровождать его до самого Аль-Ниджиси. Если вы еще раз нарушите договор, пощады не ждите.

– Ваше великодушие безгранично, мой господин. Вы словно истинный правоверный. Мы не забудем о вашем милосердии.

– Поторопись, иначе те, кто стоит выше меня, могут решить по-своему.

Конечно же, все будут недовольны, ведь он отпустил знатных пленников, за которых можно было потребовать выкуп. И плевать, что солдатам не пришлось в очередной раз отдавать свои жизни.

Солдат никогда никто не считает.

Элс выкручивался не только чтобы спасти жизни, но и чтобы помочь старым друзьям избежать той страшной судьбы, которую уготовил им ша-луг эр-Рашаль аль-Дулкварнен.

Тейдж ненавидел волшебника. Из-за своих туманных амбиций Шельмец предал Аль-Праму и Дринджер. Но он за все заплатит. Быть может, прямо здесь, под огнем дэвов. Они будут только рады прикончить изобретателя огненного порошка его же

собственным оружием. Дэвы ценят иронию не меньше золота. Или может, расплата придет позже, когда слухи о предательстве дойдут до Гордимера Льва.

Одурманенного человека в сером повели на встречу с Грейдом Дрокером, а Элс приготовился к осаде дворца. Но осады не получилось.

Обычные рядовые солдаты, не так сильно уставшие, как он сам, воспользовались подвернувшейся возможностью и проникли в цитадель через те самые ворота, откуда выходил мафти со свитой. Мертвые герои не обратили на них внимания – им было не до того.

Эр-Рашаля аль-Дулкварнена так и не нашли, как не нашли и дринджерийских и люсидийских военачальников или сокровищ, – во дворце обнаружилось лишь несколько растерянных слуг, которым явно стерли память при помощи колдовства.

– Сделайте-ка вот как, – велел Элс одному из своих помощников. – Свяжите слуг в цепочку, как рабов, допросим их позже. А дворец подожгите. Если там кто-то прячется, выкурим их. Если сдадутся, не убивать.

Тейдж опустился на землю, надеясь хоть немного вздремнуть. Уже засыпая, он успел заметить, что рядом сотня бротских солдат занята ровно тем же самым. Ша-луг кивнул, вспоминая свою жизнь, которая проходила в вечном одиночестве. Даже командуя десятью тысячами человек, он все равно оставался один.

Но ведь скоро рядом будет Анна Мозилла.

Пошел снег. Короткая передышка закончилась.

Элса нещадно терзала усталость. Снег все не переставал. Сгущалась ночная тьма. Тейдж карабкался от одной вешки к другой, а вокруг беспорядочным потоком стремились к лагерю другие солдаты. Его обгоняли воины помоложе, он сам обгонял воинов постарше. Когда он наконец достиг лагеря, Поло тут же принялся прыгать вокруг него, словно суетливая собачонка.

– Просто дай чего-нибудь поесть и уложи, – велел Элс.

Он так устал, что не мог уже волноваться о лагере, который несколько дней страдал от самодурства Титуса Консента. Со всем этим можно разобраться потом.

Верный Поло охранял его сон все утро, отгоняя многочисленных посетителей, которым не терпелось видеть Пайпера Хекта. В конце концов Элс сам их разогнал и отправился навестить Грейда Дрокера.

Волшебник был в ужасном состоянии.

– Хорошо, что ты пришел, Хект. Вершатся великие дела. Расскажи мне все, что знаешь. Мне нужно принять решение. –

Чтобы выговорить это, Дрокеру понадобилось целых две минуты.

– Спрашивайте, постараюсь ответить как можно подробнее.

– Сначала расскажи, что случилось. Помнится, я велел тебе не спасать наследного принца.

– Мы действительно отложили вылазку и предоставили дело Братству.

– Но в лагерь Лотаря доставили солдаты твоего полка.

– Ваши люди не справились. Если бы не мои воины, Лотарь погиб бы в плену.

– Это хорошо, что ты проявил самостоятельность. Мы потеряли братьев, которые отправились вызволять Лотаря. Всех, как ни прискорбно.

– Они храбро сражались. Я сам не видел, но, судя по всему, прамане дорого заплатили за принца.

– Я рад. Хект, силы мои на исходе, конец близок. Почти ничего не осталось. Даже свита моя перебита. Только Бехтер еще со мной. А я даже не могу разгневаться из-за этих потерь. А еще наши дэвы. Ведь точно из такого оружия изувечили меня самого. Но я слишком слаб. В Великой Книге есть такой отрывок из неизвестного пророка: «Усталость свела меня в могилу». Хект, мне осталось меньше недели. Вполне возможно, и до завтрашнего утра не дотяну. Все то время, что ссудил мне господь, я исчерпал.

Дрокер говорил с долгими запинками и к концу своей речи походил на труп.

– Господин, давайте я отправлю Поло за лекарем.

– Нет. Времени мало. Я сделал, что должен был. Твоим помощником станет сержант Бехтер. Он верный солдат, хоть звезд с неба не хватает. У него есть все, что тебе понадобится.

– О чем вы, господин?

– Ты сменишь меня и станешь главнокомандующим патриарших войск. Принципаты согласились с моей последней волей. Постараются, чтобы патриарх сделал эту должность постоянной.

– Но я не достоин.

– Вполне возможно. Меня многое в тебе беспокоит. Но ты тверд духом, это важнее, чем напускное благочестие.

– Вы добились чего-нибудь от Старкден или Масанта аль-Сейхана?

– Женщина уже была мертва, а я не некромант. К несчастью. Сейчас со вторым волшебником работают принципаты. Но им вряд ли удастся много из него выжать. Мозг слишком поврежден дурманом и ядом. Тут нужны специалисты из особого ведомства, но единственные двое братьев оттуда были в отряде Лотаря и вряд ли оправятся.

– А еще один колдун? Иноземный?

– Исчез. Бесследно. Говорят, его здорово зацепили те воины, восставшие из мертвых, пока он не покончил с ними. Довольно. Мне нужно восстановить силы. Или хотя бы попытаться. Кликни ту старуху, она меня переоденет.

Дрокер не шутил. Его сиделке, чалдарянке из Кальзира, было на вид не меньше тысячи лет. Она переодела волшебника, как младенца. Сам он больше не мог встать с кровати.

Элс снова встал во главе полка и первым делом велел командирам составить список раненых и убитых. Недосчитались восьми человек: троих дэвов, участвовавших в авантюре с огненным порошком, и четырех солдат, которые отправились очищать Аль-Хазен от врага, рассчитывая помародерствовать. Восьмым оказался принципат Дивино Бруглиони. Никто не знал, что с ним приключилось. У остальных членов коллегии чуть не началась истерика.

Элс отрядил солдат на поиски пропавших.

А сам улучил минуту и поговорил с глазу на глаз с Рогозом Саягом.

– Передай дону Иниго, что дело сделано. Перед тем как все свершилось, он все понял. Мне жаль, что так произошло. Лучше бы это сделал кто-нибудь другой.

Позже, когда обнаружилось тело принципата, которого сочли очередной жертвой неупокоенных героев, Рогоз сказал Элсу:

– Дон Иниго держался из последних сил. Уверен, он будет доволен. Клан Арньена теперь перед тобой в неоплатном долгу.

– Скажи им, что я взыщу долг. Когда придет время. У меня по-прежнему большие планы.

Дольше поговорить им не удалось. Поло и Редферн Бехтер теперь ходили за Элсом по пятам. Сержант вознамерился воспитать из полковника достойную смену Грейду Дрокеру.

– Я сейчас единственный боеспособный член Братства во всей Фиральдии. А главнокомандующего из меня точно не выйдет.

– Уверен, когда на Стаклироде узнают, что Кастелла опустела, сразу же кого-нибудь пошлют.

Поло изо всех сил цеплялся за Элса, потому что после смерти принципата Дивино у него буквально ничего не осталось. В отряд Бруглиони переходить он не желал:

– Я плохо уживаюсь с этими надменными щенками.

В городском полку вообще было полно надменных щенков, и Элсу страшно хотелось от них избавиться.

Он навестил валявшегося в лазарете Пинкуса Горта.

– Пайп, сделай что-нибудь: здесь отвратная еда.

Рядом с Элсом стоял главный полковой лекарь.

– Это мой первый помощник, – сказал ему Элс. – Проследите, чтобы ему давали те же самые лакомства, что и раненым дэвам из соседнего барака.

Конечно же, лекарь и сам был дэвом.

– Пайп, – возмутился Горт, – не будь ты моим начальником, я бы назвал тебя ослом и велел бы поцеловать меня в самое загадочное место.

– Значит, мне повезло, что я твой начальник. Долго ты намерен здесь прохлаждаться? Или все-таки вернешься к своим обязанностям?

– Пайп, я буквально вишу на краю пропасти. Меня морят голодом.

– Ну, если ты не в состоянии, назначу вместо тебя кого-нибудь другого. Скажем, Бо Бьогну. Из него получится прекрасный новый командир бротского полка.

Вышел из лазарета Элс улыбаясь во весь рот. Теперь-то Горт мигом поправится.

Лазарет состоял из четырех бараков. В двух лежали солдаты из городского полка: дэвы и дейншокины – в маленьком, забитом под завязку, а епископальные чалдаряне – в большом, где места было предостаточно. Третий барак предназначался тоже для чалдарян, но не из полка, а в четвертом, самом тесном, держали пленников и чужеземцев. Там же лежал и наследный принц Лотарь.

Он единственный из всего отряда не сильно пострадал – всего несколько незначительных ран и обморожение – и теперь всем своим видом выражал негодование. Элса он помнил. Обменявшись с принцем всего парой фраз, Тейдж сразу понял, какой могучий ум живет в этом хлипком теле.

Лотарь был истинным сыном своего отца.

– Ваше величество, положение ваше лучше, чем кажется. Но не выздоравливайте слишком поспешно. Если, конечно, не жаждете немедля отправиться в Брот.

Лотарь смерил его лишенным выражения, но внимательным взглядом.

Вместе с наследником в бараке лежало несколько раненых праманских вельмож. Видимо, их спасли в надежде на выкуп.

В дальнем темном углу, отдельно ото всех, поместили волшебников из Братства – тех самых, с которыми когда-то давно Элс сидел за одним столом на постоялом дворе в Ранче.

– Эти двое опутаны серьезными чарами, – пояснил главный лекарь. – Для такого у меня недостает умения, поэтому их просто положили подальше от больных.

– Да, лучше никого к ним не подпускать. Прямо хоть яму для них рой.

– Яму рыть придется, и весьма скоро.

– Неужели?

– Долго им не протянуть. Нам не удается их накормить. Если бы не волшебство, они бы давно уже умерли.

– Грейд Дрокер расстроится.

Младший из волшебников внезапно открыл глаза. Имени его Элс не помнил, а может быть, и вовсе не знал. Испуганный полубезумный взгляд остановился на Тейдже.

– Да Скес? Что вы здесь делаете? Где мы?

Он снова закрыл глаза.

– Это что еще за бред? – спросил Элс, надеясь, что сердце у него колотится не слишком громко.

– Не знаю. Быть может, воспоминания. Иногда из-за лихорадки такое бывает.

– Да, знаю. Вот проклятье! Со мной такое однажды было, в детстве. Вы отлично справляетесь. Если что-нибудь понадобится, обязательно дайте мне знать. Многого не обещаю, но… И выпихните отсюда капитана Горта как можно скорее. Он мне нужен.

С какой радостью Элс распорядился бы удавить двоих раненых волшебников, но увы.

– Поло, тебя ждет новая служба.

Поло не обрадовался. С того самого дня, как стало известно о смерти принципата Дивино, коротышку не покидало отчаяние. С показным смирением он готовился к худшему.

– Да ладно, все не так уж плохо, – утешил его Элс. – Будешь служить капитану Горту – точно так же, как служил мне. Если меня, конечно, все-таки сделают главнокомандующим.

– Но кто будет заботиться о вас, мой господин?

– Ко мне уже приставили сержанта Бехтера. Он из Братства.

– Бехтера? Но он же старик. И шпион.

Элс улыбнулся, вопросительно вздернув бровь.

– Господин, мне трудно будет привыкнуть к капитану Горту.

– Справишься как-нибудь. Поначалу привыкнуть непросто, но потом к нему прикипаешь.

– Хорошо бы не выкипеть.

– Как бы то ни было, решение принято. Потом, когда доберемся до Брота, можешь вернуться во дворец Бруглиони. Если пожелаешь.

По лагерю разлетелись новости: Грейд Дрокер при смерти и назначил Пайпера Хекта своим преемником. Никто не понимал,

почему вдруг умирающий военачальник так привязался к простому наемнику из Дуарнены.

Но Элс Тейдж видел в этом промысел божий.

В мгновение ока он сделался самым главным героем священного похода. Ведь их кампания теперь могла по праву считаться священным походом, потому что патриарх выпустил соответствующую буллу.

Булла эта ничего не изменила, но подчеркнула тот факт, что Безупречный V твердо намеревается развязать войну во славу своего бога.

Всем немедленно и срочно что-то понадобилось от Элса. В основном к нему являлись с прошениями, которые уже успел до этого отклонить Дрокер.

Элс во всеуслышание объявил, что если он и правда займет место волшебника, то будет придерживаться абсолютно той же политики. Разве что чуть облегчит жизнь дэвам: им и так пришлось тяжелее всех.

Тейдж больше не распоряжался своим временем. В редкие минуты затишья он со страхом вспоминал о раненых братьях из Ранча.

Начался дележ павшего Кальзира. Раз за разом Элс повторял всем и каждому, что не собирается разрешать споры ненасытных стервятников. Пусть с ними разбирается Безупречный, – в конце концов, это его война. Хотя настоящим победителем в ней вышел Питер Навайский. Теперь уже совершенно не представлялось возможным отобрать у него завоеванные земли. Когда страсти улеглись, стало ясно: Навая теперь являет собой не меньшую угрозу патриаршему Броту, чем ранее Граальская Империя.

Лотарь отлеживался в лазарете и был слишком слаб для путешествия. Его сестры каждый день отправляли в лагерь послов, но никто не обращал на них внимания. В имперском войске воцарился хаос, и девушкам приходилось несладко. Хотя Йоханнес и успел установить четкий порядок престолонаследия, многим это не нравилось.

Грейду Дрокеру внезапно стало легче. Спокойствие подействовало лучше всякого лекарства. Но Элс целых два дня не мог до него дойти.

Посреди ночи его разбудил сержант Бехтер.

– Все кончено, полковник. Мастера Дрокера больше нет. Он умер в мире с собой и с улыбкой на устах. Ничего не сказал перед смертью, но оставил письма и завещание.

– Он умер в одиночестве. Рядом был лишь ты. Как и всю его

жизнь.

– Не совсем. С ним был принципат Делари. Дрокер многого добился, многое сделал – хорошего и плохого. Мало кто может подобным похвастаться.

– Бехтер, давай только обойдемся без философствований, – попросил Элс. – Ты мне нужен. Нам предстоит разрешить множество вполне земных трудностей, о которых мне сейчас и думать не хочется.

– Тебе следует решить, что делать со всеми этими солдатами. Наш патриарх с радостью позабыл бы о них – теперь, когда они принесли ему победу. Уже появились первые дезертиры. Поживиться в этой кампании мало кому удалось, и кое-кто сам решил отправиться на поиски добычи.

– Займись этим. Любого дезертира, который вздумает нападать на местных или грабить их, будут судить как разбойника. Нашим солдатам нужно держаться вместе, только так полк сумеет вернуться в Брот и взыскать с Безупречного то, что с него причитается.

– Как пожелаешь.

– О смерти Дрокера уже стало известно?

– О ней знаем только мы с тобой да принципат Делари. Пока.

– Тогда до утра никому ничего не говори. Устраивает ли Братство в подобных обстоятельствах особую церемонию?

– Да. Но для этого нужно несколько братьев, а я один.

– А раненые братья из лазарета?

– Может быть. Я не привык выдумывать на ходу.

– Сержант, ты теперь за главного в местном ведомстве Братства. И, как любой уважающий себя солдат, наверняка не раз задумывался о том, как будешь себя вести на месте командира.

– Неохота мне, полковник, – усмехнулся Бехтер, – чтоб собралась толпа желающих объяснить мне, что я все делаю не так.

– Тут вся толпа – ты да я.

– Хм.

– Вначале Дрокер мне не особенно приглянулся. Слишком уж суров. Но постепенно я проникся к нему уважением. Займись церемонией. Если нужны те двое из лазарета, привяжем их к лавкам.

На лице Бехтера явственно отразилось негодование.

– Прости, но, если они нужны для церемонии, лучше поторопиться. Долго им не протянуть.

На церемонии прощания с Дрокером присутствовали лишь Элс Тейдж, Редферн Бехтер, едва живые братья из Ранча, Брот Донето и принципат Муньеро Делари. Дрокер, как выяснилось,

был третьим из тринадцати высших чинов Братства Войны. Еще на церемонию явился Оса Стил. Нестареющий юнец с весьма довольным видом сидел в темном углу. Этот пройдоха нашел себе тепленькое местечко под рясой у самого могущественного волшебника коллегии – принципата Делари.

– А почему здесь Делари? – шепотом спросил Элс у Донето.

Бронт Донето решил обращаться с ним как с равным. Во всяком случае, пока Безупречный не вздумает наплевать на последнюю волю Дрокера.

– Он – отец волшебника.

Элс некоторое время переваривал эту новость.

– Об этом не все знали. Когда родился Дрокер, Делари был еще совсем мальчишкой, но уже в сане епископа, поскольку принадлежал к знатному семейству. Официально он Дрокера так и не признал, но об их родстве было известно. Принципат обеспечил сыну достойное образование и помог вступить в Братство. А там Дрокер уже сам пробил себе дорогу.

Элс молчал. Нужно все хорошенько запомнить: вполне возможно, потом пригодится. И даже довольно быстро, если учесть, как ухмыляется ему Оса Стил, когда никто не видит.

– Весь вопрос в том, – продолжал Донето, – примет ли тебя Делари так же, как принял Дрокер. Этот старик может тебя возвысить.

Что вполне объясняло хитрые взгляды Осы.

Казалось, церемония не закончится никогда. Впоследствии Элс почти ничего не мог вспомнить. Он выполнял роль обычного свидетеля. Когда все наконец завершилось, принципат Делари вдруг начал спорить с сержантом Бехтером. Дрокер четко указал в завещании: тело его надлежит сжечь, а пепел развеять, чтобы какой-нибудь волшебник не смог воспользоваться останками в своих гнусных целях.

Делари воспротивился. Пронзительным и тонким голосом он ссылался на епископальные заветы, но было совершенно очевидно: дело вовсе не в них. Просто, несмотря даже на вполне обоснованные опасения Дрокера, принципат не желал отпускать сына, которого так толком и не узнал.

Элс вмешался и вежливо разъяснил Делари, что, хотя всем и не нравится подобная идея, у них нет ни морального, ни законного права нарушить волю покойного. Этим они лишь навлекут на себя гнев Братства. Потом он отправился проследить, чтобы раненых братьев отнесли обратно в лазарет.

– Он вдруг неожиданно очнулся и стал бредить, – пожаловался Элс главному лекарю. – Куда-то рвался, кричал, что

за ним гонятся демоны, а потом упал и потерял сознание. Я сразу же притащил его сюда.

Младший из двух братьев не дышал, но лекарь быстро сумел это исправить. Раненый тут же начал причитать о некоем да Скесе. По дороге к лазарету Элс подумывал избавиться от опасных свидетелей, но не решился: слишком уж много вокруг людей. Лагерь бурлил, все собирались в путь. Еще не отдано было заветного приказа, но слухи множились.

Лекарь укоризненно покачал головой и мрачно осведомился:

– Как прошла церемония?

– Хорошо.

– А кто будет провожать в последний путь этих двоих?

– Не знаю. Это уже забота сержанта Бехтера.

Усталый Элс вернулся в свое новое жилище, собираясь перепоручить все дела сержанту, но там его ждал гость, которого пришлось выслушать.

– Феррис Ренфрау. А я слышал, вы умерли – пали смертью храбрых, защищая наследного принца.

– Жаль рушить твои мечты. Да и не только твои.

– А что мне мешает осуществить эту мечту прямо сейчас?

– Да, признаю, сейчас у тебя преимущество. И все же, думаю, в твоих интересах мне помочь.

– Послать за лекарем? – поинтересовался Элс.

Было совершенно очевидно, что Ренфрау здорово пострадал в той схватке, когда пленили Лотаря, и оправиться еще не успел.

– Не надо. Не думай, я не рисуюсь, но со мной случались переделки и похуже.

– Разумеется, – пожал плечами ша-луг. – Выбор за вами.

– Наверное, следует тебя поздравить. Ты чудесным образом всего добился.

– Просто выполнял свою работу. Я обычный солдат.

– Да. Хорошо. Оставим эти игры. У меня мало времени, и я в полной твоей власти.

– Не терпится услышать подробности.

– Не сомневаюсь.

– Так что же?

– Мальчишка, Лотарь. Он еще здесь?

– В лазарете. Его надежно охраняют и не отпустят, даже если я скажу. Он слишком ценен.

– В нашем лагере полный хаос, – признался Ренфрау. – Никто не желает склониться перед двумя девчонками.

– Темная ночь, острый клинок.

– Быть может, и придется кое-где прибегнуть к этим методам.

Но убийствами людей к себе не расположить. Гораздо лучше действуют уговоры, шантаж, взаимная выгода.

Элс вопросительно поднял бровь.

– Именно это я и предлагаю.

– Мне остается только слушать. Остальное – не в моей власти.

– Проклятье! Ты – главный патриарший полководец, – усмехнулся Ренфрау. – А еще, бог знает почему, новоиспеченный приемный сын третьего человека в Братстве Войны, который, в свою очередь, был тайной отрадой отца-принципата. А если учесть, что на ухо этому самому отцу нашептывает Оса Стил, он, вероятно, будет тебе покровительствовать.

– Что-то вы разволновались. Кто такой Оса Стил?

Ренфрау смерил его гневным взглядом.

– Какой же ты упрямец! – после долгой паузы сказал он. – Это уже порядком меня утомило. Оса Стил – любовник принципата Делари. Тот самый, что раньше ублажал епископа Серифса.

– А, Арманд. Вы меня совсем запутали.

– Играешь в свои игры, но у меня нет на них времени. Послушай, если Лотарю Иджу чудесным образом удастся выскользнуть из лап Безупречного, Граальская Империя будет тебе весьма благодарна.

– Благодарность – вещь недолговечная. Иначе я никогда не покинул бы родные края. И скорее всего, уже давно погиб бы. В Великих Болотах нелегко уцелеть. Говорят, льды надвигаются.

Элс не мог удержаться: ему доставляло особое удовольствие пересказывать свою выдуманную историю тому единственному человеку, который нисколечко в нее не верил.

– Довольно. Ты знаешь, чего стоило слово Йоханнеса. Ты опытный воин, действуешь методично и примечаешь подобные вещи.

Элс утвердительно крякнул.

– Йоханнес мертв, но я – нет, – сказал Ренфрау.

– Интересующие вас пленники находятся в лазарете, в самом маленьком бараке. С ними вместе там лежит еще несколько человек, они вам не нужны, но если эти люди вдруг исчезнут тоже, все весьма озадачатся.

Ренфрау прижал к губам сцепленные пальцы:

– Значит, если шайка праман посреди ночи выкрадет всех пленников, она тем самым на какое-то время запутает ваших принципатов.

– А Граальский император будет мне должен.

– И равновесие изменится в твою пользу, – кивнул Ренфрау.

– Вам следует тщательно рассчитать время. Здесь некоторые с

Орудиями Ночи накоротке. А в имперских войсках вроде с этим неважно.

– Собрались яйца курицу учить, – пробормотал Ренфрау.

– Займитесь заодно теми, кто донимает Ганзелевых дочерей.

Удивленный Ренфрау, прищурившись, посмотрел на Элса, явно гадая, что же тот имеет в виду.

– И неплохо бы еще отвлекающий маневр, – предложил тот.

– Неплохо, если бы погоня не особенно торопилась.

– Хорошо. Попробую устроить.

Когда Ренфрау все-таки устроил свой налет, Элс спал. К тому времени он уже устал ждать. Феррис напал, лишь когда в лагере воцарилась совершенная неразбериха из-за предстоящего выступления. Сначала все решили, что отчаявшиеся прамане пытаются выкрасть съестные припасы.

Элс сделал себе мысленную пометку на будущее: агенты Ренфрау – прекрасные разведчики.

Трое раненых солдат, захваченных вместе с Лотарем, не перенесли побега и умерли, не успев выбраться из лагеря. Как и двое праманских вельмож. Отбыли в мир иной и оба рыцаря Братства из Ранча. Налетчиков заботило лишь благополучие принца.

Элс поздравил себя с тем, как гладко все прошло.

Он считал оставшиеся до Брота дни и отправил с полковым гонцом вести Анне Мозилле.

41

Назад в утробу тьмы

Свавар мчался как ветер, молниеносно перебирая хитиновыми лапами, и едва замечал шарахавшихся от него в ужасе зверей и людей. На землю опустилась ночь, на смену ей пришел день, и снова ночь. Позади оставались реки и горы. Лишь через неделю голод и усталость одолели его. Тогда же к нему вернулся рассудок.

Он снова обрел прежний облик и стал Асгриммуром Гриммсоном. В Фрисландии теперь круглый год царила зима, и обнаженного Свавара тут же затрясло от холода. В этом обличье он почти не отличался от себя прежнего, разве что чуть обострились чувства, прояснился разум и ускорились рефлексы. Но он сделался чем-то гораздо бóльшим, чем стурлангер и разбойник Асгриммур Гриммсон. Превратился в неведомое и жуткое создание.

Фрисландия сильно изменилась. Принявшие новую веру фрисландцы стали похожи на жалких хнычущих баб. Даже без одежды, доспехов и оружия он без малейшего труда раздобыл себе еду и ночлег, насмерть перепугав попавшихся на пути крестьян.

Когда Свавар снова принял облик насекомого, по округе, словно круги от брошенного в воду камня, разошелся ужас. Ужас пришелся ему по душе. На его месте Грим был бы на седьмом небе от счастья. Брату всегда нравилось мучить других, Свавару же еще только предстояло выучиться наслаждаться чужим страхом и горем.

Становилось все холоднее, и он двигался теперь гораздо медленнее: богомолы плохо переносят мороз.

Чем дальше он шел, тем пустыннее становилась земля. Людей почти не было. На пути его встречались брошенные дома и даже целые вымершие деревни. Летом фрисландцы больше не могли вырастить урожай.

Со временем он понял, что может принимать разные формы – не только насекомого. Несколько недель кряду Свавар превращался во все, что только мог себе представить. Некоторые обличья были удобными, другие – страшными. Когда-нибудь он сумеет обернуться драконом – огромным, черным, извергающим пламя драконом с острыми когтями и клыками.

Когда менять личины наскучило, Свавар вспомнил о своей

цели.

Асгриммур добрался до Гроднирова мыса, теперь необитаемого и заброшенного, обратился в моржа, дополз по льду до полыньи и нырнул в море где-то к югу от Орфланда. Пролив между материком и островами постепенно замерзал. Уровень воды понизился на несколько ярдов. Интересно, насколько обмельчало море?

Раньше в этих водах кишмя кишел морской народец, но теперь их почти не осталось. Три дня рыскал Свавар по волнам, пока наконец не нашел последнее поселение в небольшой бухте на западном берегу маленького скалистого островка в тридцати милях от большой земли. В бухте сохранился крошечный источник силы, и потому здесь было немного теплее.

Эти жалкие остатки силы согрели его, будто теплое солнце весенним утром. Свавар не знал, какой приятной может быть сила, насколько могучим она способна его сделать.

Морские люди боялись его и считали великим божеством. Теперь Орудия Ночи нечасто являли себя миру. Духи послабее покинули Фрисландию – бежали или оказались погребены под слоем льда.

Свавар пытался с ними договориться, обещал не причинять вреда и даже вызвал целый косяк трески, зная, что в этих краях и рыба теперь редкость. Спустя некоторое время он обратился к морскому народцу:

– Где-то в море, недалеко отсюда, есть ворота, ведущие в чертоги богов. В царство Старейших.

Морской люд испуганно примолк.

– Внимающий сгинул. Арленсуль и Спренгуль сгинули. Как только я доберусь до Небесной Крепости, сгинут и остальные.

Но никто здесь ничего не знал о Старейших. Северные боги не являлись вот уже много веков. Наверное, догадался Свавар, с тех самых пор, как еще в стародавние времена отряд воинов из Андорегии двинулся на юг.

И теперь он был единственным божеством, которого боялся морской народец.

Трое юношей с большой неохотой отправились показывать Свавару то страшное место, где, по легендам, находился вход во владения богов. Гавань Теней – так они его называли.

Свавар-морж заплыл в божью гавань. Вода здесь была теплой от просачивающейся в нее силы. Но ближе к поверхности ощущалось прикосновение холодных струй. Очертания берега казались немного расплывчатыми, словно он смотрел на него через мутное стекло.

Морж неуклюже выбрался на сушу и снова превратился в Асгриммура Гриммсона. Его тут же окружили гномы с одеждой в руках. И одежда эта оказалось ему впору. Он не удивился.

Вдалеке возвышалась гора. Небесная Крепость на ее вершине казалась смутным видением, окутанным тончайшей паутиной. Но гномы были вполне реальными. И к тому же испуганными.

Свавар напряг память. В прошлый раз они, кажется, не разговаривали. Да и в мифах о них почти не упоминалось. Это были элен-коферы – искусные мастера, делавшие волшебные диковинки, о которых и слагались легенды. Если кто-нибудь обращался с ними плохо или пытался обмануть, гномы могли сильно насолить.

– Ты Предреченный? – спросил самый дородный, самый косматый и самый седой гном.

– Кто? Да что тут творится?

– Конец времен.

Больше старик ничего не сказал и не ответил ни на один вопрос. Его товарищи, похоже, вообще страшно удивились, что он решился открыть рот.

Свавар прислушался к себе, ощутил внутри гнев и выпустил его наружу. Потом он взобрался на гору, а гномы следовали за ним по пятам.

Горная дорога пришла в упадок, возле радужного моста никто не стоял на страже. Да и сам мост сильно потускнел. Ни один обычный смертный не смог бы по нему пройти. У разваливающихся ворот тоже не было часовых.

Внутри почти ничего не изменилось. Быть может, крепость сделалась чуть мрачнее, но, в отличие от всего остального, оставалась вполне осязаемой и плотной. А еще выглядела давно заброшенной.

Свавар покопался в украденных воспоминаниях, чтобы понять, куда идти. Одной лишь силой мысли он перенесся в Покои Героев. Сотни мертвецов, так и не успевших пройти сквозь черную мандалу, все еще лежали здесь. Тела их были изувечены, руки и ноги у многих оторваны. Свавара охватило столь нестерпимое отвращение, что померкла даже его неугасимая ненависть. Он поклялся отомстить за этих жалких калек и выпустить их на свободу.

Где-то здесь был пиршественный зал, там собирались северные боги. Он никак не мог вспомнить, как туда попасть. Но почему? Он должен помнить. Ведь он бог. Ну даже если и не бог, то Орудие Ночи точно. Иначе как бы он смог менять обличья в таком месте, как это? Да еще в голове у него хранились чужие воспоминания. Эту крепость ему следует знать как свои пять

пальцев… А, все ясно. Здесь осталось еще около десятка богов – тех, что не погибли под Аль-Хазеном. Прячутся, пытаются отвести ему глаза.

Свавар материализовался прямо там, где, скорчившись от страха, притаились Старейшие. Здесь не было ни потолка, ни пола, ни стен – просто темное затянутое дымом пространство. Боги, вернее, их личины ничем не напоминали героев из людских мифов, но он все равно их узнал.

Один лишь Прохвост не казался испуганным – думал, ему как всегда, удастся вывернуться.

Свавару на своей шкуре пришлось изведать, что долго зревший в душе гнев – неважное оружие против тысячелетнего опыта.

Это была жестокая схватка. Никто из противников не сказал ни слова. В конце концов Свавар отступил, поджав хвост и быстро перебирая оставшимися ногами.

Но и Старейшим досталось. Всем, кроме Прохвоста, который наблюдал за битвой со стороны. Небесная семейка уцелела, хоть и с трудом.

Кое-чьи знания Свавар все же прихватил с собой.

Гномы ждали на радужном мосту, который они успели слегка подлатать. Тот самый дородный косматый старик сказал Свавару:

– Оставайся пока многоножкой. Человеку такие раны не пережить.

Шло время. Подпитываясь разлитой в гавани силой, Свавар исцелился. Обитель богов становилось все более хрупкой и расплывчатой, но сами боги никуда не делись – они по-прежнему прятались в крепости.

Полностью оправившись, Свавар снова поднялся на гору. В живых к тому времени осталось лишь одиннадцать Старейших. И они все больше слабели. Герои начали разлагаться. Больше Тирания Ночи не сможет их терзать, наконец-то воины обрели свободу и смогли окончательно умереть.

Старейшие заперты в своей Небесной Крепости, как в мышеловке, догадался Свавар. Как и почему это произошло – неясно. Возможно, это дело рук элен-кофероов. Ведь именно они построили божественную обитель. И вот наконец спустя столько лет им представился случай сполна взыскать по счетам.

Четырежды взбирался Свавар на гору. И каждый раз все шло не так, как он ожидал. Но Асгриммур не боялся. В жизни редко выходит, как задумано.

Старейшие слабели, а Свавар понемногу пожирал их знания.

Прохвост пытался прибегнуть к своим уловкам, но безуспешно. Свавар упрямо не желал заключать никаких сделок. Он подозревал, и не без причины, что именно посредничество Прохвоста заставило Арленсуль уступить смертному Геданке. Она ничего не забыла. Теперь Похитительница Павших жила внутри Свавара, словно призрак, и ее по-прежнему терзали ненависть и гнев.

Небесная Крепость мерцала в низко нависших небесах. В последний раз поднялся на гору Свавар. Но радужного моста больше не было. Элен-коферы просто перестали его чинить.

Гномы знали, что Небесная Крепость осталась для своих обитателей реальной и осязаемой, но снаружи все истончалось и таяло. Скоро вся обитель богов исчезнет, а Старейшие окажутся внутри постепенно уменьшающегося пузыря, из которого им не выбраться.

Свавар обрадовался, хотя живущая в нем частица Арленсуль жаждала остаться и насладиться их последними отчаянными и безумными криками.

Вода в гавани сделалась ледяной. Свавар отплыл прочь от берега. Гномы уже успели отчалить на позолоченной ладье.

У него осталась только одна цель – найти в андорежском море крохотный теплый источник силы.

42

Коннек, возвращение

Коннекские воины покинули остров Шиппен, когда закончились весенние штормы, и безо всяких приключений через двенадцать дней высадились в Шивенале. Брат Свечка и остальные священники совершили это путешествие на борту «Таро» – того же самого парусника, на котором они приплыли на юг. Насколько мог заметить Свечка, корабельная команда и весь коннекский отряд потеряли лишь несколько человек, и те погибли не в бою с кальзирцами, а из-за болезни или по случайности.

В Коннеке происходили большие перемены. Монах понял это еще в порту. Повсюду по трактирам и кабакам ошивались вооруженные громилы в доспехах из дубленой кожи. Изъяснялись они на чужеземном диалекте. Их наняли влиятельные богатые семейства, которые заправляли в Шивенале и присягали на верность кауренским герцогам.

Герцог Тормонд в очередной раз продемонстрировал свою знаменитую нерешительность и не смог отстоять честь коннекского народа и законного патриарха перед бротскими выскочками. Его слабохарактерность начала приносить горькие плоды. Все – от забияк-дворян и рыцарей, принимавших участие в резне у Черной горы, до зажиточных купцов – нанимали вооруженных головорезов. Делалось это якобы для защиты от посягательств бротской церкви. Но, обзаведясь собственной дружиной, богачи не могли устоять перед искушением и принимались мстить за старые обиды.

Тормонд никак не мог помешать им попрать закон, пренебречь вассальными обязанностями и нарушить издавна царивший в Коннеке мир. А ведь все это можно было подавить в зародыше. Хуже всего повел себя епископ Ришено. Пока граф Реймон пропадал в чужих краях, он успел обзавестись тремя сотнями головорезов, якобы чтобы карать врагов церкви.

Мате Ришено едва ли отличался от своего сластолюбивого и жадного предшественника. Одно время он даже был в числе фаворитов у Анны Менандской.

В священном походе граф Реймон, конечно, возмужал, но с ним вместе возмужала и его самоуверенность. Домой в Антье юноша вернулся в начале лета и на следующее же утро, когда

солнце только-только поднялось над восточными холмами, напал со своими воинами на бывшее поместье Серифса, где теперь обитал Ришено. Епископских телохранителей было больше, чем графских приспешников, но Гарит все равно одержал сокрушительную победу и учинил кровавую расправу. Поместье сожгли, самого епископа судили (суд занял не более десяти минут), а потом похоронили заживо, закопав головой вниз.

Граф Реймон возмужал, но так и не понял, что такого рода выходки никогда не оказывают должного воздействия на тех, для кого предназначалось представление.

По его приказу конфискованное епископом имущество вернули бывшим владельцам, а всех священников бротской церкви выдворили из Антье. Некоторые из них сильно пострадали, но никому не было до этого дела. Затем граф обрушил свой гнев на пособников Ришено.

Брат Свечка едва успел обустроиться в доме пекаря Скарре, когда Каурен загудел от антьенских новостей.

Совершенный заплакал.

Отчаяние и горе, предсказанные им два года назад, вот-вот должны были захлестнуть Коннек.

Когда к монаху вернулись мужество и хладнокровие, он возобновил работу, начатую два года назад в Сен-Жюлезе-анде-Нье.

Ищущим свет и их соседям следовало подготовиться к стремительно надвигающейся тьме.

43

Брот, последний глоток летнего вина

Элс в изнеможении раскинулся на кровати Анны. Почему он явился именно сюда, к ней? Ведь мог же отправиться в Кастелла-доллас-Понтеллас и нырнуть в объятия сладкого сна.

Но у Анны Мозиллы было кое-что, чего не мог предложить Редферн Бехтер.

– Ну? – спросила она и, не дождавшись ответа, вздохнула. – Вижу, нелегко тебе пришлось. Расскажи. Видел патриарха?

– Видел.

– Каков же он вблизи?

– Не такой, как ты думаешь. Издалека Безупречный кажется выше, а вблизи похож на коротышку-лавочника, который пьет горькую и закусывает чесноком. Его не занимает, чем живут его подданные, поэтому среди них всегда будут процветать пороки.

– Дорогой, это всем известно. Вот уже восемьсот лет при дворе патриархов процветают пороки. Ты чего-то недоговариваешь.

– Мне предложили новую должность. Теперь я главнокомандующий патриарших войск. Пинкус в восторге, Бронт Донето и Палудан Бруглиони в восторге, Саяги и клан Арньена в восторге. Принципат Делари счастлив. И только меня терзают сомнения.

– Ты слишком много думаешь. Лучше вздремни, а я приготовлю что-нибудь вкусное. Потом отпразднуем.

– Я сделался чересчур заметной персоной, – продолжал Элс, будто не слыша ее. – Многие обратят на меня внимание. Мои якобы соотечественники из Дуарнены не узна`ют меня.

– Слишком много думаешь, – повторила Анна, целуя его в лоб. – Ну и пусть не узна`ют. Многие наемники, оказавшись в Броте, врут о своем прошлом. И всем плевать, кто ты, лишь бы здесь не наломал дров.

Анна была права, но ее слова Тейджа не успокоили.

– Я волнуюсь из-за принципата Делари. Слишком сильный он проявляет ко мне интерес.

Да, это действительно весьма беспокоило Элса. Почему Делари решил вдруг ему покровительствовать?

– Может, хочет, чтобы место его сыночка занял настоящий мужчина?

– Нет! Это как с Грейдом Дрокером: под конец и он почему-то

ко мне привязался. Только тут еще хуже. Кое-кто обратил внимание. Стал задавать вопросы.

– Ты просто не можешь спать спокойно, если все идет гладко?

Элс замолк.

– Не совсем гладко, – признался он наконец.

– А вот это мне уже не нравится.

– Да. Патриарху понадобилось всего две минуты, чтобы назначить меня командующим. А потом мы обсуждали Коннек. Он готов говорить о нем часами.

– Так он все еще?..

– Да.

– Многие возмущаются, что Безупречный до сих пор не расплатился с долгами за кальзирский поход.

– Может, лишь поэтому он пока и медлит? Но коннектенцы дали ему прекрасный повод. Глупцы. Они убили епископа Антье.

– Это уже второй. Видимо, Антье весьма располагает к злоупотреблениям.

– Нет, – отозвался Элс, вспоминая город, – все дело в людях, которых отправляет туда Безупречный. Они развращены и жаждут наживы. Коннекский граф вернулся из Кальзира, обнаружил, что Ришено пытается прибрать к рукам все уцелевшее после нашего похода, и прикончил епископа.

– Получается, этот самый граф оказал всем большую услугу.

– Разумеется. Но Ришено был старинным приятелем Гонарио Бенедокто и к тому же имел связи при аргендском дворе. А значит, теперь аргендцы будут мстить Коннеку. А ведь именно этот граф в свое время учинил резню у Черной горы.

– Безупречный надеется на Аргенд.

– Видимо, да, – ответил Элс, удивившись прозвучавшим в ее голосе ноткам.

У Тейджа слипались глаза и путались мысли, но он упрямо не хотел засыпать.

– Может, патриарх именно поэтому и отправил туда Ришено? Надеялся, что вспыльчивый граф попадется на его уловку и даст повод для нового священного похода?

– Об этом я не подумал, – сонно отозвался Элс. – Вполне возможно.

Веки словно налились свинцом.

– Поспи, а я пойду в кухню…

Больше Элс ничего не слышал.

Анна изо всей силы толкала его в бок:

– Проснись!

Ша-луг в панике вскочил, не понимая, где находится:

– Что случилось?

– Ты стонал и разговаривал во сне. И кричал.

– Мне снился сон.

– Наверное, кошмар.

– Не знаю. Не помню. Что-то про детство. Мама… Сестра…

Элс не говорил ей, что эти странные сны преследуют его с самого разгрома Орудий Ночи под стенами Аль-Хазена.

Кошмары терзали не его одного. Гледиус Стьюпо наложил на себя руки.

Элс надеялся со временем излечиться, думал, что жуткие мучительные воспоминания отступят, канут в ту темную часть подсознания, где пребывали долгие годы.

Он не хотел ничего вспоминать. Слишком много боли таилось в прошлом. Гораздо проще сосредоточиться на будущем и трудиться, доводя себя до изнеможения и забыв обо всем.

– Как ты?

– Со мной все в порядке. Не знаю, почему вдруг воспоминания стали преследовать меня. Я мало чего боюсь, но эти сны пугают.

Анна задумалась.

– Может, воспоминания вернулись, потому что ты боишься снова потерять семью?

– Что?

– Наверное, очень страшно, когда тебя, еще совсем маленького, похищают у матери и продают в рабство. – (Элс успел рассказать Анне почти всю свою историю.) – Ты привязался к своей школе, товарищам, ша-луг стали твоей второй семьей. А теперь ты боишься, что эта семья отвергла тебя.

Элс в изумлении уставился на нее. Как же так? Ее слова вызывали неприятие, их хотелось опровергнуть, оспорить, но он чувствовал, что она почти попала в цель.

– Давай больше не будем об этом. Как там ужин?

– Поэтому я тебя и разбудила. Ужин на столе, все стынет.

– Тогда идем. Умираю с голоду.

Сны повторялись. Вот сейчас, еще немного – и Элс сумеет наконец разглядеть лица матери и сестры. Герис? Отец ему никогда не снился.

И снова его разбудила Анна, и он проснулся, не понимая, где находится. Пальцы вцепились в одеяло, будто оно могло защитить от притаившейся внутри Ночи.

– Там пришел какой-то человек, требует тебя.

– Кто?

– Не знаю. Не пожелал назваться. Говорит, что-то важное,

уходить отказывается. У него сильный акцент. Решай сам. И спровадь его поскорее, у тебя еще тут дела. – Анна бесстыдно качнула бедрами.

Стряхивая на ходу остатки сна, Элс подошел к двери. Наверное, гонец из Кастеллы: опять они там боятся принять какое-нибудь пустяковое решение. Но нет, этого человека он видел впервые.

– Кто вы? Что я могу для вас сделать?

Посланец, судя по внешности северянин, был красив и очень молод, но его голубые глаза, цепкие и внимательные, принадлежали опытному воину. Под правым глазом и на левой руке виднелись небольшие шрамы. Он прищелкнул каблуками и чуть склонил голову – аристократ, отдающий дань уважения полководцу, вышедшему из низов.

– Риттер вон Грейгор. К вашим услугам, главнокомандующий.

Любопытно. О его новом назначении еще не объявили официально. Значит, у Грейгора хорошие связи. Судя по имени и акценту, он из Граальской Империи. Вероятно, связан с Феррисом Ренфрау.

– Приветствую вас, Риттер вон Грейгор. Чем могу служить в этот неурочный час?

– У меня для вас донесения, – чуть раздраженно отозвался Грейгор. – Срочные.

Юноша вынул толстый кожаный футляр с печатью императорского дома. Элс с опаской взял депеши. Грейгор не двигался с места, словно ожидая немедленного ответа.

– Что-то еще?

Посланец казался уязвленным. Он, по всей видимости, был о себе весьма высокого мнения. Да, опытный воин, но на какой войне воевал? Такие шрамы можно заработать и на дуэли.

С явной неохотой Грейгор протянул еще один футляр, на этот раз тонкий. На потертой коже едва можно было различить герб дома Фрахтов и Турненов – основателей и владельцев почтовой службы, действовавшей по всей империи и на чалдарянском западе.

Элс взял и второй футляр.

– Ответ можете сообщить мне лично. Найдете меня в Пенитале. Через три дня я отбуду в Племенцу. – Грейгор снова прищелкнул каблуками и кивнул, давая понять, что визит окончен.

Рядом со стоявшей неподалеку каретой его ждали телохранители.

– Кто это был? – поинтересовалась Анна, как только Элс

запер дверь.

Наверняка подслушивала.

– Имперские депеши. Ничего срочного. – А сам подумал: наверняка специально явились ночью, чтобы не привлекать внимания. – Этого гонца просто распирало от собственной важности.

– Опять наладили морское сообщение с Дринджером, и сегодня утром удалось купить немного кофе. Сварить тебе?

– Непременно.

Элс опустился в удобное кресло и с тревогой поглядел на кожаные футляры. Открывать их не очень-то хотелось.

В первом лежали письма от императора Лотаря и Ферриса Ренфрау. Послание от Ренфрау, в отличие от императорского, его совершенно не удивило.

А во втором футляре пряталось то, чего Элс так опасался, – письмо от Элспет Идж, официальное послание, написанное твердой и уверенной рукой. Его наверняка вскрывали, и девушка это предвидела. В само́м письме не было ничего необычного: благодарность за столь своевременную помощь в Аль-Хазене и за спасение брата, беспокойство по поводу здоровья Лотаря – пустые, ничего не значащие слова, какие и ждешь от богатой высокородный девицы, не имеющей ни малейшего понятия о том, что из себя представляют другие люди. Самое важное читалось между строк: Элспет было страшно и одиноко.

Само то, что она решилась ему написать, говорило о многом.

Элс одернул себя. Просто избалованная девчонка наслушалась любовных баллад коннекских трубадуров. Красивых сказочек о настоящей любви – такой, как любовь Геданке и Арленсуль. И все равно письмо его взволновало.

– Ну, что там? – спросила Анна, в ее руках был поднос с кофе.

– Главный императорский шпион снова пытается меня завербовать. Новый император благодарит за спасение, а его сестра – за то, что я выручил ее, когда на них напали мертвые воины.

– Я-то думала, ты выручал Пинкуса.

– Конечно. Но ей-то зачем об этом знать? В любом случае ничего важного.

В своем письме Элспет мимоходом упомянула о болезни брата. Это сулило новые неприятности.

– Значит, тот тип еще чего-то хотел, раз заявился сюда в такой час.

– Наверняка.

– Посмотреть на меня? Выяснить, насколько ты уязвим в моем доме?

– Не знаю. Мы с этим разберемся. Погоди, вот дочитаю письмо Ренфрау, а потом закончим наше с тобой дело.

– Поспеши, любимый.

Элс торопливо дочитал письмо. Новости ему совсем не понравились.

Лотарь намерен был и впредь поддерживать Безупречного V, если тот, в свою очередь, не отступится от установленного Йоханнесом Черные Сапоги порядка престолонаследия.

– Ты закончил?

– Только начал, дорогая.

Он сказал Анне то, что та хотела услышать, но мыслями его всецело владела в тот момент Элспет Идж.